ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ
XVIII ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(27-28 апреля 2023 г.)

Часть 1

НОВОСИБИРСК 2023

УДК 34 (470+571) (063)
ББК 67 (2Рос), я 431
Г 945

Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы XVIII всерос. студ. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 27-28 апр. 2023 г.) Ч.1./ Новосиб. гос. аграр. ун-т. Юрид.фак. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос». – 2023. – 388 с.

В сборник включены тезисы докладов и научные статьи студентов, магистрантов высших учебных заведений, аспирантов, принимавших участие в XVIII всероссийской студенческой научно-практической конференции (Новосибирск, 27-28 апреля 2023 г.).

Рассмотрены актуальные проблемы теории и истории государства и права, уголовного права и уголовного процесса, гражданского права и гражданского процесса, трудового, административного, а также философские, социально-политические и культурно-исторические проблемы защиты прав человека в современной России.

Сборник утвержден и рекомендован к изданию методическим советом юридического факультета.

© Новосибирский государственный аграрный университет, 2023
Входит в РИНЦ®: да

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОВЕТА ЕВРОПЫ, СТРУКТУРЕ И ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Демарев Максим Сергеевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор

Совет Европы по праву занимает уникальное место на международной политической арене и является старейшей международной организацией, призванной укреплять сотрудничество в Европе, защищая и продвигая права человека, демократию и верховенство права. Со времени своего создания Совет Европы постоянно развивался, добиваясь достижения своих целей. Он реагировал на исторические изменения политического и социального ландшафта и появление в Европе новых угроз правам человека. Совет был одной из первых международных организаций, открывших двери для стран Восточной Европы. Им были разработаны новые международно-правовые акты для решения таких проблем современности, как киберпреступность, преступления в сфере здравоохранения, международный терроризм и торговля людьми.

Первое, о чем необходимо отметить, так это о корнях идеи «европейского объединения» которые восходят к периоду домонополистического капитализма. В зависимости от конкретной исторической обстановки объединительные проекты подобного рода преследовали экономические, политические или военные цели. Отправной точкой современной объединенной Европы в теоретическом, и практическом плане можно назвать выдвижение плана «Пан-Европы» в 1923 г., характеризуемого как зарождение «панъевропейского движения» графа Рихарда Куденхове-Калерги (1894–1972 гг.), выступившего с проектом создания «европейской федерации» путем экономического и политического объединения стран Европы. Первая мировая война с ее ужасами, с которыми ранее не сталкивались европейские государства, стала своеобразным катализатором, выведшими идею объединения Европы на общественно-политический уровень. Однако непосредственное начало реализации планов по созданию «Объединенной Европы» можно считать с начала 1940-х гг., когда У. Черчилль, будучи Премьер-министром Великобритании написал министру иностранных дел кабинета А. Идену о желании видеть европейскую семью народов, действующую объединено, как тему о которой он заявил в радиообращении 21 марта 1943 года и на встрече в Квебеке с президентом США Ф. Рузвельтом. В 1946-1947 гг. под воздействием выступления Черчилля в Цюрихе во многих европейских государствах возникли общественные организации, впоследствии составившие Движение за объединение Европы. Так, на базе многочисленных организаций в Париже был учрежден международный координационный комитет Движения за объединение Европы, который в мае 1948 года организовал конгресс Европейскою движения в Гааге. К моменту начала работы конгресса были достигнуты определенные успехи в продвижении к европейскому единству через практику международного экономического сотрудничества и межправительственных консультаций: создан таможенный союз Бельгии, Голландии и Люксембурга. образована Организация Европейского экономического сотрудничества. В октябре 1948 г. в Париже начались переговоры комиссии членов Брюссельского пакта, заключенного в марте 1948 г. между Великобританией, Францией, Бельгией, Люксембургом и Нидерландами. Английскую делегацию возглавлял Х. Дальтон. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо внес предложение о создании консультативной Ассамблеи представителей парламентов стран-участниц будущего Совета. Проект вызвал оппозицию британской стороны, полагавшей, что прежде создания представительных политических органов Европа должна пройти долгий путь сотрудничества в различных сферах. Вместо представительной Ассамблеи был предложен вариант создания комитета министров. 5 мая 1949 г. участники Брюссельского пакта и пять приглашенных государств подписали в Лондоне Устав Совета Европы. Согласно Уставу, парламентская Ассамблея оказалась полностью подчиненной комитету министров. К компетенции последнего относилось: утверждение повестки дня Ассамблеи и одобрение принятых ею резолюций рекомендательного характера, прием новых членов, утверждение бюджета, контролирование работы Секретариата, определение представительства и взноса участников. Решения комитета министров принимались единогласно, что давало каждой стороне право вето. Устав Совета Европы запрещал любые дискуссии по вопросам обороны, обязывал комитет министров при утверждении повестки дня исключать те вопросы, которые относятся к компетенции Организации Европейского экономического сотрудничества и Организации Брюссельского договора [1]. Таким образом, созданный Совет Европы стал широким форумом для дискуссий по различным европейским проблемам, способствовал пропаганде объединения европейских стран. В самой идее Совета Европы были заложены большие возможности для создания «Европейского политического союза».

Цели, организация работы и структура Совета Европы. Правовой основой деятельности Совета Европы стал Устав, подписанный 5 мая 1949 г. в Лондоне двенадцатью государствами-учредителями, международные договоры, заключенные организацией с государствами-членами (Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы 1949 г. (ETS №002), Протокол к Генеральному соглашению о привилегиях и

иммунитетах Совета Европы 1952 г. (ETS №010), Третий и Шестой протоколы к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы 1959 г. (ETS №028), 1996 г. (ETS №162) соответственно), а также внутреннее право, регулирующее порядок работы органов Совета Европы (правила процедуры Комитета министров, Парламентской ассамблеи, Конгресса местных и региональных властей Европы). Глава I Устава посвящена цели Совета Европы. Так, в соответствии с п. «a» ст. 1 «…целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу…» [2]. Достижение данной цели, согласно п. «b» ст. 1 Устава Совета Европы, возможно путем: рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес; заключения соглашений и проведения совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях; поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод. При этом в Уставе оговаривается, что участие государств-членов в работе Совета Европы не должно отрицательно влиять на их вклад в деятельность ООН и других международных организаций и союзов, в которых они состоят (п. «c» ст. 1 Устава Совета Европы). Статьи 4,5 закрепляют возможность любого европейского государства, стремящегося обеспечивать принцип верховенства права, быть приглашенным Комитетом министров стать членом Совета Европы. При этом любое приглашенное таким образом государство рассматривается в качестве члена Совета Европы с даты передачи Генеральному Секретарю от имени этого государства акта о присоединении к Уставу. Глава III, в частности статья 10 закрепляет органы, составляющие структуру Совета Европы. К ним относятся: комитет министров; консультативная (парламентская) ассамблея; конгресс местных и региональных властей Европы [3]. Итак, Комитет министров является органом, действующим от имени Совета Европы (ст. 13 Устава), он состоит из министров иностранных дел 46 государств – членов Совета Европы, которые собираются на очередные сессии один раз в год, в мае, как правило, в столице государства, председательствующего в Совете Европы. Между сессиями Комитета министров Совета Европы еженедельно проходят заседания Комитета в формате постоянных представителей стран-участниц при Совете Европы. Решения Комитета министров имеют форму резолюций и рекомендаций. Особой формой сотрудничества государств являются частичные соглашения (partial agreements). Они создаются в том случае, если несколько стран хотят сотрудничать в какой-либо определенной области, которая пока не представляет интерес для всех 46 государств – членов Совета Европы. В качестве примера таких соглашений можно привести Европейскую комиссию за демократию через право («Венецианская комиссия»), Фонд социального развития, «Группу Помпиду» и ряд других соглашений. Данные структуры имеют свои организационные особенности, согласно которым, большинство из них обладают определенной финансовой независимостью (собственный бюджет). Так, в соответствии с п.1 ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: «…Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные решения Суда по делам, в которых они являются сторонами...» [4]. Из этого положения прямо вытекает обязательный характер решений Европейского Суда. В свою очередь, п. 2 той же ст. 46 предусматривает, что окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением. Если государство-ответчик не выполняет резолюции Комитета министров, то последнему приходится прибегать к мерам политического или дипломатического давления, с тем чтобы обеспечить исполнение решения Европейского Суда. На практике случаи невыполнения решений Суда и резолюций Комитета министров достаточно редки. Следует подчеркнуть, что Комитет министров действует здесь как орган, наделенный функциями преимущественно юридического характера. Это обстоятельство препятствует политизации обсуждаемых проблем и способствует принятию быстрых и эффективных решений [5]. Парламентская ассамблея (ПАСЕ) является совещательным органом Совета Европы. Она состоит из представителей, направляемых национальными законодательными органами государств-членов. Количество представителей от каждой страны определяется исходя из численности ее населения. Самая маленькая делегация состоит из двух человек. Наибольшее число представителей от одной страны – 18 (ст. 26.1 Устава), ее рекомендации содержат предложения Комитету министров по вопросам политики Совета Европы в какой-либо области, а также по конкретным проблемам, возникающим в государствах-членах. В случае невыполнения рекомендаций, адресованных национальным властям государств – членов Совета Европы, ассамблея может обратиться в Комитет министров с предложением о принятии санкций в отношении государства-нарушителя. Резолюции как решения ассамблеи по вопросам, находящимся в ее исключительной компетенции. Кроме того, в резолюциях может выражаться позиция Парламентской ассамблеи по какому-либо вопросу. Постановления как инструкции для Комитетов Парламентской ассамблеи относительно порядка их деятельности. При избрании судей Европейского суда по правам человека Комитет по правовым вопросам и правам человека проводит предварительное собеседование с кандидатами, предложенными властями заинтересованной страны, а затем список кандидатов выносится на голосование на пленарной сессии. Судьи избираются тайным голосованием. Конгресс местных и региональных властей отвечает за укрепление местной и региональной демократии в 46 государствах-членах Совета Европы. Он состоит из двух палат – Палаты местных властей и Палаты регионов – а также трех комитетов. Конгресс объединяет 612 выборных должностных лиц, которые представляют свыше 150 000 местных и региональных органов власти. Пленарные заседания проходят два раза в год (в марте и октябре). Целью Конгресса в соответствии с Преамбулой Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г.а является укрепление демократических институтов на местном уровне [6]. Секретариату посвящена глава VI Устава Совета Европы, включающая статьи 36 и 37, определяющие

основы его деятельности в интересах Совета. В структуре Секретариата выделяются подразделения, обслуживающие основные органы (ПАСЕ, КМСЕ, ЕСПЧ), административно-координационные (Генеральный политический директорат, Директорат стратегического планирования, бюджетные, кадровые и т.п. службы) и тематические подразделения (Генеральный директорат по правам человека и правовым вопросам, Генеральный директорат по социальной сплочённости, Генеральный директорат по культуре, образованию, молодёжи и спорту). В настоящее время в Совет Европы входит 46 европейских государств, при этом Российская Федерация, присоединившаяся в 1996 г. к этой организации, в настоящее время вышла из ее состава, исходя из невозможности политически корректной работы, вызванной проявлением недружественных отношений и политизированностью решений Комитета министров, связанных с началом от 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине.

Деятельность Совета Европы в области защиты прав человека. Защита и продвижение прав человека – основная задача Совета Европы, всегда находящаяся в центре его внимания. Главной опорой его деятельности в этой области является Европейская конвенция о правах человека. Непосредственной движущей силой по защите прав людей является Европейский суд по правам человека, основанный в 1959 году. Фундаментом его деятельности является Регламент, состоящий из IV разделов, XII глав и 117 статей. Этот документ содержит основную информацию о составе, структуре, порядке назначения судей, а также формы для реализации процессуальных действий, описание обеспечительных мер и т.д. Регламент закрепляет следующие полномочия Европейского суда по правам человека: рассматривать индивидуальные и межгосударственные жалобы, поданные в Европейский суд по правам человека против одного или нескольких государств-членов Совета Европы или против Европейского союза; признавать факт того, что было нарушено, то или иное право заявителя; присудить выигравшему заявителю справедливую компенсацию; толковать Конвенцию о защите прав человек и основных свобод; устанавливать факт того, что какое-либо нарушение в определенном государстве носит массовый характер из-за системной проблемы, в связи, с чем предписывать этому государству предпринять меры по исправлению этого недостатка; рассматривать запрос комитета министров Совета Европы по вопросу о том, не нарушило ли государство-ответчик свое обязательство по исполнению постановлений (решений) Европейского суда поп правам человека; давать толкование ранее вынесенному постановлению по запросу Комитета министров Совета Европы; выносить Консультативные заключения о толковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по вопросам, не связанным с рассмотрением дел. Также следует отметить, что, в соответствии с официальной статистикой, размещенной на сайте суда, за период с января 2023 г. по март 2023 г., в Европейский суд по правам человека поступило 77400 заявлений, при этом до судебного рассмотрения дошло лишь 7400 из них. Такие объемы работы ЕСПЧ говорят о его значительной роли, которую он играет в обеспечении защиты прав людей в Европе. Не менее важную роль в мониторинге и оценке состояния защиты и продвижения прав человека в странах-членах Совета Европы играет Бюро Комиссара по правам человека. Этот независимый несудебный институт, созданный в 1999 году для улучшения информирования о правах человека и содействия их соблюдению, наделен широкими полномочиями для ведения активного диалога с государствами по возникающим вопросам. В рамках деятельности данного органа особый интерес вызывает недавний Квартальный отчет о деятельности за 4 квартал 2022 (с 1.10.2022 по 31.12.2022). В данном отчете отражена основная деятельность Комиссара по правам человека по наиболее актуальным и острым направлениям. Также следует определиться и с ролью Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (ЕКРН), которая является независимым органом Совета Европы по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. В ней работают эксперты – по одному от каждого из государств-членов Совета, которые регулярно публикуют исследования о масштабах расизма и нетерпимости в странах-членах и вырабатывает рекомендации правительствам для решения этих проблем. Права национальных меньшинств охраняются Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств и Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств. В свою очередь, рабочая группа Совета Европы GRETA следит за выполнением вступившей в силу в 2008 году Европейской конвенции о противодействии торговле людьми, направленной на защиту прав жертв торговли людьми и привлечение к ответственности преступников [7]. Группа Помпиду – рабочий орган по борьбе со злоупотреблением и незаконной торговлей наркотиками, является основным мониторинговым инструментом Совета Европы в сфере общественного здравоохранения. Объединяя политиков, научных и социальных работников, неправительственные и международные организации, Группа развивает сотрудничество между государствами-членами в вопросах противодействия наркомании и незаконному обороту наркотиков. Таким образом можно наблюдать огромное стремление организаций, находящихся под крылом Совета Европы, и по сути являющихся его структурными подразделениями, к обеспечению защиты прав и свобод людей в различных отраслях деятельности, начиная с юриспруденции, заканчивая медициной и киберпространством.

Деятельность Совета Европы в области обеспечения верховенства права. Общеизвестно, что верховенство права является универсальным принципом обеспечения прав человека. Однако, недостаточная определенность содержания категории верховенства права, во многом обусловленная дискуссионностью и отсутствием однозначности понимания, порождает ряд вопросов о данном феномене. Первое, следует отметить, так это то, что верховенство права упоминается в преамбуле Устава Совета Европы в качестве одного из трех «принципов, составляющих основу подлинной демократии», наряду со свободой личности и политическими

свободами. В ст. 3 Устава говорится о том, что предварительным условием для приема нового государства в члены Совета является уважение принципа верховенства права [3]. В основных политических документах Совета Европы, а также в различных конвенциях и рекомендациях систематически упоминается верховенство права. О нем, в частности, говорится как об элементе общего наследия в преамбуле Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). На официальном сайте Совета Европы сказано, что: «…защита и продвижение верховенства права – одно из главных направлений деятельности Совет Европы. В общих чертах, эта работа состоит из обеспечения правосудия, выработки единых стандартов и отражения угроз верховенству права…». Исходя из этого, можно выделить несколько основных направлений по которым происходит обеспечение верховенства права, включая: *обеспечение правосудия*, *обеспечение независимости и беспристрастности* правосудия. Основную работу в этом направлении выполняет Европейская комиссия по эффективности правосудия, состоящая из экспертов из 46 государств-членов Совета Европы, которые разрабатывает инструменты, направленные на повышение эффективности и функционирования правосудия в Европе. В ее задачи, в соответствии со ст. 2 Устава входят: анализ результатов деятельности судебной системы; выявление проблем, с которыми они могут столкнуться; определение конкретных средств для улучшения оценки эффективности судебной системы, а также функционирование этих систем; улучшение реализации существующих инструментов Совета Европы и выработка предложений по их усовершенствованию; оказание помощи государству по его просьбе (Резолюция Комитета министров Совета Европы «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия» № (2002). Для реализации этих задач Европейская комиссия по эффективности правосудия разрабатывает показатели, собирает и анализирует данные, определяет меры и средства оценки, разрабатывает различные документы (отчеты, мнения, руководящие принципы, планы действий и т.д.). *Укрепление верховенства права*, деятельность, которой занимается Совет Европы посредством реализации решений Венецианской комиссии, основанной в 1990 г., ставшей консультативным органом в конституционной сфере, содействующей определению конституционных стандартов. Комиссия также специализируется в сфере правовых гарантий обеспечения демократии, преследуя цели, направленные на: изучение правовых систем государств-участников, прежде всего с целью сближения этих систем; претворять в жизнь принципы правового государства и демократию; исследовать проблемы, связанные с функционированием, укреплением и развитием демократических институтов. *Отражение угроз верховенству права*, где одной из важнейших задач является борьба с коррупцией, решением которой занимается Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), созданная в 1999 г. осуществляющей наблюдение за принятием странами антикоррупционных мер и, по мере необходимости, побуждает их проводить реформы. Основными актами, принятыми данной организацией, являются: Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (СЕД № 173) (охватывает такие формы коррупционной деятельности, как активный и пассивный подкуп национальных и иностранных государственных должностных лиц; активный и пассивный подкуп в частном секторе; активный и пассивный подкуп сотрудников международных организаций; активное и пассивное использование служебного положения в корыстных целях; отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией); Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (СЕД № 174) (рассматривает вопросы связанные с ответственностью за акты коррупции, совершенные публичными должностными лицами; юридической силой сделок; защитой должностных лиц, сообщающих о коррупции; ясностью и точностью отчетов и аудитов); Резолюция (97)24 «О двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией»; С организованной преступностью и терроризмом Совет борется с помощью комитета экспертов МАНИВЭЛ, с 1997 г осуществляющий контроль за тем, чтобы государства-члены эффективно противодействовали отмыванию денег и финансированию терроризма. Совет Европы также участвует в обеспечении безопасности в Интернете и борьбе с киберпреступностью, используя Будапештскую конвенцию о киберпреступности и другие документы. Конвенция явилась первым международным договором в этой области, ее применение контролируется Комитетом Конвенции по киберпреступности.

В качестве итога можно отметить, что Совет Европы представляет одну из наиболее представительных международных организаций европейского континента, имеющую богатую историю, вклад которой в обеспечение верховенства права, демократии, прав и свобод человека довольно трудно недооценить.

Список литературы

1. Лекаренко, О.Г. Создание совета Европы: планы Черчилля и их реализация / О.Г. Лекаренко // Томский государственный университет. Журнал: Американские исследования в Сибири. – 2000. – №4. – С. 75-77.
2. Устав Совета Европы: принят в г. Лондон 5.05.1949 // Собрание законодательства РФ, 1997. – №12. – ст. 1390.
3. Кузнецов, С.В. Институциональная структура и источники права Совета Европы / С.В. Кузнецов // ООО «Центр конституционных исследований». Журнал: Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2020. – №1(38). – С. 48-55.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS №005: принята в г. Рим 04.11.1950 // Собрании законодательства РФ, 2001. – №2. – ст. 163.
5. Мурадян, А.В. Особенности деятельности Комитета министров Совета Европы / А.В. Мурадян // Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Журнал: Colloquium-journal. – 2019. – №12(36). – С. 33-36.

6. Европейская хартия местного самоуправления ETS №122: принята в г. Страсбург 15.10.1985 // Собрание законодательства РФ, 1998. – №36. – ст. 4466.
7. Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в г. Страсбург 03.05.1996 // Бюллетень международных договоров. – 2010. – №4. – С. 17-67.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

Житина Владлена Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Среди всего комплекса признанных мировым сообществом прав человека право на жизнь представляет собой высшую ценность, так как образует первооснову всех других прав и свобод. Именно поэтому самым опасным преступлением, посягающим на личность, является убийство.

Одним из наиболее опасных видов убийств является убийство, совершённое общеопасным способом. Повышенная опасность такого убийства заключается, прежде всего, в способе его совершения. При убийстве, совершённом общеопасным способом, лишен жизни может быть не один человек, а несколько.

Ключевым признаком объективной стороны убийства, совершённого общеопасным способом, является способ совершения преступления, названный в законе – «общеопасным».

Под общеопасным способом убийства, в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27.01.1999г. № 1 следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди)»[1].

На практике квалификация убийства, совершённого общеопасным способом, нередко вызывает многочисленные проблемы, вытекающие, на наш взгляд, из недостаточной теоретической разработанности данного состава преступления.

В качестве одного из проблемных вопросов является следующий: сколько конкретно человек должно подвергаться опасности при совершении убийства общеопасным способом?

Вроде бы Верховный суд РФ в вышеуказанном п. 9 своего Постановления даёт ответ на этот вопрос – общеопасный способ убийства представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица. Но такое разъяснение, данное Верховным Судом РФ, различные учёные толкуют по-разному.

Одни учёные (С.И. Тишкевич, М.И. Бажанов, В.В. Сташис и др.) считают, что способ убийства должен признаваться общеопасным, в частности, в тех случаях, когда могла наступить смерть любого человека из числа подвергавшихся опасности. Например, виновный бросает нож в потерпевшего, рядом с которым находится другой человек. Понятно, что попадание ножом может поразить только одного человека, но так как опасность угрожает и тому, и другому, такой способ убийства они признают общеопасным.

Противоположную точку зрения занимают Л.Л. Кругликов, А.Н. Попов, которые считают, что для общеопасного способа характерна опасность одновременного поражения нескольких потерпевших.

А.Н. Попов пишет: «Для признания способа действий виновного общеопасным, требуется установить, что в результате деяния виновного лица опасности подвергались не менее двух человек, включая потерпевшего» [2]. Далее А.Н. Попов указывает, что, например, убийство из арбалета, установленного в саду для охраны фруктовых деревьев, нельзя признать совершённым общеопасным способом, не смотря на то, что потерпевшим мог стать любой человек, забравшийся в сад. Общеопасный способ отсутствует, так как подвергается опасности только один человек из неопределённого круга лиц.

Мнение А.Н. Попова и его сторонников представляется правильным.

Сложнее решить вопрос о наличии общеопасного способа относительно одного выстрела из огнестрельного оружия. В упомянутом ранее Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999г., в качестве частного случая общеопасного способа убийства, приводится пример производства выстрелов в местах скопления людей. А если выстрел был только один?

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что суды признают наличие общеопасного способа убийства, даже в случае одного выстрела, сделанного виновным, если при этом создавалась опасность для жизни не только потерпевшего, но и, хотя бы ещё одного, другого лица.

Так, по одному из уголовных дел судом первой инстанции было установлено, что Павленко, действуя из хулиганских побуждений, с целью убийства приставил к шее военнослужащего Зворыкина заряженную винтовку и нажал на спусковой курок. Потерпевший успел отклониться, но стоявший сзади него Авдеев был убит.

Действия П. суд первой инстанции квалифицировал по совокупности преступлений - как покушение на убийство и убийство из хулиганских побуждений, совершённые общеопасным способом.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

Суда РФ приговор суда оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда РФ также не нашел оснований к изменению приговора и удовлетворению протеста и указал, что, производя выстрел из винтовки в Зворыкина, стоявшего в группе других военнослужащих, Павленко сознавал, что избранный им способ убийства опасен для жизни многих людей.

Другой проблемой является вопрос о форме и виде вины лица, совершившего убийства общеопасным способом.

М.Д. Шаргородский, Н.И. Загородников, Л.А. Андреева считают, что при убийстве общеопасным способом имеет место прямой умысел на убийство определённого лица и косвенный умысел к гибели других лиц.

С.В. Бородин, указывает, что умысел при убийстве, совершённом общеопасным способом, может быть как прямым, так и косвенным на убийство определённого лица и косвенный умысел к гибели других лиц.

При прямом умысле виновный желает убить конкретное лицо, при этом он сознательно допускает или безразлично относится к смерти иных граждан, подвергающихся опасности.

При косвенном умысле виновный никого не желает убивать. Он сознательно допускает или безразлично относится к тому, что в результате его действий могут погибнуть люди, и в итоге кто-либо из подвергавшихся опасности погибает.

Надо признать, что в ситуации совершения виновным действий, представляющих опасность для жизни неопределённого числа лиц и наличия у виновного косвенного умысла на причинения смерти потерпевшим судебная практика не является единообразной. В одних случаях суды вменяют в качестве квалифицирующего признака общеопасный способ совершения убийства, в других – не вменяют.

В качестве примера, когда общеопасный способ убийства был вменён, можно привести следующий случай использования взрывного устройства, срабатывающего без визуального контроля.

Калининградским областным судом Авдеев был осуждён, помимо прочего, за убийство трёх лиц общеопасным способом. По делу усматривалось, что он изготовил из ранее приобретённого взрывчатого вещества и электродетонатора взрывное устройство и установил его у входа на свой земельный участок. Когда группа подростков пыталась проникнуть на участок, взрывное устройство сработало и взрывом были убиты Зеленов, Майер и Грошев. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения, указав следующее. Авдеев изготовил взрывное устройство с целью пресечь попытки проникновения кого-либо на его участок. Взрывное устройство Авдеев установил в трубе, служившей стойкой забора и калитки при входе на его земельный участок. Это устройство должно было сработать при открывании калитки или при сотрясении забора.

Авдеев сознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность причинения как вреда здоровью, так и смерти потерпевших и сознательно допускал указанные последствия, то есть безразлично к ним относился [3].

В то же время в других случаях, когда вина лица к наступившим последствиям характеризовалась исключительно косвенным умыслом Верховный суд РФ исключил квалифицирующий признак – наличие общеопасного способа убийства.

Так по приговору суда первой инстанции Ф. был осуждён за убийство, совершённое общеопасным способом. Проживая в деревне, Ф в целях охраны сада опутал изгородь проволкой и подключил её к электрической сети напряжением 220 вольт. Жители деревни требовали снять проволоку, но Ф. этого не сделал. Днём семилетний Володя З., а также несовершеннолетние С. и Ц. проникли в сад, чтобы нарвать яблок. При выходе из сада З. прикоснулся к проводам и был убит.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда России, ввиду того, что у виновного имел место лишь косвенный умысел на убийство причём в отношении неопределённого лица, исключила из обвинения общеопасный способ убийства.

Изучение судебно-следственной практики позволяет сделать вывод о том, что работники правоохранительных органов и суда испытывают серьёзные трудности при уголовно-правовой оценке последствий, наступивших при совершении убийства общеопасным способом. Это объясняется как сложностью самого состава убийства, совершённого общеопасным способом, так и разнообразием наступивших последствий, а также недостаточной теоретической разработкой соответствующих вопросов в науке уголовного права.

Прежде всего, сложности касаются ситуаций, когда виновный причиняет смерть нескольким лицам из числа подвергавшихся опасности.

По мнению С.В. Бородина, действия лица, умышленно совершившего общеопасным способом убийство двух или нескольких лиц, следует квалифицировать по пункту «е» и по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4].

Аналогичного мнения придерживаются З.О. Ашитов, Н.И. Коржанский, М.И. Бажанов, В.В. Сташис, Л.Л. Кругликов и другие авторы.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27.01.1999г. № 1 данный подход получил поддержку. В п. 9 данного постановления указывается, что если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства наступила смерть не только определенного лица, но и других лиц, содеянное надлежит квалифицировать, помимо пункта "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ, также и по пункту "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В то же время в юридической литературе нередко можно встретить и иное мнение относительно квалификации убийства двух или более лиц, совершённого общеопасным способом.

В частности, по мнению Л.А. Андреевой, если же при общеопасном способе погибло два (или более) лица и это предвидел и желал убийца, в то же время другим людям опасность не угрожала, содеянное следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК без применения п. «е» ч. 2 ст. 105 УК. Законодатель выделяет п. «е» ч. 2 ст. 105 УК в самостоятельный вид квалифицированного убийства не по признаку гибели двух и более лиц, а по признаку опасности для жизни других людей избранного виновным способа убийства. Квалификация по пунктам «а» и «е» ч. 2 ст. 105 УК должна быть в тех случаях, когда убийца с прямым или косвенным умыслом убивает двоих или более лиц, одновременно предвидя и сознательно допуская возможность гибели ещё и других лиц, жизни которых угрожала опасность из-за избранного способа убийства, но они остались живы.

Такую же позицию занимает целый ряд авторов. Например, Т.В. Кондрашова, С.И. Тишкевич, В.Г. Беляев и Н.М. Свидлов и другие.

На наш взгляд, это правильный подход. Вместе с тем, мы полагаем, что противопоставлять рекомендации Верховного суда РФ позиции сторонников Андреевой Л.А. по рассматриваемому вопросу вряд ли уместно. На наш взгляд, рекомендация Пленума Верховного Суда РФ о квалификации содеянного по пункту "е" ч. 2 ст. 105 и пункту "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ уместна лишь тогда, когда виновный совершил преступление именно общеопасным способом, то есть таким, который представлял опасность для жизни и иных лиц, помимо потерпевшего. Если же способ убийства представлял опасность только для лиц, на жизнь которых покушался виновный, данный способ не может признаваться общеопасным, независимо от применяемых преступником средств. Думается, если исходить из этого положения, то никакого противоречия в позициях Верховного Суда РФ и сторонников Л.А. Андреевой мы не обнаружим.

По конкретным делам Верховный суд РФ неоднократно указывал, что «если умыслом виновного охватывалось убийство лишь двух лиц и при этом реальной опасности подвергались только эти двое потерпевших, действия виновного квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ не требуется.

Неоднозначно решается в доктрине и на практике вопрос о квалификации действий виновного, приведших при совершении убийства общеопасным способом к причинению другим лицам, подвергавшимся опасности, тяжкого вреда здоровью.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27.01.1999г. № 1 указывается, что если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства был причинен другим лицам вред здоровью, содеянное надлежит квалифицировать - по п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

Вместе с тем в постановлении ничего не говорится о том, как следует квалифицировать последствия в виде причинения иным лицам тяжкого вреда здоровью? Требуется ли в этом случае вменять п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ, то есть причинение тяжкого вреда здоровью, совершённое общеопасным способом, или вменению подлежит ч. 1 ст. 111 УК РФ, поскольку общеопасный способ относится к посягательству на жизнь потерпевшего?

Судебно-следственная практика идёт по пути вменения в данном случае виновному лицу, помимо пункта «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, пункта «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Нам представляется неверной такая практика. На наш взгляд, правильное мнение по рассматриваемой проблеме высказывает А.Н. Попов, который указывает, что если виновный действовал с прямым умыслом на убийство общеопасным способом, то в случае причинения иному лицу тяжкого вреда здоровью содеянное в этой части должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

В целях совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за убийство, совершённого общеопасным способом, и решения обозначенных проблем, предлагается:

1. Уточнить формулировку п. «е» ч.2 ст. 105 УК РФ, изложив ее следующим образом: «убийство, совершённое общеопасным способом, то есть способом, опасным для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица».

2. Внести в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27.01.1999г. дополнение следующего содержания: «Если виновный действовал с прямым умыслом на убийство общеопасным способом, то в случае лишения жизни потерпевшего и причинения иному лицу тяжкого вреда здоровью содеянное следует квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч.1 ст. 111 УК РФ.

3. Внести в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27.01.1999г. ещё одно дополнение следующего содержания: «Если виновный с целью убийства двух или более лиц применял средства, использование которых представляло опасность для жизни только этих лиц, содеянное следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК без применения п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Список литературы

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1(в ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ.- 1999. - №3.
2. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.- 898с.
3. Судебная практика к УК РФ / Сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова.- М.: Спарк, 2001. – С. 445.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни. – М.: Юрист, 2000. – С. 121

О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Матаров Бахтияр Джоробаевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Взаимодействие и взаимный обмен опытом на международной арене в различных секторах экономики способствует повышению эффективности промышленности, торговли и компетентности специалистов. Совместная разработка дает возможность опробовать лучшие мировые практики по устранению правовых, технических и административных барьеров в торговле. Для решения подобного рода задач создаются различные акты в сфере международного сотрудничества с правительствами третьих стран, международными организациями, региональными объединениями. Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) представляет собой один из крупнейших экономических Союзов на Земле, его границы простираются от восточного побережья России до западных пределов Белоруссии и сейчас, когда данной экономической интеграции уже исполнилось 5 лет, можно подводить промежуточные итоги и оценивать результаты деятельности Союза за истекший период, а также предполагать, какие перспективы ждут Союз в далеком и недалеком будущем.

Процесс создания Евразийского экономического союза. Вопрос об эффективном экономическом взаимодействии, осуществляемом на постсоветском пространстве, был крайне актуален в первые годы после распада СССР. СНГ не смогло стать эффективной интеграционной организацией, поскольку: оно не было наделено наднациональными полномочиями; его государства-члены в своей внутренней и внешней политике придерживались разных целей и приоритетов, которые со временем все больше отдалялись друг от друга [1 – С. 23]. В период 1994-2000 годы происходит становление такого международного объединения, направленного на экономическую интеграцию ряда стран, расположенных в Европе и Азии, как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Именно в 1994 г. зародилась идея создания евразийской интеграции. Эксперты-международники относят авторство этой идеи к лидеру Республики Казахстан Нурсултану Назарбаеву. Это он предложил создать на «евразийском пространстве» интегрированное формирование, которое было бы способно противостоять экстремальным вызовам внешней среды, способствовать экономическому, финансовому, научно-техническому, правовому развитию партнеров по объединению в форме Союза. Указанное предложение было принято и в 1995 году страны приступили к разработке и подписанию Соглашения о Таможенном союзе (далее – ТС) в составе трех государств – России, Беларуси и Казахстана. Главная цель указанного соглашения заключалась в том, чтобы найти государственное решение проблем и задач, связанных с развитием свободных торговых и экономических отношений, в рамках создания механизмов добросовестной конкуренции. Однако, ТС 1990-х годов так и не смог начать реально функционировать, однако страны-инициаторы его создания получили бесценный опыт, используемый в дальнейшем при выработке единой стратегии и политики интеграционного взаимодействия. Почти 6 лет, с 1995 по 2000 гг., разрабатывались проекты и определялись формы евразийского сотрудничества в области экономики. В итоге было принято решение о «разноуровневой и разноскоростной» интеграции в сфере экономики. Начальной фазой евразийской интеграции считают попытку создать зону свободной экономической торговли. Однако, она увенчалась успехом только к 2011 г., когда восемью странами СНГ (Беларусь, Российская Федерация, Украина, Армения, Казахстан, Молдова, Кыргызская Республика, Таджикистан) был подписан Договор о зоне свободной торговли. Ему предшествовало Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15 апр. 1994 г., в настоящий момент утратившее силу [2]. Однако четко в развитии евразийской экономической интеграции до Евразийского экономического союза выделяют два этапа: ТС и Единое экономическое пространство (далее – ЕЭП). ЕАЭС – следующий этап. О создании ТС в рамках СНГ речь шла уже в 2007 г. ТС Беларуси, Казахстана и России функционировал после принятия в 2009 г. Таможенного кодекса ТС (с 2010 по 2011 гг.). В рамках ТС применялись Единый таможенный тариф, а также другие правила внешней торговли с третьими странами. Также в ТС обеспечивалось свободное перемещение товаров по территориям государств–членов ТС. В итоге были сняты таможенные барьеры в Беларуси, Казахстане и России. Высокие показатели деятельности ТС способствовали переходу на новый уровень интеграции – как раз, к созданию ЕЭП. В 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭс). Главные задачи интеграции на данном этапе: осуществление согласованной политики на макроэкономическом уровне по формированию общего рынка услуг, капиталов и труда, а не только товаров; формирование Евразийской экономической комиссии, которая бы выполняла функции регулирующего органа, уполномоченного осуществлять формирование единого

экономического пространства; функционирование Суда ЕврАзЭс как компетентного Евразийского суда. Юридическая регламентация деятельности государств в рамках ЕЭП осуществлялась в рамках межгосударственных договоров и соглашений об интеграции (около 20), которые касались таможенного регулирования, финансового сотрудничества, взаимодействия в вопросах государственных и муниципальных закупок, развития конкуренции и т.п. Эти соглашения были подписаны и ратифицированы Беларусью, Казахстаном и Россией в 2010 г. и ратифицированы в 2011 г. ЕЭП как новое интеграционное объединение начало свою работу с 1 января 2012 г. С целью развития ЕЭП была создана Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Необходимая международно-правовая форма евразийской интеграции была придана через заключение Договора о ЕАЭС 2014 года, в котором была зафиксирована правосубъектность Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭ как органов ЕАЭС. Таким образом, ЕАЭС – итоговый результат интеграционных устремлений ряда стран бывшего Советского Союза. Правда, на пути реализации описанного потенциала есть ряд препятствий. ЕАЭС на сегодняшний день позиционируется как «ядро континентальной интеграции», объединяющее Азию и Европу. Его концепция разрабатывается с учётом логики глобального китайского проекта «Один пояс и один путь», направленного на создание быстрых и эффективных торговых маршрутов между Европой и Азией [3]. При этом нужно отметить, что члены ЕАЭС расширяют сотрудничество между собой не только в экономическом плане, но также в политическом и культурном аспекте. Главная цель, которую перед собой ставит ЕАЭС представляет собой меры по углублению экономического взаимодействия между странами, входящими в него.

Правовая природа ЕАЭС. Как следует из ст. 1 Договора, ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью [4]. К примеру ученые считают что, международная правосубъектность предполагает активные действия субъекта международного права, связанные с его участием в международных отношениях на основе собственно принятых решений [5]. При этом важно учитывать, что международные организации традиционно рассматриваются как вторичные или производные субъекты международного права, наделенные соответствующей функциональной, а не универсальной правосубъектностью. В основе их правосубъектности находится четко выраженная воля первичных субъектов (государств), непосредственно закрепленная в учредительном договоре или уставе такой организации. Это самый простой и прямой способ наделения международной (межправительственной) организации правосубъектностью. Исходя из анализа положений, закрепленных Договором о ЕАЭС, можно сделать вывод о том, что его международное сотрудничество на сегодняшний день опосредуется следующими механизмами реализации международной правосубъектности: заключение международных договоров (торговых соглашений); заключение меморандумов о взаимодействии (взаимопонимании); предоставление статуса государства – наблюдателя третьим странам; юридически значимое взаимодействие в рамках своих полномочий с международными организациями и интеграционными объединениями. Интеграционный характер ЕАЭС объясняется следующими факторами: в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС, Союз обладает собственной правовой системой (правом Союза), что стало важной новеллой Договора о ЕАЭС. Элементами правовой системы Союза являются как международные договоры (то есть классические источники международного права, на основе которых создан Союз и регулируются базовые вопросы его функционирования), так и решения органов ЕАЭС: как институтов межнационального сотрудничества (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, так и наднационального регулирующего органа – Евразийской экономической комиссии; Здесь главным элементом права ЕАЭС являются законодательство ЕАЭС и сопряженное с ним национальное право государств-участников Союза. При изучении единого правового пространства в рамках ЕАЭС необходимо исследовать не только структуру права ЕАЭС, но и выделить его принципы, так как именно они во многом определяют направления правовой интеграции. Принципы права ЕАЭС отражают смысл, содержание и развитие образующих его норм. Обычно они делятся на общие и функциональные. К общим относятся принципы охраны прав и свобод граждан государств-членов Союза; правовой определенности; субсидиарности и пропорциональности; недискриминации. Функциональные принципы определяют механизм действия самого права ЕАЭС, его соотношения с нормами права национальных государств-членов ЕАЭС. В их числе: *принципы верховенства* и прямого действия права ЕАЭС, интегрированности его в национальные правовые системы, обеспечения защиты действия норм наднационального права; *сформирована система* наднациональных институтов ЕАЭС, куда относятся уже упомянутые Евразийская экономическая комиссия, а также Суд ЕАЭС; *на уровень ЕАЭС передан* существенный объем компетенций в экономической сфере, включая вопросы ТС, таможенного тарифного и нетарифного регулирования, внешнеторговой политики в части торговли товарами, конкурентной политики на трансграничных рынках, технического регулирования, санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, некоторых аспектов государственных и муниципальных закупок, промышленных и сельскохозяйственных субсидий и так далее.

Общая характеристика деятельности ЕАЭС. Договор о ЕАЭС к основным целям Союза относит*: создание условий* для стабильного развития экономик государств–членов в интересах повышения жизненного уровня их населения*; стремление к формированию* единого рынка товаров, услуг, капитала, и трудовых ресурсов в рамках союза; *всестороннюю модернизацию*, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Для достижения указанных целей Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках

Союза. Свою деятельность в рамках этой компетенции Союз осуществляет на основе следующих принципов (ст. 3 Договора о ЕАЭС): *уважение* общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; *уважение* особенностей политического устройства государств-членов*; обеспечение* взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторо*н; соблюдение* принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренц*ии; функционирование* ТС без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. *Основными направления экономического развития* Союза являются: *обеспечение* макроэкономической устойчивости как в краткосрочном, так и долгосрочном периоде. Достижение указанной цели должно способствовать обеспечению стабильности макроэкономических показателей, которые, в свою очередь, будут показывать стабильность экономического роста стран-участниц Союза, а также поддержанию устойчивого состояния платежных балансов и снижению уровня внешней задолженности стран-участниц; *создание условий* для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности, что требует формирования привлекательного экономического пространства, а также облегчения взаимодействия между хозяйствующими субъектами государств-членов Союза; выявления и устранения избыточного контроля, что в совокупности позволит увеличить приток капитала от внутренних и внешних инвесторов и ускорить развитие экономик стран-участниц*; инновационное развитие* и модернизация экономики, направленное на рост объемов производства и экспорта высокотехнологичной инновационной продукции, а также повышение заинтересованности хозяйствующих субъектов в этой инновационной продукци*и; обеспечение доступности* финансовых ресурсов и оформление эффективного финансово рынка Союза, что позволит создать интегрированное биржевое пространство и обеспечит открытость, прозрачность такого рынка, увеличив приток инвестиций в страны-участни*цы; инфраструктурное развитие* и реализация транзитного потенциала. Данное направление отличается ключевым статусом, поскольку требует существования качественной инфраструктуры. Работа в этом направлении способна обеспечить усиление стратегического транзитного потенциала, а также повысить конкурентоспособность продукции за счет снижения транспортных издер*жек; развитие* кадрового потенциала, требующее обеспечения достаточным уровнем квалифицированных кадров путем формирования необходимых правовых, институциональных и финансовых условий для обеспечения комфортной жизни и развития творческого потенциала насел*ения; ресурсосбережение* и повышение энергоэффективности, требующие перехода производств на более экологически чистые источники энергии и более эффективное использование имеющихся рес*урсов; региональное развитие*, способное обеспечить реализацию общих проектов, обмен опытом, что будет способствовать росту взаимной значимости рынков товаров, услуг капитала, рабочей силы, а также приведет к формированию новых производственных связей, повышению эффективности рынка труда и созданию новых рабочи*х мест; реализация* внешнеторгового потенциала посредством освоения экономическими субъектами новых товарных и географических рынков, а также планомерное повышение доли продукции обрабатывающей промышленности в экспорте. Для этого требуется развитие сотрудничества между странами-членами Союза и третьими странами, что позволит расширить рынки сбыта продукции [6].

Приоритетные направления международной деятельности ЕАЭС. В качестве *таких* направлений деятельности ЕАЭС выделяют направления на: осуществление совместных методов сотрудничества и их развития. Данное взаимодействие подразумевает заключение международных актов, проведения переговоров для заключения торговых соотношений в рамках компетенций ЕАЭС, а также предоставления определенных преференций в пределах этих торговых соглашений; возможного выявления различных форм взаимодействия между ЕАЭС и заинтересованными правительствами третьих стран, в частности это касается подготовки международных актов, в том числе меморандумов, а также проведение переговоров между представителями Евразийской экономической комиссии и государств-членов ЕАЭС, их дальнейшее подписание и определение преференций в рамках компетенций ЕАЭС; просвещения правительств третьих стран, формировании позитивного представления об ЕАЭС, предоставление актуальной информации о соответствующей экономической интеграции как конкурентоспособной международной организации, в том числе с проведением показательных презентаций и профильных мероприятий совместно с правительствами третьих стран на всевозможных международных площадках. В том числе, путем проведения конференций, презентаций, круглых столов, форумов и т.д. [7].

Структура ЕАЭС. Согласно ст. 8 Договора о ЕАЭС, органами Союза являются: Высший Евразийский экономический совет; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд ЕАЭС. Каждый из указанных органов действуют в пределах предоставленных им полномочий, закрепляемых в Договоре и международных договорах, принятых в рамках Союза. *Высшим органом Союза* выступает его Высший совет, действующий на уровне глав государств-членов ЕАЭС и рассматривающий принципиальные вопросы деятельности Союза, определяя стратегию, направления и перспективы развития интеграции, принимает решения, направленные на реализацию его целей, разрешает вопросы организации и формирования иных органов ЕАЭС. Решения и распоряжения Высшего совета подлежат исполнению в порядке, предусмотренном национальным законодательством государств-членов. Заседания Высшего совета проводятся не реже 1 раза в год. При возникновении неотложных вопросов могут созываться внеочередные заседания Высшего совета. Руководит заседанием Председатель Высшего совета, организующий также его работу и осуществляющий общее руководство подготовкой вопросов, представляемых на рассмотрение Высшего совета.

Межправительственный совет состоит из глав правительств государств-членов и обеспечивает реализацию и контроль за исполнением Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета. Заседания Межправительственного совета проводятся по мере необходимости, но не реже 2 раз в год. Председатель Межправительственного совета ведет заседания, организует работу и осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, представляемых на рассмотрение Межправительственного совета. *Евразийская экономическая комиссия* является постоянно действующим регулирующим органом ЕЭАС, состоящим из Совета (вице-премьеры государств-участников) и Коллегии (по два представителя от каждого государства), департаментов, создаваемых для обеспечения деятельности Совета и Коллегии в отдельных сферах (финансовой, торговой политики, энергетики, статистики и др.). Коллегия осуществляет регулирующую деятельность: вырабатывает рекомендации по вопросам интеграции, деятельности и развития ЕАЭС и экспертные заключения на предложения государств-членов; исполняет решения и распоряжения иных органов ЕАЭС. Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Решения Комиссии входят в правое ЕАЭС и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов [8]. Также ЕАЭС в своей структуре имеет *судебный орган*, создание которого обусловлено необходимостью обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами международных договоров и решений органов Союза, а также желанием государств-членов делегировать суду право контроля за исполнением государствами своих обязательств по договору (установление фактов нарушения), право контроля актов Союза, а также право устранения пробелов и прояснения неясных положений международных актов [9]. Согласно Статуту Суда ЕАЭС в состав Суда входят по два судьи от каждого государства-члена, полномочия которых составляют девять лет. Судьи должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также, соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. Руководство деятельностью Суда осуществляется председателем Суда, который, избирается путём тайного голосования судьями Суда ЕАЭС, а затем утверждается Высшим советом сроком на три года. С заявлениями в Суд могут обращаться как непосредственно государства, так и хозяйствующие субъекты, осуществляющие свою экономическую и финансовую деятельность на территории государств-участников.

В качестве итога можно отметить, что идея создания евразийской интеграции как необходимая международно-правовая форма интеграции стран, расположенных на постсоветском пространстве зародилась в 1994 г. и в период до 2000 г. была реализована в создании такого международного объединения как ЕврАзЭС, выстраивающегося на основе экономических интересах участников, как целостностной интеграционный союз, легитимность которому придало заключение между Российской Федерацией, Республикой Беларуси и Республикой Казахстан международного договора. Основными целями договорных отношений стали создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала, и трудовых ресурсов в рамках союза; всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики, которые реализуются в настоящее время, показывая присущую такому интеграционному образованию эффективность и экономическую целесообразность.

Список литературы

1. Кашкин С.Ю. Право Евразийского экономического союза: учебник / С.Ю. Кашкин. – Москва: Проспект, 2020. – 192 с.
2. Кондрашова О. Ю. История создания Евразийского Экономического Союза, его основные задачи и институты / О.Ю. Кондрашова // Контентус. – 2020. – №. 5. – С. 115–120.
3. Авшалумов А.Р. История ЕАЭС и актуальные проблемы в евразийском политико–экономическом пространстве / А.Р. Авшалумов, В.П. Вершинин // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. – 2021. – С. 15–18.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) // URL. https://base.garant.ru/70670880/ (дата обращения 02.04.2023).
5. Ковалев, В.С. Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10 / В.С. Ковалев; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»]. – Москва, 2022. – 163 с.
6. Липин Е. А. Оценка деятельности ЕАЭС и перспективы его развития / Е.А. Липин // Таможенные чтения–2020. Стратегия развития 2030. Вызовы времени. Наука и инновации. – 2020. – С. 96–101.
7. Размазина М. А. Основные направления международного сотрудничества в рамках ЕАЭС / М.А. Размазина // Социально–экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы. – 2019. – С. 240–243.
8. Лазутин Л.А. Международное право: учебник / отв. ред. Л.А. Лазутин, Ю.С. Безбородов, М.А. Лихачев. – Москва : Норма : ИНФРА–М, 2023. – С. 347.
9. Прыткова Е.Д. Суд Евразийского экономического союза как инструмент разрешения международных экономических споров / Е.Д. Прыткова // Трибуна ученого. – 2019. – №. 12. – С. 160–164.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Овчинников Алексей Васильевич, 5 курс, юридический факультет
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
Карцева Наталья Сергеевна – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Как известно, система образования, сложившаяся в нашем государстве, претерпевала множество изменений, в результате которых появились как хорошо зарекомендовавшая себя советская, так и ставшая уже привычной для нашей страны, Болонская модель, просуществовавшая вплоть до введения в отношении нашего государства санкционной политики в 2022 году.

Следует сказать, что Болонская модель образования ещё в самом начале своего появления претендовала стать прорывным шагом, открывавшим двери для вчерашних выпускников к возможности обучения в любой из стран-участниц Болонской системы, и наоборот. Единый стандарт образования, как предполагалось, должен был создать мощный кадровый потенциал и навсегда закрыть вопрос о невозможности трудоустройства в любой стране мира. Однако, к сожалению, указанная идея так и не была реализована, причём несмотря на все усилия, предпринимаемые российской стороной, в результате чего нарушения прав граждан «приобрели массовый характер» [1, с.169]. Так, дипломы российских вузов попросту не принимали в странах-участницах Болонской системы, а специалистов, получивших высшее образование по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры вынуждали переучиваться в европейских вузах. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что для зарубежных специалистов в нашей стране дороги всегда были открыты. Именно политика «двойных стандартов» и недобросовестного подхода к реализации этой программы среди европейских государств и сделали Болонскую систему нежизнеспособной, уничтожив те лучшие идеи, которые были в неё заложены. Данные обстоятельства послужили основанием для выработки новой концепции образования, учитывающей как опыт существования Болонской системы, так и опыт российских образовательных технологий. Однако, процесс перехода к новой системе, по понятным причинам, не может протекать плавно, что неизбежно вызывает ряд проблем, над решением которых предстоит проделать определенную работу.

И здесь, в первую очередь, необходимо обратить внимание на отсутствие в российском законодательстве четкой регламентации «судьбы» студентов, обучавшихся в формате Болонской системы образования. Так, Президент, в своём обращении к Федеральному собранию отметил, что их статус должен соответствовать статусу студентов, которые начнут обучение по уже новой системе, а дипломы при этом не должны будут иметь между собой никаких правовых различий. Думается, что для реализации данного предложения необходимо предоставить студентам возможность доучиться, но уже не по программе бакалавриата и магистратуры, а по программе специалитета с сохранением за ними бюджетных мест. В этой связи, предлагается на законодательном уровне закрепить возможность для студентов-бакалавров вместо поступления в магистратуру продолжить образование по программе специалитета. Таким образом, видится, что процесс прохождения обучения станет непрерывным и последовательно позволит перевести студентов, обучавшихся в формате Болонской системы на российскую модель образования.

Следующей важной проблемой является отсутствие в российском законодательстве четких критериев дифференциации между степенью «Магистр» и «Специалист». Да, анализ образовательных стандартов указывает на определенную специфику. Так, например, магистратура предполагает ориентацию на научную составляющую, что же касается специалитета, то здесь реализуется и практический аспект. При этом обе степени отражают получение выпускником высшего образования, однако, считать их тождественными не представляется возможным. Кроме того, чтобы стать магистром студенту придётся сначала пройти обучение и стать бакалавром, тогда как процесс обучения специалиста является непрерывным и, зачастую, занимает меньше времени. Учитывая обращение Президента к Федеральному собранию о важности сохранения опыта Болонской системы, представляется необходимым разработать единые стандарты для тех должностей, трудоустройство на которые возможно лишь при наличии степени «Специалист» или «Магистр». Так, например, предлагается закрепить возможность трудоустройства кандидатов на должность судей, прокуроров, адвокатов, главных-инженеров, высших военных деятелей, руководителей государственных структур только для лиц, имеющих степень образования «Магистр». Обусловлена эта мера тем, что именно данные должности сопряжены с высокой профессиональной ответственностью и необходимостью реализовывать научные знания для поддержания и развития тех сфер, которые в будущем и займут выпускники-магистры.

Представляется, что данное предложение позволит дифференцировать специалитет и магистратуру, предоставив студентам возможность выбирать: реализовывать свои способности в более узкой сфере либо же строить карьеру, но при этом быть готовыми к разностороннему и более глубокому изучению соответствующего направления своей будущей профессиональной деятельности.

И, наконец, еще одной проблемой является отсутствие в российском законодательстве механизма, обеспечивающего доступность поступления на целевое обучение для абитуриентов. Безусловно, целевое обучение, предусматривается законодательством и в настоящее время, однако далеко не у каждого

потенциального студента имеется достаточное количество возможностей для того, чтобынайти работодателя и договориться с ним об обучении напрямую. Именно поэтому представляется необходимым на законодательном уровне закрепить за университетами обязанность заключать договоры с работодателями о последующем трудоустройстве студентов, прошедших обучение на целевой основе. Примечательно, что ранее с подобной законодательной инициативой выступала заместитель председателя нижней палаты Парламента Ирина Яровая. Целью данного предложения являлось переустройство системы распределения мест в рамках целевого набора таким образом, чтобы она стала понятной, доступной и прозрачной для всех желающих, а не только для тех, кому лично удаётся договориться с будущими работодателями. Кроме того, лишь немногие организации публикуют в открытом доступе информацию о том, что им нужны такие студенты. Таким образом, можно сделать вывод, что то, как абитуриенты и будущие работодатели находят друг друга, законом не регулируется. Несомненно, данные обстоятельства создают благоприятную почву для злоупотребления, позволяя использовать выделяемые государством квоты на целевое обучение, недобросовестно. Так, в 2020 году независимые СМИ расследовали 102 случая, когда дети или родственники госслужащих поступали в вуз, воспользовавшись программой целевого обучения и при этом не отрабатывали последующий трёхлетний срок, установленный законодательством в рамках этой программы. Для решений данной проблемы представляется необходимым сделать систему целевого обучения более прозрачной и доступной для студентов. Для реализации указанного предложения вузам необходимо самостоятельно привлекать как можно больше работодателей готовых обеспечить рабочими местами будущих выпускников, сделать это возможно при помощи введения государством в налоговое законодательство дополнительных льгот и мер, стимулирующего характера для тех работодателей, которые будут участвовать в программе целевого набора. Информацию о целевом наборе, также необходимо сделать более доступной для каждого потенциального студента, учитывая, что речь идёт, как правило, о несовершеннолетних лицах, не имеющих достаточного опыта взаимодействия с представителями любых структур. Кроме того, необходимо закрепить за вузами обязанность заключать договоры с работодателями о сотрудничестве в рамках целевого набора, причём, абитуриенту, уже на этапе обращения в приёмную комиссию, должна быть предоставлена возможность подачи документов на обучение за счёт предлагаемых вузом работодателей.

Видится, что данный механизм сделает целевое обучение более доступным, а значит позволит обеспечить работодателей необходимым кадровым потенциалом.

Таким образом, «проблемы защиты прав граждан в сфере образования, сегодня, входят в число наиболее острых социальных проблем, существующих в нашем обществе» [2, с.305], а значит совершенствование законодательства в вышеназванных направленияхпозволит устранить многие негативные тенденции и обеспечить полноценную реализацию возможностей, заложенных в образовательных программах.

Список литературы

1. Карцева Н.С., Василенко Е. А. Проблемные аспекты правовой регламентации алиментных обязательств родителей в отношении несовершеннолетних детей // В сборнике: Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы XVI всероссийской национальной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня основания Новосибирского ГАУ. 2020. С.169-172.
2. Карцева Н.С., Моисеева А.Д. Проблемные аспекты регулирования защиты прав граждан в сфере образования // В сборнике: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУЧНОГО ПРОГРЕССА. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2020. С.305-308.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Агайдарова Алина Георгиевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный технический университет
Коровин Николай Кондратьевич – научный руководитель, старший преподаватель

С развитием новых технологий появляются новые способы совершения преступлений, в связи с чем возникает необходимость тщательно готовиться к проведению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при расследовании преступлений.

Любая деятельность требует подготовки, производство следственных действий, а особенно осмотр места происшествия в обязательном порядке, так полученные после его проведения результаты имеют высокую степень важности в установлении и задержании подозреваемого и в дальнейшем доказывании его вины.

Обнаружение, фиксация и изъятие следов на месте происшествия рекомендуется проводить с разделением на подготовительный, рабочий и заключительный этап, разделяют подготовительную стадию до выезда и по прибытию, а также заключительный этап, стадия фиксации и оценки результатов [1, с. 112 – 115].

Какие же следы можно обнаружить на месте происшествия? Для решения этой задачи следует определить пути подхода к месту совершения преступления и пути отхода. Понятно все люди ходят в обуви, в том числе и преступники, следовательно, нужно по прибытию на место провести подготовительную стадию, осторожно приблизившись к месту осмотреть возможное нахождение следов обуви преступников, а именно на земле, песке, снегу, ином грунте могут отобразиться объемные следы, которые рекомендуется в первую очередь сфотографировать по правилам масштабной съемки, сделать схематическую зарисовку, подготовить план местности, подготовить гипсовый слепок или силиконовую, или иную компаундную пасту. Особое внимание уделяется отличительным признакам, особым, броским, имеющим большое идентификационное значение. Анализируется каждая часть следа обуви носочная, средняя, подметочная и каблучная, является ли подошва выпуклой, гладкой, есть ли на ней рисунок либо возможные повреждения.

Каждый след, а при наличии и дорожка следов описывается в протоколе осмотра, указываются топографические его элементы, размер, форма, тип рисунка, по которому можно оперативно выдвинуть версию каким видом обуви оставлен след, это кроссовки, сапоги, туфли или борцы, а соответственно от вида обуви можно выдвинуть версию кто владелец этой обуви, к какой группе лиц он относится.

Также в отдельных случаях при рассмотрении дорожки следов, в частности по углу разворота, можно установить, что человек, оставивший следы хромает, занимается спортом или имеет иные особенности походки.

На месте происшествия могут быть обнаружены следы босых ног, это как правило на пляже или иных местах, однако не так часто, в этом случае наряду с использованием традиционных тактических приемов, следует обратить внимание на отображение каждого пальца и также плюсневой и пяточной части следа ноги, так как могут отобразиться папиллярные линии, различные особенности следа босой ноги, что имеет идентификационное значение при трасологических исследованиях, изъятых объектов на месте происшествия.

В случае обнаружения на месте происшествия различных следов в виде пересекающихся или переплетающихся линий, иных каких-либо полос, то о происхождении которых можно судить, что они оставлены одеждой или носками, или перчатками.

Одними из распространенных следов, которые можно обнаружить на месте происшествия, являются следы рук человека. Возникает вопрос как их обнаружить ведь они как правило невидимые или слабо видимые?

Самое верное и простое решение – это осмотр наиболее вероятных мест соприкосновения преступника с предметами на месте происшествия. А именно осмотр в косопадающих лучах и на просвет, с использованием технических средств освещения и увеличительных приборов. Далее специалист прибегает к использованию различных дактилоскопических порошков, магнитных и не магнитных, светлых и темных. Имеет место быть использование аэрозолей, растворов азотнокислого серебра или нингидрина, помещением объектов в специальную камеру для обработки циакринолатами. После выявления следов рук их описывают в протоколе осмотра места происшествия, фотографируют, снимают на дактилоскопическую пленку, упаковывают и направляют дактилоскопические исследования [2].

У каждого человека на руках, да и на всем теле имеются поры, при соприкосновении с различными предметами остаются потожировые наслоения, именуемые следами, в связи чем данный метод широко применяется при расследовании преступлений.

Следы рук имеют важное значение при идентификации человека, однако следы, изъятые с места происшествия должны быть достаточного качества и в которых должно отобразиться необходимое количество частных признаков, а это различного рода островки, мостики, крючки, точки слияния или развилки линий, могут быть оставлены приобретенными особыми признаками в виде шрамов.

При обнаружении следов рук высокого качества, но с недостаточным количеством частных признаков рекомендуется проводить комплексное поро-эджескопическое исследование.

Работа со следами рук проводится специалистами с использованием автоматизированной дактилоскопической идентификационной системой АДИС Папилон. В базу заносятся отпечатки рук лиц, представляющих оперативный интерес, лиц, ранее совершивших преступления и следы рук, изъятых с нераскрытых мест преступлений, системе ставится задача на поиск похожих комбинаций частых признаков следов рук, при наличии похожих совпадений выдается информация на экран монитора, эксперт анализирует, проводит дактилоскопические исследования.

В настоящее время кроме того при обнаружении фрагментов потожирового вещества следов рук, его можно изъять по правилам работы с биологическими объектами, смоченным в воде ватным тампоном, затем высушить, поместить в бумажный пакет, направить на генетическое исследование.

При обнаружении на месте происшествия мазков крови, наряду с традиционными тактическими приемами производится их изъятие ватным тампоном, производится сушка, упаковка в бумажный конверт, направляется на биологические или иные исследования.

На месте происшествия можно обнаружить следы крови, по их форме и расположению можно установить механизм происхождения: имела ли место борьба или самооборона, где находилось тело потерпевшего, куда передвигался потерпевший или переносили труп. Мазки крови высушиваются упаковываются в бумажные конверты и направляются на биологические или генетические исследования.

При расследовании преступлений, связанных с побоями или иного семейного насилия, могут оставаться следы от ногтей. Следует сфотографировать по правилам масштабной съемки, сделать схематическую зарисовку, ширину повреждений и что немаловажное расстояние между трассами, оставленные ногтями разных пальцев, при этом при установлении лица кто оставил следы ногтей, можно провести экспертный эксперимент и в дальнейшем назначить трасологическую экспертизу с решением вопросов идентификационного характера.

При расследовании преступлений насильственного характера, в частности изнасилований, могут быть оставлены следы зубов на теле жертвы, а при употреблении в пищу яблок, шоколада или иных продуктов то на них. Учитывая, что у каждого человека размеры и расположение зубов различное, да и зубная формула также, данные следы зубов при их наличии, также могут дать идентификационный ответ.

Часто преступники прибывают на место преступления на автотранспорте, поэтому наличие следов транспортных средств, также важно для установления истины по делу, а также на месте преступления можно обнаружить следы орудий взлома, могут совершаться с применением холодного или огнестрельного оружия, в данном случае рекомендуется в состав группы включить специалиста наряду с трасологом и в области баллистики. При расследовании преступлений в сельской местности или лесопарковых зонах целесообразно включать в группу кинолога со служебно-розыскной собакой для работы со следами запаха при возможном в дальнейшем одорологическом исследовании.

При расследовании преступлений, связанных с борьбой, дракой или иными соприкосновениями преступника и потерпевшего могут остаться на их одежде различного рода микроволокна и микрочастицы, исследование которых может дать информацию о природе которых, их свойств, принадлежность в определенной одежде.

Многие граждане пользуются электронными документами в виде служебной и иной переписки, передаче различной информации по сети Интернет, возникают своего рода виртуальные следы преступления, при совершении преступлений в этой среде.

Е.П. Ищенко определяет цифровой (виртуальный) след, остающийся в различных информационных базах данных, с помощью мобильной связи, кредитных, дебетовых карт, проездных документов, оснащенных магнитным кодом, персональных компьютеров, подключенных к Интернету, электронных товарных бирок, специальных чипов и других подобных устройств [3, с. 203].

Осмотр места происшествия, а в частности осмотр персональных компьютеров, а именно осмотр и изучении информации, находящейся на нем, имеет свои особенности. При этом следует выделять и использовать новые тактические приемы, с решением вопросов что и где осматривать и какие следы при этом остаются? Решение этих вопросов во многом возможно специалистам в области компьютерных технологий, участие которых при осмотре таких объектов обязательно.

Таким образом наряду с применением традиционных тактических приемов при работе со следами на осмотре мета происшествия рекомендуется включать в группу специалистов различных областей знаний для применения новых тактических приемов в области одорологии, компьютерных технологий, генетических исследований, криминалистического исследования веществ, материалов и изделий. В целях повышения эффективности осмотра места происшествия рекомендуется во взаимодействии всего состава группы под единым руководством следователя использовать современные средства обнаружения, изъятия, фиксации и предварительного исследования на месте происшествия в целях быстрого и эффективного расследования преступлений.

Список литературы

1. Коровин, Н. К. Особенности осмотра места происшествия при расследовании хищений, совершенных с помощью сети интернет / Н. К. Коровин // Закон и право. – 2017. – № 5. – С. 112 – 115.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. – М.: Норма, 2017, 990 с.

3. Ищенко Е.П. Криминалистика: главные направления развития // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 203.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Алиев Шамиль Алиевич, Медведева Вероника Денисовна, 3 курс, юридический факультет
Саратовская государственная юридическая академия
Овчинникова Наталья Олеговна – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Говоря о проблемах использования видео-конференц-связи, следует акцентировать внимание на целях внедрения данной системы во все суды Российской Федерации. Основной целью является невозможность участия в судебном заседании осужденных, которые находятся в местах отбывания наказания, или же в иных субъектах России. Также целью можно назвать следующее: «материально-техническое обеспечение судов является также способом контроля и распределения ресурсов в ходе реализации программ развития судебной системы. Посредством системы материально-технического обеспечения судов рациональным способом осуществляется расход различного сырья и материалов для судебной системы, приобретаются посредством государственных закупок работы, товары, услуги и т.д.» [1, с. 22].

Использование в уголовном процессе видео-конференц-связи в последние годы стало частой практикой. Причиной тому послужила пандемия COVID-19, в связи с чем в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены нормы, которые направленны на регулирование вопросов правоприменения видео-конференц-связи. Цель дополнений, внесенных в УПК РФ в 2022 году прежде всего «направлена на оптимизацию судебной стадии уголовного судопроизводства за счёт использования цифровых платформ и технологий, повышения доступности правосудия и уровня защиты граждан» [2]. Стоит отметить, что видео-конференц-связь использовалась и ранее, однако не в таком масштабе. По данным Верховного Суда Российской Федерации вся судебная система России проводит более 1500 судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи за сутки [3].

Изучая проблематику использования видео-конференц-связи, можно найти немало тонкостей, которые законодательно не урегулированы и применяется по аналогии. Примером аналогии закона в нашем случае служит отсутствие в УПК РФ положения о возможности применения в надзорной инстанции видео-конференц-связи. Исходя из этого можно сделать вывод, что в надзорной инстанции использование ВКС не разрешено. Однако в данной ситуации видится возможность применения аналогии в уголовном процессе, поэтому ссылаясь на Кодекс административного судопроизводства РФ часть 6 статьи 142, в которой отмечено, что участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи могут быть применены в суде надзорной инстанции, можно сделать вывод, что и в уголовном процессе это допустимо [4].

До конца не урегулированным остаётся вопрос о присутствии защитника при рассмотрении уголовного дела с помощью видео-конференц-связи лично вместе с обвиняемым. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» обращает внимание на то, что «по смыслу положений пунктов 8 и 9 части 4 статьи 47 УПК РФ в тех случаях, когда участие обвиняемого в судебном разбирательстве обеспечивается путем использования систем видео-конференц-связи, суду в целях надлежащего обеспечения права обвиняемого пользоваться помощью защитника необходимо разъяснить ему право общения с защитником в отсутствие других участников судебного заседания и принять меры к обеспечению возможности такого общения» [5].

Исходя из данного положения, можно сделать вывод, что в подобных ситуациях право обвиняемого на общение с защитником обеспечивается. Однако возникает вопрос, как быть, если потребуется заявить письменное ходатайство или представить доказательства, если при этом защитник находится вместе с обвиняемым? Данное обстоятельство неминуемо будет нарушать права защитника, изложенные в статьях 53 и 286 УПК РФ. В качестве первого варианта разрешения подобной ситуации является «возможность подачи ходатайств, заявлений, жалоб и представлений в суд в форме электронного документа, а также получения судебного решения в такой же форме, что предусмотрено действующей с середины 2016 г. ст. 474.1 УПК РФ» [6, с. 274]. Что же касается доказательств: «Суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием видео-конференц-связи» [7, с. 592], данное положение закреплено в части 8 статьи 389.12 УПК РФ, однако эта норма относится лишь к судам апелляционной инстанции, но как мы отмечали выше, можно прибегнуть к аналогии. Еще одно решение данной проблемы видится в том, что обвиняемому следует предложить нанять двух защитников, один будет находится вместе с обвиняемый, а второй непосредственно в зале судебных заседаний. В данном случае права, как обвиняемого, так и защитника будут реализованы в полной мере. Однако появляются новые обстоятельства - достаточно ли у обвиняемого средств, для того чтобы нанять двух защитников, и как быть обвиняемым, которым представлен защитник от государства? Ответ на первый вопрос является не простым, поскольку у всех разное материальное положение. На второй же вопрос ответа нет, поскольку назначают лишь одного защитника для того, чтобы не нарушить конституционного права обвиняемого.

Не разрешенным до сих пор остается вопрос о проведении всего судебного заседания с использованием видео-конференц-связи. «Однако уголовно-процессуальным законом не предусмотрено проведение всего судебного заседания, от начала и до конца с использованием системы видео-конференц-связи. Тем более в законе ничего не говориться о порядке проведения судебных заседаний в режиме веб-конференции» [6, с. 266]. Но отметим, что «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) дает пояснение относительно проведения всего судебного заседания с использованием ВКС, однако «… новая коронавирусная инфекция внесена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, …, в целях недопущения распространения инфекции принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи,…» [8], данное положение прямо говорит, что подобного рода проведение судебного заседания было дозволено проводить исключительно в период пандемии COVID-19. Следовательно данный вопрос остается открытым.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что проблемы, которые возникают при использовании видео-конференц-связи решаемы. Однако для решения данных проблем нужно сначала столкнуться с ними на практике, чтобы понять, что их нужно решить, путем законодательного вмешательства.

Список литературы

1. Мамыкин А.С. Организационно-техническое обеспечение деятельности судов – М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. 236 с.
2. В УПК внесены изменения, касающиеся использования систем ВКС в судебных заседаниях и предоставления документов в суд в электронном виде [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/news/70261 (дата обращения: 17.03.2023).
3. 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28850/ (дата обращения: 17.03.2023).
4. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс.
6. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации – М.: Юридическое издательство Норма, 2022. 288 с.
7. Бобров В.К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 727 с.
8. "Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС КонсультантПлюс.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КЛЕВЕТЫ

Альшанская Елизавета Михайловна, курс 3, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Проблема защиты чести и доброго имени является одной из актуальных в юриспруденции. Так, согласно ст. 23 Конституции каждый имеет право защиту своей чести и доброго имени [1]. Данное конституционное положение находит свое отражение в главе 17 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

В ряду норм, предусматривающих защиту граждан от посягательства на их честь и достоинство, исследуемая в настоящей статье норма занимает особое место. Уголовно-правовой мере защиты граждан от распространения клеветнической информации совершенно справедливо придается важное значение.

Согласно ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, клевета предполагает распространение заведомо ложных сведений порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, выступают общественные отношения по поводу реализации человеком права на честь, достоинство и репутацию. Потерпевшим от клеветы может выступать любое лицо вне зависимости от его способности воспринимать и осознавать смысл и значение распространяемых в отношении него сведений (малолетний, душевнобольной и др.). Клевета в отношении умершего, как отмечает А.А. Харламова, может рассматриваться как преступление лишь в случае, когда она является средством умаления чести и достоинства живущих лиц [9, с. 186].

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [5] не может быть потерпевшим в уголовно-правовом смысле юридическое лицо — распространение ложных

порочащих измышлений о нем не сдержит состава клеветы, оно может обратиться лишь к средствам гражданско-правовой защиты на основании ст. 152 ГК РФ [3].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, как указывалось ранее, характеризуется действиями в виде распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство или подрывающих репутацию другого лица. Причем распространение порочащих сведений о самом себе не образует состава клеветы.

В науке уголовного права под распространением сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию граждан, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известными третьим лицам.

Распространенная информация должна иметь характер сведений. Сведения — это сообщения о фактах, имевших место в прошлом или происходящих в настоящем. Не считаются сведениями сообщения о будущем, например предположения о том, какой поступок может совершить человек. Также не относятся к сведениям общие оценки личности, так как они не ограничены законом.

Уголовная ответственность наступает за распространение порочащих сведений. Распространение ложных, но не порочащих сведений не является клеветой. В упомянутом Постановлении Пленума от 24.02.2005 № 3 указано, что порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина.

Распространенные порочащие сведения должны быть ложными, не соответствующими действительности, выдуманными распространителем или кем-либо другим.

По конструкции данный состав является формальным, преступление считается оконченным с момента сообщения ложных позорящих сведений хотя бы одному человеку, кроме самого потерпевшего.

Субъективная сторона клеветы характеризуется прямым умыслом.

Если же лицо имело основания полагать, что эти сведения правдивые, т. е. добросовестно заблуждалось относительно их истинности, то состава клеветы нет. В подобных случаях уголовная ответственность не наступает, но потерпевший может обратиться за защитой чести и достоинства в порядке гражданского судопроизводства.

Мотивы преступления разнообразны и на квалификацию не влияют; чаще всего это месть, зависть, желание кому-то угодить.

Субъект клеветы — вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Несмотря на кажущуюся за счет разъяснений Пленума ВС РФ простоту квалификации преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, на практике возникает множество проблем правоприменительного характера.

В частности, суды периодически допускают ошибку при определении признака порочащего характера распространяемых сведений. Так, в рамках уголовного дела, рассмотренного Балезинским районным судом Удмуртской Республики, указывалось, что ««порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [6]. Вряд ли можно согласиться с таким подходом правоприменителя, поскольку это в корне противоречит признакам порочности, закрепленным в постановлении Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3.

Отдельное внимание необходимо уделить квалифицированным видам клеветы, предусмотренных ч. 2 и ч. 5 ст. 128.1 УК РФ. В свете современно общественной и политической ситуации особенно актуальны вопросы совершения клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных.

При этом, законодатель при введении нормы о клевете в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, никак не обосновал свое предложение по установлению уголовной ответственности в отношении таких лиц. По мнению С.А. Ступиной, этот квалифицированный признак клеветы как раз и направлен на предотвращение повсеместных необоснованных заведомо ложных порочащего характера суждений, распространяемых без конкретизации в социальных сетях и Интернете [8, с. 185]. Вместе с тем считаем, что установление содержания клеветы в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных, вызовет трудности у правоприменителя, поскольку на сегодяшний день не существует

легального определения рассматриваемого признака. Заметим, что в УК РФ такое понятие использовано только дважды. В первом случае в ст. 84, посвященной институту амнистии, и во втором как раз в рассматриваемой клевете в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ.

Вместе с тем такая терминология хорошо известна гражданскому, арбитражному и административному судопроизводству.

Что же касается уголовного процесса, то ст. 42 УПК РФ определяется кто признается потерпевшим по уголовному делу. Также Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» в п. 2. разъясняет признаки потерпевшего, среди которых нет характеризующих индивидуально не определенный круг лиц [4]. Следовательно, нормы УПК и УК РФ нуждаются во введении понятия категории индивидуально не определенных лиц в рамках потерпевшего.

Также одной из основных проблем является быстрое развитие информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которое не позволяет своевременно обновлять законодательную базу, а также вносить изменения и дополнения для более качественного регулирования.

По мнению В.С. Грачева, дин из важных аспектов, благодаря которым клевета в Интернете распространяется, является отсутствие соответствующих дефиниций в законодательстве [7, с. 493]. Основополагающим понятием является «ложность». Законодательные критерии определения ложности утверждения отсутствуют. В некоторых случаях на практике наблюдается путаница с понятиями «клевета» и «оскорбление». Определенные затруднения у юристов вызывает определение предмета правового регулирования сферы цифрового права.

Следующая проблема связана со сложностью раскрытия рассматриваемого преступления. Несмотря на то, что клевета в Интернете – достаточно распространенное явление, судебная практика в этом направлении невелика. Процесс собирания доказательств клеветы также сопровождается рядом трудностей. Это выражается ограничениями в технических возможностях следствия. Порою невозможно определить IP-адрес лица, разместившего порочащие сведения. В системе правоохранительных органов действует специальное подразделение под названием Управление «К» МВД России, которое занимается расследованием преступлений, совершенных в сети Интернет. Однако отмечается, что существуют технические ограничения в формировании доказательственной базы для поддержания обвинения в суде.

Исходя из вышеперечисленного доказать клевету в сети Интернет сложно. Для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо собрать вескую доказательственную базу.

Другой проблемой является отсутствие в рабочих программах учебных дисциплин, связанных с углублением навыков работы в сети Интернет, а также с использованием современных цифровых технологий. Постоянный прогресс в данной сфере должен повлиять на образовательную систему бедующих юристов.

Как итог, отметим, что для унификации правоприменительной практики и повышения эффективности противодействия клеветы, нередко маскируемой под «выражение мнения» актуальны всесторонние разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Большинство существующих проблем, возникающих у правоприменителя в процессе квалификации клеветы, связаны с ошибочным установлением признаков состава преступления, а именно в объекте (предмет, потерпевший), объективной стороне (момент окончания, характер деяния), субъективной стороне — наличие прямого умысла и его содержание. Правильное установление этих признаков позволит верно осуществить квалификацию содеянного.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 № 11–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. – 2010. – № 147.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. – 2005. – № 50.
6. Решение Белезинского районного суда Удмуртской Республики от 22.11.2018 по делу № 2-530/2018 // URL. sudact.ru (дата обращения: 01.04.2023).
7. Грачев В. С., Баринов С. В. Проблемы уголовной ответственности за клевету в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационная роль права в условиях смены научно-технологической парадигмы (стратегическая панель). – 2021. – С. 490-496.

8. Ступина С. А. Мнение или клевета? Новое в статье 128.1 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. – 2021. – С. 184-186.
9. Харламова А. А. Клевета: уголовно-правовая характеристика и вопросы правоприменения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. – 2021. – С. 186-189.

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАМОЖЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Анисимов Данил Александрович, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Анализ таможенной преступности необходимо начать с раскрытия ее понятия. Следует отметить, что сама проблема определения таможенной преступности актуализировалась, когда в Уголовном кодексе РФ появились нормы, защищающие от преступных посягательств таможенную сферу.

Понятие таможенной преступности возникло сравнительно недавно, в связи с развитием международной торговли и усилением контроля за перемещением товаров через границы. Исторически развитие таможенной преступности можно условно разделить на несколько этапов.

Первый этап связан с появлением таможенных пошлин и сборов в Древнем Риме и в средневековой Европе. В то время таможенная служба занималась в основном сбором налогов и пошлин, а также контролем за перемещением товаров через границы. В этот период таможенная преступность была связана преимущественно с попытками контрабанды товаров и уклонения от уплаты налогов. Как такового понятия «таможенная преступность» не существовало.

Второй этап начался в XIX веке, когда таможенные службы стали играть более важную роль в государственном аппарате. В этот период таможенные службы начали активно преследовать контрабандистов и других нарушителей таможенного законодательства. Также в этот период стали появляться международные соглашения о борьбе с контрабандой и таможенной преступностью.

Третий этап связан с развитием международной торговли и глобализацией экономики в XX веке. В этот период таможенная служба стала играть еще более важную роль в государственном аппарате, и таможенные службы разных стран начали активно сотрудничать между собой в борьбе с таможенной преступностью [1].

Вопрос о понятии таможенной преступности на современном этапе развития российского законодательства является особенно актуальным. До сих пор в науке криминологии и уголовного права нет единого комплексного понятия таможенной преступности, поскольку в науке уголовного права понятие «таможенная преступность» относительно недавно, поскольку УК РСФСР 1960 г. содержала лишь одну статью 78 (контрабанда), которая и имела непосредственное отношение к таможне. В современных условиях рыночной экономики изменились функций и роль таможни в государстве, что привело к существенному расширению юридической базы, регулирующей таможенные отношения [7].

В современных учебных пособиях по криминологии и уголовному праву чаще всего встречается такое определение понятия таможенная преступность: это нарушение таможенного законодательства, в том числе ввоз и вывоз товаров через таможенную границу, без уплаты необходимых пошлин, налогов и сборов, а также использование фальшивых документов и других незаконных методов [5].

Однако в научных трудах существуют и иные определения, например: таможенная преступность – это вид преступности, который представляет собой совокупность преступлений, уголовно-правовые нормы о составах которых содержат уголовно-правовые признаки преступлений в области таможенного дела (таможенных преступлений) [2].

Рассмотрев вопрос о понятии таможенной преступности, можно непосредственно перейти к вопросу о процессах причинности и детерминации таможенной преступности и следует сказать, что они производны от общих процессов, определяющих социальную направленность таможенной преступности.

Одной из социальных характеристик таможенной преступности является низкий уровень экономического развития региона или страны. В таких условиях таможенные пошлины и налоги могут быть слишком высокими для многих предпринимателей, что приводит к необходимости использовать незаконные методы, чтобы сократить расходы на импорт и экспорт товаров.

Другой социальной характеристикой таможенной преступности может быть коррупция в государственных органах, включая таможенные службы. В таких случаях таможенные служащие могут получать взятки от предпринимателей, чтобы пропустить незаконные товары через таможню.

Также таможенная преступность может быть связана с нарушением прав человека и социальной справедливости. Например, когда некоторые компании получают преимущества в импорте и экспорте товаров, а другие ограничены в своих возможностях, это может привести к неравенству и социальной дискриминации.

Для борьбы с таможенной преступностью необходимо учитывать социальные факторы и принимать меры для улучшения экономического развития, борьбы с коррупцией и обеспечения социальной справедливости. Это может включать усиление контроля за таможенным процессом, повышение квалификации таможенных служащих, а также улучшение законодательства в этой области [4].

Важнейшим политическим фактором стала форсированная либерализация внешнеэкономической деятельности, чрезмерная открытость российской экономики. Данное обстоятельство относится к числу наиболее значимых в процессе «первоначального» накопления капитала, в том числе и криминального [3].

Политические факторы могут играть важную роль в возникновении таможенной преступности, так как она может быть связана с коррупцией, недостатком контроля и непрозрачностью в таможенных органах.

Коррупция может возникать из-за неэффективности таможенных органов, недостаточной оплаты таможенных служащих, отсутствия контроля со стороны государства, непрозрачности процессов и т.д. Эти факторы могут создавать условия для возникновения таможенной преступности, такой как контрабанда, подделка, фальсификация, мошенничество и другие преступления.

Политические решения также могут влиять на таможенную преступность. Например, изменения в законодательстве или политической ситуации могут привести к изменению вида и объема таможенных преступлений. Кроме того, политические решения могут повлиять на работу таможенных органов и их способность бороться с таможенной преступностью.

В целом, таможенная преступность является сложным явлением, которое может иметь различные причины и последствия. Политические факторы могут играть важную роль в ее возникновении, и эффективное борьба с таможенной преступностью требует не только правовых мер, но также и политических решений и реформ [6].

Таким образом, подводя итоги исследуемой работы можно сказать, что сегодня обеспечение политической безопасности, решение проблем нейтрализации организованной, в том числе экономической таможенной преступности лежит в сфере формирования новой политики обеспечения безопасности страны. Стержневым элементом этой политики должно быть формирование системы ценностей, целей, интересов, которые были бы едиными для всех социальных слоев и групп общества и служили бы интересам повышения уровня самоорганизации политических, экономических, социальных и иных процессов.

Список литературы

1. Арестова, Е. Н. Основы квалификации и расследования преступлений в сфере таможенного дела: учебник и практикум для вузов / Е. Н. Арестова, Н. И. Крюкова, А. Г. Никольская. — 3-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 258 с.
2. Витюк, В. В. Понятие и общая характеристика таможенной преступности в Российской Федерации / В. В. Витюк // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2022. – № 4(101). – С. 103-121.
3. Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. 4-е изд. М.: НОРМА, 2010. 996 с.
4. Колмыкова, Т. С. Исследование современных проявлений криминализации в сфере финансово-экономических отношений / Т. С. Колмыкова, А. Э. Колмыкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 146-157.
5. Матвеева, Т. А. Таможенное право: учебное пособие для вузов / Т. А. Матвеева. — 2-е изд., доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 224 с.
6. Родионова, А. В. понятие уголовной политики в области таможенного дела / А. В. Родионова //. – 2017. – № 10(24). – С. 41-42.
7. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) //Свод законов РСФСР, т. 8, с. 497.

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СФЕРУ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Арчибасов Алексей Михайлович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

История формирования общественных отношений свидетельствует о целесообразности использования негласных методов и средств для действенного противодействия преступности. При этом негласный характер оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД), предполагающий возможность вторжения в частную жизнь человека, порождает потребность в контроле за ее осуществлением.

Проблематика судебного контроля над оперативно розыскной деятельностью стала актуальной после принятия в 1993 году Конституции РФ [1]. Согласно ст. 1 и 2 Конституции Российской Федерации - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, высшей ценностью которого выступает человек, его права и свободы, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. После введения в действие Конституции РФ был образован институт судебного контроля в области ОРД. О.Н. Третьякова полагает, что изучаемый институт регламентирует такие права, как дача разрешений на осуществление оперативно-розыскных мероприятий

(ОРМ), ограничивающие конституционные права граждан, все эти действия были отнесены к компетенции органов судебной власти[2, с.339].

Конституционное право граждан на доступ и защиту от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-служебных полномочий гарантировано статьей 23 Конституции Российской Федерации [1] и статьей 5 Федерального закона "Об оперативно- розыскной деятельности"[3].

В научной литературе вопросы относительно судебного контроля за ОРД не раз являлись предметом научных споров со стороны ученых-правоведов. Одни исследователи признают судебный контроль за ОРД необходимостью, в целях соблюдения конституционных прав граждан, другие, наоборот, толкуют о бесперспективности такого вида контроля [4, с.69]..

А.Ю. Коптяев даёт следующее определение судебного контроля на досудебных этапах уголовного процесса: это специальный, независимый вид судебной деятельности, нацеленный на соблюдение прав, свобод человека и гражданина, а также их защиту и незамедлительное восстановление, в случае их нарушения [5, с.364]. Соответственно, судебный контроль - это функция суда, направленная на проверку законности и обоснованности действий и решений органов, осуществляющих ОРМ.

Судебный контроль имеет своей целью привлечение к ответственности лиц, совершивших незаконные действия (бездеятельность), а также способствует укреплению законности в обществе, оптимизации работы правоохранительных органов.

Осуществление судом контрольной функции относительно вопросов проведения оперативно-розыскного мероприятия является возможным в случае, когда предмет рассмотрения содержит в себе информацию о наличии всех юридических критериев, которые по закону являются основаниями для проведения того или иного действия и которые судья как субъект контроля может всесторонне изучить и дать правовую оценку.

В зависимости от масштабности и характера действий, осуществляемых в процессе ОРМ и в границах территории, на которой они проводятся, суды могут проводить предварительные, надзорные, частные и специальные проверки.

Предварительные проверки дают возможность убедиться в законности проводимых ОРМ. Основное назначение таких проверок - не только установление факта наличия или отсутствия оснований для проведения ОРМ с целью получения доказательств по делу, но и принятие решения о необходимости проведения дальнейших ОРМ для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Судебный контроль в практике Европейского суда признавался наиболее преимущественной формой контроля, т.к. им обеспечиваются наилучшие гарантии независимости, беспристрастности и надлежащей процедуры. При этом отмечалось, что критерию объективности не соответствует возложение контрольных полномочий на органы уголовного преследования или руководителя органа власти, проводящего мероприятие [6].

Из содержания главы VI ФЗ «Об ОРД» [3] видно, что судебные органы в качестве субъектов контрольной деятельности прямо не обозначены, а контрольная функция суда определена в других положениях ФЗ «Об ОРД» (ст. 5 и 9). Конституционным Судом РФ отмечалось, что судебные органы осуществляют предварительный (на этапе санкционирования соответствующих ОРМ) и последующий контроль за действиями и решениями органов, осуществляющих ОРД, если эти действия и решения привели к нарушению прав и свобод лиц, в отношении которых проводились ОРМ [7].

При этом судебные органы не осуществляют текущий контроль за ОРД. Исключением является система уведомления об уничтожении результатов ОРМ, санкционированных судом, предусмотренная ст. 5 ФЗ «Об ОРД» [3]. Однако эта норма не имеет какого-либо императивного значения, т.к. у суда нет полномочий запретить уничтожение либо осуществить проверку результатов ОРМ.

Р.В. Мясоедова полагает, что дискуссионным и противоречивым в научном и профессиональном сообществах остается вопрос об эффективности судебного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, и конкретно роли судьи в этом контроле [8, с.94].

В то же время некоторые ученые не признают существования контрольной функции суда, считая, что такая функция является не более чем фантазиями отдельных авторов, необоснованными попытками выдавать желаемое за действительное. Контрольная функция суда должна быть закреплена законом, поскольку контроль предполагает прямое вмешательство надзорного органа в контролируемый процесс, но суд не может остановить начавшееся мероприятие или, наоборот, предложить более эффективный вариант его проведения.

Руководствуясь ст.5, ст.8, ст.9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]., можно выделить две формы судебного контроля над ОРД: это рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан и рассмотрение жалоб граждан, по мнению которых их конституционные права были нарушены.

При обращении лица, по мнению которого его конституционные права были нарушены, орган, осуществляющий ОРД, предоставляет материалы об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ в суд для оценки законности и необходимости таких ограничений. За судом сохранено право разрешить или ограничить конституционные права граждан, либо вообще запретить такое ограничение при

проведении ОРМ. Возможность истребовать материалы дела, свидетельствующие о нарушении прав гражданина и о противоправной деятельности в отношении лица, является средством защиты конституционных прав граждан от возможных незаконных ограничений органами осуществляющих ОРД.

Подводя итог рассматриваемому нами вопросу, связанному с судебным контролем за оперативно-розыскной деятельностью, можно резюмировать, что такой контроль неоднозначен, поэтому вопрос о его развитии и направлении актуален. Важно понимать, какую роль это играет в ОРД и стоит ли расширять рамки этого контроля или наоборот сужать их. Возможно, стоит ввести такую категорию судей, которые будут заниматься только этим вопросом в сфере оперативно-розыскной деятельности, как предлагают некоторые ученые. Следует также сказать, что проанализировав мнения многих авторов на эту тему, мы пришли к выводу, что данный аспект нуждается в более детальном анализе, поскольку данный судебный контроль применяется на практике и играет определенную роль в оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Третьякова, О. Н. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью: за и против / О. Н. Третьякова // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 338-341.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1995. — №33. — Ст. 3349.
4. Карев А. Р. Формирование в России судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования / А.Р. Карев //Экспериментальная наука: механизмы, трансформации. – 2022. – С. 69.
5. Коптяев, А. Ю. Судебный контроль за проведением оперативно-розыскных мероприятий,ограничивающих конституционные права граждан / А. Ю. Коптяев // Борьба с преступностью: теория и практика – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2022. – С. 363-365.
6. Case of Klass and others v. Germany (Application no. 5029/71). Judgment Date 06.09.1978 // European Court of Human Rights. // [Электронный ресурс] // URL: http://hudoc.echr.coe.int/ eng?i=001-57510 (дата обращения: 22.03.2023).
7. Определение КС РФ от 27.06.2017 № 1421-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Мясоедова Р. В. Эффективность судебного контроля в системе защиты прав и законных интересов человека и гражданина / Р.В. Мясоедова //Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – №. 1. – С. 92-98.

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аскарова Лилия Радыховна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Стоит согласиться с И.Р. Шикула в том, что насилие над детьми объединяет достаточно широкий диапазон противоправных деяний, посягающих на личные права малолетних, наиболее ценным из которых является право на жизнь [7, с. 298]. Для любой страны дети — ее главное достояние, залог будущего функционирования и развития. Убийства детей негативно сказываются на общей демографической ситуации в стране, подрывают систему ее государственной безопасности, поэтому защита жизни каждого ребенка должна стать основным приоритетом уголовно-правовой политики государства

Проблема уголовно-правовой оценки убийства матерью новорожденного ребенка имеет длительную историю. В разные исторические периоды по-разному решался вопрос об ответственности женщин, убивавших своих новорожденных детей. Нет единства по этому вопросу и в современной уголовно-правовой доктрине. Состояние современной преступности требует от правоприменителя более точной уголовно-правовой квалификации. В настоящее время можно наблюдать изменение числа осужденных по ст. 106 Уголовного кодекса РФ [1]. Так, исходя из материалов судебной статистики, предоставленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации следует, что в 2014 по ст. 106 УК РФ было осуждено 42 женщины, в 2015 – 45, в 2016 – 58, в 2017 – 42, в 2018 – 33, в 2019 – 26, в 2020 – 29, в 2021 – 26 [8]. Сокращение показателей детоубийства свидетельствует лишь о высоком уровне латентности данных деяний. Женщина, планирующая «избавиться» от ребенка не оформляет необходимые медицинские документы, скрывает факт беременности от общества. Преступник (мать) и жертва (ребенок) изначально находятся наедине, что обеспечивает неизбежность причинения смерти новорожденному и секретность данного преступления.

Несмотря на относительно малое количество указанных преступлений в общей совокупности совершаемых преступлений на территории РФ, лица совершающие данные преступления не позволяют

развивать институт семьи и лишают жизни беззащитных и полностью зависящих от матерей индивидов — новорожденных.

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемных аспектов квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, дадим общую характеристику элементов состава указанного преступления.

Убийство матерью новорожденного ребенка является видом убийства, отличающимся наличием смягчающего обстоятельства. Диспозиция указанного преступления в ст. 106 УК РФ закреплена следующим образом: «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости».

Потерпевший – новорожденный ребенок. В практике принят подход, согласно которому новорожденным признается ребенок с момента констатации живорожденности до месячного возраста. Убийство младенца более старшего возраста должно квалифицироваться в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, как убийство малолетнего.

Объектом данного преступления является жизнь новорожденного ребенка, начальный момент охраны которой, как указывает О.Г. Донская, определен признаком, содержащимся в диспозиции ст. 106 УК РФ – «во время родов», т.е. именно с этого момента охраняется жизнь отдельного индивида, полноценного члена общества [4, с. 115]. Беспомощное □состояние новорожденного в уголовно-правовом □смысле рассматривается в науке уголовного права как особое (уязвимое) психологофизиологического состояние ребенка, при котором он изначально лишен способности понимать характер преступных действий и принимать меры, необходимые для самосохранения от насильственных действий со стороны матери [7, с. 299].

В соответствии с диспозицией статьи 106 УК РФ убийство новорожденного осуществляется как путем действия, так и путем бездействия.

Анализ диспозиции статьи позволяет выделить четыре вида детоубийства: 1) во время родов; 2) сразу же после родов; 3) в условиях психотравмирующей ситуации; 4) состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Последние два вида убийства обоснованы особым состоянием женщины (социальная обстановка, послеродовой синдром), первые два регламентированы без специальных условностей для применения.

Субъективная сторона преступления предполагает наличие вины в виде прямого или косвенного умысла.

Субъект этого преступления – специальный. Им может быть только женщина – мать, в том числе и суррогатная, новорожденного ребенка, достигшая к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

При этом законодательная регламентация ст. 106 УК РФ обусловливает совершенно необоснованное применение привилегированного состава при отсутствии каких-либо реальных смягчающих факторов. Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что «убийство матерью ребенка спустя продолжительное время после родов (при отсутствии других признаков, закрепленных в ст. 106 УК РФ), необходимо квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [5, с. 230]. Думается, что если детоубийство не связано с особым психофизиологическим состоянием, вызванным родами или психотравмирующей ситуацией, применять привилегированную норму не следует. Так, например, действия матери, перерезавшей горло своему новорожденному ребенку и выбросившей труп в мусорный контейнер, должны быть квалифицированы по п. «в» ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Одной из проблем квалификации данного деяния, является наличие или отсутствие заранее возникшего умысла на совершение данного деяния. Связано это с тем, что на практике определить наличие заранее обдуманного умысла достаточно сложно, за исключением случаев приготовления орудий совершения преступления.

Таким образом, с одной стороны, определенной аргументацией для выделения привилегированного состава является аномальное психическое состояние матери, наступающее в результате родового акта или кризисных социальных условий, а с другой – закон не обязывает, чтобы в момент убийства было какое-либо исключительное состояние психики. Представляется, что преднамеренные убийства новорожденных не должны «автоматически» квалифицироваться по ст. 106 УК РФ.

Наряду с этим, в доктрине и практике до сих пор нет однозначного определения срока, который обозначен в законе как «сразу же после родов». В научной литературе таковым признается промежуток времени после рождения ребенка и до выделения плаценты, максимум один час после изгнания плаценты, время раннего послеродового периода продолжительностью от двух до четырех часов, первые сутки после рождения ребенка, индивидуально предопределяемый срок по каждому случаю убийства матерью новорожденного ребенка [6, с. 20].

Определение срока «сразу же после родов» имеет чрезвычайно важное значение. От этого зависит квалификация содеянного женщиной. Если женщина-детоубийца причинит смерть ребенку по истечении данного срока, то она должна подлежать уголовной ответственности не по ст. 106, а по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Наиболее реалистичным, на наш взгляд, является подход, в соответствии с которым данным сроком может признаваться время в течение первых суток после рождения ребенка. При подобном подходе снимутся многие правоприменительные сложности, а практика получит четкий, понятный, доказуемый критерий для разграничения рассматриваемых составов преступлений.

Проблемы в судебно-следственной практике возникают по поводу вопроса об ответственности по ст. 106 УК РФ матери новорожденного ребенка, которая не достигла 16-летнего возраста. Проблема заключается в том, что ответственность за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, возможна только с шестнадцатилетнего возраста. Но как быть, если мать, убившая своего ребенка, старше четырнадцати лет, но младше шестнадцати лет? Квалификация должна быть проведена по ч. 2 ст. 105 УК РФ (как убийство заведомо беспомощного лица), т.к. ответственность за совершение данного преступления наступает с четырнадцатилетнего возраста. В соответствии с этим большинство правоприменителей считают, что нужно снизить возрастной ценз ответственности за рассматриваемое преступление до четырнадцати лет [3, с. 932]. Однако вряд ли можно представить, что подобный подход соответствует принципу справедливости и гуманизма уголовного права.

Одним из проблемных аспектов является закрепление в законе признаков объективной стороны, разграничивающих анализируемое преступление на четыре разновидности. На необходимость всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [2]. В частности, отмечается, что «по каждому делу должны быть исследованы все обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания» (п. 1).

Анализ диспозиции ст. 106 УК РФ позволяет выявить следующие разновидности данного преступного деяния - убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное: во время родов; сразу после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Таким образом, в качестве обязательных признаков закрепляются время, условия и обстановка совершения данного преступного деяния.

Приведенное детализированное перечисление законодателем соответствующих элементов представляется излишним. Все указанные обстоятельства значимы для анализируемого привилегированного состава не сами по себе, а вкупе с особым психологическим состоянием женщины, обусловленным влиянием процесса родов и связанных с ним аспектов. Обособленная же их регламентация зачастую приводит к сложностям правопонимания и правоприменения ст. 106 УК РФ.

Таким образом, рассмотренная норма уголовного закона несовершенна и применение ее в современных условиях достаточно проблематично. Представленные в данной статье выводы и предложения основаны на правилах квалификации, требованиях основополагающих уголовно-правовых принципов, целях и задачах уголовного закона; направлены на минимизацию квалификационных ошибок в данной области, совершенствование действующего законодательного и правоприменительного подходов.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. – 1999. – № 24.
3. Аммалаимиева Г. А., Петросян А. Г. Убийство матерью новорожденного ребенка // Аллея науки. – 2018. – Т. 8. – №. 5. – С. 931-935.
4. Донская О. Г., Москалева Е. Н. Жизнь новорожденного ребенка как объект уголовно-правовой охраны // Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – №. 2. – С. 114-120.
5. Иванова Д. Н. Дискуссионные вопросы квалификации ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты. – 2019. – С. 229-233.
6. Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка: некоторые проблемы квалификации и законодательные перспективы состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Криминалистъ. – 2022. – №. 1. – С. 19-26.
7. Шикула И. Р. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемные вопросы квалификации и тенденции решения //Уголовная политика и правоприменительная практика. – 2019. – С. 298-304.
8. Данные судебной статистики. Сайт «Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации» // URL. http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 07.04.2023).

УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ЛИЦОМ, НЕ ИМЕЮЩИМ ВОДИТЕЛЬСКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Бажева Дарья Владиленовна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный университет экономики и управления
Метельский Павел Сергеевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

На сегодняшний день остро стоит необходимость совершенствования гл. 27 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1], которая содержит составы преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Большое количество проблем, связанных с несовершенством юридических конструкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, обуславливается тем, что во многие из них была внедрена административная преюдиция, применение которой пока в уголовном законодательстве не обходится без сложностей. Криминализация правонарушений в сфере безопасности дорожного движения имеет и положительный потенциал, а именно, введение в действие ст. 264.1 УК РФ, ст. 264.2 УК РФ, ст. 264.3 УК РФ влияет на стабилизацию транспортной дисциплины среди участников дорожного движения.

Детальный анализ Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [2] позволяет сделать вывод о том, что в диспозиции составов административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, законодатель использует две категории – «лицо, не имеющее права управления транспортным средством» и «лицо, лишенное права управления транспортными средствами». Ст. 12.7 КоАП РФ имеет наименование «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством». Однако, если и в основном составе этого правонарушения, а именно в ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ предусматривается административная ответственность за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством, то в остальных составах в большей степени речь идет об управлении транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами.

Очевидно, что наименование ст. 12.7 КоАП РФ отчасти не соответствует ее содержанию, а перечисленные категории имеют разный правовой смысл, вследствие таких терминологических противоречий возникают проблемы в правоприменительной практике. Так, толкование данных категорий приводится в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ» [3]. Исходя из анализа содержания этого пункта, к «лицам, не имеющим права управления транспортными средствами» относятся лица, которые никогда не получали водительского удостоверения или у которых срок его действия истек или был прекращен судом по медицинским показаниям, а к «лицам, лишенным права управления транспортными средствами» относятся лица, которые были лишены водительского удостоверения в качестве наказания в рамках административного или уголовного судопроизводства. Поэтому, отождествление этих категорий законодателем в ст. 12.7 КоАП РФ как общего и частного не является целесообразным. Тем не менее, их ошибочное употребление было заимствовано из административного в уголовное законодательство.

Вместе с тем, несмотря на идентичную общественную опасность как управления транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством, так и водителем, лишенным права управления транспортными средствами, в 2022 г. был криминализован только второй случай, посредством установления нового состава преступления - ст. 264.3 УК РФ. Как в случае отсутствия прав на управление транспортным средством, так и в случае их лишения, лицо, принимая решение о передвижении на транспортном средстве без них, подвергает опасности остальных участников дорожного движения – пешеходов и водителей. Решение о лишении водительских прав принимается только судьей и в случае самых серьезных правонарушений, а управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами в таком случае отождествляется с неповиновением закону. Однако, отсутствие необходимого опыта и знаний практического вождения делает в том числе езду без прав чрезвычайно опасной. Поэтому, закрепление административной преюдиции только за повторное управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами, не является справедливым.

Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве отдельных зарубежных государств не встречается разграничения лиц, у которых отсутствует право управления транспортными средствами на различные категории. Например, в Уголовном кодексе Германии как вождение без прав квалифицируются случаи управления автомобилем, когда права были отозваны, и случаи, когда этих прав никогда не было. Законодатель в Германии наделяет оба случая равной степенью общественной опасности. В качестве наказания за это деяние назначаются штрафы, прекращение действия страховой защиты в случае ДТП, установление запрета на пользование транспортным средством, а также лишение свободы до одного года. Применение подобного рода мер в правоприменительной практике России ужесточит транспортную дисциплину и обеспечит в большей степени защищенность интересов участников дорожного движения [4].

Таким образом, видится необходимость развития тенденции усиления уголовной ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения и криминализации управления транспортным средством лицом, не имеющим водительского удостоверения, посредством указания на преступность данного действия как в наименовании ст. 264.3 УК РФ, так и в содержании ч. 1 ст. 264.3 УК РФ. В связи с тем, что в ч. 1 ст. 264.3 УК РФ упоминается ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, в которой в том числе не указывается на противоправность повторного управления транспортным средством лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, то последняя статья в том числе подлежит изменению. Криминализация действий лиц, не имеющих водительского удостоверения и управляющих транспортным лицом, повлечет в перспективе дальнейшее совершенствование норм с административной преюдицией в гл. 27 УК РФ в связи с тем, что исключительное использование категории «лицо, лишенное права управления транспортными средствами» не ограничивается ст. 264.3 УК РФ, а имеет место быть и в других составах преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июн. 1996 г. № 63-ФЗ : принят
2. Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июн. 1996 г. : [ред. от 03.04.2023] // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. [ред. от 03.04.2023] // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июн. 2019 г. № 20 // Российская газета. – 2019. - № 142.
5. Танага И. В. Международный опыт ужесточения наказания за совершение преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / И. В. Танага // Вестник КРУ МВД России. - 2018. - № 4 (30). - С. 81-83.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА ЛИЦ, ВЫЕХАВШИХ ЗА ГРАНИЦУ В СВЯЗИ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ

Безгодов Марк Валентинович, 1 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, профессор

Специальная военная операция (СВО) на Украине о начале которой президент России объявил 24.02.22г. Выявило часть недовольных сограждан в нашем российском с вами обществе. И после объявление президентом соответствующий указа[1] спровоцировало значительную часть тех самых недовольных граждан, что на добровольной основе покинули страну и уехали за границу, дабы избежать выполнения вышеупомянутого указа, что в свою очередь, является нарушением и не исполнением своих гражданских обязанностей, по которому можно привлечь к ответственности ,где написано, цитирую: «Граждане за неисполнение своих обязанностей в области мобилизационной подготовки и мобилизации несут ответственность в соответствии с законодательством РФ» [2]. Наличие факта и понимание нарушения и не выполнение своих гражданских обязанностей у недобросовестных граждан, мы выявили и доказали незаконность их действий. И мы все понимаем, что эти самые граждане будут привлекаться в будущем за неисполнений своих обязанностей, если те, в свою очередь ,вернуться на родину. Но не все так просто, ибо эти же самые граждане начинают подрывную информационную деятельность распространяя клевету и ложь, что в современном информационном мире можно расценивать как предательство и саботаж. И стоит вопрос, как стоит поступать с такими гражданами и депутаты из Государственной Думы в инициативном порядке предлагают разработать законопроект о конфискации имущества уехавших граждан, которые своими действиями наносят вред всей стране за границей. Статья посвящена тому, имеет ли право государство на совершение конфискации имущества у такого типа граждан. Но давайте же прежде всего разберем, что такое же такое собственность и имущество и за что государство может конфисковать эту самую собственность у граждан.

Собственность и имущество, если рассматривать с понятийного аппарата и юридической точки зрения это наиболее полный комплекс прав, которым может обладать субъект права в отношении своего имущества. В ряде теорий признаётся также собственность на некоторые права. Конституция РФ статья 35[3] и гражданским кодексом, Россия признают и гарантируют любые формы собственности, при этом нормативно установлены три формы: государственная (федеральная и субъектов России), муниципальная и частная собственность.

Государственная собственность - имущество, в том числе средства и продукты производства, принадлежащие государству полностью, либо на основе долевой или совместной собственности. Государству могут принадлежать акции в акционерных обществах различных форм собственности, кроме того, государство может иметь в собственности любое имущество, необходимое для осуществления его функций. Право государственной собственности в Российской Федерации закреплено статьёй Статьей 214[4].

Муниципальная собственность — это имущественный комплекс муниципального образования, в который входят земельные участки, движимое и недвижимое имущество.

Частная собственность — одна из форм собственности, которая подразумевает защищённое законом право физического или юридического лица, либо их группы на предмет это может быть как движимое и недвижимое имущество.

К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений , если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке 130 статья Гражданского кодекса Российской федерации.

Вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе [4].

В каких случаях применяется конфискация имущества? Уголовный кодекса Российской Федерации содержит закрытый перечень видов наказаний. Как следует из нормы, уголовного наказания, как конфискация имущества. Законодатель относит к иным мерам уголовно-правового характера. Конфискация имущества назначается только судом и состоит в принудительном безвозмездном обращении в собственность государства определенных видов имущества, таких как деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения перечисленных в статье 104.1 УК РФ ,а так же в случае если доходы полученные от имущества идут на финансирование экстремисткой деятельности это выделено в абзаце «В» 104.1 статьи уголовного кодекса РФ [5].

Не подлежит конфискации имущество и доходы от него, которые должны быть возвращены законному владельцу; имущество, приобретенное законным путем, к которому было приобщено имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества; имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), если лицо, принявшее имущество, не знало, что оно получено в результате преступных действий. Порядке применения конфискации имущества определен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 [6].

Но все же давайте вернемся к нашему вопросу может ли государство конфисковать имущество лиц выехавшие за границу в связи с СВО? Однозначно точного ответ дать нельзя, так как еще на данный момент написание данной статьи не сформирован и не принят новый законодательный акт, который, давал бы такие полномочья и права государству. По конфискации имущества именно граждан, что покинули страну с связи со специальной военной операцией на Украине (СВО), но однако не все так плохо как могло показаться так как часть граждан, что уехали занимаются тем, что открыто публично и в сети интернет оскорбляют нашу с вами страну, ее жителей, солдат и офицеров что, согласно законодательству РФ, подобные заявления могут быть расценены как призывы к экстремизму, реабилитации нацизма, или дискредитация Вооруженных сил. А это уже основание и повод для конфискации имущества граждан, что уехали за границу со связи с началом СВО и все имущество применить для возмещения причиненного им ущерба, и средства, полученные при конфискации и продажи имущества можно применить для граждан, что пострадали при исполнении воинской обязанности в СВО.

Но давайте все таки обратим внимание на мнение Российского политика Вячеслава Володина, что так рьяно заявляет о том, что необходимо конфисковать имущество и предложил цитирую «В этой ситуации правильно будет соответствовать статьи Уголовного кодекса дополнить пунктом о конфискации у негодяев имущества в РФ, которого у них достаточно, чтобы возместить нанесенный ущерб » - предложил Володин.

Так же Вице-Спикер Анна Кузнецова предложила давать жилье сиротам за счет имущества граждан покинувших Россию, для решения проблем с обеспечение детей-сирот жильем.

Так же Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастыкин предлагает возвращения к «Институту конфискации» где лишить имущества могут уже по факту того что человек преступник. Такое мнение высказал Председатель Следственного комитета на заседание коллегии Минюста «Давайте вернемся к «Институту конфискации» как дополнительной мере уголовного наказания. Не мере обеспечения возмещения ущерба в процессе рассмотрения уголовного дела, а как меру уголовного наказания, украл – отдай государству».

Но что нам могут сказать насчет этого авторитетные юристы? Доктор юридических наук Иван Соловьев, заявил, что депутаты Государственной Думы без труда смогут, дополнить перечень наказаний имущества, но так как мы находимся в правовом государстве отнимать жилье как после революции не будут, а Президент Союза адвокатов России Игорь Трунов сказал, что конфискация за дискредитацию Вооруженных сил будет попросту неэффективна, и так же дополнил, что пока будут принимать и одобрять, имущество перейдет к третьим лицам и конфискация не будет более чем возможным.

По итогу можно сделать вывод исходя из того, что мы с вами рассмотрели понятие того, что такое собственность и как оно может быть конфискованное государством на законных основаниях, но на данный

момент нет специального федерального законодательства Российской Федерации или статьи в кодексе уголовного права, что могло бы на прямую воздействовать на всех граждан, что покинувшие страну во время начала СВО, но возможно лишь в индивидуальном порядке при некоторых условиях. Точной оценки этого вопроса дать нельзя, так как есть люди, что за и против, но видно, что этот вопрос актуален и насчет него высказалось и заинтересовалось не мало авторитетных и заслуженных юристов страны так и люди что работают в государственном аппарате.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21.09.2022 N 647 "Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации// СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.
2. Федеральный закон от 26.02.1997 N 31-ФЗ (ред. от 04.11.2022) "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2022) // СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.
3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.
4. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.
5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 N 17 "О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве"// СПС КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС.

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Белоусова Елена Евгеньевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Оперативный эксперимент – это оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в искусственном создании обстановки, максимально приближенной к реальности, в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, без уведомления их об участии в оперативном эксперименте.

В практике оперативно-розыскной деятельности оперативный эксперимент вызывает множество проблем, поскольку это оперативно-розыскное мероприятие основано на элементах провокации.

Проблемы обеспечения законности при проведении оперативного эксперимента, условно можно разделить на две группы: объективные, связанные с недостатками правового регулирования данного ОРМ, и субъективные, обусловленные непрофессионализмом оперативных служб.

К недостаткам правового регулирования оперативного эксперимента следует, прежде всего, отнести отсутствие в Законе об ОРД [1] определения указанного ОРМ, которое раскрывало бы его содержание и делало единообразным его применение всеми субъектами ОРД. Поскольку содержание оперативного эксперимента законодатель не раскрывает, то каждый орган, осуществляющий ОРД, истолковывает его в ведомственных нормативных актах по-своему и не всегда оптимальным образом.

Серьезным недостатком правового регулирования оперативного эксперимента является отсутствие в законе объективных критериев разграничения правомерных действий при его осуществлении от уголовно наказуемых деяний: провокации взятки (ст. 304 УК РФ) [2] и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) [2].

Недостатки в законодательстве в части отграничения правомерного оперативного эксперимента от провокации взятки частично исправил Верховный Суд Российской Федерации, который в Постановлении Пленума от 9 июля 2013 года № 24 [3] разъяснил, что от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ [2], следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки. Отсюда следует, что даже подстрекательские, т. е. незаконные действия при проведении оперативного эксперимента не могут квалифицироваться как провокация взятки. Но на практике этих разъяснений недостаточно для рассмотрения уголовных дел в отношении бывших сотрудников ГУЭБиПК МВД России, которые были привлечены к ответственности, в том числе, по ст. 304 УК РФ[2]. [4]

Разъяснений по поводу отграничения правомерного оперативного эксперимента от признаков объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 286 УК РФ [2], Верховный Суд не дает.

Вторая группа проблем применения оперативного эксперимента связана с непрофессионализмом сотрудников оперативно-розыскных органов, а также с имеющимися недостатками в организации и тактике данного ОРМ, приводящими к нарушению закона и прав личности.

Одной из причин, по которой оперативный эксперимент признается незаконным, является его проведение при отсутствии для этого оснований.

Второй причиной выступает провоцирующее поведение участника оперативного эксперимента, которое выражается в активном склонении и побуждении проверяемых лиц к совершению противоправных деяний. В настоящее время в судебной практике достаточно распространенной причиной отмены приговоров с прекращением уголовных дел становится вывод суда о том, что действия сотрудников полиции при проведении оперативного эксперимента были направлены на склонение подсудимых к получению незаконного вознаграждения при обстоятельствах, свидетельствующих, что без вмешательства сотрудников правоохранительного органа умысел на преступление не возник бы, и оно не было бы совершено. [4]

Совершение при проведении оперативного эксперимента действий, направленных на принуждение в любых формах лица или лиц совершить преступление, категорически запрещается. При проведении оперативного эксперимента должен осуществляться обязательный негласный контроль за созданными условиями ОРМ с целью исключения каких-либо непредвиденных обстоятельств, например, причинения вреда участвующим в мероприятии лицам, при передаче денег вымогателям не дать им скрыться и обеспечить безопасность заявителя и т.д. [5]

Достаточно распространенными на практике являются нарушения процедуры принятия решений на проведение оперативного эксперимента, которые нередко оформляются постановлением лишь после фактического начала их осуществления. Речь идет о таких случаях, когда оперативные сотрудники, получив информацию о конкретном лице, занимающимся взяточничеством, вначале направляют к нему лиц, оказывающих содействие, с предложением взятки, а когда получают на это согласие – выносят постановление и завершают задуманное. Такая последовательность действий не является правомерной, поскольку проводимые по инициативе оперативной службы предварительные встречи и переговоры с проверяемым лицом свидетельствуют об уже начавшемся оперативном эксперименте без получения официального разрешения на это уполномоченных руководителей.[4]

В соответствии с законодательством, проведение эксперимента допускается только на основании письменного разрешения руководителя ОРО – специального постановления. Такое постановление является гарантией обеспечения законности проводимого ОРМ.

Таким образом, для того, чтобы обеспечить законность проведения оперативного эксперимента, необходимо:

- получение достоверной информации о совершении лицом противоправных деяний;
- инициатива в замысле и подготовке преступления должна исходить исключительно от заподозренного субъекта;
- отсутствие у лица, предоставляющего информацию о заподозренном субъекте, мотивов для его оговора.

По мнению некоторых ученых, тактика проведения оперативного эксперимента, не допускающая провоцирования не причастных к противоправной деятельности лиц, должна быть детально урегулирована на уровне подзаконного нормативного акта в виде межведомственной (либо ведомственной) инструкции, согласованной с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что оперативный эксперимент обусловливает необходимость совершенствования его правового регулирования как на законодательном, так и на подзаконном уровне, обязывает руководителей органов внутренних дел внимательней контролировать его проведение, а от исполнителей требует более высокого уровня профессионализма и знания судебной практики.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. – 1995. - № 33. - Ст. 3349.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. - № 154.
4. Чечетин, А. Е. Правовые и организационно-тактические проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности / А. Е. Чечетин // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России. - 2016. – С. 115-120.
5. С.В. Баженов, Л.А. Бакланов, Д.А. Васильченко, В.А. Гусев, М.С. Десятов, Д.В. Зенькин, В.Ф. Луговик, С.М. Лугович, А.С. Малахов, Е.П. Невский, А.В. Серов, А.Е. Чечетин //Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : Электронное учебное издание. — Омск : Омская академия МВД России. - 2020. — 206 с.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО УЩЕРБА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ

Белоусова Елена Евгеньевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович – научный руководитель, старший преподаватель

В настоящее время, такой квалифицирующий признак кражи, как причинение значительного ущерба гражданину, вызывает много вопросов как в теории, так и на практике. Такое преступное последствие относится к числу оценочных, так как признание ущерба значительным зависит от имущественного положения потерпевшего и определяется в каждом конкретном случае индивидуально.

Законодатель, с целью устранения спорных вопросов квалификации, разъяснил понятие значительного ущерба гражданину в примечании 2 к ст. 158 УК РФ [1], где указал на то, что минимальный размер такого вреда не может составлять менее пяти тысяч рублей.

Анализ научной литературы и судебной практики по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на предпринятые законодателем меры, толкование оценочного понятия «значительный ущерб гражданину» сопряжено со значительными трудностями [2].

Исходя из содержательной характеристики понятия «значительный ущерб гражданину», закрепленной в примечании 2 к ст. 158 УК РФ [1], критериями его установления выступают следующие:

1. Стоимостная характеристика ущерба, которая должна составлять не менее 5 000 руб. В этой части особые опасения имеются по качественной составляющей проводимой оценки стоимости имущества.

Органы предварительного следствия в большинстве случаев проводят комиссионную экспертизу, однако в отдельных случаях, вследствие недостаточной материальной базы, она не осуществляется.

Также, оценку имущества могут осуществлять сами потерпевшие, зачастую преувеличивая стоимость похищенного.

Соответственно, такую оценку не всегда можно назвать объективной.

2. Имущественное положение потерпевшего и его семьи, которое должно свидетельствовать о существенном влиянии ущерба на их уровень жизни и благосостояние. В этой части правоприменительная практика оценивает доход потерпевшего и членов его семьи, количество иждивенцев, размер расходов (в том числе с учетом коммунальных выплат, кредитов) и т.п.

Помимо законодательного определения значительного ущерба, разъяснения данного понятия приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В пункте 24 указанного постановления сказано: «При квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др…» [3].

Данный перечень не является закрытым и может быть дополнен такими характеристиками, как возраст потерпевшего, состояние его здоровья, потребность потерпевшего в утраченном имуществе, наличие или отсутствие постоянной работы, квалификация и т.п.

Также, следует указать, на возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и в том случае, когда ущерб, причиненный в результате кражи, не превышает указанного размера либо вообще не наступил по обстоятельствам, не зависящим от виновного. В таких случаях содеянное может квалифицироваться как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину при условии, что умысел виновного был направлен на кражу имущества в значительном размере (п.24 Постановления Пленума Верховного Суда от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3].

Подобное разъяснение стало показателем изменения позиции Верховного Суда РФ в этом вопросе и является более правильным.

Однако возникают серьезные сомнения в существовании подобных ситуаций в практической деятельности, что связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, определить направленность умысла виновного при фактически неоконченных действиях иногда не представляется возможным.

Во-вторых, потерпевший, который также еще не лишился имущества в значительном размере, вряд ли сможет оценить его стоимость и, соответственно, верно определить потенциально возможный ущерб.

Соответственно, возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ при фактическом отсутствии значительного ущерба может быть реализована только при отражении в приговоре конкретизированного умысла, направленного на причинение именно такого вреда [2].

В качестве вывода следует отметить, что в стратегическом плане законодательство должно развиваться в направлении уменьшения использования в УК РФ оценочных понятий, что связано со сложностями их применения в правоприменительной деятельности.

Также, некоторыми учеными высказывается мнение о том, что увеличение размера значительного ущерба, предусмотренного примечанием 2 к ст. 158 УК РФ, является недостаточным по сравнению с прожиточным минимумом населения, а значит, есть необходимость увеличить его примерно в 2 раза.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. – 2003. - № 9.
3. Ермакова, О.В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики / О.В. Ермакова // Уголовная юстиция.-2019. - № 14. – С. 11-14.

ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Блинов Никита Викторович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Прогресс современных информационных технологий растет в геометрической прогрессии, обусловливая непрерывное появление новейших, весьма специфических возможностей для различных областей общественной жизни.

Усовершенствование оперативно-розыскного законодательства в современных обстоятельствах недостижимо без учета социальных и технологических процессов, оказывающих значительное воздействие на изменение характера оперативно-розыскной деятельности и в первую очередь на способы добывания оперативно значимой информации.

В настоящее время проблема стремительного распространения идей экстремистской направленности, а также киберпреступности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет является реальной угрозой безопасности общества и государства [3]. Исходя из вышесказанного, становится весьма очевидным, что объединение усилий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД) в целях реализации положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации, позволяет эффективно осуществлять стратегическое планирование в соответствии с национальными приоритетами.

Интернет, связывая колоссальное число пользователей, представляет собой невероятно огромную базу данных и единую сферу социального общения. Многообразие информации, размещенной в Интернете, в большей части носит позитивный характер, реже – негативный, и, конечно, в Интернете содержится информация, имеющая в большом количестве признаки преступной активности. Интернет – это информационная среда, отражающая действительность, все ее аспекты, в том числе и преступную деятельность. В таких условиях информация, содержащаяся в Интернете, не может не использоваться правоохранительными органами в целях борьбы с преступностью, для выявления и раскрытия преступлений.

Наличие многочисленных объектов и видов деятельности в сети Интернет позволяет сделать вывод о том, что ОРД может проводиться не только в реальном мире, но и в Интернете.

При этом рассматривать ОРД в сети Интернет только как деятельность на сетях связи, то есть иметь в виду проведение лишь одного ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», неверно. От того, какие услуги предоставляются в Интернете, должно существенно меняться и правовое регулирование, и, соответственно, условия доступа к информационным объектам, и содержание информационного обмена, реализуемого в процессе ОРД [5].

В данный период времени, техническое обеспечение большинства территориальных подразделений МВД России остается на весьма неудовлетворительном уровне: устаревшая компьютерная техника, отсутствие нормального программного оборудования и т.д. В связи с чем возникает необходимость взаимодействия оперативных сотрудников с различными коммерческими учреждениями и организациями, напрямую связанными с кибербезопасностью [2].

Но, на данный момент в России нет централизованного государственного органа, который отвечал бы за кибербезопасность. В 2020 году Генеральная прокуратура РФ создала межведомственную рабочую группу по борьбе с киберпреступлениями, куда вошли прокуроры, представители МИДа, МВД, ФСБ, Следственного комитета и Минюста РФ.

Вопросы информационной безопасности важны для страны и необходимо создать отдельное ведомство, например, министерство или комитет, которое отвечало бы за кибербезопасность в стране.

Актуальность дальнейшего совершенствования ОРД, оперативных подразделений и органов внутренних дел в сети Интернет, мы можем увидеть из анализа данных ГИАЦ МВД России. Так, с 2019 года, в Российской Федерации наблюдается значительный рост преступлений, совершенных с использованием ИТТ и в сети Интернет.

В январе - декабре 2019 года зарегистрировано более 294 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или, что почти на 70% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Половина данных преступлений совершается с использованием сети «Интернет».

В отчетном периоде за 2020 год, число преступлений, совершенных с использованием ИТТ, возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3%, при помощи средств мобильной связи – на 88,3%.

Темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился. По итогам 12-ти месяцев 2021 года их количество выросло незначительно – на 1,4%.

Показатели киберпреступности в 2022 году, в целом остались стабильными. С использованием высоких технологий совершается каждое четвертое преступление. Зарегистрировано на 27,6% меньше краж, на 29% – фактов мошенничества с использованием электронных средств платежа, на 22,5% – криминальных деяний в сфере компьютерной информации. Правоохранительными органами больше на 20,9% зарегистрировано фактов сбыта наркотиков. Кроме того, увеличилось количество заведомо ложных сообщений об акте терроризма, в массиве которых 92,2% совершены дистанционно [7].

Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, возросла всего на 4,4%.

Российские пользователи всех возрастов предпочитают мобильные устройства для выхода в сеть Интернет. По состоянию на январь 2022 года в России насчитывается 129,8 млн интернет-пользователей. Интернетом пользуются от 89% от общей численности населения. По данным Kepios (аналитическая компания), за 2021 год количество интернет-пользователей в России увеличилось на 5,8 млн (+4,7%). Согласно этим данным, 16,04 миллиона человек в России не пользуются интернетом, а это всего 11% населения.

Среднестатистический житель России проводит в интернете примерно 7 часов 50 минут в сутки и 46,7% этого времени — на мобильных устройствах.

Приведенные цифры и сказанное показывают, что наиболее приоритетными в деятельности оперативных подразделений ОВД, специализирующихся на противодействии различным проявлениям экстремизма и киберпреступлений, с использованием ИТТ и сети Интернет, являются комплексный, системный и тематический анализ содержимого социальных сетей.

В этих целях сотрудникам данных оперативных подразделений необходимо:

— осуществлять комплексный мониторинг социальных сетей, с более значимым уклоном на сообщества и профили людей, которые имеют большое количество участников;

— организовать просмотр уведомлений о размещенных новостях в данных сообществах и профилях;

— на постоянной основе осуществлять взаимодействие с администраций и службой безопасности социальных сетей, позволяющее своевременно получать необходимую информацию в целях отождествления личности конкретных пользователей сети Интернет [4].

— с целью подтверждения причастности установленного лица к созданию аккаунта, в котором размещены материалы экстремистского характера, подготовить и направить, в соответствии со ст. 6, 7, 8 федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», запрос в службу безопасности социальной сети [1].

Необходимо осуществлять взаимодействие с территориальными оперативными подразделениями по противодействию экстремизму для консультации относимости материалов к экстремистским. Так, в случаях выявления аккаунтов, в информационных блоках которого пользователь разместил материал, содержащий сведения:

— с информацией, включенной в федеральный список экстремистских материалов;

— о графических изображениях с нацистской символикой и атрибутикой;

— с материалами, содержащими информацию, направленную на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе [6].

С целью активного противодействия подобного рода экстремистским организациям, правоохранительные органы должны взаимодействовать с органами гражданского общества, общественными организациями и проводить комплексы мероприятий:

- к первому противодействию распространения экстремизма стоит отнести информационно-аналитическую работу по выпуску всевозможных памяток поведения в сети Интернет, обращений, статей и социальной рекламы;

- пропаганда, связанная с позитивными или положительными сторонами действий правоохранительных органов, организаций или действий граждан по пресечению реальных угроз экстремистской деятельности в глобальной компьютерной сети;

- организация профилактических мероприятий по просвещению общественности о последствиях и возможных последствиях незаконной деятельности в интернете;

- разработка и реализация программ по профилактике и борьбе с преступлениями в интернете;

- проведение специальных обучающих мероприятий для оперативных сотрудников, которые занимаются расследованиями преступлений в интернете;

- взаимодействие со СМИ;

- обеспечение правильного и полного осведомления правоохранительных органов о деятельности в сети Интернет;

- разработка и внедрение систем автоматизированного анализа данных и прогнозирования преступной деятельности;

- организация системы расследования и пресечения преступлений в сети Интернет.

Таким образом, реализация указанных выше профилактических мер по противодействию экстремизму и киберпреступности позволит укрепить национальную безопасность и суверенитет Российской Федерации в условиях стремительного распространения экстремизма и киберпреступности в сети Интернет.

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // "Собрание законодательства РФ", - 1995, - № 33, - Ст. 3349.
2. Королев, И. А. Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму / И. А. Королев // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 207-209.
3. Куликов А. Г. К вопросу совершенствования оперативно-розыскной деятельности по противодействию экстремизму в сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 64—71.
4. Лисицын, А. Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму / А. Г. Лисицын // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 1(86). – С. 77-82.
5. Лузько, Д. Н. "Оперативная игра" как организационно-тактическая форма оперативно-розыскной деятельности / Д. Н. Лузько // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6(9). – С. 134-139.
6. Тимофеев, С. В. Выявление и предупреждение преступлений в сети интернет: проблемы и пути их решения / С. В. Тимофеев, Э. Ю. Пороховой // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2021. – № 4(99). – С. 220-229.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года. [Электронный ресурс]. — URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 20.03.2023).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ С БАНКОВСКОГО СЧЁТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Босова Екатерина Валерьевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

В настоящий период времени, с развитием IT-технологий, у граждан появилась удобная возможность дистанционно управлять своими денежными средствами. С другой же стороны, преступность тоже эволюционировала и начала переходить в киберпространство. Всё чаще и чаще предметом хищения стали выступать денежные средства, хранящиеся на банковских счетах, а также электронные денежные средства.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111 - ФЗ [2] в УК РФ был введён раннее не известный российскому законодательству состав преступления, предусмотреный п. «г», ч. 3 ст. 158 УК РФ - «кража, совершённая с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств».

На этапах конструирования и принятия указанной нормы в научном сообществе сложились разные мнения относительно её необходимости. Противником введения данной нормы выступила, например, И.А. Мусьял, которая отметила, что законодатель, преждевременно вводя данную норму, - нарушает сложившиеся уголовно - правовые традиции. По мнению учёного, все преступления, связанные с таким видом хищения, должны квалифицироваться специальным составом мошенничества [10, С. 147].

Другие же представители научного сообщества одобряли введение данной нормы. Одним из таких учёных был А. Архипов, который обосновывал свою позицию тем, что такая кража характеризуется огромным спектром угроз, повышенной скрытностью и тем, что традиционные методы профилактики преступности не смогут справиться с такими преступлениями [9, С. 6].

Нам представляется, что необходимость введения в УК РФ такой нормы обусловлена следующими факторами. Во - первых, за последние пять лет в структуре всех зарегистрированных в Российской Федерации краж заметно повысился уровень совершения краж с использованием информационно - телекоммуникационных технологий. По статистическим данным Генеральной прокуратуры, за период с января на ноябрь 2022 года, в России было зарегистрировано 342 тыс. 496 преступлений с использованием сети «Интернет» [11]. Во - вторых, за последние годы в России широкое развитие получили электронные платёжные системы. По статистике Центрального Банка РФ, за 2022 год, объём переводов с использованием сервиса быстрых платежей составил 14, 3 млрд. руб. [12].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11. 2017 №8 электронные средства причислены к имуществу, которое может быть похищено. В п. 21 указано, что в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге "мобильный банк", авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража [3, п. 21].

Скорее всего, введение в уголовное законодательство п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ обусловлено тем, что механизм совершения такой кражи отличает её от специальных составов мошенничества.

Следовательно, при отсутствии соответствующего уголовно-правового запрета, рост преступности в сфере информационно - телекоммуникационных технологий, будет только возрастать.

Некоторую ясность в отношении правильной квалификации кражи, предусмотренной п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, внесла Судебная коллегия Верховного Суда РФ, указав следующее: «Учитывая тот факт, что гр. К. совершил хищение электронных денежных средств, оплатив товар в магазине с использованием чужой банковской карты, умалчивая о том, что владение является незаконным, приговор суда о необходимости переквалификации с кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ) должен быть признан необоснованным». В обоснование принимаемого решения по данному делу Верховный Суд Российской Федерации отметил: «В связи с тем, что гр. К., обнаружив чужую карту, оплатил покупку бесконтактно, не сообщая ложных сведений о титульном владельце, т.е. не обманывая и не вводя сотрудников торговой организации в заблуждение, кассационное определение подлежит отмене с необходимостью передачи дела на новое рассмотрение [4].

На наш взгляд, особенности квалификации по п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ связаны с предметом преступления. Предмет кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств отличается от «классического» предмета кражи, предусмотренного ст. 158 УК РФ, как исключительно материальной субстанции. В современном обществе, с развитием технологий и признанием цифровых прав объектом гражданских правоотношений (ст. 128 ГК РФ [1, ст. 128]) исключается признание только материальных субстанций.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на тот факт, что кража с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств признаётся тяжким преступлением и наказывается по уголовному закону в виде лишения свободы на срок до 6 лет, реальное наказание, назначаемое судом, оказывается значительно мягче.

Так, например, Преображенский районный суд г. Москвы в приговоре от 21 января 2020 г. по уголовному делу No 01-0049/2020, разрешая вопрос об уголовной ответственности за преступление, квалифицируемое по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, принимая во внимание положения ч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ, ч. 3 ст. 60 УК РФ, личность преступника, характер и степень общественной опасности, в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность, признал состояние здоровья, обстоятельства полного признания вины, принесения извинений, оказание материальной помощи членам семьи потерпевшего, ряд характеристик о положительных качествах виновной, наличие несовершеннолетних детей (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, и назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы условно без применения дополнительных видов уголовного наказания (ст. 73 УК РФ) с испытательным сроком на два года [6].

Нередко, при назначении наказания за совершение краж, квалифицированных по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, суды применяли положения ст. 64 УК РФ, то есть назначали наказание более мягкое, чем предусмотрено в законе. Подобные решения можно найти также в приговоре Центрального районного суда г. Барнаула [7] , в приговоре Тимирязевского районного суда г. Москвы [8].

В ряде случаев для обоснования относительно мягкого наказания по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ суды предварительно изменяли категорию преступления (кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств). Так, Московский городской суд по одному из уголовных дел указал, что приговор суда первой инстанции подлежит изменению путем переквалификации преступления с категории тяжкого на средней тяжести. При решении вопроса судом учтен незначительный ущерб (1100 руб.), наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств. Помимо изложенного, по причине изменения категории преступления, принимая во внимание позицию Верховного Суда Российской Федерации, судом, с учетом ст. 76 УК РФ, принято решение об освобождении гр. К. от отбывания уголовного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) [5].

В судебно-следственной практике нередко встречаются случаи, когда предметом кражи одновременно являются и денежные средства, хранящиеся на банковском счёте, и иное имущество потерпевшего.

Так, по одному из уголовных дел, когда предметом кражи одновременно явились наличные деньги потерпевшего, его телефон и банковская карта, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ квалифицировала содеянное виновным по совокупности преступлений. Судом было установлено, что Г. , зайдя в подъезд дома, и, увидев незнакомого пьяного мужчину (Б.), лежащего на лестничной клетке, "похитила из внутреннего кармана его куртки телефон, стоимостью 14 тыс. руб. и кошелёк, в котором находились 350 руб. и банковская карта. Затем она пошла в магазин и расплатилась банковской картой за приобретённые товары на общую сумму 900 руб. После этого, используя телефон потерпевшего, она перевела своей знакомой Е. 8000 руб., из которых 5000 забрала себе, а 3000 руб. оставила ей в счёт погашения долга.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, квалифицировала действия Г. по п.п. «в», «г» ч.2 ст. 158 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ УК РФ. (БВС 2021. № 7, С. 28.). Наличие совокупности преступлений было объяснено тем, что умысел на хищение денежных средств со счёта потерпевшего у Г. возник лишь после возвращения домой и обнаружении банковской карты при осмотре похищенного.

На наш взгляд, подобная квалификация содеянного Г. является, далеко, не бесспорной. По аналогичным делам другие суды расценивали действия виновного не как совокупность, а как единичное преступление, мотивируя своё решение тем, что в момент хищения кошелька виновный желал завладеть всем содержимым кошелька, то есть и деньгами, и иным имуществом, которое может оказаться в кошельке, в том числе банковской картой.

Представляется, что в рамках действующего законодательства достаточно сложно предложить идеальное решение по квалификации содеянного. Наличие у виновного единого умысла на хищение любого имущества, хранящегося в кошельке виновного, опровергает справедливость решения о необходимости квалификации содеянного по совокупности преступлений. С другой стороны, если расценивать содеянное как единичное преступление, то по общепризнанному правилу конкуренции уголовно-правовых норм, содержащих признаки квалифицированного (п.п. «в», «г» ч.2 ст. 158 УК) и особо квалифицированного (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК) составов преступлений, содеянное должно квалифицироваться по особо квалифицированному составу, то есть по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК. Но можно ли признать состав преступления, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицированным в сравнении с составами преступлений, предусмотренными ч. 2 ст. 158 УК? Ведь указанные составы различаются между собой по предмету преступного посягательства. По ч. 2 ст. 158 УК РФ предметом преступления выступает наличное чужое имущество, обладающее материальной ценностью, в том числе и наличные деньги, а предметом преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ выступают безналичные деньги. Можно ли при указанном различии в предметах преступления говорить о том, что состав преступления, предусмотренный п «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является особо квалифицированным по отношению к ч.2 ст. 158 УК потому, что, наряду с признаками основного состава (а предметом основного состава кражи также выступает только наличное имущество), в особо квалифицированном составе законодатель указывает на наличие таких признаков, которые ещё более (нежели по ч. 2 ст. 158 УК) увеличивают общественную опасность содеянного? Думается, ответ будет отрицательным, так как соотнести между собой составы преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 158 УК и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК, либо ч. 2 ст. 158 УК и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК вряд ли возможно, ввиду различия в предмете преступления. Нам представляется, что составы преступлений можно соотносить между собой, как основной, квалифицированный и особо квалифицированный лишь при том условии, что предметом преступления в указанных составах выступает одна и та же вещь.

Выход из указанной проблемы, на наш взгляд, может быть лишь один – сконструировать самостоятельную специальную правовую норму о краже, совершённой с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств, одновременно исключив из ч. 3 ст. 158 УК РФ пункт «г».

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 №51- ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // [Электронный ресурс] – Режим доступа:http:// pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239
2. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201211290006?rangeSize=20
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. No 12-УПД20-5-к6 (в порядке главы 47.1 УПК РФ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 5 февраля 2020 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.mos-gorsud.ru/
6. Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 10 апреля 2020 г. по уголовному делу № 01-0049/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/rs/ preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/b8420c50-2b91-11ea-b9be-afdede2f300a?caseNumber=1-49/2020
7. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 30 января 2020 г. № 1-39/2020 1-725/2019 по делу No 1-39/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// centralny.alt.sudrf.ru/
8. Приговор Тимирязевского районного суда г. Москвы от 10 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www. mos-gorsud.ru/rs/timiryazevski
9. Архипов А. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. – 2018. – №о 3. – С. 4–9.
10. Мусьял И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Курск, 2018. – 259 с.

11. Статистические данные Генеральной прокуратуры «Состояние преступности в России за ноябрь 2022 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics
12. Статистика национальной платежной системы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ЛИЦ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Босова Екатерина Валерьевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич - научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Главные параметры при определении соотношения социального и биологического в личности преступника и его преступном поведении выражаются в нескольких фактах, а именно таких как: от каких качеств человека зависит преступное поведение лица: от тех, которые достались ему по наследству, переданы генетически (например, способности, темперамент, время реакции, особенности реагирования на окружающий мир, генетически переданные программы поведения) или же от тех, которые он приобрел в процессе жизни в обществе (в результате воспитания, обучения, общения, т.е. процесса социализации).

Рассматривая данную проблему в историческом аспекте, Лунев В.В. отмечал, что :«На заре развития криминологии ученые видели в преступнике особый тип личности, как бы выпадающий из человеческой популяции. Причем одни видели в преступниках людей, «отмеченных печатью “Каина”». [2, с. 143]

При рассмотрении данного соотношения в науке, исследующей данный вопрос выделяют три точки зрения на данную проблему:

1. Определяющую роль в генезисе преступного поведения играют социальные факторы.

2. Главными факторами преступного поведения являются биологические.

3. В отношении одних преступлений главными оказываются социальные факторы, а биологические выступают как вспомогательные, и наоборот, в отношении других главными выступают биологические, а социальные вспомогательные. [6, с. 219]

Как отмечает Антонян Ю.М., со стороны нормативного подхода данная проблема решается на логическом уровне. Если исходить из того, что преступность - антинормативное явление, необходимо признать, что одним из признаков ее является уголовно-правовой характер. Преступность в данной трактовке - это сложная совокупность преступлений с некоторыми признаками системы [1, с. 284]. Таким образом, преступность вторична по отношению к правовому регулированию человеческого поведения: нарушение запрета появляется после установления запрета.

Говоря о сущности правового (и иного нормативного) регулирования человеческого поведения, следует иметь в виду, что законодательство, норма права может регулировать поведение лишь в том случае, если человек способен:

— воспринять норму права и уяснить её толкование;

— отдавать себе отчёт в своих действиях, т.е. руководить своим поведением и своими действиями.

Если говорить о биологическом аспекте в преступном поведении, то С.В. Познышев в своей работе отметил, что биологические доминанты так называемого прирожденного преступника отрицают свободу воли, а значит человек не может осознанно понять и руководствоваться нормой права [4, с. 174]. Законодательный запрет уже изначально не может заставить преступника не совершать преступное деяние, закон не может удержать такое лицо не совершать деяние, а значит, такие «прирожденные преступники» находятся за пределами правового регулирования, и, несмотря на внешнюю похожесть этих деяний на преступления, их к разряду преступных отнести нельзя (да и сама правовая система исключает оценку таких деяний как преступлений, в связи с отсутствием вменяемости).

Говоря о биологических факторах совершения деяния, нужно провести параллель с социальными факторами. Если в биологическом факторе преступного поведения человек совершает деяние с отсутствием вменяемости о совершаемом, то в социальном смысле человек совершает деяние из-за социально обусловленного чувства мести, корыстных побуждений или же желание жить лучше, чем другие, или других, опять же, социально обусловленных мотивов.

Говоря о социальном факторе, нужно отметить, что Сирота Н.М. отмечал: «Особенности личности, обусловливающие антиобщественное поведение, формируются при определенных условиях жизни, воспитания, под воздействием среды, ближайшего окружения». Они приводят к совершению преступлений не автоматически и фатально, а при участии сознания и воли лица, имеющего возможность оценить сложившуюся ситуацию и выбрать приемлемый вариант поведения [5, с. 65].

При характеристике личности преступника, исходя из положения о социальной обусловленности человеческого поведения, необходимо отметить, что без учета психофизиологических особенностей человеческого организма (сам по себе факт биологический) любые объяснения причин противоправного поведения будут неполными. На личность наряду с детерминантами, имеющими, безусловно, социальную природу, оказывают формирующие воздействие и биологические факторы, такие как генетическая программа,

тип нервной системы человека, его психическое состояние, эмоциональные и интеллектуальные свойства и т.д. Неучёт этих факторов может повлечь ошибки как при уголовно-правовой оценке поведения личности и определения вида наказания, так и при разработке мер исправления осужденных в местах лишения свободы. Как отмечал В.Н. Кудрявцев: «Боязнь выйти на биологический аспект проблемы приводила многих в конечном счете к вульгарной социологизации личности» [2, с.87].

По мнению автора, в криминологической науке нельзя рассматривать биологические и социальные факторы в отдельности. Именно в совокупности, во взаимном сочетании они всё равно дают полную картину в понимании преступного поведения человека. Можно сказать, что биологические и социальные факторы создают картину личности преступника, учитывая каждый аспект в его поведении, выясняя, в первую очередь мотив, почему было совершено преступное деяние.

Список литературы

1. Антонян, Ю. М. Криминология: учебник для вузов / Ю. М. Антонян. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 388 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00267-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https:// urait.ru/bcode/510551
2. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения: монография / В.Н. Кудрявцев. — Москва: Норма, 2022. — 176 с. — ISBN 978-5-917-68976-0
3. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Том 1. Общая часть в 3 кн. Книга 1 : учебник для вузов / В. В. Лунеев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 291 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-03992-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/512639
4. Познышев, С. В. Криминальная психология. Преступные типы / С. В. Познышев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 292 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-07886-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/ 516891
5. Сирота, Н. М. Социология : учебное пособие для вузов / Н. М. Сирота, С. А. Сидоров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 128 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08923-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/514456 (дата обращения: 17.02.2023).
6. Собольников, В. В. Юридическая психология : учебник для вузов / В. В. Собольников. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 331 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-09292-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/515609

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА ЛИЦ, ПОКИНУВШИХ РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ В СВЯЗИ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ

Боярова Дарья Алексеевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Идея о конфискации имущества у граждан, покинувших Российскую Федерацию, зародилась на собрании Государственной Думы 18.01.3023г., в связи с началом Специальной военной операции. Причинной этому стали граждане, покидающим страну в своих личных интересах, не считаясь со своим долгом перед родиной и интересами страны в целом.

Ранее такие действия считались дезертирством и наказывались по всей строгости закона Статья 81. Уклонение от призыва по мобилизации. Закон РСФСР от 27.10.1960. Уклонение от призыва по мобилизации в ряды Вооруженных Сил СССР - наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет, но в нынешнее время все иначе, политика гуманизации и «интересы народа превыше всего» полностью искоренила наказание за эти действия.

Исходя из ныне сложившийся политической обстановки, у Государства появилась необходимость удержать отток населения за границу и сделать это можно лишь путем наказания. Проработка данного вопроса началась с предложений о внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации, а именно: УК РФ Статья 354.1. Реабилитация нацизма, УК РФ Статья 280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан и УК РФ Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.[1]

В данных статьях Уголовного кодекса планируют использовать наказания в виде конфискации имущества граждан и денежный штраф. Так же в разработке планируется повышение налогов для лиц, работающих из-за рубежа.

Конечно, конфискация имущества нарушает права граждан, закреплённые в Статье 35 Конституции Российской Федерации и ГК РФ [2] Статья 213. Право собственности граждан и юридических лиц. Да, в статье

Конституции прописано о возможности отчуждения собственности граждан, но только с равноценным замещением, что противоречит принципам наказания по Уголовному кодексу. [3]

Но, с другой стороны, граждане, которые покинули России нарушают конституционные обязанности по защите родины, прописанные в статье 59 Конституции РФ. Конечно данная статья направленна на обязательную военную службу, на которую призываются все мужчины, достигшие возраста восемнадцати лет, и санкции за нарушения данной стати и Федерального закона от 28. 03. 1998 г. N 53 - ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрены за неявку на прохождения врачебно-военной комиссии по факту получения повестки. Ч. 1 ст. 328 предусматривает санкции по факту неявки на военный комиссариат, но в данный политическая обстановка совсем иная, и Российская Федерация вынуждена привлекать к военной службе лиц, ранее прошедших обязательную военную службу и тех, кто уже не подлежит возрасту призыва, то есть старше двадцати семи лет.[4]

Но кроме основной цели – обязательной военной службы, 59 статья Конституции несёт патриотическую направленность. Долг каждого мужчины – защитить свою страну, свой дом и свою родину. Даже в статье написано: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации».[3]

Но в нынешних реалиях все граждане ищут способы избежать военной службы, мобилизации и последствий от уклонения во благо своих интересов, например лица, покидающие Россию, действуют на опережения законотворческой инициативе и переписывают свою имущество на родственников под видом продажи, дарения и тому подобному. Конечно, законодательная ветвь власти в силах справиться и с этой задачей, просто конфискованы имущество у родственников, руководствуясь документами купли-продажи, дарения и т. п., но данные действия будут является уже перебором, так как нарушают многие принципы права Российской Федерации.[5]

На данный момент конфискация имущества возможно только в случаях, предусмотренных статьей 104.1 уголовного кодекса Российской Федерации. Ярким примером деяний, за которые может быть конфисковано имущество, могут служить: получение имущества незаконным путем или денежных средств, полученных незаконным путем, с помощью которых было куплено данное имущество; данное имущество служит способом финансирования террористической и экстремистской деятельности.[1]

Конечно, неправильно будет со стороны Государства, приравнивать лиц, покинувших Россию к данным преступникам, но именно конфискация имущества послужила бы хорошим рычагом давления и регулятора оттока населения в зарубежные страны. Для введения данной меры в право, нужно будет разработать новую статью, дабы не допустить ошибку в приравнивании, соответственно с более мягким наказание, таким как: конфискация имущества до момента, пока граждане не вернутся в Россию.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 16.04.2022) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 05.04.2023.
4. Федеральный закон от 28. 03. 1998 г. N 53 - ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. от 24.09.2022) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?dt=20021114&num=53-фз // (дата обращения: 22.03.2023).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 8 (ред. от 28.06.2016) "О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих"(ред. от 28.06.2016) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?dt=20021114&num=8-фз // (дата обращения: 22.03.2023).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЖИЗНИ

Волков Александр Романович, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Актуальность данной темы обусловлена тем, что преступления против жизни являются одними из особо опасных преступлений и изучение личности преступника осуществляется с целью определения эффективных, практико-ориентированных подходов, минимизирующих (предупреждающих) ее противоправные проявления, а также своевременного воздействия на детерминанты преступности и преступного поведения. Криминологический (криминалистический) портрет личности преступника используется для предупреждения и пресечения преступления, при расследовании и рассмотрении конкретного

уголовного дела, в пенитенциарной практике, а также в процессе ресоциализации (адаптации) лиц, ранее отбывавших наказания в местах лишения свободы.

Ежегодно в России совершается около 7-8 тыс. преступлений данной направленности [1].

При определении личностных характеристик преступника, а именно: при определении структуры личности ученые сосредотачиваются на ряде характеристик, которые включают:

а) физиологические;

Б) социально-демографические;

В) психологические особенности.

При определении первого признака особое внимание уделяется состоянию, в котором находится нервная система преступника, определяется состояние его здоровья и ряд других особенностей. К социально-демографическим критериям относятся возрастные особенности, гендерные особенности, социальные, семейные и другие позиции, наличие какого-либо образования у преступника и т. Наличие жизненных ценностей, нравственных установок и особенностей черт характера используется для определения психологических особенностей личности преступника этого типа [2].

Из анализа статистических данных, предоставленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, следует вывод: количество осужденных за совершение преступлений против жизни за 2022 г. на всей территории РФ составляет 6241 человек, что составляет 9,9 % из числа осужденных по гл. 16 Уголовного кодекса РФ. Наибольшее количество лиц совершили преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ (доля осужденных по данной статье составляет 80,3% от числа всех осужденных за преступления против жизни), 925 человек были осуждены за причинение смерти по неосторожности (что составляет 14,8%), а за преступления, предусмотренные статьями 110.1 и 110.2, никто не был привлечен к уголовной ответственности.

Преступления обычно совершаются одним человеком. Только 7,1% от общего числа преступлений этого типа на 2022 год совершается группой лиц. Интересно, что совершение преступления в одиночку присуще только убийцам, и это не относится ни к какой другой категории преступников. На момент судебного разбирательства в 2022 году 1875 человек имели судимость, или 30% от общего числа лиц, осужденных за преступления по статье 105-110.2 УК РФ [3].

Особое внимание уделяется тому факту, что большое количество преступлений данной направленности совершается в состоянии алкогольного опьянения. Этот факт также подтверждается статистикой. За 2022 год из всего числа лиц, осужденных за преступления против жизни, доля лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения во время совершения противоправного деяния, составляет 64,8 % [4].

Следует помнить, что опьянение воздействует на убийцу следующим образом:

1. Снятие внутренних запретов человека.

2. Снижение самоконтроля.

3. Способствует забыванию того, что было сделано.

4. Алкоголь переносит негативные воспоминания и переживания совершенного убийства в бессознательное состояние человека.

Эта защитная функция видна у людей, совершивших преступление против своих родственников и друзей [5].

Лица, которые в момент совершения преступления против жизни находились в состоянии алкогольного опьянения, как правило, подчеркивают при допросе, что из-за того, что они находились в таком состоянии, они не могли полностью осознавать смысл всех своих действий и не могли полностью ими руководить. Кроме того, они указывают, что ничего не помнят о том, что произошло. УК РФ при этом не предусматривает возможности освобождения таких лиц, а также лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотиков или других наркотических веществ, от уголовной ответственности.

Дело в том, что это состояние физиологического (не патологического) опьянения, поэтому в данном состоянии человек имеет возможность осознать фактический характер и общественную опасность своих действий, т.е. является человеком на данный момент вменяемым.

Рассматривая портрет преступника данного вида, стоит отметить, что данным вопросом интересовались многие научные деятели, среди которых Н. В. Михалева, Ю. М. Антонян, С. В. Золотарева, Д. М. Арсланова и др. [6, 7].

Следует отметить, что, согласно статистике ФСИН за 2022 год, в исправительных учреждениях было 94 725 мужчин и 7 061 женщина, совершивших преступления только по ст. 199 УК РФ (остальные статьи не учитывались). Исходя из этого, необходимо отметить, что в очередной раз подтверждается тенденция, что мужчины совершают эти преступления гораздо чаще, чем женщины. Поэтому цифры за десятилетний период изменились не сильно.

Возраст преступника-убийцы варьируется от 14 до 50 лет и старше. Показатель в 2022 году привлекает особое внимание людей в возрасте от 20-25 до 25-29 лет (вместе они составляют 21,3%). Ю. М. Антонян в своем учебнике акцентирует внимание на возрасте 20-40 лет, это подтверждает тот факт, что этот период характеризуется высокой общественной активностью и связан с тем, что происходит накопление конфликтов с внутренней и внешней средой. По его словам, в этом возрасте выясняются такие факторы, как способность управлять своим поведением, инстинктами, влечениями и страстями, насколько человек освоил социальные и моральные нормы, начали ли они регулировать поведение.

Р.М. Абызов и Б.А. Мкртычян в своем учебном пособии также делают акцент на том, что большинство нынешних мегаполисов возникло на геопатогенных зонах (в том числе Санкт-Петербург, Москва и др.). Воздействие этих зон приводит на уровне подсознания к трансформации психического состояния людей, что снижает их способность адекватно реагировать как на внешние воздействия, так и на действия окружающих.

При совпадении с некоторыми субъективными факторами такое напряжение оказывается «спусковым механизмом» социальных конфликтов как на общественном, так и на личностном уровне.

Положение также усугубляется демонстрацией и пропагандой жестокости, насилия, эротики в средствах массовой информации, посредством чего обществу навязывается определенная схема культуры, в которой унижается достоинство слабого (женщин и детей). Негативно сказывается и отсутствие надлежащей и эффективной системы помощи и защиты жертв преступлений, недостаточное правовое регулирование этой проблемы [8].

Считается, что около 70-80% виновных в совершении преступления как убийство, имеют тяжелую, неквалифицированную и непрестижную работу. Около половины преступников имеют семью, но большое количество преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения разведенными супругами. В основном преступления совершают люди со средним профессиональным образованием (35%) и средним общим образованием (36%). Выходит, что у данной группы преступников более низкий образовательный уровень, по сравнению с другими преступниками. Частично это связано с тем, что наличие отклонений в области вменяемости, наблюдаемых у ряда убийц, затрудняет получение и повышение образования.

Отмечается большой процент преступлений, совершаемых лицами, состоящими в сожительстве. Считается, что криминогенность лиц, живущих таким образом, в 5-6 раз больше, чем у лиц, живущих в зарегистрированном браке. За последние 15-20 лет число насильственных преступлений среди сожителей увеличилось в 3 раза.

Повторение преступных деяний, которые в свою очередь направлены против социальных объектов, является одним из преобладающих поведенческих критериев, согласно которым человек является асоциальным, криминологически агрессивным.

Один из американских представителей и основоположников такого криминологического направления, как виктимология, М. Вольфганг, ссылаясь на статистические расчеты, сделал вывод, что около двух третей лиц, совершивших убийство, ранее совершали преступления и другие противоправные деяния. Как правило, их незаконная деятельность была направлена против других людей, это свидетельство того, что эти преступники обладают антиобщественными взглядами и межличностной агрессией.

В своей научной работе «Психологический портрет личности убийц» А. О. Сараева указывает на существование гипотезы, суть которой заключается в том, что, когда человек совершает свое первое преступление насильственного характера, у него происходит процесс вовлечения. В результате это приводит к усилению антисоциальных отношений и большей агрессивности личности. Все это мотивирует человека к совершению дальнейших преступлений [9].

Считается, что у всех людей есть преступные наклонности, но не все решаются применить их.

Отсутствие сочувствия, вины, стыда и наличие жестокости-все это признаки, относящиеся к асоциальному убийце.

Кроме того, А. О. Сараева выделяет два типа убийц:

- убийцы, в которых специалисты устанавливают чрезмерно контролируемую агрессию;
- убийцы, обладающие низкой степенью самоконтроля.

В то время, когда человек первого типа совершает убийство, люди из его ближайшего окружения удивляются, так как этот человек казался мирным и почти безобидным. Следует учитывать, что такие люди стараются подавить происходящую в них агрессию. Часто существует "защитное состояние самоконтроля", которое позволяет человеку чувствовать себя спокойнее.

Рональд Гамильтон Блэкверн выделил два подтипа агрессии, которые определяются как гипер контролируемые:

а) первый подтип людей, контролирующих свои эмоции таким образом, чтобы не проявлялись противоправные черты агрессии;

б) второй подтип людей, которые ограничивают свои эмоции, подавляя их настроение.

Особенности личности преступника:

1. Окружающая среда кажется враждебной человеку. Это мешает ему правильно сделать вывод о сложившийся ситуации.

2. Обладание достаточно стабильными индивидуальными идеями, которые почти не поддаются изменениям.

3. Повышенная чувствительность в сфере личной чести и в том, что они считают честью, повышенная осознание своей ценности.

4. Наличие эмоциональных расстройств, психологического и социального отчуждения, затруднений с освоением морально-правовых норм и т.д.

Если классифицировать типы людей, то, взяв за основу психологическое свойство, ведущее в совершении преступления, можно выделить:

1. Возбудимый тип (стремление к лидерству, накопление негативных эмоций, повышенная эмоциональная возбудимость, вспыльчивость).

2. Неуправляемый тип (считается разновидностью возбудимого типа, признаки более яркие и импульсивные).

3. Упрямый тип (повышенная восприимчивость, обидчивость, легкоуязвимость).

4. Активный тип (повышенная активность, повышенное настроение, чрезмерный оптимизм).

5. Демонстративный тип (отмечается стремление к выделению, к восхищению, почтению).

6. Безвольный тип (выделяется отсутствие волевых качеств, а также повышенная подчиняемость).

7. Демонстративно-застревающий тип (сочетание демонстративного и упорного типов личности).

Можно сделать вывод, что убийца-это тот человек, который склонен быть импульсивным, обладает высокой степенью тревожности, а также высокой эмоциональной возбудимостью. Для такого человека в первую очередь важны личные переживания и интересы. Эти люди, стоит отметить, не сформировали отношения к ценности жизни другого человека, что является серьезной проблемой.

Отдельно целесообразно выделить криминологический портрет лица, совершившего доведение до самоубийства [10].

Особенности криминологического портрета преступника можно рассматривать в зависимости от типологии личности. В основном выделяют:

1) лица, которые доводят своих родственников и друзей до самоубийства;

2) лица, которые изначально преследуют корыстную цель;

3) лица, совершающие преступления через сеть "Интернет".

Лица, которые доводят до самоубийства своих близких являются «семейными паразитами» или «абьюзерами», то есть людьми, которые совершают психологическое и (или) физическое насилие над своими близкими родственниками, сожителями.

Данная личность преступника наиболее распространена в данном виде преступления - 56 %. К семейным абьюзерам относятся социально зрелые лица в возрасте от 30 до 45 лет, как правило, совершаются лицами мужского пола - 85 % (15 % - женского). Однако есть исключения, например, приговор был вынесен в отношении 56-летнего мужчины (пенсионера), который был осужден за доведение своей сожительницы до самоубийства; 95 % лиц имеют среднее специальное образование, 5 % - неполное среднее.

Лица, изначально преследующие корыстную цель-этому виду преступников соответствует 30% преступлений по статье 110 УК РФ. Так называемые корыстолюбивые деспоты-это социально зрелые люди, обычно мужчины, от 35 до 45 лет-80%, остальные, как правило, молодые от 20 до 25 лет. Кроме того, 90% заключенных имеют семью и несовершеннолетних детей; 80% преступников имеют высшее образование, 20% - среднее, средне-специальное; 40% обвинительных приговоров вынесены в отношении лиц, ранее осужденных за преступления имущественного характера. Восемь обвинительных приговоров были вынесены в отношении лиц, которым жертвы должны были денежные средства.

Лица, совершающие преступления через сеть «Интернет». Этому типу преступников присущ, как правило, достаточно молодой возраст от 25 до 30 лет. В 60% случаев этот тип преступников имеет высшее образование, при выборе профессии, не связанной с общением, в 40% случаев это люди, имеющие среднее, средне-специальное образование. По тем причинам, что этому виду преступников присущ одинокий образ жизни, соответственно, они выбирают работу отдаленного характера или связанную с минимальным общением с людьми.

Таким образом, опираясь на совокупность всех ранее вышеперечисленных и упомянутых фактов, можно сделать вывод, что значение определения криминологического портрета человека, совершившего преступление против человека, имеет высокую степень. Анализ таких данных, как биологические, социальные и психологические особенности личности преступника, позволяет определить наиболее эффективные направления предотвращения данной преступности. Используя социально-правовой аспект исследования преступника, определяются прогнозы и планирование противодействия насильственной преступности [11]. Изучение личности преступника способствует индивидуальной профилактике преступлений путем установления причин и условий, а также мотивов совершения противоправного действия.

Следует добавить, что сбор материала, характеризующего обвиняемого, необходим для определения отягчающих и смягчающих обстоятельств, влияющих на выбор вида наказания. Кроме того, сотрудники оперативных подразделений используют криминологическую информацию о личности преступника для составления розыскного психологического портрета. Представленные данные могут быть использованы также следователем для установления психологического контакта и определения тактики допроса, проведения таких следственных действий с участием подозреваемого и обвиняемого, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте и проведение других действий, а также определение объективной действительности картины преступления.

Список литературы

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 21.03.2023).

2. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения 21.03.2023).
3. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: https://fsin.gov.ru (дата обращения: 28.03.2023).
4. Социальный портрет преступности. URL: http://crimestat.ru (дата обращения: 27.03.2023).
5. Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Антонян Ю. М., Эминов В. Е., ИНФРА-М, 2021. 368 с.
6. Золотарева С. В. Особенности личности преступника, совершившего доведение до самоубийства // Евразийский Союз ученых. 2021. № 3. С. 45-47.
7. Арсланова Д. М. Криминологическое исследование личности преступника, совершившего доведение до самоубийства // Молодой ученый. 2021. № 3. С. 147-148.
8. Абызов Р.М. Криминологическая наука и практика борьбы с преступлениями: учебное пособие. Т.2. Актуальные проблемы противодействия отдельными видами преступлений / Абызов Р.М., Мкртычян Б.А. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2014. 168 с.
9. Сараева А. О. Психологический портрет личности убийц / Сараева А. О., Стуколова Л. С., E-Scio. 2019. № 1. С. 51-55.
10. Дакашев М. М. К вопросу криминалистической характеристики личности преступника при доведении до самоубийства / Дакашев М. М., Яворский М. А., Modern Science. 2021. № 1-1. 143 с.
11. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 31.03.2023).

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ОРД

Галковская Екатерина Романовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

До настоящего времени вопрос о субъектах в ОРД в оперативно-розыскной теории остается дискуссионным. Вместе с тем согласно общей теории права субъектом выступает лицо, которое наделено прежде всего соответствующим полномочиями. По мнению А.Ю. Шумилова, субъектом ОРД выступает участник этой деятельности, на которого законодатель возложил соответствующие обязанности, предоставил для их выполнения определенные права и установил юридическую ответственность в случае их ненадлежащего исполнения. Субъектами ОРД (ее участниками) являются оперативно-розыскные органы, их должностные лица (оперативники), а также иные юридические и физические лица (включая защищаемых и изучаемых лиц), наделенные государственно-властными полномочиями по осуществлению ОРМ или других поведенческих актов в ОРД и (или) по принятию соответствующих юридически значимых решений в ОРД.

В зависимости от основных функций, исполняемых субъектами ОРД, А.Ю. Шумилов классифицирует их на четыре основные группы:

1) непосредственно осуществляющие ОРД (оперативно-розыскные органы, оперативники, лица, оказывающие содействие и т.д.);

2) защищаемые лица - физические или юридические лицо, права, свободы и законные интересы которого подлежат защите от преступных посягательств посредством осуществления ОРД в силу непосредственного указания на то в оперативно-розыскном законодательстве или обращения в оперативно-розыскной орган с законным требованием о своей защите.;

3) изучаемые лица— каждый, чье деяние фактически или с достаточной степенью вероятности связано с совершением преступления, а также лицо, законно устанавливаемое или проверяемое в ней по административно-правовым либо иным основаниям.;

4) лица, осуществляющие контроль над ОРД (судьи и др.). [1]

В.Ю. Голубовский же считает, что субъектами ОРД выступают только органы, непосредственно осуществляющие ОРД и их должностные лица, т.е. органы, перечисленные в ст. 13 ФЗ «об оперативно – розыскной деятельности» (Органы внутренних дел Российской Федерации, Органов федеральной службы безопасности, Федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны, Таможенные органов Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, Федеральная службы исполнения наказаний). [2]

На наш взгляд определение А.Ю. Шумилова слишком широкое, а В.Ю. Голубовского слишком узкое, поэтому мы хотим предложить свою точку зрения кого стоит относить к субъектам оперативно – розыскной деятельности.

На наш взгляд, в первую очередь к субъектам ОРД следует отнести органы, непосредственно осуществляющие ОРД и их должностных лиц.

Должностное лицо — участник ОРД. Им признается лицо, которое постоянно, временно или по специальному полномочию реализует функции представителя власти в области непосредственного осуществления ОРД или контроля и надзора за ней.

Все должностные лица, являясь участниками ОРД, обладают соответствующими правами и несут вполне определенные обязанности, которыми они наделены для выполнения своих функций (оперативник — проводить ОРМ, прокурор — надзирать за исполнением законов в ОРД и т.д.). [3]

Далее идут сотрудники этих органов – оперативники.

Оперативный сотрудник — это состоящее в штате оперативного подразделения правоохранительного органа или специальной службы России должностное лицо, непосредственно полностью или частично осуществляющее ОРД на основании и в соответствии с действующим федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Оперативный сотрудник обладает соответствующим юридическим статусом, т.е. совокупностью прав, гарантированных государством, а также обязанностями и ответственностью, установленными ФЗ Об ОРД, законодательными и иными нормативными правовыми актами России.

Так же к субъектам, на наш взгляд, следует отнести конфидента.

Конфиденты– это отдельные физические лица, с которыми оперативные подразделения, ОРО, установили на платной или безвозмездной основе отношения государственного сотрудничества, предполагающие оказание этими гражданами указанным оперативным аппаратам содействия на конфиденциальной основе в разрешение возложенных на них задач.

Конфиденциальное содействие может быть установлено: а) по инициативе сотрудника оперативного подразделения путем предложения лицу из тактических соображений оказать добровольную помощь в борьбе с преступностью; б) в случае индивидуального волеизъявления лица, выступающего инициатором данного содействия и располагающего соответствующей информацией о противоправной деятельности. Сотрудничество лица выражается в предоставлении данному органу имеющейся у него информации, принадлежащих этому лицу служебных и (или) жилых помещений для осуществления ОРМ, в консультировании данным лицом по отдельным вопросам, связанным с осуществлением ОРМ, оказании различных услуг и др. [4]

И последние, кого бы мы отнесли к субъектам ОРД – это специалист. На наш взгляд, их следует включить, т.к. они тоже принимают непосредственное участие в проведении оперативно – розыскных мероприятий.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности возникают вопросы, решение которых требует использования специальных знаний в области науки, техники, искусства и т.п. Так, в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) имеют право использовать помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями.

Задачей специалиста, участвующего в оперативно-розыскном мероприятии, является не только содействие в выявлении, фиксации, собирании фактической информации, необходимой для решения конкретных задач по раскрытию преступлений, но и ее исследование с целью получения ориентирующей информации.

Участие специалистов при проведении ОРМ выражается в следующем:

1. В проведении исследования объектов и предметов, выявленных в ходе осуществления ОРД;
2. В отожествлении личности преступника;
3. В отборе образцов для сравнительного исследования;
4. В участии в разработке розыскных версий на основании криминалистического изучения следов и вещественных доказательств;
5. В использовании экспертно-криминалистических учетов, картотек и коллекций;
6. В осуществлении технического наблюдения за преступником;
7. В воспроизведении (моделировании) отдельных обстоятельств;
8. В переводе письменной и устной речи с иностранного языка;
9. В составлении фоторобота лица, совершившего преступление.

Как правило, оперативные подразделения в ходе осуществления ОРМ используют помощь следующих специалистов:

а) переводчика, т.е. лица, владеющего языками, знание которых необходимо для понимания переводимого текста, а также передаче его содержания средствами другого языка в ходе осуществления опроса и т.д.;

б) кинолога;

в) педагога или психолога, если в ходе такого ОРМ, как опрос, приходится опрашивать несовершеннолетних. Необходимо отметить, что участвовать в проведении данного ОРМ должны педагоги или психологи, пользующиеся у подростка особым доверием. Обстановка беседы должна располагать несовершеннолетнего к общению и способствовать тому, чтобы он действительно почувствовал себя психологически равноправным со взрослым. В ходе беседы психолог должен организовать доверительный, эмоционально-открытый разговор, нейтрализовать внутреннее сопротивление несовершеннолетнего с целью получения полной правдоподобной информации;

г) полиграфолога, осуществляющего специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа, т.е. технического средства, предназначенного для регистрации нескольких параллельно протекающих физиологических процессов: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, гладкой мускулатуры и т.п.). [5]

Таким образом, по нашему мнению, к субъектам ОРД следует относить органы, непосредственно осуществляющие ОРД и их должностных лиц, т.е. органы, перечисленные в ст. 13 ФЗ «об оперативно – розыскной деятельности», а также лиц, непосредственно связанных с осуществлением ОРД (конфидент, специалист).

Список литературы

1. Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник для вузов. - М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. -368 с. http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=974&lvl=05.&ysclid=ldr793m61s594870370 (дата обращения: 06.02.2023).
2. Голубовский, В. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. - М., 2001. - С. 123 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24401561&ysclid=lecf5twa1b662719419 (дата обращения: 20.02.2023).
3. Маркушин, А. Г. Оперативно – розыскная деятельность: учебник для вузов / А. Г. Маркушин. – 2 – е изд., перераб и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 399 с.
4. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. - 323 с. http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=989&lvl=05.&ysclid=ldr5s49n4f324095938 (дата обращения: 04.02.2023).
5. Сенатов А.В., Чайковский А.А. Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. №4 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ispolzovaniya-operativnymi-podrazdeleniyami-pomoschi-spetsialistov-pri-osuschestvlenii-operativno-rozysknoy (дата обращения: 05.02.2023).

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

Галковская Екатерина Романовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

Согласно ст. 131 УК РФ изнасилованием признаётся половое сношение, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [1].

Буквальное толкование этого определения позволяет сделать вывод, что законодатель связал понятие изнасилования с определёнными способами совершения данного преступления. При этом обман как возможный способ добиться половой близости не является способом состава изнасилования.

В теории уголовного права под обманом понимается сознательное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания, путем действия или бездействия, при наличии вытекающей из закона или договора обязанности представить истинную информацию.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" разъясняется, что не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или как иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности действия лица, добившегося согласия потерпевшей на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить в брак и т.п.) [2].

В связи с изложенным возникает вопрос относительно содержания понятий «обман» и «злоупотребление доверием». Содержание указанных понятий определено высшей судебной инстанцией лишь применительно к мошенничеству в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Согласно п. 2 этого постановления обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. А в п.3 говориться, что злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о

передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим.

Применительно к исследуемой нами проблеме обман как способ вступления в половую связь может выражаться в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение лица женского пола в заблуждение. Злоупотребление доверием может выражаться как в использовании доверительных отношений с потерпевшей основанных на родственных связях, либо возникших в связи с совместной работой или учёбой виновного и потерпевшей. Примером злоупотребления доверием, на наш взгляд, может служить ситуация, когда врач убеждает женщину, что совершение полового акта ей необходимо в медицинских целях и, получив ее согласие, совершает половое сношение со своей пациенткой [3].

Таким образом, УК РФ встает на защиту женщины как объекта сексуальных преступлений, но не предусматривает уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера, совершённые путем обмана потерпевшей.

В законодательстве ряда зарубежных стран законодатель в качестве возможного способа изнасилования признаёт обман потерпевшей. Очевидно, в данном случае законодатель исходит из того, что при обмане половое сношение также совершается помимо воли потерпевшей.

Согласно УК Бельгии (ст. 375) "согласие считается отсутствующим, в частности, если акт был навязан силой, принуждением или хитростью". Использование хитрости, обмана как возможный способ изнасилования также известно уголовному законодательству Бурунди, Люксембурга, Омана, Польши, Сан-Марино.

В ст. 375 УК Индии изнасилование определяется как половое сношение с женщиной при одном из следующих обстоятельств: против ее воли; без ее согласия; если ее согласие вынуждено угрозой смерти или нанесения телесного повреждения; если виновный знает, что он не является мужем женщины, тогда как согласие дано ею потому, что она принимает виновного за другого мужчину, с которым она находится или считает себя находящейся в законном браке; с ее согласия или без такового, если она не достигла 16 лет.

В американском законодательстве, где отдельный состав образует изнасилование путем обмана, к которому относится сексуальное отношение с женщиной достигшей установленного законом возраста, совершенное с ее согласия, полученного обманным путем. В п. 4 ч. «а» ст. 261 Уголовного кодекса Калифорнии изнасилованием признается половой акт, при котором потерпевший не осознает, не знает, не понимает или не осведомлен о существе совершаемого с ним полового акта из-за преднамеренного обмана со стороны обвиняемого. А в п. 5 ч. «а» ст. 261 УК штата говорится, что если потерпевший (жертвой при изнасиловании по УК Калифорнии может быть, как мужчина, так и женщина) соглашается на половой акт, думая, что лицо, его совершающее, является его супругом или супругой, и такая вера вызвана намеренной уловкой или притворством, или маскировкой, осуществленной обвиняемым, то такой половой акт будет считаться изнасилованием. В ст. 416 УК Турции также в качестве способа совершения изнасилования указывается использование обманных способов, в силу чего потерпевшая не может оказать сопротивление виновному. В ст. 345 Закона об уголовном праве Израиля говорится об обмане как способе изнасилования: «половое сношение с женщиной является изнасилованием при ее согласии, но которое было достигнуто путем обмана по поводу личности лица, вступившего с ней в половое сношение, или по поводу характера самого деяния» [5].

В современных условиях противодействия сексуальному домогательству мы полагаем неправильным исключать уголовно-правовую охрану половой свободы, на которую виновный посягает посредством обмана, что в целом соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ.

При охране отношений собственности (ст. 159 УК РФ, ст. 165 УК РФ) уголовный закон, в том числе в его понимании высшей судебной инстанцией, признает обман как способ преступления достаточно общественно опасным, а при охране половой свободы - нет. Между тем, в системе уголовного закона, где интересы личности, стоят выше, чем права собственности, такой подход представляется, как минимум, странным и непонятным.

Анализируя правовое значение обмана, В.В. Долинская и И.В. Шишко отмечают, что «если бы сторона, действовавшая под влиянием обмана, знала истинное положение дела, то она не дала бы согласия на заключение сделки. Сделка, заключенная под влиянием обмана, не соответствует истинным намерениям обманутой стороны. В силу этого, и римское право, и современные законодательства не признают действительности сделки, заключенной под влиянием обмана». В этом мы усматриваем главный смысл, присущий обману, не только в гражданском праве, но и в уголовном. Поскольку при обмане сделка объявляется недействительной, то и неправомерно сформированная воля лица при вступлении в сексуальные отношения не должна быть безразлична для государства [4].

Иными словами, при обмане, согласие жертвы на вступление в половую связь образуется под неправомерным психическим воздействием виновного.

Исходя из указанного, считаем необходимым включить в диспозицию ст. 131 УК РФ в качестве возможного способа изнасилования – обман потерпевшей. Предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 131 УК: «Изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, а равно совершенное половое сношение с потерпевшей путём её обмана или введения в заблуждение.

Список литературы
1. Уголовный Кодекс РФ: ФЗ от 13.06.1996. № 63 – ФЗ (в ред. От 24.02.2021) // Собр. Законодательства РФ. – 1996. - №25
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/?ysclid=ldsexh5q4y103882459 (дата обращения: 06.02.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/?ysclid=ldzvs3tzsk534936678 (дата обращения: 11.02.2023).
4. Долинская В.В., Шишко И.В. Обманные действия по ст. 179 гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. №3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obmannye-deystviya-po-st-179-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-st-165-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 06.02.2023).
5. Каменева А.Н. Проблема «Согласия» жертвы при квалификации изнасилования в России и зарубежных странах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-soglasiya-zhertvy-pri-kvalifikatsii-iznasilovaniya-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 05.02.2023).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВАНДАЛИЗМА

Горобец Максим Константинович, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

В современном мире вопросы морали и этики стоят особенно остро. В России, учитывая исторические изменения в стране, необходимо отметить негативные изменения в социокультурных установках. После распада СССР моральные ценности претерпели значительные изменения, что привело к увеличению числа преступлений и появлению новых видов преступлений. Один из таких видов - вандализм, является общественно опасным и противоправным деянием.

В части 1 статьи 214 Уголовного кодекса РФ, вандализм определяется как осквернение зданий или сооружений, порча имущества в общественных местах или на общественном транспорте.

За совершение этого преступления предусмотрены уголовные наказания: штраф в размере до 40 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, обязательные работы на срок до 360 часов, исправительные работы на срок до одного года или арест на срок до трех месяцев.[1]

Частью 2 ст.214 УК РФ предусматривается наказание за совершение актов вандализма, совершенных группой лиц или по мотивам ненависти или вражды на основе политических, идеологических, расовых, национальных или религиозных убеждений, а также на основе ненависти или вражды к определенной социальной группе. Наказание может состоять в ограничении свободы на срок до трех лет, принудительных работах на срок до трех лет или лишении свободы на тот же срок.[1]

Вандализм является преступлением против общественного порядка, и он совершается умышленно, поэтому не применим признак неосторожности. Кроме того, следует отметить, что это преступление носит агрессивно-деструктивный характер.

Существуют различные способы совершения актов вандализма, которые условно можно разделить на три основные группы:

- Осквернение зданий и сооружений, которое может происходить путем нанесения различных надписей (включая нецензурную лексику), граффити, символов и знаков (включая экстремистскую символику), изображений, оскорбляющих чувства верующих на культовых зданиях и сооружениях, залива нечистотами, краской, грязью и другими способами.
- Порча имущества на транспорте и в общественных местах, которая может происходить путем частичного механического повреждения (разрезания, разбивания) или полного уничтожения путем сноса или поджога.
- Смешанный способ, включающий в себя как осквернение, так и порчу одновременно.

В законе установлены наказания разной степени суровости за совершение криминальных проявлений, смежных с вандализмом по характеру совершения и цели [2, с.153].

Например, надругательство над захоронениями квалифицируется по ст.244 УК РФ, уничтожение или повреждение объектов культурного наследия - по ст.243 УК РФ. А вандализм, сопряженный с умышленным

уничтожением либо повреждением имущества в крупном размере или со значительным ущербом, квалифицируется по ст. 167 УК РФ.

Анализ судебной практики по делам о вандализме позволяет говорить о том, что вандалами чаще всего становятся подростки. Зачастую, в момент совершения преступления, вандалы находятся в состоянии различного опьянения – как алкогольного, так и наркотического.

Учитывая эти факты, считаю, что законодателем выбран верный субъект вандализма – лицо, достигшее 14 летнего возраста.

Большинство вандалов - мужчины. Это объясняется тем, что для совершения данного преступления зачастую требуются физические усилия, особенно при крупномасштабном вандализме, который может привести к реальному противостоянию с обществом, включая столкновения с правоохранительными органами.

Низкий процент вандализма, совершаемого женщинами, можно объяснить не только меньшей физической силой, но и социальными факторами, такими как меньшее склонность к агрессивным состояниям, что в свою очередь формирует их личность. [3, с.7].

Однако, необходимо учитывать индивидуальность каждого случая вандализма, а также личности каждого лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, назначенное наказание должно соответствовать не только тяжести преступления, но и личности осужденного, что повышает важность изучения личностных характеристик преступника в каждом конкретном случае. [4, п. 50-57].

Согласно сайту stat.апи-пресс.рф с данными о назначенном наказании по статье 214 УК РФ, в 2022 году количество дел составило 739, из которых число осужденных в сфере вандализма составило 231, у 3 условное лишение свободы, 26 человек получили ограничение свободы, 109 штрафов, 55 исправительные работы, 61 обязательны работы. Итого за 2022 год к ответственности было привлечено 485 человек. Однако, официальной статистики по распределению вандализма по полу и возрасту не предоставляется. Согласно исследованию портала, "Независимая газета", в 2022 году наибольшее количество актов вандализма произошло в Москве, Петербурге, Краснодаре, Ростове-на-Дону и Екатеринбурге. Однако, в целом по России вандализм является достаточно распространенным явлением, и случаи его проявления могут быть зафиксированы в различных регионах.

В некоторых исследованиях, проводимых социологами и криминологами, обычно используются опросы, которые могут помочь определить характеристики вандалов, включая пол и возраст. Однако, такие данные могут быть неполными и не всегда точными, так как не все вандалы захотят отвечать на вопросы исследователей. На основе данных исследований, можно выявить, что в 2022 году доля мужчин среди вандалов могла быть выше, чем доля женщин. В некоторых исследованиях указывается, что мужчины совершают вандализм в два раза чаще, чем женщины. По данным МВД России за 2022 год, подростки в возрасте от 14 до 18 лет составили около 10% от общего числа лиц, привлеченных к ответственности за вандализм.

Действия вандалов могут привести к серьезным материальным и моральным потерям, а также вызвать чувства беспокойства и страха в обществе.

Существует множество причин, которые могут привести к вандализму, включая плохое воспитание, низкий социальный статус, а также идеологические и политические мотивы. Кроме того, вандализм может быть связан с психическими расстройствами и нарушениями поведения.

Нередко вандалы действуют в группах, что позволяет им укрепить свою позицию внутри социального сообщества и почувствовать себя сильнее.

Однако вандализм не останавливается на поверхности, он может иметь глубокие корни в общественной жизни и стать симптомом более серьезных проблем, таких как социальная дезорганизация, неравенство, экономические трудности и другие социально-экономические факторы.

Чтобы предотвратить вандализм и бороться с его последствиями, необходимо создавать условия для развития социальной ответственности и лояльности к обществу. Важно также проводить профилактическую работу среди молодежи и оказывать им поддержку в различных аспектах их жизни, чтобы они не ощущали необходимости проявлять свою агрессию и нарушать закон. [5, с.360].

С учетом вышеизложенного, мне кажется, что санкции статьи 214 УК РФ недостаточно актуальны для привлекаемых к ответственности лиц. Штраф, как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним, часто еще неработающим гражданам, не обладает должным воспитательным эффектом на преступника.

В то время как исправительные работы, возможно, в большем объеме часов, нежели указанные в статье, будут иметь больший эффект.

Следует помнить, что главным принципом любого уголовного наказания является страх не самого наказания, а его неотвратимость. Это важнейший принцип современного уголовного права, а цель его – перевоспитание нарушителя.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Чучаев, А. И. Преступления против общественной безопасности. Учебно-практическое пособие // А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева, А.А. Задоян. - М.: Проспект, 2017. - 256 с.

3. Алиев Х.К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы (по материалам Северо-Кавказского федерального округа) // диссертация на соискание учёной степени к.ю.н – Москва, 2016 – 217 с.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12. 2015. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 29.11.2016. № 56, от 18.12.2018. № 43) // Официальный интернет портал Верховного суда РФ - vsrf.ru
5. Долгова, А. И. Криминология // А.И. Долгова. - М.: Норма, 2016. - 384 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МНИМО БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Громилова Дарья Олеговна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает в качестве одного из видов квалифицированного убийства – убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч.2 ст.105 УК РФ). [1, с.47] Такое убийство предполагает, что до начала выполнения объективной стороны убийства виновный знал о беременности потерпевшей, т.е. имел ясное представление относительно указанного обстоятельства, и у него не было никаких сомнений в обратном. Если виновный не знал, что потерпевшая беременна, его действия при отсутствии иных признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Возникает вопрос, как квалифицировать действия виновного, в случае, когда он, совершая умышленное причинение смерти небеременной женщины, ошибочно полагал, что она находилась в состоянии беременности. Следует отметить, что такое заблуждение образует фактическую ошибку, то есть, лицо заблуждалось по поводу фактических обстоятельствах совершаемого им деяния, относящихся к признакам состава преступления (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). На данный вопрос ведутся дискуссии, какую же уголовно-правовую оценку дать этим действиям.

В юридической литературе можно встретить различные мнения по поводу квалификации мнимо беременной женщины.

Одни ученые считают, что действия виновного в указанном случае следует квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как оконченное убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Другие указывают, что убийство мнимо беременной женщины необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Третьи рекомендуют такое убийство квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ, как простое убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств.

И, наконец, четвертые, устанавливают в содеянном признаки совокупности преступлений и предлагают такое убийство квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как покушение на убийство беременной женщины и оконченное убийство не беременной женщины.

Каждый из указанных вариантов в юридической литературе вполне справедливо подвергается критике. В частности, квалификация содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ не учитывает, что объективно была лишена жизни небеременная женщина; третий вариант квалификации только по ч. 1 ст. 105 УК РФ не учитывает направленности умысла виновного на лишение жизни беременной женщины, хотя это, безусловно, повышает степень общественной опасности, как преступного деяния, так и самого преступника; квалификация по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ недопустима, поскольку обвиняемый дважды несет уголовную ответственность за одни и те же действия, что нарушает принцип справедливости (ст. 6 УК РФ).

Достойны внимания и следующие предположения ученных по обозначенной выше проблеме.

- Смирнов В.А. счел, что если «сформулировать рассматриваемый квалифицирующий признак как «убийство женщины по мотивам ее беременности, а равно по иным мотивам, при условии, что виновный достоверно знал о беременности», то, с одной стороны, будет сохранено указание на особый объект уголовно-правовой охраны, а с другой — это позволит квалифицировать содеянное как оконченное преступление независимо от того, была ли потерпевшая на самом деле беременной или нет, поскольку акцент будет сделан уже на побуждениях виновного» [2,с.185]

- Бабий Н. А. предлагает, на наш взгляд, более оптимальный вариант: «Совершение убийства женщины при фактическом наступлении смерти должно квалифицироваться как оконченное преступление вне связи с наличием или отсутствием ее беременности. Квалифицирующее обстоятельство следовало бы перенести в область намерения причинить смерть именно беременной женщине, не ставя при этом его в зависимость от мотивации или целеполагания такого убийства. Для достижения именно такой криминализации убийства факт беременности должен только отражаться в сознании субъекта. Тем самым, усиление ответственности

сохранится как для случаев убийства по причине беременности женщины, так и для случаев убийства по иным причинам, например, по мотиву мести за измену». [3, с.153]

- А.И. Рарог, полагает, что допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что, хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности. [4]

- Красиковым А. Н. считает, что по смыслу закона в пользу подсудимого трактуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельств и т. д. Поэтому, сомнения по поводу квалификации убийства женщины, которая не была беременной, хотя, по убеждению виновного, находилась в таком состоянии, следует решать в пользу обвиняемого (подсудимого). Но не в смысле оценки его действий как совершения простого убийства, а в смысле квалификации их как покушения на убийство беременной женщины [5, с.93]

- Попов А. Н. высказал мысль, что «необходимо посягательство на жизнь беременной женщины уравнять с посягательством на жизнь двух или более лиц, одновременно разъяснив в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что посягательство на жизнь беременной женщины следует рассматривать как посягательство на жизнь двух лиц со всеми вытекающими отсюда следствиями». Также Попов А. Н. предлагает соответствующую формулировку: «Посягательство на жизнь двух или более лиц, а равно на жизнь беременной женщины и ребенка, находящегося в утробе матери». [6, с.265]

Таким образом, убийство мнимо беременной женщины с точки зрения его квалификации представляет значительную сложность. В связи с этим, на наш взгляд, Верховный Суд РФ, для единообразия судебной практики по рассматриваемую вопросу должен вынести соответствующие изменения в Постановление Пленума «О судебной практике по делам об убийстве».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).
2. Смирнов В. А. Некоторые вопросы использования признаков субъективной стороны преступления при конструирование квалифицированных составов убийства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. — Ч. 54 / Редкол. С. А. Елисеев и др. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.- С. 183-187
3. Бабий Н. А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах: Монография. — М.: ИНФРА-М, 2014 - 288 с.
4. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. — СПб., Юрид. центр Пресс, 2003 - 304 с.
5. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. С. - 93.
6. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001 - 465 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ДИСКРЕДИТАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Демарев Максим Сергеевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

21 февраля 2022 года главы Донецкой народной республики (далее – ДНР) и Луганской народной республики (далее – ЛНР) Денис Пушилин и Леонид Пасечник обратились к Президенту России Владимиру Путину с просьбой признать независимость ДНР и ЛНР. Их слова приводят российские СМИ:

«…От имени всего народа Донецкой народной республики просим вас признать Донецкую народную республику как независимое демократическое, правовое, социальное государство…» (Д.В. Пушилин).

«…Уважаемый Владимир Владимирович, с целью недопущения массовой гибели мирного населения республики, 300 тысяч из которых являются гражданами России, прошу вас признать суверенитет и независимость Луганской народной республики…» (Л.И. Пасечник). [12]

В этот же день Владимир Путин заявил, что считает необходимым незамедлительно признать суверенитет Донецкой и Луганской народных республик. Он подписал соответствующие указы. Также российский лидер поручил обеспечить поддержание мира в республиках. Путин объяснил, что принял такое решение, так как те, кто встал на путь кровопролития, насилия и беззакония, не признают никакого другого решения конфликта в Донбассе, кроме военного.

Через несколько дней, 23 февраля, с целью не допустить гибель мирных жителей и гуманитарной катастрофы, главы ДНР и ЛНР вновь обратились к Президенту России с просьбой об оказании помощи в отражении агрессии вооруженных сил и формирований Украины на основании статей 3 и 4 договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и республиками. [13]

24 февраля Владимир Путин в эфире федеральных телеканалов выступил с обращением к народу о начале Специальной военной операции на Украине (далее – СВО). [14]

Спустя неделю, с начала боевых действий, был принят Федеральный закон от 04.03.2022 №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Законопроект был рассмотрен Государственной Думой, а затем Советом Федерации и подписан президентом Российской Федерации в течение двух дней:

– 3 марта 2022 года он был внесён в Государственную думу депутатами Вячеславом Володиным, Александром Жуковым, Андреем Исаевым, Петром Толстым, Сергеем Неверовым (от партии Единая Россия), Геннадием Зюгановым, Иваном Мельниковым (от партии КПРФ), Владимиром Жириновским (от партии ЛДПР), Сергеем Мироновым (от партии Справедливая Россия) и членом Совета Федерации Матвиенко Валентиной.

– 4 марта 2022 года законопроект был единогласно принят Государственной думой Российской Федерации во втором чтении, рассмотрен на заседании Совета Федерации Российской Федерации, подписан президентом и опубликован. [6, с. 70-76]

Данным законопроектом были внесены поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, который был дополнен статьей 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», статьей 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях», а также статьей 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». [3]

Своевременность и актуальность введения данных поправок не вызывают никаких сомнений, ведь после начала СВО в иностранных, а также российских «оппозиционных» СМИ, участились случаи распространения заведомо ложных сведений относительно действий российской армии, военнослужащих, участвующих в проведении военной операции, нередко сопровождающихся обвинениями российской стороны в совершении военных преступлений: убийстве мирных жителей, жестоком обращении с военнопленными, мародерстве и т.п.

Так, 1 марта 2022 года на заседании рабочей группы Общественной палаты по противодействию распространению недостоверной информации, ее глава – Александр Малькевич, сообщил следующее: *«…в 2020 году нами было выявлено 35 тыс. фейков, в 2021 году нами было выявлено уже без малого 90 тыс. фейков. В этом году за два месяца без учета фейков о Донбассе, о нашей спецоперации обнаружено 20 тыс. фейков. При этом без малого 1 млн 400 тыс. фейков выявлено чуть более чем за неделю по ситуации в Донбассе…».* [15]

Также нельзя игнорировать слова члена комиссии Общественной палаты РФ по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – Екатерины Мизулиной, которая заявила, что около 1 млн. 300 тыс. публикаций, содержащих заведомо ложные сведения (фейки) относительно ситуации на Украине и в Донбассе, распространено в средствах массовой информации, в том числе сети Интернет, при этом каждые 20 минут появляется 100 новых фейков.

Очевидно, что такими действиями украинская сторона и курирующие ее западные спецслужбы пытаются создать на международном уровне негативный образ России как государства и русских как нации в целом. В свою очередь, на внутрироссийском уровне их цель заключается в формировании отрицательного восприятия населением специальной военной операции, руководства страны и Президента, в частности, как якобы начавшего «братоубийственную», кровопролитную войну против беззащитной и мирной Украины.

Особую роль сыграло и поведение многих публичных людей и деятелей культуры, которое стало носить ярко выраженный протестный характер, напрямую направленный не только на демонстрацию несогласия с проводимой внешней политикой, но и имеющий умысел создания массовых общественный реакций на происходящие события. Как следствие, подобные действия создают существенные угрозы национальной безопасности России, жизни и здоровью российских граждан.

Л.В. Зауэр, комментируя важность данных поправок, справедливо отмечает: *«…поправки касаются не только деятельности профессиональных журналистов, но и всех граждан нашей страны, поэтому актуальность этой проблемы высока. Каждый гражданин должен знать об этих изменениях, чтобы не стать участником противоправного деяния…».* [8, с. 177-182]

Теперь, проанализировав хронологию принятия поправок в Уголовный кодекс РФ и выявив их необходимость и значимость, автору представляется целесообразным рассмотреть составы преступлений, предусмотренных статьями 207.3, 280.3 УК РФ подробнее.

Итак, ст. 207.3 в ч.1 устанавливает ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных

Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ. [1]

При анализе данного положения возникают закономерные вопросы: какая информация считается заведомо ложной? Как выражается публичность распространения информации?

Отвечая на данные вопросы, необходимо сослаться на «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №2», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020. В соответствии с ним: *«…под заведомо ложной информацией… следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему…»*. В свою очередь: *«…распространение заведомо ложной информации… следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)…»*. [4]

Обязательным условием наступлением ответственности по данной статье является придание информации, не имеющей никакого официального подтверждения признака достоверности, то есть придания ей признаков позволяющей определить ее, как официальную, путем ссылок на официальные СМИ, использования заявления официальных лиц, а также, использования поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей.

Размещение лицом в сети Интернет, в частности, на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост), может быть квалифицировано по данной статье только в случаях, когда установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, сознавало, что размешенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц. [11, с. 188-195]

Также следует учитывать, что публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber, Вконтакте, Одноклассники и др.), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Исследуя элементы состава преступления, предусмотренного данной статьей необходимо сказать о том, что расположение ст. 270.3 УК РФ в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а также рядом со ст. 207, 207.1, 207.2 УК РФ позволяет считать, что родовым объектом данного преступления является общественная безопасность и общественный порядок, видовым объектом – общественная безопасность, а непосредственным объектом – общественные отношения в области получения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами нашей страны своих полномочий за ее пределами, направленных на защиту интересов отечества и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. [7, с. 25-30]

Объективная сторона преступления выражается в публичном распространении под видом достоверных заведомо ложных сведений, содержащих данные об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации, граждан России и поддержания мира и безопасности, а также распространение заведомо ложной информации об исполнении государственными органами России своих полномочий за пределами Российской Федерации в тех же целях. [1]

Из этого следует, что в ч.ч. 1,2 данной статьи состав преступления закреплен как формальный т.к. преступление считается оконченным с момента публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации.

Однако в ч.3 данной статьи состав представлен как материальный – преступление считается оконченным с момента наступления тяжких последствий (массовые беспорядки, уничтожение или повреждение имущества в крупном размере, смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека). [1]

Субъектом преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-ти летнего возраста. [11, с. 188-195]

Субъективная сторона состав преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, характеризируется виной в форме прямого умысла.

В ч. 2 ст. 207.3 УК РФ содержатся следующие квалифицирующие признаки:

а) совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения;

б) совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) совершение преступления с искусственным созданием доказательств обвинения;

г) совершение преступления из корыстных побуждений;

д) совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. [1]

Также следует сказать и о санкциях, предусмотренных данной статьей. Так, преступление совершенное по ч.1 наказывается штрафом в размере от 700 тыс. до 1 млн. 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 18 месяцев, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок.

В соответствии с ч.2 квалифицированный состав наказывается штрафом в размере от 3 млн. до 5 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, либо лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Ответственность по ч.3, комментируемой статьи имеет наивысшую общественную опасность, и как следствие закрепляет наиболее строгие меры уголовного воздействия в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет. [1]

В качестве примера из судебной практики по данной статье можно привести Приговор Оловяннинского районного суда Забайкальского края от 31.05.2022 года. В соответствии с ним суд привлек к уголовной ответственности по ч.1 ст. 207.3 УК РФ россиянина Петра Мыльникова. Мыльников был осужден за то, что в марте 2022 года дважды разместил в открытой группе в одном из мессенджеров, являясь при этом администратором, «заведомо ложную информацию под видом достоверной». Кроме того, он комментировал данную тему. Обвиняемый признал свою вину в совершении преступления, суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 1 млн. рублей. [16]

Следующей новеллой, представляющий интерес для изучения, является ст. 280.3 УК РФ, которая в ч.1 закрепляет ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. [1]

В качестве родового объекта выступают общественные отношения в сфере обеспечения нормального функционирования государственной власти. Видовым объектом являются общественные отношения в сфере обеспечения незыблемости основ конституционного строя и безопасности Российского государства. К непосредственным объектам данного состава преступления относятся две группы общественных отношений, обеспечивающих:

– нормальное функционирование Вооруженных Сил РФ в сфере защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности человечества;

– полноценное исполнение своих полномочий государственными органами РФ в тех же целях. [1]

Наиболее важным элементом состава данного общественно опасного деяния, имеющим ключевое значение для его корректной оценки и квалификации, является объективная сторона преступления. Однако, сама по себе трактовка понятия «действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ», порождает множество вопросов относительно его содержания, т.к. на законодательном и доктринальном уровне в настоящее время отсутствует единое понимания термина «дискредитации».

На федеральном уровне понятие «дискредитация» закреплено в ст. 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции» №135-ФЗ от 26.07.2006, и звучит следующим образом: *«…не допускается недобросовестная конкуренция путем дискредитации, то есть распространения ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации…»*. [2]

В теории уголовного права, можно обнаружить следующие дефиниции.

В.С. Молокоедова трактует дискредитацию как совершение умышленных действий, направленных на лишение доверия к субъекту, на подрыв его имиджа и авторитета, следовательно, любые публичные действия граждан, умышленно противоречащие официальной позиции Министерства обороны РФ. [11, с. 188-195]

А.М. Абдулатипов под дискредитацией понимает умышленные действия, нацеленные на подрыв доверия к вооружённым силам, на нанесение вреда их авторитету, репутации. [5, с. 43-51]

В диспозиции ст. 280.3 УК РФ указаны следующие действия, составляющие объективную сторону данного преступления:

– публичные действия, нацеленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ для защиты интересов России и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;

– публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных в законе целях;

– публичные действия, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных законе целях;

– публичные действия направленные на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ. [5, с. 43-51]

В данной статье Уголовного кодекса понятие «публичность» выражается в том, что индивид желает донести информацию в активной форме иным лицам, количество которых может быть неограниченным. Так, например, в Нижегородской области возбуждено дело по ст. 280.3 УК РФ в отношении гражданина, ранее привлеченного к административной ответственности за размещение на заднем стекле автомобиля недостоверной информации о ВС РФ. Данный гражданин не только сохранил соответствующую надпись на стекле, но и следственными органами были также обнаружены листовки аналогичного содержания в квартире обвиняемого. [10, с. 274-279]

По конструкции основной состав анализируемого преступления является формальным, так как уголовным законом не предусмотрен признак обязательности наступления каких-либо вредных последствий по причине указанных в диспозиции действий или призывов. Преступление считается оконченным с момента совершения действий по дискредитации российских вооружённых сил, органов публичной власти. В отличие от основного, квалифицирующий состав предусматривает в качестве обязательного признака наступление ряда альтернативных общественно опасных последствий, в связи с чем по конструкции является материальным. [1]

В качестве субъекта преступления по данной статье выступает – физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-ти летнего возраста.

С субъективной стороны публичные действия по дискредитации использования Вооруженных Сил РФ совершаются только с прямым умыслом. Виновный совершает осознанные действия с желанием дискредитировать использование вооружённых сил. Это может выражаться также в желании осуществлять публичные призывы к воспрепятствованию их использования и дискредитировать исполнение государственными органами РФ своих полномочий за её пределами в указанных законе целях. Такие субъективные признаки, как мотивы и цели, в конструкцию статьи 280.3 УК РФ как обязательные элементы не входят. Однако они исходят непосредственно из объективных признаков. Целью данного преступления можно признать стремление виновного дискредитировать вооружённые силы и органы исполнительной власти из-за выполнения ими возложенных на них обязанностей по защите РФ и её граждан. [5, с. 43-51]

В ч.2 ст. 280.3 закреплен такой квалифицирующий признак как публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, повлекшие смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. [1]

В качестве санкции по ч.1 выступают наказания в виде штрафа в размере от 100 тыс. до 300 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 3 лет, либо арестом на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

Преступление, предусмотренное ч.2 наказывается штрафом в размере от 300 тыс. до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет либо лишением свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок. [1]

Также особый интерес представляет вопрос отграничения ст. 207.3 от ст. 280.3. Обусловлено это тем, что несмотря на тот факт, что эти статьи расположены в различных главах уголовного закона и, по мысли законодателя, посягают на различные основные объекты, между ними много общего.

В доктрине был задан вопрос: дискредитирует ли Вооруженные Силы и государственные органы РФ распространение об их деятельности заведомо ложной информации? И ответ на него был дан положительный. Однако, согласно букве закона, это разные деяния, и статьи 207.3 и 280.3 УК РФ не могут подлежать одновременному вменению, так как это нарушит принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Приоритетному применению в данном случае подлежит ст. 207.3 УК РФ. [9, с. 50-57]

Таким образом, подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать следующий вывод. Меры по обеспечению общественной безопасности государства в целом, а также интересов Вооруженных Сил и государственных органов России в условиях сложившейся внешнеполитической ситуации следует признать своевременными. Реакция законодателя на негативные последствия распространения заведомо ложной информации, выразившаяся в криминализации отдельных деяний, способна минимизировать потенциальный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Однако, результаты законотворчества, выражающиеся в дополнении УК РФ новыми статьями, нередко вызывают правоприменительные проблемы, которые рано или поздно должны быть решены.

Список литературы
1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 1996. – №25. – ст. 2954.
2. О защите конкуренции: фед. закон от 26.07.2006 №135-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 2006. – №31 (ч.1). – ст. 3434.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: фед. закон от 04.03.2022 №32-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2022. – №10. – ст. 1389.
4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // БВС РФ. – 2020. – №6.
5. Абдулатипов, А.М. Проблемы уголовно-правовой характеристики публичных действий по дискредитации Вооружённых сил Российской Федерации / А.М. Абдулатипов // Дагестанский государственный университет. Журнал: Вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – №2. – С. 43-51.
6. Белорекова М.И., Васильев А.М. Правовой сравнительный анализ нового института ответственности о «фейках» в уголовном и административном праве / М.И. Белорекова, А.М. Васильев // Кубанский государственный университет. Журнал: Научный альманах. – 2022. – №5-2(91). – С. 70-76.
7. Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона / Н.Н. Бугера, А.А. Лихолетов // Волгоградская академия МВД РФ. Журнал: Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – №2(61). – С. 25-30.
8. Зауэр, Л.В. «Закон о фейках»: нюансы новых поправок / Л.В. Зауэр // Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт. Журнал: Молодежь. Инициатива. Развитие. – 2022. – №1. – С. 177-182.
9. Кибальник, А.Г. Ответственность за распространение фейков об использовании армии и госорганов РФ. Квалифицированные виды и отличие от дискредитации / А.Г. Кибальник // Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. Журнал: Уголовный процесс. – 2022. – №7(211). – С. 50-57.
10. Кумышева, М.К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации / М.К. Кумышева // Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал Краснодарского университета МВД России). Журнал: Образование и право. – 2022. – №7. – С. 274-279.
11. Молокоедова В.С., Муравьева К.М., Захарова Е.Р. Проблемы квалификации новых составов преступлений (ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ) в рамках информационной войны: борьба с фейками / В.С. Молокоедова, К.М. Муравьева // Юго-Западный государственный университет. Журнал: Уголовное право в эволюционирующем обществе. – 2022. – №8. – С. 188-195.
12. Сайт РИА Новости: Главы ДНР и ЛНР попросили Путина признать независимость республик // URL: https://ria.ru/20220221/dnr-1774105558.html (дата обращения 05.04.2023).
13. Сайт РИА Новости: ДНР и ЛНР попросили Путина помочь в отражении агрессии Киева // URL: https://ria.ru/20220223/agressiya-1774600394.html (дата обращения 05.04.2023).
14. Сайт РИА Новости: Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе // URL: https://ria.ru/20220224/operatsiya-1774620380.html (дата обращения 05.04.2023).
15. Сайт ТАСС: Член ОП сообщил, что в Рунете выявили около 1,4 млн фейков о ситуации в Донбассе // URL: https://tass.ru/ekonomika/13910503 (дата обращения 05.04.2023).
16. Сайт Коммерсантъ: Армию дискредитировали на миллион // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5380995 (дата обращения 05.04.2023).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Дотолева Виктория Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович — научный руководитель, старший преподаватель

Проблема возникновения суицида является важной социально-экономической проблемой для любого современного общества. По данным ВОЗ, Россия входит в топ-10 стран по общему коэффициенту смертности от самоубийств (отношение общего числа умерших в течение календарного года к среднегодовой численности населения). При этом в РФ, как и абсолютном большинстве других стран мира, уровень мужской смертности от самоубийств значительно превышает уровень женской. Причины, которые влияют на совершение лицом суицида могут быть самые разные: психические расстройства личности, тяжелые жизненные периоды, потеря

смысла жизни и другие факторы, не зависящие от воли иных лиц. Однако определенную долю самоубийств составляют те, которые происходят из-за негативного влияния на жертв третьих лиц. В уголовно-правовом законодательстве речь идет о таких составах как доведение до самоубийства, склонение к самоубийству или организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В подобных случаях виновному лицу грозит наказание по статье 110, 110.1 или 110.2 УК РФ.

Стоит отметить, что важнейшее значение имеет установление причин совершенного самоубийства, которые могут быть связаны с противоправным воздействием других лиц. Их выявление способствует правильной квалификации деяний, приведших к самоубийству. Между тем, на практике мы сталкиваемся не только с проблемой выявления такого состава как доведение до самоубийства, но и с его отграничением от склонения или содействия совершению самоубийства. Именно это обуславливает необходимость выделения отличительных признаков доведения до самоубийства при отграничении этого преступления от смежных составов, таких как убийство и склонение к самоубийству [5].

Прежде чем перейти непосредственно к уголовно-правовой характеристике доведения до самоубийства следует раскрыть содержание таких понятий как убийство и самоубийство. Согласно ст. 105 УК РФ убийством признаётся умышленное причинение смерти другому человеку [1]. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), самоубийство — это преднамеренный акт убийства самого себя [6]. При этом непосредственным объектом как в убийстве, так и в доведении до самоубийства является право человека на жизнь [5].

Объективная сторона состава доведения до самоубийства усложненная. В нее входят:

а) поведение самого виновного (угрозы, жестокое обращение с потерпевшим, систематическое унижение его человеческого достоинства);

б) создание таким поведением «тупиковой» в представлении потерпевшего жизненной ситуации, близкой к состоянию безысходности;

в) принятое потерпевшим под влиянием этого решение о самоубийстве;

г) акт самоубийства или покушения на него.

Самоубийство, таким образом, причинно обусловлено предшествующим поведением виновного.

В законе дан исчерпывающий перечень уголовно наказуемых способов доведения до самоубийства:

1) угрозы;

2) жестокое обращение;

3)систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Иные способы (например, постоянное надоедливое следование как тень за возлюбленной, систематические задержки с выдачей зарплаты), даже если они привели к самоубийству потерпевшего, не могут влечь за собой ответственность по ст. 110 УК РФ. Объединяет упомянутые в законе способы то, что все они носят противоправный характер.

Далее для наиболее правильного толкования объективной стороны преступления по ст. 110 УК РФ следует подробнее раскрыть указанные в законе способы доведения до самоубийства.

Виды угроз в диспозиции ст. 110 не раскрываются, и каких-либо ограничений в этой части не содержится. Это означает, что, по мнению законодателя, довести до самоубийства можно любой противоправной угрозой (насилием, незаконным выселением, распространением сведений интимного характера). Важно, чтобы потерпевший воспринимал эти угрозы как реальные, создающие опасность его правам и законным интересам. Угроза уволить работника в связи с обнаружившейся его непрофессиональной деятельностью или сообщить органам власти о совершенном им преступлении, как не носящая противоправного характера, не дает оснований для вменения ст. 110 УК РФ.

Жестокое обращение — понятие оценочное, используемое и в ряде других статей УК (например, ст. 156, 245). Оно связано с причинением лицу физических страданий путем нанесения побоев, лишения пищи, медицинской помощи при необходимости, связывания, запирания и т.д. Как правило, оно предполагает неоднократное противоправное поведение виновного.

Систематическое унижение человеческого достоинства выражается в многократных актах оскорбления, глумления, опорочивания потерпевшего.

Таким образом, вышеперечисленные способы являются обязательными альтернативными признаками состава доведения до самоубийства.

Между фактом самоубийства (покушением на него) и деянием виновного должна существовать причинная связь, что выражается в установлении того, что именно действие или бездействие лица стали непосредственной причиной, толкнувшей потерпевшего на совершение самоубийства.

Преступление считается оконченным в момент самоубийства или покушения (попытки самоубийства) на него со стороны потерпевшего.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Спорен вопрос о субъективной стороне анализируемого состава преступления: одни допускают только неосторожность, другие — лишь косвенный умысел, третьи — умысел (прямой или косвенный). На наш взгляд, чаще всего, доведение до самоубийства совершается по неосторожности либо с косвенным умыслом. Однако не исключен и прямой умысел: виновный доводит лицо до самоубийства намеренно, т.е. предвидит, что его угрозы, жестокое обращения и т.п. создают возможность или даже неизбежность самоубийства потерпевшего, и

желает такого исхода. Например, потерпевший, не выдержав, прямо заявляет, что при продолжении шантажа он сведет счеты с жизнью, в чем виновный не сомневается. Однако он не прекращает своего воздействия на жертву. Рекомендация, что при прямом умысле действия виновного следует расценивать как убийство, не может быть реализована на практике, поскольку лишение жизни осуществляется лицом (потерпевшим), обладающим сознанием и волей и достигшим определенного возраста, а потому виновный не может рассматриваться как посредственный исполнитель преступления (ч.2 ст.33) [4].

Для более глубокого понимания рассматриваемой темы следует привести пример из судебной практики вменения такого состава преступления как доведение до самоубийства.

Суд установил, что Бакушев М.С. совершил причинение физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев, не повлекших последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ, а также доведение П.Ю.А. до самоубийства путем жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшей. Преступления совершены подсудимым при следующих обстоятельствах. В период с конца июля 2016 года по 30 декабря 2019 года Бакушев М.С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, испытывая личную неприязнь к своей сожительнице П.Ю.А.., с целью причинения ей физических и психических страданий, действуя умышленно, систематически наносил П.Ю.А. побои, высказывая оскорбления в нецензурной форме, причиняя тем самым последней физические и психические страдания, которые сопровождались чувствами боли, унижения, обиды. При этом Бакушев М.С. не желал, но сознательно допускал наступление общественно-опасных последствий в виде совершения П.Ю.А. самоубийства от его действий, выразившихся в жестоком обращении с П.Ю.А. и систематическом унижении её человеческого достоинства. В этот период времени Бакушев М.С. периодически злоупотреблял спиртным, создал в семье и, в частности, для П.Ю.А.., обстановку деспотизма, постоянного страха и опасения нанесения побоев, унижения человеческого достоинства. В результате жестокого обращения Бакушева М.С., имевшего место на протяжении периода времени с конца июля 2016 года по 30 декабря 2019 года, П.Ю.А. 30 декабря 2019 года, находясь в строении летней душевой во дворе домовладения, не выдержав жестокого обращения и причинения нравственных страданий, покончила жизнь самоубийством путем повешения. Суд квалифицировал действия Бакушева М.С. по ч. 1 ст. 117 и ч.1 ст. 110 УК РФ [3].

Таким образом, доведение до самоубийства в данном случае было совершено путем неоднократных эпизодов нанесения побоев и высказывания оскорблений на протяжении 3-х лет. Субъективная сторона характеризуется виной в виде косвенного умысла.

Далее перейдем непосредственно к отграничению доведения до самоубийства от смежных составов.

Как отмечалось ранее, убийство в соответствии с ч.1 ст.105 УК РФ — это умышленное причинение смерти другому человеку. В большинстве случаев причинение смерти предполагает активные действия субъекта преступления. Они могут подразделяться на физические и психические. Примером последнего может быть умышленное сообщение лицу, которое страдает сердечно-сосудистым заболеванием, информации, способной вызвать сильное переживание и привести к смерти. Несмотря на указанное, убийство возможно совершить не только посредством совершения активных действий. Бездействие также может повлечь смерть другого человека [2]. На первый взгляд, такие составы как убийство и доведение до самоубийства являются схожими, т.к. и в том, и в другом случае результатом общественно опасного деяния становится смерть человека. Однако, основное отличие заключается в том, что при доведении до самоубийства виновным не совершаются действия, непосредственно приводящие к смерти потерпевшего. Последний сам принимает решение покончить с жизнью. При убийстве действия (бездействия) виновного так или иначе причиняют смерть потерпевшему.

В соответствии с ч.1 ст.110.1 УК РФ склонение к совершению самоубийства возможно путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства [1]. Из диспозиции статьи следует, что склонение к самоубийству невозможно совершить теми же способами, которые содержит состав доведения до самоубийства. При доведении до самоубийства способами выступают различные виды физического и нефизического насилия, тогда как при склонении к самоубийству используются иные психологические приемы, т.е. можно предположить, что склонение к самоубийству предполагает более мягкие и неагрессивные методы. Склонение к самоубийству считается оконченным с момента совершения действий виновного, направленных на возбуждение решимости потерпевшего покончить жизнь самоубийством (ч.1 ст. 110.1 УК РФ не предполагает наступление общественно опасных последствий в виде совершения лицом самоубийства либо попыток к нему), в то время как доведение до самоубийства характеризуется материальным составом. Субъективная сторона преступления в ст. 110.1 характеризуется виной в форме прямого умысла, поскольку состав формальный. Следовательно, обязательным признаком субъективной стороны склонения к самоубийству является преследуемая виновным цель — самоубийство потерпевшего. Субъект осознает, что совершает действия, непосредственно направленные на то, чтобы склонить другого человека к самоубийству. Доведение до самоубийства, в свою очередь, может предусматривать любую форму вины.

Итак, проанализировав состав доведения до самоубийства, связанный с посягательством на жизнь человека через непосредственное воздействие на его психику с помощью определенных действий (способов), следует отметить, что между ним и смежными составами такими как убийство, склонение к самоубийству, существует достаточно тонкая грань. На практике это порождает целый ряд проблем, связанных с квалификацией таких деяний. При отграничении доведения до самоубийства от убийства стоит обращать

внимание, в первую очередь, на объективную сторону преступления, т.е. на то, какие именно действия совершает тот или иной субъект. Склонение к самоубийству предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство, тогда как доведение до самоубийства выражается в косвенном воздействии на сознание жертвы, исключающем открытое сообщение ему идеи о совершении суицида.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [в ред. от 25.03.2022г.] Официальный интернет-портал правовой информации : гос. система правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 17.03.2023).
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 03.03.2015 г. № 1 (в ред. 03.12.2009) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.
3. Приговор № 1-75/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 1-75/2020 // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт»: интернет-портал. — URL: https://sudact.ru (дата обращения:17.03.2023).
4. Уголовное право. Особенная часть : крат. пособие для подготовки к экзамену/ отв. ред. Л.Л. Кругликов. — 2-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 464 с.
5. Ашкалов, Д. С. Разграничение доведения до самоубийства и смежных составов преступления / Д. С. Ашкалов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 13 (303). — С. 139-142. — URL: https://moluch.ru/archive/303/68434/ (дата обращения: 12.03.2023).
6. Самоубийства // Всемирная организация здравоохранения. — URL: https://www.who.int/topics/suicide/ru/ (дата обращения: 12.03.2023).

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КРИМИНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Дотолева Виктория Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич — научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Сам термин «криминология» происходит от двух самостоятельных слов, с латинского языка «crimen» переводится как преступление, а окончание «logos» с греческого языка означает учение. Термин и понятия впервые были употреблены во второй половине девятнадцатого века итальянскими юристами Гарофало и Топинард, издавшими в 1885 году свой первый научный труд, посвященный криминологической науке [1, с. 46].

Криминологию нельзя отнести к чисто юридической или социологической науке. Криминология как междисциплинарная, социально-правовая наука взаимодействует как с правовыми, так и с общественными дисциплинами.

Криминологической науке присущи две группы междисциплинарных связей. Одна группа связей заключается в использовании методов иных наук без соприкосновения с их предметами. Другая группа связей выражается в непосредственном соприкосновении предметов тех отраслей знания, которые изучают преступность и меры ее предупреждения [2, с.6].

В данной работе криминология раскрывается в контексте её непосредственного сравнения с юридическими науками и выявления связей между ними.

Так, связь криминологии с наукой государственного права определяется прежде всего тем, что многие положения Конституции Российской Федерации имеют самое непосредственное отношение к воспитанию граждан в духе уважения норм нравственности, законов и правил общежития.

Связь криминологии с административным правом обусловлена, во-первых, значением административно-правовых средств борьбы с правонарушениями (административного взыскания, предупреждения и пресечения); во-вторых, ролью административно-правовых норм в регулировании деятельности субъектов криминологической профилактики (в определении их задач, функций, компетенций и т. д.). Оба эти аспекта регулирования общественных отношений нормами административного права особенно важны для предупредительной работы пограничных органов. Этим прежде всего и определяется значимость изучения криминологии в тесной связи с курсом административно-служебной деятельности.

Связана криминология и с иными юридическими науками гражданского, трудового и других отраслей права. Эта связь обусловлена главным образом тем, что многие нормы соответствующих отраслей законодательства используются для правового обеспечения мер криминологической профилактики, используются в качестве ее правовых основ [3, с.96].

Таким образом, криминология, опираясь на знания многих наук, развивает и углубляет представления о преступности и преступлениях как следствиях тех негативных факторов, которые присущи современному общественному бытию. В свою очередь, многие юридические науки используют достижения криминологии.

Наиболее тесные связи криминология имеет с науками уголовно-правового цикла.

Для раскрытия сущности криминологии в уголовно-правовом аспекте важно определить не только ее предмет, но и место в системе других наук. При этом особенно важно установить степень как «родства» со смежными научными дисциплинами, так и самостоятельности криминологических знаний.

В начале XX века криминологическая проблематика рассматривалась в рамках уголовного права. Это аргументировалось тем, что криминология зародилась в недрах уголовного права, что учение о преступности – аспект уголовно-правовой науки и изъятие криминологии из содержания уголовного права делает его сухой юридической догмой.

Такая позиция не лишена оснований. Действительно, криминология и уголовное право в ряде случаев оперируют одними и теми же понятиями, например «преступление», «наказание», «состав преступления», «квалификация преступления» и др. Более того, преступность как основной элемент предмета криминологии изучается ею лишь с учетом изменений уголовного законодательства, криминализации либо декриминализации тех или иных общественно опасных деяний. Однако данное обстоятельство свидетельствует лишь о взаимосвязи уголовного права и криминологии. Уголовное право во многих случаях также оперирует криминологическими понятиями, совершенно не обедняя науку криминологию и не снижая ее социального назначения.

Проведенные научные исследования показали, что явления и процессы, составляющие предметы криминологии и науки уголовного права, не всегда идентичны или рассматриваются каждой из этих наук в различных аспектах. В частности, обе науки изучают преступление, однако уголовное право в большей степени исследует юридическую модель преступления (состав преступления), криминология же исследует преступление в основном как явление социальное. Кроме того, криминология изучает преступность, которая не может быть сведена к простейшей совокупности всех совершенных преступлений, в то время как последние, являясь предметом уголовного права, представляют собой лишь ее конкретные, единичные проявления.

К предмету исследования обеих наук относится личность лица, совершившего преступление. Между тем уголовное право изучает те свойства такой личности, которые образуют понятие общего или специального субъекта преступления, а также те признаки личности, которые могут быть учтены при освобождении лица от уголовной ответственности и наказания или при назначении уголовного наказания. Криминологию же интересует вся совокупность социальных свойств такого лица, которые детерминируют преступное поведение и могут быть использованы в индивидуальной профилактике преступлений.

Причины и условия преступления уголовное право изучает для правильной квалификации преступных деяний (например, для решения вопроса о том, совершено убийство при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта) и в целях последующей индивидуализации назначаемого уголовного наказания. Криминология же исследует не только причины и условия преступления, но и механизм их взаимодействия между собой, причины и условия не только индивидуального преступного поведения, но и групп преступлений, преступности в целом. К предмету криминологии относится также изучение таких детерминант преступности, как факторы, опосредованно влияющие на ее состояние, создающие благоприятный социальный фон для ее существования и развития (например, проституция, алкоголизм и другие формы социально отклоняющегося поведения) [4, с.70].

Таким образом, связь криминологии с уголовным правом вполне очевидна, однако она не исключает самостоятельности предмета криминологии как науки.

Как комплексная научная отрасль знания, криминология связана и с другими научными дисциплинами. Речь в первую очередь идет о таких юридических науках, как уголовно-исполнительное право, уголовный процесс, криминалистика и др.

Так, уголовно-исполнительное право использует криминологические знания и рекомендации для предупреждения рецидива преступлений, повышения эффективности исправления и перевоспитания осужденных. В полной мере это относится к применению административного надзора и повышению его эффективности в отношении ранее судимых лиц.

Уголовно-исполнительное право изучает принципы и условия назначения и отбывания наказаний. Многие преступления совершаются в местах лишения свободы или лицами, вышедшими из заключения, поэтому взаимодействие криминологов и специалистов по уголовно-исполнительному праву весьма полезно.

Представляется также очевидной связь криминологии с уголовным процессом. Прежде всего, это вытекает из общности задач криминологии и уголовного процесса, которая состоит в том, чтобы деятельность участников уголовно-процессуальных взаимоотношений была направлена на предупреждение готовящихся преступлений, разрешение дел по существу, включая выявление причин и условий совершения преступлений, а также осуществление мер по их устранению.

Не менее очевидна связь криминологии с криминалистикой. Она проявляется, прежде всего, в том, что важные положения криминалистики и ее методологические основы были использованы для распознавания форм преступных проявлений, выработки средств и методов предупреждения преступлений. В свою очередь, криминологические знания нередко служат основанием для определения тактических приемов раскрытия преступлений.

Криминология тесно связана с теорией и практикой оперативно-розыскной деятельности. Для того чтобы оперативно-розыскные меры были «прицельными», а следовательно, эффективными, они должны опираться на полные, достоверные и точные знания о совершенном преступлении либо готовящемся. Иначе

говоря, оперативные работники должны исходить из правильных представлений о закономерностях современной преступности, ее характерных тенденциях, конкретных формах преступных проявлений, особенностях личности преступника, механизме индивидуального противоправного поведения, «преступном почерке» различных категорий правонарушителей и т. д.

Есть основание говорить о криминологическом аспекте социальных предпосылок оперативно-розыскной работы. Например, существуют оперативно-розыскные меры, целиком и полностью подчиненные интересам предупреждения преступности. Оперативно-розыскная деятельность существенно расширяет информационную базу и арсенал средств предупредительного воздействия на преступность, ее детерминанты и связанные с нею негативные явления. Необходимо отметить, что применительно к ранним стадиям развития некоторых криминогенных факторов оперативная работа иногда является наиболее оптимальным, а в ряде случаев практически единственно возможным вариантом целенаправленного упреждающего воздействия [3, с.99].

Следует отметить, что существует еще несколько наук, обычно относимых к циклу юридических. Это судебная статистика, судебная медицина и судебная психиатрия. И с ними криминология имеет непосредственные связи (контакты). Так, криминология максимально широко использует данные судебной статистики. А разработки судебных медиков и психиатров помогают криминологам составить более полное представление об особенностях личности различных категорий преступников.

В ходе развития криминологических учений вносились предложения расширить ее предмет за счет изучения смежных с преступностью явлений (социальных аномалий): алкоголизма, наркомании, проституции, самоубийств и т. п. Но возобладала точка зрения, ограничивающая предмет криминологии только анализом преступности. Тем самым сохранилась и укрепилась связь криминологии с юридическими науками.

Криминология — это общетеоретическая юридическая наука (в системе уголовно-правовых наук), так как она изучает преступность, ее причины и условия, другие проблемы на гораздо более широкой основе, нежели любая другая правовая наука, связанная с познанием преступления и применением наказания [5, с.196].

Таким образом, криминологию можно оценивать как основную науку уголовно-правового цикла. В указанном статусе она оказывает влияние на развитие других наук. Криминологическая платформа всегда может быть использована как исходная, когда речь идет о теории и практике контроля над преступностью. Криминология иногда по аналогии сравнивается с теорией государства и права, если рассматривается в системе уголовно-правовых наук. При этом обращает внимание то, что положения теории государства и права распространяются на все юридические науки, а общетеоретические положения криминологии распространяются на все юридические отрасли знания, изучающие преступность, главным образом на науки уголовно-правового цикла. Она «снабжает» другие уголовно-правовые науки своим знанием. Криминология дает этим наукам общетеоретический ключ к осмыслению и решению проблем преступности. Как не были бы многогранны задачи, стоящие перед уголовно-правовыми науками, все они в итоге сливаются в одну — обеспечить эффективный контроль над преступностью. В решении такой задачи первостепенное значение имеет криминология. В этом ее синтезирующая роль, отсюда же ее комплексный характер. Именно она обеспечивает целенаправленное продвижение уголовно-правовых наук к реальным практическим задачам. Их общая оценка всегда есть оценка криминологическая, в чем также ярко просматривается синтезирующая, интегрирующая роль криминологии.

Список литературы

1. Болтнева В.С., Дымова В.С. Понятие и сущностные признаки науки криминологии: современная концепция/В.С. Болтнева, В.С. Дымова//Молодой юрист — 2021. —С.46-48.
2. Латыпов Р.И.Криминология/ Р.И. Латыпов. — М.: ТК Велби, 2005. — 40 с.
3. Кухарук В.В. Криминология/ В.В. Кухарук — М.: Юрайт-Издат, 2009. — 144 с.
4. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Место отечественной криминологии в системе наук// Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — №39. — С.69-81.
5. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии./И.И. Карпец — М.: Юрид. лит., 1976. — 224 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дубинкина Анастасия Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный технический университет
Коровин Николай Кондратьевич – научный руководитель, старший преподаватель

В различных сферах деятельности человека повсеместно внедряются и используются различные технические средства приема и передачи информации, как делового, так и личного характера по проводной, кабельной, оптической, магнитной, радио - и другим электромагнитным системам, именуемых телекоммуникационными сетями. С появлением новых технических средств и образованием новых общественных отношений, возникают в этой среде и противоправные отношения, среди которых наибольшее

распространение получило хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, которые согласно ст. 159 УК РФ именуются мошенничеством [1]. Уголовный закон рассматривает мошенничество в различных сферах деятельности: в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации и др. Материалы судебной практики мошенничества, аккумулируются в криминалистической характеристике [2, с. 61-64] и представляют собой совокупность данных о преступлении.

Существует множество видов и способов совершения мошенничества с использованием телекоммуникационных сетей, и с течением времени и развитием технологий их становится все больше, наиболее известными являются:

- вишинг, телефонный звонок, представившись от имени родственника, с просьбой перечислить на номер телефона или банковскую карту определенную сумму денежных средств, сообщив что попал в ДТП или иную трудную ситуацию, набор международных телефонных номеров, получение чека, SMS-сообщения, написанные с целью получения денежных средств; перехват чужих сообщений, прослушивание телефонных звонков с целью получения банковских реквизитов или с требованием выполнить определенные действия со своим банковским счетом, взять кредит, перевести деньги с банковской карты, произвести оплату услуг и т.д. [3, с. 342];

- кардинг - совершается операция с использованием платежной карты без участия ее владельца или посредством нелегального доступа к его счетам [4, с.77];

- фишинг - взлом паролей и кража конфиденциальной информации [4, с. 76]; вирусы, блокирующие загрузку операционной системы персонального компьютера или сообщение о взломе аккаунта пользователя социальной сети, требующие для выхода отправку SMS сообщения; вирус, заменяющий все страницы социальных сетей на поддельные, требующие послать SMS сообщение или просьба о займе 2000 рублей или иной суммы, представившись от имени вашего друга; голосование на сайтах, однако, чтобы голос засчитали нужно пройти авторизацию с указанием персональных данных; сайты, рекламирующие различные продукты, при выходе появляется сообщение о выигрыше, акции или подарке.

На основе судебной практики личность преступника следует охарактеризовать следующим образом: мужчина, 25-30 лет, имеющий высокий уровень знаний системы телекоммуникационных сетей, как правило специализирующийся на одном виде мошенничества, поэтому их следует различать по этому признаку: хакеры и кракеры осуществляют взлом компьютерных систем и сетей, первые в исследовательских целях, вторые с целью получения несанкционированного доступа к чужой информации; кардеры специализируются с пластиковыми карточками; киберкруки специализируются на несанкционированном проникновении в системы финансово-банковских учреждений и государственных силовых структур и органов; фишеры завладевают обманным путем персональными данными клиентов; спамеры рассылают спам, вирусы; кибersквоттеры захватывают доменные имена; фрикеры специализируются на использовании телефонных систем и др.

Жертвой мошенничества с использованием телекоммуникационных систем может стать практически каждый ими пользующийся, начиная от телефона заканчивая сложной компьютерной системой, в основном это люди пожилого возраста, доверчивые, желающие приобрести товар по акции или по низкой стоимости, раскрывают данные банковских карт или пароли к счетам, действуют добровольно, скачивают приложения с вирусами, переводят средства на поддельные счета, не обладают достаточной компьютерной грамотностью и др.

На основе вышеизложенного, судебной практики, криминалистической характеристики мошенничества, совершенного с использованием телекоммуникационных сетей следует выделить характерные особенности: молодой возраст преступников, отличное знание телекоммуникационных сетей, порядка работы сотовых телефонов, компьютерной и иной техники, психологических приемов общения с гражданами, специализация на отдельных способах совершения преступления, характеризуя личность потерпевших следует обращать внимание на их действия, при этом на возможное сохранение следов преступления. Установив характерные способы совершения, характеристики личности преступника и потерпевшего, последствия совершенного деяния и следы на него указывающего, можно выработать алгоритм расследования данных преступных деяний, при этом особо следует уделять внимание механизму совершения, образованию и наличию следов преступления, их изъятию и в дальнейшем использованию в доказывании вины подозреваемого.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. -№25. - ст.2954.
2. Коровин Н.К., Чучин В.В., Новикова. Особенности расследования мошенничества с использованием сотовых телефонов // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2020. № 3 (33). - С 61-64.
3. Фатахова Д. Р. Мошенничество в сети Интернет // Молодой ученый. - 2020. № 49 (339). С. 341-34.
4. Стеценко Ю.А. Мошенничество в сети Интернет. //Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. - 2021. С.75-80.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Думбадзе Анна Владимировна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна-научный руководитель, старший преподаватель

«Неприкосновенность частной жизни» является одним из основных индивидуальных (личных) прав человека, закрепленных в Основном законе государства. При этом хоть и термин «неприкосновенность частной жизни» используется в законодательных актах Российской Федерации (Конституции РФ, УПК РФ и др.), но до сих пор не имеет нормативного определения. Поэтому обратимся к определениям данного термина, которые существуют в уголовно-правовой доктрине.

Как отмечает Е.Ю.Бархатова «неприкосновенность частной жизни - одно из основных конституционных гражданских прав человека, которое включает неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом». [1]

«Неприкосновенность частной жизни» подразумевает запрет на любую форму произвольного вмешательства государства в частную жизнь и обязывает государство гарантировать свободу от такого вмешательства со стороны третьих лиц.

«Неприкосновенность частной жизни» защищается как на международном, так и на национальном уровне. В ст.12 «Всеобщей декларации прав человека», которая была принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, закреплено, что «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь…» [2].

Право на неприкосновенность частной жизни охраняется и нормами отечественного права: Конституции РФ, Гражданского, Семейного, Уголовного кодексов Российской Федерации, также Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и других федеральных законов.

В соответствии со ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Кроме того, в ст. 24 Конституции РФ закреплено, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются».

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает наиболее суровую меру ответственности за нарушение конституционного права на неприкосновенности частной жизни. В ст. 137 УК РФ предусмотрен отдельный состав преступления «нарушение неприкосновенности частной жизни».

Как отмечает С.А. Стяжкина, «за последние годы количество преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, неуклонно растет. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние 5 лет количество осужденных по ст.137 УК выросло в 4 раза (с 31 человека в 2014 г. до 127 -в 2018 г.). Связано это, прежде всего, с развитием информационно-телекоммуникационных сетей и проблемами защиты информации, размещенной на электронных носителях. Все большую актуальность приобретают вопросы уголовно-правовой защиты информации о частной жизни лица, представленной в виде компьютерной информации». [3]

Термин «уголовно-правовая защита», как отмечает Н. А. Вахутин, «охватывает деятельность по применению уголовно-правовых норм и по недопущению нарушения содержащихся в них запретов, т. е. по предупреждению преступлений. Исходя из этого, предупреждение преступлений является составной частью охраны предусмотренных уголовным законом объектов» [4].

Состав преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» сложный, имеет альтернативно предусмотренные действия. Предметом преступления согласно ч.1 ст. 137 УК РФ являются «…сведения о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну» [5]. Носителями данных сведений могут быть документы и вещи, а кроме того сам человек.

Объективная сторона преступления выражается в выполнении одного или нескольких альтернативных действий получивших разъяснения в п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): «под собиранием сведений о частной жизни лица понимаются умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например путем личного наблюдения, прослушивания, опроса других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения. Распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или

размещения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»)». [6]

Уголовная ответственность согласно п.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 наступает за «..собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами оснований» [6].

Если информация о личной и семейной жизни человека по каким-то причинам уже известна неопределенному кругу лиц, распространена, обнародована, то эта информация не является «личной или семейной тайной» и лицо не должна нести ответственность за их сбор или распространение.

Независимо от того, получил ли человек нужную информацию, достигла ли он третьих лиц, преступление считается оконченным с момента совершения этих действий, то есть состав преступления формальный.

Субъектом преступления выступает лицо, которому потерпевший ранее доверил личную или семейную тайну и которое впоследствии раскрыло эту тайну без согласия потерпевшего (родственник, друг, подруга, сосед и др.), а также лицо, которое сведения собирал незаконно, без согласия потерпевшего.

Согласно ч. 2 ст. 137 УК РФ квалифицирующим признаком является «те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения» [5]. К таким лицам можно отнести, например врача, адвоката, преподавателя учебного заведения, воспитателя детского дома и т.д.

За совершение данного преступления может быть назначено наказание в виде штрафа, обязательных, исправительных или принудительных работ, ареста либо лишения свободы.

Итак, можно сделать такие выводы и указать некоторые направления по совершенствованию законодательного регулирования уголовно-правовой защиты неприкосновенности частной жизни:

Понимание «неприкосновенности частной жизни» широко используется в нормативных актах, но до сих пор нормативно не определено. Поэтому следует дополнить ст. 137 УК РФ определением термина «неприкосновенность частной жизни».

Учитывая большую общественную опасность «собирания и распространение сведений о частной жизни военнослужащих проходивших службу в зоне специальной военной операции» следует его выделить в качестве самостоятельного квалифицирующего признака. Статью 137 УК РФ дополнить новой частью, такого содержания «те же деяния, совершенные в отношении военнослужащих проходивших службу в зоне специальной военной операции и членах их семей».

Список литературы

1. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.:Проспект, 2014. - 256 с.
2. Всеобщая декларация прав человека принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. —1998. — № 235.
3. Стяжкина С.А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица / С.А.Стяжкина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2019. — №.29. —С.538 – 544.
4. Вахутин, Н. А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: историко-правовой анализ / Н. А. Вахутин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 76-78.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // СЗ РФ. —1996. —№ 25. — ст.2954.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)"// Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации. — 2019 . — № 2.

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ, КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Емельянова Полина Сергеевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Действующий УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, то есть полного прекращения уголовно-правовых последствий для преступника. Одним из таких оснований является освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Так, если лицо признаёт свою вину и путем социально-положительного поведения, образующего деятельное раскаяние, устраняет вредные последствия своего деяния, способствует своевременному раскрытию и расследованию преступления, тем самым снижая издержки государства и обеспечивая восстановление законных прав и интересов потерпевшего, то к такому лицу нецелесообразно применять меры уголовно-правового характера в полном объеме, а напротив, следует всячески стимулировать подобные добровольные действия виновного [1].

В российском уголовном праве таким стимулирующим средством является институт деятельного раскаяния.

Статья 75 УК РФ устанавливает условия, при которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести, добровольная явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба либо заглаживание вреда иным образом. Эти условия представляют собой деятельное раскаяние, после которого лицо, совершившее преступление, больше не представляет опасности для общества [2].

Применение института деятельно раскаяния является одним из проблемных в уголовно-правовой науке.

Одной из проблем применения института деятельного раскаяния является отсутствие понятия деятельного раскаяния, что негативно влияет на его применение. В научной литературе авторы по-разному трактуют деятельное раскаяние. Например, доктор юридических наук Л.В. Головко пишет, что в понятии «деятельное раскаяние» акцент следует делать на первом слове, так как наиболее важны объективно выраженные действия лица, а не его субъективное отношение к происходящему.

Профессор Л.В. Лобанова считает, что искреннее раскаяние является предпосылкой освобождения от уголовной ответственности. По мнению автора, следственные и судебные органы обязаны выяснить отношение лица к содеянному и мотивацию к возмещению ущерба, причиненного преступлением.

Однако такой подход имеет место быть, но каким образом установить критерии, по которым возможно определить, раскаялось ли лицо в совершении преступлении. В любом случае, эти критерии будут субъективными. При этом, как справедливо отмечает Л.В. Головко, оценить личность и определить наличие реального раскаяния – это не одно и то же. В реальности лицо может и не испытывать раскаяние и даже считать тот или иной уголовный запрет неуместным, неразумным или даже устаревшим, а свой поступок – абсолютно нормальным и естественным, но опасаясь уголовного наказания и осуждения со стороны общества или по каким-либо другим соображениям, совершить предписанные статьей 75 УК действия. В то же время, лицо может не представлять никакой опасности для общества, поэтому в таком случае не стоит лишать лица освобождения от уголовной ответственности только потому, что он не раскаялся искренне [3].

Считается, что не всегда лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным, выполнив условия, содержащиеся в статье 75 УК РФ. Осознавая возможность ухода от уголовной ответственности по статье 75 УК РФ и опасаясь наказания за данное преступление, осуждения со стороны общества, лицо может формально совершить все установленные законом действия, однако, осознает ли оно характер и степень общественной опасности преступного деяния, и станет ли оно безопасным для общества. Однозначного ответа на этот вопрос не существует.

Помимо этого, одна из фундаментальных проблем применения института деятельного раскаяния заключается в его диспозитивном характере. Это означает, что правоприменитель в каждом конкретном случае сам решает, применять ли данную норму к правонарушителю, даже при наличии совершенных позитивных действий, предусмотренных статьей 75 УК РФ.

Предложение об исключении из части 1 статьи 75 УК РФ общественной опасности лица, как условия освобождения от уголовной ответственности является наиболее актуальным. Если закон и правоприменительная практика не требуют от лица проявления фактического раскаяния, то обязательная оценка степени общественной опасности лица в связи с деятельным раскаянием уже утрачивает необходимость для освобождения от уголовной ответственности. Если вывод о том, что лицо не представляет общественной опасности, основан на объективных доказательствах деятельного раскаяния, то это условие является чисто формальным [4].

Также в юридической литературе можно найти различные мнения по вопросу применения института деятельного раскаяния к лицам, чья вина еще не доказана судом.

В связи с этим, прежде всего, следует отметить, что освобождение от уголовной ответственности обычно наступает на досудебной стадии, когда еще не должен решаться вопрос о преступности деяния и виновности лица. Следовательно, на этой стадии следует говорить не о «лице, совершившем преступление», а о «лице, совершившем деяние, имеющее признаки преступления» [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт деятельного раскаяния не лишен проблем и его нужно тщательно дорабатывать. Споры возникают как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности. В частности, они касаются диспозитивного характера статьи 75 УК РФ. Полагаем необходимым на законодательном уровне изменить статью 75 УК РФ. На наш взгляд, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должно являться не правом, а обязанностью соответствующих органов при наличии условий, предусмотренных в данной статье, то есть необходимо придать данной норме императивный характер.

Список литературы

1. Полянский, П.А. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности / П.А. Полянский // Российский Государственный Университет Правосудия. Журнал: Энигма. – 2021. – № 31. – С. 45-51.

2. Следь, Ю.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности / Ю. Г. Следь, Р. И. Хабирова // Казанский (Приволжский) федеральный университет. Журнал: Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2020. – № 1(84). – С. 151-158.
3. Рахманова, Е.Н. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / под редакцией Е.Н. Рахмановой. — М.: РГУП, 2018. — 364 с.
4. Густова, Э.В. Уголовно-правовая регламентация и реализация деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности / Э.В. Густова, Е.И. Марков // Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. Журнал: Российский юридический журнал. – 2020. – № 4(133). – С. 52-60.
5. Барковский, А.М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / А.М. Барковский // Российский Государственный Университет Правосудия. Журнал: Наука через призму времени. – 2018. – № 5(14). – С. 117-121.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО В ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Емельянова Полина Сергеевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Одной из самых ключевых проблем криминологической науки является такое понятие как личность преступника. Как известно человек не рождается личностью, а становится в процессе социализации своей жизни ввиду того, что личность является социальным продуктом, то вне общества становление его как личности невозможно. Отсюда вытекает, что преступниками не рождаются, а становятся в силу определенных причин и обстоятельств, которые неблагоприятно сказываются в нравственном формировании личности.

Раскроем понятие «личность преступника». Существует множество точек зрения по данному вопросу, и сложность его определения для криминологии заключается в том, что она является наукой, синтезирующей знания о личности преступника, и поэтому должна интегрировать социальные и юридические признаки. В уголовном праве нет понятия «личность преступника», а изучается «субъект преступления»; в уголовном процессе мы сталкиваемся с понятиями «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», в уголовно-исполнительном праве — с понятием «осужденный». Однако криминология исходит из того, что преступление совершается личностью в результате сложного взаимодействия многих обстоятельств, среди которых ключевую роль играет само лицо (человек). Именно на данный аспект обращает внимание крупнейший специалист в этой сфере криминологических исследований Ю. М. Антонян. Личность преступника — личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [1, с. 98].

При рассмотрении проблемы о соотношении социального и биологического в личности преступника, необходимо иметь в виду одно исключительно важное соображение. Поскольку речь идет о личности, о роли этих факторов можно говорить лишь на личностном психологическом уровне. Психология личности является, можно сказать ареной, на которой происходит взаимодействие социальных и биологических факторов. За пределами этой арены их соотношение понять невозможно [2, с.79].

По проблеме соотношения социального и биологического существуют определенные точки зрения:

1) определяющим фактором в формировании преступного поведения играет роль социальная составляющая;
2) главным фактором преступного деяния является биологическая причина;
3) в некоторых преступлениях преобладают социальные мотивы, а в других биологические.

Существенным является то, что биологические и социальные факторы очерчивают некий симбиоз, жизнедеятельность которого возможно только при наличии двух данных категорий.

Биологическая природа человека — необходимое и обязательное условие становления и развития личности, определяющее ее самобытность и индивидуальность. Также, существуют другие существенные психологические особенности людей, которые имеют генетический характер, что в определенной степени научно доказано [3, с. 157].

Такие биологические качества как пол, возраст, патологические отклонения, психические аномалии и тому подобное, могут оказать влияние на совершение преступного деяния. Влияние социальной среды на личность в разные возрастные периоды - не одинаково. К примеру, недостаточная развитость нервной системы у подростков, незрелость организма ко многим психическим проявлениям, специфическая особенность юношеского восприятия окружающего мира, эмоциональная вспыльчивость и неспособность реально оценить возможные последствия при возможных неблагоприятных обстоятельствах (воспитание, отсутствие работы и тому подобное) могут служить предпосылками к совершению преступления.

Исследования в сфере соотношения биологического и социального в личности преступника имеют большое практическое значение. Г. Рименшнейдер в своей работе «Об организации криминологической службы в ФРГ», утверждал, что преступления совершаются в сочетании предрасположения субъекта к преступному деянию и определенного воздействия на него окружающей среды. При этом, он склонялся больше к биологическому фактору, поскольку утверждал о ведущей роли при изучении преступника психиатра, психолога, применения биотехнических приемов, тестов [4, с. 34].

Другие авторы придерживаются иного подхода, они полагают, что формирование личности преступника, главным образом, детерминировано неблагоприятными условиями окружающей среды и жизни. Например, такие известные ученые как В Н. Кудрявцев, И. И. Карпец и Н. П. Дубинин в своем исследованияи «Генетика, поведение, ответственность» выдвигают точку зрения, что преступное поведение имеет социальный характер. Немаловажно, что во время политических и социально-экономических кризисов, преступность в обществе может ощутимо возрасти [5, с. 59].

Криминологические исследования и статистические данные о половом составе преступников показывают значительное преобладание мужчин над женщинами. Например, соотношение убийств, совершенных женщинами и мужчинами, составляет 1:11, причинивших тяжкий вред здоровью - 1:36. Однако по некоторым составам преступлений женщины относительно более активны, чем мужчины. Более 50% всех преступлений, совершаемых женщинами, носят корыстный характер. Особенно велик процент женщин, совершающих преступления в системе торговли и обслуживания населения. В целом же структура женской преступности отличается от структуры мужской преступности меньшим удельным весом тяжких насильственных преступлений.

Практически определено, что лица более молодого возраста больше всего имеют склонность к совершению преступления агрессивного, эмоционально импульсивного характера. А лица старшего возраста более обдуманно действуют, в том числе и с позиции возможных последствий определенного поведения. Безусловно, от возраста зависит многое, например, потребности, цели в жизни, многообразие интересов и все это не может не сказываться на видах и характере противоправных деяний.

Гораздо чаще совершаются преступления в возрасте 18-40 лет – это примерно 70-75 %. При этом наиболее часто совершаются преступления лицами в возрасте 25-29 лет, далее идут 18-24, 14-17 и 30-40 летние.

Редко совершают преступления лица старше 50 лет. Очень часто преступную активность проявляют лица до 24 лет и, в таком возрасте больше всего совершаются кражи, угоны автотранспорта, хулиганство, изнасилования. А в возрасте после 30 лет в основном совершаются преступления экономического характера [5, с. 60].

Образовательный и интеллектуальный уровни во многом определяют характер преступления. Это и понятно, поскольку данные качества в значительной мере влияют на круг интересов и потребностей, направленность общения и времяпрепровождения и, в конечном счете, на образ поведения лица. Как показывают криминологические исследования, лица с более высоким уровнем образования совершают должностные и экономические преступления, лица же, совершающие хулиганство, посягательства на личность, кражи, грабежи и разбои, имеют, как правило, низкий уровень образования.

Определенное воздействие на формирование личностных качеств оказывают семейная обстановка и воспитание. Результаты криминологических исследований показывают, что около 50% преступников к моменту совершения преступления не состояли в браке. В определённой степени это объясняется тем, что среди совершивших преступления весьма значительна доля молодых людей, не успевших обзавестись семьей. К тому же здесь проявляется и такая закономерность: с ростом количества судимостей уменьшается число лиц, состоящих в зарегистрированном браке [6, с. 27].

Резюмируя все вышеуказанные факты, можно прийти к выводу, что биологические факторы личности преступника являются вспомогательными условиями, которые могут способствовать развитию и реализацию социальных причин преступного противоправного деяния, но отнюдь биологические особенности личности преступника не могут быть основополагающими истоками совершения преступления. Поэтому можно утверждать, что преступность как негативный феномен в любом обществе, прежде всего, имеет социальную обусловленность. Очень сложно утверждать о врожденных тенденциях к совершению преступления, за исключением психофизических аномалий в рамках невменяемости, то есть при наличии психических болезней. Несомненно, развитие науки, в частности, генетики, может привнести более глубокую ясность в понимании биологического и социального факторам преступного поведения.

Список литературы

1. Набиев, Э.Т. Методы изучения личности преступника / Э.Т. Набиев // Тольяттинский государственный университет: Интернаука. — 2021. — № 23-2(199). — С. 99-102.
2. Антонян, Ю.М. Криминология: учебник для вузов / Ю.М. Антонян. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022. — 388 с.
3. Жариков, Ю.С. Криминология общая часть: учебник для вузов / Ю.С. Жариков, В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.В. Ревина. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2021. — 242 с.
4. Антонян, Ю.М. Тяжкий путь познания преступника / Ю.М. Антонян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2017. — № 7(35). — С. 24-36.

5. Жангараев, Н.Т. О вопросах соотношения социального и биологического в личности преступника / Н.Т. Жангараев, Р.У. Мамазакиров // Российский государственный социальный университет: Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный социальный университет" в г. Ош Киргизской Республики. – 2021. — № 1 — С. 55-61.
6. Панфилов, Т.В. Соотношение социального и биологического в человеке. Структура личности преступника / Т.В. Панфилов, Р.Р. Панфилова // ФГАОУВПО «Казанский федеральный университет»: Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2019. — № 1 — С. 25-30.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

Ерёмченко Анастасия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Закрепленный в ст. 25 Конституции РФ принцип неприкосновенности жилища предполагает, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения [1].

Его сущность заключается в том, что он предоставляет гарантию непрерывной реализации права пользования жилым помещением соответствующим правомочным субъектом.

В науке конституционного права под правом на неприкосновенность жилища принято понимать возможность лица свободно и отдельно проживать в помещении; на основании собственного усмотрения удовлетворять свои потребности, реализовывая тем самым право на частную жизнь; право ограничивать нежелательный допуск в жилище со стороны посторонних лиц, а также допуск видео- и аудионаблюдения, узаконенную возможность получить защиту со стороны государства от незаконного и необоснованного проникновения в жилище [7, с. 218].

Исходя из указанного определения можно выделить следующие признаки права на неприкосновенность жилища:

1. Не отчуждаемость.
2. Приобретаемость на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества либо путем наследования.
3. Возможность доступа и нахождения в жилище только с согласия проживающих в нем.
4. Возможность нарушения права на неприкосновенность жилища только при наличии указанных в законе оснований.
5. Наступление уголовной ответственности за нарушение права на неприкосновенность жилища.

Уголовно-правовой гарантией конституционного права гражданина на неприкосновенность жилища выступает ст. 139 Уголовного кодекса РФ «Нарушение неприкосновенности жилища» [2].

Необходимость исследования особенностей квалификации нарушения неприкосновенности жилища подтверждается не только несовершенством и недостаточной эффективностью регулирующего воздействия уголовно-правовой нормы, но и статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: в 2021 году было осуждено 3 818 человек за совершение преступлений, предусмотренных частями 1,2,3 ст. 139 УК РФ [9]. Подавляющее большинство осужденных лиц из тех, кто совершил преступления, указанные в Главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», были привлечены к уголовной ответственности именно за нарушение неприкосновенности жилища.

Основной состав незаконного проникновения в жилище закрепляется частью первой соответствующей статьи и не включает в себя обстоятельства, повышающие или снижающие степень общественной опасности деяния.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие право на неприкосновенность жилища. Предмет как составная часть объекта включает в себя непосредственно жилище. Потерпевшим в данном составе преступления является лицо, пребывающее в жилище на законном основании, т.е. его собственник, наниматель или иные имеющие право на жилье лица.

Объективная сторона преступления характеризуется незаконным проникновением в жилище, совершенным против воли проживающего в нем лица. Состав преступления является формальным, то есть по конструкции объективной стороны, преступление считается оконченным с момента совершения преступного действия, описанного в диспозиции статьи 139 Уголовного кодекса Российской Федерации. Общественно опасное деяние выражается в виде действия – проникновения, т.е. вторжения лица на территорию жилища.

Не может квалифицироваться как проникновение в жилище наблюдение за ним с применением технических средств, заранее не занесенных в помещение. То есть, как указывает в своих разъяснениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации, незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях

нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения [3].

Незаконность проникновения в жилище означает, что его пределы были преодолены против воли проживающего в нем лица, т.е. в условиях противоречия действующему законодательству или установленным правилам. Несогласие проживающего лица может быть выражено различными способами: вербальным, то есть словесное указание, требование или просьба; невербальным, то есть передача информации через образы, к ним относятся жесты, мимика, интонация; в виде запертой двери; в виде табличек, надписей и иных вещей материального мира, указывающих на недопустимость вхождения в жилище. Таким образом, состав преступления будет отсутствовать, если проживающее лицо по собственной воле дало свое разрешение на нахождение виновного у себя дома.

Жилище выступает местом совершения преступления – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. Нельзя приравнивать к жилищу помещения, не предназначенные, а приспособленные для временного проживания, равно как и не приспособленные, но используемые в качестве жилья (складское помещение, салон транспортного средства и т.д.) [6, с. 407].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Мотивы и цели могут быть любыми, за исключением цели хищения, поскольку в таком случае содеянное следует квалифицировать как кража, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище (без вменения преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ).

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицирующим признаком, закрепленным в ч. 2 ст. 139 УК РФ, выступает совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения.

Особо квалифицирующим признаком выступает совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 139 УК РФ).

При этом, правоприменители зачастую сталкиваются с проблемами квалификации данного преступления как процесса установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления. Важность правильной и эффективной квалификационной деятельности объясняется тем, что допущенные в её рамках нарушения неизбежно влекут нарушение основных принципов действия уголовного права. Все существующие квалификационные ошибки можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся ошибки, связанные с неверным избранием уголовно-правовой нормы к конкретному общественно опасному деянию и вызванные наличием в Особенной части УК РФ ряда норм, схожих с составом преступления неприкосновенности жилища. Например, ст. 139 УК РФ и ст. 127 УК РФ – незаконное лишение свободы, поскольку объективная сторона последнего составляет противоправное оставление потерпевшего в месте его нахождения без возможности передвижения, а виновное лицо может закрыть его в жилище. В таком случае содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. Решение указанной проблемы видится в грамотном разграничении похожих норм в процессе правоприменения [4, с. 8].

Вторая группа ошибок представлена неверным толкованием уголовно-правовых норм, из-за чего в действиях лица правоприменитель не находит оснований для привлечения виновного к уголовной ответственности. Эта ошибка оставляет нарушенное конституционное право на неприкосновенность жилища, не защищенным, а виновный не претерпевает за свой проступок справедливое наказание. Данная квалификационная ошибка может быть выявлена в надзорной инстанции, устранена путем возобновления производства по делу и более детального рассмотрения конкретного состава преступления.

Третья группа ошибок заключается в неправильном применении уголовно-правовой нормы к действиям лица, в которых отсутствуют признаки состава преступления. Соответственно, возникает риск неправомерного привлечения невиновного лица к уголовной ответственности [8, с. 66].

Отдельное внимание необходимо уделить сложности квалификаций действий лица, совершившего проникновение в жилище через незапертую дверь. В таком случае судами учитываются попытки обвиняемого получить разрешение на вход в жилище (стук в дверь), а также направленность воли обвиняемого (например, лицо располагало достоверными сведениями о том, что в квартире находился малолетний ребенок и дверь не заперта) и невыполнение каких-либо активных действий, направленных на незаконное проникновение (срыв замка, проникновение через окно и т.п.) [5, с. 73].

Таким образом, законодательство современной России требует дальнейшего совершенствования, так как общественные отношения находятся в постоянной динамике и им свойственно развиваться. А это значит, что развиваются новые способы и средства, используемые при преступных посягательствах. Проблема неприкосновенности жилища также напрямую зависит от уровня правовой культуры населения государства и желания граждан уважительно относится к правам и свободам других лиц.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // URL. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 10.02.2023).
4. Акьюлова Г. Р. Квалификация нарушения неприкосновенности жилища при отграничении от конкурирующих составов преступлений / Г. Р. Акьюлова // Электронный научный журнал. – 2019. – С. 7-9.
5. Ермакова О. В. Конструкция состава нарушения неприкосновенности жилища: недостатки законодательной модели / О. В. Ермакова // Алтайский юридический вестник. – 2020. – №. 3. – С. 72-75.
6. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 407 с.
7. Потапова С. М. Сущность и реализация принципа неприкосновенности жилища / С. М. Потапова, И. А. Шипилова // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. – 2021. – С. 216-220
8. Семенов В. Р. Некоторые вопросы квалификации нарушения неприкосновенности жилища / В. Р. Семенов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – №. 2. – С. 64-69.
9. Данные судебной статистики Судебного департамента. Сводный статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // URL. http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 10.02.2023).

АНОНИМНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОРД

Ерёмченко Анастасия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Роль подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в структуре государственной власти, сложно переоценить, поскольку такая деятельность преследует цель защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Перечень задач, решаемых в процессе оперативно-розыскной деятельности, закреплен в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и включает в себя:

1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

3) добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

4) установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации [1].

При этом эффективное функционирование органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представляется невозможным без участия граждан, содействующих оперативно-розыскной работе, проводимое на гласной или негласной основе. Этот факт не вызывает удивления, поскольку значительная часть информационной базы, используемой в оперативно-розыскной работе, поступает именно из актуальных и достоверных источников, представленных содействующими оперативному процессу гражданами.

Главная цель такого содействия посредством использования негласных возможностей заключается в защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охране собственности, обеспечении безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Всего в литературе выделяется несколько видов содействия граждан в оперативно-розыскной деятельности:

1) гласное содействие (лицо, оказывающее содействие, не требует особой конспирации);

2) анонимное содействие (лицо, предоставляя анонимную информацию, не желает раскрывать свое имя и участвовать в дальнейшем в уголовном процессе);

3) оперативный контакт (лицо содействует при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий с сохранением в тайне его участия в мероприятиях и уголовном процессе);

4) конфиденциальное долговременное содействие (содействие на бесконтрактной основе, лицо требует сохранения в тайне его личности и не желает участвовать в уголовном процессе);

5) конфиденциальное долговременное сотрудничество (постоянное содействие на контрактной основе с агентами, резидентами, содержателями явочного помещения) [5, с. 353].

Таким образом, анонимная помощь граждан является одним из видов содействия лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел, заключающаяся в предоставлении названным органам оперативно значимой информации на условиях анонимности.

Исходя из проведенного Г.А. Рукавишниковым исследования, посвященного сбору мнения сотрудников органов внутренних дел о роли анонимного содействия граждан в оперативно-розыскной деятельности, следует, что указанный вид содействия оказывал им помощь в решении задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений; в выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; в осуществлении розыска преступников и лиц, без вести пропавших; а также решению иных задач, напрямую не связанных с борьбой преступности [4, с. 109].

При этом, все задачи, решаемые с привлечением анонимного содействия, по мнению А.Н. Халикова, условно разделяются на три группы:

1) познавательные – предполагают предоставление в распоряжение органов внутренних дел полученной информации;

2) деятельные (конструктивные) – те задачи, которые выполняются анонимом как ответ на просьбу оперативного сотрудника о проведении тех или иных действий, направленных на решение оперативно-тактических задач ОРД;

3) обеспечивающие – заключаются в предоставлении анонимом определенных услуг, например, предоставление служебного или жилого помещения для установления негласного наблюдения, создание благоприятных условий для эффективного проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия [7, с. 332].

Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, осуществляется на основании статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», однако текст указанной статьи не содержит в себе такой вид содействия, как «анонимное». Наряду с этим, как отмечает Я.А. Горева, в научной литературе также существуют дискуссии вокруг вопроса анонимного содействия граждан [2, с. 12].

В отличие от конфиденциального содействия, предусмотренного законом и предполагающего, что лицо постоянно негласно участвует в подготовке или проведении оперативно-розыскных мероприятий на условиях неразглашения данных о содействующем лице и принципа конспирации, анонимное содействие предполагает, что лицо не раскрывает свои данные о личности и не желает участвовать в дальнейшем уголовном судопроизводстве. Своя специфика анонимного содействия представлена также в способе передачи оперативно-значимой информации: она передается в устной или письменной форме в ходе непосредственной встречи с сотрудником оперативного подразделения либо через посредника [3, с. 27].

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты анонимного содействия граждан в решении задач оперативно-розыскной деятельности:

1. Лицо предоставляет информацию на условиях полной анонимности и отстранения от участия в дальнейшем уголовном процессе. Он не может быть использован в качестве свидетеля.
2. Инициативный, односторонний характер воздействия, проявляемый со стороны гражданина.
3. За анонимным содействующим гражданином остается право выбора способа передачи информации, поскольку она может быть передана через любые каналы связи, помимо личной встречи или передачи посредником (телефонный звонок, письмо, SMS или MMS и др.).
4. Анонимное содействие определяется продолжительностью потребности субъектов друг в друге, поскольку такие взаимоотношения оканчиваются при достижении результатов оперативно-розыскной работы или при иных обстоятельствах.

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что анонимное содействие следует признать самостоятельным видом оказываемой со стороны граждан помощи оперативным подразделениям, который является приоритетным направлением для взаимодействия соответствующих органов с населением.

Несмотря на кажущуюся пробельность оперативно-розыскного законодательства федерального уровня, не учитывающего такой вид содействия, как анонимное, А.А. Туркин отмечает, что существует ведомственный нормативный правовой акт МВД России закрытого характера, регламентирующий организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности, устранивший вышеуказанный пробел законодательства, определив механизм функционирования каждого из видов содействия, в том числе и анонимного, а также обеспечив возможность вознаграждения такого лица [6, с. 104].

Подводя итог, стоит сказать, что принятие открытого нормативного правового акта, регламентирующего все аспекты использования института анонимного содействия, доведение содержания его норм и механизма функционирования до граждан предоставит им реальную возможность устанавливать деловые отношения с сотрудниками полиции и выражать свою гражданскую позицию в деле борьбы с

преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков и иными преступлениями путем передачи анонимной информации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Горева Я. А. Анонимное содействие граждан в решении задач оперативно-розыскной деятельности / Я.А. Горева // Вестник молодого ученого Кузбасского института. – 2019. – С. 11-13.
3. Мухтаров А. А. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А.А. Мухтаров // Формирование правовой культуры личности на современном этапе развития общества. – 2019. – С. 26-29.
4. Рукавишников Г. А. К вопросу о задачах, решаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел с использованием анонимного содействия граждан / Г.А. Рукавишников // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. – 2021. – С. 107-109.
5. Симонов И. С. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И.С. Симонов // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – №. 5А. – С. 353.
6. Туркин А. А. Использование анонимного содействия граждан в борьбе с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков / А.А. Турков // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе. – 2019. – С. 103-107.
7. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. – 332 с.

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ГРАБЕЖА ОТ РАЗБОЯ

Жабина Юлия Александровна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Современное законодательство содержит четко сформулированные понятия грабежа и разбоя, однако на практике нередко возникают сложности при разграничении составов этих преступлений. Правильная квалификация, в том числе при разграничение смежных составов преступлений, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под грабежом понимается открытое хищение чужого имущества, т.е. хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет [1].

Разбоем же признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

В п. 21 Постановления Пленума ВС № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в качестве разграничительного признака этих преступлений приводится опасность применяемого насилия. Об этом же свидетельствует анализ диспозиций ст. 161 УК и ст. 162 УК, где законодатель связывает насильственный грабеж с не опасным для жизни или здоровья насилием, а разбой - с опасной его формой.

Отдельные обвинительные приговоры по делам о разбое и насильственном грабеже, вынесенные судом первой инстанции, отменяются вышестоящими судебными инстанциями в связи с неправильным применением уголовного закона. Наряду с другими причинами, связано это в том числе и с тем, что рассматриваемые виды хищений имеют множество сходных признаков. [2]

Разграничение по ранее указанному основанию можно заметить в решениях судов различного уровня, которые содержат переквалификацию содеянного с разбоя на насильственный грабеж. Наибольшее число решений по переквалификации содержат такое обоснование, как наличие или отсутствие вреда здоровью в результате насильственных действий. В ряде случаев ошибки при квалификации грабежа и разбоя обусловлены различной оценкой легкого вреда здоровью.

Так, Ж. решился на хищение имущества Ф. С целью подавления возможного ее сопротивления Ж. нанес Ф. в грудь один удар ногой, обутой в ботинок. Органы предварительного расследования квалифицировали насильственные действия Ж. как разбой. Однако, суд посчитал необходимым переквалифицировать действия Ж. на грабеж, посчитав, что позиция обвинения не нашла своего подтверждения, поскольку судом установлено, что Ж. своими действиями причинил физическую боль и кровоподтек, как вред здоровью не оценивающийся. Как видим, в своем решении суд опирается на один из критериев принадлежности насилия к той или иной степени опасности — наличие или отсутствие вреда для здоровья [3].

Наличие или отсутствие последствий для здоровья как обоснование переквалификации соответствует рекомендациям высшего судебного органа, так как Верховным судом Российской Федерации оно названо в качестве основы разграничения насилия по степени опасности. И этому критерию разграничения суды отдают предпочтение, что особенно наблюдаем в делах, где помимо него имеется и другой вариант опасного насилия — опасный способ.

Несмотря на четкое указание закона о характере насилия при грабеже, в судебной практике и до настоящего времени встречаются случаи неправильной квалификации как насильственного грабежа действий, которые фактически представляют собой не грабеж, а разбой [4].

Нередко практика дает примеры, в которых завладение сопряжено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер.

В упомянутом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 в этом случае рекомендуется решать вопрос о квалификации содеянного как грабеж или разбой с учетом ряда обстоятельств: места, времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали, субъективного восприятия потерпевшим высказанной угрозы и т.д.

Так, Л.Д. Гаухман предлагал ориентироваться на субъективное восприятие потерпевшим опасности угрозы, на восприятие угрозы виновным [5].

При определении степени опасности угрозы применения насилия, носившей неопределенный характер, следует учитывать объективные обстоятельства в совокупности с субъективным отношением виновного к содеянному.

Обратимся к практике. Суды при разрешении вопроса о разграничении грабежа и разбоя при угрозе насилием неопределенного характера, делают упор на объективные признаки, оставляя в стороне субъективное восприятие угрозы потерпевшим, которое суды по большей части игнорируют.

Так, Москаленский районный суд Омской области, решая вопрос о грабеже или разбое в действиях И. и Л., оценил их как разбой. Виновные, получив отказ на их требование о передаче денежных средств, достали нож и начали демонстрировать его потерпевшему Ф., повторили свое требование [6].

Суд положил в основу решения следующие обстоятельства: ночное время суток в условиях замкнутого пространства, отсутствие поблизости иных лиц, способных оказать помощь, двое нападавших, их состояние алкогольного опьянения, агрессивное поведение, сопровождение требования денег демонстрацией ножа, фактическую угрозу его применения. Перечисленные обстоятельства суд счел достаточными для признания того, что у потерпевшего имелись основания опасаться за свою жизнь или здоровье.

Создается впечатление, что суды выполняют предписания Верховного суда РФ не полностью. Возникает вопрос: оправдано ли игнорирование субъективного восприятия потерпевшим угрозы? Решая вопрос о виновности лица в совершении того или иного преступления, суды всегда должны исходить из объективных обстоятельств в сочетании с его виной, а не только полагаться на субъективное восприятие потерпевшим угрозы насилием.

Более чем в половине дел суды второй инстанции изменяют квалификацию. Что мешает правоприменителю единообразно решать вопрос о квалификации? Причина заключается в самом факте разграничения законодателем насилия по опасности.

Как уже ранее было сказано, Верховный суд РФ положил в основу разграничения насилия по степени его опасности опасный способ и последствия для. Но именно тот вид опасного насилия (опасный способ), который более близок к понятию «насилие», правоприменитель обходит стороной. Описывая насильственные составы и наделяя их определенным содержанием, законодатель должен придерживаться, в первую очередь, этого понятия, наполнив его единым для всех насильственных составов смыслом.

В ряде случаев физическое насилие, характерное для насильственного грабежа, может явиться способом выражения угрозы насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего. В таких случаях квалификация действий виновного должна происходить с учетом характера этой угрозы, а не фактически причиненного вреда.

Угроза, выраженная, например, словами «убью», «зарежу» и т. п., так же, как и угроза, выраженная посредством «обещания» использовать против потерпевшего оружие или другие предметы, объективно его заменяющие, либо демонстрация их перед потерпевшим, воспринимаемая им именно как угроза насилием, опасным для жизни и здоровья, являются психическим насилием, характерным только для разбоя. [7]

Неправильная оценка характера угрозы может иметь место не только тогда, когда она выражена в неопределенной форме, но даже и тогда, когда угроза физическим насилием выражена преступником вполне определенно. Угроза причинить физическое насилие при завладении чужим имуществом может и не быть реальной в объективном смысле этого слова. Тем не менее, и в этих случаях, если потерпевший воспринимает угрозу, хотя бы и мнимую, как реальную, совершенные виновным действия необходимо квалифицировать в соответствии с характером этой угрозы.

Более сложным является отграничение насильственного грабежа от разбоя, когда психическое насилие при завладении чужим имуществом выражается виновным неопределенно. Преступник в этих случаях прямо не высказывает намерения убить потерпевшего, причинить ему тяжкий вред здоровью либо же применить к нему любое другое насилие, опасное для жизни или здоровья, не демонстрирует перед потерпевшим оружие или

иные предметы, объективно его заменяющие. Применительно к таким случаям вопрос о признании в действиях виновного грабежа или разбоя следует решать следующим образом.

Прежде всего, необходимо учитывать главное — субъективное восприятие потерпевшим характера применяемой виновным угрозы. Однако, это обстоятельство нельзя расценивать в качестве единственного критерия для разграничения указанных составов преступлений, поскольку субъективное представление потерпевшего может быть нередко неадекватным реальному содержанию угрозы, выраженной неопределенно в той или иной форме.

Поэтому суд должен в таких случаях всесторонне проанализировать конкретную обстановку совершения преступления, учесть объективный характер действий виновного и все другие фактические обстоятельства по делу и, исходя из этого, решать вопрос о квалификации действий виновного.

Рассмотрев объективные и субъективные признаки составов разбоя и насильственного грабежа, а также общие вопросы их разграничения, можно отметить, что границу между ними в практической деятельности следователя и суда далеко не всегда легко определить.

Для правильного применения уголовного закона необходимо полное и объективное исследование всех юридически значимых обстоятельств дела в их совокупности. При рассмотрении уголовных дел о разбое и насильственном грабеже суду необходимо установить и исследовать ряд объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное деяние. В первую очередь суд должен установить факт совершения хищения, сопряженного с применением насилия, а также его характер, степень опасности для жизни и здоровья потерпевшего, интенсивность нападения, а если физическое насилие не применялось, то реальность примененной угрозы, в том числе оценить средства угрозы, использованные виновным при ее применении.

Если при совершении разбоя использовалось оружие или иные предметы в качестве оружия, то суду необходимо установить, при каких обстоятельствах и в каких целях похититель приобрел данные предметы.

Таковы основные критерии разграничения рассматриваемых преступлений, учет которых будет способствовать снижению ошибок, допускаемых в правоприменительной практике при квалификации насильственного грабежа и разбоя.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое // Рос. газ. – № 9.– 2003.
2. Дубровин Н.В. Понятие и общая характеристика преступлений против собственности // Вектор науки ТГУ Серия: юридические науки. 2018. № 1(24). С. 38—40.
3. Обвинительный приговор РФ от 07.08.2019 № 1-234/2019 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: https:// sudact.ru/ [дата обращения:19.02.2023].
4. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Конфликт интересов в уголовном праве (частный случай) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (79). С. 124—134.
5. Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений / Л.Д. Гаухман // Уголовное право. 2020. № 5. С. 39— 42.
6. Обвинительный приговор РФ от 06.05.2016 № 1-19/2016 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: https:// sudact.ru/ [дата обращения: 19.02.2023].
7. Харин Р.Е. Отличие грабежа от смежных составов преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. 2020. № 34. С. 218—223.

СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

Жабина Юлия Александровна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Невозможно представить обеспечение безопасности граждан и государства в целом без постоянного добывания информации о преступлениях и преступниках правоохранительными органами в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Большая часть такой информации в настоящее время перемещается с помощью сети Интернет, концентрируется в информационных ресурсах или же на различного рода технических устройствах в форме компьютерной информации. Вследствие этого ведется активный поиск оптимальных форм и методов сбора компьютерной информации. При этом следует отметить, что существует проблема недостаточности правовой регламентации получения доступа к компьютерным данным, которые представляют интерес для органов, осуществляющих ОРД. Существенное влияние на характер современной преступности оказывает развитие информационных технологий, которые используются для организации и совершения преступлений, а также совершенствования криминального профессионализма. Более того современное информационное пространство позволяет криминальным структурам расширять сферы своей преступной деятельности.

На данный момент количество веб-сайтов во всем мире превышает 1 млрд., а количество пользователей сети Интернет по данным We Are Social и Hootsuite по всему миру составляет *4,66 млрд человек*. Это 59,5% от населения планеты. Социальными сетями же пользуются 4,2 млрд человек или 53,6. Ежегодно в соответствии с законодательством в реестр Роскомнадзора вносятся сайты, распространяющие запрещенную информацию, в том числе криминальной направленности. [1].

Следует отметить, что спектр технических источников оперативно значимой информации в ближайшее время будет расширяться и за счет новых видов так называемых «умных вещей», оснащенных микропроцессорами и способных осуществлять обмен данными с телекоммуникационными сетями (навигационные системы автотранспорта, системы «умного дома», бытовые приборы, информационные датчики в местах общественного пользования и т.п

Оперативно-розыскные мероприятия играют особую роль в сборе компьютерной информации, имеющей криминальный характер, их исчерпывающий перечень закреплен в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [2].

Эти мероприятия проводятся непосредственно оперативными подразделениями с привлечением при необходимости лиц, оказывающих ему добровольное содействие, в том числе и специалистов. Полученные результаты могут быть впоследствии представлены следователю для использования в процессе доказывания по уголовным делам с исключением из них сведений, составляющих государственную тайну. Почему же законодатель посчитал нужным закрепить получение компьютерной информации в качестве самостоятельного ОРМ?. Очевидно, это решение связано с широчайшей распространенностью компьютерной формы представления оперативно значимой информации и ее специфическими свойствами, обусловливающими особые способы ее получения. Принимая такой подход, анализ содержания нового ОРМ важно начать с уяснения сущности понятия «компьютерная информация»

Получение компьютерной информации — это негласное оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое с использованием возможностей оперативно-технических подразделений в целях копирования и изъятия сведений, содержащихся на жестком диске компьютера или на иных электронных носителях, связанных с компьютером каналом связи, если для их получения требуется получение к ним удаленного доступа по информационно-коммуникационным сетям, в том числе с применением заблаговременно внедренных закладных устройств и/или программных компонентов [3].

Несмотря на относительную новизну этого мероприятия, подходы к уяснению его содержания в научной литературе уже сформулированы. Так, Р. Р. Мамлеев дает следующее определение получению компьютерной информации: «Это совокупность средств и способов исследования компьютерной системы с целью обнаружения и документирования материальных следов, сопутствующих подготовке или совершению преступлений, которые могут содержаться в компьютерной системе в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [4].

А. Л. Осипенко считает, что название получение компьютерной информации указывает только на разновидность информации, подлежащей обнаружению, извлечению и получению в распоряжение оперативно-розыскных органов [5].

Важно отметить, что до введения изменений в Закон об ОРД в 2016 году получение компьютерной информации осуществлялось в ходе проведения контроля технических каналов связи. К беспроводным электрическим каналам связи наряду со спутниковой, сотовой и радиосвязью относилась и информация, циркулирующая в компьютерных сетях. Следует учитывать и то, что на введение нового ОРМ повлияло распространенность компьютерной формы предоставления оперативно значимой информации и ее особые свойства. Именно поэтому при анализе получение компьютерной информации важно знать, что же такое «компьютерная информация.

Целью данного ОРМ является получение оперативных данных о подготовке, совершении преступлений проверяемыми лицами, установлении их криминальных связей, а также мест хранения компьютерной информации, могущей иметь доказательственное значение.

Проведение ОРМ «получение компьютерной информации» неразрывно связано с рядом проблем.

1) Существенной проблемой является нехватка специалистов, владеющих информационными технологиями в совершенстве, а также отсутствие системы подготовки и повышения квалификации по использованию информационных систем среди сотрудников оперативных подразделений, что оказывает негативный эффект на качество проведения ОРМ. Сюда же следует относить недостаточный уровень оснащения специальными техническими средствами, предназначенной для получения компьютерной информации.

Выходом из данной ситуации будет профессиональный рост сотрудников, которые уполномочены осуществлять ОРД, а также реализация современных информационных технологий.

2) Не менее значимой является проблема получения органами, осуществляющими ОРД, данных в форме компьютерной информации, защищенной средствами криптографической защиты. Под средствами криптографической защиты понимаются физические устройства, которые содержат в себе ПО для шифрования, передачи и записи информации. Подобный метод защиты подразумевает кодирование информации (для ее шифровки и дальнейшей расшифровки создается ключ, который хранится в секрете). Такая защита является

наиболее надежной, так как невозможно прочесть файл, не имея ключа шифрования, что уберегает информации даже в случае кражи ее носителя.

Решением данной проблемы может быть применение специальных технических знаний и привлечение специалистов для того, чтобы не допустить утрату получаемой информации.

3) Также проблемой является то, что отсутствует четкая правовая регламентация процедуры получения компьютерной информации, которая составляет государственную, коммерческую, служебную тайну и иные тайны, охраняемые законодательством. Так ст. 9 ФЗ о защите информации предусматривает некоторые ограничения по доступу к таким сведениям. В данной статье указано, что информация, составляющая профессиональную тайну, может быть предоставлена третьим лицам в соответствии с федеральными законами и/или по решению суда. Для ознакомления, копирования и изъятия такой информации необходимо наличие судебного решения. Если сведения, составляющие служебную или профессиональную тайну, содержатся в документе, то он должен иметь соответствующий гриф ограничения допуска и быть зарегистрированным в журнале учета. Однако факт наличия таких сведений в компьютере невозможно проверить без ознакомления с содержащимися там файлами, если только это не государственная или служебная тайна, компьютеры с такой информацией находятся в режимных помещениях, и наличие в них сведений ограниченного доступа имеет документальное подтверждение.

Исходя из этого следует предположить, что если имеются данные о возможности нахождения в компьютере такого рода сведений, то получение судебного решения все же необходимо. Перечень обозначенных проблем не является исчерпывающим и может быть дополнен, чем и обосновывается необходимость продолжения работ по совершенствованию законодательства в сфере проведения ОРМ. Несмотря на наличие проблем практического применения, следует признать, что законодательное закрепление нового ОРМ «получение компьютерной информации» стало прогрессом для российского законодательства.

Список литературы

1. Ефремова М. А. К вопросу о понятии компьютерной информации // Российская юстиция. — 2019. — № 7. — С. 51.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.(дата обращения: 24.02.2023).
3. Дубоносов Е. С. «Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения» (текст научной статьи по специальности «Право») — Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. — С. 24–29.
4. Мамлеев Р. Р. Средства и методы осуществления оперативно-разыскного мероприятия получение компьютерной информации // Полицейская и следственная деятельность. — 2018. — № 4. — С. 37—45.
5. Осипенко А. Л. Снятие информации с технических каналов связи в сети Интернет // Оперативник (сыщик). — 2019. — № 2. — С. 37

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ(СТ. 124 УК РФ)

Жандаров Дмитрий Владимирович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович – научный руководитель, старший преподаватель

Среди прав человека особое место занимают Конституционные права, которые принадлежат ему с рождения и являются неотчуждаемыми. Одним из таких прав является право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Мудицинская помощь, согласно ст.41 Конституции РФ, в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. В развитие указанной конституционной нормы, законодатель под страхом уголовного наказания в ст. 124 УК РФ установил запрет неоказания помощи больному.

Объективная сторона преступления выражена в бездействии в виде неоказания помощи больному, повлекшем причинение вреда здоровью средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, либо смерти. При отсутствии указанных последствий, уголовная ответственность лица, виновного в неоказании помощи больному, исключается.

Необходимым условием для наступления уголовной ответственности по данной статье, необходимо отсутствие уважительных причин для неоказания помощи. Их уголовно- правовая оценка производится правоприменителем в каждом конкретном случае индивидуально, исходя из фактической обстановки. Несмотря на то, что об уважительных причинах законодатель упоминает во множественном числе, допустимо признание в качестве уважительной только одной из причин, что и будет являться основанием для исключения уголовной ответственности. Уважительными следует признать как достаточные для оправдания обстоятельства (т.е. уважительные), так и основания для несовершения конкретных действий (т.е. причины) [1].

В современной юридической литературе уважительные причины неоказания помощи больному разделяются на следующие группы:

– обстоятельства природного и техногенного характера: процессы, возникающие естественным путём на земле, на воде или в атмосфере (землетрясения, извержения вулканов, цунами, горные лавины, оползни, наводнения, ураганы, снегопады необычайной интенсивности и др.), а также аварии и катастрофы техногенного характера, которые в дальнейшем влекут взрывы, пожары, отравления водоёмов и атмосферы, увеличение радиоактивного фона и т.п.;

– общественно опасные действия людей: массовые беспорядки, хулиганство, совершаемое организованной группой, спонтанные выступления граждан (несанкционированные демонстрации, шествия, митинги и т.п.), другие проявления противоправного поведения (создание физических препятствий медицинским сотрудникам для выполнения ими своих служебных обязанностей, насильственное удержание машины «скорой помощи» и т.п.);

– конкуренция обязанностей по оказанию помощи при наличии одновременных «опасностей», непосредственно угрожающих здоровью и (или) жизни разных больных, когда медицинский сотрудник стоит перед выбором, кому из них оказывать помощь в первую очередь. В данной ситуации уголовно-правовая оценка уважительности причин неоказания помощи одному из пациентов зависит от конкретных обстоятельств дела: времени вызова к больному, объективных возможностей прибытия к нему, внешних проявлений тяжести заболевания и т.п.;

– личные обстоятельства объективного и субъективного характера: психофизическое состояние врача в момент неоказания помощи (внезапное заболевание либо резкое обострение хронической болезни, помещение медицинского работника в лечебное учреждение с травмами и т.п.), профессиональная неподготовленность, узкая специализация медицинского сотрудника и т.п., в силу которых невозможно оказание помощи [2].

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности. При легкомыслии субъект, отказываясь или уклоняясь от оказания помощи, допускает возможность причинения вреда здоровью больного, но без достаточных к тому оснований надеется на предотвращение такого вреда. В случае преступной небрежности виновное лицо не предвидит возможности причинения вреда здоровью в результате неоказания помощи больному, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть наступление вреда. Так, в частности, применительно к медицинскому работнику отправной точкой для установления его вины в совершённом деянии является наличие профессиональной подготовки по определенной специальности. Именно специальные знания предопределяют факт предвидения общественно опасных последствий при легкомыслии, а также возможность и обязанность их предвидения при небрежности [3]. Если в материалах дела будет установлено, что виновный путём неоказания помощи желает причинить вред здоровью потерпевшего или наступления его смерти либо сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично, то содеянное следует квалифицировать как умышленное посягательство на интересы потерпевшего, ответственность за которое наступает по ст. 105, 111, 112 УК РФ, без вменения ст. 124 УК РФ.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 124 УК РФ субъектом будет являться вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, обязанное в соответствии с законом или со специальным правилом оказывать помощь больному, однако в науке уголовного права отсутствует однозначное суждение относительно того, кто именно может быть привлечен к уголовной ответственности как субъект по данному преступлению. По данному дискуссионному вопросу ученые высказывают различные точки зрения , например, А. С. Горелик писал, что субъектом неоказания помощи больному могут быть только медицинские работники, т.е. лица, имеющие определённые медицинские звания, а Ф. Ю. Бердичевский, считал, что субъектом рассматриваемого преступления могут быть не только медицинские работники, но и иные лица, например работники аптеки, отказавшие в предоставлении телефона для вызова «скорой помощи», шофёр «скорой помощи», отказавшийся от перевозки больного [4, с. 43]. На мой взгляд, самым верным следует считать мнение Д. Ю. Мамонтова, который утверждает, что если закон или специальное правило предусматривает обязанность оказать помощь больному, такое лицо должно признаваться субъектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, вне зависимости от того, является оно медицинским работником или нет [5].

Изучив материалы судебной практики, можно сделать вывод, что в большинстве случаев к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ привлекаются медицинские работники. Субъектами по данному составу преступления не могут быть признаны лица, получившие медицинское образование соответствующего профиля, но не работающие по профессии, медицинские работники, находящиеся на пенсии, в трудовом отпуске, поскольку, в соответствии со ст. 106 ТК РФ, во время отдыха работник свободен от исполнения трудовых обязанностей, а согласно ст. 37 Конституции РФ, ст. 2, 4, 21, 106 ТК РФ, труд свободен, принудительный труд запрещён, каждому работнику гарантируется право на отдых.

Нельзя оставить без внимания мнение О. А. Цыгановой и И. В. Ившина, которые к возможным субъектам неоказания помощи больному относят, в частности, и водителя, не предоставившего транспортное средство медицинским и фармацевтическим работникам для перевозки граждан в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение в случаях, угрожающих их жизни, поскольку соответствующая обязанность предусмотрена п. 2.3.3 Правил дорожного движения, а также п. 6 ст. 10 Федерального закона «Об основах

охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6]. Как отмечает М.В. Бавсун, собственно случаи неоказания помощи в практической деятельности встречаются не столь часто, более характерными являются ситуации некачественного медицинского обслуживания, повлекшего последствия, имеющие уголовно-правовое значение [7].

Подводя итог, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что по сей день остаются спорными некоторые вопросы квалификации по данному составу преступления, что требует особого внимания законодателя в связи с высокими темпами роста равнодушия и бездействия со стороны медицинских работников и простых граждан. Для более точной и справедливой квалификации необходимо определить перечень субъектов, для привлечения к уголовной ответственности и дать более подробное определение уважительным причинам для неоказания помощи больному.

Список литературы

1. Плешаков А. М., Дружинин А. В. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора в виде неприбытия лица к избранному месту жительства // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2014. – № 6. – С. 127–131.
2. Амелина А. С. Уважительные причины неоказания помощи больному как основания для исключения уголовной ответственности // Медицинское право. – 2018. – № 1. – С. 27–29.
3. Нагорная И. И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту // Российский юридический журнал. – 2017. – № 4. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.02.2023).
4. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. – Москва: Юридическая литература, 1970. – 128 с.
5. Мамонтов Д. Ю. Субъект неоказания помощи больному // Труды юридического фа культета Ставропольского государственного университета. – 2008. – Вып. 18. – С. 58–63.
6. Цыганова О. А., Ившин И. В. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика // Медицинское право. – 2014. – № 6. – С. 26–32.
7. Бавсун М. В. Спорные вопросы квалификации ненадлежащего оказания помощи больному // Российский следователь. – 2017. – № 16. – С. 24–27.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Житина Владлена Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Важным элементом, обеспечивающим эффективность оперативно-розыскной деятельности, выступает применение аналитического инструментария в разрезе информационного обеспечения, поскольку оперативная аналитика, как отмечает А.Л. Осипенко, «гарантирует получение оперативно-розыскной информации особого качества, обогащенной за счет применения специфических методов» [3].

На сегодняшний день в России действует стратегия развития информационного общества на 2017-2030 гг., предусматривающая государственную поддержку процессов цифровизации, придание им системного характера, происходит интенсивный обмен колоссальными объемами данных между различными субъектами информационных процессов, что привело к созданию уникального киберпространства, в рамках которого применяются особые формы и методы осуществления оперативно-розыскной деятельности, а при соответствующей адаптации могут проводиться практически все традиционные оперативно-розыскные мероприятия. В киберпространстве происходит концентрация оперативно значимой информации, которая может быть обнаружена на сайтах различных интернет-сервисов, в сообщениях социальных сетей, мессенджеров, электронной почты, IP-телефонии, в информационных системах, поддерживающих банковские операции, приложения электронной торговли, транспортных перевозок, электронный документооборот и многое другое. Извлечение информации определенного рода из обозначенных источников и порождаемых ими информационных потоков обеспечивает грандиозные перспективы совершенствования оперативно-розыскной аналитики.

Все это позволяет согласиться с П.И. Ивановым, утверждающим, что оперативно-розыскная наука на сегодняшний день переживает новый этап своего развития [1].

Отдельного внимания заслуживает внедряемое с помощью информационных технологий информационно-аналитическое обеспечение деятельности оперативных подразделений, под которым Г.Г. Саркисян предлагает понимать «деятельность специальных субъектов оперативно-розыскной деятельности по формированию, ведению, использованию и совершенствованию функционирования информационных систем оперативно-розыскной информации, призванную на основе результатов аналитической работы обеспечить сотрудников оперативных подразделений совокупностью сведений в виде систематизированной аналитической информации, необходимой им для эффективного осуществления возложенных на них задач и функций» [4].

Основными направлениями информационно-аналитического обеспечения являются:

1) оперативно-розыскная регистрация;
2) создание оперативно-розыскных учетов;
3) формирование интегрированного банка данных оперативно-розыскного назначения;
4) осуществление аналитической работы;
5) использование её результатов в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности.

Основными требованиями и функциями информационно-аналитических подразделений, как правило, являются: сбор информации; обработка информации; оперативное предоставление актуальной аналитической информации, в том числе на основе проведения специальных мероприятий; хранение информации; защита информации.

Учитывая новизну для российской системы правоохранительных органов применяемой системы информационно-аналитического обеспечения, государственные органы сталкиваются с определенными проблемами, а именно:

1) отсутствием единой целостной интегрированной информационной инфраструктуры, а также информационной поддержки со стороны различных организаций и представителей общества;
2) низким уровнем информационно-аналитического обеспечения, в том числе по причине недостатка технического и программного оснащений;
3) недооценкой роли информационно-аналитических служб и подразделений, сведение в отдельных случаях их усилий лишь к информационной работе, заключающейся в сборе информации и предоставлении ее в первоначальном виде без соответствующей аналитической обработки;
4) игнорированием аналитических, прогнозно-диагностических и коммуникационных возможностей информационно-аналитических подразделений;
5) отсутствием системы обучения и повышения квалификации сотрудников-аналитиков, подготовленных специально для информационно-аналитических подразделений правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Наряду с этим, отдельными авторами, например, С.В. Лемайкиной, отмечается проблема выбора специального программного обеспечения, позволяющего одновременно реализовывать такие функции, как предварительная обработка помещаемых документов по таким параметрам, как ФИО, дата рождения; описание документов, находящихся в неструктурированных массивах информации, для быстроты и удобства их поиска; поддержка всех индексов в неструктурированном массиве информации; удаление неактуальной информации; резервное копирование [2].

Как отмечает Е.Н. Яковец, на федеральном уровне весьма актуальной остается задача, связанная с оптимизацией нормативно-правовой основы для создания единого информационного пространства, призванного консолидировать на научной основе усилия всех государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД [5].

В этом контексте крайне важно предусмотреть разработку комплекса соответствующих мер в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, которые проходят:

а) по уголовным делам;

б) по делам оперативного учета;

в) по иным материалам, отражающим результаты ОРД.

Регистрация указанных лиц должна осуществляться путем последовательного выполнения действий, направленных на получение их персональных данных (в первую очередь – биометрических), иной значимой с криминалистической точки зрения информации, а также фактографических сведений. В целях комплексного сбора биометрических данных лиц, представляющих оперативный интерес, необходимо создавать кабинеты оперативно-розыскной регистрации личности, оснащенные соответствующим специализированным оборудованием. Для проведения учетно-регистрационных мероприятий в этой работе должны использоваться возможности оперативных подразделений.

В заключение следует отметить, что усилия, затрачиваемые в последнее время учеными и практиками в рамках создания профессиональных основ информационно-аналитической работы, разработки новых и адаптации к современным условиям старых методик ее осуществления, в принципе оказываются плодотворными. Вместе с тем, в этой области имеется еще немало острых вопросов, требующих своего скорейшего разрешения. Лишь после успешного преодоления всех этих проблем можно будет констатировать наступление нового этапа развития информационно-аналитического обеспечения ОРД, основанного на эффективном взаимодействии в данной сфере всех заинтересованных ведомств-субъектов ОРД с использованием базовых принципов, выработанных передовой отечественной и зарубежной практикой, в рамках единого информационного пространства.

Список литературы

1. Иванов П. И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции. – 2021. – С. 92-99.
2. Лемайкина С. В. Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – №. 3 (90). – С. 166-170.
3. Осипенко А. Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. – 2018. – №. 4 (66). – С. 80-87.
4. Саркисян Г. Г. Современное состояние и проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – №. 4 (91). – С. 214-218.
5. Яковец Е. Н. Меры по совершенствованию информационно-аналитического обеспечения деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // «Эпомен» Epomen. – 2020. – С. 267-284.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

Житина Владлена Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

Как известно, ведущее место среди актуальных и нерешенных проблем уголовно-правовой науки занимает юридическая квалификация совершенных преступлений, особенно в современных условиях, когда с появлением развивающих и улучшающих существование общества и государства нововведений, происходит и совершенствование преступной деятельности, что требует от правоприменителя особой компетенции в процессе квалификации. Именно это обуславливает необходимость постоянного изменения действующего уголовного законодательства для более правильного применения уголовно-правовых норм.

Конституция РФ признает жизнь человека наивысшей охраняемой ценностью и выступает гарантом её сохранности [1]. Развивая указанное положение, Уголовный кодекс РФ в ст. 105 закрепляет санкцию за самое жестокое преступление против людей, требующее, в связи с этим, самой точной и правильной квалификации, - убийство. Способ совершения убийства является признаком объективной стороны состава преступления.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняет, что под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления пищи и воды, которыми, помимо потерпевшего, пользуются другие люди) [3]. Этот квалифицирующий признак закреплен в п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ [2].

В процессе квалификации убийства, совершенного общеопасным способом, у следствия нередко возникает ряд проблем и вопросов, а неверные и субъективные ответы на них способны привести к неправильной квалификации и, как итог, несправедливому наказанию за совершение преступления [5].

Важно отметить, что в случае, если в результате применения виновным общеопасного способа убийства наступила смерть не только лица, на которого был направлен его умысел, но и других лиц, содеянное, наряду с п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть еще и как убийство двух или более лиц.

Отдельное значение при квалификации правоприменителю необходимо придавать таким элементам криминалистической характеристики убийства, совершенного общеопасным способом, как:

1) способ подготовки к убийству. Кардинальные отличия имеются в подготовке к убийству путем поджога или взрыва. Как правило, преступнику необходимо осуществить такие подготовительные действия, как изучение мест постоянного и временного пребывания жертвы, расположение его жилища и места работы, режим дня потерпевшего и членов его семьи, а в некоторых случаях требуется изучение следующих деталей: наличие системы охраны, маршрута следования на работу и обратно, а также пути подхода и отхода с места планируемого преступления;

2) способ совершения преступления, предопределяемый характерными для преступника чертами психологической и физической специфики, наличием специальных знаний, умений навыков (например, в части взрывчатых веществ и взрывных устройств). Наиболее часто убийства, совершенные общеопасным способом, совершаются путем поджога, выстрела или взрыва. Крайне незначительным, но имеющей свою долю, является применение отравляющего вещества.

Интересным представляется мнение Р.А. Белана, который выделяет следующие средства совершения убийства общеопасным способом, условно разделяя их на три группы по признаку поражающих характеристик:

а) средства, которые опасны ситуативно, поскольку они несут опасность для жизни и жертвы, и иных лиц, во время непосредственного использования;

б) средства, имеющие долговременно-опасный эффект, поскольку способны поразить неопределенный круг лиц, поскольку сохраняют свою опасность на протяжении продолжительного времени с момента применения;

в) средства, ограниченно опасные (при применении данные средства имеют свойство поражать одну жертву из неопределенного множества людей) [4].

3) способ сокрытия преступления, предполагающий уничтожение следов, указывающих на особенности подготовки и совершения преступления, а также материальные следы, каким-либо образом характеризующие причастное к совершению преступления лицо [6].

Важным фактором, способным обеспечить правильную квалификацию исследуемого вида убийства, выступает умысел преступника. Например, виновный намеревался лишить жизни всех находящихся в непосредственной близости друг от друга людей, однако наступила смерть лишь одного человека. В приведенной ситуации будут присутствовать как признаки общеопасного способа совершения преступления (имеет место угроза для жизни нескольких лиц, что осознается виновным), так и признаки покушения на убийство двух или более лиц (лишение жизни нескольких лиц охватывалось умыслом виновного, однако его реализация не наступила по независимым от него причинам) [7].

Определенная схожесть состава убийства, совершенного общеопасным способом, наблюдается также с преступлением, предусмотренном ст. 205 УК РФ (а точнее с п. «б» ч. 2 и «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Данная статья устанавливает ответственность за совершение террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть или умышленное причинение смерти человеку соответственно.

Сравниваемые деяния сходны в признаках субъекта (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет), способе совершения преступления (взрыв, поджог или иные действия, сопоставимые с указанными). Тем не менее, имеются и признаки, позволяющие разграничить данные составы: 1) если объект убийства, совершенного общеопасным способом, представлен жизнью человека, то аналогичный способ совершения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ направлен на иной объект – общественную безопасность; 2) умысел лица в случае убийства, совершенного общеопасным способом, охватывает смерть лица, в то время как в деянии, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ смерть наступает по неосторожности, чего нельзя сказать о п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ; 3) преступная цель убийства, совершенного общеопасным способом, не имеет значения и может быть учтена только на стадии назначения наказания, чего нельзя сказать о преступной цели ст. 205 УК РФ – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций или воздействие на принятие ими решений (в случае отсутствия такой цели взрыв или поджог, повлекшие смерть человека, не могут квалифицироваться по ст. 205 УК РФ и могут рассматриваться как вышеуказанное убийство)).

Кроме общеопасного способа убийства для верной квалификации содеянного необходимо наличие либо же отсутствие соответствующей обстановки совершения убийства. Так, опираясь на анализ судебной практики, можно сделать заключение, что, чаще всего, способ убийства бывает признан общеопасным тогда, когда преступник пользовался огнестрельным оружием. Вместе с тем, выстрел в потерпевшего с близкого расстояния или же в упор, может и не создать непосредственной опасности для других лиц, не находящихся в зоне поражения выстрелом.

При квалификации данного вида преступления необходимо в обязательном порядке принимать во внимание субъективное восприятие преступником обстоятельств совершения убийства, так как основа квалификации – принцип субъективного вменения, который в свою очередь предполагает конкретное установление формы вины.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на то, что убийство, совершённое общеопасным способом, является в достаточной степени изученным, следствие все еще сталкивается с разнообразными проблемными вопросами при его квалификации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 15.02.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская юстиция. – 1999. – № 4.
4. Белан Р. А. К вопросу об уголовно-правовой характеристике и особенностях квалификации убийства совершенного общеопасным способом // Инновационная парадигма развития современной науки. – 2021. – С. 13-17.
5. Зюзина А. Ю. Анализ некоторых проблем квалификации убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах на примере п.«д» и «е» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации // Colloquium-Journal. – 2019. – С. 126.
6. Князьков А.С., Ведренцева С.В. Проблемы криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 250-261.
7. Серенко Р. С. К вопросу о квалификации убийства, совершенного общеопасным способом, и его отграничения от схожих составов преступлений // Перспективы развития институтов права и государства. – 2022. – С. 216-219.

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Затонская Эльвира Олеговна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Под рецидивом преступлений понимается совершение умышленного преступления лицом, уже имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. «Из законодательного определения рецидива преступлений, – писал Б. И. Накипов, – вытекают следующие признаки рецидива: наличие факта совершения нового преступления лицом, ранее совершившим преступление; умышленный характер совершения первого и последующих преступлений; наличие судимости за ранее совершенное преступление» [1, с. 169].

Различают следующие виды рецидива преступлений: простой, опасный и особо опасный. Простой рецидив преступлений означает совершение умышленного преступления лицом, уже имеющим судимость за ранее совершенное преступление. Например, для того, чтобы признать наличия рецидива при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, необходимо, чтобы лицо, совершившее данное преступление, уже имело судимость за совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого.

И. Б. Агаев в своей работе указал, что преступная деятельность лиц, деяния которых образуют опасный или особо опасный рецидив, характеризуется тем, что такие лица при совершении преступлений осознают наносимый их действиями ущерб определенной группе социальных благ и общественных интересов [2, с. 159]. Для признания рецидива опасным законом устанавливаются два самостоятельных основания, указанные в ч. 2 ст. 18 УК РФ [3]. Учитывая первое основание, рецидив будет признан опасным при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раза было осуждено к лишению свободы за совершение умышленного преступления средней тяжести. Второе основание признает рецидив опасным при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено к реальному лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление. В ч. 3 ст. 18 УК РФ прописаны основания для признания рецидива особо опасным. Рецидив преступлений признается особо опасным:

1) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено к реальному лишению свободы за тяжкое преступление;

2) лицо совершило особо тяжкое преступление, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

В ч. 4 ст. 18 УК РФ прописаны обстоятельства, которые не учитываются при признании рецидива преступлений. К ним законодатель относит судимости за:

1) умышленные преступления небольшой тяжести;

2) преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет;

3) преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось в места лишения свободы для отбывания наказания, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ. Согласно второму обстоятельству, преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет, ставит существование рецидива среди несовершеннолетних под сомнение.

На сегодняшний день существует много различных точек зрения касаемо рецидива преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами. Одни правоведы утверждают, что рецидив несовершеннолетних существует и за преступления, совершенные лицами, не достигшими восемнадцати лет, последует соответствующее наказание. Так же многие ученые опровергают существование такого понятия как «рецидив преступлений несовершеннолетних». Они утверждают, что такого понятия не существует и за совершение повторного преступления несовершеннолетним не назначается более строгое наказание.

Я. С. Пинигин утверждает, что рецидив преступлений несовершеннолетних представляет собой своего рода дефиницию, так как законодатель не учитывает судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, при признании рецидива. Юридически такого факта не существует, но с точки зрения криминологии рецидив представляет собой совершение повторного преступления любым лицом, независимо от его возраста и категории преступлений. Государство не может спускать подросткам все «с рук», поскольку они почувствуют свою безнаказанность и будут в дальнейшем совершать преступления, осознавая их общественную опасность, но понимая, что не будут наказаны. Стабильная безопасность общества будет нарушена, эффективность правоохранительной системы будет значительно снижена. Я. С. Пинигин обращает внимание на некий парадокс – несовершеннолетних нельзя не наказывать за совершенные преступления, но и нельзя наказывать слишком строго, чтобы не сломить их волю в достижении позитивных жизненных ценностей, не нанести моральный вред личности подростков [4, с. 67]. Таким образом, в своей работе ученый ставит вопрос о существовании рецидива преступлений несовершеннолетних. Он утверждает, что такое

понятие существует, но юридически такого факта нет. Также Я. С. Пинигин затрагивает проблему наказания несовершеннолетних рецидивистов. Совсем оставлять без наказания подростков нельзя, потому что они почувствуют вседозволенность и будут продолжать совершать все новые и более опасные для общества и его стабильной безопасности преступления.

В. А. Колесников в своей работе подтверждает существование рецидива преступлений несовершеннолетних, приводя различные детерминанты совершения преступлений подростками. Прежде всего, он выделяет теорию стигматизации и «навешивания ярлыков». Сущность данной теории заключается в том, что подросток формируется в преступника, потому что общество закрепляет за ним ярлык нарушителя общественного порядка, преступника, от которого ему потом очень трудно избавиться. Таким образом, общественно опасные деяния, совершаемые подростками по неосторожности или неосознанно, в дальнейшем будут расцениваться социумом как преступления. Также немаловажным фактором, который обуславливает существование рецидива несовершеннолетних, является отсутствие системы ресоциализации подростков, возвратившихся из воспитательных колоний.

А. И. Ковалева интерпретирует понятие ресоциализация следующим образом: «Ресоциализация – это процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития» [5, с. 297]. После освобождения подросток вынужден вернуться в прежнюю криминогенную среду, обстановка которой вынудила его совершить первое преступление. В условиях нищеты, нехватки средств на проживание несовершеннолетний будет вынужден их добывать и это происходит не всегда законным путем, так же у подростка появляется желание кому-то отомстить за испорченную жизнь, что влечет за собой совершение новых преступлений и зачастую обладающих большей общественной опасностью. Таким образом, А. И. Ковалева не дает точного ответа на вопрос о существовании рецидива преступлений несовершеннолетних, она выделяет основные детерминанты, способствующие появлению и «живучести» этого явления [6, с. 113–114].

В. А. Лелеков так же упоминает о существовании понятия рецидива в криминологии. Там понятие рецидива звучит следующим образом: «Совершение повторного преступления любыми лицами независимо от того, привлекались или не привлекались они к уголовной ответственности за ранее совершенные преступления». Криминологический рецидив иначе определяется как фактический. Если по уголовному законодательству рецидивной преступности несовершеннолетних не существует, то в криминологии мы можем говорить о ее существовании [7, с. 15]. Таким образом, возникает некий парадокс – несовершеннолетние лица совершают повторяющиеся преступления, что попадает под понятие рецидива, но ч. 4 ст. 18 УК РФ, говорит об обратном, она не учитывает судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, при признании рецидива. Подростки, совершившие преступление один раз и, почувствовав свою безнаказанность, будут в дальнейшем совершать преступления, но уже обладающие большей общественной опасностью. Здесь прослеживается проблема назначения наказания за рецидив несовершеннолетних. Если бы были четко определены и прописаны меры наказания за рецидивную преступность несовершеннолетних, то можно было бы с уверенностью говорить о существовании понятия рецидива преступлений несовершеннолетних. Оно было бы не фактическим, не своеобразной дефиницией, а самостоятельным, реально существующим понятием.

Подводя итог, можно сделать вывод: уголовное законодательство не предусматривает понятия рецидива преступлений несовершеннолетних, ставя его существование под сомнение. Однако, в криминологии такое понятие есть, и оно указывает на существование рецидивной преступности несовершеннолетних. Решить вопрос рецидива преступлений подростков можно путем решения проблемы системы наказаний несовершеннолетних за совершение повторных преступлений. Появляется возможность избежать парадокса при назначении наказания лицам, не достигшим восемнадцати лет. Следует установить четкую систему наказаний несовершеннолетним именно при наличии рецидива преступлений, тогда можно будет с уверенностью говорить о существовании такого понятия.

Список литературы

1. Накипов, Б. Понятие и значение рецидива преступлений / Б. Накипов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 2 (17). – С. 168–172.
2. Агаев, И. Б. о. Умышленное совершение преступления как обязательный признак опасного и особо опасного рецидива преступлений / И. Б. о. Агаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 159–162.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
4. Пинигин, Я. С. Проблемы рецидива преступлений несовершеннолетних / Я. С. Пинигин // Вестник науки и образования. – 2021. – № 16–2(119). – С. 67–69.
5. Ковалева А. И., Перинская Н. А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-1 (дата обращения: 17.04.2023).
6. Колесников, В. А. Основные детерминанты совершения рецидивов преступлений среди несовершеннолетних / В. А. Колесников, Н. А. Тимошенко // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы

Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общей редакцией С. В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 112–114.
7. Лелеков, В. А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение / В. А. Лелеков // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 15–23.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Зыкова Валерия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность и значимость данной темы выражается в нескольких факторах, один из них связан с негативными тенденциями, складывающимися в связи с ростом российской преступности. В 2019 году на территории России зарегистрировано 1 521 683 преступления, что на 30 804 больше, чем за аналогичный период прошлого года (на 2,1%), в 2020 году число зарегистрированных преступлений увеличилось на 1 % и перешагнуло отметку в 2 млн. (2 044 221). В 2021 году ситуация осталась стабильна с предыдущим годом, но не улучшилась, в России было зарегистрировано чуть более 2 млн преступлений. В 2022 году общее количество преступлений снизилось на 1,6%, но выросло количество экстремистских преступлений на 43% [1].

Преступность значительно меняет свое качество в сторону организованности, вооруженности и использования научных и технических средств. Данное положение требует эффективных мер в сфере борьбы с преступностью и активные действия оперативно-розыскной деятельности. Средства и методы оперативно-розыскной деятельности помогают современному уголовному судопроизводству подобраться к большинству серьезных преступлений.

Основная цель взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность - это борьба с преступностью, в том числе посредством расследования и раскрытия уже совершенных преступлений. В теории уголовного процесса также обращается внимание на то, что исследуемое взаимодействие состоит в практической деятельности правоохранительных органов, направленной на совместное с иными уполномоченными субъектами решение задач уголовного производства, расследование и раскрытие преступных деяний, оптимизацию борьбы с преступностью и т. д.

Единство целей и общность задач ОРД и уголовного процесса в раскрытии, расследовании преступлений и розыске скрывшихся преступников объективно обусловливает их сближение. Но эффективность заключается не только в единстве, но и в специфике: следователь и органы, осуществляющие ОРД, обладают специфическими, только им присущими средствами раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем, эти полномочия дают наибольшую отдачу только в ходе совместной и согласованной деятельности.

Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в целом представляет собой сотрудничество указанных участников уголовного судопроизводства для повышения эффективности мероприятий по расследованию и раскрытию преступлений.

Взаимодействие следователя с ранее названными органами на практике имеет обязательное значение в тех случаях, когда:

1. Данные о совершении преступления были получены следователем непосредственно от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;
2. Данные о личности преступника у следователя на первоначальном и / или последующем этапе расследования отсутствуют, в связи с чем, необходимо осуществление розыска субъекта;
3. Предполагаемый преступник либо иные лица предпринимают активные попытки воспрепятствовать расследованию преступления.

В соответствии с УПК РФ следователь при расследовании преступлений имеет право давать поручения органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, проводить необходимые для уголовного производства мероприятия [2]. С учетом правовых положений уголовно-процессуального законодательства необходимо отметить, что «следователь при взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обеспечивает:

- выявление, пресечение и раскрытие преступлений;
- получение информации об обстановке совершения преступления, в том числе с целью последующего формирования доказательственной базы по уголовному делу;
- установление лиц, совершивших преступления и привлечение их к уголовной ответственности и т.д.».

В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» следователь «может инициировать проведение и участвовать в проведении некоторых оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих установить наличие в действиях определенного лица элементов состава преступления, а также сформировать доказательственную базу по уголовному делу и привлечь к уголовной ответственности виновное

лицо [3]. Значение указанного Федерального закона состоит в том, что он законодательно закрепляет основные принципы оперативно-розыскной деятельности, которые должен принимать во внимание и следователь».

Следователь на основании указанных принципов совместно с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, осуществляет планирование расследования преступления, проводит необходимые следственные действия по раскрытию преступного деяния.

С участием следователей и работников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следователь вправе обсуждать результаты производства первоначальных следственных действий, с тем чтобы по каждому уголовному делу был разработан конкретный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, были своевременно выявлены и изъяты следы преступления, вещественные доказательства, установлены возможные очевидцы, свидетели. По уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено, следователь должен не реже одного раза в месяц запрашивать и получать информацию о результатах исполнения поручения из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, может осуществляться в нескольких формах. Под формами взаимодействия следователя с указанными органами в целом необходимо понимать «способы совместной деятельности следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в процессе расследования и раскрытия преступления».

Наиболее популярной формой процессуального взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, является направление следователем указанным органам письменного поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Право следователя на направление соответствующего письменного поручения закреплено в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Необходимость в направлении письменного поручения органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, возникает в тех случаях, когда у следователя отсутствует достоверная и достаточная информация по факту совершения преступления, участниками производства предпринимаются попытки воспрепятствовать деятельности следствия, следователь в силу объективных причин не может получить какие-либо сведения о механизме совершения преступления либо самостоятельно установить личность и местонахождение преступника.

Следователь может взаимодействовать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, посредством:

1. Совместного планирования (например, когда расследование какого-либо преступления осуществляется в составе следственно-оперативной группы);
2. Обмена информацией в ходе расследования преступления;
3. Совместного обсуждения результатов следственных и оперативно-розыскных действий, проводимых при расследовании преступлений;
4. Совместного обсуждения профилактических мер, осуществляемых с целью предупреждения преступности и сокращения ее уровня;
5. Проведения обоюдных консультаций по вопросам противодействия преступности, расследования преступлений.

Таким образом, эффективность раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в значительной степени зависит от четко налаженной и согласованной деятельности следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, сочетания процессуальных и оперативно-розыскных форм получения доказательств установления достоверности по делу. Очевидным является тот факт, что один следователь и даже группа следователей без помощи органов дознания не в состоянии справиться с расследованием многих преступлений. Взаимодействие данных субъектов обусловлено, прежде всего, тем, что как следователь, так и органы дознания обладают специфическими, только им присущими средствами раскрытия преступлений.

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: https://мвд.рф (дата обращения: 27.02.2023).
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023).
3. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, А ТАКЖЕ НАРКОТИКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Зыкова Валерия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Согласно статистическим данным главного информационно-аналитического центра МВД России в 2022 году в стране было зарегистрировано 62209 фактов сбыта наркотических средств, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 20,9% больше, чем в 2021году [1].

Такой способ связи сейчас широко доступен практически всем гражданам, как в экономическом, так и техническом плане. Некоторые представители, которыми являются в основном лица молодого возраста и подростки, активно используют сеть «Интернет» для различных целей, в том числе коммуникационных (общения).

Основные сложности доказывания при расследовании преступлений, совершенных рассматриваемым способом, связаны с отсутствием непосредственного контакта приобретателя наркотического средства и сбытчика, которые договариваются о «сделке» через специальные программы, установленные на их электронных устройствах и компьютерах, посредством смс-сообщений и т.п. Яркой характеристикой совершения преступлений посредством использования сети «Интернет» (по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) является то, что совершаются они обычно организованными группами, «низовые» члены которых не всегда знакомы с другими его участниками, в том числе организаторами этого «бизнеса» [2].

Квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, предполагает повышенную ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов рассматриваемым способом. Он был внесен в Уголовный кодекс РФ в 2012 году Федеральным законом от 01.03.2012 г № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако до настоящего времени применение этого признака на практике и его теоретическое толкование не имеют однозначного подхода.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 30 июня 2015 г. № 30 и от 16 мая 2017 г. № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» также не содержит прямых ссылок на особенности квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, хотя отдельные его положения содержат разъяснения, которые можно использовать для этих целей [3].

Так, в п. 13 указан способ передачи наркотического средства приобретателю путем сообщения о месте его хранения, проведения закладки в обусловленном с ним месте. В п. 13.1 определено, что считать моментом окончания незаконного сбыта следует считать выполнение лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю средств, веществ независимо от их фактического получения приобретателем.

Сбыт наркотических средств и психотропных веществ, в том числе совершенный рассматриваемым способом, представляет собой сложное деяние, осуществлению которого обычно сопутствует совершение таких действий, как незаконное приобретение, хранение, перевозка наркотических средств и психотропных веществ [6, с. 219].

Уголовный кодекс РФ не содержит нормы, которая прямо предусматривает ответственность за совершение перечисленных действий в целях незаконного сбыта предмета преступления. Однако в положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 (п.13.2) разъяснено, что такие действия, выполненные в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, но не доведенные до конца по независящим от лица обстоятельствам, следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений.

Считаю, что данных разъяснений для формирования единой правоприменительной практики квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ недостаточно. В первую очередь, требуется создание единого и четкого подхода к пониманию предусмотренного нормой способа. Кроме того, правоприменитель сталкивается с необходимостью выяснения следующих вопросов: что собой представляют информационно-телекоммуникационные и электронные сети; какие устройства и средства программного обеспечения следует относить к средствам связи, с помощью которых используются указанные сети; каким образом могут использоваться средства массовой информации для совершения сбыта наркотических средств и психотропных веществ и т.д.

Наиболее актуальными проблемами, с которыми сталкивается практика при уголовно-правовой квалификации незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием информационно - телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») можно также назвать отсутствие четкого понимания характера и содержания действий, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, которые можно квалифицировать как приготовление к нему.

Так, действия по массовым рассылкам предложений о приобретении наркотиков органы предварительного расследования и суды квалифицируют по-разному - от приготовления к незаконному сбыту до склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ по ст. 230 УК РФ.

Неоднозначно на практике решается вопрос и об ответственности соисполнителей незаконного сбыта, когда один из исполнителей использовал средства связи для контакта с покупателем, а другие этого не делали. Также спорным будет вопрос, есть ли основание для квалификации действий сбытчика по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ при любом использовании средств связи в ходе осуществления незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ (например, если сбытчик звонил по телефону покупателю, чтобы договориться с ним о месте встречи для передачи ему наркотика).

Недостатком уголовно-правовой нормы также являются пробелы, содержащиеся в самой норме. Так, в предмет преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ не включены растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их части; объективная сторона диспозиции части 2 ст. 228.1 не предусматривает действий по пересылке, а также указание на признак незаконности сбыта, которые содержатся в части первой статьи 228.1 УК РФ.

Указанные недостатки являются актуальными и требующими разрешения. На многие из них неоднократно обращалось внимание ученых и практиков в трудах, затрагивающих рассматриваемую проблематику. Ряд проблем требует своего разрешения на законодательном уровне, а отдельные нуждаются в доктринальном разъяснении. Однозначно, требуют дополнений положения Постановления Пленума ВС РФ № 14. Квалификация рассматриваемых деяний должна стать единообразной, а сами разъяснения должны быть даны в понятной и доступной для правоприменителя форме, чтобы исключить пересмотры обвинительных приговоров по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ [4].

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: https://мвд.рф (дата обращения: 21.02.2023).
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. N 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами".
4. Курченко В.Н. Квалификация сбыта наркотиков с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовный процесс.- 2016.- № 7 (139).- С. 32-37.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ (ФИШИНГ)

Ибе Алёна Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Информационные технологии в последние годы получили широкое распространение. В связи с развитием компьютерных технологий стали развиваться и новые преступления в сети Интернет, которые ранее были неизвестны. Одним из таких преступлений является мошенничество в сети Интернет.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день мошенничество в сети Интернет является распространенным видом хищения, с которым сталкиваются пользователи социальных сетей и иных информационных сайтов.

Процесс цифровизации привел к массовому использованию Интернета по всему миру, его функции используются не только на благо людей, но и становятся средством использования персональных данных в корыстных целях.[4]

Согласно ст.159 УК РФ под мошенничеством следует понимать «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием».[1] Исходя из данного определения следует выделить два способа совершения хищения чужого имущества.

Первый способ – обман. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" под обманом следует понимать «сознательное сообщение (представление) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».[2]

Второй способ – злоупотребление доверием. «Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам».[2]

В науке выделяется множество способов мошенничества. Одним из самых распространённых и опасных является «фишинг».

Под фишингом следует понимать ««процесс получения конфиденциальных данных пользователя различными обманными путями».[4] В законодательстве РФ не существует определение данного понятия, поэтому сам по себе фишинг не имеет состава преступления, предусмотренного УК РФ. Фишинг выступает своего рода средством или инструментом для мошенника. Последствия совершения фишинга квалифицируются как мошенничество, в результате которого предусмотрена уголовная ответственность, по соответствующей статье УК РФ.

Разберем одни из самых распространенных принципов работы фишинга, которые заключаются в следующем. Злоумышленник создает поддельные сетевые ресурсы, которые внешне ничем не отличаются от подлинных интернет-страниц. Далее мошенники отправляют на электронную почту письмо от имени организации, с просьбой перейти по ссылки, что уточнить или подтвердить данные учётной записи. Для этого создаются фишинговые сайты, которые ничем не отличаются от оригинальных сайтов организации. Также не редко злоумышленники выдаются себя за сотрудников, представителей организации, сообщая клиенту о том, что необходимо ввести новые персональные данные или восстановить доступ к учётной записи, т.к. в их организации произошел сбой, в результате которого данные были утеряны. Система «Антифишинг» предотвратила 507 851 735 попыток перехода по фишинговым ссылкам.[5]

Ещё одним из принципов работы фишинга является так называемый «банковский фишинг».

Чаще всего злоумышленники предлагают различные выплаты от банков или просят подтвердить данные для входа в личный кабинет, якобы чтобы предотвратить взлом. А при переходе на сайт «банка» жертва вводит персональные данные, тем самым открывая преступникам доступ к конфиденциальным сведениям и возможностям с их помощью совершить противоправные действия.

Фишинг с каждым годом совершенствуется и выходит за рамки почтовых рассылок, поддельных интернет-страниц. Он довольно часто встречается теперь и в мессенджерах и социальных сетях. Например, у многих пользователей такой социальной сети как ВКонтакте, происходили ситуации, когда злоумышленники получают доступ к странице пользователя и путём обмана или злоупотребления доверием, пытаются заполучить определенную денежную сумму от других пользователей данной социальной сети.

Согласно отчёту МВД РФ «Состояние преступности России с января - декабрь 2022 года» зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 0,8% больше, чем за январь – декабрь 2021 года.[3]

В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,8% в январе - декабре 2021 года до 26,5%. Практически все такие преступления (98,7%) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,1%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (272,2 тыс.; -5,6%), почти три четверти (73,0%) совершается с использованием сети «Интернет» (381,1 тыс.; +8,4%), более трети (40,8%) – средств мобильной связи (213,0 тыс.; -2,1%).[3]

Исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что преступные деяния, совершенные в сети «Интернет» и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий являются актуальной проблемой.

При наличии определённых знаний и навыков у мошенников в данной сфере позволяет оставаться им анонимными. Отсутствие сведений о личности преступника является распространенной и неблагоприятной практикой при расследовании преступлений. Это говорит о том, что интернет-мошенничество является скрытым видом преступлений.

В УК РФ отсутствует ответственность за фишинг.

Как тогда следует квалифицировать данное деяние?

Согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» говорит о том, что в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге "мобильный банк", авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража [2]. То есть по смыслу этого пункта, злоумышленник, посредством фишинга (поддельного сайта) получает доступ к учетным данным собственника (потерпевшего) и его действия подпадают под ст. 158 УК РФ.

Также в данном Постановление указывается, что «если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть "Интернет" (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ». [2]

Исходя из этого может возникнуть некое внутреннее противоречие в толкование данных положений.

Ввиду значительного расширения видов и способов мошенничества, возникает необходимость дополнения УК РФ новыми статьями относительно новых видов мошенничества, в том числе и фишинга.

Данные нововведения облегчили бы работу правоохранительных органов по квалификации преступлений с новыми видами мошенничества.

Таким образом можно сделать вывод, что перед правоохранительными органами стоит серьезная задача по противодействию данным преступлениям, которая заключается в разработке, внедрении и дальнейшем совершенствовании тактических приемов и методов, повышением уровня специальных знаний сотрудников в области компьютерных технологий.

Так как в уголовном законодательстве РФ отсутствует понятие «фишинг» и его признаков, правоприменитель сталкивается с проблемами квалификации данного вида преступлений из-за отсутствия специального состава преступления, предусматривающего ответственность за фишинг и подпадания данной разновидности мошенничества под квалификацию ряда статей УК РФ, что говорит о необходимости выделения данного вида преступления в отдельную статью.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru / (дата обращения: 30.03.2023г).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате"// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru / (дата обращения: 30.03.2023г).
3. Сайт МВД РФ: Документы (Состояние преступности России за январь – декабрь 2022г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ / (дата обращения: 30.03.2023г).
4. Крюкова И.В. Фишинг как вид интернет-мошенничества / И.В. Крюкова // Финансовый университет при Правительстве РФ. Журнал: Наукосфера. — 2021. № 2(2). — С. 196–201
5. Могунова М. М. Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг) / М.М. Могунова // Саратовская государственная юридическая академия. Журнал: Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — №. 4. — С. 135–141.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК»

Кагаева Регина Николаевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

В последние годы в Российской Федерации прослеживается тенденция к снижению уровня общеуголовной преступности, однако отмечается рост её организованных форм и, как следствие, увеличение степени тяжести причиняемого вреда.

Одним из важнейших инструментов противодействия преступности является оперативно-розыскная деятельность, которая осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Оперативно-розыскные мероприятия, в свою очередь, выступают предмет регулирования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

В современных условиях о каждом человеке имеется значительное количество информации, зафиксированной в различных базах данных на разнообразных носителях (как правило, бумажных и электронных). Более того, современное законодательство обеспечивает различные уровни защиты такой информации. Так, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] в ст. 3 определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) и устанавливает условия их обработки (ст. 6). Предусмотрены и охраняются нормативными актами федерального уровня сведения, составляющие банковскую, коммерческую, налоговую, адвокатскую, нотариальную, врачебную тайну и пр.

Для успешной реализации основных задач ОРД оперативные подразделения должны обладать достаточным количеством оперативной информации, получаемой из различных источников. Одним из наиболее распространенных и эффективных способов получения необходимой информации является проведение такого ОРМ, как наведение справок. В связи с этим изучение проблемных вопросов организации, проведения и использования результатов наведения справок имеет большое теоретическое и практическое значение.

Разделяя все оперативно-розыскные мероприятия на: не требующие какого-либо санкционирования, требующие ведомственного санкционирования, требующие судебного санкционирования (решения) А.Н. Халиков включает наведение справок в первую группу [6, с.332]. Это связано с тем, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствуют ограничения на получение в процессе наведения справок информации конфиденциального характера. Действующее законодательство лишь устанавливает специальные режимы доступа к определенным сведениям, относящимся к частной жизни граждан, а также к сведениям, составляющим профессиональную тайну. В Законе об ОРД отсутствуют какие-либо ограничения на

получение в процессе наведения справок информации конфиденциального характера. В связи с наличием такого пробела существующая практика получения оперативными подразделениями конфиденциальной информации, как указывает А.В. Агарков, противоречит требованиям существующего законодательства, а полученные сведения впоследствии не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу [3, с.31].

Усложняет ситуацию также отсутствие в законодательстве легального содержания оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок». Решение указанных проблем требует от законодателя законодательного закрепления указанного оперативно-розыскного мероприятия, а также указания на то, что информация, в соответствии с законодательством составляющая сведения конфиденциального характера, предоставляется органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основании запроса, подписанного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Как отмечает Р.Р. Хусаинов, исходя из краткого анализа ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок, организацию и тактику осуществления ОРД, позволяет определить, что наведение справок представляет собой один из видов ОРМ, направленного на получение необходимой информации, имеющей значение для решения задач ОРД, посредством:

– направления запросов в различные органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, физическим лицам, которые по предположению сотрудников оперативных подразделений располагают или могут располагать необходимыми сведениями;

– прямого изучения и ознакомления с соответствующими материальными носителями информации, в том числе с помощью использования различных систем учетов, информационных систем и иных источников [7, с.90].

Наведение справок может осуществляться гласно и негласно. В последнем случае справки получают путем применения замаскированных методов и способов в связи с обстоятельствами конкретного дела.

Источниками сведений для наведения справок могут выступать сведения криминалистической регистрации, т.е. системы специального учета, находящиеся в правоохранительных органах (в основном в органах МВД РФ и органах внутренних дел субъектов РФ). В банках данных органов внутренних дел содержится обширная информация, необходимая для решения оперативно-розыскных задач.

По справедливому замечанию А.В. Агаркова, инициаторов проведения ОРМ «наведение справок» в основном интересует информация, составляющая персональные данные различного рода, доступ к которым закрыт на основании предписаний не Конституции Российской Федерации, а федерального законодательства [4, с.125].

Следующим существенным недостатком законодательства, регламентирующего порядок предоставления информации при наведении справок, выделяемым исследователями, в частности, А.В. Рясовым, выступает отсутствие конкретных сроков исполнения соответствующего требования физическими и юридическими лицами, что может существенно замедлить данный процесс [5, с.163]. В связи с этим считаем целесообразным дополнить ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положением о необходимости предоставления сведений в течение 10 дней с момента поступления официального запроса.

Таким образом, наведение справок представляет собой ОРМ, проводимое с целью получения необходимой информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц с целью выполнения основных задач, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации. Для повышения эффективности результатов наведения справок необходимо разработать порядок его проведения и направления соответствующих запросов. С этой целью считаем необходимым на законодательном уровне определить сроки предоставления информации компетентным органам, утвердить конкретные требования, предъявляемые к форме и содержанию запросов на получение информации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.
3. Агарков А. В. Проблемы правового регулирования осуществления оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» / А.В. Агарков // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – №. 4. – С. 31-34.
4. Агарков А. В. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в современных условиях / А.В. Агарков // Вестник Кузбасского института. – 2018. – №. 2 (35). – С. 121-127.
5. Рясов А. В. О проведении оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А.В. Рясов // Закон и право. – 2020. – №. 1. – С. 163-164.
6. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. – 332 с.
7. Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы оперативно-розыскного мероприятия-наведения справок / Р.Р. Хусаинов // Право: ретроспектива и перспектива. – 2022. – №. 3 (11). – С. 88-92.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Карбовский Константин Сергеевич, курсант 5 курса
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Асеев Александр Григорьевич - научный руководитель, доцент

Уголовно-процессуальный закон (ст. 6) [1] называет две основные задачи уголовного процесса. Так, с одной стороны это защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, с другой – это защита гражданина от незаконных или необоснованных действий и бездействий субъектов предварительного расследования.

Между тем, зачастую в рамках уголовного судопроизводства подлежит реализации задача по обеспечению личной безопасности лица в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. Необходимо понимать, что от реализации такой задачи напрямую может зависеть правильное и справедливое разрешение уголовного дела. Так, например, свидетель может не дать правдивые показания, изобличающие обвиняемых, ввиду обоснованных опасений за свою жизнь и жизнь своих родственников. При таких обстоятельствах, виновный не понесёт установленную законом ответственность и, напротив, не виновный будет наказан, что не может быть обосновано ни при каких обстоятельствах!

В связи с чем, УПК РФ [1] и иные нормативные правовые акты, предусматривают меры по обеспечению личной безопасности граждан, участников уголовного судопроизводства, а также заявителя, очевидца или жертвы преступления и иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления. Кроме того, меры правовой защиты применяются в отношении родственников и близких лиц указанных выше граждан.

Меры по обеспечению личной безопасности применяются с целью недопущения противоправного воздействия на защищаемых лиц со стороны подозреваемого, обвиняемого, его подельников и (или) иных лиц, заинтересованных в том или ином разрешении уголовного дела.

Основанием для применения рассматриваемых мер являются сведения о наличии реальной угрозы безопасности гражданина или уничтожения его имущества.

В качестве мер государственной защиты ст. 11 УПК РФ называет:

1) недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ);

2) использование в протоколе следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) условных данных о личности потерпевшего (псевдонима), его представителя, свидетеля и их родственников, а также допрос указанных лиц в судебном заседании в отсутствие их прямого наблюдения (ч. 1 ст. 277 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

3) исключение визуального наблюдения, опознающего опознаваемым при предъявлении для опознания (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

4) контроль и запись телефонных переговоров защищаемых лиц (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

5) проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ) [1].

Профильным нормативным правовым актом, регламентирующим государственную защиту лиц, вовлечённых в уголовный процесс, является Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ). В качестве субъектов, уполномоченных принимать решение о применении соответствующих мер защиты закон называет суд (судью), начальника органа дознания и руководителя следственного органа, которые проводят проверку сообщения о преступлении или в производстве которых находится уголовное дело. По общему правилу исполнение указанных решений осуществляют органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности и таможенные органы. Кроме того, меры безопасности осуществляются военной полицией Вооружённых Сил Российской Федерации, командованием воинских частей, учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Закон № 119-ФЗ устанавливает широкий перечень мер безопасности, от личной охраны до изменения внешности.

Вопросы обеспечения безопасности судьи, следователя и дознавателя регулирует Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Основания применения мер безопасности и их виды аналогичны указанным в Законе № 119-ФЗ.

Таким образом, действующее нормативное правовое регулирование формально позволяет обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, в процессе реализации деятельности по обеспечению безопасности защищаемых лиц, возникают ряд проблем.

Во-первых, уголовно-процессуальный закон (ст. 141 УПК РФ) [1] предписывает раскрывать подлинные данные о личности заявителя о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Так, согласно требованиям ч.ч. 2 и 3 ст. 141 УПК РФ [1] заявитель лично подписывает заявление о преступлении, а в протокол заносятся сведения о заявителе и его паспорте. Поскольку угроза безопасности заявителя может

возникнуть до подачи им заявления о преступлении, отсутствие правового механизма по обеспечению его личной безопасности (указанным способом) авторы полагают необоснованным.

Во-вторых, по мнению авторов, в рамках применения мер безопасности, связанных с сохранением в тайне данных о защищаемом лице, последний должен указываться под псевдонимном не со дня принятия решения о его защите, а с момента возникновения повода к возбуждению уголовного дела. Никто, кроме лица, в производстве которого находится уголовное дело, его процессуального начальника, прокурора и суда, не должен иметь доступа к документам, в том числе оформленным до принятия решения о применении мер безопасности, содержащим истинные данные о защищаемом лице. Схожую точку зрения имеет С. Зуев [2]. Один из вариантов – помещать такие документы в опечатанный следователем или дознавателем конверт.

В-третьих, по мнению авторов, нахождение конверта с постановлением следователя или дознавателя о присвоении псевдонима защищаемому лицу, в материалах уголовного дела, не ограждает от возможности ознакомления с ним иных лиц. Так, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела защитник или обвиняемый могут вскрыть конверт и ознакомиться с его содержимым, физических препятствий для такого действия нет.

Подобное возможно также после направления уголовного дела в суд. Так, помощник судьи, секретарь судебного заседания, иные аппаратные работники суда (отдела по обеспечению уголовного судопроизводства) могут ознакомиться с содержимым конверта.

В связи с чем, в целях обеспечения сохранности подлинных данных защищаемого лица, авторы полагают необходимым хранение такого конверта по правилам секретного делопроизводства в соответствующем режимной подразделении органа предварительного расследования, прокуратуры или суда. По мнению авторов, такой порядок обеспечит сохранность защищаемых сведений. Так, хранение документов (материалов) обеспечения оперативно-розыскной деятельности по правилам секретного делопроизводства доказало свою надёжность и обеспечение сохранности в течении длительного периода.

В-четвёртых, авторы, соглашаясь с позицией В.В. Трухачева [3], полагают необходимым в качестве меры безопасности защищаемого лица предъявлять ему для опознания лицо по фотографии.

Таким образом, означенные в статье правовые пробелы, по мнению авторов, подлежат устранению законодателем, поскольку отсутствие надёжности сохранности данных о защищаемых лицах в рассмотренной части, порождает у таких лиц неуверенность в эффективности их защиты, что, в свою очередь, может привести к даче ими необъективных (неправдивых, ложных) показаний, не опознанию преступника (при предъявлении для опознания) и другим действиям, вызванных опасениями (страхом). Наоборот, защищаемое лица, чувствующее себя в безопасности, даст правдивые (объективные) показания и опознает преступника, а также будет добросовестно исполнять свои процессуальные обязанности при производстве иных процессуальных действий, что будет способствовать правильному, своевременному и справедливому разрешению уголовного дела.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
2. Зуев С. Защита свидетелей на стадии предварительного расследования // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 84-86.
3. Трухачев В.В. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник воронежского государственного университета. Серия: право. – 2013. – № 1. – С. 278-288.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО

Карловская Анна Викторовна , 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Анализируя содержание совершенного лицом деяния и квалификации его в соответствии с ч. 4 ст. 111 УК РФ возникают многочисленные вопросы, прежде всего, в отношении возможности применения именно данной нормы, причем «значительное число ошибок в судебной практике связано с отграничением данного преступления от убийства» [1].

По мнению Г.Н. Борзенкова, наличие двух последствий разного рода (умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и неосторожного причинения смерти) «характеризует данное преступление как двуобъектное. Объектами его являются здоровье и жизнь» [2]. Очевидно, из всех деяний, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, непосредственно посягает сразу и на здоровье, и на жизнь человека только умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, которое «по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния» [3]. При конкретизированном умысле на причинение таких последствий лицо осознает, предвидит и при прямом умысле желает наступления угрозы для жизни человека и приведения в действие привходящих сил

(причиняющих опасный для жизни тяжкий вред здоровью и смерть человека), а при косвенном умысле не желает, но сознательно это допускает или относится к этому безразлично.

По каким элементам состава можно провести их разграничение? Сделать это по объекту невозможно в силу двухобъектности преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. По объективной стороне разграничить их также не удастся. Одними и теми же действиями можно совершить и то, и другое преступление. Последствие (конечный результат - смерть потерпевшего) также при этом совпадает. И причинная связь между действием и последствием в виде смерти должна быть установлена обязательно. И даже промежуток времени между нанесением ранения и наступлением смерти не имеет самостоятельного значения для разграничения рассматриваемых составов.

В теории уголовного права вокруг данной проблемы всегда существовали научные споры, в которых принимали участие видные российские ученые.

Например, Б. Кузнецов, В. Орехов предлагали опасность повреждений (а значит и направленность умысла) определять на основании характера используемого орудия, средств, способов действия преступника и области расположения повреждений [4, с. 45]. По их мнению, если средство, орудие, способ, применяемое для нанесения вреда здоровью, не характерны для нанесения вреда здоровью или причинения смерти, то речи не может идти об умысле на причинение вреда здоровью, а, тем более, - смерти.

А. Д. Середа высказывался за то, чтобы опасность повреждения определять объективно по признаку объективной опасности для жизни, а основным критерием отграничения умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства считать психическое отношение виновного к последствиям своих действий. Действия виновного, по его мнению, могут быть квалифицированы как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности, если виновный действовал с прямым конкретизированным умыслом на причинение тяжких телесных повреждений. Если же умысел был не конкретизирован, то деяние следует квалифицировать как убийство [5, с. 6-10].

А. П. Филиппов высказывался за то, чтобы вообще упразднить статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть, место этого состава - в преступлениях против жизни, так как основным его объектом является жизнь человека [6, с. 20-21].

Показывая возможные сочетания форм и видов вины в отношении тяжкого вреда здоровью и смерти в рамках этого деяния, Р. Адельханян пишет: «Двойная форма вины в рассматриваемом преступлении может проявиться в одном из четырех сочетаний:

1) прямой умысел - преступное легкомыслие;

2) прямой умысел - преступная небрежность;

3) косвенный умысел - преступное легкомыслие;

4) косвенный умысел - преступная небрежность» [7, с. 4].

На мой взгляд, конструкция ч.4 ст. 111 УК РФ является внутренне противоречивой. Умысел на причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности его для жизни потерпевшего в момент причинения означает, что виновный в момент совершения преступления осознавал такую опасность.

В то же время, при наличии такого сознания, не разумно утверждать, что на причинение смерти вина должна выражаться в форме неосторожности (в виде небрежности). Если виновный осознаёт, что нанесенное им телесное повреждение предоставляет опасность для жизни потерпевшего, логически следует, что он предвидел возможность причинения смерти.

При наличии предвидения общественно опасных последствий, небрежности, как разновидности неосторожной формы вины, быть не может.

По моему мнению, законодатель должен исключить из ст.111 УК РФ часть 4, и во всех случаях умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, квалифицировать содеянное как убийство.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 5-е изд., доп. и испр. М., 2008. С. 325.
2. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 192.
3. Приложение к Приказу Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194н «Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», с изм. и доп. от 18.01.2012. П. 6.1.
4. Кузнецов Б., Орехов В. Уточнить понятие тяжести телесных повреждений // Советская юстиция, 1958. № 1. С. 45.
5. Середа А. Д. Уголовно-правовая борьба с тяжкими телесными повреждениями. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Киев, 1969. С. 6-10.
6. Филиппов А. П. Борьба с умышленными телесными повреждениями по советскому уголовному праву. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Л., 1964. С. 20-21.
7. Адельханян Р. Субъективная сторона особо тяжкого преступления против здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовное право, 2000. № 1. С. 4.

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Карловская Анна Викторовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Прокурорский надзор на оперативно-розыскной деятельностью осуществляется с цель обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства путем выявления своевременного устранения любых нарушений закона и привлечения к ответственности виновных и осуществляется от имени государства

Под прокурорским надзором принято понимать деятельность прокуратуры, направленную на проверку исполнения законов и подзаконных нормативных правовых актов государственными и негосударственными органами [5].

Таким образом, можно выделить следующие признаки надзора прокуратуры:

1. прокурорский надзор является видом государственной деятельности;
2. прокурорский надзор осуществляется специально уполномоченным органом государства – прокуратурой;
3. надзор прокуратуры отличается своей исключительностью, поскольку не может осуществляться иными государственными и негосударственными органами (ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2];
4. должностные лица прокуратуры осуществляют свои полномочия путем проверки исполнения законов.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» прокурорский надзор за исполнением указанного Федерального закона осуществляют Генеральный прокурор и Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры [1].

Проверочные мероприятия, осуществляемые прокуратурой по фактам нарушения закона, предполагают рассмотрение фактических обстоятельств: конкретных юридически значимых действий или бездействия и принятых решений участников правоотношений на предмет их соответствия критерию законности (соответствию их с нормативными требованиями).

Наибольший интерес вызывают проблемы, связанные с прикладной спецификой осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, поскольку они позволяют выявить ошибки теории и недостатки правового регулирования.

На сегодняшний день исследователи выделяют целый ряд проблем, возникающих при осуществлении прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью [3].

Отдельное внимание необходимо уделить двум из них.

Первая адресуется научному сообществу, поскольку на сегодняшний день, начиная с 1992 года, все ещё наблюдается неудовлетворенность процесса надзора как со стороны работников прокуратуры, так и оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Во-первых, процесс организации прокурорского надзора характеризуется ведомственным подходом, что требует от исследователей и практиков скорейшей разработки на основе углубленного изучения и анализа накопленного опыта типовой модели организации прокурорского надзора за ОРД, отвечающей современным реалиям.

Во-вторых, законодательная база, регулирующая прокурорский надзор за ОРД, требует пересмотра: полномочия прокурора по надзору за ОРД устанавливаются приказами Генерального прокурора РФ, что не является совсем верным решением в условиях федерализма и действующего принципа разделения властей в рамках правового государства. Наиболее предпочтительным выступает такой вариант, когда полномочия закрепляются в законодательном акте. Для этого предлагается внести дополнительные статьи как в ФЗ об ОРД, так и в ФЗ о прокуратуре. Соответствующий законопроект необходимо подготовить указанный законопроект не внутри какого-либо одного ведомства, а с помощью межведомственной комиссии.

Как нам представляется, одним из направлений совершенствования организации прокурорского надзора за ОРД должно оставаться использование возможностей цифровых технологий, понимаемых нами как дискретная система, которая базируется на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени.

К числу иных проблем, обладающих не меньшей значимостью, следует отнести:

1. По справедливому замечанию Е.В. Новика, на сегодняшний день отсутствует единая система осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью в масштабах страны, что приводит прокуроров на местах к невозможности установления критериев оценки оперативно-розыскной работы в условиях отсутствия обобщения положительной практики, материалов работы коллег из других регионов и методических рекомендаций, основанных не только на собственных пробах и ошибках, но и централизованно обработанной информации. Именно централизация и системность позволит оперативно внедрять положительный опыт осуществления исследуемого вида прокурорского надзора. Попытки разработки и использования таких методических

рекомендаций неоднократно предпринимались, однако до настоящего времени единых методических указаний, рекомендованных Генеральной прокуратурой РФ по данному виду надзора, не было принято. Более того, научные изыскания в этой области прокурорской деятельности носят единичный характер [4].

2. На практике отсутствуют четкие критерии оценки деятельности прокуроров, уполномоченных на осуществление надзора за исполнением законодательства об ОРД. Открытым остается вопрос предмета и пределов прокурорского надзора в данной сфере. Неоднозначное отношение вызывает вменение в обязанность уполномоченных прокуроров способствовать деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений вызвано опасением дезориентации прокуроров от задач по надзору за соблюдением законов к сугубо ведомственным задачам, при решении которых сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, иногда умышленно, допускаются нарушения законодательства с целью достижения требуемых показателей раскрываемости преступлений. В этом случае важно, чтобы прокурор остался на стороне закона, не опасаясь наказания за низкие показатели работы поднадзорных ведомств. Отсюда критерий оценки деятельности прокуроров, уполномоченных на осуществление надзора за исполнением законодательства об оперативно-розыскной деятельности, нельзя формально отождествлять с показателями раскрываемости преступлений, поскольку прямо пропорциональной зависимости между надзорными проверками и раскрытыми преступлениями либо разысканными лицами нет.

3. Отсутствие достаточно полных и подробно регламентированных полномочий прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законодательства об ОРД. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об оперативно-розыскной деятельности был бы гораздо более эффективным, если бы прокурор был наделен большим объемом законодательно установленных полномочий при осуществлении данного надзора. К сожалению, в рассматриваемой сфере он не наделен правом самостоятельной отмены незаконных и необоснованных решений органов, осуществляющих ОРД.

4. Ограниченность актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законодательства об ОРД и их низкая эффективность.

По нашему мнению, это правильно, и в связи с изложенным хотелось бы отметить, что прокурорский надзор за законностью при осуществлении ОРД имеет существенные проблемы в вопросах организации и осуществления данной деятельности, что может служить основанием для придания ему статуса самостоятельной отрасли надзора.

Поэтому в целях повышения эффективности в указанной сфере надзора, прокурорам необходимо поддерживать деловое сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД, разработать и согласовать тактику проведения совместных мероприятий, направленных на предупреждение нарушений закона. Отдельное внимание необходимо уделить комплексному реформированию отечественного законодательства, регулирующего прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью с учетом вышеназванных проблем её осуществления.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской ФЕдерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
3. Иванов П. И. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, сущность и содержание) // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – №. 1. – С. 33-40.
4. Новик Е. В. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – №. 32. – С. 537-545.
5. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. В. Богданов, В. В. Бычков, В. Н. Данилкин [и др.] ; под ред. В. П. Кувалдина, И. А. Климова, Л. Л. Тузова. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. - 439 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Карманова Кристина Юрьевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович – научный руководитель, старший преподаватель

Институт условно – досрочного освобождения является комплексным и регламентируется нормами различных отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. В уголовно-правовых нормах предусмотрены основания и условия применения условно - досрочного освобождения, а также виды наказаний, от отбывания которых возможно такое освобождение. В нормах уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права - порядок такого освобождения.

Условно-досрочное освобождение является самым распространённым видом досрочного освобождения от отбывания наказания. Часть 1 ст. 79 УК РФ регламентирует условно-досрочное освобождение следующим образом: «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причинённый преступлением…».

Большинство авторов определяют правовую природу условно-досрочного освобождения в качестве одного из видов освобождения от наказания, как это и следует из уголовного законодательства, поскольку ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» входит в главу 12 «Освобождение от наказания». Такой позиции придерживаются О.В. Макарова[1], Радченко О.В. [2] и другие учёные.

Основания условно-досрочного освобождения подразделяются на формальные и материальные.

Первым формальным основанием выступает установленный законом вид наказания, при отбытии которого может применяться условно-досрочное освобождение. В соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ условно-досрочное освобождение применяется только к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, принудительных работ и в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Вторым формальным основанием для применения условно-досрочного освобождения является фактическое отбытие осужденным определенной части наказания. Продолжительность необходимой к отбытию части срока наказания зависит от категории и характера совершённого преступления, за которое лицо отбывает наказание (ч. 3 ст. 79 УК РФ).

Согласно уголовному закону, условно-досрочное освобождение может быть применено лишь после фактического отбытия осужденным не менее одной трети срока наказания, если он совершил преступление небольшой или средней тяжести; не менее одной второй - в случае совершения тяжкого преступления; не менее двух третей – при совершении особо тяжкого преступления; не менее трёх четвертей - при совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, преступлений террористического характера, либо тяжких или особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; и не менее 4/5 – при совершении преступления против половой неприкосновенности малолетних.

В мае 2014 г. ст. 79 УК РФ была дополнена ещё одним основанием, необходимым для применения условно-досрочного освобождения – возмещение ущерба, который был причинен в результате совершения преступления.

Материальным основанием, согласно закону, является признание судом того факта, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Подобная формулировка является нечеткой и противоречивой. Буквальное толкование законодательной формулировки позволяет сделать вывод, что условно-досрочному освобождению может подлежать осуждённый, который ещё не исправился.

В настоящее время ч. 5 ст. 79 УК РФ содержит единственный запрет на применение УДО - в отношении лиц, совершивших в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление.

Говоря об условиях применения условно-досрочного освобождения, имеются в виду требования, предъявляемые к поведению лица, после его освобождения.

В качестве первого условия уголовный закон указывает на необходимость соблюдения определённых обязанностей, которые могут быть наложены судом на досрочно освобождённое лицо.

Согласно части 2 ст. 79 УК РФ, в качестве обязанностей могут выступать те же самые обязанности, которые суд возлагает на условно осуждённое лицо.

Злостное уклонение от наложенных судом обязанностей может явиться основанием для отмены условно - досрочного освобождения.

Пункт 23 Постановления № 8 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» от 21.04. 2009г. предусматривает: «Под злостным уклонением от выполнения обязанностей,

возложенных судом на осужденного, предусмотренным пунктом «а» части 7 статьи 79 УК РФ, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения. Вместе с тем вопрос о том, является ли уклонение от выполнения возложенных судом на осужденного обязанностей злостным, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его продолжительности и причин уклонения, а также других обстоятельств дела»[3].

В качестве второго условия условно - досрочного освобождения уголовный закон указывает на недопустимость совершения условно-досрочно освобождённым лицом нарушения общественного порядка, за которое на него было бы наложено административное взыскание.

В уголовно-правовой норме, предусмотренной п. «а» ч.7 ст. 79 УК РФ предусмотрено: «Если в течение не отбытой части наказания условно-досрочно освобожденный совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, суд может по представлению органа, осуществляющего надзор за условно-досрочно освобожденным, отменить условно-досрочное освобождение, в связи с чем не отбытая часть срока наказания подлежит реальному исполнению».

В качестве третьего условия условно - досрочного освобождения уголовный закон указывает на недопустимость совершения условно-досрочно освобождённым лицом нового преступления. В тех случаях, когда условно-досрочно освобожденный во время испытательного срока совершает неосторожное преступление, либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, в соответствии с п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, суд решает вопрос отменять или не отменять условно-досрочное освобождение. Если условно-досрочно освобожденный во время испытательного срока совершает тяжкое или особо тяжкое преступление, суд обязан отменить условно-досрочное освобождение, назначить наказание за новое преступление и присоединить к нему не отбытый срок.

Закон предусматривает контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, в том числе и за выполнением возложенных на него судом обязанностей. Контроль возлагается на уполномоченный специализированный государственный орган, а в отношении военнослужащих - на командование воинских частей и учреждений.

Вместе с тем, следует заметить, что в уголовном законе не конкретизирован специализированный государственный орган, на который возложен контроль за условно-досрочно освобождёнными, а в юридической литературе нет единства мнения по данному вопросу. Одни учёные в качестве такового органа видят Федеральную службу исполнения наказания (ФСИН), другие – МВД России, третьи – говорят о необходимости создания специальной службы – службы пробации.

На практике, контроль за поведением лиц, освобожденных условно – досрочно, осуществляет уголовно – исполнительная инспекция ФСИН, а также могут привлекаться участковые инспектора полиции по месту проживания осужденного.

Список литературы

1. Макарова О.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права.- 2014.- № 10.- С. 73.
2. Радченко О.В. Некоторые аспекты применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российская юстиция. – 2015. - № 2.- С. 28.
3. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Пост. Пленума Верховного Суда РФ от 21.04. 2009г. № 8 (ред. от 28.10.2021г) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009 . - № 7.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОРГАНАМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Киприн Александр Сергеевич, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна– научный руководитель, старший преподаватель

В настоящее время в Российской Федерации наблюдаются низкие результаты раскрываемости преступлений: практически каждое второе преступление остается нераскрытым.

В целях борьбы с преступностью законодательство нашей страны предусматривает целый ряд специальных средств и методов, отличающихся своей высокой эффективностью.

Так, для раскрытия преступлений Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 17 закрепляет институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Так, «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту» [2].

Социальная и правовая защита таких граждан предполагает и возлагает на государство обязанность принимать необходимые меры по предотвращению противоправных действий против них, включая привлечение к юридической ответственности виновных в таких действиях [5].

Институт защиты лиц, содействующих оперативно-розыскным органам (конфидентов), закрепляется в ст. 18 Федерального закона «Об ОРД» и предполагает:

1. Защиту сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с обеспечением безопасности её участников при выполнении обязанностей содействия и сотрудничества таким органам;
2. Гарантированные государством особые трудовые, пенсионные и иные социальные права, предоставляемые лицам, содействующим (сотрудничающим) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Следует помнить, что конфидент, реализуя свои функции, постоянно сталкивается с опасностью разоблачения, риском получить пулю или удар ножом, возможностью быть вовлечённым в преступную деятельность и понести за это уголовное наказание, а также другими негативными обстоятельствами. Как верно отмечает Яковец Е.Н., постоянная работа в условиях стресса накладывает на психику и физиологическое функционирование организма человека неизгладимый след: появляются беспокойство, страх; нередко наступает расстройство психического здоровья, желудочно-кишечного тракта (боль, кровотечения, язва и др.). У некоторых индивидуумов тайный характер работы, постоянная боязнь расшифровки способствуют возникновению чрезвычайной подозрительности, враждебности, страха и беспокойства [7].

К основным формам защиты лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, относят:

1. правовую защиту;
2. социальную защиту.

Непосредственно защитными мерами выступают: компенсации в виде денежных выплат; обеспечение безопасности конфиденциальных сотрудников и их семей; пенсионное обеспечение лиц, сотрудничающих по контракту; освобождение негласного сотрудника от уголовной ответственности.

Для предоставления защиты любой формы необходимо соблюсти следующие условия:

1) осуществлять содействие органам оперативно-розыскной деятельности на контрактной основе;
2) дает только правдивые показания, которые могут быть полезны в раскрытии преступления и добросовестно выполняет возложенные на него обязанности;
3) может или непосредственно подвергается реальной угрозе со стороны представителей преступного сообщества [4].

Социальная и правовая защита исследуемой категории граждан возлагается на государство в полном объеме, т.е. государство обязуется воспрепятствовать совершению противоправных действий в отношении указанных лиц, предпринимая все необходимые для этого меры, а также осуществлять поиск виновных в подобных действиях для дальнейшего привлечения их к установленной законом ответственности.

На сегодняшний день остро стоящим проблемным вопросом остается обеспечение содействующим лицам иммунитета от уголовной ответственности за действия, которые они совершают, добывая информацию для изобличения преступников [3].

Как известно, в такой ситуации согласно ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлечённое к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесённый ущерб или иным образом загладившее причинённый вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Тем не менее, указанная бланкетная норма обладает лишь декларативным характером даже в совокупности с положениями Уголовного кодекса РФ. К примеру, если речь идет об освобождении от уголовной ответственности по ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо не может быть освобождено в связи с деятельным раскаянием, если:

1) совершенное в группе преступление относится к категории тяжких или особо тяжких (групповые преступления в большинстве своем относятся к указанным категориям);
2) факт привлечения сотрудничества может повлечь исключение явки с повинной, если лицом не было сделано добровольного заявления о совершенном преступлении, а дача согласие на сотрудничество была обусловлена определенным принуждением или давлением улик;
3) у привлекаемого к сотрудничеству лица имеется непогашенная или неснятая судимость [1].

Наряду с этим, исследователями, например С.А. Чумаровым, выделяется ещё одна проблема – отсутствие качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам, а также критериев правомерного выполнения общественного долга содействующим лицом [6].

Законодателю необходимо сформировать правовой институт вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении ОРД. УК РФ может быть дополнен нормой, предусматривающей новое обстоятельство, исключающее преступность деяния – причинение вреда

правоохраняемым интересам сотрудником оперативного подразделения или лицом, оказывающим содействие правоохранительным органам, внедрёнными в преступную группу в рамках проведения ОРМ оперативное внедрение, с целью скрыть свою принадлежность к правоохранительным органам, а также приобрести доверие участников данной преступной группы. Основным параметром качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам, следует считать возможность совершения преступлений небольшой и средней тяжести, не посягающих на жизнь и здоровье человека.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // . – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Давыдов С. И. Правовое обеспечение защиты лиц, содействующих оперативно-розыскным органам в борьбе с преступностью: международные стандарты и российская практика // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности. – 2021. – С. 29-33.
4. Лаврентьева А. А., Сальникова Я. Ю. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы. – 2019. – С. 207-210.
5. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: Учебное пособие / Халиков А.Н., - 3-е изд. - Москва :ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2019. - 281 с.
6. Чумаров С. А. О проблеме обеспечения прав гражданина, привлекаемого к содействию при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе. – 2019. – С. 70-74.
7. Яковец Е. Н. О совершенствовании правового статуса и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам // Эпомен. – 2020. – №. 46. – С. 364-385.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Кирячкова Елизавета Дмитриевна, Медведева Вероника Денисовна, 3 курс, Юриспруденция,
Саратовская государственная юридическая академия
Уманец Вера Сергеевна – научный руководитель, старший преподаватель

Преступления против свободы человека являются грубейшим нарушением прав как на национальном, так и на международном уровнях. Ряд международных актов запрещает использование рабского труда и торговлю людьми, среди которых Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами и многие другие.

В понимании современного общества права и свободы человека – это высшая ценность, в свою очередь торговля людьми – одно из опасных преступлений на международном уровне, которое посягает на эти ценности. Вопреки устоявшемуся стереотипу о том, что торговля людьми является пережитком прошлого, данный вид преступления не исчез, более того, способы совершения данного преступления с каждым годом совершенствуются с учетом мировой реальности. К таким способам можно отнести: приобретение денежных средств и иных материальных ценностей (средств производства), обеспечивающих функционирование преступной группы; определение сферы деятельности преступной группы, ее специализации, состава участников и их полномочий и др. Именно поэтому торговля людьми является преступлением, которому стоит уделять особое внимание.

Правильная квалификация деяния в наше время имеет очень важное значение. Рассматривая состав преступления, предусмотренный ст. 127.1 УК РФ, стоит обратить внимание на сложность квалификации, так как формы и методы совершения данного преступления многообразны. Правоприменитель порой не в полном объеме исследует все обстоятельства совершенного деяния. Торговля людьми часто ставит под угрозу жизнь и здоровье людей, сопровождается физическим насилием, пытками, угрозами и принуждением. Как правило она связана с несоблюдением трудового и миграционного законодательств. В цивилизованном обществе минимизация торговли людьми должна решаться в совокупности с глобальными проблемами.

Стоит отметить, что определение понятия «торговля людьми» в УК РФ во многом совпадает с международным пониманием данного термина. В сентябре 2004 года Россия ратифицировала Палермский Протокол, поэтому формулировка рассматриваемого нами понятия применяется на ровне с национальным правом. Торговля людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное

состояние или извлечение органов (ст. 3а Протокола ООН «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»). Следует добавить, что нормы данного Протокола не имеют прямого действия по отношению к уголовному праву в РФ, поэтому общепринятым определением считается то, которое закреплено в УК РФ.

Обращаясь к анализу количества преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ, мы приходим к выводу, что их число мало. Данные, на которые мы опираемся отражают лишь видимую сторону ситуации с торговлей людьми, в то время как подлинные цифры могут быть гораздо выше. За преступление, предусмотренное статьей 127.1 УК РФ в РФ в 2018 г. осуждено 18 человек, в 2019 г. – 16 человек, 2020 г. – 16 человек, 2021 г. – 16 человек [1]. Незначительное число регистрируемых преступлений, предусмотренных статьей 127.1 УК РФ, не позволяет дать объективную оценку масштабам торговли людьми в России, а также способствует обманчивой видимости благополучия при оценке состояния преступности в данной сфере.

По экспертным оценкам, латентность рассматриваемых преступлений составляет более 90%. Сравнительно высокий уровень латентности рассматриваемого нами преступления является сложность в квалификации состава и определение всех признаков.

Факторы, обуславливающие возникновение преступности в рассматриваемой нами области различны, и часто являются результатом целого комплекса проблем, которые лежат в плоскости практически всех сфер жизни общества. Особенно выделим детерминанты правового и политического характера для изучения их влияния на торговлю людьми.

Среди правовых факторов можно назвать следующие: малоэффективность законодательства, в области борьбы с торговлей людьми. Борьбе с торговлей людьми препятствует несовершенство национального права в данной области, в частности, отсутствие специального комплексного закона, направленного на противодействие торговле людьми; недостаточный уровень международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми. В данном направление можно выделить следующие международные нормативные акты, не подписанные или не ратифицированные РФ: Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами от 25.03.2015 г.; Статут Международного Уголовного Суда 1998г.; Рамочное решение о борьбе с торговлей людьми 2002 г.; Конвенция Совета Европы по противодействию торговле людьми 2005г. Данная позиция России вызвана не согласием с некоторыми положениями данных актов, например, Рамочное решение о борьбе с торговлей людьми 2002 г. предусматривает меры, направленные на обеспечение сближения уголовного права государств-членов ЕС относительно определения преступления, наказания, юрисдикции и преследования, защиты и помощи жертвам.

К политическим факторам, обуславливающим распространение в России торговли людьми, необходимо отнести: политическая интеграция и политика открытых границ; наличие дестабилизирующих факторов внутри страны, таких как вооружённые конфликты; недостаток политической ответственности и заинтересованности в решении проблемы торговли людьми.

Для более полного анализа выбранной нами темы следует обратить особое внимание на то, какими способами совершается торговля людьми. Способ, лежащий на поверхности, на наш взгляд, является продажа родителями своих детей, причиной данного явления могут служить разные факторы, среди которых сложное материальное положение, нежелание иметь ребенка, а также такое психическое расстройство как послеродовая депрессия, характерная для матери ребенка. Отличительной чертой данного способа выступает то, что преступление совершается как правило в одиночку, либо с использованием помощи родственников.

При анализе нами судебной практики, мы обратили внимание на закономерность в вынесенных решениях. Так примерно 50%, рассмотренных нами судебных решений, содержат обвинение граждан в торговле несовершеннолетними, при этом наказание варьируется от двух лет лишения свободы до девяти лет лишения свободы.

Среди же целей торговли можно выделить следующие: сексуальная эксплуатация жертв; принудительный труд; изъятие органов. Однако это не весь список целей торговли людьми и стоит отметить, что такой перечень не будет является исчерпывающим, поскольку преступления, связанные с торговлей людьми, отличаются динамикой развития.

Как уже было сказано нами одной из целей торговли людьми служит изъятие органов. «Торговля человеческими органами означает любую незаконную деятельность в отношении человеческих органов, указанную в параграфе 1 статьи 4 и статьях 5, 7, 8 и 9 настоящей конвенции» [2] - отмечено в статье 2 Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами ETS N 216. Также в статье 10 Модельного закона «О противодействии торговле людьми», отмечается, что незаконное изъятие органов и (или) тканей человека относится к преступлению, связанному с торговлей людьми, что говорит о неразрывной связи этих преступлений [3]. Специфика в этом случае связана с субъектным составом, поскольку сам процесс изъятия органов — это очень сложная и кропотливая работа, которую может осуществлять только квалифицированный врач. Следовательно, среди торговцев выступают не только обычные преступники, но и врачи, что свидетельствует о наличии преступной организации. «За последние 13 лет Управление ООН по наркотикам и преступности получило информацию из 25 стран о 700 жертвах торговли людьми в целях изъятия органов. От других форм трафика пострадали 225 тысяч человек» [4], - говорится в Глобальном докладе УНП ООН о торговле людьми за 2022 год. Косвенно можно сделать вывод, что извлечение органов первоочерёдно связано с недостатком донорских органов для пересадки.

Современные достижения медицинской науки и активное вмешательство медиков в жизнедеятельность человеческого организма нуждаются в правовом регулировании и исследовании как юристами, так и медиками. На так называемом «черном рынке» человеческих органов в обороте находятся внушительные финансовые средства. Именно этот фактор способствует совершению значительного числа преступлений, связанных с торговлей человеческими органов.

Многообразие способов и целей торговли, ее высокая латентность, недостаток официальной статистики и фрагментарный характер исследований различных организаций не позволяют в настоящее время составить четкую аналитическую картину в данной области. Не позволяет это также сделать и постоянная «эволюция» представленного преступления, поскольку за новыми достижениями следует новые цели, способы и методы торговли людьми. Нами могут быть выделены следующие меры, направленные на предупреждение данных преступлений: создание специализированного центра или ведомства, который будет осуществлять координацию и контроль за состоянием преступности, связанной с торговлей людьми; также органам власти в РФ следует создать план, в котором будет четко определены действия, направленные на предупреждение и минимизацию преступлений в рассматриваемой нами области; наладить контакт с жертвами торговли с целью выявления преступников.

Список литературы

1. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 12.03.2023).
2. Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами ETS N 216 [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/71221344/ (дата обращения: 12.03.2023).
3. О противодействии торговле людьми. Модель от 03 апреля 2008 [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902124613 (дата обращения: 11.03.2023).
4. Торговля людьми [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/glotip.html (дата обращения: 11.03.2023).

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИСТЯЗАНИЯ (СТ. 117 УК РФ)

Киселева Ольга Владимировна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

В уголовном праве существует достаточно специфическая норма закона – ст. 117 УК РФ (истязание) [1]. Уголовные дела по данной статье возбуждаются достаточно редко, несмотря на то, что она является преступлением публичного уголовного преследования. Уголовно-правовой состав истязания напрямую связан с составом побоев, и малейшие изменения в составе ст.116 УК РФ [1] сразу же влекут соответствующие изменения в составе ст. 117 УК РФ [1], которая и ранее, до 2017г. (Президент РФ 7 февраля 2017г. подписал закон о декриминализации побоев в отношении близких лиц), не отличалась частым правоприменением. Это было связано со сложностью установления объективного состава истязания.

Необходимо начать с того, что истязание является противоправным посягательством на личность. Право на жизнь и здоровье человека, а также на неприкосновенность личности охраняется законом, являясь одним из гарантированных Конституцией РФ [2] прав. Согласно ч. 1 ст. 22 Конституции РФ [2], каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. В соответствии с ч.1 ст. 21 Конституции РФ [2] никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Исходя из того, что состав истязания находится в гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], физические и психические страдания рассматриваются как угроза для здоровья человека, что переводит данное деяние в разряд общественно-опасных [3].

Истязания являются насильственными преступлениями, посягающими на здоровье, в их основе всегда лежат насильственные действия, то есть, состав данного посягательства связан с осуществлением одним лицом (группой лиц) в отношении потерпевшего-физического лица насильственных действий, которые подрывают его здоровье, причиняя вред, и умаляют конституционные права потерпевшего не подвергаться насилию и иному жестокому и унижающему достоинство обращению.

Л.А. Спектор [4], анализируя причины совершения истязаний, подразделил их на несколько групп, где первой группой выступает алкоголь, наркотики и проституция, а во второй группе рассматриваются уже семейные и корыстные цели. Многие из этих мотивов могут иметь личный характер, такой как, зависть, обида, ревность или даже месть, либо же личная неприязнь.

Деяние в данном составе проявляется в виде:

1. Систематического нанесения побоев.
2. Иных насильственных действий – физическое или психическое воздействие на потерпевшего, если оно отображает умысел виновного на причинение жертве физических и психических страданий [5, С.128].

Очевидно, что состав ст. 117 УК РФ [1] прямо зависит от объективного состава побоев, поскольку определение побоев урегулировано российским законодательством, и по нему имеется соответствующая правоприменительная практика.

Одним из основных критериев, позволяющих отграничить истязание, ответственность за которое предусмотрена в ст. 117 УК РФ, от уголовно наказуемых побоев является систематичность. Этот признак не должен рассматриваться только как количественный показатель. Сделать вывод о наличии либо отсутствии систематичности можно на основании анализа поведения истязателя с целью установления единого умыла в его действиях.

На практике достаточно сложно установить систематичность побоев, так как их критерии не определены в уголовном законе, поэтому возникает ряд вопросов, а именно: что представляет собой систематичность, в каком промежутке времени побои могут быть признаны систематичными.

Систематичность побоев, как необходимый признак объективной стороны, должна объединять единая линия поведения виновного, так как в противном случае содеянное им подлежит квалификации, как совокупность преступлений - эпизодов побоев.

Еще одной проблемой является отсутствие в законе определения понятия "страдание", а если оно и есть, то искажено. В диспозиции статьи 117 УК РФ [1] указано два вида страдания: физическое и психическое. Критериев определения физических страданий нет ни в уголовном праве, ни в медицинской науке, в связи с этим может возникнуть вопрос, какими методами можно определить было ли человеку причинено физическое страдание?

А.Ю. Косикова [6] к физическим способам истязаний относит щипания, укусы, таскание за волосы, причинение множественных, хотя и небольших, повреждений тупыми или колющими предметами, воздействие термических факторов, блокирование дыхания и так далее.

Что касается психического страдания, то его определение также не содержится в уголовном законодательстве. Однако в юридической литературе есть определение понятия психического страдания, его дал Р.Д. Шарапов [7, С.81]. По его мнению, «психические страдания представляют собой концентрированное выражение всех других видов психического вреда с отметкой проявления виновным особой жестокости». На сайте прокуратуры Кемеровской области города Кузбасс [8], приводится пример психических страданий. Психические страдания могут быть причинены, например, привязыванием боязливого человека ночью на кладбище, в лесу, запирании в темном помещении.

В общем понимании, истязания являются различного рода пытками, которые фактически не наносят ощутимого вреда здоровью человека, но причиняют ему физические или нравственные страдания.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что проведенный анализ общественных отношений, возникающих в связи с уголовной ответственностью за истязание, позволил сделать вывод, что данный состав преступления довольно сложен в квалификации. Истязания являются одной из тех социальных проблем в нашем обществе, которая и на сегодняшний день остается актуальной. Стоит уделить особое внимание более подробному изучению указанного преступного деяния, причинам совершения истязаний при различных обстоятельствах, а также исследованию факторов, оказывающих влияние на латентность истязаний, с целью наиболее успешного раскрытия дел данной категории преступлений, своевременного справедливого привлечения виновных лиц к ответственности, и, соответственно, назначения справедливого наказания. Нужно дать определения некоторым понятиям и разъяснить порядок применения рассматриваемой нормы в целом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1996. — №25. — Ст. 2954.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
3. Молев Г. И. Проблемы квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния / Г. И. Молев, А. И. Пузарин //Наука. Общество. Государство. – 2021. – Т. 9. – №. 1 (33). – С. 102-108.
4. Спектор Л. А. Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за истязание / Л. А. Спектор, И. Р. Кузнецова //Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №. 11-1. – С. 153-158.
5. Бриллиантов А.В. Уголовное право Российской Федерации в схемах: учебное пособие / А.В. Брилиантов, Е.Ю. Четвертакова — Москва: Проспект, — 2021. —528с.
6. Косикова, А. Ю. Истязания: проблемы предупреждения / А. Ю. Косикова // Пермский период: Сборник материалов научно-практической конференции в рамках VII Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. В 2-х томах, Пермь:– ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2020. – С. 262-264.
7. Шарапов Р. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. — 2004. — № 2. — С. 81.
8. Уголовная ответственность за истязание / Сайт прокуратуры Кемеровской области города Кузбасс // [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=49497518 (дата обращения 14.02.2023).

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НЕГЛАСНОЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Киселева Ольга Владимировна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

В настоящее время преступность характеризуется повышением профессионализма, организованностью и коррумпированностью преступной среды, появляются новые способы совершения преступлений, используются современные достижения науки и техники, поэтому существенно возрастает роль оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений.

Вся оперативно-розыскная деятельность (далее по тексту— ОРД) строится на четырёх достаточно важных принципах, без которых осуществление такой деятельности невозможно. Законодатель в качестве фундаментальных принципов ОРД указал такие принципы, как законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, принцип конспирации, а также принцип использования гласных и негласных средств и методов осуществления ОРД.

Принцип конспирации отражает особый характер оперативно-розыскной работы. Именно этот принцип позволяет проводить оперативно-розыскные мероприятия, не привлекая при этом нежелательное внимание третьих лиц, а также для получения наиболее полной и точной информации об объекте оперативно-розыскных мероприятий. ОРД проводится в тайне не только от лиц, причастных к осуществлению преступлений, но и от окружающих граждан, что является вполне логичной мерой [1, С.353]. Лицо, знающее о том, что его личностью интересуются правоохранительные органы, ведёт себя иначе, воздерживается от совершения определённого рода действий, а также уничтожает все возможные доказательства против себя.

Для тайного осуществления такой скрытой от посторонних глаз деятельности используются соответствующие методы и средства, не характерные для других видов правоохранительной деятельности.

Не вызывает сомнения, что противодействие тяжким и особо тяжким преступлениям, латентным преступлениям, и имеющим большой общественный резонанс, можно эффективно реализовывать исключительно при сочетании гласных и негласных форм осуществления оперативно-розыскного противодействия преступности.

Принцип сочетания гласных и негласных методов и инструментов определён в ст. 1 Федерального Закона «Об Оперативно-розыскной деятельности» [2], а соответственно, он отображает суть ОРД.

Негласность как правовая категория нашла свое отражение и в иных нормативных правовых актах: федеральных законах «О Федеральной службе безопасности» [3] от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; «О противодействии терроризму» [4] от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, «О государственной охране» [5] от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ; «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [6] от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, «О внешней разведке» [7] от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ и др.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что вопрос использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам является предметом многолетней дискуссии. Чуть больше 100 лет назад И. Я. Фойницкий [8, С.82] писал, что «негласность предварительного следствия встречает ныне громкие порицания в литературе, и некоторые континентальные законодательства новейшего времени стараются умерить порядок канцелярской тайны...»

Как справедливо заметил Ф. М. Лучинкин [9, С.5] в законе (ст. 89 УПК РФ [10], ст. 11 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]) и в доктрине заложено принципиальное различие между доказательствами и результатами ОРД, подчеркивается недопустимость непосредственного использования в доказывании последних.

Согласно советской доктрине, результаты ОРД могут быть использованы исключительно в качестве ориентирующей информации для построения версий, производства процессуальных действий и не могут применяться как доказательства. Советская доктрина исходила из того, что ОРД имеет вспомогательное по отношению к процессу доказывания значение для раскрытия преступлений; сведения, полученные в результате проведения ОРМ, используются для «поиска доказательств, но не как доказательства».

Вместе с тем, следует отметить, что в отечественной практике наметилась тенденция, согласно которой оперативно-розыскные мероприятия проникают в уголовный процесс, становясь следственными действиями. Так, не вызывает сомнений негласный характер проведения таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ) [10]; контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) [10]; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) [10].

По мнению Терехина В. В. [11, С. 176.] результаты оперативно-розыскной деятельности являются ничем иным как «показаниями с чужих слов» и «в вопросе проверки и оценки допустимости доказательств именно известность происхождения сведений (известность источника) становится главным фактором разрешения проблематики доказательственного значения результатов оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, для того, чтобы придать результатам ОРД статус доказательств, необходимо негласным приемам и способам собирания сведений (доказательств) придать уголовно-процессуальную природу, т.е. урегулировать их уголовно-процессуальным законом.

Как справедливо заметил В.М. Мешков [12, С. 259], для того, чтобы полученные в ходе ОРМ доказательства можно было использовать в доказывании по уголовным делам, необходимо повысить достоверность сведений, полученных оперативно-розыскным путем.

Возможными вариантами повышения достоверности сведений, на мой взгляд является:

1. Использование собственноручных записей лица, чья деятельность заинтересовала оперативного работника, т.е. следует рекомендовать собственноручное оформление своих показаний проверяемым лицом. Почерк, отраженный в протоколе объяснения, опровергал бы все сомнения;
2. Привлечение к ОРМ понятых, либо непрерывная фиксация всех действий, совершаемых при выполнении ОРМ, на видеокамеру. Оба способа создают дополнительные возможности для перепроверки действий оперативного сотрудника и проверяемого лица;
3. Использование только предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством способов представления предметов на экспертное исследование. Ненадлежащим образом переданные источники доказательств (например, представление оружия или наркотиков в судебно-экспертную лабораторию оперативным работником лично, без упаковки), вообще не должны подвергаться экспертному исследованию, поскольку результаты исследования непременно будут исключены из совокупности доказательств по делу, как ненадлежаще оформленные и, возможно, подмененные кем-то из заинтересованных лиц;
4. Максимальное приближение во времени фиксации признания проверяемого лица в причастности к расследуемому событию при помощи других действий. Например, посредством безотлагательного проведения иных ОРМ и следственных действий, включая допросы, обыски, проверки показаний и пр. Лишь совокупность протоколов ОРМ и следственных действий позволит реально повысить достоверность полученного признания. Вероятно, существуют и иные пути повышения достоверности оперативных материалов, переданных следователю, но все они имеют временный характер.

Еще одним из затруднительных моментов в использовании результатов ОРД, как доказательств является секретность многих сведений полученных оперативным путем. Так, отказ в представлении сведений составляющих государственную тайну (содержащихся в результатах ОРД) противоречил бы требованиями законодательства на всестороннее и полное исследование обстоятельств уголовного дела, что привело бы к ущемлению права лица на защиту. Из-за частой распространенности таких случаев процесс придания результатам ОРД полученных не гласным путем статуса доказательств должен иметь самый приоритетный статус.

Одним из вариантов решения данной проблемы могла бы выступить методика, используемая в делах связанных с незаконным оборотом наркотических средств. При использовании подобной методики следователь, будет не только обеспечивать соблюдение процессуальных гарантий в ходе допроса, но и полноту получения данных.

Исходя из анализа правовой природы оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, можно сделать вывод, что результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства отождествлять недопустимо. Органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность необходимо соблюдать законодательство, регулирующее порядок предоставления результатов ОРД органам предварительного расследования. Также для единого понимания закона, необходимо совершенствовать нормы, регламентирующие порядок закрепления результатов ОРД в уголовном процессе.

Список литературы

1. Симонов И. С. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. С. Симонов, С. С. Кондратюков, П. Г. Куркин //Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – №. 5А. – С. 353-356.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1995. — №33. — Ст. 3349.
3. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 №40-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1995. — №15. — Ст. 1269.
4. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Парламентская газета, 2006. — №32.
5. О государственной охране: Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Российская газета, 1996. — №106.
6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета, 2004. — № 182.
7. О внешней разведке: Федеральный закон от 10.01.1996 №5-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1996. — №3. — Ст. 143.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: учебник / И.Я. Фойницкий — Санкт-Петербург: Общественная польза, 1902. — С. 82.

9. Лучинкин Ф. М. Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Ф.М. Лучинкин //Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – №. 3. – С. 5-14.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Российская газета, 2001. — № 249.
11. Терехин, В.В. К вопросу о допустимости показаний в уголовном процессе / В.В. Терехин // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — №1 (25). — С. 176–178.
12. Мешков В. М. Проблемы допустимости использования сведений, полученных оперативно-розыскным путем, в доказывании по уголовному делу / В.М. Мешков // «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае»— Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – С. 259-264.

ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Кобликов Александр Васильевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Посредством ст. 2 Конституции Российской Федерации законодатель закрепил права и свободы человека в качестве высшей ценности, обязав при этом государство признавать, соблюдать и защищать их [1].

Соответственно, законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) права и свободы также признает высшей ценностью, закрепляя в качестве одной из задач, поставленных перед данным кодексом,- охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств [2].

Вместе с тем, предпринимаемые правоохранительными органами меры по охране перечисленных правовых благ вряд ли способны в полной мере гарантировать их безопасность.

Именно поэтому, возникла необходимость наделить всех лиц, в отношении которых совершаются определенные общественно посягательства, правом на защиту от них путем причинения вреда нападающему.

Данное право было оформлено в институт необходимой обороны и закреплено в ст. 37 УК РФ, в которой указывается: «Причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не является преступлением» [2].

Наиболее часто в юридической литературе необходимая оборона определяется как причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов государства или общества, от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [3].

При анализе научных работ последних лет, посвящённых исследованию института необходимой обороны, прослеживается, что авторы, определяя понятие необходимой обороны, указывают на условия её правомерности, относящиеся к посягательству (общественная опасность, действительность и наличность посягательства). Но мало кто, в данном случае, вспоминает об условиях правомерности, относящихся к защите (защита должна быть своевременной, с целью отражения посягательства, посредством причинения вреда лишь посягающему, а также в отсутствии превышения пределов необходимой обороны).

На последнем условии правомерности акта необходимой обороны, относящемся к защите, следует остановиться наиболее подробно, поскольку на практике оно вызывает многочисленные вопросы и нередко приводит к следственным и судебным ошибкам.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ установлено легальное определение «превышения пределов необходимой обороны», под которым следует понимать совершение умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства [2].

В УК РФ существует две нормы – ст. 108 и ст. 114, устанавливающие ответственность за совершение преступлений при превышении пределов необходимой обороны. При применении указанных норм существует большая проблема определения пределов правомерной защиты правоохраняемых интересов от общественно опасного посягательства [4].

Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае, когда по делу будет установлено, что он прибегнул к защите от посягательства такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть [5].

При решении вопроса о наличии превышения пределов необходимой обороны суд должен учитывать такие обстоятельства, как характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, его возможности и силы по

отражению посягательства, а также иные обстоятельства: количество посягавших и обороняющихся, их возраст, физическое развитие, наличие оружия, место и время посягательства.

Помимо этого, в п. 13 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ перечисляются также такие обстоятельства, как объект посягательства, избранный посягавшим лицом, способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, место и время посягательства, возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.) и иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц [5].

Размытые формулировки и отсутствие общего подхода оставляют возможность правоприменителю усмотреть формальные признаки совершения противоправного деяния при превышении пределов необходимой обороны даже там, где по логике имеет место правомерная защита с соблюдением пределов обороны. Данный факт непосредственно приводит к противоречивости следственной и судебной практики при отправлении правосудия по делам о превышении пределов необходимой обороны.

Самой распространенной ошибкой является признание потерпевшими тех лиц, которые при обоюдном нанесении ударов получили больший вред. Кроме того, в судебной практике получил распространение так называемый «механический подход». Он имеет место в ситуации, когда обороняющийся использует оружие против невооруженного преступника, и суд квалифицирует такое деяние как превышение пределов необходимой обороны. При этом не учитывается, что даже удар кулаком в висок может привести к летальному исходу либо к фактической невозможности защищаться по физиологическим причинам [4].

Однако, несмотря на все вышеперечисленное, нельзя отрицать того, что, так или иначе, не оставляются попытки конкретизировать или дополнить положения, разъясняющие особенности применения законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов.

Также проблемным является вопрос, связанный с применением оружия для защиты от общественно-опасного посягательства. В соответствии со ст. 24 Федерального закона «Об оружии» граждане могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости [6].

Однако при применении оружия, независимо от того, холодное оно или огнестрельное, возникает множество рисков: риск причинить вред третьим лицам, риск нанести нападающему вред, не совместимый с жизнью, а также риск применения этого оружия против обороняющегося в случае его перехода в руки посягающего.

Если взять среднестатистического гражданина, владеющего огнестрельным оружием ограниченного поражения, и поместить его в ситуацию, когда организм пребывает в стрессе и действует на уровне инстинктов, то могут обнаружиться проблемы, связанные с недостатком практики пользования данным оружием (к примеру, человек может забыть о предупреждении лица о применении в отношении него оружия, нажать на спусковой крючок при малейшем движении посягающего и многое другое).

Как отмечают эксперты и сотрудники правоохранительных органов, самым приемлемым вариантом из всех средств обороны являются газовые баллончики, используемые по своему целевому назначению. Этот способ защиты исключает или минимизирует ущерб, который является следствием вышеуказанных рисков, а также более прост в применении и приобретении.

Также достаточно дискуссионным является вопрос, касающийся возможности использования специальных средств для защиты собственности (электроловушек, капканов и так далее). Большинство современных ученых считает, что применение таких средств необходимо относить к институту необходимой обороны. Другие же считают, что этого ни в коем случае нельзя делать.

Однако в вышеуказанном Постановлении Пленума ВС РФ разъясняется, что правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом, автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств.

Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях.

То есть законодательством предусмотрена возможность применения данных средств защиты, однако при их использовании должны соблюдаться установленные правила:

– средства не должны быть запрещены законом;

– целью применения данных средств должно являться пресечение посягательства, а не причинение вреда здоровью посягающего;

– работа приспособления должна быть направлена строго на лицо, посягающее, исключая возможность срабатывания в отношении третьих лиц.

Хотелось бы отметить, что многих проблем при размещении таких средств можно избежать предупреждением об их применении, однако это не является панацеей. В общих чертах, применение автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты, в основном независимо от их конструкции, способа активации и метода срабатывания порождают риски, которые

могут привести к неожиданным последствиям (к примеру, устройство может не отключиться своевременно и причинить гораздо больший ущерб, нежели было предусмотрено. Также данное приспособление может активироваться вследствие программной ошибки или неисправности, не говоря о срабатывании в отношении третьих лиц и многом другом).

По моему мнению, вопрос о применении автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты должен получить более подробную проработку, поскольку неконкретность норм, регулирующих его, и многие иные факторы составляют вероятность допущения ошибок в следственной и судебной практике.

Рассмотрев незначительное количество проблемных вопросов, связанных с институтом необходимой обороны, можно заключить, что он является достаточно трудным в регулировании, что обусловлено, прежде всего, многообразием форм посягательств, способов, которые избираются посягающими, а также значимой ролью человеческого фактора, Ведь человек, находящийся в экстремальной ситуации, особенно когда посягательство непосредственно угрожает его жизни, может принимать ошибочные и алогичные решения.

Подводя итог, можно утверждать о том, что данный институт, несмотря на достигнутый уровень проработанности, нуждается в постоянном совершенствовании со стороны законодателя, а от правоприменителя требуется уделять максимальное внимание при рассмотрении вопросов, непосредственно связанных с институтом необходимой обороны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 05.03.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание Законодательства РФ, 1996. – № 25. – ст. 2954.
3. Якоб, Е. И. Проблемные вопросы применения института необходимой обороны / Е. И. Якоб, С. А. Бобылев // Актуальные вопросы современной науки и практики : Материалы Международной научно-практической конференции, Чистополь, 25 октября 2019 года / Под общей редакцией Е.А. Назарова. – Чистополь: ООО Полиграфическая компания "Астор и Я", 2019. – С. 94-101. – EDN HZMIGD.
4. Кандабарова, Т. С. Институт необходимой обороны и проблемы применения положения о превышении пределов необходимой обороны / Т. С. Кандабарова, Д. И. Зиникова // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. – Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 66-69. – EDN QNAOXC.
5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (в ред. от 31.05.2022) // Российская газета, 2012. – № 227.
6. Об оружии : Федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание Законодательства РФ, 1996. – № 51. – ст. 5681.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОНЯТИЙ ВИКТИМНОСТИ, ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ВИКТИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Кобликов Александр Васильевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Вопросы, связанные с сущностью виктимности, и моментом, в который индивидуум приобретает свойство виктимности, до сих пор являются неоднозначными и порождают множество дискуссий.

Некоторые понимают под виктимностью некую боязнь лиц стать жертвой посягательств. Другие же не связывают ее с какими-либо чувствами и эмоциями лиц, считая, что виктимность – это не что иное, как вероятность, с которой в их отношении может быть совершено преступное посягательство, вне зависимости от того, чем эта вероятность обусловлена.

Для определения сущности виктимной личности и попытки ответить на проблемные вопросы, связанные с данной темой, необходимо определиться с основными понятиями и мнениями авторов относительно их определения.

Одними из основных терминов, содержащихся в понятийном аппарате виктимологии как криминологической науки, изучающей, в первую очередь, жертв преступлений или преступных посягательств, их связь с преступником и роль в механизме конкретных преступлений, являются «виктимизация» и «виктимность».

Под виктимностью, с точки зрения Л.В. Франка, понимается не что иное, как реализованная преступным актом предрасположенность определенного лица [1, с. 22].

И.Л. Емельянов определил виктимность как повышенную способность (повышенные свойства) человека или определенной группы людей (общности людей) становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений [2, с. 241].

К.В. Вишневецкий указывал, что виктимность – это реализованное преступным актом нанесение вреда или оставшуюся потенциальной возможность отдельного лица стать жертвой преступления при определенных условиях и обстоятельствах [3, с. 417].

Исходя из вышеприведенного, можно резюмировать, что под виктимностью следует понимать способность лица с повышенной вероятностью становиться потенциальной жертвой преступного посягательства.

В науке также предлагаются классификации виктимности по различным критериям.

Так, Т.В. Варчук заявляет, что в современной отечественной виктимологии принято различать четыре вида виктимности:

— индивидуальная – повышенная способность лица стать жертвой, обусловленная взаимодействием личностных качеств и внешних факторов;
— видовая – предрасположенность отдельных людей становиться в силу обстоятельств жертвами определенных видов преступлений;
— групповая – характеристика отдельных категорий населения, обладающих сходными качествами, указывающая на степень их предрасположенности при определенных обстоятельствах становиться жертвами;
— массовая – степень уязвимости населения, реализующихся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений [4, с. 41].

А.Л. Репецкая предлагает подразделять виктимность на:

— виктимогенную деформацию личности – совокупность социально-психологических свойств личности, связанных с неблагоприятными особенностями социализации и неудовлетворенностью в ней, выражающиеся в эмоциональной неустойчивости;
— профессиональную (ролевую) виктимность – характеристику социальной роли личности, независимую от его личностных свойств, с повышенной вероятностью посягательства в силу исполнения его роли;
— возрастную виктимность – повышенный риск посягательства, обусловленный возрастной спецификой личнности;
— виктимность-патологию – повышенную способность становиться жертвой, которая явилась следствием какой-либо патологии (психической болезни, слепоты, глухоты и иных расстройств здоровья) [5, с. 14].

Уяснив вопросы сущности и видов виктимности, встает логичный вопрос о том, каким образом лицо приобретает те или иные виды виктимности? К ответу на данный вопрос можно прийти использовав понятие виктимизации, которое многие авторы определяют следующим образом: «виктимизация – это процесс или результат повышения уровня виктимности лица» [3, с. 417]. Этот процесс может складываться из множества различных составных частей, среди которых выделяются взаимодействие жертвы и преступника, степень и вид виктимности и иные факторы виктимизации.

Под факторами виктимизации понимается совокупность обстоятельств в жизни лица, которые по сути своей выступают детерминантами или иным образом, содействуют процессу повышения степени виктимности данного лица.

Например, виктимизация сотрудника полиции происходит в процессе осуществления им своих должностных обязанностей. Прежде всего, в данном случае, фактором виктимизации можно назвать факт поступления на службу, сопряженную с повышенным риском для жизни и здоровья. Однако, если сотрудник обладает хорошей физической подготовкой, выдержкой и эмоциональной устойчивостью, то степень его виктимности резко падает. По аналогии, возникновение у лица какой-либо патологии, можно назвать фактором виктимизации, поскольку после этого лицо приобретает свойство виктимности.

Видится сложным определить момент приобретения лицом повышенной способности стать потенциальной жертвой или же вообще вероятность приобретения таких свойств в случае с возрастной виктимностью, поскольку несмотря на преклонный возраст, среди лиц, относящихся к данной категории, можно встретить таких ее представителей, которые даже потенциально не могут стать жертвой преступного посягательства в силу своей бдительности и осторожности. Также и ребенок, независимо от его возраста, может быть осторожным, быстрым, ловким или даже обладать громким голосом, чтобы при необходимости позвать на помощь или спугнуть преступника, затеявшего злой умысел.

Исходя из вышеприведенного, следует отметить, что не каждый индивидуум, принадлежащий к той или иной группе, которые, согласно классификации А.Л. Репецкой, в силу определенных факторов наделяются виктимностью, будет являться виктимной личностью.

Помимо виктимности лица как присущим ему свойствам, которые существенно повышают вероятность совершения преступного посягательства по отношению к нему, лицо может вызывать повышение степени виктимности и своими действиями. Обычно подобные действия или поведение лица именуются виктимным поведением.

При этом понятия виктимность и виктимное поведение нельзя отождествлять, поскольку виктимность не всегда проявляется в виктимном поведении, а в свою очередь, виктимное поведение не обязательно должно являться следствием наличие у лица свойств виктимности.

Исходя из этого, поведение лица в ситуации, предшествующей совершению преступления (предкриминальной) и в момент непосредственного совершения преступления может быть двух видов:

— нейтральное поведение (никаким образом не способствующее виктимизации);

— виктимное поведение (способствующее своей в той или иной мере виктимизации).

Вместе с тем виктимное поведение может проявляться в социально одобряемых действиях жертвы, которые влекут за собой преступное посягательство. В пример можно привести действия гражданина, направленные на осуществление общественного долга, защиту чьих-либо охраняемых законом интересов.

В свою очередь, социально неодобряемое поведение подразделяется на «виновное» и отрицательно невиновное поведение.

Виновное поведение определяется как социально неодобряемое поведение жертвы преступления, являющееся результатом реализации ее сознательно отрицательного отношения к ценностям, принятым в обществе, и способствующее совершению преступного посягательства.

Отрицательно невиновное поведение отличается лишь тем, что лицо в процессе совершения виктимных действий (бездействия), не осознает это поведение как отрицательное. Например, лицо с психическим отклонением, котрое в силу этого не может отдавать отчет своим действиям.

Таким образом, подводя итог всему вышеприведенному, следует отметить, что виктимность является очень индивидуальным явлением, сложность изучения которого заключается в многостороннем характере факторов, выступающих детерминантами виктимизации, а также в неоднозначности поведения лиц в ситуациях, предшествующей совершению преступления и непосредственного его совершения.

Список литературы

1. Франк, Л.В. Виктимология и виктимность / Л.В. Франк. – Душанбе: «Ирфон», 1972. – 262 с.
2. Емельянов, И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики / И.Л. Емельянов // Известия АлтГУ. – 2013. – №2 (78). – С. 241-245.
3. Вишневецкий, К.В. Классификация виктимности / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 417-418.
4. Варчук, Т.В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий. — 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 191 с.
5. Репецкая, А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике / А.Л. Репецкая. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 1994. – 151 с.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯСВОБОДЫ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РФ

Коломоец Софья Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович - научный руководитель, старший преподаватель

Пожизненное лишение свободы является основным наказанием за совершение особо тяжкого преступления, угрожающего жизни, и особо тяжкого преступления против здоровья населения, общественного порядка, общественной безопасности и половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 57 УК РФ) [1], и заключается в лишении свободы на срок, который начинаетистекать с момента вступления приговора суда в юридическую силу и заканчивается в момент биологической смерти осужденного. Данный институт настолько сложен и многогранен, что реализация пожизненного лишения свободы порождает множество вопросов, которые необходимо решать.

Первый вопрос касается одной из основных характеристик пожизненного лишения свободы - его бессрочности. В процессе отбывания пожизненного лишения свободы, особенно на ранних сроках, многие осужденные сталкиваются с тяжелыми условиями содержания без перспективы освобождения, испытывают тяжелую депрессию, безысходность, проявляют суицидальные наклонности.

Длительная изоляция неблагоприятно влияет на психику человека, вызывая необратимые процессы у отбывающих пожизненное лишение свободы. Для многих осужденных типична высокая конфликтность, болезненность, отсутствие четких целей на будущее и мотивов исправления. Имеет важное значение оказание им психологической помощи и поддержки, которая состоит в формировании отношений в триаде «сотрудник - психолог - осужденный», где психолог выполняет роль связующего звена, уравновешивающего две полярности и позволяющего осознать как сотрудниками, так и осужденными необходимость конструктивного построения межличностных отношений с позиции «другой - ценность» на основе взаимного уважения и сотрудничества. Только на основе осознанной убежденности сотрудников исправительного учреждения в возможности исправления осужденного и принятия его как личности можно действительно приблизиться к полноценной,

долговременной и эффективной реализации психологической коррекции [2].

По итогам переписи осужденных, осуществленной в 2009 г., на профилактическом учете у психологов состояли 25% осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы. Это осужденные, склонные к побегу, нападению на сотрудников исправительных учреждений, захвату заложников, с высоким риском суицидального поведения и нанесения самоповреждений, с выраженными психопатическими чертами и т. д. Осужденные к пожизненному лишению свободы испытывают состояние физической, а главное - моральной и психической замкнутости.

Во-вторых, Уголовным кодексом РФ учтена допустимость пожизненно осужденным освободиться спустя 25 лет (ч. 5 ст. 79 УК РФ). Но исправление пожизненно осужденных и обоснованность их условно-досрочного освобождения ставятся под вопрос. При предположении о возможности условно-досрочно освобождения осуждённого, нужно учитывать, что к моменту освобождения, он уже будет в предпенсионном или пенсионном возрасте. В тот момент осужденный потеряет трудоспособность и способность к самообеспечению, у него возникнут преобразования психологии и физиологии. За время нахождения в исправительных учреждениях осужденные лишаются социальных связей и теряют способность к интеграции в обществе [3].

Отбытия такого рода продолжительных периодов лишения свободы негативно влияют на исправление осуждённых, они, зачастую, не только не изменяются в лучшую сторону, но и деградируют. Персонал исправительных учреждений утверждает, что всего лишь 3-4 % от общего числа пожизненно осужденных оставляют за собой навыки трезво мыслить и управлять собой. Из записки пожизненно осужденного Евгения С.: «... не могу больше вынести эту жизнь... В голодном состоянии не хочу все это выполнять. Испытываю желание убить и съесть сокамерника, так как очень сильно хочу мяса»[4]. В ситуации возможного освобождения осужденный даже при условии сохранения им своих физических и психических характеристик в норме, на свободе сталкивается с абсолютно иными условиями существования.

Третьим дискуссионным вопросом является весьма актуальный вопрос пожизненного лишения свободы в качестве замены смертной казни. Обсуждается, стоит ли снять в России мораторий на смертную казнь и является ли пожизненное лишение свободы достаточно эффективной заменой исключительной меры наказания. В результате сформировались полярные точки зрения на данную проблему. Основой обсуждения является полемика по поводу снятия моратория на смертную казнь, а также действительно ли пожизненное заключение является более совершенным наказанием, чем смертная казнь.

Сторонники пожизненного лишения свободы, опираясь на историю народов и судебные летописи, используют в спорах аргумент, говорящий, что по статистике частота преступлений коррелируется с наличием жестоких наказаний. Иначе говоря, смертная казнь не останавливает людей, которые замышляют преступление [5]. О.Е. Ищенко считает, что пожизненное лишение свободы есть настоящая замена смертной казни: пожизненное лишение свободы является наиболее оптимальным видом уголовного наказания для правового государства и демократического общества; оно показывает направленность современной внутренней политики государства на защиту неотъемлемых прав человека на жизнь. На контрасте со смертной казнью, пожизненное лишение свободы не содержит непоправимых исходов и преследует гуманные цели перед обществом в борьбе с преступностью, отражая принцип социальной справедливости в области внутренней политики государства. Помимо этого, О.Е. Ищенко, базируясь на зарубежных исследованиях и российской уголовно-правовой статистики, придерживается мнения, что отмена смертной казни не влечет за собой увеличение преступлений [6].

Сторонники противоположного мнения, например, профессор И.И. Карпец, выступая против пожизненного лишения свободы, полагают, что такая санкция является бесчестным и бесчеловечным даже в формате замены смертной казни. Сами же осужденные аналогично разделились на два лагеря, одни желают применения к ним смертной казни, а другие смерти боятся, хотя они лишили жизни множество людей [7]. Также сторонники смертной казни не считают пожизненное лишение свободы более гуманной мерой наказания, чем смертная казнь, так как первое — это своего рода «смерть в рассрочку», что выглядит гораздо мучительнее не только для самих преступников, но и для родственников потерпевших, которые не рассматривают пожизненное лишение свободы как достаточно справедливую карудля преступников.

Четвёртая проблема связана с гендерным принципом назначения пожизненного лишения свободы. Данная мера назначается не всем, часть 2 ст. 57 УК РФ конкретизирует круг лиц, для которых пожизненное лишение свободы не может быть назначено. К таким лицам относятся женщины, несовершеннолетние, мужчины, достигшие к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста. Запрет назначать пожизненное лишение свободы перечисленным выше категориям лиц основывается на вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимости учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач,которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве [8].

Е.Н. Казакова утверждает, что «при тех же условиях совершения преступления лицам женского пола за квалифицированное убийство может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет. Это значит, что при одинаковой общественной опасности деяния мужчина претерпевает гораздо более тяжкие лишения и ограничения, исключительно из-за своей половой принадлежности, что является само по себеабсурдным».

К. В. Дядюн придерживается позиции, что реализация гендерного подхода должна гармонично сочетаться с реализацией принципов справедливости, равенства и гуманизма, не нарушая их баланс [9]. Первичное ограничивающее условие, основанное исключительно на биологических особенностях, говорит о нарушении законодателем международных, конституционных и общих принципов права, отдавая предпочтение гендерным стереотипам.

Подводя итоги рассуждений о проблемах пожизненного лишения свободы, можно сделать вывод о том, что данная тема является актуальной как для уголовного права, так и дляобщественного познания.

Для решения проблемы психического расстройства осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, предлагается ввести на обязательной основе часы работы со специалистами в области психических расстройств, которые могли бы, основываясь на профессиональных навыках, выявлять потенциальные отклонения и преждевременно их устранять.

Следующую проблему, связанную с условно-досрочным освобождением лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, можно решить путём внедрения программ реабилитации осужденных, в которых те могли бы получить навыки трудоустройства и социализации.

Что касается третьей проблемы, относящейся к дискуссии о замене пожизненного заключения на смертную казнь, так как главной целью государства должно быть соблюдение и защита граждан, то подобная замена представляется прямым нарушением основного права гражданина – права на жизнь.

Проблема, которая касается части 2 ст. 57 УК РФ о не назначении женщинам пожизненного лишения свободы является весьма неоднозначной, потому что женщина, наравне с мужчиной, порой совершает крайне жестокие и изощренные преступления. В связи с этим в российском уголовном законодательстве следует предусмотреть пожизненное лишение свободы и для женщин.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Екимова В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения / В.И. Екимова, И.В. Кокурина, А.В. Кокурин // Психология и право. — 2014. — № 1. — 76 с.
3. Нешитая О.Н. Проблемы применения наказания в виде пожизненного лишения свободы в Российской Федерации / О.Н. Нешитая, О.Н. Баженов // Право: современные тенденции: матер. III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация. — 2016. — 150 с.
4. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения / В.С. Мухина. – М.: Прометей. —2009. — 230 с.
5. Добрынина Е. Право на мораль. Нравственность бывает важнее закона / Е. Добрынина // Российская газета. — 2013. — № 6182 (206) / Интернет-портал Российской газеты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2013/09/11/kazn-site.html (дата обращения 15.02.2023).
6. Ищенко О.Е. Пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания в России и практика его применения / О.Е. Ищенко // Российский следователь. - 2013. - № 18. -17 с.
7. Дука Н.Г. Пожизненное лишение свободы или смертная казнь в «рассрочку» в России и зарубежных странах / Н.Г. Дука // Преступление и наказание: история, право, мораль: сб. студ. научн. работ VIII Международной студ. электр. научн. конф. «Студенческий научный форум 2016». — М. : Международный юридический институт, 2016. — 69 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации / Сайт «Уголовный Кодекс Российской Федерации со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям УК РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: //stykrf.ru/ (дата обращения 15.02.2023).
9. Абдрахманова Е.Р. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как «мужские» наказания / Е.Р. Абдрахманова, И.С. Савельев // Российский следователь. — 2014. — № 13. — 34 с.

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Коломоец Софья Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Оперативно-розыскная деятельность является особым видом правоохранительных

мероприятий, проводимых специально уполномоченными государственными органами с применением негласных законных средств. Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» под оперативно-розыскной деятельностью (далее - ОРД) понимается вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения

оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1]. Проблема привлечения итогов следственной деятельности в уголовно-процессуальных доказательствах представляет собой одну из злободневных проблем в судопроизводстве.

В уголовно-процессуальной науке представлены различные пути решения этой проблемы. Такие как, использование результатов оперативно-розыскных мероприятий непосредственно в роли доказательств или допустимость построения на их почве доказательств [2].

При рассуждении о данной проблеме, нельзя не учитывать тот факт, что оперативно-розыскная деятельность отличается от уголовного судопроизводства. Кроме разницы в правовой сущности невозможно ставить знак равенства между итогами ОРД и доказательствами, и УПК также обращает внимание на этот момент.

Е.А. Доля отмечает, что различия результатов ОРД от доказательств обусловлены их разной правовой природой, что объективно предопределяет назначение и допустимый объем их применения [3]. Результаты ОРД первоначально не соответствуют предъявляемым к процессуальным доказательствам критериям, потому что они были собраны ненадлежащим субъектом и несоответствующим методом. Ч. 1 ст. 86 УПК РФ содержит в себе исчерпывающий реестр тех, кто правомочен собирать доказательства. Среди них: прокурор, следователь, суд (судья) и дознаватель. «Иные лица, в том числе сотрудники правоохранительных органов, уполномоченные на производство оперативно-розыскных мероприятий, а также руководители органов, осуществляющих ОРД, могут лишь представлять предметы и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств». Помимо этого закон ясно акцентирует внимание на том, что лицо, которое проводило или проводит по конкретному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, полномочий по проведению дознания по этому делу не имеет (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Процесс доказывания включает такие этапы, как сбор, проверка, оценка доказательств и их дальнейшее применение при проведении расследования. Первый пункт процедуры доказывания, собирание, относится выполнению следственных действий. Во время осуществления оперативно-розыскных действий возникают не доказательства, а результаты ОРД, другими словами, сведения, полученные в соответствии с ФЗ об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ).

Результаты ОРД не могут просто так быть использованы в качестве доказательств. Нельзя их использовать в такой роли для определения предмета доказывания в целом и, в частности, виновности лица в совершении преступления, так как ход их получения различается от процесса получения уголовно-процессуальных доказательств [4]. Например, лицо оказывает конфиденциальное содействие органу, осуществляющему ОРД, и в ходе производства ОРМ лично наблюдало обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Для того, чтобы информация, известная данному лицу, приобрела силу доказательства, сведения об этом лице и о его участии в данном мероприятии должны быть переданы следователю (дознавателю), который проводит в отношении данного лица допрос в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, а доказательством будут не сведения, сообщенные оперативному сотруднику, а его свидетельские показания, данные в ходе допроса.

Сведения, полученные в ходе ОРД, обязаны пройти процессуальные путь трансформации сведений в доказательства. Для включения в уголовное дело информации, собранной непроцессуальным способом, требуется вдобавок устроить оперативно-розыскные мероприятия, дозволяющие субъектам процессуальной деятельности учесть во внимание факты и обстоятельства, ценные для дела, и выразить их в некоторую положенную уголовно-процессуальным законом форму. С целью приобрести удовлетворяющее требованием доказательство, результаты ОРД обязаны включать: сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; указания на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством, а также данные, позволяющие проверить в процессуальных условиях доказательства, сформированные на их основе [5].

По мнению Конституционного Суда РФ результаты оперативно-розыскных действий

«являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи получены с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона» [6]. Соответствующую точку зрения имеет и Пленум Верховного Суда РФ, отметивши в постановлении от 31 декабря 1995 года № 8 на то, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве доказательств по делам, когда они проверены следственными органами.

Как отмечает В. Зажицкий, «оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство являются двумя вполне самостоятельными видами государственной деятельности, каждый из которых имеет свои отличительные свойства и признаки. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве по уголовным делам не должно приводить к их сращиванию, к подмене уголовно-процессуальных средств и способов раскрытия преступлений оперативно-розыскными способами и методами. Иначе говоря, полиция не должна заменять собой юстицию» [7].

Безусловно, значение ОРД и ее результатов в сотрудничестве с органами, которые реализуют предварительное расследование, достаточно велико. Главным образом тогда, когда деятельность правоохранительных органов ориентирована на борьбу с тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

По мнению В.Н. Исаенко, с нарастающей частотой предметом обжалования адвокатами-защитниками оказывается законность и обоснованность заведения лицами оперативно-розыскных подразделений дел оперативного учета и, таким образом, законность и обоснованность возбуждения уголовных дел, опирающихся на сведениях, приобретённых в ходе ОРД [8]. Наиболее частые ошибки заключаются в следующем. Во-первых, проведение оперативно-розыскных мероприятий при отсутствии оснований, перечисленных в п. 1-6 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; во-вторых, дача согласия на производство ОРМ не управомоченными на то должностными лицами; в-третьих, неверное оформление актов и других материалов об их проведении; в-четвертых, несвоевременное уведомление суда (судьи) о проведении ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства; в-пятых, проведение ОРМ, не предусмотренных ст. 6 Закона об ОРД или вообще не упомянутых в этот статье; в-шестых, несоответствие фактического содержания ОРМ его описанию в соответствующем акте (протоколе).

В.Н. Исаенко указывает, что производство ОРМ, в том числе связанного с обследованием на месте лица (получателя взятки или завладевающего чужим имуществом, чужими денежными средствами в результате обмана или злоупотребления доверием, вымогательства и т.д.), должно завершаться составлением протокола (акта) названного ОРМ и прилагаемого к нему акта изъятия в соответствии со ст. 15 Закона об ОРД. Акт ОРМ оформляется строго со ссылками на ст. 6 и 15 Закона об ОРД. Однако описание в нем действий, которые сопровождали обнаружение интересующих оперативных работников объектов (предмета взятки, например), факт добровольной их выдачи или принудительного изъятия, индивидуальных признаков объектов должно происходить в соответствии с правилами, установленными ч. 3 ст. 177 или ч. 13 ст. 182 УПК. Если ОРМ сопровождалось применением технических средств, то в акте (протоколе) следует указать технические характеристики использованного оборудования так, как это предписано ч. 6 ст. 166 УПК, без ссылки на эту норму [9].

Помимо этого существует сложность, которая появляется вследствие обретения экземпляров для компаративного анализа, который нужен для исполнения фоноскопической экспертизы аудиозаписей, осуществленных в ходе ОРМ. Главная проблема состоит в том, что при сборе экземпляров разговорной речи для компаративного анализа, когда инспектируемые лица уклоняются от их предоставления, а следователь ранее не ухватился за удачный момент для осуществления первого допроса подозреваемого с использованием аудиозаписи или видеозаписи. Подозреваемые в таких случаях используют своё конституционное право, закреплённое в ст. 51 Конституции РФ, отказаться не только от дачи показаний, но и от представления правоохранительным органам образцов для сравнительного исследования.

Тем не менее, Конституционный Суд РФ указал, что «право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников не исключает возможности проведения в отношении этих лиц следственных действий, направленных на получение у них и использование в уголовном процессе помимо их воли других существующих объективно материалов, которые могут иметь доказательственное значение» [10].

Предметы, которые могут становиться в роли образца для компаративного анализа, обязательно должны быть собраны согласно ст. 202 УПК РФ. Они могут быть получены и в результате проведения других следственных действий [11].

В результате, принимая во внимание правовую суть доказательств и отличий уголовного судопроизводства от оперативно-розыскной деятельности, нельзя ставить знак равенства между результатами оперативно-розыскной деятельности и доказательствами по уголовному делу. Важно повышать качество доказательственной базы. При этом имеет значение соблюдение оперативно-розыскным органом процедуры представления результатов ОРД. Об этом и говорит п. 1 вышеупомянутой Инструкции, согласно которой результаты ОРД представляются оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД, дознавателю, органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также в порядке выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя о проведении ОРМ по уголовным делам, находящимся в их производстве, исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве.

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями от 21 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349.
2. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 2009. – 90 с.
3. Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2007. № 6. – 39 с.
4. Макаров А.В., Фирсов О.В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Рос. следователь. 2012. № 8. – 22 с.
5. Куликов А.В., Таранин Б.А. К проблеме формирования уголовно-процессуальных доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности // Рос. следователь. 2007. № 3. – 10 с.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»// Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.
7. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2006. – 47 с.
8. Исаенко В.Н. Допустимость доказательств, полученных при исследовании результатов оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2011. № 1. – 34 с.
9. Исаенко В.Н. Допустимость доказательств, полученных при исследовании результатов оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2011. № 1. – 34 с.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 123-0 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-0 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
11. Исаенко В. Отдельные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Уголовное право. 2010. № 5. – 144 с.

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кузьменков Дмитрий Валерьевич, 4 курс юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, преступлением признается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом» [1]. В соответствии с этим, выделяют четыре признака преступления: противоправность, виновность, общественная опасность и наказуемость. Принято считать, что противоправность и общественная опасность являются обязательными, а виновность и наказуемость – второстепенными, однако, на наш взгляд, все признаки преступления равнозначны по своей сути, ввиду того, что отсутствие любого из них сразу же исключает преступность деяния. В рамках данной статьи нас интересует именно общественная опасность как признак преступления.

Общественная опасность, чаще всего, определяется в доктрине уголовного права как «объективное, имманентно присущее преступлению свойство, объясняющее признание того или иного деяния в качестве преступления» [2]. Она представляет из себя содержательный, т.е. материальный, признак преступления.

При этом, общественная опасность, даже будучи признаком, имеет свои характерные признаки – характер и степень.

Под характером общественной опасности следует понимать её качественный показатель – его определяет то, на какие общественные отношения посягает преступление, а так же форма вины. Степень же, в отличии от характера, – это количественный показатель. Она зависит от вида вины, величины ущерба, способа совершения преступления, характера мотивов и целей, а так же места и времени совершения преступления.

В соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», характер общественной опасности определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления [3]. При учёте характера, суды в первую очередь берут во внимание именно направленность деяния на охраняемые уголовным законом ценности. Степень же общественной опасности устанавливается судом в зависимости от обстоятельств - в учёт берётся характер и размер наступивших последствий, а так же способ, роль соучастников, вид умысла или неосторожности.

В УК РФ термин «общественная опасность» встречается очень часто, при том в самых разных формах: общественно опасное действие (бездействие), общественно опасное последствие, общественная опасность преступления, общественно опасное деяние, общественно опасное посягательство и т.д. Однако ни УК РФ, ни вышеназванное Постановление Пленума ВС РФ, не дают определения общественной опасности. Это, в купе с тем, как часто данная формулировка используется в уголовном законе, даёт возможность предположить, что «общественная опасность» - это характеристика и преступления, и деяния, и действия, и последствия, и посягательства, а также личности виновного. Это является одной из главных проблем, связанных с общественной опасностью. Отсутствие закреплённого в законе определения или определения, данного судом, в конечном итоге, приводит к спорам в научной среде, а также препятствует чёткому пониманию сути общественной опасности, как признака преступления, в принципе. Из текста УК РФ, по смыслу, можно сделать вывод, что под общественной опасностью следует понимать причинение вреда или создание реальной угрозы такого вреда личности, обществу, государству. Говоря проще, общественная опасность – это опасность для общества, выраженная не только в реальных действиях и следующих за ними последствиях, но и в привносимых преступлениями негативных ценностных ориентаций. Совершённое преступление не только причиняет конкретный вред, но и демонстрирует возможность совершения подобных преступлений, что провоцирует новые преступления [4].

В науке уголовного права существует мнение, что общественная опасность, исходя из своего

социального влияния на общество, присуща не только преступлению, но и любому другому правонарушению, так как они в той же мере могут причинять вред общественности в социальном плане, указывая на возможность совершения подобного [4]. Этот дискуссионный вопрос о неэкслюзивности общественной опасности как признака преступления подводит нас к ещё одной проблеме её оценки – разграничение преступления и административного правонарушения.

Первое, что следует отметить – это определение административного правонарушения. В ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ указывается, что административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность [5]. Можно заметить, что законодатель разграничивает преступление и административное правонарушение именно по признаку наличия общественной опасности. Но по какой причине административное правонарушение не обладает общественной опасностью?

Разграничение происходит на основании характера последствий содеянного. Принято считать, что, несмотря на нарушение закона как по итогу одних, так и по итогу других, преступления несут опасность для общества, а административные правонарушения содержат в себе лишь потенциальную вредность. В уголовной науке существует мнение о том, что преступления посягают на то, что человеком априори воспринимается как нечто особо ценное, то есть преступления и до закрепления их законодателем воспринимаются как то, что несовместимо с общественным порядком [4]. Административные правонарушения, на наш взгляд, несовместимы со стабильным течением жизни и доставляют людям излишнее неудобство и вред.

Именно последствия, возможные или уже наступившие, выражают общественную опасность преступления. Административные правонарушения же не имеют как таковых значительных последствий – их вредность незначительна, а вред обществу они причиняют по факту своего совершения, а не наступивших вслед за этим последствий. Так, к примеру, ст. 12.9 КоАП РФ признает правонарушением превышение установленной скорости движения. Водитель, превысивший скорость, создаёт опасную ситуацию, но вредных последствий не наступает. И только в случае, если превысив скорость, водитель, к примеру, собьет пешехода – это повлечёт последствия, предусмотренные диспозициями статей уголовного закона.

Некоторые административные правонарушения, не повлекшие за собой последствий в рамках единичного совершения, могут становиться преступлениями лишь при многократном их повторении. Так, например, правонарушение, предусмотренное ст. 5.35.1 КоАП РФ – неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей – становится преступлением, предусмотренным ст. 157 УК РФ с тем же наименованием. Это происходит потому, что единичная неуплата приносит значительно меньший вред, чем уклонение от исполнения своих обязанностей.

Расхождения во мнениях среди учёных – обычное явление, так как каждый имеет свой собственный, субъективный взгляд. Субъективное мнение – это довольно важный момент в оценке общественной опасности преступления. Следует рассматривать общественную опасность не только как зависящую от объективных признаков категорию, но так же и от субъективных.

Учитывая то, что у общественной опасности присутствует материальная сторона, а именно реально наступившие последствия или угроза наступления таких последствий, следует обратить внимание на то, что это не единственное, что влияет на принятие судом решения. В уже упомянутом ранее Постановлении Пленума ВС РФ № 58 указывалось, что именно суд определяет характер и устанавливает степень общественной опасности, что привносит в вопрос об оценке общественной опасности такой элемент как субъективное мнение судьи. Это приводит к тому, что общественная опасность становится объектно-субъективной категорией, так как оценивается по реальным последствиям и личному восприятию характера и степени оценивающего.

Говоря о субъективности, нельзя не упомянуть о чётком различии опасности преступления и опасности лица, совершившего преступление. Конечно, два этих явления взаимосвязаны – опасность личности, по большей части, определяется опасностью совершенного ею преступления, однако это ещё не значит, что следует однозначно объединять их воедино. Несмотря на существующее мнение о том, что отделить личность виновного от факторов, образующих общественную опасность, невозможно, следует так же учитывать и некоторые доводы против этой позиции [6].

Самое очевидное – это такие ситуации, как совершение преступления небольшой тяжести, при наличии опасного или особо опасного рецидива; совершение особо тяжкого преступления лицом ранее не судимым и т.д. Можно чётко пронаблюдать как общественная опасность преступления не соотносится с общественной опасностью лица: совершающий преступление небольшой тяжести опасный рецидивист, явно представляющий общественную опасность, а так же не представляющее общественной опасности ранее не судимое лицо, совершившее особо тяжкое преступление.

Таким образом, опасность лица и опасность преступления – это разные самостоятельные категории, связанные тем фактом, что обе они влияют, в конечном счёте, на решение суда по конкретному делу.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что общественная опасность имеет особое значение как признак преступления, однако не имеет легально закреплённого определения, из-за чего создаёт множество дискуссий в научном сообществе. Благодаря наличию общественной опасности, законодателем разграничиваются между собой преступления и иные правонарушения, однако довольно популярным является мнение о том, что все правонарушения в разной степени общественно опасны.

Общественная опасность, главным образом, возникает при наличии угрозы наступления или уже

наступивших последствий преступления. На основании этих последствий общественная опасность оценивается судом с объективной точки зрения, а так же дополнительно подвергается субъективной оценке судьи с учётом профессионального опыта и личного взгляда на весомость последствий и опасность лица, совершившего преступление. Лицо же, в свою очередь, может быть более или менее общественно опасным, чем совершённое им преступление, на что так же обязательно обращается внимание при оценке общественной опасности преступления.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Сафонов В.Н. К вопросу о реальной общественной опасности деяния // В.Н. Сафонов. — Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки, 2020. — С. 223-224.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Российская газета, 29.12.2015. — № 295.
4. Лопашенко Н.А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева, Д.А. Ковлагина, М.М. Лапунин, К.М. Хутов. — Правоприменение, 2020. — Т. 4. — № 4. — С. 124-140.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
6. Антонов А.Г. О соотношении категорий "общественная опасность преступления" и "личность преступника" // А.Г. Антонов. — Государство и право, 2019. — № 11. — С. 125-129.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ

Кузьменков Дмитрий Валерьевич, 4 курс юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Для достижения целей оперативно - розыскной деятельности, а именно защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, оперативные сотрудники и иные лица, привлекаемые для участия, проводят различные оперативно-розыскные мероприятия, закрытый перечень которых установлен в ст. 6 ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В рамках данной статьи, нас прежде всего интересует такое оперативно-розыскное мероприятие как оперативное внедрение. Федеральным законом не закрепляется определения оперативного внедрения, однако в доктрине встречается следующее понятие, , которое, на наш взгляд, довольно точно описывает его суть: «Оперативное внедрение – это ОРМ, заключающееся в практическом вводе в преступную организацию сотрудника правоохранительных органов или лица, сотрудничающего с оперативными службами на конфиденциальной основе, для решения вопросов оперативно-розыскной деятельности» [1]. Привлечение внештатных сотрудников и сторонних лиц, так называемых конфидентов, допускается в соответствии с п. 34 ч. 1 ст. 13 Федерального закона №3-ФЗ «О Полиции», в соответствии с которым полиция вправе «привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству» [2].

Данное ОРМ представляется как особо сложное и не имеющее аналогов в практике борьбы с преступностью. Для осуществления оперативного внедрения необходимы не только особенные личные и профессиональные качества, но так же и некоторые другие факторы, которые могут влиять на успешность достижения поставленных целей. Так, внедряемое лицо должно быть психологически устойчивым, обладать коммуникативными навыками и выстраивать доверительные отношения с конкретными людьми, а так же иметь познания по направлению деятельности преступной группы, в которую оно внедряется. К тому же, данное лицо должно быть неизвестным или малоизвестным для членов преступной группы. Обобщая, можно с уверенностью сказать, что внедряемому необходимо не только добиться результатов, но и остаться нераскрытым.

Проведение оперативного внедрения – это поэтапный процесс, требующий подготовки, нередко использующей способы, применяемые в других ОРМ, такие как наблюдение, опрос и т.д. В доктрине можно встретить разделение оперативного внедрения на этапы. Так, Толмачева М.А. подразделяет данное ОРМ на два этапа: познавательный, в ходе которого осуществляется сбор всей необходимой в дальнейшем информации, и тактический, начинающегося с момента непосредственного внедрения [3]. Отдельно следует отметить, что особенно тщательно должен осуществляться метод легендирования, неразрывно связанный с рассматриваемым мероприятием – от правдоподобно созданной легенды сильно зависит вероятность не быть раскрытым.

Так как оперативное внедрение требует сбора информации и тщательной подготовки, многие научные деятели не согласны с позицией законодателя о том, что оно является ОРМ. К примеру, профессор А. Ю. Шумилов считает оперативное внедрение оперативно-розыскной операцией, при том, в зависимости от конкретной оперативной ситуации (необходимости подготовки), оно всё же может упрощаться до состояния ОРМ [4].

Подобная сложность и комплексность оперативного внедрения оправдывается его несравненной эффективностью среди прочих ОРМ. Нахождение среди организованной преступной группы не только позволяет получать информацию «из первых рук», но и профилактически воздействовать на лиц, входящих в неё. Подобное было неоднократно отмечено процессуалистами – возможность изменить преступные планы, уменьшив, в итоге, степень их общественной опасности, или вовсе предотвратить их свершение ещё на ранних этапах – это то, что делает оперативное внедрение столь эффективным в достижении поставленных перед ОРД целей.

Но даже у столь эффективного оперативно-розыскного мероприятия существует множество проблемных аспектов, затрагивающих как законные, так и практические сферы ОРД.

Одним из самых проблемных вопросов нам представляется начальная часть внедрения в преступную группу, а именно вхождение в доверие преступных лиц, обладающих в ней авторитетом. Это, чаще всего, лидеры такой группы, и именно они ответственны за принятие всех решений, а так же планирования преступной деятельности других участников. Для получения возможности предпринимать какие-либо действия, внедряемому сотруднику (конфиденту) необходимо заручиться доверием таких лиц, стать «своим». Организованная преступная группа предполагает множественное совершение преступлений, а потому внедрённому сотруднику необходимо участвовать в преступной деятельности или имитировать таковую. Законодатель предусматривает это в ст. 16 ФЗ «Об ОРД», указывая, что «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам» [5], однако по какой-то причине не обозначает ни тяжесть причиняемого вреда, ни то, в каком случае он будет считаться вынужденным. Возникает соответствующий вопрос – если внедрённое лицо может не совершать преступление, но рискует потерять доверие со стороны членов преступной группы, будет ли данное обстоятельство достаточным для признания преступления вынужденным? По нашему мнению, ответ «Да», так как от этого зависит успешность проводимого мероприятия.

Так же, неясно каким образом соотносится ст. 16 ФЗ «Об ОРД» и обстоятельства, исключающие преступность деяния из гл. 8 УК РФ в случае с оперативным внедрением. Наиболее близким по смыслу кажется ст. 41 УК РФ, ч. 1 которой гласит: «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели» [6], однако в ч. 2 этой же статьи указывается, что риск будет считаться обоснованным лишь в случае, если не было другой возможности достигнуть цели без риска. Таким образом, в законе отсутствует конкретика, какое причинение вреда допускается и по какой причине оно не будет являться уголовно наказуемым.

Нам представляется возможным решение данного вопроса путём внесения изменений и дополнений в ФЗ «Об ОРД» и УК РФ. Так, Ст. 16 ФЗ «Об ОРД» должна быть изменена, уточняя степень допустимого вреда, а так же дополнена, указывая какой вред определяется как вынужденный. В УК РФ же, по аналогии с уже существующей ст. 41, можно добавить ст. 41.1 в следующей редакции: «Не является преступлением вынужденное причинение вреда уголовным законом интересам при проведении оперативно-розыскных мероприятий». Дополнительно, как и в случае с ФЗ «Об ОРД», следует указать во второй части данной статьи какой вред будет считаться вынужденным.

Впрочем, проблема правовой защиты внедряемого сотрудника (конфидента) – это вопрос, который возможно решить, однако оперативное внедрение имеет и ряд трудностей, которые не могут быть исправлены ввиду самой своей сути. Речь идёт о сложностях с подбором кандидатов для оперативного внедрения, ввиду уже вышеназванных в рамках данной статьи причин, а так же морально-этический вопрос.

Слишком многое требуется от внедряемого лица – оно должно обладать не только знаниями и навыками, которые возможно получить, но и таким, без преувеличения, актерским талантом, который есть не у многих. Успех всего ОРМ будет зависеть, во многом, от правдоподобности поведения внедрённого лица и его способности должным образом реагировать на непредвиденные обстоятельства. Именно поэтому, нам кажется, целесообразнее проводить оперативное внедрение исключительно с участием, что очевидно, более опытных оперативных сотрудников, нежели привлекаемых к сотрудничеству конфидентов.

Привлечение внештатных сотрудников, как было обозначено выше, нецелесообразное действие в случае с оперативным внедрением, однако возможность привлечения таких сотрудников предусматривается для всех ОРМ, что, на наш взгляд, так же может послужить аргументом в поддержку уже упомянутой позиции научных деятелей о том, что оперативное внедрение является оперативно-розыскной операцией, а не ОРМ.

Морально-этический вопрос о проведении оперативного внедрения – это граничащий с философией вопрос о том, допустимо ли совершение преступлений в целях борьбы с преступностью, при этом, данная тема находит отражение во всех поднятых выше вопросах. Целью ОРД в ст. 1 ФЗ «Об ОРД» обозначена «защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств», однако в таком случае справедлив вопрос: по какой причине законом допускается причинение вреда всему, что он же ставит своей целью защищать, и всегда ли цель оправдывает средства.

В заключение, хочется отметить, что оперативное внедрение, определённо, сложнейшее ОРМ на всех этапах своего проведения, как при подготовке, так и при непосредственном внедрении. Необходимость предварительного сбора информации и иные действия делают оперативное внедрение чем-то большим, чем

просто ОРМ. Самая же проблемная часть оперативного внедрения заключается в недостаточном закреплении в законе правовых гарантий для внедряемого лица в случае необходимости совершать преступления для достижения целей ОРД, а так же отсутствии для этого специальной нормы в УК РФ, что, в конечном итоге, может отрицательно сказываться на практической деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Баженов С.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: Электронное учебное издание // С.В. Баженов, Л.А. Бакланов, Д.А. Васильченко, В.А. Гусев. — Омск: Омская академия МВД России, 2020. - 206 с.
2. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Российская газета, 08.02.2011. — № 25.
3. Толмачева М.А. Сущность оперативного внедрения в оперативно-розыскной деятельности // М.А. Толмачева, И.В. Ерохин. — Наука и Просвещение, 2020. — С. 122-124.
4. Яскевич А.В. Вопросы оперативного внедрения // А.В. Яскевич. — Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса, 2019. — С. 141-143.
5. Об оперативно розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Российская газета, 18.08.1995. — № 160.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕОСТОРОЖНОГО ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ОТ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО

Кулинич Алексей Евгеньевич, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович – научный руководитель, старший преподаватель

При рассмотрении преступлений, предусмотренных ст. 109 УК РФ «причинение смерти по неосторожности» и ч. 4 ст. 111 УК РФ «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего» возникают немалые вопросы. Актуальность данной проблематики подтверждает и тот факт, что ряд исследователей оспаривает правильность конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ [1].

К примеру, В.В. Заказчиков считает, что убийства уходят в сферу латентности, маскируясь под состав, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ, и в своей классификации относит предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ деяние к преступлениям, связанным с угрозой жизни или причинения смерти человека, которые по объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне совпадают с убийствами, но в силу некоторых причин не квалифицируются как убийства. Исследователь предлагает отказаться от состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК, так как даже простая трактовка данной нормы показывает, что речь в ней идёт именно об убийстве. По мнению В.В. Заказчикова, никакая неосторожность по отношению к смерти со стороны преступника, умышленно причинившего тяжкий, опасный для жизни вред здоровью потерпевшего, не может существовать [2. – С. 43].

Можно отметить и других ученых, которые также выступали с критикой конструкции состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. В частности, Т.В. Сысоева считала, что наличие тяжкого повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, создало путаницу в судебной практике, что повлекло за собой множество ошибок, причиной которых было отсутствие границы между данным видом преступления и убийством [3. – С. 249].

Стоит также рассмотреть и различия между составами преступлений, предусмотренных ст. 109 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Так, «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего» посягает на два объекта: жизнь и здоровье, в отличие от «причинения смерти по неосторожности», которое посягает на жизнь и отношения во время исполнения профессиональных функций.

С объективной стороны различия между данными составами преступлений заключаются в том, что ч. 4 ст. 111 УК РФ, в отличие от ст. 109 УК РФ, предполагает в своей формулировке, что действия виновного направлены именно на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему. В то же время, в составе, предусмотренном ст. 109 УК РФ говорится, что действия виновного не были направлены на причинение тяжкого вреда здоровью, и смерть виновного лица является, как правило, результатом нарушения техники безопасности.

В свою очередь, субъективная сторона данных составов преступлений тоже значительно различается между собой. Если ст. 109 УК РФ характеризуется неосторожной формой вины к последствиям в виде смерти потерпевшего, то ч. 4 ст. 111 УК РФ содержит в себе две формы вины: умышленную на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего и неосторожную – к причинению смерти потерпевшего.

При этом, как отмечает Ю.А. Сокольников, прямой или косвенный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, наравне с неосторожностью по отношению к смерти потерпевшего на практике вызывает значительные трудности, поскольку он является практически единственным главным различием при квалификации действий виновного лица по ч. 4 ст. 111 УК РФ [4. – С. 161].

По нашему мнению, причинение смерти по неосторожности отличается от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека тем, что в преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ, смерть выступает результатом умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в то же время умысел на причинение смерти отсутствует. В свою же очередь, при причинении смерти по неосторожности умысел отсутствует как на причинение тяжкого вреда здоровью, так и на лишение жизни.

Данное мнение также поддерживает и С.М. Килепо, который считает, что разница данных составов преступлений заключается в психическом отношении к причинению тяжкого вреда здоровью как промежуточному результату. Так, по мнению исследователя, в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего у виновного имеет место прямой или косвенный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, а в случае причинения смерти по неосторожности – умысел отсутствует. Как отмечает исследователь, базовых рекомендаций по разграничению данных составов преступлений между собой явно недостаточно, и часто они нуждаются в применении с учетом конкретных обстоятельств содеянного [5. – С. 70].

Таким образом, проблема разграничения причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего и причинения смерти по неосторожности актуальна и сегодня. В заключение стоит отметить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», в котором законодателем была предпринята попытка решения данной проблемы. Так, согласно данному Постановлению, при установлении направленности умысла на причинение тяжкого вреда здоровью правоприменителем должны учитываться следующие обстоятельства [6]:

1) Наличие иных действий, направленных на причинение тяжкого вреда здоровью, либо угроз;

2) Характер, количество и локализация повреждений на теле потерпевшего, а также способ и орудие совершения преступления;

3) Наступление смерти потерпевшего стало непосредственным результатом действий виновного.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Заказчиков В.В. Отграничение преступления, предусмотренного Ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступлений: проблемы судебной практики / В.В. Заказчиков // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 10. – С. 40–45.
3. Сысоева Т.В. Проблемы отграничения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности) от преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) / Т.В. Сысоева // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11. – С. 248–249.
4. Сокольников Ю.А. Проблемы отграничения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступления / Ю. А. Сокольников // Молодой ученый. – 2018. – № 38. – С. 160–162.
5. Килепо С.М. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 109 и ч. 4 ст. 111 УК РФ / С.М. Килепо // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 68–74.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.

ВОПРОС О ПРИВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К СОДЕЙСТВИЮ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Лацо Ксения Денисовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна — научный руководитель, старший преподаватель

Содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее ОРД), можно определить, как помощь или деятельное участие физических лиц в подготовке и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ) при условии неразглашения сведений о личности и характере их действий. Данное содействие заключается в сборе и получении оперативно значимой информации, представляющей для органов внутренних дел оперативный интерес, действия по использованию добытых сведений для подготовки и проведения ОРМ.

Граждан к данному сотрудничеству согласно ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи

посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя помощь … отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе.» [1].

Согласно ст. 17 рассматриваемого ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ, лица с их согласия могут привлекаться к подготовке или проведению ОРМ с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим ОРД.

А также в ст. 17 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ перечислены основные требования к лицу, с которым можно заключить контракты. Так, лица должны быть совершеннолетними и дееспособными независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения ОРМ, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам.

Согласно ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ, лица, содействующие органам, осуществляющим ОРД, находятся под защитой государства. Сведения о данных лицах относит к государственной тайне. Они могут быть преданы гласности только с письменного согласия этих лиц или в других случаях, прямо предусмотренных законом.

То есть государство гарантирует лицам, содействующим по контракту органам, осуществляющим ОРД, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту.

Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (п. 34 ст. 13) предусмотрено, что полиция для выполнения возложенных на нее обязанностей вправе устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе, объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений [2].

В ст. 17 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указываются два главных условия заключения контракта о сотрудничестве с лицом — дееспособность и совершеннолетние кандидата. Рассматриваются они в совокупности, и при отсутствии одного из этих обязательных условий делает заключение контракта просто невозможным.

По общему правилу известно, что совершеннолетним признается лицо, достигшее 18-ти летнего возраста. Соответственно, не возникает сомнений, что на момент заключения контракта о содействии органам, осуществляющим ОРД, лицо должно достигать 18-ти летнего возраста и быть полностью дееспособным.

В случае, когда в отношении лица, вынесено судебное решение об ограничении дееспособности или оно признано судом недееспособным, то заключение контракта с данным лицом становится невозможным.

Однако, в литературе существует дискуссия о том, не стоит ли снизить возрастной порог для заключения контракта о содействии органам, осуществляющим ОРД.

Например, в статье 20 Уголовного Кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ лицо можно привлекать к ответственности за совершения преступлений с шестнадцатилетнего и за определённые преступления с четырнадцатилетнего возраста [3]. Законодатель определил, что достигнув вышеуказанных возрастов несовершеннолетний по уровню своего развития в состоянии осознать общественную опасность совершенного деяния, смысл самой ответственности за совершение противоправного деяния.

Если посмотреть на дееспособность и возраст сквозь призму гражданского законодательства, то согласно ч. 2 ст. 21 Гражданского Кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ «в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак. Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет…» [4].

Существует еще одно условие, если лицо признано по началу трудовой деятельности ранее восемнадцатилетнего возраста – лицо признается полностью дееспособным в соответствии со ст. 27 ГК РФ «Эмансипация», закрепляющей, что «несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью…».

Проанализировав вышеуказанные статьи ГК РФ, можно сделать вывод, что полностью дееспособным может быть и несовершеннолетнее лицо. Но нормы данных статьей не следует рассматривать при определении возраста кандидата на сотрудничество, так как в случае эмансипации несовершеннолетний осуществляет трудовую деятельность с согласия родителей, то есть лицо находится под их контролем.

Ханнанов Р.Р. в своей статье указывает, что «необходимо соотносить возраст привлечения несовершеннолетнего к оказанию негласного содействия с необходимостью решения задач, к которым он привлекается в борьбе с преступностью, то есть, если лицо привлечено к содействию, то оно может привлекаться к решению задач в борьбе только с теми видами преступлений, по которым оно достигло возраста привлечения к уголовной ответственности.» [5, С. 210].

С высказыванием автора не согласна так как, хоть по мнению законодателя лицо 14-ти летнего возраста понимает общественную опасность и противоправность определённого деяния, это значит, что оно способно адекватно оценить свою роль и участие в проведении ОРМ. Но при привлечении несовершеннолетнего к ОРМ по преступлению, к которому он подлежит уголовной ответственности, следует учитывать способность

несовершеннолетнего перенести физические, моральные, психологические тягости. Так, в случае наступления опасности при проведении ОРМ несовершеннолетний в силу своей неопытности, не достижения социальной зрелости, психологической несформированности, без должной физической подготовки может потерять контроль над собой, не среагировать так, как требует возникшая та или иная ситуация при проведении ОРМ, или не сможет осознать наступления опасности для него, ставя тем самым свою жизнь и здоровье под угрозу. Поэтому, не следует привлекать лиц, достигших 14-ти и 16-ти летнего возраста к содействию в борьбе с преступными проявлениями.

В случае, когда оперативный сотрудник для решения определенной задачи ОРМ привлекает лицо, достигшего 14-ти и 16-ти летнего возраста, должен заботится о безопасности данного лица. Так же сотруднику следует осуществлять в отношении него оперативно-профилактические мероприятия, заключающиеся в принятии мер воспитательного характера путем индивидуально-профилактического воздействия формирующее у него правовое послушание. При возникновениях обстоятельств, свидетельствующих о возможности причинения любого вреда несовершеннолетнему следует отказаться от его привлечения к содействию в данное время.

Таким образом, рассмотрев проблему привлечения несовершеннолетнего к содействию органам, осуществляющим ОРД, можно сделать следующие выводы:

1. Следует отметить, что ст. 17 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ не нуждается в изменении, в части привлечения для сотрудничества по контракту. Однако, несовершеннолетние могут быть привлечены в процесс проведения ОРМ разово или без контракта с учетом их возможности адекватно оценить свою роль в проведении оперативно-розыскного мероприятия, способности перенести физические, моральные, психологические тягости.
2. Возраст несовершеннолетнего привлекаемого к содействию оперативным сотрудникам должен соотносится с конкретными целями их привлечения.

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1995. — № 33. — ст. 3349.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022)// Собрание законодательства РФ, 2011. —№ 7. — ст. 900.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022)// Собрание законодательства РФ, 1996. —№ 25. — ст. 2954
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022)// Собрание законодательства РФ, 1994. —№ 32. — ст. 3301.
5. Ханнанов Р.Р., Харитонов А.А. К вопросу о содействии несовершеннолетних в решении задач оперативно-розыскной профилактики преступности в подростковой среде /Р. Р, Ханнанов, А. А. Харитонов // Право и управление. —2022. — №10.

НЕОСТОРОЖНАЯ ФОРМА ВИНЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ВОЛЕВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Литвинова Полина Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович – научный руководитель, старший преподаватель

Анализ уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод о том, что некоторые составы преступлений, схожие между собой по признакам объективной стороны, можно разграничить лишь по форме вины (например, составы преступлений, предусмотренных ст. 105 и 109 УК РФ, ст. 111 и ст. 118 УК РФ и т.д.). Поэтому рассмотрение вопроса о понятии неосторожной формы вины в уголовном праве носит весьма актуальный характер [3, с. 131].

Прежде всего, необходимо всегда помнить, что в основе неосторожной формы вины лежат невнимательность и неосмотрительность, которые могут повлечь негативные правовые последствия. Во-вторых, в условиях развития технологий и совершенствования человека как личности, число преступных деяний, совершённых по неосторожности, во многих сферах жизнедеятельности человека значительно возросло.

Согласно мнению подавляющего большинства ученых, «вина» есть «психологическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и его последствиям в форме умысла или неосторожности, это ядро субъективной стороны преступления» [2, с. 45].

Субъективная сторона – важный элемент состава преступления, отражающий его внутреннее (психологическое) содержание. Субъективная сторона состава преступления является наиболее сложной для установления и доказывания, ее основным элементом как раз и является вина. В каждом конкретном случае правоприменителю необходимо правильно установить именно ту форму вины, которая предусмотрена

уголовным законом, но на практике это вызывает многочисленные проблемы, так как вина является не только уголовно-правовой категорией, а изучается целым комплексом наук.

Вина является обязательным признаком любого состава преступления. Общественно опасное деяние, совершенное невиновно, не влечет уголовной ответственности.

Действующее уголовное законодательство различает две основные формы вины — умысел (ст. 25 УК РФ) и неосторожность (ст. 26 УК РФ). В данной статье непосредственно обратимся к неосторожной форме вины, ее понятию, видам и интеллектуально-волевому содержанию. Сходство между этими формами вины заключается в том, что они являются формами виновного психического отношения к совершенному деянию и наступившим последствиям. Основные различия коренятся в специфическом содержании интеллектуального и волевого момента, которые образуют конкретную форму вины.

Современное уголовное законодательство содержит законодательное определение неосторожной формы вины. В соответствии с ч.1 статьи 26 УК РФ преступлением, совершенным по неосторожности, признается «деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности». Общественно опасное деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением в случае, специально предусмотренном соответствующей статьей УК РФ [1, ст.26].

Преступление признается совершенным по легкомыслию в случае, если «лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий» (ч.2 ст. 26) [1, ст.26]. При этом важно установить осознает ли при легкомыслии лицо, совершившее преступление, общественную опасность своего деяния. В юридической литературе по этому вопросу можно встретить две точки зрения. Сторонники первой точки зрения полагают, что законодательное указание на предвидение возможности наступления общественно опасных последствий означает, что лицо в момент совершения деяния осознавало его общественную опасность. Сторонники другой точки зрения акцентируют внимание на то, что при легкомыслии лицо не допускает наступление общественно опасных последствий, самонадеянно рассчитывая на их предотвращение. Тем самым, виновный не осознает и опасности совершаемого деяния.

Преступление признается совершенным по небрежности в случае, если «лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия» [1, ст.26].

Законодательная модель вины, установленная в положениях УК РФ, основывается на психологической концепции вины, которая сводит родовое понятие вины к значению сознательной и волевой деятельности лица, совершившего общественно опасное деяние. Рассматриваемая категория интеллектуально-волевого (психологического) отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям и является содержанием конкретной формы и вида вины.

В контексте интеллектуально-волевого содержания неосторожной формы вины представляется возможным отдельно рассмотреть преступление, совершенное по легкомыслию. В данном случае интеллектуальный момент характеризуется способностью лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия).

Уголовный закон при этом не обязывает лицо в данной ситуации осознавать общественную опасность своего деяния. Волевой момент характеризуется тем, что лицо без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение общественно опасных последствий. Легкомыслие тесно связано с предвидением общественно опасных последствий, поэтому можно утверждать о том, что в формальных составах преступления не может иметь место преступное легкомыслие.

Таким образом, были рассмотрены понятие неосторожной формы вины, её виды, интеллектуально-волевое (психологическое) содержание данной формы вины в действующем уголовном законодательстве РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Никонович, С.Л. Уголовное право. Общая часть: учебник для студентов вузов / С.Л. Никонович, Д.Н. Кожухарик, М.Д. Давитадзе [и др.]; под ред. А.В. Федорова, Д.Н. Кожухарика // М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2021. – 303 с.
3. Тирских, А.А. К вопросу о понятии неосторожной вины в уголовном праве / А.А. Тирских, А.А. Тирских // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3(13). – С. 129-136. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46675198 (дата обращения: 14.02.2023).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Литвинова Полина Александровна – 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Отношения собственности являются одной из фундаментальных основ, обеспечивающих нормальное функционирование экономической деятельности государства и существующего в нем гражданского общества. Текущая статистика свидетельствует о том, что абсолютное большинство регистрируемых в Российской Федерации преступлений относятся именно к преступлениям против собственности.

Преступления против собственности включают в себя корыстные уголовно наказуемые посягательства на чужую собственность (гл.21 «Преступления против собственности»), которые совершаются путем: кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства, присвоения или растраты и других видов преступлений против собственности [1]. Преимущественную роль в предупреждении совершения преступлений рассматриваемой категории занимают правоохранительные органы, которое в свою очередь зависит от знания состояния и основных тенденций преступлений этого вида, понимания их причин, учета особенностей личности корыстного преступника.

Все преступления против собственности нередко относят к категории «корыстные преступления», понимая под ними умышленные посягательства на имущество или иные материальные ценности, находящиеся в чужой собственности независимо от ее формы (частная, общественная, государственная и др.) в целях незаконного обогащения за чужой счет. Корысть в данном случае выступает своего рода своеобразным характером мотивации личности, ее стремление получить материальную выгоду преступным путем.

Детерминантами (причинами, факторами) корыстных преступлений могут выступать многие социально-психологические, политические, и иные факторы, к которым можно отнести: криминогенную роль социально-экономического неравенства; материальную нужду личности; недостатки, существующие в деятельности правоохранительных органов или в законотворческой деятельности; правовой нигилизм в обществе; безработицу и маргинализацию населения, а также иные причины.

Далее можно определить общие для преступлений против собственности тенденции развития и криминологические особенности. В частности, к ним относятся:

1) абсолютный и относительный (к численности населения) рост количества этих преступлений (в данном случае это среднестатистическая тенденция, которая не ставится в зависимость от того, что по отдельным видам преступлений рассматриваемой группы в какие-то периоды их количество стабилизируется или даже сокращается);

2) рост их удельного веса в общем объеме преступности;

3) высокие темпы прироста, превышающие, как правило в 2 - 3 раза, соответствующие показатели насильственной преступности;

4) возрастание уровня латентности [4, с. 5].

Статистические данные демонстрируют работу всех социальных институтов, в том числе и правоохранительных органов в деле борьбы с преступностью. Проводя криминологический анализ отдельных видов преступности, криминологи часто берут за основу своих исследований статистические данные о преступлениях против собственности, совершенных на территории Российской Федерации.

Официальный сайт МВД России опубликовывает краткую характеристику состояния преступности в Российской Федерации за определенные промежутки времени, например, за январь-июнь 2022 года: кражи составили 34,3%, мошенничество – 16,5 %, грабеж и разбой – 1,7 %, присвоение и растрата – 0,7 %, то есть, как сообщает МВД РФ общее количество зарегистрированных разбоев в январе-июне уменьшилось на 14,5%, грабежей – на 5,4%, краж – на 2,5%, в том числе квартирных – на 1,1% и краж транспортных средств – на 18,7%. Отмечается снижение числа мошенничеств – на 1,8%. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено на 2,1% меньше преступлений, чем годом ранее. Количество уличных разбоев сократилось на 9,2%, грабежей – на 8,1% [3].

Социальный портрет преступности (по общему количеству преступлений) делится обычно на четыре группы: по образованию, по принадлежности к гражданству, по социальному составу, по возрасту, а также по половой принадлежности лиц, совершивших преступления разной направленности. Так, по Новосибирской области в 2021 году наиболее часто совершали преступления лица, не имеющие постоянного источника дохода (68,86 %), а также наемные рабочие (22,92 %), далее идут учащиеся и студенты, служащие и др. категории лиц. По возрастному критерию отражена такая статистика: 30-49 лет (55,34 %), 18-24 (14,80%), 25-29 (13,56%), более 50 лет (10,54%). Также, более часто совершают преступления мужчины, нежели женщины [5]. Рассмотрев правовую статистику, можно составить определенный портрет лица, которое чаще всего совершает преступления.

При этом следует учитывать то, что официальная статистика не отражает истинного объёма совершаемых преступлений данной группы. Это связано с тем, что корыстные преступления против собственности характеризуются высоким уровнем латентности, который меняется в зависимости от характера

совершаемого преступления. Так, уровень латентности краж составляет порядка 40-50%, латентность мошенничеств заметно выше, она может достигать 85-90% и связана со спецификой механизма совершения данного преступления.

Немаловажно рассмотреть возможные меры предупреждения преступности, представляющие собой воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительного, исправительного воздействия. Применительно к преступности против собственности могут быть использованы следующие меры:

1. Экономические меры, включающие в себя преодоление экономического кризиса, снижение уровня безработицы, выравнивание уровня дохода;

2. Правовые меры, основанные на устранении противоречивости в законодательном регулировании собственности, его модернизации; реформировании уголовного законодательства, приведении в соответствие с ним отрасли национального права;

3. Организационные меры, включающие, в частности, выявление субъектов, которые наиболее склонны к совершению корыстных преступлений, пресечение формирование преступных группировок; трудовое и бытовое благоустройство субъектов, которые освобождаются из мест лишения свободы и др.;

4. Технические меры, направленные на внедрение технических средств контроля в жилые или нежилые помещения, надлежащее освещение улиц в ночное время, установку в общественных местах пунктов оперативной связи с сотрудниками полиции и прочие [2, с. 41].

Таким образом, корыстная преступность представляет собой систему совершения за определенный период времени общественно-опасных преступных деяний, которые реализуются по мотивам корысти и направленные на достижение основной цели в виде удовлетворения имущественных потребностей, стремление наживы посредством завладения чужой собственностью и имуществом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Агагасанов, А.Ш. Криминологическая характеристика корыстных преступлений / А.Ш. Агагасанов, Л.А. Исаева // Контентус. – 2019. – № 6(83). – С. 38-42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-korystnyh-prestupleniy (дата обращения: 03.04.2023).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года // Сайт: МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/31209853/ (дата обращения: 01.04.2023).
4. Мелехин, С.А. Криминологическая характеристика преступлений против собственности / С.А. Мелехин // Юридический факт. – 2019. – № 60. – С. 3-6. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39864288 (дата обращения: 02.04.2023).
5. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура РФ // URL: http://www.crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 02.04.2023).

УВАЖЕНИЕ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Лоось Ангелина Евгеньевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Существенным фактором демократизации российского общества служит конституционное закрепление прав и свобод человека в качестве высшей ценности, а также приверженность им согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Однако дистанция между закрепляемыми правопредписаниями, правами и свободами и возможностью ими реально воспользоваться слишком велика, потому что формальное признание самых широких прав и свобод не означает одномоментного появления у человека возможности в полном объеме пользоваться лежащими в их основе благами. Необходим эффективный социально-юридический механизм реализации прав и свобод, включающий гарантии их обеспечения. Те или иные гарантии непосредственно воплощаются в деятельности конкретных государственных органов, в том числе органов, наделенных правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

По своей сути природа оперативно - розыскной деятельности такова, что неизбежно затрагивает права и свободы личности, вовлекаемой в сферу ее осуществления. В ряде случаев оперативно-розыскные мероприятия касаются значительного числа лиц, не причастных к преступлениям, а также действиям, создающим угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ, но зачастую, вопреки своей воле или случайно, соприкасающихся (в силу, совместного проживания, товарищеских отношений и т. п.) с лицами, совершившими противоправные деяния. Все это требует наличия системы защиты, охраны и восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов общественных

отношений, возникающих в сфере оперативно - розыскной деятельности и дальнейшего совершенствования самой деятельности.

Конституция Российской Федерации провозглашает высшей ценностью государства человека с его правами и свободами. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Защита жизни человека от преступных посягательств с помощью оперативно-розыскных средств и методов наполняет конституционное положение о том, что каждый имеет право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ), реальным содержанием. Наряду с этим, признанные и гарантированные в главе 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина непосредственно поставлены государством под охрану от преступных посягательств. В частности, таким «охранным» средством является осуществление оперативно - розыскной деятельности в необходимых и допустимых законом случаях. Однако успешная борьба с преступностью немыслима без вынужденного вмешательства органов внутренних дел в частную жизнь человека. Такое вторжение неминуемо влечет за собой ограничение тех или иных прав и свобод индивида, однако делается это во благо государства и народа. Статья 55 Конституции Российской Федерации допускает некоторые ограничения прав и свобод граждан, но только с условием, что оно будет предусмотрено федеральным законодательством и только в той мере, в какой это необходимо для защиты законных интересов других лиц[1].

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, не располагают столь широким арсеналом ограничения прав граждан, как уголовный процесс, административное право, но в отличие от последних эти ограничения носят скрытый от граждан характер. Несмотря на это, в процессе оперативно-розыскной деятельности существует механизм обеспечения прав и законных интересов личности.

Под обеспечением конституционных прав и свобод личности понимают либо систему гарантий, т. е. систему общих условий и специальных (юридических) средств, которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях и охрану , либо деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенций, обязанностей с целью создания оптимальных условий для организации правомерного осуществления прав и свобод .

Общим для приведенных определений является указание на то, что обеспечение прав есть создание благоприятных условий для их реализации и охраны. В сфере оперативно-розыскной деятельности это обеспечивается следующим образом:

- соблюдение субъектами оперативно - розыскной деятельности положений оперативно-розыскного законодательства;
- судебный контроль за законностью и обоснованностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан (ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);
- законодательно закрепленная процедура ознакомления граждан с материалами, полученными в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих их права и свободы (ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») [2].

Проведение любых оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается исключительно на основании судебного решения и только при наличии информации:

- о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;
- о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;
- о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Процедура рассмотрения судьей материалов об ограничении конституционных прав граждан органами, осуществляющими ОРД, в законе четко не прописана. Нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно ст.9 определяют порядок судебного рассмотрения оперативных материалов в самом общем виде. Многое в этой процедуре отнесено на усмотрение судей и представителей органов, являющихся инициаторами проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Рассмотрение материалов на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Оперативные материалы рассматриваются уполномоченным судьей единолично и незамедлительно. Такое рассмотрение проводится вне рамок судебного разбирательства и втайне от лиц, чьи конституционные права подлежат ограничению. Указанная особенность подобной судебной процедуры признана правомерной Конституционным Судом Российской Федерации.

Неучастие проверяемого лица в принятии решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия, сопряженного с ограничением конституционных прав и свобод, не освобождает суд от обязанности в полном объеме проверить наличие оснований и условий для проведения такого мероприятия, в том числе путем истребования у органа, осуществляющего оперативно - розыскную деятельность, дополнительных материалов.

В соответствии с ч. 4 ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» принимаемое судом решение должно быть мотивированным, содержащим ссылки на конкретные обстоятельства, подтверждающие как наличие признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного тяжкого или особо тяжкого преступления, либо события или действия (бездействия), создающего угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, так и причастность лица, в отношении которого планируется проведение оперативно - розыскных мероприятий, к данному преступлению или событию. При принятии такого решения подлежат оценке и учету также иные обстоятельства, обусловливающие необходимость производства того или иного мероприятия[3].

Поскольку в этой процедуре суд общей юрисдикции действует непосредственно в силу требований ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции РФ и в рамках, определяемых ст. 46, 118 и 126 Конституции РФ, его решения, их содержание и форма должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к любым процессуальным решениям, а именно – требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Таким образом, судья выносит мотивированное решение, заверенное печатью, которое выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия. Каких-либо предписаний, освобождающих суд от выполнения требования о мотивированности вынесенного решения, оспариваемая норма не содержит.

При проведении проверки законности проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, прокурор должен обращать внимание на следующие обстоятельства:

- наличие постановления о возбуждении ходатайства перед судом о даче разрешения на проведение оперативно - розыскных мероприятий, вынесенного надлежащим должностным лицом оперативно-розыскного органа;
- наличие законных оснований для вынесения такого постановления;
- наличие судебного постановления, разрешающего проведение оперативно - розыскных мероприятий;
- наличие в судебном постановлении установленного срока проведения оперативно - розыскных мероприятий;
- соблюдение срока проведения оперативно - розыскных мероприятий, указанного в судебном постановлении;
- соблюдение процедуры продления срока проведения оперативно - розыскных мероприятий при необходимости проведения оперативно - розыскных мероприятий свыше шести месяцев;
- соблюдение порядка проведения оперативно - розыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства и процедуры уведомления об этом суда[4];

В соответствии со ст.5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке (т. е. в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления) и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, может истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. В случае если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в судебном порядке. В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий оперативно-розыскной орган.

Кроме того, лицо, полагающее, что действия должностных лиц оперативно-розыскных органов привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящем органе, у прокурора и в суде. Граждане могут подать жалобу в письменном виде, а также записаться на прием к руководителю ОВД или его заместителю. Все поступившие жалобы граждан регистрируются в специальном журнале. В нем руководитель определяет сроки проверки жалобы и исполнителей проверки жалобы. При этом запрещается направлять жалобы граждан для разрешения тем органам и должностным лицам, действия которых обжалуются[5].

За защитой своих прав, которые были нарушены должностными лицами оперативно-розыскных органов, граждане вправе обратиться в суд. Предметом судебного рассмотрения чаше всего являются вопросы законности проведения оперативно - розыскных мероприятий и возможность восстановления нарушенных прав и свобод или возмещение причиненного вреда. Если суд рассматривает жалобу сразу по нескольким вышеуказанным основаниям, данные дела могут быть объединены в одно производство.

В целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан предоставить прокурору или судье по их требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, которые ограничили или нарушили конституционные права и свободы заявителя, за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе[6].

При нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда. Кроме того, предусматривается и ответственность должностных лиц оперативно-розыскных органов за нарушения, которые были допущены в ходе их профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Букина, С. А. Проблемы реализации основных прав и свобод человека и гражданина в РФ//С. А. Букина. — Текст : непосредственный//Молодой ученый. — 2023. — № 3 (450). — С. 321-322.
4. Нравственные основы оперативно-розыскной деятельности в вопросе уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина//Фатхуллин Р.Р. В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты.//Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 400-404.
5. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности//Шатохин И.Д., Чечетин А.Е.// Барнаул, 2020.- 192 с.
6. Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина в процессе их ограничения// Одина Н.В.// Закон и право. 2018. № 5. С. 50-53.

СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мамлиева Ирина Вугар кызы, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Данная тема считается весьма сложной, но в то же время интересной для изучения, так как психическое состояние виновного является немаловажным фактором в уголовном законодательстве. Одним из видов такого психического состояния выделяется аффект. Аффектами называются чрезвычайно сильные, быстро возникающие и бурно протекающие кратковременные эмоциональные состояния. На практике нередки случаи, когда физически слабые люди, находящиеся в состоянии сильного эмоционального возбуждения, совершают действия, которые не могут совершить в спокойной обстановке. Объективная сторона преступления – причинение вреда виновным лицом. В состоянии аффекта сознание, способность представлять и мыслить суживаются, подавляются [1]. Следует сказать о том, что в психологии и уголовном праве понятие аффекта различаются. В первом случае состояние сильного душевного волнения выражается в кратковременной, но бурно протекающей психической реакции, во время которой сужается сознание и способность рассуждать, ослабляется способность контролировать свои действия. Также можно понаблюдать за поведением лица, совершившего преступление, у него начинается «нестандартное поведение». В Уголовном кодексе Российской Федерации, а именно в ст. 107, четко определены обстоятельства, которые могут повлиять на внезапно возникшее неконтролируемое поведение: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, аморальные действия или бездействия и др. [2]. Совершение иных преступлений в состоянии аффекта может быть признано смягчающим наказание обстоятельством, согласно ст. 61 УК РФ [2]. Таким образом, видим, что закон не говорит о том, что человек в состоянии аффекта является невменяемым, не осознает свои действия и не может руководить ими.

Аффект бывает нескольких видов, к основным из них относятся патологический и физиологический. Патологический аффект – кратковременное, сверхинтенсивное переживание, достигающее такой степени, при которой наступает полное помрачение сознания и парализация воли [3] В этом случае лицо признается невменяемым и не подлежит уголовной ответственности.

В уголовном праве физиологический аффект связан с внезапным сильным, но кратковременным эмоциональным состоянием (эмоциональным возбуждением), при котором нарушается психическая деятельность. Человек не до конца понимает ситуацию и совершаемые им действия, и практически не контролирует их. Какой бы вид аффекта не был, его наличие может изменить положение виновного. Таким образом, деяние лица, совершившего преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, может быть квалифицироваться в соответствии со ст. ст. 107, 113 УК РФ [2].

В Уголовном кодексе РФ содержится две статьи, предусматривающие ответственность за совершение преступления в состоянии аффекта: совершение убийства (ст. 107) и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 113) [2].

Для квалификации преступления как убийства, совершенного в состоянии аффекта, необходимы следующие обстоятельства:

1. В момент совершения преступления виновный находится в состоянии внезапно возникшего сильного психического возбуждения –аффекта, который устанавливается в дальнейшем судебно-психиатрической экспертизой;

2.Это состояние было вызвано, спровоцировано, незаконным, противоправным или аморальным поведением потерпевшего до совершения преступления.

Однако стоит акцентировать внимание на том, что если умысел и его реализация произошли позже, то оснований для квалификации действий виновного в соответствии со ст. 107 или 113 УК РФ нет, по той причине, что в аффективных состояниях (за исключением патологического аффекта) намерение убить или причинить вред здоровью возникает до окончания внезапного сильного эмоционального возбуждения [3]. Закон не требует совершения потерпевшим деяния, которое квалифицируется как преступление. Это может быть другое противоправное поведение (действие или бездействие), которое вызывает состояние аффекта у виновного.

Необходимо сказать, что в соответствии с ст. 73 УПК РФ видим, что состояние аффекта является обстоятельством, подлежащим доказыванию [4]. Окончательное решение о вменяемости - невменяемости выносит суд, рассматривая заключение экспертизы как одно из доказательств. Таким образом, получается, что виновному лицу обязательно следует провести психиатрическую экспертизу, так как человек в состоянии аффекта утрачивает такие способности, как объективное оценивание ситуации, контролирование своих эмоций и действий.

Проанализировав вышеизложенное, можно прийти к выводу, что аффект означает состояние человека, выражающееся в сильном эмоциональном возбуждении, характеризующемся кратковременным сужением сознания, с неожиданностью возникновения, значительным нарушением лицевого контроля над своими действиями. Именно поэтому при квалификации преступлений, совершенных в состоянии аффекта, правоприменителю необходимо обладать дополнительными знаниями не только в области права, но и в сфере психологии и психиатрии. Именно поэтому, психиатрическая экспертиза позволит установить состояние аффекта или его отсутствие при совершении преступления, а так же разграничить патологический и физиологический аффекты.

Список литературы

1. Психология и педагогика: Учебное пособие / Николаенко В.М., Залесов Г.М., Андрюшина Т.В. и др.; Отв. ред. канд. филос. наук, доцент В.М.Николаенко. - М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 2000. - 175 с. // [Текст электронный] URL: https://pedlib.ru/Books/2/0491/2_0491-119.shtml.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации 13 ноября 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 25, 17.11.1996, ст. 2954 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Лях Ю.А. Методика расследования аффективных убийств: Магист. дис. на соиск. ст. маг. / Томс. гос. ун-т. - Томск: ТГУ, 2018. - 93 с. // [Текст электронный] URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/Лях-Юлия-Андреевна.pdf.
4. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (ч. I), 24.12.2002, ст. 4921 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Манагарова Мария Сергеевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

В криминологической науке до сих пор не сложилось точной характеристики понятия экономической преступности.

В настоящие время существует три подхода к определению понятия «экономическая преступность»:

1. Экономические преступления – это все деяния, затрагивающие любые экономические отношения. К ним относятся и общеуголовные деяния, которые связаны с покушением на собственность (кража, грабеж).

2. Экономические деяния – это деяния, совершаемые в сфере экономики. К данной категории будут относиться как преступления, осуществляемые в процессе экономической деятельности, так и не связанные с ней, но происходящие в рамках деятельности хозяйственной системы (хищения на производстве).

3. Экономические деяния – только те, которые происходящие в сфере предпринимательской деятельности и бизнеса [1, с. 61-62].

В данной работе автор придерживается мнения, что к экономической преступности относятся преступлениями в сфере экономической деятельности, предусмотренные главой 22 УК РФ, данная глава содержит в себе статьи 169-200.5.

Преступления в сфере экономической деятельность можно представить в виде системы:

- преступления, посягающие на основы банковской и предпринимательской деятельности – статьи 169-173.2, 179, 183, 195-197 УК РФ;
- преступления, которые связанны с оборотом имущества, приобретённого преступным путем – статьи 174, 175 УК РФ;
- преступления, посягающие на основы кредитно-финансовой деятельности – статьи 176, 177, 185-187 УК РФ;
- преступления, связанные с экономической монополией – статьи 178, 180, 181, 191, 192 УК РФ;
- преступления, связанные нарушение правил перемещения материальных ценностей через границу РФ – статьи 189, 190, 193 УК РФ;
- преступления, посягающие на систему налогов и сборов, которая установлена в Российской Федерации – статьи 194, 198-199.2 УК РФ;
- преступления, связанные с уклонением страхователя от уплаты страховых взносов – статьи 199.3, 199.4 УК РФ;
- преступления, связанные контрабандой товаров через таможенную границу – статьи 200.1, 200.2 УК РФ;
- преступления, связанные со сферой закупок товаров – статьи 200.4, 200.5 УК РФ [2].

Причины совершения преступлений в экономической сфере можно разделить на следующие группы:

1. Причины экономического характера, к данным причинам можно отнести экономический кризис, падение спроса на товар, отсутствие клиентов и т.п.

2. Причины правового характера, к ним можно отнести недостаточную правовую определенность, когда деяние может рассматриваться как правомерное поведение, с одной стороны, и как преступление — с другой.

3. Причины культурно-нравственного и социального характера. Данная причина обуславливается тем, что экономические реформы в Российской Федерации развивались достаточно быстро, поэтому в стране не сформировался достаточный уровень культуры в сфере экономики и предпринимательства. Незнание основ законодательства, а также низкая грамотность в рассматриваемой сфере деятельности приводят к незаконным действиям граждан [3, с. 126].

Раздел преступлений в сфере экономической деятельности потерпел много изменений и дополнений. Изменения главы 22 УК обуславливаются тем, что сфера экономики ежегодно все более криминализируется. Так, как первоначально данная глава насчитывала 32 статьи, то сейчас их количество увеличилось до 60, то есть практически в 2 раза.

Рассмотрим статистику преступлений в экономической сфере:

- 2012 год – всего зарегистрировано 39 372 преступлений;
- 2017 год – всего зарегистрировано 35 136 преступлений;
- 2022 год – всего зарегистрировано 42 636 преступлений [4].

Из данной статистики видно, что за 10 лет уровень экономических преступлений не уменьшился, а в целом стал выше. Исходя из этого необходимо разрабатывать новые направления противодействия экономической преступности. Они могут выглядеть следующим образом:

1) совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере экономики для достижения баланса между криминализацией и декриминализацией деяний в этой сфере;

2) совершенствование оперативно-розыскной работы по выявлению уголовных правонарушений в сфере экономики, привлечение в целях информационного обеспечения специалистов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений с применением возможностей сложной системы электронных криминалистически неорганизованных банков данных и модернизации подхода к аналитике и работе с такими данными;

3) усиление внешнего контроля экономической деятельности со стороны общественности и корпоративного сообщества в целях предупреждения экономической преступности, развитие институтов политической ответственности публичных должностных лиц, совершивших или потворствующих совершению корыстных преступлений, предание гласности и осуждению выявленных фактов, правовое просвещение населения [5, с. 122].

4) упрощение механизма уплаты налогов для предпринимателей, создание правовой ситуации невыгодности уклонения от их уплаты;

5) разработка механизмов легализации скрытых доходов населения через банковскую систему [6, с. 97, 99].

Список литературы

1. Саяпин, А. В. Теневая экономика: учебное пособие / А. В. Саяпин. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2020. — 320 с.
2. Прокуратура Саратовской области Об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/activity/legal-education/explain?item=54944945 (дата обращения: 14.04.2023).

3. Шепелёв М. И. Экономическая преступность в российской федерации. Причины и меры ее предупреждения/ Шепелёв М.И., В. Л. Горичева // Государственная служба и кадры. – 2021. – №2. – С. 126-127.
4. Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой Статистические сведения о зарегистрированных преступлениях и выявленных лицах за 2012, 2017, 2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 13. 04. 2023).
5. Москалева Е. Г. Криминологический анализ преступности в сфере экономики/ Е. Г. Москалева, Н. Н. Подольная // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – №1. – С. 126 – 127.
6. Филиппова, Е. О. Предупреждение преступности: учебное пособие / Е. О. Филиппова. — Оренбург: ОГУ, 2019. — 127 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Матлахов Иван Алексеевич, курсант 5 курса
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Асеев Александр Григорьевич - научный руководитель, профессор кафедры конституционного и административного права, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент

В настоящее время на практике специалисты по результатам проводимых ими исследований составляют преимущественно не заключение, а справку. Это в определенной мере связано с тем, что Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России **[1]**, утвержденное Приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», предписывает оформлять результаты предварительных исследований специалиста справкой об исследовании. Существенно не отличаясь по форме и содержанию, «справка» и заключение специалиста различаются по наименованию и правовой природе. Заключение специалиста в соответствии со ст. 74 УПК РФ является доказательством, а «справка» — таковым не является. В связи с этим результаты проводимых специалистом по поручению следователя или дознавателя исследований, независимо от места их производства, включая место происшествия, необходимо оформлять в виде его заключения, придав им тем самым доказательственное значение.

Заключение специалиста, как и любое иное доказательство, должно оцениваться по правилам, установленным ст. 88 УПК РФ, в соответствии с которой каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Правильной оценке допустимости заключения специалиста препятствует отсутствие в законе четко регламентированной структуры и процедуры его получения. Как представляется, заключение специалиста должно включать в себя основные элементы заключения эксперта, поскольку также является формой использования специальных знаний. По этой же причине в литературе вызывает дискуссию вопрос о том, являются ли суждения специалиста, изложенные в его заключении, результатом осмотра представленных ему объектов либо результатом исследования этих объектов, вправе ли специалист давать заключение, основываясь, как и эксперт, на проведенном исследовании [2].

Из закрепленных в ст. 80 УПК РФ законодательных определений понятий «заключение специалиста» и «заключение эксперта» явствует, что первое из них представляет собой представленные в письменном виде «суждения» специалиста, второе — «содержание исследования и выводы» эксперта.

Для уяснения содержания и соотношения терминов «суждение», «исследование», «выводы» целесообразно, прежде всего, обратиться к их этимологии. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля термин «суждение» определяется как «вывод, заключение, мнение, последовательность выводов» [3]. Содержание этого термина в словаре С.И. Ожегова наполняется двумя значениями: в первом случае он также рассматривается как «мнение, заключение», во втором — определяется через категории логики как «форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно определяется и раскрывается через другое» [4].

Термин «исследование»/«исследовать», согласно словарю русского языка А.Г. Евстигнеевой, означает «подвергнуть научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-либо, изучить; тщательно осмотреть кого-, что-либо, внимательно ознакомиться с чем-либо, обследовать» [5], а термин «выводы» — «логический итог рассуждения; умозаключения» [5]. В Словаре С.И. Ожегова значение данных терминов определяется аналогичным образом [4].

Исходя из этимологии указанных терминов, можно заключить, что «суждение» — это преимущественно мыслительный процесс (форма мышления), заключающийся в выполнении умственных операций по поиску истины, из которых одно явление определяется и раскрывается через другое, в результате

чего формируется умозаключение (вывод). «Исследование» предполагает собой как научный, так и опытный анализ каких-либо явлений или процессов, осуществляемый путем осмотров, обследований, ознакомлений и научных (мыслительных) изучений для формирования умозаключений (выводов). В словарях русского языка данные термины имеют синонимичную интерпретацию. Различие между ними заключается в том, что понятие «исследование» имеет более широкое толкование по сравнению с понятием «суждение». Следовательно, «суждения», также как и «выводы», не исключают проведения исследований для их формулирования.

В целях правильного применения закона необходимо четкое разграничение понятий «заключение специалиста» и «заключение эксперта» (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), а также понятий «заключение специалиста» и «иные документы» (ст. 84 УПК РФ).

Роль специалиста и его заключение нельзя недооценивать. Специалист в своих «абстрактных суждениях» не только сообщает научные положения, дает опытные, справочные данные, основанные на теории и практике применения специальных знаний, дает «оценку научной обоснованности проведенных экспертиз, указывает на недостатки в их проведении, сообщает о неиспользованных возможностях» [6], но и производит исследования на основе анализа и синтеза определенных признаков объекта.

Заключение эксперта и заключение специалиста могут быть использованы для проверки достоверности доказательств (письменных, вещественных, видеозаписей или звукозаписей). Все доказательства, в том числе заключение эксперта и заключение специалиста, равны по доказательственному значению и никакие из них не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Следовательно, при их оценке должен быть в полной мере реализован такой принцип уголовного судопроизводства, как свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Как было отмечено выше, в настоящее время форма и структура заключения специалиста, а также порядок его получения в уголовно-процессуальном законе не регламентированы. Данное обстоятельство затрудняет правильное определение относимости и допустимости данного вида доказательств. В связи с этим следует признать обоснованным высказанные в литературе предложения о необходимости процессуальной регламентации формы заключения специалиста. Такая форма должна обеспечивать возможность оценки допустимости, относимости, достоверности заключения специалиста [7].

В связи с изложенным, представляется целесообразным внести изменения в УПК РФ и предусмотреть отдельную статью «Заключение специалиста». В законе недостаточно четко урегулирован и вопрос о том, кем из участников уголовного процесса и на какой стадии уголовного судопроизводства может быть получено заключение специалиста. Придание законодателем результатам проводимых специалистом исследований значения самостоятельного вида доказательств расширяет возможности не только дознавателя, следователя, суда в доказывании по уголовным делам, но и защитника в оказании подзащитному квалифицированной юридической помощи, что способствует развитию состязательного процесса. Введение в практику уголовного судопроизводства нового вида доказательств, как справедливо отмечает В.А. Лазарева, является попыткой разрушить сформировавшийся на практике стереотипный подход к оценке заключения экспертов как к доказательству более высокой силы, возвращающий правоприменителя к теории формальных доказательств. Если представленное стороной защиты заключение специалиста позволяет выявить неполноту произведенных экспертом исследований, ненаучность примененных им методик, необоснованность или противоречивость экспертных выводов, его существование оправдано [8].

Список литературы

1. Об утверждении наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 // Текст приказа опубликован не был, https://base.garant.ru/72341002/.
2. Антонов О.Ю. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 6. – С. 149-157; Хмелева А.В. Проблемные вопросы применения норм о назначении и производстве судебных экспертиз и специальных исследований // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 31-34.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1882.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – С. 676.
5. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 1. А-Й / АН СССР; Институт русского языка / под ред. А.Г. Евстигнеевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – С. 423.
6. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М., 1979. – С. 49-52.
7. Еремин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 92.
8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. – М., 2014. – С. 165.

КСЕНОФОБИЯ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Матросов Владимир Владимирович, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Важное место в современной стратегии профилактики правонарушений принадлежит индивидуальному подходу. Личностный фактор имеет одно из приоритетных значений для юридической науки вообще и для криминологии в частности.

В настоящее время нет необходимости пытаться доказать, что добиться положительных результатов в сдерживании преступности можно не только с помощью рациональной социальной политики, но и путем непосредственного воздействия на личность правонарушителя. С точки зрения специалистов, в нынешних условиях развития нашей страны второй аспект может оказаться для нас экономически менее затратным и в то же время достаточно продуктивным [1, с. 55–58].

Чтобы охарактеризовать какое-либо явление, необходимо определить его понятие и словесный символ - термин. Понятие ксенофобия (от греч. xenos — чужие, чужие, иностранцы и phobos — страх, враждебность) активно используется в политологии, публицистике, правозащитной литературе [2, с. 26-28]. В русском языке термин имеет два значения: «1) навязчивая боязнь незнакомцев, боязнь незнакомцев; 2) неприязнь, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иностранцам, представителям других регионов, а также к чему-то незнакомому, чужому, необычному» [3, с. 217–219]. В целом ксенофобию можно охарактеризовать как сложное, комплексное, многоуровневое явление, поддающееся анализу с позиций различных наук: этнологии, политологии, истории, социологии, философии и других. Представляется, что корни, основные предпосылки этого явления социально-психологические. Соответственно, социально-психологические проблемы анализа являются ведущими в данном случае. В соответствии с этим подходом под ксенофобией понимается негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своему характеру (но прикрытое псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям - «чужим», «не нашим». Это проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, его предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении в целом. В результате в сознании индивида уже сформировался устойчивый «образ врага», который является для него источником опасности и угрозы. При этом сам субъект не осознает иррациональный характер этой связи. Выявить его можно только при анализе этого явления «со стороны», а также оборонительного, псевдорационального характера аргументов, выдвигаемых ксенофобом для обоснования своих убеждений [4, с. 105–113].

При анализе поведенческих форм важно всегда учитывать, что ксенофобия, в первую очередь, проявляется во взаимодействиях между людьми, которые могут быть как реальными, так и воображаемыми, приобретать символические или идеализированные формы, быть прямыми или косвенными, межличностными, межгрупповыми или массовыми. В последнем случае оно обычно опосредуется через средства массовой информации. Соответственно само явление ксенофобии можно рассматривать на различных уровнях - индивидуальном, групповом и массовом (общественном). Данное положение распространяется как на субъектов, так и на объекты ксенофобии, которыми может быть отдельное лицо, малая группа и (или) большая социальная группа, общество в целом.

На каждом из уровней можно выделить определенные предпосылки и факторы, влияющие на формирование и выраженность ксенофобии у конкретного человека. На личность - это особенности воспитания и социализации субъекта, влияние его ближайшего окружения, значимых лиц, а также некоторые его индивидуально-психологические характеристики, такие, например, как авторитарность личности. На уровне малых групп существенное влияние на формирование ксенофобских установок и мировоззрения субъекта могут оказывать такие групповые механизмы, как воздействие на личность норм и ценностей, принятых в референтных группах. На уровне больших социальных групп и общества в целом ведущую роль играют такие факторы, как групповая (общественная) идеология, обычаи и традиции данного региона, социально-экономические, политические и демографические процессы, происходящие в обществе. Значительное влияние здесь также имеют позиции общественных лидеров и средств массовой информации. Все эти предпосылки и факторы сложным образом взаимосвязаны и взаимозависимы, комплексно действуют и в конечном итоге определяют «степень ксенофобии» как среди отдельных людей, так и на уровне общества в целом в тот или иной момент его социально-исторического развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что у людей, склонных к ксенофобии, преобладают архаичные формы защиты, сильно искажающие действительность, которые в первую очередь подчинены восприятию их взаимоотношений с социумом. Объектами ксенофобии могут быть также отдельные лица, малые группы и большие социальные группы. Традиционно считается, что такие группы «чужих» отличаются расовым, этническим и конфессиональным признаками. Однако представляется, что ксенофобия может формироваться и проявляться и по отношению к объектам, выделенным на основании других критериев (например, классовых критериев - «социально близких» и «далеких», особенно в периоды революций и гражданских войн).

Важно иметь в виду, что, когда индивид является объектом ксенофобии, он воспринимается ксенофобом не в своей субъектности, не как личность, а как типичный представитель, член большой социальной группы «чужих» . . .. (этнический, расовый и др.). Подобным образом воспринимаются небольшие группы «других» [5, с. 6–8.]

Немаловажное значение ксенофобский мотив в его различных формах, проявляется в таком виде преступности как экстремистская преступность. В самом общем виде понятие «экстремизм» (от лат. extrernus — крайний) определяется как приверженность крайним взглядам, мерам, чаще всего проявляющимся в политике, международных отношениях, религии и т. д. [6, С. 733]. В то же время этот подход сохраняется на протяжении многих десятилетий [7, с. 802].

Экстремизм создает атмосферу социальной напряженности в обществе и является мощным криминогенным фактором. Это явление привлекает пристальное внимание представителей различных наук - философии, социологии, истории, права, политологии, психологии и других. При его изучении исследователи акцентируют внимание на различных аспектах и компонентах этого сложного по своей природе явления. Таким образом, экстремизм рассматривается и как явление общественного и группового сознания, и как определенная идеология, и как вид человеческой деятельности, форма индивидуального поведения. Экстремизм почти никогда не ограничивается обнародованием каких-либо теоретических концепций или идеологических систем. Он подразумевает и включает в себя определенные действия, часто агрессивные, направленные на достижение своих целей. Насильственные действия экстремистов против инакомыслящих, направленные в то же время на устрашение широких масс населения, часто называют терроризмом (от латинского «террор» — страх, ужас), который во многих случаях является неизбежным спутником экстремизма. Оба понятия тесно связаны друг с другом. Группировка обоих видов преступлений (постатейная по УК РФ) – террористических и экстремистских, в т.ч. с выделением в сфере экстремистских преступлений мотивов ксенофобского характера, приведена в одной из работ, исследующей эти виды преступлений [8, с.60-63].

Основными понятиями в структуре рассматриваемых преступлений ненависти являются «вражда» и «ненависть». Именно формирование этих негативных эмоционально окрашенных установок по отношению к тем или иным социальным объектам (расе, этносу, религии, социальной группе и их представителям) имеет значение для квалификации данных преступлений. В современных реалиях национально-этнические и религиозные конфликты и связанные с ними террористические акты и экстремистские проявления, которые с каждым годом нарастают в геометрической прогрессии, с одной стороны, также приводят к искусственному всплеску ксенофобских и националистических настроений. На самом деле такая ситуация не случайна и обусловлена целым комплексом причин. Кроме того, по мнению экспертов, в ближайшие годы она будет только усиливаться и внешне проявляться в виде этнонационализма, шовинизма, где те же ксенофобские идеи будут занимать не последнее место. Последние, в свою очередь, нередко в сочетании образуют категорию, содержащую криминогенный потенциал. Внешне такие проявления выражаются в форме экстремизма, в том числе наиболее опасных его форм - в форме терроризма.

Следует отметить, что в психологии активно используется термин «враждебность», не тождественный, но схожий по смыслу используемому в юриспруденции. Так под «враждебностью» в психологии понимается скорее интрапсихическое образование, а «враждебность» в праве, наряду с внутренним психическим компонентом, включает внешние практические (конфликтные, деструктивные) действия по отношению к своему объекту.

С точки зрения психологии рассматриваемые понятия в основном относятся к эмоциональной сфере субъекта, они обозначают формы соответствующих проявлений разной интенсивности, но одного или сходного направления и знака. Враждебность может быть одним из источников агрессивных действий, то есть поведенческих проявлений враждебности (как в вербальной форме - оскорбления, угрозы, брань и т.п., так и в форме насильственных действий) [9, с.312-314].

Представляется, что причина, по которой субъект испытывает ненависть, может быть объяснена с позиции вины на рациональном (сознательном) уровне. Это должно быть установлено в ходе расследования. Другими словами, если виновный испытывает ненависть, то он должен объяснить причину ее возникновения.

Список литературы

1. Касьяненко М.А., Рощин А.С. О некоторых криминологических особенностях личности преступника, совершившего преступление на почве ксенофобии // Российский следователь. 2017. № 15. С. 55–58.
2. Сапронов Ю.В. К вопросу о социально-криминологической характеристике ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений // Там же. 2018. № 21. С. 26–28.
3. Краткий словарь современных понятий и терминов / под ред. А.В. Макаренко. М., 2015. 250 с.
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологический анализ ксенофобии как предпосылки экстремистских проявлений // Современный экстремизм в РФ: особенности проявления и средства противодействия: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. в Академии упр. МВД России 16 июня 2016 г. М., 2016. С. 105–113.
5. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. проф. А.Р. Ратинова. М., 2015. С. 6–8.
6. Словарь криминологических терминов // Криминология / под В.Н. Кудрявцева. М., 2017. С. 733.

7. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. М., 2020. С. 815 с.
8. Витюк В. В. Понятие и общая характеристика террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 57 – 68.
9. Тамаев Р.С., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолого-правовые аспекты борьбы с криминальным экстремизмом // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 312-314.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЧАСТИ ОБЩЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Мельничук Марина Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич- научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Женскую преступность можно рассматривать как совокупность преступлений, совершенных женщинами. Уголовный кодекс Российской Федерации также имеет состав преступления, это статья 106 УК РФ (убийство матерью своего новорожденного ребенка), в которой женщина является специальным субъектом [1].

Говоря о женской криминальной мотивации, следует отметить, что в нормальных условиях женщины практически не совершают преступлений. Чаще всего их толкают к совершению преступных действий драматические обстоятельства их собственной жизни.

Современный темп и образ жизни вынуждают женщин выполнять традиционно мужские функции, что приводит к восприятию ими элементов мужской культуры и психологии, позволяет им и одновременно заставляет их самоутверждаться, в указанной роли, но в то же время оставляет глубокую психологическую неудовлетворенность и чувство вины.

Особенности женской психики в сочетании с имеющимися психическими отклонениями порой становятся причиной таких чудовищных преступлений, как детоубийство. Известно, что убийство женщиной собственного младенца, воспринимается ею как символическое самоубийство.

Следует отметить, что женская преступность структурно является частью общей преступности, хотя в криминологии такой вид преступности, как женская, обособлен в силу своих специфических особенностей [2].

Характеризуя криминологические особенности женской преступности современности, можно отметить рост криминологической активности женщин в экономической сфере, рост профессионализма и организованности в совершении женщинами тяжких и особо тяжких преступлений.

Существенным отличием женской преступности от мужской преступности являются такие характерные черты, как: стабильность количественных и качественных показателей, определенная структурная монотонность, минимизация агрессии, отсутствие таких черт, как жестокость, вандализм.

Также важно подчеркнуть, что в последние годы (2019-2021) наблюдается рост числа серьезных насильственных преступлений против жизни и здоровья людей, насильственных преступлений в корыстных целях (грабеж, разбой) и преступлений, связанных с наркотиками. Также следует отметить рост организованной преступности среди женщин, в частности рост, доли женщин, совершивших преступления в составе организованной группы, которая возрастает в среднем на 10% в год. Организованные группы женщин совершают преступления против собственности - это 40%, а преступления в сфере экономической деятельности - 19% [3].

Ежегодно в Российской Федерации регистрируется около 2 миллионов преступлений. С каждым годом число преступлений снижается это можно отследить исходя из статистических данных, приведённых в таблице:

Так в 2019 году число преступлений составило 2024337 из них 7% совершили женщины. В 2020 году 204421 из них 136318 были совершены лицами женского пола это составляет 6,6% от общего числа совершенных преступлений, по сравнению с 2019 годом число преступлений возросло на 19884. В 2021 году динамика преступности по сравнению с предыдущем годом снизилась на 39871 преступлений [5].

Как можно заметить, что количество преступлений совершенных женщинами и количество женщин совершивших, равны одинаковому количеству, то есть по данным с 2019-2021, одна женщина смогла совершить только одно преступление.

По данным Генеральной прокуратуры РФ с января по ноябрь в 2022 году преступлений стало менее 2-х млн. [6].

оды	*Всего преступлений шт.*	*Количество преступлений совершенных женщинами шт.*	*Количество женщин совершивших преступлений*	*Доля женщин среди всех лиц совершенных преступлений*	*Осужденных женщин*
019	2024337	142505	142505	16.1	83703

020	2044221	136318	136318	16	73325
021	2004404	137724	137724	16.2	80952
022	1996795	133507	122929	16.3	84859

Структура женской преступности в настоящее время согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2019,2020 годы выглядит следующим образом:

Виды преступлений	*%*
Причинение легкого вреда здоровью	26.5
Преступлений против семьи и несовершеннолетних	16
Преступления против собственности	41
Преступления в сфере экономической деятельности	2.6
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	2.8
Преступления против правосудия	1.9

Самая частая статья 210 УК РФ среди преступлений у женщин; по ней к ответственности привлечено около 30% преступниц. Еще 21% обвинены в коррупционной деятельности. Также фиксируется рост экономических преступлений.

В Генпрокуратуре РФ объясняют такую статистику более активным вовлечением женщин в экономическую и трудовую сферы деятельности общества, которые изменились под влиянием пандемии и миграционных изменений [4].

Таким образом, подводя итоги, можно считать, что все перечисленные явления, способствующие существованию женской преступности, тесно связаны друг с другом, и постепенно набирать силу под влиянием глобальных перемен, происходящих в нашем государстве, таких как: социальные, экономические, культурные.

Список литературы

1. Щелканова, С. И. Женская преступность в Российской Федерации на современном этапе / С. И. Щелканова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 47 (389). — С. 351-353.
2. Грудинин Н. С. Причинный комплекс и личность женщины-преступницы — «Вестник Сибирского юридического института МВД России» — № 4, 2019, стр.144–154;
3. Алексеева Е. А. Современные тенденции развития женской преступности в России — «Психопедагогика в правоохранительных органах» — № 1, 2020, стр.105–112;
4. JustMedia Женская преступность в Россииhttps://www.justmedia.ru/news/society/v-rossii-zafiksirovali-rost-zhenskoy-prestupnosti (дата обращения 02.04.2023).
5. Состояние женской преступности в России за январь – декабрь — Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Текст: электронный. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 06.04.2023).
6. Статистика Генеральной прокуратуры РФ за 2022 год. Текст: электронный. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 06.04.2023).

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Мельничук Марина Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

Наказание в виде штрафа является самым мягким в системе наказаний, предусмотренной в ст. 44 УК РФ. Наказание - это мера государственного принуждения, закрепленная положениями УК РФ, назначаемая только судом к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность несовершеннолетних, по общему правилу, наступает с 16 лет. Одним из видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, является штраф, который закреплён в ч.2 ст.88 УК РФ [1].

Понятие штрафа предусмотрено в ст. 46 УК РФ. В ч.1 этой статьи говорится, что под штрафом понимается денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим кодексом.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф устанавливается в следующих размерах:

- от пяти тысяч до пяти миллионов рублей;
- в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет;
- исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа.

Штраф в качестве уголовного наказания, назначаемого несовершеннолетнему, имеет особенности.

Во - первых, размер штрафа, назначаемого несовершеннолетнему, значительно меньше и, в соответствии с ч.2 ст. 88 УК РФ, составляет от одной до пятидесяти тысяч рублей, либо он (штраф) назначается в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от 2-х недель до 6-ти месяцев.

Во - вторых, штраф может быть назначен несовершеннолетнему осуждённому независимо от того имеет ли он самостоятельный заработок или нет.

В - третьих, взыскание штрафа может быть произведено с родителей несовершеннолетнего осужденного при их согласии [2].

Таким образом, законодатель допускает, что ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, могут взять на себя его законные представители (родители, усыновители, опекуны или попечители) [5].

Нам кажется, что такое решение законодателя противоречит принципам личной ответственности и вины, лежащих в основе уголовного права. Независимо от возраста, несовершеннолетний должен нести уголовную ответственность только лично. Если законодатель счел, что несовершеннолетний способен нести уголовную ответственность, то, именно он и должен быть подвергнут справедливому наказанию за совершенное деяние, в связи, с чем необходимо устранить возможность взыскания штрафов с законных представителей [3].

Может возникнуть еще одна проблема в сфере применения уголовного закона в случае, если родители (законные представители) несовершеннолетнего, с которых по решению суда должен быть взыскан штраф, уклоняются от его уплаты.

Противники введения штрафа несовершеннолетним отмечают отсутствие самостоятельных заработков несовершеннолетних. Действительно, несовершеннолетние редко имеют стабильный доход, но к 16-17 годам, как правило, у многих несовершеннолетних есть работа на неполный рабочий день, которая приносит им определенную прибыль. В связи с этим имеется объективная возможность выплаты штрафа несовершеннолетним. Еще один вопрос, который нужно решить, это сумма штрафа [4].

Выход из этой проблемы видится в необходимости изменения уголовного закона и допущении возможности применения штрафа, только в том случае если несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 05 июня 1996 года.
2. Абашина Л.А., Минаков Г.Л. Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 2. – С.274.
3. Васильева Ф.Ю. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемные вопросы, пути решения // Вестник Нижегородского унта им. Н.И. Лобачевского. 2019.С.100.
4. Наргис А. А. Некоторые вопросы применения судебного штрафа в отношении несовершеннолетних // Закон и право. 2021. №8.
5. Хлебницына Е. А., Чугунов А. А. Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Криминологический журнал. 2019. №4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ИСКУСТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Мурзагалиева Жания Назболатовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович- научный руководитель, старший преподаватель

Федеральный закон № 323 от 21.11.2011 "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" предусматривает, что каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Это положение выражается в том, что никто не имеет права вмешиваться в выбор женщины. Другим не менее важным положением этого федерального закона является то, что незаконное прерывание беременности может повлечь уголовную или административную ответственность [3]. В данной научной статье мы остановимся на основных проблемах уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности закреплена в ст. 123 «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности» [1].

На практике очень часто возникают проблемы при квалификации незаконно проведенного искусственного прерывания беременности, а также разграничении этого преступления со схожим административным правонарушением, предусмотренным ст. 6.32 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [2].

Согласно Федеральному закону № 323-ФЗ искусственное прерывание беременности может происходить только по добровольному согласию женщины. Согласие всегда оформляется в письменной форме и подписывается пациенткой и медицинским работником (врачом).

Таким образом, беременная женщина в добровольном порядке соглашается на прерывание беременности, которое согласно ст. 111 УПК РФ является признаком тяжкого вреда здоровью. Для того, чтобы снизить возможность наступления негативных последствий, государство доверяет проведение такой процедуры только специалистам, то есть врачу акушеру-гинекологу. В обществе стойко закрепилось мнение, что прерывание беременности, которое производится непрофессионалом - является наиболее опасным [4, с. 59]. Поэтому государство в 2011 г. ввело в УК РФ соответствующий уголовно-правовой запрет, для предупреждения возможности незаконного проведения искусственного прерывания беременности человеком, не имеющим медицинского образования.

Причин, толкающих беременную женщину на незаконное искусственное прерывание беременности, довольно много. В свою очередь, все эти причины можно разделить на две большие группы — это субъективные причины, характеризующиеся социальными и биологическими качествами личности, и объективные причины, характеризующиеся определённой жизненной ситуацией, в каждом отдельном случае [5, с. 25].

Рассмотрим более подробно статью 123 Уголовного кодекса РФ. Объектом преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, будет выступать жизнь и здоровье беременной женщины, намеревающейся сделать искусственное прерывание беременности. Определённые сложности возникают при определении объективной стороны данного преступления. Если рассматривать объективную сторону, то она выражается в форме деяния, направленного на незаконное проведение искусственного прерывания беременности, лицом, не имеющим высшего медицинского образования.

Субъективная сторона незаконного искусственного прерывания беременности может выступать в двух формах вины: в форме умысла, в отношении совершенного деяния, и в форме неосторожности к возможным последствиям [6, с. 67].

Также определенные проблемы возникают при определении субъекта данного преступления. Если исходить из текста статьи, то можно заметить, что субъектом преступления может являться любое лицо, которое не имеет высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Некоторые авторы выделяют более обширный круг субъектов и включают сюда лиц, имеющих высшее медицинское образование, однако не обладающих необходимыми знаниями, а также работников, имеющих среднее-специальное медицинское образование.

При нарушении диспозиции указанной статьи практически всегда наступают тяжелые последствия. К одним из самых тяжелых последствий, которые ждут беременную женщину, решившуюся сделать незаконное искусственное прерывание беременности, можно отнести: заражение крови, химический ожог или гнойное воспаление внутренних половых органов, отравление медикаментозными препаратами, ядами и другими веществами. Самыми страшными последствиями после аборта является перфорация стенки матки, при которой женщина навсегда теряет свою репродуктивную функцию, и смерть [7, с. 551].

Исходя из тяжести возможных последствий для здоровья беременной женщины, и той опасности, которой подвергается ее жизнь при незаконном производстве аборта, в уголовном законе целесообразно предусмотреть наказуемость наиболее распространённых форм незаконного прерывания беременности.

К таким противозаконным формам искусственного прерывания беременности относятся:

1. проведение искусственного прерывания беременности вне медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая услуги по «акушерству и гинекологии»;
2. проведение искусственного прерывания беременности при наличии противопоказаний (т.е. при наличии заболеваний, состояний, при которых прерывание беременности угрожает жизни или может нанести серьезный ущерб здоровью);
3. искусственное прерывание беременности при отсутствии условий для оказания специализированной (в том числе реанимационной) помощи женщине.

В судебной практике не редко встречаются примеры совершения незаконного прерывания беременности специалистами, хотя и с соответствующей профессиональной подготовкой, но в нарушение иных требований к проведению искусственного прерывания беременности.

Так, акушер-гинеколог К. в помещении частного медицинского учреждения ООО «И.» провела операцию по искусственному прерыванию беременности потерпевшей Р., когда срок беременности составлял уже 16–16,5 недель. После операции у Р. открылось кровотечение, которое своими силами остановить не удалось. Только через шесть часов продолжающегося кровотечения К. дала указание о вызове врачей скорой медицинской помощи. Когда Р. везли в больницу им. Боткина, К., осознавая незаконность прерывания беременности на сроке свыше 12 недель без медицинских и социальных показаний, просила мужа потерпевшей

сказать врачам скорой помощи о том, что срок беременности у его жены составляет 10–11 недель. При доставлении потерпевшей в ГКБ им. Боткина у нее уже имелись необратимые изменения в органах, отказали почки, она находилась в состоянии рефрактерного шока, которое было вызвано острой массивной кровопотерей. После принятых реанимационных мероприятий спасти жизнь Р. не удалось. Таким образом, прерывание беременности Р. на сроке беременности более 16 недель было проведено врачом К. в нарушение действующего законодательства, обследование перед проведением операции было неполное и не соответствовало общепринятым стандартам при производстве подобных операций в плановом порядке. Непосредственной причиной смерти Р. явилась острая кровопотеря вследствие гипотономического маточного кровотечения. Между прерыванием беременности врачом К. и смертью Р. имеется прямая причинно-следственная связь.

Таким образом, несмотря на то, что в судебном заседании было установлено, что смерть потерпевшей наступила в результате незаконного прерывания беременности, суд ввиду несовершенства действующей редакции ст. 123 УК РФ вынужден был признать К. виновной в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. А это повлекло назначение наказания в более мягких пределах.

Последствия незаконного искусственного прерывания беременности. действительно страшные и очень тяжелые, а вот ответственность, зачастую, является не такой суровой. Так, по ч. 1 ст. 123 УК РФ, предусмотрены следующие виды наказания: штраф в размере 80 тысяч рублей, обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до двух лет. По ч. 3 вышеуказанной статьи, предусмотрено следующее наказание: принудительные работы на срок до 5 лет, с лишением права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет, лишение свободы на срок до 5 лет.

Таким образом, если проанализировать степень причинённого женщине вреда здоровью и санкции, предусмотренные за незаконные действия по данной статье, то можно заметить, что они являются очень мягкими, особенно, если сравнивать со статьями 105, 111 УК РФ [1]. Таким образом, в связи со всем вышеперечисленным, по моему мнению, существует огромная необходимость во внесении изменений в ст. 123 УК РФ. Во-первых, существует потребность расширения круга субъектов данного преступления. Во-вторых, предусмотреть квалифицирующий признак, заключающийся в месте совершения преступления. В-третьих, существует огромная необходимость в ужесточении санкции за нарушение данной статьи, потому что, чаще всего, проявляется несоизмеримость причинённого вреда здоровью или даже жизни беременной женщине и назначенного виновному наказания.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательств РФ. 1996. № 25. Ст. 123.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2023) // Собрание законодательств РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 6.32.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 01.03.2023) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Собрание законодательств РФ. 2011. № 1. Ст. 56.
4. Баглай Ю.В, Снеговская Т.А. Незаконное прерывание беременности // II международно-практическая конференция I МЦНС «Наука и просвещение». 2017. Ст. 175.
5. Лепилин Р.С. Причины и условия совершения незаконного проведения искусственного прерывания беременности // VIII международно-практическая конференция I МЦНС «Наука и просвещение». 2017. Ст. 121.
6. Киселев И.А., Безруков Е.Н. Незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ): проблемные аспекты // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 69.
7. Симонян Р.З. Актуальные проблемы уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11. С. 553.

ЗАДАЧИ И ФОРМЫ (НАПРАВЛЕНИЯ) ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мурзагалиева Жания Назболатовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна- научный руководитель, старший преподаватель

Анализируя литературу и практику оперативно-розыскной деятельности, приходится констатировать, что оперативно-розыскное законодательство не полностью отвечает современным требованиям, отстает от практики, и это несмотря на многочисленные дополнения закона, принятые за время его действия. В первую очередь нужны новые формулировки многих принципиальных положений, таких как: целей и задач ОРД; существенные дополнения по законодательному закреплению мер принуждения в ОРД; совершенствование концепции защиты прав и свобод личности в процессе проведения ОРД и иные дополнения, предложенные в различных источниках как результат исследования отдельных проблем ОРД.

Первой очевидной системной проблемой, требующей коррекции законодательства, вступает несогласованность цели ОРД (ст. 1 закона) с задачами (ст. 2), несоответствие и того и другого содержанию ОРД.

Во-первых, современная ОРД существенно шире, чем та, которая определена в ст. 1 и ст. 2 закона. Учитывая актуальные тенденции о расширении ОРД, наличие констатируемой А.Ю. Шумиловым «поливидовой» ОРД, определим ОРД в широком смысле, когда «цель ОРД – обеспечение безопасности и человека, и общества, и государства уже не только от преступлений, но от гораздо более широкого круга посягательств и угроз» [5, с. 18–19]. Заметим, это объективный анализ, сделанный на основе закона, с констатацией, что «...именно по этому пути пошел современный законодатель, конструируя многие нормативные предписания ОРД» [5, с. 18–19].

Это проявляется в тенденции дополнения ОРД целым рядом отличающихся от борьбы с преступностью видов деятельности, в частности, административными процедурами по сбору данных о допуске лиц к государственной тайне, к работам, связанным с эксплуатацией представляющих повышенную опасность объектов, сведений об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества, информации о достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них по делам, связанным с терроризмом, и т.д., а также целого ряда сведений в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции.

На наш взгляд, ОРД – это сильный инструмент, последний аргумент государства в противостоянии преступности. Использовать всю ее мощь, предоставляемую ФЗ «Об ОРД», нецелесообразно, цель явно не оправдывает средства. Нужны либо иные средства или иная, ограниченная по возможностям деятельность, близкая, но отличная от ОРД.

Во-вторых, несоответствие цели ОРД средствам ее достижения, которыми определены исключительно ОРМ, то есть позиция, что единственным содержанием ОРД являются оперативно-розыскные мероприятия, а ОРД осуществляется исключительно путем их проведения, не соответствует действительности. Мы это отмечали ранее, указывая, что ОРД существенно шире и богаче предлагаемой законом системы оперативно-розыскных мероприятий. Мы придерживаемся точки зрения В.М. Атмажитова и В.Г. Боброва, считающих, что «…оперативно-розыскные мероприятия являются только одним из основных элементов (частей) оперативно-розыскной деятельности». Авторы подчеркивают важный аспект, что ОРМ хотя и представляют собой сердцевину ОРД, но не представляют всего содержания ОРД. Они отмечают, что «наряду с ними органы дознания для решения задач по борьбе с преступностью проводят также другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий (облава, засада и др.)» [1, с. 9]. Этой точки зрения придерживаются и другие ученые, указывая, что «описать деятельность оперативного сотрудника на месте преступления исключительно оперативно-розыскными мероприятиями невозможно» [2, с. 192].

Давно и последовательно отстаивает идею введения в оперативно-розыскное законодательство принудительных мер В.Ф. Луговик. Он отвергает правовое регулирование принудительных процедур при осуществлении ОРД иными нормативными актами (например, Федеральный закон «О полиции»), справедливо полагая, что это нужно закреплять в законе, регулирующем оперативно-розыскную деятельность, то есть ФЗ «Об ОРД». Развивая идею, он предлагает следующие меры обеспечения оперативно-розыскного производства: «доставление; задержание; личный досмотр; изъятие; приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи» [3, с. 166].

Представляется, что выявлен явный «недосмотр» законодателя, и с этим соглашается большинство практиков, но все попытки его устранения пока безуспешны.

К сожалению, дополнить ОРД, наряду с ОРМ, иными действиями, вроде задержания и т.д., представляется недостаточным для того, чтобы привести законодательство в соответствие с практикой и, в интерпретации В.Ф. Луговика, расширить возможности ОРД, в том числе в сторону ограничительных мер в высокотехнологичной сфере, что предпринято им в предлагаемом кодексе.

С.И. Захарцев видит проблему практически так же, но несколько иначе представляет ее решение. Только анализ ФЗ «Об ОРД» позволяет ему выделить, наряду с оперативно-розыскными мероприятиями, целый ряд, по его определению, частей ОРД, каждая из которых имеет свои цели. Например, привлечение к конфиденциальному содействию лиц, ведение специфической финансовой деятельности, информационное обеспечение и документирование и т.д. Такая множественность вызывает у него предложение исключить из понятия цели ОРД ст. 1 закона фразу «посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий», заменив ее на другую «и в иных, предусмотренных настоящим Федеральным законом целях» [4, 257], тем самым сняв противоречие между содержанием ОРД и ее целью.

Теоретически все выглядит правильно, но опять возникают некоторые противоречия, связанные с несамостоятельностью отдельных частей ОРД. Например, для привлечения к конфиденциальному содействию лиц (одна часть) требуется проведение ОРМ (другая часть). И информационное обеспечение сегодня по условиям нормативных правовых актов состоит в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Развивая это положение, можно высказать предположение, что для каждой части ОРД может быть сопоставлен свой набор ОРМ в тех или иных интерпретациях, то есть остается выделить оперативно-технические мероприятия

как самостоятельную часть ОРД, но более высокого уровня, входящую своими отдельными составляющими в другие части, как, собственно, и есть.

Именно так сделал В.Ф. Луговик в своем авторском Оперативно-разыскном кодексе, выделив практически те же части ОРД в отдельную статью – основные направления оперативно-разыскной деятельности. Хотя, по существу, они выглядят как те же задачи ОРД, но существенно переформулированные и расширенные.

В-третьих, задачи ОРД не могут определять все то, что возложено на ОРД. Размышления о целях и задачах ОРД, приведенных в ФЗ «Об ОРД» и являющихся основой правового регулирования оперативно-розыскных правоотношений, приводят нас к мысли, что представить согласованную логически стройную систему цели и задач вряд ли возможно. Причиной этого является многоаспектность этой сферы деятельности, порождающей множественность решаемых задач. Как мы уже отмечали, проблему усугубляет расширение ОРД, включение в нее ряда новых, не фигурировавших ранее, а порой и не свойственных данной сфере деятельности задач. Повторим: задачи, сформулированные в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», в недостаточной степени отражают оперативно-розыскную деятельность.

Список литературы

1. Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: науч. докл. – Москва, 2019. – 23 с.
2. Павличенко Н.В., Самоделкин А.С. Конвергенция оперативно-розыскного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств // Общество и право. – 2020. – № 1 (55). – С. 190–194.
3. Луговик В.Ф. Фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности с помощью следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 161–169.
4. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика: монография / под ред. В.П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 257 с.
5. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2019. – 455 с.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОВЕДЕНИЕ ДНК-АНАЛИЗА

Неупокоева Дарья Андреевна, 4 курс, юридический факультет
Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС
Каримов Вячеслав Хамитович - научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время назначение и проведение судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы является актуальным вопросом, так как растет количество противоправных деяний и сокрытия своих следов преступниками. Одним из методов идентификации таких лиц считается молекулярно-генетическая экспертиза. С каждым днем происходят новшества в различных сферах деятельности, не исключением стала и преступная. Однако благодаря использованию современных технологических методов, в том числе проведение молекулярно-генетической экспертизы, правоохранительных органам удастся достичь эффективного уровня раскрытия преступлений. Идентификация сопряжена с расследованием преступлений против личности, обнаружении неопознанных трупов. Это процесс распознавания образцов или установления принадлежности конкретного предмета, например, подозреваемой в преступлении личности. Идентификация проходит путем сопоставления признаков опознаваемого объекта с другими имеющимися признаками.

Судебно-медицинская молекулярно-генетическая экспертиза путем проведения ДНК-анализа имеет следующие особенности:

1. Уникальность экспертизы: каждый человек имеет уникальный генетический код, что делает экспертизу по ДНК уникальной и неизменяемой.
2. Высокая точность: с помощью ДНК-анализа можно обнаружить идентичность или различия в генетическом материале с точностью до одного гена.
3. Широкий спектр применения: ДНК-анализ используется в судебно-медицинских экспертизах для определения родственных связей, идентификации жертв и преступников, а также в генетических исследованиях.
4. Ресурсозатратность: проведение молекулярно-генетической экспертизы требует специального оборудования и высокой квалификации специалистов, что делает ее достаточно дорогостоящей/
5. Этические вопросы: использование генетической информации может вызывать различные этические проблемы, такие как нарушение конфиденциальности, дискриминация. Поэтому необходимы строгие этические правила и законодательство для защиты интересов личности и общества [1, С. 258]

Изучая практические примеры применения правоохранительными органами процесса идентификации личности, следует отметить, что в России наиболее распространенным является способ исследования

папиллярных узоров рук, когда за границей разрабатывают методы идентификации личности по волосам. При совершении преступления высока вероятность использования преступником перчаток или специальных средств, с помощью которых невозможно в дальнейшем исследование папиллярных узоров.

Так, в процессе расследования преступления следует использовать как дактилоскопическую идентификацию, так и молекулярно-генетическую экспертизу в качестве ДНК. При тщательном изучении STR-локусов (молекулярные маркеры в генетических и геномных исследованиях) ДНК возможно достичь 100-процентной идентификации преступника [2, с. 172].

ДНК-анализ проводится с помощью высокоточных лабораторных приборов, которые исследуют уникальные маркеры генома каждого человека. По результатам анализа можно установить пол, возраст, расу и другие характеристики личности. Эта информация может быстро применяться в расследовании уголовных дел, повышении точности и скорости идентификации жертв бедствий, а также в обычных случаях, когда умерший был неопознанным или когда существует сомнение в его личности.

Благодаря проведению ДНК-анализа можно приблизиться к решению целого ряда важных проблем, таких как выявление генетических заболеваний, оценка риска развития определенных заболеваний, идентификация родственных связей. Кроме того, современные методы исследования ДНК позволяют проводить исследования на более широком масштабе. Например, проводить генетические исследования популяций, определять степень их генетического разнообразия.

Совершенствование средств и методов исследования ДНК является очень важным фактором для расследования уголовных дел. Для сбора следовой информации на месте происшествия также могут применяться новые технологии, такие как использование дронов для съемки обстановки с высоты, что помогает найти дополнительные улики и следы, не заметные при обычном обследовании места происшествия. Также эксперты могут использовать специальное оборудование, такое как ультрафиолетовые лампы для обнаружения следов крови и других жидкостей, а также различные химические реагенты для выявления следов физического контакта между людьми или предметами.

Экспертный свет для обнаружения биологических следов – это специальный тип света, который используется в криминалистике и медицинской диагностике для обнаружения биологических материалов - таких как кровь, слюна, моча, сперма или др. Этот свет, называемый также светом флюоресценции, работает по принципу того, что он возбуждает флуоресцентные вещества, которые содержатся в материале. В результате возбуждения, эти вещества излучают свет определенной длины волны, который может быть замечен и зарегистрирован специальным оборудованием, называемым фотоаппаратом с фильтрами.

Важным аспектом использования экспертного света является то, что он может обнаруживать материалы, которые не видимы невооруженным глазом. Они могут быть скрыты под слоем краски, почти не оставлять следа или быть находиться в труднодоступных местах, например, внутри замочной скважины. Это делает его ценным инструментом для расследования преступлений, таких как насильственные преступления, убийства или грабежи. Важно отметить, что все новые подходы и технологии должны быть тщательно проверены и адекватно применены, чтобы не нарушить целостность следов и убедительность доказательств в деле.

Дезоксирибонуклеиновая кислота, или ДНК, является прямым наследственным материалом каждого организма, находится в клетках тела и передается от родителя к ребенку. На современном этапе проблемным вопросом остается процесс обнаружения, фиксации и изъятия следов биологического происхождения. Неправильное изъятие носителей следов биологического происхождения, например, при осмотре места происшествия при преступлении против половой неприкосновенности, прямо воздействует на результаты проведения молекулярно-генетической экспертизы.

Молекулярно-генетическая экспертиза одна из наиболее эффективных судебных экспертиз при расследовании преступлений. Однако для проведения данного вида судебно-медицинской экспертизы необходимо наличие инновационных медико-организационных технологий, научных и практических познаний у эксперта, а также четкого правового регулирования процесса проведения молекулярно-генетической экспертизы [2, с. 216].

В Европейских странах существует система ENFSI (Европейская сеть судебно-экспертных учреждений), созданная для взаимного обмена информацией в области судебной экспертизы, а в США принята система CODIS – национальная база данных ДНК Соединенных Штатов, созданная и имеющая поддержку от Федерального бюро расследований.

Предлагается в Российской Федерации создать общую информационную систему баз данных ДНК, что в настоящее время является перспективным инновационным направлением с использованием компьютерных технологий краткосрочно расследовать преступления.

Таким образом, эффективность идентификации личности ежедневно растет, при наличии единой базы данных генетических профилей граждан, например, ДНК-паспорт, правоохранительные органы смогли бы в краткосрочный период времени устанавливать личность подозреваемых преступников или неопознанных трупов. В частности, в регистрацию должны были быть включены не только медицинские учреждения и научные организации, но и фармацевтические компании, а также частные лица, занимающиеся генной терапией или генной инженерией. Это позволит более полно отслеживать и контролировать продвижение новых лекарственных препаратов на рынок и обеспечит более эффективную защиту прав потребителей. Это

достигается благодаря использованию специальных программных инструментов, которые обрабатывают данные и сравнивают их с образцами в базах данных. В результате, система быстро выдает информацию о совпадении ДНК, что является важным при расследовании преступлений, идентификации родственных связей и других задачах, связанных с генетическими исследованиями. Процесс автоматизации учета ДНК профилей является важным шагом в развитии современной науки и медицины.

Список литературы

1. Джумагишиева З.А. Молекулярно-генетическая экспертиза как метод выявления подозреваемого / З.А. Джумагишиева, А.Р. Гюльметова // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 257-259. – URL: https://moluch.ru/archive/414/91423/ (дата обращения: 10.04.2023).
2. Зятьков С.А. STR-локусы в генетической дактилоскопии Felis catus L. / С.А. Зятьков, Г.Г. Гончаренко // Молодой ученый. – 2016. – № 26 (130). – С. 170-173. — URL: https://moluch.ru/archive/130/36174/ (дата обращения: 04.02.2023).

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ

Никитин Константин Валерьевич, 1 курс, магистрант
Омский аграрный университет имени П.А.Столыпина
Порошина Анна Михайловна – научный руководитель, доцент

В досоветский период правовая регламентация административной и уголовной ответственности детей и родителей не приобрела достаточного развития. После Октябрьской революции 1917 года началось активное реформирование всех сфер общественных отношений, в том числе института семьи и брака. На сессии ВЦИК 16 сентября 1918 года был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (далее Кодекс 1918 г.) [1]. Это был первый нормативный правовой акт в РСФСР, закреплявший обязанность родителей заботиться о личности несовершеннолетних детей, об их воспитании и подготовке к полезной деятельности. Воспитание детей рассматривалось не как частное дело, а как долг перед обществом и государством.

При этом в примечании к п. 153 Кодекса 1918 г. устанавливалось, что дела о лишении родительских прав подсудны местному суду и могут быть возбуждены как представителями государственной власти, так и частными лицами. Предполагается, что в данном случае речь идет о дееспособных лицах, в том числе одном из родителей ребенка, как о возможных инициаторах подачи заявления в суд для возбуждения дела о лишении родительских прав. Следовательно, по инициативе государственных органов и по заявлению граждан суды могли возбуждать дела и принимать решения по делам данной категории.

На этом этапе законодатель определил совокупность прав и обязанностей родителей, которые возникали на основе родства и брачно-семейных отношений, закрепил механизм лишения родительских прав в случае ненадлежащего их осуществления как способ защиты интересов ребенка, а также меры ответственности родителей.

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. содержал единственную статью, предусматривавшую ответственность родителей за неплатеж алиментов на содержание несовершеннолетних детей и за оставление их без надлежащей поддержки, которая сохранилась в ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [2]. Субъектом ответственности в данном случае являлись не только родители, но и другие лица, на которых по закону возложена обязанность по содержанию несовершеннолетних. Применение данной меры было направлено на защиту имущественных прав детей и обусловлено ростом числа беспризорных.

В связи со множеством негативных экономических и политических факторов первой половины XX столетия административное право в советский период развивалось достаточно слабо. Несмотря на большое количество принятых источников правового характера, основой кодифицированного акта, регулирующего отношения в сфере управления, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1960 г. [3], который устанавливал наказание в виде назначения штрафа в отношении родителей за мелкое хулиганство или хулиганство, совершенное подростками в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

Стоит отметить, что Пленум Верховного Суда СССР №7 от 07.12.1979 г. указал на то, что судами не всегда учитывается, что споры, связанные с воспитанием детей, должны быть разрешены прежде всего в соответствии с интересами последних. Отдельные суды не уделяют должного внимания подготовке дел к судебному разбирательству, не истребуют доказательств, необходимых для правильного разрешения споров. К участию в рассмотрении дел не всегда привлекаются органы опеки и попечительства. Суды не используют всех мер, направленных на предупреждение антиобщественного поведения отдельных лиц, уклоняющихся от воспитания детей и оказывающих на них вредное влияние.

Анализируя законодательство, можно сделать вывод, что в период до 1984 г. отсутствовала системность в основаниях привлечения родителей или лиц их замещающих за правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, а также единая правовая норма, предусматривающая такую ответственность в целом.

Кодексом РСФСР об административных правонарушениях, введенным в действие в 1984 г. [4], предусматривалась административная ответственность за противоправное поведение несовершеннолетних детей в возрасте от 16 лет, выразившееся в конкретных действиях:

- распитие спиртных напитков;
- появление в общественных местах в состоянии опьянения;
- совершение мелкого хулиганства или хулиганства;
- потребление наркотических веществ без назначения врача.

Родители или лица их замещающие могли быть подвергнуты административной ответственности за конкретные действия, выражавшиеся в доведении несовершеннолетнего до состояния опьянения или в невыполнении обязанностей по воспитанию и обучению детей. Причем не было определено, в чем конкретно выражалось невыполнение обязанностей субъекта ответственности, а именно: в злостном уклонении от воспитания и обучения детей, в допущении употребления несовершеннолетними наркотических веществ и в совершении ими же иных административных правонарушений.

Итак, можно сделать вывод, что административная и уголовная ответственность родителей и лиц их замещающих предусматривалась за противоправное поведение несовершеннолетних детей в возрасте до 16 лет, а также за собственные правонарушения, выразившиеся в конкретных действиях.

В литературе высказана позиция, согласно которой ответственность несовершеннолетнего и ответственность родителей – это ответственность по двум отдельным обязательствам, порождаемым разными основаниями. Несовершеннолетний гражданин отвечает за собственную вину в причинении вреда, а родители – за преднамеренное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, связанных с воспитанием и осуществлением надзора за ребенком [5].

Началом современного этапа становления правового регулирования правовых отношений родителей и детей следует считать принятие в 1993 году Конституции РФ, ч.2 ст. 38 [6] которой закрепила обязанность родителей заботиться о своих детях. Данная норма конкретизирована в Семейном кодексе, принятом в 1996 году. В настоящее время более 150 законодательных и нормативно-правовых актов гарантируют как имущественные, так и неимущественные права несовершеннолетних детей.

В действующем Российском законодательстве за неисполнение родительских обязанностей предусматривается административная, уголовная, гражданско-правовая ответственность. Так, например, состав правонарушения, связанного с ненадлежащим воспитанием и содержанием детей их родителями (лицами их заменяющими) или неисполнением указанных обязанностей, предусмотрен статьями 5.35, 6.10, 20.22 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [7] и 150, 151, 156, 157 Уголовного кодекса Российской Федерации [8].

При этом, несмотря на разработку и принятие важнейших документов, которые устанавливают пределы осуществления родительских прав, при превышении или злоупотреблении которыми включается механизм защиты прав несовершеннолетних детей, недостаточное внимание уделяется вопросу профилактики защиты их прав и свобод на разных уровнях государственной власти.

Меры ответственности, применяемые к родителям за ненадлежащее воспитание детей, являясь способом государственного воздействия, носящего принудительный характер, и направленные на охрану прав и интересов ребенка, в настоящее время нуждаются в переосмыслении.

Список литературы

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском праве, принят на сессии ВЦИК 16.09.1918. (утратил силу)
2. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г (ред. от 27.04.1959) (утратил силу)
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года № 5362-У «Об усилении ответственности за хулиганство» (утратил силу)
4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях РСФСР от 20 июня 1984 года (утратил силу)
5. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. – С. 108.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нурмиева Алина Рамильевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна-научный руководитель, старший преподаватель

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) осуществляется с помощью оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), которые хоть и обладают многими достоинствами из-за своей конспиративности, но также и сопряжены с опасностью необоснованного и излишнего ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Нарушение прав и свобод оперативными сотрудниками уполномоченных органов является одной из главных проблем правоохранительной деятельности и ОРД в целом, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, поступающие в Конституционный Суд Российской Федерации и в Европейский Суд по правам человека.

Как указывает Д.Ф. Мобаракшина, распространенность нарушений прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД создает формирование негативного отношения участников уголовного процесса к результатам, которые были получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и мешает их более широкому использованию в уголовном судопроизводстве [6]. Решение этой задачи связано с необходимостью решения комплекса проблем правового и организационного характера, а также в связи со столь грубыми нарушениями прав личности, проведение ОРМ должно сопровождаться уже с четким укреплением гарантий безопасности прав и свобод человека и гражданина.

Конституция Российской Федерации, согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2], входит в его правовую основу, тем самым создавая конституционный уровень правового регулирования ОРД, включающий в себя конституционные нормы, относящиеся к деятельности оперативно-розыскных органов. Прежде всего, это нормы, посвященные правам и интересам граждан, которые необходимо соблюдать и охранять (ст. 2, 17, 19, 23, 25), нормы, посвященные правосудию, презумпции невиновности, правам и интересам лиц, обвиняемых в совершении преступления (ст. 45–55), нормы о судебной власти (ст. 118–129). В Конституции РФ закреплены полномочия органов государственной власти по принятию законодательных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 76, 90, 104, 105, 115).

Ряд норм Конституции РФ напрямую регламентируют условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан, предписывая получение в обязательном порядке судебного решения в случае прослушивания телефонных переговоров, нарушения тайны переписки, ограничения неприкосновенности жилища и др. (ст. 23–25) [1].

К конституционному уровню следует отнести и решения Конституционного Суда РФ, посвященные рассмотрению норм ФЗ об ОРД в соответствии с требованиями Конституции РФ, которые обязательны для применения всеми физическими и юридическими лицами и относятся как к органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, так и к иным государственным и общественным организациям и гражданам. В настоящее время, как указывает в своем исследовании А.Н. Халиков, Конституционный Суд РФ вынес более 160 решений по вопросам оперативно-розыскной деятельности, в большинстве случаев в виде определений об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, т.е. фактически признал соответствующими Конституции РФ большинство норм ФЗ об ОРД [8].

Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскной деятельности имеет двоякое значение, на что справедливо указывает Е.Ю. Дорош, так как с одной стороны, предполагает их защиту, а с другой — предполагает их правомерное ограничение [5]. Поскольку ОРД ориентирована на защиту конституционных целей, то возможность ограничения отдельных прав и свобод должна соответствовать строгим конституционным требованиям.

Анализ оперативно-розыскного законодательства показывает, что в настоящее время недостаточно регламентированы порядок, условия и пределы сбора, хранения, использования сведений, относящихся к частной жизни граждан, в ходе осуществления ОРД. Отдельно отметим, что законом не установлены конкретные сроки хранения персональных данных граждан в банках данных ОВД, механизм удаления персональных данных, добытых с нарушением установленных законом правил. По мнению Е.А. Молярова, с которым сложно не согласиться, подобные пробелы в законодательном регулировании не позволяют в полной мере обеспечить соблюдение прав и свобод граждан и может приводить к излишнему и необоснованному вмешательству в частную жизнь в ходе использования биометрических систем идентификации [7].

Еще одной проблемой является наличие в ОРД практики задержания и доставления в служебные помещения ОВД граждан, сходных по приметам с преступником, обнаруженных в ходе поисковых мероприятий. На этот счет имеется официальная позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой ОРМ «отождествление личности» не может предполагать задержание или доставление [3].

Очень важным моментом в контексте обеспечения принципа соблюдения прав граждан в процессе осуществления ОРД является предусмотренная законодательством возможность официального прекращения материалов оперативного учета. Это должно происходить во всех случаях, когда результаты проведенной

оперативной проверки с достаточной долей вероятности свидетельствуют о том, что подозреваемый в противоправной деятельности гражданин ей на самом деле не занимался и все подозрения с гражданина должны быть сняты. В том числе и по этой причине так остро стоит необходимость установления предельных сроков хранения для дел оперативного учета, поскольку бессрочность их хранения недопустима.

Свидетельствует о важности обеспечения рассматриваемого принципа также факт существование целой системы обжалования законности действий оперативных сотрудников, предусмотренной действующим законодательством. Гражданин, полагающий, что его гарантированные Конституцией РФ права были нарушены в результате производства ОРМ, обладает правом обратиться с жалобой на действия оперативных сотрудников непосредственно к руководителю органа, осуществившего ОРМ; к прокурору, осуществляющему надзорные полномочия над органом, реализовавшим незаконные с точки зрения гражданина оперативные мероприятия, нарушившие гарантированную неприкосновенность его права; в судебные органы для признания произведенного ОРМ незаконным и привлечения виновных должностных лиц к установленной законом ответственности. Однако, несмотря на существенное повышение уровня правовой грамотности населения, существенно расширенную законодательством возможность обжалования незаконных действий сотрудников оперативного аппарата, заметную трансформацию менталитета россиян в целом, случаи жалоб со стороны граждан на нарушение их прав в процессе реализации ОРМ встречаются на практике, как отмечает Н.В. Довголюк, очень редко [4].

Необходима трудоемкая, постепенная и системная работа в области правового просвещения населения в целях защиты прав и свобод наших граждан от возможных нарушений и ограничений во время проведения различного рода оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законом об ОРД

Отметим в заключение, что важнейшим условием соблюдения прав и свобод человека и гражданина является осуществление комплексных мер контроля за оперативно-розыскной деятельностью. Самой целью такого контроля является не только восстановление нарушенных прав, но и предупреждение и недопущение фактов отступлений от закона в процессе ОРД.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайляна Сурена Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьей 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Довголюк Н. В. Актуальные вопросы обеспечения гарантий конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. – 2020. – С. 37-39.
5. Дорош Е. Ю. Принуждение при проведении оперативно-розыскных мероприятий и проблема соблюдения конституционных прав гражданин // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности. – 2022. – С. 52-53.
6. Мобаракшина Д. Ф. Проблемы соблюдения и обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Современность в творчестве начинающего исследователя. – 2018. – С. 48-51.
7. Моляров Е. А. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» // Преемственность и новации в юридической науке. – 2020. – С. 94-96.
8. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А.Н. Халиков. — 3-е изд. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. — 332 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Ооржак Каролина Радионовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Апет Борикович-научный руководитель, старший преподаватель

Несмотря на пугающую распространенность самоубийств в современном обществе, только малая их часть совершается как результат преступного воздействия на потерпевшего. Так, исходя из данных судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 году количество осужденных лиц по ст. 110 УК РФ составило 35 человек, в 2020 году – 14 человек, в 2021 году – 19 человек [7].

По причине отсутствия широкого распространения исследуемого вида преступлений, состав доведения до самоубийства остается недостаточно исследованным.

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемных вопросов, возникающих у правоприменителя в процессе квалификации доведения до самоубийства, необходимо кратко охарактеризовать состав исследуемого преступления.

Объект доведения до самоубийства может быть охарактеризован как общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни другого человека.

Объективная сторона преступления включает в себя:

1) определенную линию поведения виновного в отношении потерпевшего, характеризующуюся применением к последнему указанных в законодательстве способов воздействия (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства);
2) возникновение ситуации, провоцирующей потерпевшего на принятие решения совершить самоубийство;
3) совершение акта самоубийства или покушения на него;
4) причинная связь между оконченным самоубийством (или покушением на него) и поведением виновного, детерминирующим поступок потерпевшего [5].

Способы совершения указанного преступления закреплены в ст. 110 УК РФ и включают в себя:

1) угроза – психическое воздействие на потерпевшего, способное побудить его к совершению самоубийства (угрозы причинить смерть, вред здоровью, разгласить компрометирующие потерпевшего сведения, лишить свободы, жилища и др.);
2) жестокое обращение с потерпевшим, выраженное в действиях, причиняющих ему физические или психические страдания (например, побои, оставление без еды и воды, лишение или ограничение личной свободы и др.);
3) систематическое унижение человеческого достоинства (оскорбления, издевательства, клеветнические измышления, травля и глумление, высмеивание физических недостатков и т.п.). Такие действия требуют многократной повторяемости, а также должны носить постоянный характер [6].

Первый спорный в доктрине уголовного права вопрос, касающийся доведения до самоубийства, - это вопрос о конструкции данного состава преступления (одни авторы относят его к формальным, другие – к материальным составам преступления). На наш взгляд, данный состав является материальным и преступление считается оконченным с момента совершения самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего.

Субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется виной в форме умысла – прямого или косвенного. В первом случае виновное лицо предвидит возможность или неизбежность самоубийства потерпевшего и желает его, а во втором – осознает возможность самоубийства и допускает его совершение либо относится к нему безразлично.

Субъект преступления – общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Особенность доведения до самоубийства, как противоправного деяния, заключается не только в том, что преступный результат возможен только при наличии аутодеструктивных проявлений, совершаемых самим потерпевшим лицом, но обусловлена значительной степенью общественной опасности в силу того, что действия преступника отличаются «исключительной безнравственностью, коварством, циничным отношением к достоинству и душевному состоянию другого человека» [4].

Проведенный анализ судебной практики по данной категории дел показал, что, зачастую, уголовные дела по факту доведения до самоубийства не возбуждаются в связи с отсутствием события или состава преступления. Это связано с тем, что механизм правового регулирования преступлений против жизни, непосредственно связанных с самоубийством, имеет ряд недостатков, которые усложняют процесс изобличения виновных в доведении до самоубийства.

Одна из наиболее упоминаемых в научных исследованиях отечественных правоведов проблем заключается в отсутствии на законодательном уровне предусмотренной формы вины в диспозиции ст. 110 УК РФ. Указанное обстоятельство привело к возникновению различных точек зрения по поводу формы и видов вины при доведении до самоубийства, вследствие чего отсутствует единообразие судебной практики по данному вопросу.

В науке также отсутствует единство взглядов относительно способов совершения рассматриваемого преступления.

Так, уголовный закон не дает разъяснений относительно того, что можно считать угрозой и как с ее помощью (важно отметить, что угроза в адрес жертвы должна озвучиваться как минимум два раза) можно довести человека до самоубийства. Верховный Суд РФ, в свою очередь, в обзоре судебной практики № 3 от 12.07.2017 года лишь говорит о том, что угроза может быть выражена не только в устной форме, но и в любой другой (письменной, невербальной, действиями или жестами)[8]. Характер угрозы также не регламентируется законодательно, что говорит о самом различном её характере. Важно, чтобы угроза не носила абстрактный характер, а могла быть оценена конкретно за счет возможности её воплощения в жизнь, за счёт её реальности. Только в таком случае потерпевший может иметь основания опасаться угроз.

Говоря о жестоком обращении важно заметить, что закон, в отличие от двух других способов совершения данного преступления, не требует систематичности или неоднократности. Таким образом, для вменения ст. 110 УК РФ достаточно совершения лишь одного акта жестокого обращения по отношению к

жертве, при этом важно установить, что такое жестокое обращение было направлено на доведение потерпевшего до самоубийства.

В случае с систематическим унижением человеческого достоинства законодатель прямо указывает на наличие систематичности такого унижения, что создает вопрос о понятии систематичности. Применительно к статье 110 УК, можно сказать, что под систематическим унижением человеческого достоинства подразумевается совершение трех и более раз действий, направленных на причинение нравственных страданий жертве. При этом, диспозиция статьи не дает характеристики действий, которые могут считаться унижающими человеческое достоинство [3].

Таким образом, в данной статье были рассмотрены некоторые проблемы квалификации объективной стороны такого преступления как доведение до самоубийства. В выводах следует отметить, что: действующая конструкция статьи 110 УК РФ является крайне неудачной и неточной, что и порождает большое количество вопросов у правоприменителей относительно ее применения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Алексина К.Д. Проблемы квалификации доведения до самоубийства / К.Д. Алексина // Аллея науки. – 2022. – № 12 (75). – С. 1-9.
3. Бабанцев А. Д. Некоторые объективные проблемы квалификации доведения до самоубийства / А.Д. Бабанцев // Актуальные вопросы юриспруденции. – 2020. – С. 181-185.
4. Буряковская Е. В. Доведение до самоубийства как негативное социально-правовое явление //Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – №. 11-1. – С. 200-207.
5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 407 с.
6. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Векленко, В. Ф. Щепелькова. - 4-е изд., доп. - Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. - 896 с.
7. Сайт «Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации» // URL. http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 15.02.2023).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №. 3 (2017)// Бюллетень Верховного Суда РФ.-2018.- № 9.-с.43

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Ооржак Каролина Радионовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна- научный руководитель, старший преподаватель

Конституция Российской Федерации закрепляет такие права и свободы граждан России, как равенство перед законом и судом, право на жизнь, достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, сбор хранение и распространение информации, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу мысли и слова, право на объединение и другие.

Согласно ст. 55 Конституции, ««права граждан могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, безопасности государства, обеспечения обороны страны, прав, здоровья и законных интересов других лиц» [1].

Необходимым элементом правового государства являются гарантии соблюдения конституционных прав граждан, в том числе в сферу общественных отношений, регламентируемых Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]. Одной из таких гарантий и выступает судебный контроль.

О.В. Сысолятин следующим образом определяет судебный контроль, осуществляемый в рамках уголовного судопроизовдства: «это система предусмотренных процессуальным законом средств, направленных на реализацию конституционных функций судебной власти, призванных в конечном итоге к недопущению незаконного и необоснованного ограничения прав личности в уголовном процессе, а в случае их нарушения - к ее восстановлению в этих правах либо возможной их компенсации средствами права [9].

С принятием Конституции РФ, а также некоторых актов федерального законодательства, суд был наделен самостоятельные полномочия по проверке соблюдения законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и иной деятельности, осуществляемой оперативно-розыскными органами.

К числу направлений, в рамках которых может осуществляться судебный контроль в оперативно-розыскной деятельности, А.Н. Халиков относит:

1) контроль при выдаче разрешений на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Данный вид контроля применяется при согласовании таких оперативно-розыскных мероприятий, как: негласное обследование жилища, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации

с технических каналов связи, получение компьютерной информации. Суд проверяет законность и обоснованность излагаемых в ходатайстве о проведении оперативно-розыскных мероприятий обстоятельств;

2) контроль по жалобам граждан о нарушении их конституционных прав и свобод при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Судебное обжалование действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как органов государственной власти проводится в порядке административного судопроизводства, закрепленном Кодексом административного судопроизводства РФ;

3) контроль по жалобам граждан об отказе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предоставить сведения, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Это частный случай общего судебного контроля, применяемый в случае нарушения порядка предоставлению гражданину сведений о полученной в отношении него информации в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренного ч. 4 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [10].

При рассмотрении вопроса судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью выявляется проблема отсутствия единого подхода к пониманию родовой подсудности рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведение ОРМ. Как указывает Е.В. Милюхина, это связано с тем, что законодатель в ст. 9 ФЗ «Об ОРД» не посчитал нужным раскрыть процедуру судебного санкционирования, а также обжалования [8].

Комментарий по указанному вопросу, на законодательном уровне был дан Пленумом Верховного Суда, согласно которому, рекомендуется верховным судам республик, краевым, областным судам, судам городов федерального значения, судам автономной области и автономных округов, окружным (флотским) военным судам принимать к своему рассмотрению материалы, подтверждающие необходимость ограничения права гражданина [6]. Однако возможность рассмотрения этого вопроса в нижестоящих судах, также не исключается.

В свою очередь, Конституционный Суд в одном из своих решений по жалобе на неопределенность законодательных положений признал, что Закон об ОРД не устанавливает родовую (предметную) подсудность рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан. Несмотря на это, он дал комментарий, что вопрос о такой подсудности должен решаться исходя из положений не только ст. 9 Закона «Об ОРД», но и статей 165 и 186 УПК РФ [3], определяющих подсудность материалов по ходатайствам органов предварительного расследования. Поскольку ст. 165 УПК РФ установила в качестве компетентного суда на рассмотрение ходатайств об ограничении конституционных прав граждан районный суд и приравненные к нему суды, то отсюда следует вывод, что разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих такие права, могут давать только суды указанного уровня.

Также, как отмечает А.В. Кабаев, определенные проблемы возникают при попытке дать ответ на вопрос о том, в порядке какого вида судопроизводства должны рассматриваться жалобы граждан, которые полагают, что их права были нарушены в результате действий должностных лиц органа, осуществляющего ОРД [7].

Данный вопрос уже становился объектом внимания судебных органов. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5] указывается, какие жалобы должны рассматриваться в порядке ст. 125 Уголовно – процессуального кодекса РФ, а какие – в порядке гл. 25 Гражданско-процессуального кодекса РФ [2].

Данное постановление не было лишено недостатков, в некоторых случаях Пленум устанавливал единую процедуру обжалования (в порядке ст. 125 УПК РФ обжаловать решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих ОРД, по выявлению, пресечению преступлений), вне зависимости от факта наличия возбужденного уголовного дела. В других (обжаловать решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих ОРД, при проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания) Пленум определял порядок обжалования, принимая во внимание факт наличия возбужденного уголовного дела.

Очевидно, что порядок обжалования действий и решений должностных лиц государственных органов, в том числе органов, осуществляющих ОРД, должен быть четко определен и исключать возможность выбора процедуры обжалования.

Представляется, что ст. 125 УПК РФ при обжаловании действий и решений должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, в данном случае применяться не может. Связано это, в первую очередь, с тем, что данная статья регламентирует порядок обжалования действий и решений должностных лиц в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Но, исходя из положений ч. 1 ст. 21 УПК РФ, органы, ОРД, к таковым не относятся. Более того, следователь и дознаватель, не могут давать поручения на проведение конкретного оперативно-розыскного мероприятия органу, осуществляющему ОРД.

В порядке ст. 125 УПК РФ может быть обжаловано только поручение дознавателя или следователя, если проведенные в его исполнение оперативно-розыскные мероприятия причинили ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства. Но вряд ли такая жалоба будет удовлетворена

судом, поскольку причинить ущерб конституционным правам и свободам могут только действия органа, осуществляющего ОРД, во исполнение поручения следователя, дознавателя, но никак не само поручение.

Во избежание недопонимания гражданами, полагающими, что их права были нарушены действиями и решениями органов, осуществляющих ОРД при проведении оперативно-розыскных мероприятий, рассмотрение жалоб должны регламентироваться единым видом судопроизводства, вне зависимости от оснований их проведения. Очевидно, что, даже если лицу станет известно, что в отношении него проводились оперативно-розыскные мероприятия, выяснить основания для их проведения крайне затруднительно, в подавляющем большинстве случаев – невозможно. Поэтому право такого обжалования должно быть реально осуществимым, а не носить декларативный характер.

В этой связи представляется целесообразным предусмотреть в федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно – розыскной деятельности» порядок и детальную процедуру обжалования действий и решений, органов осуществляющих ОРД, это позволит упорядочить процесс рассмотрения жалоб и позитивно отразится на гарантиях защиты конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу ОРД.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 46. – Ст. 4532.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. – 2009. – № 27.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 3.
7. Кабаев А. В. Прокурорский надзор и судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью / А.В. Кабаев // Аграрное и земельное право. – 2021. – №. 1. – С. 167-170.
8. Милюхина Е. В. Судебный контроль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности / Е.В. Милюхина // Аллея науки. – 2019. – Т. 3. – №. 12. – С. 725-729.
9. Сысолятин О. В. Понятие и сущность судебного контроля в современном российском уголовном судопроизводстве / О.В. Сысолятин // Трибуна ученого. – 2021. – №. 4. – С. 239-242.
10. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. — 3-е изд. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. — 332 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Папаева Солунай Васильевна 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич - научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Причины преступности являются фундаментальной и актуальной проблемой науки криминологии. Исследование причин преступности раскрывает природу этого социально-негативного явления, объясняет его происхождение, показывает, от чего зависит существование преступности, что способствует ее сохранению, а что этому противодействует.

Процесс детерминации преступности представляет собой сложное взаимодействие различных форм связей: причинных, функциональных, связей состояния и др. Вместе с тем только причинная связь - это объективная, всеобщая генетическая (производящая, порождающая) связь между двумя явлениями: причиной и следствием. Причинность есть внутреннее содержание детерминации, ее сущность [1, С. 265].

Вместо понятия «детерминант преступности» часто используют понятие "фактор". Понятие "фактор" преступности используется для первоначального анализа изучаемого явления и процессов. В некоторых случаях отдельные факторы рассматриваются в качестве причин преступности, а другие факторы выступают условиями, которые способствуют преступности [2, С. 469].

Самая распространенная классификация детерминантов состоит из трех уровней:

1) все общество в целом (общесоциальные причины и условия) - связаны с глобальными негативными явлениями и процессами, происходящими в обществе и отражающимися на образе жизни целых макрогрупп (половозрастных, национальных, религиозных, профессиональных и др.);

2) малые социальные группы, в которых происходило формирование личности преступника (социально-психологические причины и условия) - предполагает изучение малых социальных групп, в которых протекала жизнедеятельность лиц, совершивших преступление;

3) индивидуальное преступное поведение (причины и условия конкретного преступления) - проявляются во взаимодействии антиобщественных свойств личности преступника (прежде всего, криминогенной мотивации) и криминогенной ситуации.

Стоит рассмотреть эту структуру на конкретном примере. Так, на развитие преступности несовершеннолетних большое влияние оказывает количество индивидуальных факторов и особенностей человека. К этим факторам, как правило, относят: возраст, пол, особенности черт характера (например, импульсивность, агрессивность), употребление психоактивных веществ, алкоголя и т. д. Эти факторы в своей совокупности могут способствовать возникновению преступности у данной категории лиц, когда один детерминант постепенно вытекает из другого.

Следующий уровень связан с внутрисемейными отношениями и общением со сверстниками, а именно: с жизнью в неполной семье; натянутыми отношения с родственниками; влиянием групп сверстников, обладающих антисоциальной направленностью, которое усиливается, если эти группы подростков ведут аморальный и асоциальный образ жизни и если их действия в совершении противоправных действий находят одобрение среди других подростков.

В качестве завершающего уровня системы факторов риска преступности несовершеннолетних можно определить влияние окружающей среды. К таким факторам риска, которые могут повлиять на дальнейшее совершение преступления среди несовершеннолетних, относится наркомания, алкоголизм, а также влияние насилия, представленного в средствах массовой информации, сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетях [3, С. 17].

Детерминанты преступности также классифицируются сквозь призму сфер жизни общества, объективности и субъективности, первичности и вторичности, срока действия (постоянно действующие; переменные, периодически действующие; переменные, не периодически действующие; случайно действующие).

Существуют два вида детерминантов (факторов) преступности:

1. Криминогенные - обусловливающие рост преступности и ухудшающие ее структуру либо препятствующие улучшению ее характеристик.

2. Антикриминогенные (позитивные) - способствующие стабилизации или снижению уровня преступности, улучшению ее структуры, характера (например, уменьшение доли тяжких преступлений, снижение уровня отрицательных последствий) либо препятствующие ухудшению ее характеристик.

Несмотря на существование классификаций детерминантов преступности, в общих чертах к числу наиболее распространенных факторов преступности относятся:

1) социальная дезорганизация, дисгармония:

а) социальная несправедливость;

б) социальное неравенство;

в) общественная разобщенность;

г) межрелигиозные противоречия;

д) межнациональные противоречия.

2) недостатки системы воспитания (семейного, религиозного, школьного, общественного);

3) низкая эффективность позитивного информационного и идеологического воздействия;

4) дефекты функционирования системы правоохранительных и пенитенциарных органов.

Говоря о детерминантах, существующих в Российской Федерации, хочется отметить, что распространенными детерминантами преступности являются:

1) низкий уровень жизни населения, что приводит к социальному неравенству; здесь же стоит отметить, что законодательство отдельных субъектов Российской Федерации не способствует детерминированию не только социального, но и экономического неравенства;

2) безработица - существует, особенно там, где находятся крупные предприятия, в случае их банкротства. Они перестают действовать, оставляя тем самым, многих людей на улице без работы. Необходимо отметить, что есть население, которое после преобразований в экономической и социальной жизни государства оказались за бортом и не могут найти себе применение. У многих проявляется зависть к богатым, в том числе к тем, кто добился достатка незаконными путями. Безработице так же способствуют большое количество мигрантов, которые прибывают в нашу страну из неблагополучных регионов, тем самым занимают рабочие места из-за дешевой рабочей силы;

3) агрессия - применение физической силы и оружия, угроза, грубый натиск. Существуют разные террористические движения, которые основаны на религиозных убеждениях, что приводит к религиозным конфликтам, сталкиванию людей на этой почве;

4) упадок нравственности (этот фактор также связан с религией);

5) высокий уровень тревожности (этот фактор связан со СМИ, телевиденением, газетами, радио) [4, С. 76].

Условие – такие явления и процессы, которые способствуют совершению преступления, интенсифицируют формирование или действие причин, облегчают действия преступников. Следовательно, условия оздают благоприятные возможности: либо для формирования причин преступности, либо для их реализации.

Условия преступности можно подразделить на три основные группы:

1) сопутствующие условия – они складываются из общего фона преступного события, обстоятельств, места, времени, обстановки совершения преступления;

2) необходимые условия – без таких условий событие преступления (преступность) могло бы и не возникнуть;

3) достаточные условия – совокупность всех необходимых условий для реализации возможности совершить преступление [2, С. 469].

Все вместе сопутствующие, необходимые и достаточные условия составляют целостный криминологический комплекс условий преступности.

Таким образом, под условиями преступности криминологи понимают комплекс явлений, которые сами по себе не порождают преступность, а способствуют ее возникновению и развитию. Сущность преступности тесно связана с причинно - следственными явлениями. Этих явлений множество: они существуют на трех уровнях в зависимости от глобальности преступности, масштабности ее распространения. Детерминанты преступности также подразделяются на сферы действия, каждая из которых подразделяется на несколько составляющих. Так или иначе, каждый случай в преступности имеет разный состав и количнство детерминантов.

Проблема причинности - одна из ключевых проблем в криминологии, которая имеет как теоретический, так и практический характер, так как без изучения причин такого явления, как преступность, причин и условий, им способствующих, нельзя на научной основе, со знанием дела вести борьбу с преступностью, причем не силами только правоохранительной системы, но и с помощью закона, приводя в движение экономические, социальные и иные рычаги, которыми располагают отдельные личности, отдельные группы людей, общество в целом и государство.

Список литературы

1. Филиппова, О. В. Социально - психологические детерминанты рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Вестн. Том. гос. ун-та. - 2021. - №468. - С. 265 - 268.
2. Уразимбетова, Ю.Х. Турдымамбетов И. Основные факторы и условия, влияющие на преступность / Ю. Х. Уразимбетова, И. Турдымамбетов // Экономика и социум. - 2020. - №6-2 (73). - С. 468 - 470.
3. Иванова, Е. Д. Факторы риска преступности несовершеннолетних / Е. Д. Иванова // Криминологический журнал. - 2022. - №2. - С. 16 - 18.
4. Шаназанова, Е. В. Преступность в России и ее детерминанты / Е. В. Шаназанова // MODERN SCIENCE. - 2021. - № 9 - 1. - С. 75 - 78.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Пасека Елизавета Федоровна, 3 курс, юридический факультет

Новосибирский государственный аграрный университет

Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Преступность как социальное явление существовала всегда. В настоящее время большую часть преступлений составляют хищения чужого имущества. В 2022 году они составили 54, 4% от общего числа зарегистрированных преступлений. При этом краж было зарегистрировано – 648,9 тыс., мошенничества – 311,5 тыс., грабежей – 27,3 тыс., разбоев – 3,6 тыс. [1].

Данная категория преступлений против собственности известна еще с древности, и остается и ныне одной из самых распространенных в нашей стране.

Переход к рыночной экономике, демократизация общества имели как положительные, так и отрицательные черты. К последним, в частности, можно отнести возникновение новых форм преступлений, ранее не известных законодательству. Так, в Уголовный кодекс РФ [2] (далее - УК РФ) в 2018 году был введен п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств) [3].

Согласно уголовному закону кража – есть тайное хищение чужого имущества. При квалификации данного преступного деяния, существует несколько правил, установленных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ, разъяснения которого по вопросам судебной практики обязательны для судов, поскольку такие разъяснения, основанные на требованиях закона, способствуют правильному толкованию и единообразному применению закона на всей территории Российской Федерации и помогают избежать судебных ошибок.

Так, из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 следует, что в случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, которые предусмотрены несколькими частями одной статьи УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей УК РФ, по которой предусмотрено более строгое

наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния[4].

В судебной практике неоднозначно квалифицируются действия виновного, который, помимо прочего, совершил хищение банковской карты потерпевшего, с которой впоследствии снял деньги. Так по приговору Хабаровского районного суда от 31 мая 2019 года Г. осуждена по п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ[5]. Г. признана виновной в совершении совокупности преступлений - двух краж имущества спящего в подъезде Б.: сотового телефона и кошелька с деньгами из кармана куртки (п.п. «в, г»» ч.2 ст. 158 УК РФ) и кражи денег с банковского счета (п. «г» ч.3 ст. 159 УК РФ). По материалам дела усматривалось, что придя домой, Г. обнаружила в кошельке деньги и банковскую карту, выкинула кошелек, перевела своей знакомой 8000, из которых 5000 забрала себе. Банковскую карту и сим-карту она выбросила. Осужденная не отрицала, что умысел на хищение денежных средств со счета Б. у нее возник лишь после возвращения домой и обнаружения банковской карты при осмотре похищенного. Таким образом, в содеянном Г. суд усмотрел наличие совокупности преступлений.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 21 октября 2019 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Хабаровского краевого суда от 21 октября 2019 г. приговор и апелляционное определение изменены, все действия Г. по хищению имущества потерпевшего квалифицированы по п. п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, как единое продолжаемое хищение.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ в кассационном порядке отменила постановление президиума Хабаровского краевого суда., постановив, что в содеянном Г. усматривается не продолжаемое преступление, а совокупность преступлений.

По разграничению продолжаемого хищения и совокупности хищений дает разъяснение Верховный суд РФ. В своем постановлении от 27.12.2002 г. № 29 он указывает, что в отличие от совокупности преступлений продолжаемое хищение состоит из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

В нашем случае, когда Г. проверяла карманы одежды потерпевшего, умысел у нее был направлен на изъятие всего ценного имущества, которое она обнаружит. Поэтому мы считаем, что хищение денег, сотового телефона и банковской карты, с последующим снятием с нее денег, образуют одно, а не совокупность преступлений.

В тоже время, квалифицировать содеянное Г. только по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ было бы неправильным, т.к. предметом этого преступления выступают только безналичные денежные средства. По совокупности квалифицировать содеянное также представляется неверным, т.к. изначально умыслом Г. охватывалось хищение всего ценного имущества, которое она обнаружит в одежде у потерпевшего.

Для решения возникшей проблемы мы предлагаем исключить п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ, оставив в части 3 ст. 158 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков пункты «а», «б», «в». Одновременно следует сконструировать отдельную статью – 158.2 УК РФ «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». В таком случае анализируемые преступные действия Г. будут, на вполне законных основаниях квалифицированны по совокупности преступлений, предусмотренных п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ст. 158.2 УК РФ.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2022 года. — Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2022. — 2 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Федеральный закон от 23.04.2018 N 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.04.2018, № 18, ст. 2581.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета, № 9, 18.01.2003.
5. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации №7 июль 2021 г. – 28 с.

ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППОВОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пасека Елизавета Федоровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Уголовное право различает преступления совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом [1].

Согласно ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Преступление также может быть совершено группой лиц по предварительному сговору. Организованной группой, если преступление совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Преступное сообщество представляет собой структурированную организованную группу, действующую под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. [1].

По своей сути, криминологическое определение групповой преступности схоже с уголовно-правовым. Однако же, организованную преступность понимают как общественно опасное явление, которое характеризуется социально - девиантным поведением участников преступных групп, наличием устойчивых и многоуровневых связей, а также иерархичной структурой [2, с.180].

Ежегодно в Российской Федерации регистрируется около 2 миллионов преступлений. Динамику можно проследить на графике [3]:

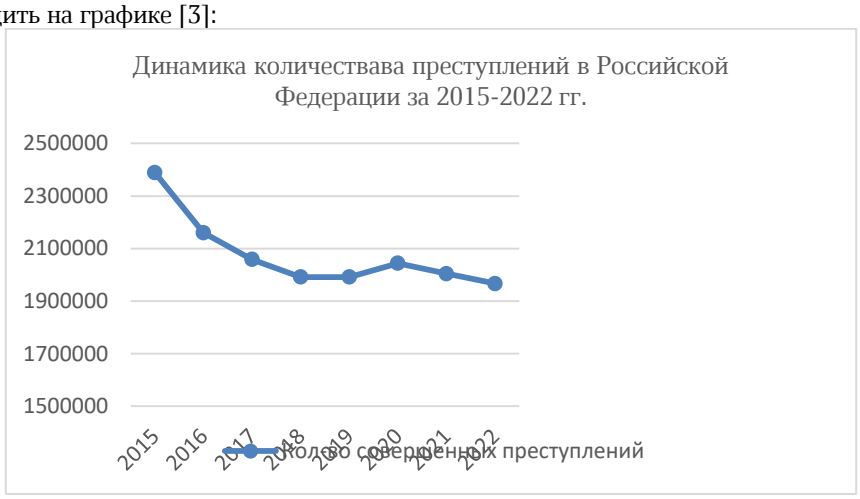

Рис. 1

Можно сделать вывод о постепенном снижении регистрируемых преступлений за 8 последних лет, в течении 6 из которых ситуация остается достаточно стабильной.

Характеризуя именно групповую преступность, в т.ч. совершенную по предварительному сговору согласно официальным статистическим данным состояния преступности, можно составить следующую таблицу 1[3]:

Динамика преступности и преступлений, совершенных в группе лиц, в Российской Федерации за 2015-2022гг.

од	Всего преступлений	Преступления, совершенные в группе лиц (% от общего кол-ва преступлений)	Преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору (% от общего кол-ва преступлений)	Из них (колонка 4) тяжкие и особо тяжкие (% от преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору)
	2	3	4	5
015	2.388.476	110.635 (4,6%)	88.675 (3,7%)	36.188 (40,8%)
016	2.160.063	141.478 (6,5%)	—	21.463
017	2.058.476	98.153 (4,8%)	80.335 (3,9%)	32.775 (40,8%)
018	1.991.532	127.015 (6,4%)	—	—
019	2.024.337	95.480 (4,7%)	75.527 (3,7%)	32.709 (43,3%)
020	2.044.221	108.918 (5,3%)	—	—
021	2.004.404	91.791 (4,6%)	66.929 (3,3%)	31.709 (47,4%)
022	1.966.795	102.482 (5,2%)	72.558 (3,7%)	38.712 (53,4%)

Как следует, преступления, совершенные группой лиц не имеют устойчивых тенденций к повышению или снижению, в целом, ее относимые числовые значения остаются примерно на одном среднестатистическом в 5,3% уровне, что корреспондирует в 2022 г. в размере 5,2% от общего числа преступлений. В то же время

относительные показатели групповых преступлений с предварительным сговором еще более статичны со средневзвешенным показателем в 3,65%), и практически ему равным аналогичным показателем в 2022г. (3,7%). В виде динамического ряда абсолютные показатели указанных преступлений за 2015-2022 гг. приведены на рис. 2

Рис. 2

Примечание: динамический ряд составлен с учетом отсутствующих данных в таблице1.

При этом даже при имеющихся данных можно сделать вывод о том, что из всех преступлений, совершенных группой лиц, значительная часть из них была совершена по предварительному сговору, и меньше половины, (а в 2022 г. – более половины) из них относились к тяжким или особо тяжким.

Характеризуя преступления совершаемые организованной группой, на основе статистических данных можно представить следующую таблицу 2 [3]:

Динамика преступности и преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом в Российской Федерации за 2015-2022 гг.		
1	2	3
Год	Преступления, совершенные организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией) (% от общего кол-ва преступлений)	Из них (колонка 2) тяжкие и особо тяжкие (% от преступлений совершенных организованной группой или преступным сообществом)
2015	13.735 (0,6%)	13.270 (96,6%)
2016	9.317 (0,4%)	—
2017	13.232 (0,6%)	12.873 (97,3%)
2018	9.693 (0,5%)	—
2019	16.290 (0,8%)	15.615 (95,9%)
2020	9.764 (0,5%)	—
2021	22.172 (1,1%)	21.449 (96,7%)
2022	27.207 (1,4%)	26.033 (95,7%)

В период с 2015 по 2020 год, показатель преступлений совершенных организованной группой и преступным сообществом не имеют определенного вектора развития, но не опускался ниже 9317 преступлений и не поднимался выше цифры, составляющей 16290 преступлений (0,4-0,8% от общего кол-ва преступлений), и только в 2021 и 2022 годах абсолютный показатель этих преступлений резко увеличивается, и достигает самой высокой отметки в 2022г, составляя 27207 преступлений, подойдя к отметке в 1,4%.

По мнению Картавченко В.В. основной целью организованных групп и преступных сообществ является получение криминального дохода противозаконными способами. Как правило, к преступлениям, совершаемым участниками преступных группировок, относятся терроризм, экстремизм, похищение людей, захват заложников, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, наркотиков и др. [2, с.180].

Мы согласны с данным мнением, поскольку статистическими данными таблицы 2 подтверждается, что большинство преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, относятся к тяжким и особо тяжким, и составляют не менее 95%.

Организованная преступность закономерно развивается по вектору: выживание — богатство — власть. [4, С. 276]

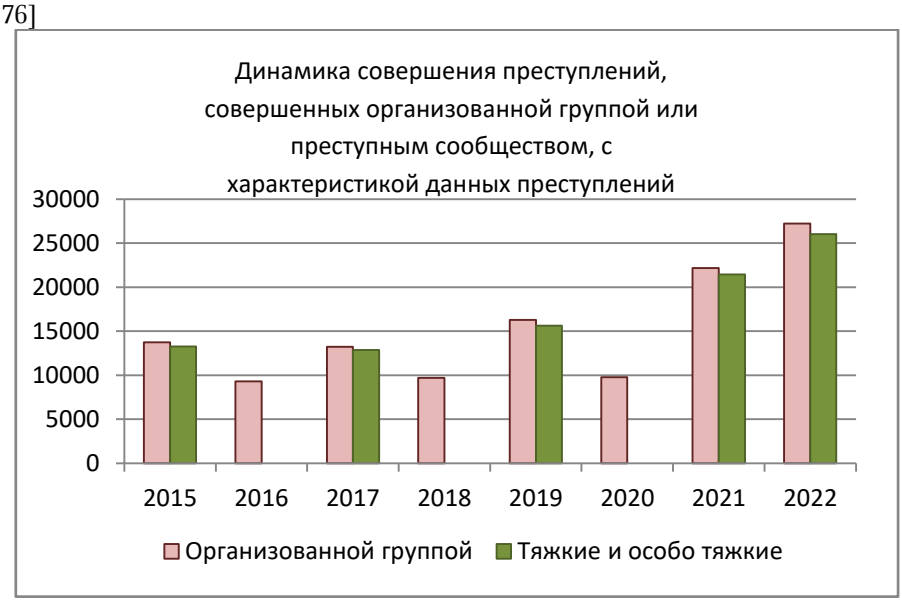

Рис.3

Примечание: динамический ряд составлен с учетом отсутствующих данных в таблице 2.

Таким образом, процент преступлений совершенных группой лиц в период с 2015 по 2022 гг. не превышает 6,5%, а по предварительному сговору – не более 3,9% от общего числа преступлений, имея динамику то снижения то роста, а вот преступления совершенные организованной группой и преступным сообществом, также имея данные хотя и переменные, но достаточно стабильные показатели динамики, приобрели резкий вектор к их увеличению в 2021-2022 гг.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Картавченко, В. В. Организованная преступность и ее предупреждение / В. В. Картавченко, М. И. Кобрушко // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 178-183.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь — Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Текст: электронный. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://мвд.рф/reports/1/ [дата обращения: 26.03.2023].
4. Клеймёнов, М. П. Криминология : учебник / М.П. Клеймёнов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 400 с.

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Пасечник Александр Сергеевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Мошенничество является одним из самых древних видов преступлений. Однако за последнее время способы его совершения претерпели качественные изменения, а традиционное «очное» взаимодействие преступника с жертвой стало минимальным. Существенные изменения стали возможны ввиду стремительного развития и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества результатов научно-технического прогресса, цифровизации, электронных и телекоммуникационных технологий, ресурсов, оборудования, позволяющих как создавать и хранить, так и использовать (перерабатывать, передавать) очень большой объем различной информации.

Развитие современных технологий не смогло оказаться вне поля зрения лиц, деятельность которых имеет криминальный характер. При этом, появлению и реализации новых способов совершения ряда противоправных деяний, в том числе сопряженных с обманом, способствовали возможности глобальной всемирной компьютерной сети «Интернет». Виртуальное общение активно используется субъектами преступной деятельности, позволяя мошенникам и их жертвам находиться на территории любого государства и на любом расстоянии друг от друга. Кроме того, ресурсный потенциал интернета, знание работы с компьютерной техникой, иными технически сложными устройствами, программными продуктами, позволяют преступникам без особых усилий осуществлять действия по сокрытию совершенных противоправных деяний.

Такая ситуация предопределила выделение в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) отдельной статьи 159.6, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной

информации. Оставляя в стороне дискуссионные вопросы, связанные с действиями законодателя относительно необходимости такого выделения, отметим, что, отчасти, это вызвано повышенной опасностью указанных деяний [1].

Изложенное подтверждается, в частности, данными официальной статистики Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, анализ которых позволяет сделать вывод, что количество преступлений в сфере компьютерно-технических средств и технологий за последние годы резко увеличилось. Так, в 2019 году зарегистрировано более 294 409 таких преступлений, из них с использованием компьютерной техники - 18 261; средств мобильной связи - 116 154; программных средств - 6 283; сети «Интернет» - 157 036. Вместе с тем, по статье 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) возбуждено 687 дел. При этом общее количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло на 70 процентов, более половины их совершается с использованием интернета, более трети - с использованием средств мобильной (сотовой) связи [2].

В 2020 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, увеличилось до 510 396, что на 73,4 процента больше, чем в 2019 году. Из них 28 653 - с использованием компьютерной техники, 218 739 - с использованием средств мобильной связи, 10 050 - с использованием программных средств, 300 337 - с использованием сети «Интернет». Кроме того, зарегистрирован 761 случай мошенничества в сфере компьютерной информации. Сравнительный анализ статистических данных дает основания заключить, что количество преступлений, совершенных с использованием интернета, возросло на 91,3 процента, при помощи средств мобильной связи - на 88,3 процента [3].

Ежегодно появляются новые мошеннические схемы, которые усложняют порядок совершения преступлений. Казалось бы, сеть является виртуальной, и мошенники никак не могут заполучить ваши средства, ведь они защищены, но жертвы мошенничества порой несут огромнейшие потери. Из-за мошеннических атак страдают обычные пользователи сети Интернет, а порой они представляют угрозу даже целому бизнесу. Наиболее популярными мошенническими схемами в настоящее время являются: создание фальшивых интернет-магазинов и копии сервисов интернет-банкинга, взлом личных аккаунтов и распространение на них постов с просьбой перевести деньги на счет.

Основными видами мошенничества являются:

1. Интернет попрошайничество. Просьба пожертвовать некоторую сумму денег.
2. Скимминг. Считывание информации с банковской карты с использованием специального устройства.
3. Фишинг. Получение данных банковской карты или логина и пароля обманным путем. Отправляется письмо с ссылкой на сайт какой-либо знакомой компании, банка и т.п. После перехода по ссылке появляется запрос на ввод персональных данных, таким образом мошенникам открывается доступ к этим данным.
4. Вишинг. Поступление телефонного звонка от некой компании и просьба мошенников продиктовать персональные данные.
5. Компьютерные вирусы. Рассылка вирусов и сбор пользовательской информации, которая интересует мошенников.
6. DDoS-атаки. Вывод из строя вычислительной или информационной системы с целью прерывания ее обслуживания. В таких случаях возможно возникновение рисков или потерь у компании.
7. Хакерские атаки. Вмешательство в информационную систему, взлом сайтов, персональных данных или даже устройств [4].

Необходимо отметить, что по смыслу статьи 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ [5].

Качественная и количественная составляющие мошенничества в сети Интернет указывают нам на то, что среди многообразия элементов криминалистической характеристики на основе их свойств представляется целесообразным положить в основу криминалистической характеристики данного вида преступлений в

качестве ключевого элемента – способ совершения мошенничества и личность преступника, так как не каждый будет реализовывать свои преступные умыслы, используя сеть Интернет, что будет обусловлено ее условной анонимностью [6].

Таким образом, ключевым признаком объективной стороны мошенничества в сети Интернет является обман. Субъект преступления общий, а субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Расследование мошенничества, совершенного в сети Интернет имеет свою специфику, которая заключается в решении определенных задач: установление реального IP-адреса, с которого был осуществлен удаленный доступ к сайту мобильного банка и последующие преступные действия, и установление местонахождения мошенника.

Список литературы

1. Милованова, М.М. О способах мошенничества в сети «Интернет» / М.М. Милованова, В.А. Шурухнов // Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Журнал: Имущественные отношения в РФ. — 2021. — № 10(241). — С. 86-91.
2. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2019 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации».
3. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2020 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»». С. 30-31.
4. Рожкова, Д.С. Мошенничество в интернете / Д.С. Рожкова, Д.А. Муромская // Пензенский государственный университет. Журнал: Вестник ПензГУ. — 2022. — № 3(39). — С. 94-98.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. —1996. — № 25. — ст. 2954.
6. Ткаченко, М.А. Особенности расследования мошенничества, совершенного в сети «Интернет» / М.А. Ткаченко, О.А. Науменко // Краснодарский университет МВД России. Журнал: Материалы X межрегиональной студенческой юридической олимпиады. — 2020. — С. 138-153.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЕ ПРИЗНАКИ И ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Пасечник Александр Сергеевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Одной из актуальных проблем является преступность, поскольку она представляет собой социальный процесс, определяемый прошлым и настоящим состоянием социальной системы. Вечная детерминированность преступности создает наибольшие трудности для ее устранения из жизни общества. В то же время преступность - это относительно самостоятельное социальное явление, состоящее из количественных и качественных характеристик и подчиняющееся статистическим закономерностям. Выявление и объяснение этих закономерностей является основной задачей криминологического исследования преступности. Практически значимым результатом её применения является разработка профилактических мер, позволяющих воздействовать на механизм порождения преступности с целью ее уничтожения, нейтрализации, пресечения и, тем самым, борьбы с преступностью в целом.

Преступность - сложное, многоуровневое и изменчивое явление, и может сложиться впечатление, что она не может быть объектом научного исследования или что такое познание требует слишком много усилий и времени и не дает достоверных результатов. Однако потребность в борьбе с преступностью делает необходимым изучение этого явления во всех его проявлениях, а также его истоков и эффективности основных методов профилактики. [1, с. 240].

Термин «преступность» имеет один из самых сложных и неоднозначных толкований в криминологии. Сложность проблемы преступности отражается в том, что ученые не приходят к единому мнению относительно определения этого явления. В одних исследованиях преступность отождествляется с рядом отдельных правонарушений, в других - с причинами преступности. На сегодняшний день в научной и учебной литературе нет четкого определения термина «преступность», и это понятие трактуется по-разному и неоднозначно.

В Российской криминологической энциклопедии говорится, что термин «преступление» используется в двух основных смыслах:

1) в бытовом смысле, как совокупность преступлений, совершенных в определенных условиях места и времени;

2) в криминологическом смысле: как наиболее опасное, массовое, сложное, системное и структурное социальное явление, проявляющееся в виде системы преступлений, преступников, преступных формирований, жертв преступлений, последствий преступлений и т.д.

В отечественной и международной криминологии исследователи предлагают различные научные исследования этого явления.

Если рассматривать все подходы по определению содержания преступности: фундаментальный, девиантологический, естественно-неконвенциональный, личностный и безличностный, то можно прийти к

выводу, что преступность, - это негативное, исторически изменчивое, относительно массовое, устойчивое социальное явление, слагающееся из совокупности общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, совершенных в определенный период времени на определенной территории (регион, страна и т.п.) [2, с. 33].

На основании приведенного определения можно раскрыть основные признаки преступности.

Никто не сомневается в негативном характере преступности как социального явления. Ежегодно преступность наносит ущерб в десятки миллиардов рублей и неисчислимый ущерб в виде потери жизней и здоровья людей.

Историческая изменчивость преступности связана с развитием и изменениями в обществе. Возникновение преступности связано с образованием государства, появлением государственной власти, разделением общества на классы и возникновением частной собственности. В связи с этим возникла необходимость законодательно запретить ряд деяний, нарушающих права и свободы членов общества. Это, в свою очередь, определило содержание преступности как социального явления, зависящего от характера общественных отношений, конфликтов и противоречий, возникающих в нем на том или ином этапе развития. Поэтому вполне логично, что те или иные социальные процессы и отношения являются детерминантами преступности. В этом смысле уголовное право изменяется во времени и пространстве с развитием и появлением новых видов общественных отношений.

Следующий признак преступности - относительная массовость. Масса - это мера величины тела, его свойство. В нашем случае массовость определяется множеством людей. Именно массовый характер преступности позволяет определить количественные и качественные закономерности преступности, чему способствует анализ статистических данных.

Статистические данные позволяют ученым применять различные методы для оценки состояния преступности, определения ее закономерностей, моделирования ее основных показателей и прогнозирования на будущее в различных областях и временных периодах.

Преступность как явление может быть оценена и даже измерена определенными количественными и качественными показателями, что очень важно для выяснения природы этого явления и выявления его внутренних взаимосвязей и зависимости от внешних факторов.

Преступность имеет количественные и качественные показатели.

Количественными показателями являются объем (состояние), уровень и динамика преступности [3, с. 26].

Объем (состояние) преступности - это абсолютный количественный показатель, отражающий общее число преступлений и лиц, их совершивших, зарегистрированных на данной территории за определенный период времени. Он позволяет охарактеризовать масштабы рассматриваемых явлений. Следует иметь ввиду, что количество преступлений не всегда соответствует количеству лиц, их совершивших, поскольку одно преступление может быть совершено группой лиц или, наоборот, одно лицо может совершить несколько преступлений.

Уровень преступности отражает количество преступлений и лиц, их совершивших, в относительных цифрах. Он измеряется в соотношениях или коэффициентах преступности (количество совершенных преступлений и лиц, их совершивших, на 1 000, 10 000 или 100 000 человек).

Коэффициент преступности определяется как соотношение между количеством преступлений и населением, достигшего возраста уголовной ответственности.

Коэффициент преступной активности (/) характеризуется количеством людей, совершивших преступление, на определенную численность населения.

Одним из показателей интенсивности преступности в регионе является коэффициент виктимности (Кв), который представляет собой количество жертв за определенный период в данной местности, приводящееся на 100 или 10 000 человек населения в целом.

Динамика преступности - это развитие показателей преступности (состояния, уровня и структуры) на определенной территории за определенный период времени (один год, три года, пять лет, десять лет и т.д.) [4, с. 71].

К качественным показателям преступности относятся ее структура, характер, география и цена.

Структура преступности - это соотношение доли различных видов (групп) преступлений и лиц, их совершивших, в общей численности населения за определенный период на определенной территории [5, с. 35].

Характер преступности является показателем доли наиболее опасных (тяжких и особо тяжких) правонарушений в структуре преступности, а также характеристикой личности правонарушителей. Характер преступности становится понятен по его структуре.

Территориальное распределение преступности (география преступности). Этот показатель позволяет выявить различия в криминологических характеристиках регионов, определить региональную специфику преступности и выявить особенности борьбы с преступностью в регионах в связи с территориальной спецификой.

Цена преступности характеризуется социальными последствиями преступности, которые определяются:

1) прямым и косвенным материальным ущербом, который преступность наносит охраняемым общественным отношениям;

2) экономическими и иными социальными издержками, связанными с борьбой с преступностью [6, с. 40].

Каждый из этих показателей имеет особое значение для оценки преступности, но только систематический анализ может дать более глубокое представление об этом явлении.

Список литературы

1. Грачев, Ю.А. О повышении эффективности функционирования системы предупреждения преступности / Ю.А. Грачев, В.А. Демидов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ. — 2018. — № 1(65). — С. 239–242.
2. Надымова, А.А. Понятие, виды и уровни предупреждения преступности / А.А. Надымова // Отечественная юриспруденция. — 2020. — № 4(43). — С. 31-39.
3. Шевченко, А.В. Количественные и качественные показатели преступности на территории Российской Федерации / А.В. Шевченко // Журнал: Юридический факт. — 2020. — № 122. — С. 26-29.
4. Санташов, А.Л. Анализ показателей преступности в современной России / А.Л. Санташов, И.А. Петрова // Прикладные исследования. — 2020. — № 4. — 65-73.
5. Иванченко, О.С. Анализ основных криминологических показателей преступности в России / О.С. Иванченко, Р.Б. Иванченко // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2021. — № 7-1. — С. 31-38.
6. Кадырова, Н.Н. Уголовно-правовой аспект цены преступности / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 4. — С. 40-43.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Петрякова Екатерина Алексеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Преступность несовершеннолетних относится к глобальным проблемам современности, в решении которых заинтересовано все мировое сообщество. Это объясняется определяющей ролью подрастающего поколения в обеспечении жизнеспособности общества и развитии.

Одним из важнейших средств борьбы с преступностью несовершеннолетних является повышение эффективности уголовно-правовых мер, среди которых особое место занимает уголовная ответственность.

В течение последних десяти лет удельный вес преступности несовершеннолетних в структуре всех зарегистрированных преступлений остаётся практически на одном уровне, пребывания в интервале от 9 до 11%. Вместе с тем, вызывает обеспокоенность ухудшение качественных характеристик подростковой преступности: рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличение в структуре преступности несовершеннолетних доли преступлений, совершаемых повторно, а также «безмотивных» насильственных преступлений.

УК РФ в статье 87 закрепил, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет.

По общему правилу, в Российской Федерации уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовного ответственности, который в соответствии со ст. 20 УК РФ составляет шестнадцать лет [1].

Установленная планка снижается с учетом особенностей физического и психического развития личности, проблемами социализации и осознания места и роли в обществе, категоризацией преступлений и статистической распространенностью некоторых деяний среди несовершеннолетних. Так, за совершение ряда преступлений (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, изнасилование и т.д.) возраст уголовной ответственности составляет 14 лет.

Законодатель в структуре УК РФ предусмотрел главу 14, наличие которой говорит о наделении несовершеннолетних статусом особого субъекта уголовных правоотношений. Так, данная глава содержит нормы, посвященные особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, признание несовершеннолетия виновного смягчающим наказание обстоятельством.

Специфичными чертами уголовной ответственности несовершеннолетних, предусмотренными в УК РФ, являются:

1) применение 6 видов наказаний из 13 возможных (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определённый срок);

2) возможность замены уголовной ответственности принудительными мерами воспитательного воздействия;

3) сокращение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и сроков погашения судимости;

4) особый порядок условно—досрочного освобождения от отбывания наказания;

5) снижение фактических сроков отбывания наказания необходимых для условно-досрочного освобождения (за преступления небольшой или средней тяжести и тяжкие они составляют всего 1/3, а за особо тяжкие 2/3 от срока, назначенного судом).

Сущность наказания заключается в каре, которая должна быть соразмерна совершенному преступлению.

Проанализировав действующее уголовной законодательство России, можно заключить, что существуют следующие формы реализации уголовной ответственности:

1) уголовная ответственность, соединенная с наказанием;

2) уголовная ответственность, соединенная с иными мерами уголовно—правового воздействия (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, освобождение несовершеннолетнего лица от наказания с помещением в специальное учебно—воспитательное учреждение закрытого типа).

Несовершеннолетнему может быть назначена одна или одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия:

1) предупреждение – одна из самых мягких принудительных мер воспитательного воздействия, которая заключается в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений;

2) передача под надзор – возложение на родителей или лиц, их замещающих, либо на специализированный государственной орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением;

3) обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков;

4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, выраженное в запрете посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа и т.п.

Несмотря на, казалось бы, довольно детальное правовое регулирование института уголовной ответственности несовершеннолетних, можно выделит некоторые проблемы, существующие в данной области общественных отношений в настоящее время.

Первым дискуссионным вопросом является возраст привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 20 Уголовного кодекса РФ, уголовная ответственность наступает с 16 лет, но при совершении определенной категории преступлений – уже с 14 лет.

В Государственной Думе практически ежегодно, начиная с 2013 года, поднимается вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за совершение особо тяжких преступлений до 12 лет [2, С.127]. Такая инициатива имеет своих противников и сторонников. Как правило, инициаторы снижения возраста уголовной ответственности аргументируют свою точку зрения следующими тезисами:

1) данные действия позволят изолировать от общества большее количество преступников;

2) преступники, достигшие двенадцатилетнего возраста или тринадцатилетнего возраста, чаще всего, отдают отчет своим действиям и совершают преступления осознанно;

3) в большинстве демократических стран мира возраст наступления уголовной ответственности ниже, чем в России.

Думается, что снижение возраста уголовной ответственности не решит проблему высокого уровня детской преступности, а приведет к лишним расходам для создания ювенальных исправительных учреждений. В первую очередь, необходимо повысить благосостояние граждан страны и со школьной скамьи прививать детям этические качества и повышать уровень правовой культуры населения, в том числе и школьников [3, С.14].

Следующей по порядку, но не по значимости, является проблема, выраженная в ч. 2 ст. 88 УК РФ, в соответствии с которой к несовершеннолетнему может применяться наказание в виде штрафа как при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка либо имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствие таковых.

Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному по решению суда, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Однако данная норма создает ряд юридических коллизий. Кто будет считаться судимым при взыскании штрафа с законного представителя несовершеннолетнего и какие правовые последствия наступят за злостное неисполнение данного наказания законными представителями? Более того, штраф может взыскиваться с законных представителей и при наличии у несовершеннолетнего преступника самостоятельного источника дохода.

Решение проблемы возможно через освобождение родителей от уплаты штрафа, если у несовершеннолетнего преступника есть заработок. При его отсутствии допустимо заменять данный вид наказания на другое возможное. Таким образом, ч. 2 ст. 88 УК РФ в действующей редакции, на наш взгляд нарушает принцип персональной ответственности [4, С.222].

Следующий спорный момент связан с территориальной разрозненностью воспитательных колоний, число которых сокращается ежегодно. В результате несовершеннолетние преступники довольно часто отбывают наказание в тысячах километров от дома, а ведь оказавшийся в местах лишения свободы несовершеннолетний как никогда нуждается в поддержке семьи. Данную проблему предлагается решить путем предоставления государством транспорта либо билетов на транспорт для объективно нуждающихся в этом семей.

Наряду с указанными, существует ещё немалое количество проблем, связанных с данной сферой правоотношений. Каждая из них требует при своем решении проведения доскональных теоретических исследований и анализа правоприменительной практики, на основе чего необходимо постепенное реформирование соответствующих правовых норм, регулирующих институт уголовной ответственности несовершеннолетних.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63—ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Лапко Г.К. Проблемные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних / Г.К. Лапко // Крымские юридические чтения. Преступность и общество, 2018. – С. 126-129.
3. Ширинян А.В. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних / А.В. Ширинян // Эпомен, 2019. – № 32. – С. 10-15.
4. Розанова Е.С. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних / Е.С. Розанова // Новая наука: опыт, традиции, инновации, 2017. – № 4. – С. 220-223.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пешкова Кристина Романовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Конституция РФ [1], которая согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) входит в его правовую основу, провозглашает, что человек, его права и свободы выступают высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. При этом огромную роль в решении этих актуальных задач призвано осуществить право, которое реализуется в том числе с использованием принудительных мер. Отметим, что меры оперативно-розыскного принуждения являются составной частью какого-либо оперативно-розыскного мероприятия, их применение должно осуществляться исключительно в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона об ОРД) [3].

По справедливому замечанию Е.Ю. Дороша, меры государственного принуждения, в том числе и в оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), имеют двоякий характер [7]. С одной стороны, они, несомненно, ограничивают права и свободы человека и гражданина, законные интересы юридических лиц, а с другой стороны, направлены на защиту этих прав, свобод и законных интересов.

Органам, уполномоченным на осуществление ОРД, предоставлены полномочия, при реализации которых возможно применение мер принуждения. Так, ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД предусматривает право на изъятие предметов и документов, а также прерывание предоставления услуг связи.

Оперативные подразделения при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в качестве обеспечительных мер их проведения наделены правами оцеплять (блокировать) участки местности, осуществлять вхождение, проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории (ст. 13, 15, 16 Федерального закона «О полиции» [2], ст. 13, 14.1 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» [4]).

Реализация указанных прав предполагает возможность принудительного воздействия. Исходя из существующих в науке точек зрения, в частности, Е.Ю. Дороша, следует, что признаками принуждения при проведении ОРМ являются:

1. Учитывая, что меры оперативно-розыскного принуждения являются составной частью какого-либо ОРМ, их применение должно осуществляться исключительно в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона об ОРД).
2. Меры государственного принуждения в ОРД могут быть применены к гражданам, совершившим правонарушение, а также к иным лицам при отсутствии факта противоправных

действий, когда фактическим основанием применения принудительных мер будет являться возникновение нежелательных для общества и государства правовых аномалий. Также меры принуждения могут быть применены и к иным лицам, вовлекаемым в проведение ОРМ, например, при отработке лица на причастность к совершенному преступлению, в отношении лиц, вовлекаемых в проведение таких ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, оперативный эксперимент, проверочная закупка и прочее. Наряду с этим, ряд мер оперативно-розыскного принуждения могут быть применены и к законопослушным гражданам, например, прерывание услуг связи, оцепление участков местности и др.

3. Меры принуждения в рамках ОРД предполагают воздействие на сознание и действия человека и связываются с ограничениями личного, имущественного и иного характера. Принудительный характер этих мер выражается также в том, что они осуществляются помимо воли граждан, которые обязаны выполнить предписываемые действия, либо воздержаться от каких-либо действий в силу норм действующего законодательства. Как правило, ограничивается прав собственности, а также применяется непосредственное принуждение, связанное с применение физической силы, специальных средств и оружия.

4. Применение мер оперативно-розыскного принуждения может носить внесудебный характер, т.е. осуществляется без санкционирования как со стороны руководителей органов, осуществляющих ОРД, так и суда, и проводятся на усмотрение оперативных сотрудников, а в специально оговоренных законодательством случаях, при ограничении конституционных прав и свобод, меры оперативно-розыскного принуждения могут применяться исключительно с разрешения суда.

5. Меры принуждения осуществляются государственными органами (их должностными лицами), уполномоченными на осуществление ОРД, т.е. обладающие служебными правами, связанными с выполнением их должностных обязанностей.

6. Применяемые меры обеспечиваются надзором и контролем за их применением, в том числе ведомственным и судебным [6].

Исходя из указанных признаков можно сформулировать следующее определение принуждения в ОРД. Это совокупность предусмотренных законодательством мер государственного принуждения, применяемых органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности и их должностными лицами при проведении ОРМ, по осуществлению воздействия, которое влечет наступление физических, психических, материальных или иных лишений, направленных на обеспечение решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Однако, в условиях существующего правового регулирования без ответа остаются правовые и процедурные вопросы реализации иных принудительных мер, широко используемых в деятельности органов, осуществляющих ОРД, например, задержание (захват), доставление, личный досмотр при проведении ОРМ и др. Весьма эффективным представляется предложение, выдвинутое А.С. Новохватко, по мнению которой требуется теоретическое понимание, классификация информации о применении принудительных мер в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий [9].

Также на сегодняшний день одной из актуальных проблем оперативно-розыскной деятельности является отсутствие в действующем российском законодательстве правового регулирования процедуры фактического задержания лица, заподозренного в подготовке и совершении преступлений, в рамках проведения таких оперативно-розыскных мероприятий как наблюдение, проверочная закупка, контролируемая поставка и оперативный эксперимент.

По мнению Ю. П. Гармаева, безосновательное применение норм административного законодательства в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности и проведения вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий является так называемым «смешением процедур» и указанный автор относит такие действия оперативных сотрудников к типичным ошибкам при проведении оперативно-розыскных мероприятий [5].

На наш взгляд подобные действия сотрудников оперативно-розыскных органов являются недопустимыми и необоснованными при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, поскольку цели и задачи оперативно-розыскной деятельности значительно отличаются от целей и задач административной деятельности.

Более того, задержание подозреваемого, согласно российского уголовно-процессуального законодательства, производится только в рамках возбужденного уголовного дела, которое в результате, например, проверочной закупки наркотических средств не может быть возбуждено пока экспертно-криминалистическим путем не будет установлена масса и вид наркотического средства. Для этого, как известно, требуется продолжительное время (исходя из правоприменительной практики с момента фактического задержания заподозренного лица и изъятия подлежащих криминалистическому исследованию веществ до получения документально оформленных и в установленном порядке заверенных результатов исследования требуется от 3-х до 48 часов).

Безусловно, что заподозренное в совершении тяжкого, особо тяжкого преступления лицо (например, незаконного сбыта наркотических средств) не может быть подвергнуто безосновательному принудительному ограничению свободы передвижений и определенных действий столь длительный период времени.

Именно поэтому, как справедливо указывает М.В. Кондратьев, порядок задержания лица, заподозренного в совершении преступления, на стадии осуществления оперативно-розыскной деятельности нуждается в правовой регламентации на законодательном уровне [8].

В связи с чем представляется возможным расширить перечень прав сотрудников оперативно-розыскных органов и закрепить в ст. 15 ФЗ «Об ОРД» правовую норму, регламентирующую задержание объекта оперативной заинтересованности, если они застигнуты при подготовке к совершению преступления, при покушении на совершение преступления, при непосредственном совершении преступления, а также при сокрытии следов преступной деятельности на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.02.2023) // Российская газета. – 2011. – № 25.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. – 1995. – № 72.
5. Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков: практическое пособие. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2004. – С. 28.
6. Дорош Е. Ю. Понятие и признаки принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. – 2022. – №. 6. – С. 139-143.
7. Дорош Е. Ю. Принуждение при проведении оперативно-розыскных мероприятий и проблема соблюдения конституционных прав гражданин // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности. – 2022. – С. 52-53.
8. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскное задержание как эффективный инструмент выявления, пресечения и раскрытия наркопреступлений // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – 2019. – С. 131-135.
9. Новохатко А. С. Актуальные вопросы принуждения в оперативно-розыскных мероприятиях // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции. – 2021. – С. 175-177.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НАСИЛИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НАСИЛЬСИЛЬСТВЕННОГО ГРАБЕЖА И РАЗБОЯ

Пешкова Кристина Романовна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч.2 ст.8 Конституции Российской Федерации) [1].

Хищение чужого имущества – обширная группа преступлений, против собственности. Наука уголовного права и правоприменительная практика классифицирует составы хищений на формы и виды в зависимости от их размера и способа совершения соответственно.

Правильная квалификация, в том числе при разграничении смежных составов преступлений, имеет большое теоретическое и практическое значение. Этим обеспечивается справедливое наказание, следовательно, правильная квалификация преступлений является непременным условием реализации принципов уголовного права, и, прежде всего, законности. Без сомнения, как справедливо отмечено в научной литературе, этого требует и социальная справедливость, попранная преступным посягательством [4].

Во все времена хищения чужого имущества были и остаются самыми распространенными преступлениями. Данные официальной статистики позволяют сделать вывод о том, что хищения занимают в настоящее время значительное место в структуре преступности России, определяя ее количественную сторону. Их доля составляет более 50% от всех совершенных преступлений.

Среди хищений наиболее опасными являются насильственные грабежи и разбои, поскольку они одновременно посягают на два объекта. Помимо права собственности, которое является основным непосредственным объектом насильственного грабежа и разбоя, в качестве дополнительного объекта при насильственном грабеже является телесная неприкосновенность, а при разбое - здоровье личности.

Анализ судебной практики по делам о грабеже и разбое позволяет говорить о том, что сотрудники правоохранительных органов и судьи нередко испытывают определённые трудности при разграничении этих преступлений.

Основным критерием отграничения грабежа от разбоя, как показывает судебная практика, является характер угрозы или применённого насилия в отношении потерпевшего при завладении чужим имуществом.

При грабеже для завладения чужим имуществом или удержания похищенного виновный применяет насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозу таким насилием. При разбое виновный применяет насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозу таким насилием.

В соответствии с п. 21. Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002г. N° 29 под насилием, не опасным для жизни или здоровья (пункт "г" части второй статьи 161 УК РФ), следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

Под насилием, опасным для жизни или здоровья (статья 162 УК РФ), следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности [2]. Как насилие опасное для жизни или здоровья, кроме того, следует признавать и такое насилие, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья.

При решении вопроса о наличии реальной опасности насилия для жизни или здоровья необходимо принимать во внимание жизненную важность органа, в который наносились удары, не использовались ли при этом какие - либо предметы, состояние потерпевшего в момент применения насилия и т.д. Так, нанесение удара по голове бутылкой или палкой, сдавливание шеи, если это сопряжено с потерей или помутнением сознания, расцениваются, как правило, как насилие опасное для жизни или здоровья.

Так Железнодорожным районным судом г. Новосибирска за совершение разбоя с применением предметов, используемых в качестве оружия, был осуждён Соловьёв. По делу усматривается, что Соловьев 28.09.2021г. совершил разбойное нападение на Кротова. Для завладения имуществом Кротова Соловьёв нанёс ему один удар пустой бутылкой по голове, не причинив вреда здоровью. От нанесённого удара бутылкой Кротов упал на землю, после чего Соловьёв похитил из кармана одежды Кротова деньги в сумме 2600 рублей.

Анализируя характер насилия, применённого Соловьёвым, правомерно решил, что хотя Кротову и не был причинён вред здоровью, однако в момент применения насилия оно создавало реальную опасность для здоровья потерпевшего [3].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 20.02.2023).
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: п.21. Пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ.- 2003.- № 2. – С.6.
3. Уголовное дело № 1-257/21. Архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска за 2021 г.
4. Челябова З. М. Вопросы отграничения вымогательства от насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации //Мониторинг правоприменения. – 2018. – №. 4 (29). – С. 34-36.

СЛЕДУЕТ ЛИ ОТМЕНЯТЬ МОРАТОРИЙ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИЛИ НЕТ?

Полосухин Василий Алексеевич, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

В Уголовном кодексе Российской Федерации в санкции некоторых статей Особенной части, как правило, в квалифицированных и особо квалифицированных составах, прописано, что суд может назначить наказание в виде смертной казни. Например, в санкции части 2 статьи 105 УК РФ (убийство при отягчающих обстоятельствах), наряду с лишением свободы, предусмотрено наказание в виде смертной казни[1]. Однако после принятия моратория на смертную казнь данный вид наказания не применяется. Вследствие чего возникает вопрос: «Правильно ли одновременно сохранять смертную казнь в системе наказаний в УК РФ и не применять её. Действительно ли больше не надо назначать наказание в виде смертной казни или всё же стоит применять данный вид наказания»?

Вопрос о применении или отмены смертной казни не только в России, но и во всем мире является дискуссионным, поэтому следует выделить и отразить основные положения двух противоположных точек зрения. С одной стороны, сторонники применения смертной казни утверждают, что:

1. Смертная казнь защитит общество от рецидива особо тяжких преступлений.

2. Мораторий на смертную казнь оставляет неопределённым финансовую сторону содержания преступников, приговорённых к пожизненному заключению: из какого бюджета расходуются средства, в каком количестве, из чего в целом эта сумма складывается.

3. Смертная казнь служит сдерживающим механизмом. Например, в Китайской Народной Республике остаётся наказание в виде смертной казни за жестокие убийства, взяточничество, торговлю наркотическими средствами. Именно поэтому в этой стране снизился и продолжает снижаться уровень перечисленных преступлений.

С другой стороны, сторонники отмены смертной казни приводят свои доводы:

1. Возможность судебной ошибки. Система правосудия несовершенна, поэтому присутствует вероятность совершения ошибки, следствием чего является невозможность реабилитации. В случае выявления ошибки умершего человека уже невозможно воскресить, и денежная компенсация родственникам умершего не вернёт человека. От этого авторитет судебной власти может умалиться в глазах народа.

2. Государство не должно уподобляться преступнику. Если будет исполнен приговор о смертной казни, а это убийство человека, то действия государства будут сопоставимы с действиями убийцы. Государство должно давать пример для своего народа, оставаться гуманным.

3. Не достигается цель наказания – исправление осуждённого. Смерть человека влечёт невозможность его исправления.

Таким образом, проблема смертной казни очень сложна, поскольку доводы обеих сторон являются убедительными, поэтому каждая страна самостоятельно оценивает свои риски и возможности. В России же вопрос о применении или отмене смертной казни остаётся открытым в соответствии с действующим законодательством. [2].

Так почему же был сохранен мораторий на смертную казнь, а не полностью исключена данная высшая мера наказания? При вступлении РФ в Совет Европы ей были выдвинуты требования по отмене вышесказанного наказания. Данный документ является протоколом № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека, обязывающий государство, утвердившее протокол, отменить смертную казнь. Этот документ был подписан Министерством иностранных дел РФ, но Конвенция ратифицирована Госдумой РФ в 1998году. Так же основанием для не использования высшей меры наказания является решение о запрете, принятое Конституционным судом РФ. Вышеупомянутая инстанция в 1999 году запретила нарушать наложенный мораторий, введенный в 1996 году, до появления судов присяжных заседателей. А после их появления Конституционным судом был издан документ, в котором говорится, что многолетняя практика, в которой не применяется данная мера наказания, не позволяет использовать смертную казнь сейчас. Если отталкиваться от Конституции Российской Федерации, следует, что единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Значит, неотъемлемой частью исследования данной темы должно являться непосредственное мнение граждан России по эту вопросу. По данным социологов «Левада-центр», почти половина россиян (44%) поддерживают возврат такой меры наказания, как смертная казнь. А 12% высказались за увеличение использования высшей меры наказания, относительно 90-ым годам. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что наложенный мораторий на смертную казнь является поддерживаемым половиной граждан РФ, и отражает действующие право на жизнь из Конституции РФ, а также основные принципы демократизма и гуманизма. Но не стоит забывать, что половина граждан также и против наличия моратория. Неполноценная правовая база, осуществляющая действие моратория, ставит его существование под сомнение. А мораторий требует более крепких и легитимных способов закрепления [3].

В России давно назрела проблема отмены моратория на смертную казнь, хотя бы для самых страшных преступников: террористов, их помощников, а также циничных и хладнокровных убийц наших детей. Два года назад в Саратове пропала девятилетняя девочка. На вторые сутки поисков волонтеры нашли тело ребенка. Оказалось, ее убил 35-летний местный житель, имевший шесть судимостей за кражи, изнасилование, разбой и насильственные действия сексуального характера. Преступник отбыл наказание, но не перевоспитался, не смог вернуться в общество и совершил самое страшное: жестоко убил ребенка.

Если бы такая история была одна, то и повода поговорить о смертной казни не возникло. Но таких преступников и преступлений много. Они убивают наших детей, а мы должны их после пожизненно содержать? Справедливо ли это? Такая же мера наказания должна применяться и к «авторам» массовых расстрелов в школах. Это не просто убийство, такие преступления можно отнести к актам терроризма — преступлениям не против личности, а против будущего России. Если подросток, решивший расправиться с одноклассниками, будет точно знать, что вместо длительного, пусть даже пожизненного, срока он станет следующим в списке жертв, он задумается о ценности человеческой жизни.

Вопрос частичного снятия моратория на смертную казнь должен решаться не в стенах Госдумы или Совета Федерации. Эту важную социальную проблему необходимо обсудить со всей страной. Нужно провести общероссийский референдум, чтобы каждый гражданин нашей страны смог лично выразить свое мнение насчет смертной казни: как мы должны поступать с террористами, пособниками террористов и убийцами детей. Конечно, важно продумать и механизм, защищающий судебную систему от возможных ошибок. Сейчас, по мнению автора, в России есть для этого все возможности. Например: рассматривать дела о смертной казни должен только суд присяжных. Это — залог максимально объективного решения. Если присяжные приговорили подсудимого к смертной казни, должен быть период (например, год), когда приговор не может

быть приведен в исполнение. За это время дело будет вновь рассмотрено в Верховном суде РФ, также с участием присяжных. Если вердикт и Верховного суда будет обвинительным, тогда преступник должен быть казнен. Критерии справедливого наказания на каждом этапе должно определять общество. Тогда это будет действительно справедливо [4].

По состоянию на 2022 год в 53 государствах, по-прежнему, выносятся смертные приговоры с применением других методов, включая обезглавливание, поражение электрическим током, повешение, смертельную инъекцию и расстрел. Например, к таким странам относится Республика Беларусь. Белоруссия — единственная страна Европы и СНГ, где не отменена смертная казнь. В соответствии с уголовным законодательством Белоруссии, смертный приговор может быть вынесен за особо тяжкие преступления, в частности, за применение оружия массового поражения, геноцид, международный терроризм, захват власти, теракт, убийство сотрудника правоохранительных органов и государственную измену. Самой распространенной страной, где применяется смертная казнь, являются Соединенные Штаты Америки. Смертная казнь в США практикуется в 27 штатах. Она узаконена федеральным законодательством и законодательством вооруженных сил США. По статистическим данным за 2020 год в США было казнено 17 человек, а на 1 октября 2021 года, в камерах смертников находятся 2553 человека, которые находятся там десятилетиями в ожидании исполнения своего судебного приговора. Исторически сложилось мнение «о высоком уровне общей превенции смертной казни и ее благотворном влиянии на преступность из-за очевидного для человеческой психологии страха смерти, основанном на инстинкте самосохранения». Статистика исследований свидетельствует о том, что смертная казнь повышенной общей превенцией не обладает. В результате исследования Р. Худом в XX в. по заказу ООН в 1988 г. было выявлено, что смертная казнь не влияет на снижение числа убийств в большей мере, чем пожизненное заключение. В Российской Федерации на смертную казнь наложен мораторий, регламентированный Европейской Конвенцией по правам человека. Данный международный акт был ратифицирован Российской Федерацией в 1998 году, и стал связующим звеном во вступлении России в Совет Европы. Но в связи с выходом России из Совета Европы был запущен процесс выхода государства из Европейской конвенции по защите прав человека (далее – ЕКПЧ). В соответствии с ч. 3 ст. 58 «Денонсация» ЕКПЧ – «Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая перестает быть членом Совета Европы, на тех же условиях перестает быть и Стороной настоящей Конвенции». Это может стать весьма веской причины полного возобновления ст. 59 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) «Смертная казнь» [5]. Лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын полагает, что следует отменить введенный в России мораторий на высшую меру наказания – смертную казнь. Только после этого шага Россия может покончить с терроризмом. Бывают времена, когда для спасения общества, государства смертная казнь нужна. А на сегодняшний день данный вопрос в России стоит «ребром» [6].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Голикова, Н. Л. К вопросу о частичной отмене моратория на смертную казнь / Н. Л. Голикова // Национальная Ассоциация Ученых. – 2021. – № 73-2. – С. 34-36.
3. Азовкина, В. В. Основные проблемы моратория на смертную казнь / В. В. Азовкина // Матрица научного познания. – 2021. – № 12-2. – С. 240-244.
4. Голдобин, И. С. К вопросу о моратории на наказание в виде смертной казни в РФ / И. С. Голдобин // Пермский период : сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь, 13–18 мая 2019 года. Том II. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 196-197.
5. Штреблевская, П. В. К вопросу об отмене моратория на смертную казнь в Российской Федерации в современных условиях развития общества / П. В. Штреблевская // Пермский период : Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3-х томах, Пермь, 16–20 мая 2022 года / Сост. А.И. Согрина. Том 2. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 165-166.
6. URL: https://lenta.ru/news/2001/04/29/execution/.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Руснак Валерия Евгеньевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, в целом основывается на общих руководящих началах (принципах) и правилах уголовно-правовой оценки совершенного деяния.

Криптовалюта – это цифровая валюта, то есть совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в

качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [1].

В данный момент происходит увеличение интереса к процессу майнинга (генерации) криптовалюты, в следствии чего расширяется сфера ее обращения и повышенный криминальный интерес к использованию. Такое расширение все чаще вынуждает правоприменителя признавать криптовалюту предметом или средством преступления [2].

Изучение научной литературы и материалов судебно-следственной практики позволяет выделить следующие основные группы преступлений, сопряженных с использованием в той или иной форме цифровых финансовых активов (криптовалют): преступления, в которых криптовалюта выступает средством их совершения; преступления, в которых криптовалюта выступает предметом посягательства; преступления, совершаемые в целях генерации (майнинга) криптовалюты.

Первая группа деяний связана, чаще всего, с использованием криптовалюты как средства, с помощью которого можно приобрести изъятые из оборота или ограниченные в гражданском обороте предметы, такие как оружие, наркотические или психотропные вещества. Так, по одному из дел суд указал, что подсудимый, не имея лицензии на приобретение оружия, посредством Интернета заплатил 25 000 руб., переведя указанные денежные средства в неотслеживаемую криптовалюту «Биткоин», перечислил указанные платежные средства на интернет-сайт «Рутор», осуществив заказ оружия. Затем, действуя умышленно и незаконно, приобрел путем подбора «тайника-закладки» в неустановленном месте возле станции метро пистолет [3].

Следует сделать вывод, что в судебно-следственной практике, как правило, нет трудностей в квалификации таких преступлений. Само по себе использование криптовалюты для приобретения соответствующих предметов не оказывает значимого влияния на оценку содеянного по статьям 222, 228, 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) и других, а относится в большей мере к криминологической и криминалистической характеристике содеянного. Проблема именно в обнаружении лица, который использует криптовалюту для совершения противоправного деяния, так полная анонимность при осуществлении расчетов не позволяет установить информацию об отправителе или получателе цифровых финансовых активов (цифровых валют).

Вопрос о том, может ли валюта выступать предметом посягательства достаточно спорный, потому что мнения ученых в этой области расходятся. Например, Сидоренко Э.Л. считает, что криптовалюта не может быть предметом посягательства, так как на данный момент не существует нормы дифиниции, которая признавала бы такой вид валюты объектом гражданских прав, вследствии чего и не существует такой формы присвоения криптовалюты, которое можно было бы назвать хищением [4].

Однако, все же суды, при рассмотрении споров, относят криптовалюту к предмету посягательства.

Например, одной из распространенных преступных схем является завладение криптовалютой пользователей под предлогом ее обмена на российские рубли или иную валюту. Так, суд квалифицировал действия виновного по ч. 2 ст. 159 УК РФ, который из корыстных побуждений с целью хищения чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием на сайте «www.LocalBitcoins.com» вступил в переписку с потерпевшим, в ходе которой договорился о покупке у данного пользователя криптовалюты в размере 0.03875392 условных единиц, заранее не намереваясь выполнять обязательства по ее оплате. В ходе переписки потерпевший оценил данную сделку на сумму 20 000 руб. Продолжая реализовывать преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, не намереваясь выполнять обязательства по оплате криптовалюты, злоумышленник отправил потерпевшему смс-сообщение, полностью повторяющее по своему содержанию смс-сообщение от сервиса «Мобильный банк». Будучи введенным в заблуждение, полагая, что смс-сообщение получено от сервиса «Мобильный банк», потерпевший подумал, что виновный свои обязательства по оплате криптовалюты исполнил и перевел на биткоин-кошелек криптовалюту на сумму 0,03875392 условных единиц стоимостью 20 000 рублей [5].

Некоторые преступления, в которых криптовалюта выступает предметом посягательства, связаны с неправомерным получением доступа к компьютерной информации, в частности, к личным кабинетам людей на сайтах, где содержится информация об их «биткойн-кошельках». Считаю, что такие преступления должны быть квалифицированы по любой из частей ст. 272 УК РФ в совокупности с соответствующей статьей.

Последнюю группу составляют преступления, которые совершают в целях майнинга (генерации) криптовалюты. Данная группа преступлений является наиболее широкой, так как по опыту судебной практики вменяться может любая из статей главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», в совокупности с иными статьями УК РФ. Так же могут вменяться иные статьи, в зависимости от совершенного преступного деяния.

К примеру, согласно приговору Курганского городского суда Курганской области, у гражданина А. возник преступный умысел, направленный на использование из корыстных побуждений аппаратной мощности серверов различных организаций, расположенных на территории России, для генерации (майнинга) криптовалюты путем установки на него своего программного обеспечения и получения таким способом

денежных средств. А., получив с помощью своей компьютерной программы получил данные о сервере Х принадлежащего местной муниципальной организации. А. с целью реализации своего преступного умысла, находясь по месту своего жительства, умышленно, из корыстной заинтересованности ввел на сервер Х вредоносную компьютерную программу и с помощью своего персонального компьютера, подключенного к Интернету, запустил ее, тем самым предприняв попытку получить удаленный доступ к интернет-ресурсам организации, размещенным на сервере. Через некоторое время вредоносная компьютерная программа подобрала логин и пароль к серверу организации. После этого А. с помощью незаконно полученных логина и пароля осуществил доступ к серверу и установил на нем свое программное обеспечение (не являющееся вредоносным) для генерации криптовалюты (процесса майнинга).

Суд квалифицировал действия А. по ч.1 ст. 273 УК РФ – создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ – ссылаясь на то, что своей программой он нейтрализовал средства защиты компьютерной информации организации. Я не согласна с данной квалификацией. Считаю правильным квалифицировать действия А. по ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 273 УК РФ, так как изначально он создал вредоносную программу, заведомо предназначенную для несанкционированного уничтожения или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, а затем получил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности [6].

Таким образом, в наше время совершается немалое количество преступлений, связанных с использованием криптовалюты. И несмотря на то, что проблем квалифиакции преступлений, связанных каким-либо образом с криптовалютой не возникает, необходимо создать четкое понятие «криптовалюта», закрепив его в определенном нормативно-правовом акте, а также модернизировать главу 28 УК РФ, внеся в статьи 272, 273, 274 дополнительные части, касающиеся квалификации преступлений, связанных с использованием, либо в целях использования криптовалюты.

Список литературы

1. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 (дата обращения 22.02.2023).
2. Ляскало А. Н. Криптовалюта как предмет и средство преступления / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной конференции. М. : РГ-Пресс. 2019. 92 с.
3. Приговор Перовского районного суда Москвы от 17.06.2019 по делу № 01-0603/2019 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij (дата обращения 22.02.2023).
4. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное правосудие и международная юстиция. 2018. N 6. 10 с.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда Москвы от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#EiL5dXTWwPJM6ubN1 (дата обращения 22.02.2023).
6. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 29.11.2018 по делу № 1-1186/18 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://sudact.ru/ (дата обращения 22.02.2023).

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Сайденсаль Яна Александровна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

В современной российской практике уголовного судопроизводства при доказывании наиболее актуальной проблемой является использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Трудно представить расследование уголовных дел без использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Однако в законодательстве нет ответа, как использовать результаты оперативно-розыскной деятельности при доказывании по уголовным делам.

Статья 89 УПК указывает, что в доказывании запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявленным к доказательствам УПК РФ.[1] Результаты оперативно-розыскной деятельности запрещается использовать, если они не отвечают требованиям, предусмотренным в УПК РФ, а в ч.2 ст.11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.[2] При этом в законе нет конкретных указаний на то, каким требованиям они должны отвечать и как должна осуществляться их проверка.

Информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к оперативно-розыскной деятельности, не может отвечать полностью требованиям,

предъявляемым к доказательствам, то есть результатам следственных действий, уголовно-процессуальной деятельности. У этих видов деятельности разная правовая природа, цели и, как следствие, результаты.

Как отмечает С.Б. Россинский, результаты оперативно-розыскной деятельности относятся к не процессуальной информации, что объясняется недопустимостью их использования в качестве равных доказательств по уголовным делам.[3] По-мнению А.В. Гриненко, следственная деятельность и оперативно-розыскная деятельность имеют разную юридическую природу. Оперативно-розыскная деятельность имеет своей целью получение оперативно значимой информации, которая поможет в дальнейшем расследовании преступлений. Информация, полученная с помощью оперативных средств, не может быть использована непосредственно в доказывании [4].

Поэтому в настоящее время применяются два способа для того, чтобы сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности приобрели доказательственное значение: 1) информация, полученная в результате проведения оперативно- розыскных мероприятий, передаётся в органы предварительного следствия; 2) официальные следственные действия, с помощью которых информация, которая была получена в процессе проведения оперативно-розыскной деятельности , приобретает доказательственное значение.

Проблемы использования информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе определены тем, что недостаточно разработана теоретическая база преобразования оперативно-розыскных сведений в доказательства.

Следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность отличается от уголовно-процессуальной рядом положений.

Во-первых, она регламентируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуальная деятельность регламентируется УПК РФ. Во-вторых, оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными сотрудниками, по необходимости могут привлекаться иные граждане (конфиденты), уголовно-процессуальная деятельность осуществляется процессуальными лицами, указанные в УПК РФ (следователь, дознаватель, прокурор, судья). В-третьих, в оперативно-розыскной деятельности применяются гласные и негласные методы и средства, в уголовном процессе применяются только гласные. В-четвёртых, при проведении оперативно-розыскной деятельности результатом является оперативно - значимая информация, при уголовно - процессуальной- доказательства.

Исходя из вышесказанного, не представляется возможным ассимилировать уголовный процесс и оперативно-розыскную деятельность. Иначе это будет означать, что непосредственно оперативно-розыскные данные не могут быть доказательствами в уголовном процессе.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 14 февраля 1999 г., № 18-0, указал на то, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными, с соблюдением ФЗ «Об ОРД» могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно - на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона».[5]

При этом ни у кого не вызывает сомнений постулат, что расследование уголовных дел невозможно без проведения оперативно-розыскной деятельности и их результатов.

М.П. Поляков пишет, что сегодня уголовному процессу не под силу противостоять напору преступности без использования средств оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений [6].

Е.А. Доля указывает на то, что невозможно успешно расследовать и раскрывать преступления только в рамках следственных действий, проводимых в рамках УПК РФ. Ученый считает, что необходимо расширить потенциал использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании [7].

В пункте 20 межведомственной «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» от 5 декабря 2013 года указано, что результаты оперативно-розыскной деятельности, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскной деятельности, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.[8]

В рамках действующего законодательства правоприменитель вынужден искать пути выхода из данного положения. Необходимо изменить законодательство для того, чтобы столь важное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу стало максимально простым, при этом не нарушались права лиц при проведении оперативно-розыскной деятельности. Это будет служить эффективным средством расследования уголовных дел и при этом защищать права граждан, вовлеченных в уголовное разбирательство.

На данный момент имеется два варианта изменения законодательства в этой части. Первый – это расширение списка следственных действий за счет появления «негласных следственных действий». Подобной позиции придерживается, например, А.В. Гриненко, говоря что целесообразно расширить перечень соответствующих следственных действий, проводящихся без предварительного уведомления вовлеченных лиц

и расширить последующий процедурный контроль за ходом и результатами оперативно-розыскных мероприятий.

Второй – закрепление в УПК РФ положений, прямо признающих результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами в процессуально правовом поле. К подобному выводу в своей работе приходит С.Б. Россинский, указывая, что единственно возможный вариант решения проблемы использования в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в легализации механизма их прямого использования, который напрямую и немедленно вводит их в уголовное производство без необходимости какой-либо воображаемой процессуальной формализации.

На наш взгляд, наличие в законодательстве правовых пробелов вынуждающих правоприменителей изыскивать пути легализации результатов оперативно-розыскной деятельности каким-либо путем требует скорейшего исправления. При этом необходимо подходить к данному вопросу комплексно. По моему мнению, в УПК РФ может быть закреплены негласные следственные действия, проводимые сотрудниками оперативных подразделений по указанию следователя или дознавателя после возбуждения уголовного дела проводимые в соответствии с закреплёнными в УПК РФ процедурами. А равно этому следует разработать механизм закрепления в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных сотрудниками оперативных органов самостоятельно до возбуждения уголовного дела, которые, в свою очередь, могут служить поводом для его возбуждения. При этом необходимо подробно прописать в законодательстве процедуры проведения данных процессуальных механизмов.

Тем временем при разработке путей решения проблемы необходимо отметить следующее:

1) не допустимость слияния оперативно-розыскной деятельности и доказывания. Объединения данных видов деятельности приведет к беспрепятственному использованию в доказывании значимой информации, полученной без соблюдения прав участников уголовного процесса;

2) оперативные сотрудники при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью получения информации на всех этапах должны соблюдать нормы закона, отвечающие требованиям допустимости полученных доказательств и их источников;

3) особое значение имеет совершенствование правовых норм, предписаний, которые указывали бы на связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

Таким образом, основываясь на правовой природе доказательств и существенных отличиях уголовного процесса от оперативно-розыскной деятельности, следует сделать вывод о том, что данные виды деятельности существуют абсолютно самостоятельно. Поэтому нельзя идентифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства по уголовному делу.

Необходимо повышать качество доказательственной базы. При этом имеет значение соблюдение оперативно-розыскным органом процедуры представления результатов оперативно-розыскной деятельности. Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность , дознавателю, органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также в порядке выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, находящимся в их производстве, исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349.
3. Россинский С.Б. Результаты оперативно- розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судеб- ная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
2. 4.Гриненко А.В. Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.
3. 5. Определение Конституционного суда РФ от 4 февраля 1999г. № 18-0 « По жалобе граждан М. Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение конституционных прав отдельными положениями Федерального закона « Об оперативно- розыскной деятельности»
4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной : монография / М.П. Поляков //-Н. Новгород, 2002.- 278 с.
5. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография /Е.А. Доля. // М.: Проспект, 2009.- 285с.
6. Приказ МВД России № 776, Минобороны Рос- сии № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544).

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Силаев Данил Александрович, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный консультант, кандидат юридических наук, доцент

В Российском законодательстве понятие уголовного преследования было известно уже давно: впервые данная правовая категория была зафиксирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Однако в 1960 году при принятии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР данный термин был вычеркнут и не использовался в плоть до принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, принятым в 2001 году и прописанным в пункте 55 статьи 5 УПК РФ [1].

Несмотря на кажущуюся детальность содержания понятия «уголовное преследование», после анализа научных исследований можно заметить, что это понятие более обширное, чем указано в статье 5 УПК РФ [1], ведь она не включает в себя стадию раскрытия преступления.

По своей сущности уголовное преследование является функцией уголовного судопроизводства. Она имеет собственную правовую природу.

По законодательству Российской Федерации любое преследование субъекта производится в соответствии с законом. Главной задачей уголовного преследования является раскрытие преступления и привлечение виновного в его совершении лица к ответственности.

Понятие уголовного преследования сформулировано в пункте 55 статьи 5 УПК РФ, где под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [1].

В своей работе Строгович М.С. характеризует уголовное преследование следующим образом – «обвинение как уголовно-процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность» [6, с. 160].

Вместе с тем обвинение является составной частью деятельности лиц уполномоченных осуществлять уголовное преследование.

Данный термин Строговича М.С. не раз подвергался критике других ученых за неправильность раскрытия термина. Однако по сей день данный термин используется как в теории, так и в практике.

Российское законодательство устанавливает следующих лиц, имеющих право осуществлять уголовное преследование: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, частный обвинитель и его представитель, гражданский истец и его представитель, потерпевший и его законный представитель.

Возбуждение уголовного дела можно сформулировать исходя из ч.1 статьи 146 УПК РФ – это решение о начале предварительного расследования [1].

Термин «возбуждение» и «уголовное преследование» являются практически идентичными и совпадают в случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, но не совпадают, когда дела возбуждается по факту преступления [3, с. 7].

Однако возбуждение уголовного дела по факту преступления не означает начала уголовного преследования. Факт уголовного преследования связан только с возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица, установленного правоприменителем.

При этом, одной из наиболее серьезных проблем также является высокий уровень нарушения законности во время досудебного производства, как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в рамках проведения надзорных мероприятий за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства количество выявленных нарушений за 2021 год выросло до 5,2 млн. [7]

В соответствии со статьей 20 УПК РФ [1] уголовное преследование осуществляется в публичном, частно-публичным и частном порядке.

В случае дел публичного обвинения уголовное преследование осуществляется независимо от волеизъявления потерпевшего

В случае частно-публичного обвинения уголовное преследование осуществляется после заявления потерпевшего в котором он выдвигает обвинения и в дальнейшем участвует в осуществлении уголовного преследования.

В случае частного обвинения начало уголовного преследования считается с момента соответствующего решения мирового судьи [4, с. 93]

Таким образом в законодательстве появляется пробел, по делам публичного и частно-публичного обвинения заявитель приобретает процессуальный статус потерпевшего после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и постановления о признании потерпевшим, что является безусловным пробелом, так как до этого момента заявитель не имеет в полной мере прав потерпевшего.

Также актуальной является проблема, связанная с высокой загруженности органов досудебного расследования и государственного обвинения, что обусловливает снижение эффективности уголовного преследования [5, с. 109].

Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает основания исключения уголовного преследования. Часть 1 статьи 24 УПК РФ закрепляет, что при отсутствии события преступления уголовное преследование не начинается; часть 2 статьи 24 УПК РФ закрепляет недопустимость уголовного преследования в случае отсутствие в деянии состава преступления [1].

Уголовное преследование также прекращается или не производится при истечении сроков давности, установленных ст. 78 УК РФ [2], а также в случаях:

1. Непричастности лица к совершению преступления.
2. Смерти подозреваемого или обвиняемого.
3. Отсутствия заявления потерпевшего.
4. Отсутствия согласия Совета Федерации на возбуждение уголовного дела в отношении члена Совета Федерации; отсутствия согласия Государственной Думы в отношении депутата Государственной Думы; отсутствия согласия Конституционного Суда РФ в отношении судьи Конституционного Суда РФ; отсутствия согласия Высшей квалификационной коллегии судей в отношении судьи Верховного Суда РФ; отсутствия согласия соответствующей квалификационной коллегии судей РФ в отношении иных судей.
5. Наличия акт об амнистии.
6. Отказа Государственной Думы в даче согласия на лишения неприкосновенности Президента РФ.

Прекращение уголовного преследования осуществляется также по специальным основаниям, предусмотренным статьей 28 УПК РФ (в результате деятельного раскаяния) и статьей 28.1 УПК РФ (в результате возмещения ущерба) [1].

Институт уголовного преследования будет существовать до момента пока не земле не будет искоренена преступность. К тому же, с развитием общественных отношений и процесса глобализации появляются новые виды преступлений и совершенствуются существующие, что объясняет эволюцию института уголовного преследования.

Таким образом, проведя анализ осуществления уголовного преследования, в уголовно-процессуальное законодательство следует внести следующие изменение, касающееся института уголовного преследования: закрепить процессуальный статус заявителя (пострадавшего), так как до момента возбуждения уголовного дела права и обязанности у заявителя отсутствуют, что несет в себе определенные практические проблемы, непосредственно влияющие как на эффективность уголовного производства, так и на реализацию принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954
3. Баранов А. А. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением уголовного преследования // Современность в творчестве начинающего исследователя. – 2020. – С. 6-10.
4. Вилкова Т.Ю. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. – № 1. – С. 91-100.
5. Дворяшин А. Р. Актуальные проблемы уголовного преследования // Наука через призму времени. – 2018. – №. 11 (20). – С. 108.-110.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Издательство «Наука», 1968. – 468 с.
7. Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 08.04.2023).

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОПЕРАТИНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Симаев Захар Викторович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна — научный руководитель, старший преподаватель

Влияние информационной сферы на развитие современного общества приводит не только к несомненным позитивным результатам, но и к расширению источников социальной опасности, в том числе связанных с явлениями криминального плана. Отмечается, что в 2022 году в Российской Федерации использование Интернета выросло на 1.9% по сравнению с предыдущим годом, что выводит Российскую Федерацию на один уровень с наиболее развитыми государствами. Эти показатели сравнимы с международными тенденциями, хотя проникновение интернета в Российской Федерации на 1 квартал 2023 составляет 88,2 %, что существенно выше мировых показателей[1].

Киберпреступность – это любое преступление, которое может совершаться с помощью Интернета, в рамках компьютерной системы или против компьютерной системы. Необходимо уточнить, что это противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ[2]. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации[3] определяет четыре вида киберпреступности в Интернете: против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; связанные с использованием компьютерных средств; связанные с содержанием данных; связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

По данным Генпрокуратуры России, в 2022 году количество киберпреступлений по сравнению с 2021 годом впервые снизилось за последние несколько лет, снижение составило 4,9 %, «…однако и этот показатель вряд ли отражает реальное количество, характеризующихся высокой латентностью» [4]. При этом по сообщениям МВД России сумма ущерба от IT-преступлений на 20% превысила показатели за 2021 год.

Поиск наиболее действенного механизма оперативно-розыскного противодействия киберпреступности и ее проявлениям в виде преступлений экономической и коррупционной направленности во многом обусловлены: реализацией национальных проектов (программ); либерализацией уголовной политики в сфере экономики; недопустимостью давления на бизнес; глобализацией; цифровизацией экономики; распространенностью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; слиянием экономической преступности с коррупционной; трансграничным, международным характером преступлений экономической направленности; многообразием способов их совершения и сокрытия, а также тем, что криптовалюта стала выполнять двоякую роль, будучи предметом и средством преступления. Отдельно взятая страна не в состоянии эффективно противодействовать киберпреступности, так как последняя носит глобальный (международный) характер. Отсюда возникает необходимость формирования единого мирового информационного пространства. Учитывая это обстоятельство, подготовлен проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Эти и другие факторы, как показывает судебно-следственная практика, накладывают отпечаток на организацию оперативно-розыскного противодействия киберпреступности. Указанные обстоятельства, вызванные процессами в киберпространстве, порождают необходимость осуществления оперативно-розыскной деятельности непосредственно в этой уникальной социальной среде. В связи с чем, значение оперативно-розыскной характеристики при разработке методических рекомендаций по раскрытию киберпреступлений определяется следующим:

- наличием информации о подготавливаемом или совершенном преступлении;
- знанием уголовно-правовой составляющей преступлений;
- обеспечением условий для эффективного использования сил и средств оперативно-розыскной деятельности.

На содержание оперативно-розыскной характеристики киберпреступлений существенное влияние оказывает уголовно-правовой и криминологический аспекты. Содержание оперативно-розыскной характеристики можно разделить на два типа: внутренний, касающийся формирования личности киберпреступников, и внешний, оказывающий влияние на их поведение. К внутренним признакам, имеющим непосредственное отношение к формированию личности киберпреступника, следует отнести: мотивацию преступной деятельности в Интеренте, социальное положение в обществе, закрытость внутренней структуры сайтов, доменов, контентов и т.д., наличие психологической зависимости к Интернету.

Рассматриваемый вид деятельности основывается на трех взаимосвязанных между собой компонентах: выбор теоретикоправовой модели, исходя из результатов анализа и оценки состояния рассматриваемой деятельности (знание угроз, их тенденций развития, совокупности факторов, влияющих на нее); наличие заблаговременно разработанных методик на случай осложнения ситуации (обеспечивающих оперативную готовность, наступательность и опережение предпринимаемых действий со стороны преступников); степень организационного и информационно-аналитического обеспечения (современная информационная технология; автоматизированные банки данных оперативнорозыскного назначения; оперативно-технические комплексы; искусственный интеллект; большие данные; моделирование; алгоритмизация). Среди проблемных вопросов организационное обеспечение противодействия занимает значимое место, так как принимаемые решения без организационно-структурного, например, обеспечения, могут оставаться лишь на бумаге, если в системе ОВД не иметь специализированную структуру, выполняющую функцию борьбы с указанными видами преступлений. Создание таких подразделений (специализированные IT-подразделения) было объективно продиктовано, они появились в 2019 г. в системе территориальных органов МВД России на региональном уровне.

Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям экономической и коррупционной направленности – основная функция специализированных подразделений ЭБиПК, реализуемая ими во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольнонадзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

Таким образом, оперативно-розыскное противодействие – комплексная проблема. Отдельно взятая структурная единица правоохранительной системы не способна переломить сложившуюся криминогенную ситуацию в цифровой среде и защитить собственность и их владельцев от преступных посягательств. Только

объединенными усилиями правоохранительные органы могут противостоять киберпреступности, нанеся решительный удар по криминалитету. Контролировать киберпреступность и бороться с ней на уровне отдельного государства практически невозможно, так как это виртуальное пространство. Важную роль в этом плане играют международные соглашения, а также выработка механизмов более тесного международного сотрудничества.

Список литературы

1. Данные из отчета «Global Digital 2023», составленные компаниями «We Are Social» и «Hootsuite», Великобритания
2. Исаева М.А., Кислый О.А. Цифровизация органов внутренних дел на примере АПК «Безопасный город» // Эпомен. 2021. № 55. С. 198-208
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 года) / Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем ETS № 189 (Страсбург, 28 января 2003 года). Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует.
4. Овчинский В.С. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов // ИНФРА-М, 2021.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Скиренко Мария Александровна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

В теории уголовного права и правоприменительной практике не утихают дискуссии, связанные с толкованием объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства). В качестве наиболее значимых проблемных вопросов, связанных с квалификацией рассматриваемого преступления, можно указать следующие:

1. Проблема толкования обозначенного в законе способа доведения до самоубийства, а именно понятий «угроза», «жестокое обращение» и «систематическое унижение человеческого достоинства».
2. Проблема толкования формы и вида вины при доведении до самоубийства.
3. Проблема толкования характеризующих потерпевшего, юридически значимых признаков, «несовершеннолетний возраст» и «беспомощное состояние».

Суть первой проблемы заключается в том, что законодатель при определении способа доведения до самоубийства использовал оценочные признаки - «жестокое обращение», «унижение человеческого достоинства» или не конкретизированное понятие - «угроза».

Жестокое обращение виновного с потерпевшим, по мнению подавляющего большинства учёных, может проявиться в применении к нему любого вида физического насилия (побоев, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, незаконного лишения свободы), а также состоять в бездействии (непредоставлении жилья, питания, одежды лицом, которое по закону или договору обязано было заботиться о потерпевшем) [1, с.75-82].

На наш взгляд, такое толкование является правильным. Унижение человеческого достоинства, как представляется, может проявиться в оскорблениях, клевете, травле потерпевшего.

Суть второй проблемы заключается в том, что в юридической литературе встречаются различные мнения по поводу форм и видов вины, характерных для доведения до самоубийства.

Довольно распространенной является точка зрения, согласно которой доведение до самоубийства может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [2]. Вместе с тем, по мнению Л. Д. Гаухмана, субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме только косвенного умысла [3, с. 54, 55].

Следует исключить возможность совершения доведения до самоубийства по неосторожности, поскольку это противоречит опасным способам его совершения. Сами действия по доведению до самоубийства с использованием более жестких способов их совершения, чаще всего, свидетельствуют о прямом умысле, то есть о желании вызвать у потерпевшего решимость совершить суицид. Однако для наступления смерти этого еще недостаточно. Все зависит от принятия решения и дальнейших действий самого потерпевшего. При этом посредственное причинение исключается, поскольку потерпевший сам осознанно и целенаправленно (хотя и под влиянием преступного воздействия виновного) принимает решение уйти из жизни.

Так А.В. Галахова полагает, что вина в рассматриваемом составе преступления может быть как умышленной, так и неосторожной. Причём возможны все виды умышленной и неосторожной формы вины (прямой умысел, косвенный умысел, легкомыслие и небрежность) [4, с.45]. Аналогичной точке зрения придерживается Ю.А. Красиков [5, с.278].

С.В. Бородин считает, что с субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено как по неосторожности (по легкомыслию или небрежности), так и с косвенным умыслом. Установление прямого умысла, по его мнению, свидетельствует не о доведении до самоубийства, а об убийстве, совершённом руками самого потерпевшего [6, с.467].

В.В. Ераксин пишет, что рассматриваемое преступление возможно только с косвенным умыслом, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность самоубийства или попытки самоубийства потерпевшего, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично[7, с.232].

Ю.И. Скуратов констатирует, что совершение доведения до самоубийства возможно лишь с прямым или косвенным умыслом [8, с.256].

Последней точки зрения придерживается и судебная практика. Так, по приговору Мещанского районного суда г. Москвы 20.12.2000г. Кузин осуждён по ст. 110 и ч.1.ст. 163 УК РФ. Он признан виновным в вымогательстве и в доведении лица до самоубийства путём угроз. По материалам дела усматривается, что в начале января 2000 г. Кузин, узнав от своей знакомой об интимных отношениях между нею и военнослужащим Х., 7 сентября 2000 г. потребовал от него 1 тыс. руб. и назначил срок передачи денег на 15 сентября 2000г. В случае невыполнения данного требования Кузин угрожал рассказать его девушке позорящие сведения о прежней стороне интимной жизни Х. 15.09.2000г. в 6 час. 10 мин. младший сержант Х., находясь на боевой службе, покончил жизнь самоубийством.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения Кузина по ст. 110 УК РФ и прекращении дела за отсутствием в его действиях состава преступления.

Президиум Московского городского суда 4.04.2002г. протест удовлетворил, указав следующее: «Уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом... По делу не установлено, что Кузин, угрожая потерпевшему, желал, чтобы тот покончил жизнь самоубийством либо сознательно допускал наступления таких последствий» [9, с.657].

Мне представляется правильной точка зрения, высказанная Бородиным С. В., который считает, что преступление предусмотренное статьей 110 УК РФ характеризуется виной в форме неосторожности, в виде небрежности или легкомыслия.

Третья проблема заключается в толковании юридически значимых признаков, характеризующих потерпевшего, - «несовершеннолетний возраст» и «беспомощное состояние».

Суть ее состоит в том, что понятие - беспомощное состояние, в рассматриваемых составах преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 110; п. «а» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ) следует толковать ограничительнее, чем в иных преступлениях против личности. Этим понятием, к примеру, не охватываются случаи доведения до самоубийства невменяемых, лиц, отстающих в психическом развитии, не связанном с расстройством психики (ч. 3 ст. 20 УК РФ), малолетних, которые в силу возраста не способны адекватно воспринимать характер совершаемых с ними действий, оценивать их и принимать правильное решение[10, с. 78–83, с. 126–129.].

Стоит обратить внимание на некоторые детали, касающиеся определения верхней возрастной границы малолетнего лица, при которой оно не способно правильно воспринимать оказываемое на него воздействие. Так, С. В. Филиппова предлагает дополнить ст. 105 УК РФ примечанием, закрепляющим правило квалификации деяний, направленных на побуждение беспомощных лиц к причинению себе смерти, к числу которых она относит, в том числе малолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста [11, с. 30].

Возникает вопрос: как квалифицировать указанные действия (доведение до самоубийства, склонение к самоубийству), совершенные в отношении малолетних в возрасте от 12 до 14 лет.

Поэтому применительно к рассматриваемым преступлениям верхняя возрастная граница, при которой малолетний не способен должным образом понимать характер и значение совершаемых с ним действий, провоцирующих его на совершение суицида, не должна быть менее 14 лет. А подобные действия, совершенные в отношении малолетнего, следует рассматривать как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Список литературы

1. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34968283. (дата обращения 17.02.2023);
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII/ В. М. Лебедев и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва: Юрайт, 2018. 371 с. URL: https://www.elibrary.ru/item. asp?id=37646482. (дата обращения: 20.02.2023);
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2005. 704 с. URL: https://knigogid.ru/books/1960909-ugolovnoe-pravo-osob-chast-ucheb-dlyastudentov-vuzov-obuchayuschihsya-po-napravleniyu-521400-yurisprudenciya-i-specialnosti-021100-yurisprudenciya/toread.(дата обращения: 20.02.2023);

4. Уголовный закон в практике районного суда. Научно-практическое пособие / Под ред.: Галахова А.В. - М.: Норма, 2012. – С.45. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002966517?ysclid=lfhr7pl7n0358022405 (дата обращения:15.03.2023);
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X—XII / В. М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — С. 278. URL: https://urait.ru/bcode/514535 (дата обращения: 18.03.2023).
6. Преступления против жизни / Бородин С.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 467. URL: https://sci.house/pravo-ugolovnoe-scibook/prestupleniya-protiv-jizni-spb-izdatelstvo.html?ysclid=lfhrt1v2p6992117014 (дата обращения: 18.03.2023);
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / [Верин В. П. и др.] ; отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред.: А. С. Михлин, В. А. Казакова ; Верховный Суд Российской Федерации. - 2-е изд., [перераб. и доп.]. - Москва : Проспект, 2008. – С.232. URL: https://reallib.org/reader?file=670666&ysclid=lfhs1adlml335869307 (дата обращения: 18.03.2023);
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В. М. Лебедев, Ю. И. Скуратова[и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 316 с. URL: https://urait.ru/bcode/512836 (дата обращения: 19.03.2023);
9. Есаков, Геннадий Александрович. Судебная практика по уголовным делам / [Есаков Г. А.]. - 2-е изд., доп. и перераб. - Москва: Проспект, 2010. - 1102 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004400285?ysclid=lfhsbjjatl563403923 (дата обращения: 19.03.2023);
10. Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78–83. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32654082. (дата обращения 15.02.2023);
11. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовноправовая характеристика и проблемы квалификации. Москва, 2020. – 31 с. URL: https://www.dissercat.com/content/sklonenie-k-soversheniyu-samoubiistva-ili-sodeistvie-soversheniyu-samoubiistvaugolovno-prav/read.(дата обращения: 17.02.2023);

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ С УЧЁТОМ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПЕРИОД СВО И ЧАСТИЧНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Смотраков Денис Витальевич, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Мкртычян Борик Апетович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

2022 год показал, как наше государство, правовая система, экономика, ведет себя в стрессовой ситуации. С наступлением непростого времени, актуализировались многие имеющиеся проблемы как экономики, так и права, являющиеся незаметными, которые требуют решения.

С момента начала специальной военной операции на Украине, (далее СВО), Россия столкнулась с довольно большой политической миграцией части населения.

Миграционные итоги 2022 года, показали две волны. Первая волна началась после 24 февраля, после объявления Президентом В.В. Путиным о проведении СВО. Вторая пришла на конец сентября, когда указом Президента была объявлена частичная мобилизация. Это и есть главная причина, из-за которой люди покидали страну.

По данным новостных источников, Россию покинули около 700 тыс. граждан.[1] Остается неизвестным и точное число людей, покинувших страну навсегда. Больше всего россиян уехали: в Казахстан, Грузию, Финляндию, Монголию.

По данным прессы, со ссылкой на официальные органы, численность прибывших составила: «Министерство внутренних дел Грузии заявило, что с прошлой недели в страну въехало более 53 000 россиян.» [2]«официальные лица Министерства внутренних дел Казахстана заявили, что в эту страну въехали 98 000 человек.» [3]«агентство пограничной службы Финляндии сообщило, что за тот же период прибыло более 43 000 человек. Еще 3000 россиян прибыли в Монголию, которая также граничит с этой страной.» [4] Вначале, «мигранты» скупили все авиабилеты, которые резко выросли в цене. Остальным пришлось присоединиться к длинным очередям на пограничные переходы. Помимо рядовых граждан, Россию покинули и многие медийные личности, блогеры, делатели культуры, науки, искусства, музыки. При этом, часть их них публично заявили о своей антивоенной позиции осудили Россию за проведение СВО.

Медийные личности, которые не просто оставили страну в столь непростой период, а заявили, о своей антироссийской позиции, были внесены в список иноагентов. Что, по нашему мнению, справедливо. Однако, по нашему мнению, такая ответная реакция государства, недостаточна для пересечения таких выпадов. Почему те, кто умышленно злоупотребляет свободой слова и массовой информации, оправдывает подрывную деятельность враждебно настроенных государств и националистических режимов, которая ведется против нашей страны, могут спокойно проводить свои мероприятия на территории России, и зарабатывать себе состояния? Такое, по нашему мнению, недопустимо.

Мы придерживаемся позиции депутата Госдумы Султана Хамзаева, который считает, что: «Те, кто в ответственное время покидают свою страну, видимо, считают своей родиной другое государство. Более того, другие страны уже практикуют полный запрет на любую коммерческую деятельность таких гастролеров. Нужно запретить обратный въезд в страну всем, кто сбежал. В такое время всем нужно объединяться и созидать ради развития и укрепления России» [5]

Сейчас, наше законодательство не предусматривает санкцию или каких-либо негативных последствий, за отъезд за границу, к тому же, нет запрета ее пересечения.

Частичная мобилизация показала, как часть населения отреагирует на Зов Родины. Данная ситуация хоть и позволяет обойтись мягкими мерами и предупреждениями, между тем, важно понимать, что в случае серьезного конфликта, потребующим всеобщей мобилизации, найдутся такие же предатели. Таким образом, нужно поднимать обсуждение данной проблемы на государственном уровне, искать наиболее оптимальную стратегию реагирования, что и было сделано.

Тема введения ограничений на лиц, покинувших страну в период мобилизации, набирает обороты. Активно обсуждаются, например, ограничение удаленной работы из России, лишение прав на имущество и другие меры, в отношении тех, кто ведет антироссийскую риторику.

Так, реагируя на столь сильный отток граждан, и публичные антигосударственные заявления, в парламенте высказываются о том, что по отношению к уехавшим гражданам, необходимо вводить ряд различных ограничений.

Глава комитета по госстроительству и конституционному законодательству Совета Федерации Андрей Клишас заявил, что власти могут разработать меры, которые «сделают нахождение за границей менее комфортным» для россиян, уехавших из страны после начала частичной мобилизации. Это могут быть ограничения в сфере транспортной безопасности, государственной службы и госсектора. [6]

«Спикер Госдумы Вячеслав Володин заявил, что у тех людей, которые уехали из России и оскорбляют ее, нужно конфисковать имущество, находящееся в стране.

«негодяи», которые «считают возможным оскорблять Россию, ее жителей, солдат и офицеров, открыто поддерживать злодеев, нацистов и убийц». В этой ситуации правильно будет соответствующие статьи Уголовного кодекса дополнить пунктом о конфискации у негодяев имущества в РФ, которого у них достаточно, чтобы возместить нанесенный ущерб- считает спикер Государственной Думы.

Депутаты Госдумы также отреагировали на предложение Володина. По мнению депутата Евгения Федорова, в первую очередь необходимо определить механизм санкций в отношении имущества уехавших российских граждан. Кроме того, добавил он, ограничения должны затрагивать недвижимость тех россиян, которые делали антигосударственные заявления.»

Напоминает завкафедрой уголовного процесса МГУ профессор Леонид Головко: Стоить отметить, что до 2003 года, в России существовал институт изъятия имущества, в качестве дополнительного наказания, который на данный момент упразднен.

«Ситуация очень специальная и возникла применительно к высказываниям определенных людей. Нас это возмущает, а сделать ничего нельзя, в то время как имущество наших олигархов на Западе спокойно изымают», — рассуждает господин Головко

Следует отметить, что попытки вернуть конфискацию в УК предпринимались неоднократно, но который, был отклонен. «Так, в 2018 году депутаты фракции КПРФ во главе с лидером коммунистов Геннадием Зюгановым внесли в Госдуму концептуальный законопроект, предусматривающий возвращение института конфискации имущества в качестве одного из дополнительных видов наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Как отмечалось в правительственном отзыве на этот законопроект, аналогичные попытки делались и в 2015, и в 2016 годах, однако убедительных данных, свидетельствующих о необходимости возвращения конфискации, авторы этих инициатив так и не смогли привести.» [7]

На фоне незаконного изъятия имущества россиян за границей, следует задуматься об ответном изъятии иностранного имущества, находящегося в России.

Пресс-секретарь президента России, Дмитрий Песков считает тему ограничения для уехавших из страны актуальной, однако, осторожен в своих заявлениях, и по данному вопросу имеет мягкую позицию: «Это очень сложная тема, безусловно, в наше время она актуальна, но здесь нельзя, скажем так, открывать ящик Пандоры. Враги есть враги, с ними надо бороться, но все остальные — они наши граждане, и они должны оставаться нашими гражданами», — объяснил представитель Кремля.» [8]

«Меры в отношении артистов, которые покинули РФ и выступают с критикой страны, будут касаться только тех, кто активно действует против страны, а не просто высказывает свое мнение, сообщил первый зампред комитета Госдумы по культуре Александр Шолохов.»

Александр Шолохов, представляя своё видение ситуации, предлагает не «репрессировать» всех подряд, кто высказывает свою антироссийскую позицию, а в первую очередь начать с тех, кто открыто финансирует украинскую сторону.

При этом, Шолохов, поддерживает своих коллег, говоря, что предпринимаемые меры будут касаться «прежде всего финансовой стороны», поскольку большинство уехавших артистов продолжают получать деньги из России.

«Это совершенно нонсенс — платить деньги человеку, который эти же деньги против страны направляет. Вот это отрегулировать совершенно необходимо. У нас правовое государство, и поэтому мы должны законодательство наше организовать таким образом, чтобы подобные вещи были невозможны с точки зрения закона и четко была прописана процедура», — резюмировал депутат.» [9]

Таким образом, были рассмотрены предложения государственных деятелей, по поводу изменения законодательства, которые стали необходимы после проведения СВО, и частичной мобилизации. После 2022 года, законодательство меняется вслед за изменением политических ориентиров и обстановки.

Помимо разрабатываемых мер, направленных против сбежавших из страны, были приняты и, вполне конкретные, поправки в уголовный кодекс. Часть поправок имеет целью защитить государство, регулярные и добровольческие воинские формирования, от распространения заведомо ложной информации. Ужесточается ответственность по ряду практически всех воинских преступлений, за измену родине(275), неисполнение приказа (332), были введены в кодекс статьи за добровольную сдачу в плен(352.1) и мародёрство (356.1) Вводится статья об содействии диверсионной деятельности.

Государство, ставя экономику на «военные рельсы», вводит статьи об ответственности за неисполнение госборонзаказа (201.2, 201.3, 285.5, 285.6)

Другие поправки в Уголовный кодекс, касалась декриминализации ряда экономических преступлений, данные поправки были направлены на поддержание работы нашей экономики, в условиях иностранных санкций.

Так, Президент России Владимир Путин подписал закон о легализации параллельного импорта, который позволяет вводить в страну товары, без согласия правообладателей.

Государство вынужденно реагировать, в первую на защиту своих граждан в любой точке земного шара, а также защищаться от представителей антироссийско настроенных лиц внутри или за пределами России, находить решения защиты от санкций, в тех секторах экономики, где импорт является преобладающим, хоть и ведутся меры по его замещению, товарами Российского производства.

Если ранее, приоритетом было и движение в сторону Запада, приоритет свободы слова, свободный товарообмен, когда Россия являлась членом Совета Европы. Сейчас, приходится принимать советующие решения, в ответ на, политические и экономические санкции. Хочется отметить, что злоупотребление, так называемой, свободой слова, которой бесстыдно пользовались как противники России, так и их последователи, долгое время оставались безнаказанными, при осуществлении своей антироссийской деятельности. На данный момент ряд мер уже приняты, и такие лица несут наказание, либо, в силу новых ограничений, не могут вести свою деятельность на территории России.

Все еще стоит вопрос об установлении мер ответственности против лиц, сбежавших из страны, обсуждения по данному вопросу ведутся.

Важно, что многие реформы законодательства уже давно являлись актуальными, и именно сейчас происходят те необходимые изменения, которые позволят укрепить Россию.

Список литературы

1. Тофанюк Е., Сапронова Ю. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан — Текст : электронный //forbes, 4 октября 2022г. — URL: https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan. Дата обращения (05.04.2023)
2. МВД Грузии сообщило о переезде в страну 112 тыс. россиян с начала года— Текст : электронный //rbc. 26 октября 2022г. URL: https://www.rbc.ru/society/26/10/2022/63595bbf9a794748e00f78cb . Дата обращения (05.04.2023).
3. В Казахстан после 21 сентября въехали 98 тысяч россиян— Текст : электронный// RTVI, 27сентября. — URL: https://rtvi.com/news/v-kazahstan-posle-21-sentyabrya-vehali-98-tys-rossiyan/. Дата обращения (05.04.2023).
4. Почти 200 тысяч россиян сбежали от мобилизации за неделю — Текст : электронный// Катитал страны федеральное интернет издание — URL: https://kapital-rus.ru/news/390446-pochti_200_tysyach_rossiyan_sbejali_ot_mobilizacii_za_nedelu/ Дата обращения (05.04.2023)
5. Уехать нельзя остаться. Кто из деятелей культуры покинул Россию— Текст : электронный// RTVI, 9 сентября 2022г. — URL: https://rtvi.com/news/uekhat-nelzya-ostatsya-kto-iz-deyateley-kultury-pokinul-rossiyu/ Дата обращения (05.04.2023).
6. Андрей Клишас рассказал о возможных ограничениях для уехавших россиян// Ведомости, 5 декабря 2022— URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/12/05/953650-ob-ogranicheniyah-dlya-uehavshih-rossiyan Дата обращения (05.04.2023).
7. Релокация с конфискацией— Текст : электронный//Коммерсантъ15 января 2023г. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/5772357 Дата обращения (05.04.2023)
8. Кремль назвал актуальной тему ограничений для уехавших из России граждан— Текст : электронный // Лента.ру., 13 января 2023г. — URL : https://lenta.ru/news/2023/01/13/uehali Дата обращения (05.04.2023).
9. Депутаты разрабатывают финансовые меры воздействия на критикующих Россию уехавших артистов— Текст : электронный //Коммерсантъ, 5 апреля 2023г. — URL : https://www.kommersant.ru/doc/5914876 Дата обращения (05.04.2023).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Снисаренко Ирина Максимовна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, доцент, кандидат юридических наук

Проблемы женской преступности исследуются и связаны не только с развитием криминологической науки, но и достижениями результатов обобщения социологической статистики, что позволило определить масштабы женской преступности и способы её предупреждения.

Женская преступность – категория преступлений, совершаемых лицами женского пола. В науке криминологии обособление женской преступности обусловлено тем, что она имеет ряд особенностей. Эти особенности связаны с социальной ролью женщин, их профессиональной деятельностью, биологическими и социальными факторами.

Для рассмотрения данной темы стоит обратиться к статистическим данным. Оптимальная картина женской преступности складывается из данных Генеральной прокуратуры РФ, так в 2016 году совершено женщинами 137.767 преступлений (всего 2.160.063), в 2017 году — 141.857 преступлений (всего — 2.058.476), в 2018 году — 145.486 преступлений (всего — 1.991.532) , в 2019 году — 142.505 преступлений (всего — 2.024.337) [4].

Анализируя данные, необходимо отметить, что динамика преступлений, совершенных женщинами в период с 2016 — 2019 гг. находится примерно на одном уровне. Это говорит о недостаточности мер предотвращения и профилактики женской преступности. Однако, исходя из приведенной статистики, можно сделать вывод, что в среднем женщины совершают приблизительно в 5 раз меньше преступлений, чем мужчины.

Для наиболее полной картины женской преступности, необходимо упомянуть о криминологическом портрете женщин, совершающих преступления. В основном это граждане Российской Федерации (97,7%), относящиеся к возрастной группе 30–49 лет (54,7%) и 25–29 лет (15,9%), имеющие среднее (полное) общее (34,0%) или среднее профессиональное (31,8%) образование, совершившие преступление единолично. Указанная возрастная динамика свидетельствует о постепенном «старении» лиц женского пола, совершающих преступления. Тем самым, принадлежность к возрастному диапазону 18–24 лет, а также низкий уровень образования или его отсутствие уже не являются значимой характеристикой женской преступности, однако в отношении занятости фундаментальных изменений нет – чаще всего преступления совершают лица без постоянного источника дохода и безработные. Можно отметить, что учащиеся и студенты совершают меньше всего преступлений, поэтому для оптимизации такого фактора риска, как безработица, необходимо вовлекать девушек и женщин в образовательный процесс посредством популяризации образования, организации бесплатных тренингов и курсов, с последующей возможностью трудоустройства, особенно в регионах, в которых преобладает женская преступность. [1; с. 7]

Характеристика женской преступности позволяет сделать ряд выводов о преступлениях, которые совершают женщины. Высока доля женщин в структуре преступлений, связанных с распространением наркотических средств (ст. 228–233 УК РФ), хотя наблюдается снижение числа лиц, причастных к данным преступлениям: с 19466 чел. в 2010 году до 13423 чел. в 2019 году. Преступления женщин, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, находятся в тесной взаимосвязи с обществом и внешней средой, которая их окружает.

Также, в структуре женской преступности широко распространена кража (ст. 158 УК РФ). С 2015 по 2019 год количество лиц, совершающих кражи, остается неизменным: 4982 чел. в 2015 году и 4250 чел. в 2019 году. [3]

Ярким примером преступлений женщин является детоубийство (ст. 106 УК РФ). Как правило, такие преступления чаще всего совершают женщины, зависящие от наркотиков и болеющие алкоголизмом. К причинам можно отнести послеродовую депрессию женщин, негативное отношение к отцу ребенка и т.п. По статистике: в 2010 г. – 103 преступления, в 2015г. – 72 преступления, в 2020 г. – 51 преступление. [5] Проанализировав данные, нужно отметить, что количество преступлений по данной статье значительно сокращается. Однако, многие ученые говорят о её высокой латентности, что позволяет ставить под сомнения данные официальной статистики.

Традиционно преимущественным женским преступлением является организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Повышенная криминальная активность женщин отмечается при совершении таких преступлений, как незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, клевета, оскорбление, ложный донос. Насильственные преступления совершаются женщинами в основном на почве затянувшихся семейно-бытовых конфликтов, реже — по мотивам ревности и корысти. Жертвами насильственных посягательств обычно являются мужья, сожители, родственники, соседи. Около трети преступниц совершают уголовно наказуемые деяния в состоянии опьянения, увеличивается доля женщин, совершающих преступления под воздействием наркотиков[2; с. 77].

Факторы, являющиеся причинами женской преступности классифицируются на четыре группы:

1) неблагоприятные процессы в области культуры, изменение понятия женской культуры, подмена ее различными суррогатами (недооценка обществом женских функций, приоритет мужских видов деятельности, и т.д);

2) социально - политическая ситуация в стране (кризис экономики, криминальный рационализм бытия и т.д);

3) профессиональная деятельность женщин (недостаток правового регулирования женского труда, недостаточная социальная поддержка работающей женщины);

4) семейная жизнь и бытовая сфера (семейные конфликты, отсутствие постоянного места жительства и т.п).

Указанные причины тесно переплетаются друг с другом и под влиянием изменений в стране и обществе, оказывают значительно влияние на имеющуюся статистику женской преступности в Российской Федерации.

Таким образом, тема женской преступности до сих пор остается одной из наиболее актуальных тем в криминологической науке. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости проведения более усиленной профилактики преступлений среди женщин, для снижения уровня преступности среди них. Только хорошо скоординированная система государственных мер позволит улучшить приведенную мною статистику.

Список литературы

1. Ростовская, Т. К, Безвербная, Н. А Особенности и тенденции женской преступности в России / Т.К. Ростовская, Н. А. Безвербная. - М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 13 с.
2. Селихова, О. Г. Криминологическая характеристика женской преступности / О. Г. Селихова. – Криминологический журнал, М.: Университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – С. 75 – 78.
3. Яковлев, Д.Ю. Криминологическая характеристика преступлений против жизни, совершаемых женщинами: учебное пособие / Д. Ю. Яковлев. - Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2019. - 102 с.
4. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/
5. Российская криминологическая ассоциация. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 10.04.2023).

ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА» И «СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» И ИХ СООТНОШЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Солдатова Юлия Павловна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

В нашем государстве очень остро стоит вопрос предупреждения преступлений. Для увеличения эффективности деятельности, направленной на предупреждение преступлений, необходимо постоянно вырабатывать новые научные рекомендации и конструктивные практические предложения в этой области. Обусловлены такие потребности, в первую очередь, быстро развивающейся преступностью и возникновением новых видов преступлений. Поскольку человеческий фактор играет главную роль в совершении противоправных деяний, то можно предположить, что особое внимание должно уделяться научному изучению и исследованию понятий «личность преступника» и «субъект преступления».

Личность преступника всегда представляла собой одну из центральных проблем именно криминологической науки. Так, от позиции, с которой можно рассмотреть личность преступника, зависит своевременная и эффективная профилактика преступных поведений либо склонности к таковым.

Человек не рождается личностью, поскольку формирование личности имеет место только в процессе социальной жизни индивида, соответственно, вне общества личность формироваться не может.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что человек преступником не рождается, а может стать им только в результате неблагоприятно нравственного формирования его личности. Таким образом, проблема формирования личности преступника выступает в качестве одной из основных проблем и в уголовно-правовой науке [1, с. 26].

Э.Г. Дадашова определяла, что личность преступника есть совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми [2, с. 780].

Ю.М. Антонян определяет личность преступника с точки зрения криминологии как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [3, с. 152].

М.П. Клеймёнов определял личность преступника как совокупность социально значимых свойств, определяющих виновное совершение преступления, меру социальной патологии в человеке [4, с. 80].

Как отмечают многие авторы, признаками личности преступника являются:

— социальный статус личности, то есть его возраст, пол, семейное положение, работа и тому подобные характеристики;

— социальные функции личности, а именно его проявление как личности в семье, на работе, в общении с друзьями и подобные связи человека;

— выполняемые личностью социальные функции;

— нравственно-психологическая характеристика личности, то есть оценка с позиций нравственных принципов и психологических установок как лица.

Также можно отметить, что понятие личности преступника имеет место для применения и в уголовном праве, поскольку признаки личности преступника может оказать влияние на индивидуализацию наказания либо на освобождение от такового.

Согласно ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации, при назначении наказания учитываются, помимо характера и степени общественной опасности преступления, личность виновного [5].

Из вышесказанного следует, что роль понятия личности преступника в вынесении приговора суда довольно велика, а в некоторых случаях даже является ключевой.

Подводя итог, обозначаем, что личность преступника является, прежде всего, криминологическим термином и обозначает не биологическую характеристику преступника, а социально-психологическую.

Наряду с понятием субъект преступления в уголовном праве и криминологии используется понятие личности преступника.

Исходя из смысла норм Уголовного кодекса Российской Федерации, субъектом преступления признаётся лицо, совершившее запрещённое уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность.

Так, субъект преступления – это совокупность таких признаков лица как:

— физическое свойство;

— достижение возраста уголовной ответственности;

— вменяемость [5].

Совершение деяния хотя бы без одного из этих признаков субъекта преступления не образует состава преступления, а соответственно, не влечет наступления уголовной ответственности.

Также, в статьях Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации содержатся характерные признаки субъекта конкретного преступления. К ним также относятся такие признаки, как возраст лица и его вменяемость, но субъект преступления может обладать и иными дополнительными признаками.

Указанное сужение круга преступных лиц, способных нести уголовную ответственность, в теории уголовного права получило название специальный субъект преступления.

Под специальным субъектом преступления следует понимать физическое лицо, совершившее преступление, которое, кроме общих признаков субъекта преступления, характеризуется также дополнительными признаками, указанными в уголовном законе [6, с. 123].

Таким образом, представляется возможным резюмировать, что ученые в области теории уголовного права и криминологии исходят из того, что личность преступника и субъект преступления не являются тождественными, однако при этом данные понятия находят место для применения в криминологической науке, а также как в теории уголовного права, так и на практике.

Итак, субъект преступления – это минимальная совокупность признаков, которых в полной мере достаточно для состава преступления, а личность преступника – это совокупность всех социально-психологических свойств и черт, которые образуют индивидуальный облик человека, совершившего преступление.

Установление и субъекта, и характеристики его личности имеет большое значение для определения причин и условий совершения преступлений, что помогает правильно вырабатывать научные рекомендации по предупреждению преступлений, а также для индивидуализации уголовной ответственности и мер наказания.

Взаимосвязь между данными понятиями, безусловно, существует, и ее существование сложно отрицать. Именно поэтому необходимо глубокое изучение понятия личности преступника для того, чтобы законодательно отразить его дополнительные критерии, необходимые для разрешения проблемы предотвращения как можно большего количества преступлений.

Список литературы

1. Девятова, А.О. Личность преступника / А.О. Девятова // Вопросы науки и образования. – 2018. – №28 (40). – С. 26-27.
2. Дадашова, Э.Г. Соотношение и взаимосвязь понятий "субъект преступления" и "личность преступника" / Э.Г. Дадашова // Аллея науки. – 2019. – Т. 3, № 5(32). – С. 777-780.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 800 с.
4. Клеймёнов, М.П. Криминология: учебник / М.П. Клеймёнов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 400 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ, 1996. – № 25. – ст. 2954.
6. Дуюнов, В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. — 6-е изд. — Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2023. — 780 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА КРАЖУ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Солдатова Юлия Павловна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

На современном этапе развития нашего государства оно претерпевает большое количество изменений, касающихся различных сфер жизни и деятельности, как общества в целом, так и отдельных его индивидов. Не исключением является и уголовное законодательство Российской Федерации, одной из главных задач которого является охрана собственности человека и гражданина от преступных посягательств [1].

Также в ситуации развития рыночных отношений собственность граждан начинает требовать особой охраны, что непосредственно обусловило закрепление в части 1 статьи 35 Конституции Российской Федерации следующего положения: «Право частной собственности охраняется законом» [2].

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации наличные деньги признаются имуществом физического лица, а безналичные денежные средства включаются в состав имущественных прав наравне с бездокументарными ценными бумаги и цифровыми правами [3].

На данный момент наличные денежные средства сильно отстают в ежедневном применении, а безналичные – только набирают обороты. Оплата товаров и услуг во многих магазинах, общественном транспорте, госучреждениях и так далее, не говоря уже об интернет-магазинах, может производиться поистине большим количеством способов, среди которых можно выделить банковские карты, виртуальные карты различных платежных сервисов, смартфоны, браслеты, кольца с функцией бесконтактной оплаты и переводы по QR-кодам. Все перечисленное это лишь частица из всех возможных способов, которая получила наибольшую популярность, что порой может подтверждаться наличием банковских карт даже у детей.

Исходя из всего вышеприведенного, можно сделать вывод о том, что в наши дни нормальное функционирование государства невозможно обеспечить без должного уровня защищенности банковской сферы, а также усиления охраны имущественных прав граждан в данной сфере.

Так, в 2018 году посредством Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 111-ФЗ часть 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена пунктом «г» - «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [4].

Законодатель, дополнив статью указанным квалифицирующим признаком, поместил его в часть третью уголовно-правовой нормы, причислив кражу, совершенную с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, к категории тяжкого преступления.

Так как, при наличии квалифицирующих признаков размер похищенного имущества утрачивает роль разграничительного критерия между мелким и уголовно наказуемым хищением, то такую кражу следует признавать преступлением, даже если стоимость похищенного имущества была менее 2 500 рублей.

Таким образом, образуется коллизия между нормами уголовного и административного права. К примеру, если лицо при отсутствии отягчающих обстоятельств совершило тайное хищение чужого имущества на сумму менее 2 500 рублей, то данное деяние является не преступлением, а мелким хищением, то есть административным правонарушением, предусмотренным статьей 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, за которое грозит максимальное наказание в виде 15 суток административного ареста.

В то же время, если взять, к примеру лицо, совершившее кражу на ту же сумму, но допустим с использованием чужого смартфона или же банковской карты, то данное деяние образует состав преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 стать 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, который устанавливает максимальное наказание за подобное противоправное деяние в виде лишения свободы на срок до 6 лет со штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до 1,5 лет либо без такового.

Если обратиться к пояснительной записке законопроекта данных изменений и рассмотреть цель их введения, то можно понять, почему незначительное изменение способа и предмета совершения противоправного деяния приводит к столь большой разнице в наказании между тождественными с первого взгляда действиями.

Исходя из смысла пояснительной записки к законопроекту, следует, что «высокая степень общественной опасности данных противоправных деяний подтверждается спецификацией преступлений, совершать которые могут лишь лица, обладающие специальными знаниями и использующие технические средства, что приводит к нарушению не только права собственности, но и банковской тайны» [5].

Целью же данного изменения стало повышение уголовно-правовой защиты граждан и организаций путём усиления ответственности за хищение чужого имущества с банковского счёта или электронных денежных средств.

В уголовно-правовой норме, предусмотренной ст. 158 УК РФ, квалифицирующим признаком, определяющим тяжесть преступления и, как следствие, устанавливающим пределы наказания, является размер похищенного имущества [5].

В свою очередь, если сравнивать наличные денежные средства с безналичными денежными средствами (независимо от вида, в котором они представлены) по платежеспособности или же по их материальной ценности, то они обладают абсолютно равными показателя для лица, в собственности которого они находятся.

Со стороны потерпевшего нет ни малейшей разницы, в какой форме или где находились денежные средства, прежде всего, важна их сумма, а то были ли они наличными или безналичными является вторичным вопросом. Таким образом, разграничение уголовно-наказуемой кражи и мелкого хищения в равных суммах, то есть при равном размере причиненного ущерба, в зависимости от формы, в которой они находились в собственности лица, не отвечает логике и противоречит принципам соразмерности и справедливости юридической ответственности.

При совершении кражи независимо, от того были ли это наличные денежные средства или безналичные, то есть вне зависимости от того, каким способом они были похищены – с банковской карты или же наличными, характер и степень общественной опасности данных деяний будет, на наш взгляд, одинаковыми.

Как верно в своей работе отметил А. В. Архипов, при совершении хищения и наличных денег, и безналичных или электронных денежных средств вред причиняется одним и тем же общественным отношениям – отношениям собственности [6].

Размер похищенного имущества является одним из обязательных признаков уголовно-наказуемого хищения и характеризует степень общественной опасности деяния. Также стоимость похищенного имущества является основанием для разграничения простого хищения, хищения с причинением значительного ущерба гражданину, хищения в крупном и особо крупном размерах [5].

Таким образом, можно заключить, что дифференцировать ответственность, наступающую за тайное хищение наличных денежных средств и тайное хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денег, в зависимости от формы нахождения (хранения) их у собственника не допустимо. И такой способ дифференциации может признаваться не обоснованным и не отвечающим принципу справедливости в отечественном уголовном праве.

Все рассмотренные вопросы приводят нас к мысли об обоснованности и справедливости предложения о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельной нормы, предусматривающей наказание за совершение лицом тайного хищения безналичных денежных средств с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание Законодательства РФ, 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 05.03.2023).
3. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Собрание Законодательства РФ, 1994. – № 32. – ст. 3301.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание Законодательства РФ, 2018. – № 18. – ст. 2581.
5. Петров, С. А. Проблемные аспекты краж с банковских счетов и электронных денежных средств / С. А. Петров // Право и практика. – 2020. – № 3. – С. 107-111. – EDN OJUUWG.
6. Архипов, А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / А. В. Архипов // Уголовное право. – 2018. – № S3. – С. 4-9. – EDN HBWRML.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ

Степанова Яна Степановна, курс 4, Юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович - научный руководитель, старший преподаватель

Одной из базовых задач уголовного законодательства, закрепленной в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, является охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств [2].

Учитывая закрепленные Конституцией РФ нормы о том, что Россия – демократическое, правовое и социальное государство [1], особое значение приобретают вопросы охраны прав и законных интересов лиц,

которые в силу своего малолетнего или престарелого возраста, физических недостатков, болезненного или иного беспомощного состояния не имеют возможности в полной мере осознавать и (или) самостоятельно защищать и отстаивать свои права и интересы, а в случае совершения в отношении них преступления – правильно воспринимать происходящее, защитить себя, оказать активное сопротивление виновному [15].

В словаре русского языка Ожегова С.И. термин «беспомощный» толкуется как «нуждающийся в помощи, неспособный сам делать что-нибудь для себя», а «состояние» - «положение, в котором находится кто-нибудь» [11].

В толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой слово «беспомощный» трактуется как «неспособный без посторонней помощи справиться с чем-либо»; выражающий бессилие, свидетельствующий о нем; преисполненный бессилия, проникнутый им [6].

Таким образом, понятие «беспомощное состояние» можно определить как положение лица, при котором он неспособен сам для себя что-либо сделать.

Е.В. Топильская определяет беспомощное состояние следующим образом: «Это состояние, в силу которого потерпевший на момент посягательства лишен возможности принимать меры к самосохранению из-за того, что не осознает окружающую обстановку, либо не понимает характера и значения совершаемого в отношении его деяния, либо не может оказать виновному сопротивления или иным путем избежать опасности и не способен по собственной воле выйти из этого состояния» [16].

Есть ученые, которые связывают беспомощное состояние с ограничением возможности или невозможностью потерпевшего противостоять преступному посягательству [8].

По мнению А.Н. Попова, беспомощное состояние может быть как постоянным, так и временным. В частности, учёный пишет «…Тяжелая болезнь обусловливает беспомощное состояние на время болезни, а инвалидность - возможно на всю оставшуюся жизнь» [13]. А.Н. Попов обоснованно утверждает, что причины, в силу которых потерпевший оказался в таком состоянии, не должны влиять на квалификацию содеянного.

Л.А. Андреева полагает, что беспомощное состояние потерпевшего при убийстве это такое состояние, при котором тот не может оказать сопротивление убийце, и при этом беспомощность может быть обусловлена малолетним или престарелым возрастом, болезнью, физическими недостатками, сном, положением тела (связанный человек) состоянием сильного алкогольного опьянения и т.п. [5]

Аналогичного мнения придерживается Э.Ф. Побегайло, который к беспомощному состоянию относит бессознательное состояние, сон, тяжелую степень алкогольного опьянения и прочее [12].

А.И. Рарог в своем комментарии указывает: «К беспомощному состоянию необходимо относить, помимо прочего, бессознательное состояние, сон, тяжелую степень алкогольного опьянения» [14].

В юридической литературе можно встретить следующую классификацию обстоятельств, обусловливающих нахождение лица в беспомощном состоянии:

1) конкретно-физиологическое состояние лица (физические недостатки: увечья и др.); немощное состояние, вызванное заболеванием или возрастным фактором (старость, малолетство, беременность);

2) психические и интеллектуальные нарушения (хронические психические расстройства, психосоматические нарушения, временные психические расстройства, иное болезненное состояние психики, слабоумие);

3) психофизиологическое состояние лица (бессознательное состояние гипнотическое состояние, сон, обморок);

4) эмоциональное состояние лица (испуг, шок);

5) статусно - социальное состояние лица (материальная или иная зависимость);

6) объективные внешние обстоятельства, не связанные с личностью и индивидуальными особенностями лица [10].

Системный анализ уголовно – правовых норм Общей части УК РФ и конкретных составов преступлений, признаком которых является беспомощное состояние потерпевшего, позволяет сделать вывод о том, что указанное состояние потерпевшего имеет двоякое значение. Во–первых, на основании ст.63 УК РФ беспомощное состояние потерпевшего является отягчающим наказание обстоятельством. Во–вторых, в некоторых составах преступлений беспомощное состояние потерпевшего выступает в качестве квалифицирующего признака (п. «в» ч.2. ст.105; п. «б» ч.2 ст.111; п. «в» ч.2 ст.117 и др.).

Наиболее ожесточенные теоретические дискуссии существуют в вопросе признания сна или опьянения беспомощным состоянием человека при квалификации убийства. Как указывает Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28.03.2012, «сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека и не может расцениваться как беспомощное состояние в том понимании, которое придается ему уголовным законом, как и состояние алкогольного опьянения, в котором находился потерпевший» [4].

В то же время, исходя из разъяснений Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» следует, что лицо в беспомощном состоянии не способно в силу физического или психологического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, в то

время, как последний осознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, страдающие психическими расстройствами, которые лишают их способности правильно воспринимать происходящее [3].

Таким образом, если учитывать, что сон, а также воздействие алкогольных напитков, наркотиков, психотропных веществ влияет на физическое состояние потерпевшего (невозможность движений, заторможенность, неосознание происходящего), а преступнику понятно такое состояние жертвы, то все это содержит в себе признаки, указанные в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999 года.

Немаловажным значением обладает также момент возникновения умысла на причинение смерти, поскольку преступление квалифицируется по пункту «в» части 2 ст. 105 УК РФ только в случае, если беспомощное состояние предшествовало насильственным действиям.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что состояние опьянения признается в качестве беспомощного состояния по делам о половых преступлениях, если эта степень опьянения лишает возможность лица понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу.

Однако, по справедливому замечанию А.С. Злобиной, убийство обладает высшей степенью опасности, чем преступления против половой свободы и неприкосновенности, т. к. оно связано с прекращением одного из неотъемлемых прав человека - права на жизнь [7]. Следовательно, законодателю необходимо внести поправки в действующее законодательство, связанное с отнесением сна и алкогольного опьянения к состоянию беспомощности при квалификации убийства, поскольку отрицание указанных оснований признания лица беспомощным порождает неоднозначность судебной практики.

Отдельные исследователи давно уже предлагают включить сон в перечень обстоятельств, способствующих наступлению беспомощности. Представляется, что законодатель исходит из логики, согласно которой сон - это состояние, при котором человек не становится абсолютно беспомощным перед лицом опасности, а которое всего лишь временно снижает его функциональную готовность к проявлению внешних воздействий, в том числе и направленных на причинение ему вреда. При это, согласно определениям, данным в медицинских и иных источниках, состояние сна имеет следующие признаки: сон является наступающим явлением, которое возникает через определенный промежуток времени; во время сна большая часть работы психических и физиологических процессов замедляются до минимума, прекращается работа сознания; снижаются до минимума (отсутствие) реакции на внешние раздражители [9]. Более того, если человек находится в состоянии глубокого сна, его реакция на внешнее воздействие практически отсутствует. И уж точно то, что сон обладает «тормозящим» свойством физиологических и психологических функций в организме.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Сон потерпевшего необходимо признать беспомощным состоянием, так как во время сна потерпевший находится в бессознательном состоянии, не осознает свершаемого в отношении него посягательства и поэтому не способен оказывать сопротивление. Кроме того, заведомое использование виновным беспомощного состояния потерпевшего, вызванного сном, многократно увеличивает его шансы по достижению цели планируемого им посягательства, направленного на лишение жизни.
2. Тяжелая степень опьянения жертвы убийства, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, следует признать беспомощным состоянием потерпевшего, если такое опьянение лишало его возможности оказать сопротивление преступнику.
3. Признание сна и тяжелой степени опьянения беспомощным состоянием потерпевшего позволит унифицировать содержание понятия «беспомощное состояние» и толковать его единообразно применительно к различным составам преступления.
4. Необходимо внести изменения в п.7 Постановления № 1 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» (ст.105 УК РФ) от 27.01.1999 г. и сформулировать его в следующей редакции: «…К иным лицам, находящемся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, находящиеся в состоянии сна или такой степени опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, которая лишала их возможности оказать сопротивление преступнику, а также лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 10.02.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская юстиция. – 1999. – № 4.

4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.03.2012 № 11-П12ПР // URL. https://base.garant.ru/70163494/ (дата обращения: 15.02.2023).
5. Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: Учебное пособие. - СПО., 1998.- С. 34.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка .-М .: Русский язык, 2009. – С. 3.
7. Злобина А. С., Брашнина О. А. Проблемы квалификации убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. – 2020. – С. 222-224.
8. Ларина Л.Ю. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего посягательство в отношении другого несовершеннолетнего // Библиотека уголовного права и криминологии.- 2014.-N°4.- С. 146.
9. Левандовская М. Г. Понятие беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – №. 10А. – С. 130-138.
10. Михайловская О. В. Классификация обстоятельств, обусловливающих нахождение лица в беспомощном состоянии // Государственная служба и кадры. – 2021. – №. 3. – С. 118-122.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка.- М.: АСТ, Мир и образование, 2014. - С. 1.
12. Побегайло Э.Ф. Избранные труды.- СПб: Юридический центр Пресс, 2008. - С. 557.
13. Попов А.Н. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. - С. 260.
14. Рарог А.И. Комментарий к УК РФ.-10-е изд.-М.: Проспект, 2015. - С 315.
15. Сафонова А. М. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №. 9. – С. 1000-1005.
16. Топильская Е.В. Беспомощное состояние потерпевшего от преступления. СПб., 1992.- С. 29.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Степанова Яна Степановна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Для эффективной борьбы с преступностью требуется максимальное и комплексное использование всех имеющихся сил и средств, находящихся в распоряжении сотрудников правоохранительных органов. К тому же, именно за счет использования в доказывании материалов и информации, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, становится возможным повысить эффективность раскрытия и расследования конкретного преступления.

Правовая основа использования результатов оперативно-розыскной деятельности как правового института представлена совокупностью норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Согласно ст. 5 УПК РФ, под результатами оперативно-розыскной деятельности понимаются «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» [1].

Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь, закреплены ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, они могут быть использованы «для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, для принятия иных решений» [2].

При этом, ст. 89 УПК РФ закрепляет, что в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, не отвечающим требованиям, предъявляемым к доказательствам Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Как отмечает А.Д. Елизарова, процедура использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам должна включать следующие элементы:

1. Допрос лиц, участвующих в подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия в целях фиксации информации в уголовно-процессуальном порядке.
2. Производства осмотра материальных носителей информации, если они были представлены, вынесение постановлений о признании и приобщении их к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

3. Использование всех оперативно-служебных документов в уголовном деле в качестве такого доказательства, как «иные документы» [4].

При этом, исходя из анализа норм уголовно-процессуального законодательства, можно выделить проблему отсутствия прямого указания на результаты оперативно-розыскной деятельности как на самостоятельный повод к возбуждению уголовного дела в ст. 140 и ст. 143 УПК РФ, что создает необходимость детализации перечня поводов к возбуждению уголовного дела посредством закрепления в качестве одного из них результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных следователю (органу дознания) [6].

Также, по справедливому замечанию И.К. Кутлугильдиной, в юридической литературе отсутствует единство взглядов относительно вопроса возможности или невозможности считать результаты ОРД доказательствами в уголовном деле и должны ли они в целом применяться в процессе доказывания [5].

Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами в уголовном деле могут служить любые сведения, на основании которых дознаватель, следователь, прокурор или суд могут установить наличие или отсутствие обстоятельств, которые необходимо доказать в ходе производства по уголовному делу и которые для этого дела имеют значения.

Как доказательства могут быть допущены:

– показания подозреваемого, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля;

– заключения и показания экспертов и специалистов;

– вещественные доказательства;

– протоколы следственных и судебных действий;

– иные доказательства.

При этом, что такое иные доказательства законодатель не определяет как не определяет четкого круга таких доказательств, что к единству право применения, с нашей точки зрения, не приводит и создает в науке споры, в том числе относительно возможности к таким иным доказательствам относить результаты ОРД.

Тем не менее, ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что результаты ОРД могут быть использованы в ходе доказывания в соответствии с нормами УПК РФ, регламентирующими положения о проверке, собирании и оценке доказательств, но сам УПК РФ не определяет в своем тексте нормы о том, что результаты ОРД могут являться доказательствами в уголовном деле.

Решение указанных проблем видится в разработке в рамках УПК РФ правового института, способного урегулировать процедуру собирания, проверки и оценки доказательств, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Также следует прям установить, что результаты ОРД являются в уголовном деле доказательствами, если они собраны и представлены в соответствии с установленными в законе требованиями.

До внесения соответствующих изменений результаты ОРД могут использоваться в уголовном процессе как сведения, которые дают возможность следствию и суду получить необходимые доказательства, на что неоднократно обращал внимание в своих решениях Конституционный суд РФ [3].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 N 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=524094#XjTi1WToARf6TF75 (дата обращения: 15.02.2023).
4. Елизарова А. Д. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – №. 2 (2). – С. 87-91.
5. Кутлугильдина И. К. Проблемы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве // Молодежь и наука 2022. – 2022. – С. 131-137.
6. Мальцагов И. Д. и др. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела //Закон и право. – 2020. – №. 1. – С. 115-118.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Трубицын Денис Вячеславович, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

В связи с развитием страхового рынка, и, в частности, с появлением обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, значительно выросло число преступлений в

сфере страхования. В структуре указанных преступлений наибольшее распространение получило мошенничество - преступление, предусмотренное ст. 159.5 УК РФ.

В соответствии с п. 19. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьёй 159.5 УК РФ, судам следует иметь в виду, что мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества) либо относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю) [1].

Закон определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Специализирующими данный вид мошенничества способами посягательства в статье 159.5 УК РФ назван обман относительно, во-первых, наступления страхового случая и, во-вторых, размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Статья 9 Закона РФ от 27.11.1992 (ред. 01.04.2022) № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» раскрывает понятия страхового случая и страхового риска [2]. Согласно этой статьи, страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Объектом преступления являются общественные отношения, сложившиеся в сфере страхования.

Предметом преступления является чужое имущество, а равно страховое возмещение.

Объективная сторона содеянного выражается в хищении чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая и размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Обман заключается в предоставлении заведомо подложного официального документа, содержащего сведения о наступлении страхового случая.

Совершение страхового мошенничества путем обмана относительно размера страхового возмещения имеет место, в частности, в случае, когда согласно условиям, предусмотренным договором страхования, форма выплаты страхового возмещения определена сторонами при заключении договора в виде компенсации счетов со станции технического обслуживания автомобиля страхователя, т.е. размер страхового возмещения зависит от затрат страхователя, понесенных по восстановлению принадлежащего ему автомобиля, а виновный представляет в страховую организацию документы, содержащие заведомо ложные сведения о понесенных страхователем затратах, которые в действительности оказались меньше указанных в названных документах.

Сам по себе факт предоставления страхователем страховщику заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере страхования или покушения на совершение такого преступления.

Субъектом преступления по ст. 159.5 УК РФ могут выступать: страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представители страховщика, эксперт и др.[3]

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью.

К наиболее распространённым схемам мошенничества в сфере страхования относятся следующие:

1.Заявление страховой суммы выше действительной стоимости объекта страхования, чтобы получить страховое возмещение выше действительной стоимости имущества.

2.Утаивание информации, имеющей значение для заключения договора страхования. Этот вид мошенничества заключается в том, что страхователь, нарушая действующее законодательство, утаивает некоторые факты, для того чтобы уплатить меньшую премию.

3.Превращение незастрахованных убытков в застрахованные. Договор страхования заключается уже после свершившегося страхового случая.

4.Страховщик выступает в роли злоумышленника.

5.Инсценировка страховых случаев.

Хотелось бы рассмотреть из приведенных видов особенно внимательно пункты 4 и 5. Под данные пункты подходит одно из самых распространенных способов – это способ в сфере автострахования. В автостраховании уровень мошенничества, по данным ЦБ за 2021, составляет в районе 21%.

Как справедливо отмечает Чеховская И.А., самые распространённые способы мошенничества в автостраховании[4, с.17]:

- инсценировка наступления страхового случая (ДТП, кражи, поджога, причинения повреждений и др.) - 33%;
- фальсификация страхового случая или некоторых его обстоятельств (времени, места, замена водителя или номерных знаков, и др.) - 30,9%;

- двойное страхование и получение двойного возмещения - 4%;
- умышленное содействие наступлению страхового случая - 5%;
- сообщение заведомо ложных сведений при заключении договора страхования 7%;
- завышение стоимости нанесенного ущерба при реальном страховом случае и др. - 21%.

Характерной особенностью ОСАГО является цель совершения преступления - в некоторых случаях она не сопряжена с получением страховой выплаты. Обогащение возможно и за счет безосновательного сбережения страхователем страховой премии, которую он по Закону об ОСАГО должен уплатить. Для этого водитель за небольшую плату приобретает поддельный страховой полис либо подлинный бланк, оформленный должным образом, но без ответственности страховщика. Таким образом, лжестрахователь беспрепятственно ездит по дорогам, но вот при ДТП потерпевший от такого водителя не получит выплаты от страховщика.

Наиболее распространенным приемом мошенничества в ОСАГО со стороны страхователей является инициирование страхового случая.

Так, гражданин М, имеющий в собственности автомобиль 1, до наступления страхового случая получил механические повреждения. Вступив в сговор с гражданином Б, также имеющего автомобиль, инициировали столкновение, что-бы получить денежную премию, предусмотренную договором ОСАГО. После чего надлежащим образом обратились в страховую компанию, за получением денежной премии. На основание этого Гражданин М получил денежную премию в размере 350000 тысяч рублей. [5, с.8]

Суть совершения данного вида мошенничества в сфере страхования заключается в инсценировке ДТП, посредством предоставления заведомо ложной информации о получение механических повреждений.

Мошенничество может заключаться в продаже поддельного полиса, продаже полиса лицом, не являющимся страховым представителем, продаже полиса с присвоением денег страховым представителем, продаже полиса от имени компании, которая не существовала или перестала работать на рынке страховых услуг, продаже полиса от имени компании, у которой нет лицензии на данный вид страхования, подписание полиса лицом, не имеющим на это полномочий от страховой компании [6, с.20]

Указание на «иное лицо» в законе доказывает тезис о том, что данная норма охраняет интересы не только страховщиков, которыми в соответствии со ст. 938 ГК РФ могут быть только юридические лица, но и граждан от незаконных действий со стороны страховых компаний или иных лиц, работающих от имени страховых компаний. Кроме того, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ содержит квалифицирующий признак – «причинение значительного ущерба гражданину», кем никак не может быть страховщик.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ.- 2018.- № 2. С. 7-13.
2. Закон РФ от 27.11.1992 (ред. 01.04.2022) N° 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993.- N° 2.- Ст. 56.
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).
4. Балков С.В; Чеховская И.А Мошенничество в сфере автострахования // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2017. - N°2(20). - С. 16-19.
5. Сидорина Т. В; Шуляренко Е.И; Никитин С.А Мошенничество в сфере страхования // Вестник евразийской науки. - 2021. - N°5. - С. 1-10.
6. Мусьял И.А Мошенничество в сфере страхования // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2013. - N°4(63). - С. 18-22.

СВЯЗЬ КРИМИНОЛОГИИ С НЕЮРИДИЧЕСКИМИ НАУКАМИ

Усачук Алёна Николаевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич - научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Актуальность данной темы заключается в том, что криминология имеет очень важное значение в юриспруденции как метанаука, так как она активно взаимодействует не только с юридическими науками, но и науками, не имеющими прямого отношения к юриспруденции. Криминология - развивающая наука, так как в ней до сих пор появляются новые направления, что расширяет степень взаимодействия с другими науками.

Криминология - это наука о преступности, ее причинах и условиях, личности преступника, преступном поведении и профилактике преступлений. Криминология - социально - правовая наука.

Изучая социологические аспекты элементов предмета криминологии, можно предварительно понять, что данная наука взаимодействует, прежде всего, с социологией, биологией, психиатрией. При изучении социальных факторов важное значение отводится микросреде (семье, группе, коллективу). Характер взаимоотношений с близкими людьми, друзьями, знакомыми сказывается на формировании личности подростка (несовершеннолетнего). Уровень образования, культуры, эстетического воспитания в человеке

демонстрирует его развитие, способность к самоактуализации (самоутверждению) и реализации личностного потенциала[1, С. 251].

Биология, в свою очередь, в связи данного триединства раскрывается при изучении такого раздела как генетика - познание особенностей наследственности очень важно для понимания криминологии: при рождении ребенку может передаваться темперамент, мимика, тембр голоса, заболевания соматического и психического характера. Наследственность сказывается на обмене веществ в организме, особенностях иммунной системы, уровне тревожности и стрессоустойчивости[1, С. 251].

Сквозь призму психиатрии для лучшего понимания криминологии важны изучение личности и преступного поведения людей с психическими нарушениями, а также лиц, характеризующихся общественно опасным поведением, и невменяемых. Знание их личностных и поведенческих особенностей, а также характера психического заболевания, его криминогенных последствий позволит более эффективно предупреждать (предотвращать) их общественно опасные поступки [2, С. 28].

Криминология взаимодействует с педагогикой, а также общей и социальной психологией. Теоретические знания педагогики о методах и особенностях воспитательного воздействия используются криминологией при работе с правонарушителями и склонными к девиантному поведению лицами, в целях предупреждения преступности[3, С. 266].

Общая психология изучает формирование человеческой психики индивида и ее структуру, а социальная психология - социальной группы. Если говорить о психологии в общем понятии по отношению к криминологии, то она устанавливает психологические особенности личности преступника, его ценности, мотивы преступления, черты характера и уровень их проявления, а также выводы о вменяемости лица и способности его к исправлению[3, С. 266].

Криминология также взаимодействует с политикой, экономикой, культурологией, изучая в рамках этих наук закономерности существования преступности в политической, экономической и духовной сферах жизни общества, а также ее причины и личностные характеристики тех, кто совершает преступления в данных сферах, меры по ее предупреждению.

Так, в сфере политики могут совершаться следующие преступления: электоральная, бунтовская, международная, тоталитарная преступность, политический терроризм, политический рэкет, политический вандализм, политическая коррупция, злоупотребление властью в политических целях, информационная политическая преступность[4, С. 38]. Преступления в сфере экономики закреплены раздел VIII Уголовного кодекса Российской Федерации, которые включают в себя следующие виды преступлений: против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Преступления в сфере культурологии связаны с феноменами массовой культуры (СМИ, телевидение, кинематограф, литература, музыка, игры ПК) и народной культуры (сказания, мифы, легенды, пословицы, поговорки),

Влияние массовой культуры на индивида способствует появлению кумиров и, следовательно, поводам (мотивам) для их подражания. Влияние народной культуры вытекает из этнологии и этнографии как теоретической и описательной наук, изучающих различные особенности жизнедеятельности этносов (народов). В рамках этих наук криминология изучает:

1) преступность на почве межнациональных конфликтов;

2) особенности криминального поведения, возникновения и взаимодействия различных этнических групп и их организации;

3) наличие криминальных этнических традиций и субкультуры, религиозные основы;

4) убежденность в превосходстве собственного этноса над другими, в его избранности;

5) криминальная миграция различных этносов;

6) этническая характеристика лидеров криминальной среды их взаимодействие.

Важна также связь криминологии с географией. Роль взаимодействия криминологии с наукой географии объясняется тем, что с ее помощью можно выявить особенности совершения, условия преступлений и ее изменения, а также выявлять какие-либо социальные, экономические, политические явления и процессы, которые порождают преступность в различных регионах[3, С. 266].

Криминология взаимодействует с демографией и статистикой следующим образом: основные демографические процессы (смерть, рождение), демографические характеристики людей (пол, национальность, возраст), воздействия объективных факторов, параметров социально-экономического развития страны (региона проживания (пребывания), от размещения производительных сил, перспектив развития региона, занятости населения, уровня заработной платы) непосредственно связаны с преступностью - такие факторы часто становятся основой для статистики, что является основным методом по сбору и анализу информации для криминологии.

Криминология взаимодействует с медициной следующим образом: фактором для изучения преступности является состояние здоровья населения, факторы (явления и процессы) воздействующие на состояние здоровья населения и пути и способы их предотвращения. Состояние здоровья населения напрямую зависит от уровня, вида, причины заболеваемости: телесных повреждений, алкоголизма и наркомании, суицидов, действий (бездействий) медицинских работников, производственных травм, потребления продуктов и лекарств, транспортных правонарушений, нарушений бытового проживания и других факторов.

Таким образом, криминология как наука об изучение преступности, ее причин и условий, личности преступника, преступного поведения и предупреждения преступности включает в себя множество положений, вытекающих из таких наук как социология, биология и психиатрия; педагогика и психология; политика, экономика и культурология, этнология, этнография, география; демография и статистика, медицина. При изучении криминологии важно понимать, что ее существование и совершенствование происходит благодаря связи с этими науками - ведь, чтоб выявить правильные причины и условия преступности, изучить личность преступника и его преступное поведение, необходимо проводить систематический анализ с разных точек зрения, с разных ракурсов, благодаря чему удастся в дальнейшем предотвращать саму преступность.

Список литературы

1. Шалагин, А. Е. Соотношение социального и биологического в личности правонарушителя / А. Е. Шалагин, А. Д. Идиятуллов, А. К. Шалагина // Наукосфера. - 2021. - № 3- 1. - С. 249 - 254.
2. Антонян, Ю. М. Перспективы криминологии / Ю. М. Антонян // Общество и право. - 2019. - №1 (67). - С. 25 - 32.
3. Захарова, Е. Р. Взаимосвязь криминологии с другими науками и отраслями права / Е. Р. Захарова, П. Е. Снегирева // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. - 2021. - С.264 - 267.
4. Анненкова, В. Г. Политическая криминология : учебное пособие для вузов / В. Г. Анненкова, П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков // Москва : Издательство Юрайт. - 2020. - 87 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Устименко Анастасия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна - научный руководитель, старший преподаватель

Выявление и раскрытие некоторых преступлений является весьма затруднительным без использования средств и методов оперативно-розыскной деятельности(далее-ОРД). Использование сведений полученных при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий повышает эффективность раскрытия и расследования преступлений. Но на сегодняшний день актуальным остается вопрос касаемо использовании результатов ОРД в доказывании. Огромное количество мнений о возможности использования в доказывании результатов ОРД порождают дискуссии. Мнения авторов расходятся от категорического запрета на их использование в доказывании до необходимости снятия такого запрета.

Но для начала рассмотрим что же такое результаты ОРД и какими нормативными положениями они регламентированы.

В соответствии с п. 36. 1 ст. 5 УПК РФ результатами ОРД являются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда[1]. Статья 11 ФЗ от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» свидетельствует о том, что результаты ОРД могут являться поводом либо основанием для возбуждения уголовного дела. Они представляются в орган дознания, следователю либо в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении[2]. «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» регламентирует порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам расследования или в суд[3].

Поскольку вопрос использования результатов ОРД в доказывании является предметом научного интереса, следует рассмотреть имеющиеся на данный момент точки зрения ученых-процессуалистов.

Проанализировав имеющиеся точки зрения относительного данного вопроса, мнение ученых можно разделить на некоторые позиции.

К первой позиции относятся мнения процессуалистов, которые категорические запрещают использование результатов ОРД в доказывании. Они поддерживают ст. 89 УПК которая гласит, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Ведищев Н. П например считает, что полученные результаты в ходе проведения ОРМ не могут быть использованы в качестве процессуальных доказательств, т.к. были добыты вне рамок процессуальной деятельности, соответственно не теми субъектами, которым право сбора таких доказательств предоставлено[4]. Толмосов В. И так же считает, что использовать результатов ОРД в доказывании невозможно, в силу способов получения доказательств предъявляемые уголовно-процессуальным законодательством, результаты орд не будут отвечать таким требованиям[5 С.104].

Вторая позиция таких авторов ,например, как: Агутин А.В, Осипов С.А. наоборот сводится к тому, что ОРД следует рассматривать как один из способов доказывания по уголовным делам и придать результатам ОРД статус доказательств[6]. Верина В.П., Мозякова В.В. так же придерживаются того, чтобы результаты ОРД

рассмотреть как еще один из способов формирования и сбора доказательственной базы по уголовному делу[7 С. 211].

К третьей позиции относятся авторы, такие как Стремоухов А.В. , Иванов И.А. которые считают, что основная проблема существующего правового механизма перевода собранных доказательств в ходе проведения ОРМ в уголовном судопроизводстве кроется в его несовершенстве. И поэтому предлагают внести в уголовно-процессуальное законодательство и Федеральный Закон « Об оперативно-розыскной деятельности», ряд изменений и дополнений, которые будут регламентировать порядок сбора и предоставления результатов ОРД[8].

Еще одна группа ученых-процессуалистов мнение которых придерживаемся и мы, считает, что в доказывании могут быть использованы только те сведения, полученные в ходе проверки ОРД, которые собраны, проверены и оценены в соответствии с требованием уголовно-процессуального законодательства. Данную позицию так же раскрывает и Конституционный Суд Российской Федерации. Говоря о том, что результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи получены с соблюдением требований ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами, но только после закрепления их в надлежащем процессуальном порядке[9].

Результаты ОРД являются информацией, которая может иметь значение для уголовно-процессуальной деятельности, так как по своей природе являются фактом подтверждения интересующей судебный процесс информации. Но по нашему мнению использовать результаты ОРД все-таки следует именно в доказывании, а не в качестве доказательств непосредственно. Результаты ОРД помогают определить где, когда с кем и какие следственные действия необходимо произвести, чтобы добыть те или иные доказательства. Следовательно использовать результаты ОРД нужно лишь при собирании, проверке и оценке доказательств.

Думается правильным решением было бы разработать в уголовно-процессуальном законодательстве норму которая позволила бы регулировать процедуру собирания, оформления, проверки, представления, с тем чтобы в дальнейшем использовать результаты ОРД в доказывании. Так как по нашему мнению использование результатов ОРД во многом смогло бы приумножить доказательственную базу.

Использование результатов ОРД в доказывании может быть только после их проверки в процессуальном порядке.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон т 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание Законодательства РФ.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция)// Собрание законодательства РФ. 1995, N 33, ст. 3349.
3. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/ 1820/42/535/398/68.
4. Ведищев Н. П. Применение оперативно-розыскных мероприятий при расследовании дел о наркотиках // Адвокат. 2015. № 3
5. Толмосов В. И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2002. - 206 с.
6. Агутин А. В., Осипов С. А. Место оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Следователь. 2003. № 2. - 47–55с.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова.-Москва: Экзамен, 2004.- 974 с.
8. Стремоухов А. В., Иванов И. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решения // Ленинградский юрид. журн. 2016. № 1.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017, № 2211.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Устименко Анастасия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович- научный руководитель, старший преподаватель

За последние пять лет наблюдается некоторая стабилизация и даже снижение зарегистрированного количества совершенных похищений людей. Так, по статистическим данным МВД РФ в 2012 году в России было зарегистрировано 512 (-1,5%) случаев похищения человека, в 2013 г. -442 (-13,7%) , в 2014 г. -369 (-17,4%), в 2015 г. – 391 (+7,1%), в 2016 г. - 351 (-11,4%), в 2017 г. - 374 (+6,6%), в 2018 г. -378 (+1,1%), в 2019 г. - 351 (-7,1%), в 2020 г. - 411 (+17,1%), в 2021 г. -382 (-7,1%)[1]. Соответственно удельный вес похищения человека в общей структуре преступности ежегодно составляет около 0,03%.

Несмотря на наметившуюся тенденцию снижения количества совершаемых похищений людей, похищение человека продолжает оставаться одним из самых опасных преступлений, посягающих на свободу человека. Похищение почти всегда совершается с применением насилия и, как правило, сопровождается причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и даже его убийством, вымогательством и получением крупных сумм выкупа.

В интересах освобождения похищенного, сохранения его здоровья и даже жизни законодатель сконструировал примечание к ст. 126 УК РФ, в котором предусмотрел, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления[2].

Это законодательное положение имеет предупредительное значение.

Вместе с тем, как нам представляется, формулировка примечания к ст. 126 УК РФ не лишена недостатков. В ней чрезмерно широко представлены возможности освобождения виновного от ответственности. Толкование содержания примечания к ст. 126 УК РФ позволяет сделать вывод, что освобождение лица от уголовной ответственности за похищение человека не зависит от срока содержания потерпевшего в неволе, а так же от достижения похитителями поставленной цели.

Соответственно следует внести в данное примечание указание на срок содержания потерпевшего в неволе, в течение которого похититель должен освободить лицо, чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности. Такое предложение является важным, поскольку статистика совершения похищения человека свидетельствует о том, что освобождение, не произошедшее в первые сутки, либо не состоится вообще, либо состоится значительно позже, а к потерпевшему в период удержания будет применяться насилие[3]. Так, например, зарубежное уголовное законодательство ответственность при освобождении не исключает, а только лишь смягчает ее в зависимости от времени нахождения похищенного в неволе.

В ст. 430 УК Бельгии предусмотрено положение о фиксированном смягчении наказания лицу, добровольно возвратившему похищенного несовершеннолетнего в течение пяти дней со дня похищения. УК Франции в статье 224-1 предусматривает существенно снизить срок наказания в случае добровольного освобождения похищенного преступником в первые семь суток со дня фактического захвата. В Уголовном кодексе Испании (ст. 163) говорится, что, если лицо, совершившее похищение, освободит похищенного в срок равный трем дням и при этом не достигнет своей цели, то ответственность виновного при назначении наказания на степень будет ниже. В том случае, если время нахождения в неволе будет более 15 дней, то виновному грозит наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

К примеру, В. Мальцев предлагает исключить примечание к ст. 126 из УК РФ. Он отмечает, что исследуемое примечание не оказывает положительного влияния на практику борьбы с похищениями человека, а также неадекватно принципам уголовного права[4]. По нашему мнению, данное высказывание является не совсем верным, поскольку законодатель, в первую очередь, преследует цель не наказать преступника, а сохранить жизнь похищенного в обмен на освобождение виновного от уголовной ответственности. Исключать примечание из текста уголовного закона нет оснований, хотя бы в силу ценности тех благ, которые ставятся под угрозу совершением данного преступления.

Длительный срок похищения может отражать устойчивую антиобщественную направленность личности виновного, поэтому возможность освобождения от уголовной ответственности за похищения человека, на наш взгляд, следует ограничивать небольшим промежутком времени содержания потерпевшего в неволе. По нашему мнению, следует согласиться с Г.Н. Борзенковым, который полагает, что в примечании речь может идти об очень коротком периоде времени, которое может исчисляться только часами, в противном случае трудно говорить о добровольности, поскольку уже причиняется вред личности похищенного, вытекающий из факта и условий удержания, кормления, предоставления питья, прогулок и др.[5].

С целью совершенствования УК РФ, учитывая опыт зарубежных стран, предлагаем пересмотреть и изложить примечание к статье 126 УК РФ в следующей редакции:

«Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если оно удерживало потерпевшего в неволе не более 24 часов, добровольно отказавшись от достижения поставленных целей и в его действиях не содержится иного состава преступления. Освобождение потерпевшего по истечении 24 часов, либо после достижения поставленной виновным цели, либо в связи полным или частичным выполнением требований похитителя может учитывается судом в качестве смягчающего наказание обстоятельства».

Список литературы

1. Состояние преступности в России за 2012-2021 годы. – [Электронный ресурс].-Режим доступа URL: http://www.mvd.ru
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12. 2022) // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
3. Смирнова М.А. Проблемы применения уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за похищение человека / М.А. Смирнова // Поколение будущего : сб. науч. тр. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 223–226
4. Мальцев В. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности// Уголовное право. 2005. №3. С. 51

5. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 218

СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АСПЕКТЕ ИХ СИСТЕМНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Хавренко Валентина Вадимовна, 3 курс юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Криминология – это в своем развитии довольно новая, социолого-правовая наука, изучающая преступность, её причины и условия, личность преступника, преступное поведение и профилактику преступности.

Предупреждение преступности означает оберегание людей, общества и государства от правонарушений и преступлений. Оно выступает сложным комплексом различных мер предупреждающего воздействия на всё, что порождает, воспроизводит это социально негативное явление, определяет его неблагоприятные тенденции, качественно-количественные характеристики.

Системность, индивидуальность и массовость - это характеристики, которые с разных сторон дают возможность провести изучение такого проблемного понятия, как предупреждение преступности.

В подходах к определению преступности ведется полемика касаемо того, чему предшествует профилактика или предупреждение. Мы делаем вывод, исходя из мнения таких исследователей, как Аванесов Г. А., Шестаков Д. А., Бурлаков В. Н., что профилактика предпочтительнее предупреждения, так как она выступает более эффективной и менее затратной криминологической техникой решения превентивных задач противодействия преступности. Профилактика направлена на устранение конкретного преступления, а предупреждения – на недопущение преступности, пресечение преступлений и обеспечение исправительного воздействия на преступников.

В криминологии именно недопущение самого факта совершить преступление понимается как ненанесение какого-либо ущерба (вреда) определенным общественным отношениям, в частности, отдельному лицу. С точки зрения причинно-следственной связи отсутствие деяние влечет отсутствие наступления общественно-опасных последствий, следовательно, не требует их устранения, восстановления утраченных прав и т. д. Тем самым государству нет необходимости тратить свои ресурсы (человеческие, технические, финансовые и т.п.) на выявление, раскрытие, расследование, судебное разбирательство, исполнение уголовного наказания в отношении лица, совершившего преступление.

Правовым базисом для национального законодательства в России по мерам профилактики преступлений и предупреждения преступности является Конституция РФ, которая содержит положения о профилактической деятельности, в частности: ст. 17-19 (признание и гарантии прав и свобод человека и гражданина), ст. 21 (о недопустимости умаления достоинства личности), ст. 25 (о неприкосновенности жилища), ст. 45-46 (о защите прав и свобод), и других [1].

Также, к нормам с профилактическим и предупредительным содержанием относятся нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства. Например, в УПК РФ это нормы, которые предписывают устанавливать обстоятельства, способствующие совершению преступлений (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), выносить частные определения и представления об устранении причин и условий совершения преступлений (ч. 4 ст. 20 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ) [2].

В настоящее время в России действует Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ», в котором сформулированы цели и задачи профилактики правонарушений, принципы её осуществления, объекты и субъекты профилактической деятельности, виды профилактики, перечень мер общей, индивидуальной и виктимологической профилактики.

Стоит согласиться с мнением Косарева М.Н. о том, что «понимание ожидаемого и прогнозируемого алгоритма действий преступника по совершению преступления можно успешно использовать для разработки определенных мер, устраняющих возможность совершения преступления и тем самым его предотвращения» [4, с.10].

В современной криминологической теории выделяют два вида предупреждения преступлений: социальное и ситуационное. Социальное предупреждение включает в себя: воспитание детей, нравственное и общесоциальное развитие личности, повышение жизненного уровня населения, создание нормальных условий для жизни людей, которые рассматриваются как способы воздействия на причины преступности. А ситуационное предупреждение преступности направлено на выявление и устранение причин и условий преступности, выявление и воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений [5, с.60].

Одним из важнейших классификационных признаков мер предупредительного характера является метод предупредительного воздействия. В целом, многообразие мер воздействия можно свести к 2 методам: стимулирование и ограничение. Деятельность по предупреждению преступлений представляется нам как двухсторонний взаимосвязанный процесс: с одной стороны, целенаправленное включение объекта в общественно полезные связи (отношения), а с другой – воспрепятствование вступлению в криминогенные.

Если прерывание негативных отношений осуществляется преимущественно с помощью принудительных мер предупреждения, то для стимулирования позитивных связей главным образом используются меры, не связанные с принуждением.

Можно также выделить меры предупреждения по их направленности на устранение:

1) общественной опасности личности;

2) условий формирования криминогенных установок личности;

3) криминогенных ситуаций.

В частности, среди мер, направленных на устранение криминогенных ситуаций, можно выделить меры направленные на личность потенциальной жертвы (потерпевшего) или меры виктимологической профилактики. Содержание виктимологической профилактики представляет собой систему мер, направленных на выявление потенциальных потерпевших и предотвращение неосмотрительного (легкомысленного, провокационного) поведения последних, т. е. обеспечение эффективной защиты возможных жертв от преступных деяний и девиктимизации (снижение уровня виктимности - склонности становиться жертвой преступления) потерпевших. Эта система должна быть целостной, гибкой и динамичной.

Следующее основание классификации мер предупредительного характера – по механизму воздействия, в котором можно выделить четыре группы:

1. Меры стимулирования (поощрения), т.е. предоставление различных благ за определенные общественно полезные действия. Включают в себя создание системы стимулов, побуждающих людей подчиняться закону и делающих выгодным именно законопослушное поведение.

2. Меры наказания (ответственности) – они понимаются как способы принудительного лишения определенных благ соразмерно совершенному правонарушению (преступлению). Наказание рассматривается как одно из важнейших средств предупреждения преступности. Путем угрозы или реального причинения лишений и страданий правонарушителю, достигаются цели общего и специального предупреждения.

3. Меры восстановления (компенсации) направлены на устранение вреда, причиненного противоправным деянием общественным отношениям, на принудительное исполнение невыполненных обязанностей и включают отмену ранее принятых незаконных актов и обязанность возместить ущерб.

4. Меры безопасности – это меры принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие цель предотвращения вредоносного воздействия источника опасности. Однако предупредительный потенциал этого вида воздействия изучен слабо.

В зависимости от характера нормы, регулирующей отношения субъекта и объекта профилактики, можно выделить материальные и процедурно-процессуальные (обеспечивают реализацию материальных правоограничений) меры предупреждения преступлений.

Также, классифицировать меры можно по отрасли законодательства, в рамках которой регламентируются меры предупреждения. Их можно подразделить на административно-, гражданско-, уголовно-правовые, а также гражданско-, уголовно-, административно-процессуальные.

В зависимости от момента применения профилактического воздействия меры предупреждения можно подразделить на:

1. Меры ранней профилактики (предкриминального контроля). Например, постановка на учет в отделах профилактики несовершеннолетних, которые еще не нарушили уголовный закон, но уже совершили ряд административных правонарушений.

2. Меры предупреждения рецидива (посткриминального контроля) – используют для работы с лицами, уже совершившими преступление. Разновидностью таких мер являются меры пенитенциарного предупреждения, (когда предупредительное воздействие связано с лишением свободы) и меры постпенитенциарного контроля (когда предупредительные мероприятия осуществляют после освобождения из исправительного учреждения) [6, с.416].

Также можно выделить меры предупредительного воздействия по такому основанию как объём охвата:

1. Общие, т.е. направленные на неопределённый круг лиц, на выявление и устранение причин и условий преступности, на охрану общественного порядка. К ним относятся различные профилактические операции (по изъятию оружия), охрана общественного порядка, правовая пропаганда, охрана объектов с крупными материальными ценностями, установка видеонаблюдения.

2. Групповые – те, что направлены на предупреждение различных отдельных видов преступлений (корыстных, насильственных и др.).

3. Индивидуальные меры – они представляет собой выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и воздействие на них с целью удержания от совершения преступлений. Теория относит к таким лицам в первую очередь, ранее судимых, а также лиц, ведущих аморальный образ жизни, совершающих административные правонарушения

Таким образом, для соблюдения интересов (задач) предупреждения преступности необходимо широко использовать различные методы выхода из криминогенных ситуаций, которые могут нести угрозу причинения потенциальным потерпевшим вреда, для того чтобы гарантировать личную безопасность. Меры отличаются друг от друга по методу, непосредственным целям, основаниям, содержанию, субъектам и срокам применения. Приведенный перечень классификаций мер предупреждения преступлений не является исчерпывающим. В

зависимости от исследовательских целей и практических потребностей могут быть разработаны и использованы самые различные классификации мер по предупреждению и профилактике преступности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016 г. – № 26 (часть I). – ст. 3851
4. Косарев М. Н. Тенденции современной преступности / М. Н. Косарев // Виктимология, 2020. – № 3(25). – С. 8-11
5. Кузьмин Ю. А. Ситуативное предупреждение преступлений как вид криминологической профилактики преступности / Ю. А. Кузьмин // Oeconomia et Jus, 2021. – № 3. – С. 59-66.
6. Зинин Г. Ю. О некоторых особенностях правового воздействия в постпенитенциарный период / Г. Ю. Зинин // Уголовно-исполнительное право, 2018. – Т. 13, № 4. – С. 413-417.

АФФЕКТ КАК ПРИЗНАК ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Хандуева Аяна Демьяновна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Статистические данные за последние пять лет (с 2018 по 2022 г.) показывают снижение в России количества регистрируемых преступлений, в том числе убийств. Вместе с тем официальная общефедеральная статистика не фиксирует долю преступлений, совершенных в состоянии аффекта, в общем массиве преступлений против личности. При этом данные статистических отчетов судов показывают, что количество убийств, совершенных в состоянии аффекта, остается стабильным в течение ряда лет. Кроме того, в криминологических исследованиях отмечается, что реальные показатели преступности часто не совпадают с данными официальной статистики. Эти обстоятельства побуждают к исследованию рассматриваемого вида преступлений.

Уголовный кодекс РФ учитывает состояние аффекта в двух статьях - ст. 107 УК РФ «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и 113 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта». Краткий анализ составов преступлений, предусмотренных указанными статьями, дает возможность сделать заключение о единстве подхода законодателя к их правовой регламентации. Так, по своим субъективным и объективным признакам данные преступные деяния аналогичны, основное различие заключается лишь в объекте посягательства: ст. 107 УК РФ - жизнь человека, ст. 113 УК РФ - его здоровье.

С момента своего введения в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации рассматриваемые нормы дважды подвергались изменениям в части санкций статей в соответствии с Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] и Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. Это обстоятельство свидетельствует о неподдельном интересе законодателя к указанным составам преступлений, что подтверждается и разработками ученых-криминологов и их применением практическими работниками правоохранительных органов. Так, за 2021 г по ст. 107 УК РФ были осуждены 35 человек, по ст. 113 УК РФ – 16 [3]. На первый взгляд, такое количество осужденных кажется незначительным, однако необходимо отметить, что ввиду сложного протекания состояния аффекта и, следовательно, трудности его доказывания при проведении судебно-психологической экспертизы, многие лица, совершившие убийство в состоянии аффекта, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ — Убийство[4, с. 424].

Статьи 107 и 113 Уголовного кодекса РФ отличаются от иных статей наличием в конструкции двух аспектов: юридического и психологического. В данных статьях особое психологическое состояние виновного — аффект — является криминообразующим признаком, благодаря которому можно отграничить преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), от иных составов преступления.

Небезызвестно, что аффект — сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, связанное с резким изменением важных для человека жизненных обстоятельств, сопровождаемое резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов. Такое состояние развивается в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего, неожиданно сложившихся ситуаций. «Обладая свойствами доминанты, аффект тормозит не связанные с ним психические процессы и навязывает тот или иной стереотипный способ «аварийного» разрешения

ситуации (оцепенение, бегство, агрессия), сложившийся в процессе эволюции и потому оправдывающий себя лишь в типичных биологических условиях. Для состояния аффекта характерно сужение сознания, при котором внимание субъекта целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными им действиями» [5, с.33].

По поводу аффекта в литературе наиболее частым примером является такой: «Б. шла на свадьбу своей подруги. Во дворе дома ее остановил пьяный сосед В. и стал глумиться над ней. Потом сорвал с нее нарядное платье и, в конце концов, избил. В слезах девушка вернулась домой. Подойдя к зеркалу, она увидела, что у нее выбиты передние зубы и рассечены губы. Все это, как указал суд, вызвало у Б. аффект, под влиянием которого она схватила попавшийся под руку кухонный нож, выскочила во двор и нанесла В. смертельное ранение»[6, с. 28]. Как представляется, основной разграничительный критерий между преступлениями, совершенными в состоянии аффекта и иными сходными с ними преступлениями лежит в субъективной стороне.

Соответственно, для преступлений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ, обязательным признаком состава, относящимся к их субъективной стороне, является аффект. Психология различает несколько видов проявления аффекта: радость, печаль, отчаяние, гнев, ненависть, страх, ужас и др. [7, с.10].

Конечно, указанные проявления аффекта необходимо четко фиксировать с привлечением психологов в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, что, в свою очередь, определяется общим уровнем судопроизводства в стране [8, с. 97].

Однако, при квалификации деяний, совершенных в состоянии аффекта, суды не всегда принимают во внимание результаты судебно-психологической экспертизы. Так, в решении Кировского областного суда от 27.06.2001 года дано пояснение: «указание экспертов на то, что А. находился в состоянии физиологического аффекта, не может в конкретном случае быть решающим, так как правовую оценку душевного состояния осужденного в момент совершения преступления дает суд»[9].

Есть и противоположная ситуация. В судебной практике известны случаи, когда, несмотря на заключение судебно-медицинской экспертизы об отсутствии состояния аффекта, суд все равно приходил к выводу о наличии в действиях виновного признаков деяния, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Суд пришел к этому выводу на основании существенного эмоционального возбуждения, которое повлияло на действия виновного.

В дополнение к этому, суд указал, что окончательное решение об оценке состояния виновного остается на усмотрение суда, и что изложенные выводы экспертизы не являются решающими[10].

Необходимо также различать виды аффектов. Аффект гнева или ненависти относится к защитному рефлексу, хотя и носит агрессивный характер. В тех случаях, когда по материалам дела имеются определенные предположения стрессового или аффективного состояния лица в момент совершения им действий, причиняющих вред, состояние его психики в момент деяния подлежит тщательному анализу (комплексной психолого-психиатрической экспертизе) психологов и психиатров, так как от этого во многом зависит квалификация деяния. Важно отметить, что рассматриваемые деяния могут посягать только на личность - в частности, не может быть совершено в состоянии аффекта присвоение чужого имущества, мошенничество или получение (дача) взятки. Такой подход законодателя обусловлен тем, что личность, как отмечается в литературе, является значительно более важным объектом уголовно-правовой охраны, чем иные ценности [11, с. 53], с чем нельзя не согласиться.

О. Д. Ситковская делит аффекты на патологический и физиологический[12, с. 27]. При патологическом аффекте лицо полностью утрачивает контроль за своими действиями, не способен ни осознавать их общественно-опасный характер, ни руководить ими. Патологический аффект исключает вину, и лицо не подлежит уголовной ответственности. В отличие от патологического аффекта при физиологическом аффекте лицо способно отдавать отчет своим действиям, но не в полной мере, способно также руководить своими действиями, но также не в полной мере. Физиологический аффект не исключает ответственность за содеянное, но может являться признаком привилегированного состава, либо учитываться судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Понятие физиологического аффекта, рассматриваемого уголовным правом, не тождественно понятию «аффект» при психологическом подходе. Юридический подход считает преступление аффектированным в случае возникновении внезапного сильного раздражителя, вызвавшего кратковременный аффект. Примером может являться тяжкое оскорбление или насилие со стороны потерпевшего, вызвавшее состояние аффекта у виновного.

О. Д. Ситковская, анализируя посвященные аффекту статьи, выделяет следующие его признаки:

— возникло внезапно;

— вызвано насилием, издевательством или тяжким оскорблением, иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего;

— вызвано длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего[13, с. 36].

С.Л. Рубинштейн, обосновывая ответственность при аффективном действии, определяет стадию, в которой аффект может быть преодолен. «Если часто говорят, что человек в состоянии аффекта теряет голову и поэтому совершает безответственные поступки, то в известном смысле правильно обратное: человек потому теряет голову, что, отдавши себя во власть аффекта, предается безответственному действию - выключает мысль

о последствиях того, что он делает, сосредоточивается лишь на том, что его к этому действию толкает; именно самый этот процесс напряженного бездумного действия без мысли о последствиях, но с острым переживанием порыва, который тебя подхватывает и несет, он-то именно пуще всего дурманит и пьянит»[14, с. 159].

Несмотря на то, что аффект является кратковременным эмоциональным состоянием взрывного характера, условно в нем (подобно патологическому аффекту) можно выделить три стадии или фазы: зарождение и развитие аффекта, аффективную разрядку и заключительную стадию. В первой фазе аффекта возникает потребность в эмоциональной разрядке и обретении психикой оптимального состояния, которая начинает переживаться в виде эмоции, затем интенсивность эмоций быстро нарастает и при определенной ситуации молниеносно может возникнуть установка преступного поведения, которая без мотивации находит разрядку в преступном действии (вторая фаза). С.Л. Рубинштейн способность подавления аффекта связывает с первой фазой, ибо при зарождении и развитии аффекта уже дана установка преступного поведения, возможность переноса данной установки в мотивационную сферу и, вместе с тем, способность подавления аффекта. Что касается второй фазы, то есть аффективной разрядки, то она является уже реализацией установки преступного поведения, и в этот момент говорить о способности подавления аффекта будет необоснованным.

Аффект — это обычное неболезненное явление человеческой жизни. Нелегко представить взрослого человека, который никогда не испытывал подобные эмоциональные переживания. Однако не все, находящиеся в таком состоянии совершают преступление. В аффективном состоянии одни оскорбляют «виновника», другие дают ему пощечину, третьи рвут на себе одежду или ломают посуду и лишь некоторые совершают тяжкие преступления (убийства, причинение вреда здоровью и т. п.).

В момент совершения преступления в состоянии аффекта виновный направляет свои действия лишь на обидчика, а так как его сознание сужено, он не только не предвидит с полной ясностью последствий своего действия, но так же и не испытывает в момент посягательства относительно последствий никаких эмоций. Более того, после полного осознания преступного результата виновный переживает не чувство удовлетворения, а обратные эмоции.

Подводя итог, следует сказать о том, что в современном мире особенно важно использовать все имеющиеся возможности науки для создания справедливого общества, построенного на законе. Всего пару десятилетий назад считалось, что укрепление законности и правопорядка — это прерогатива права, задача исключительно юридической науки. Однако, в современном мире, накопившем богатый и суровый опыт крайностей и неудач в решении правовых проблем, все больше растет понимание того, что создание общества, основанного на праве, это проблема комплексная - политическая, социальная, нравственная и, конечно, психологическая. Ведь без учета психологических особенностей человека, человеческого фактора, психологии масс и групп, личности, невозможно добиться должного правопорядка, обеспечить безопасность общества и личности [15, с.101].

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ (ред. от 07.03.2011) // СЗ РФ. — 2011. — № 11. — Ст. 1495.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации/ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 27.02.2023).
4. Денисова, А. М. Аффект: психологический и юридический аспекты / А. М. Денисова, Ю. А. Захарова, Е. А. Русских. // Молодой ученый. — 2022. — № 16 (411). — С. 423-425.
5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. // 2-е изд. Москва: Политиздат. — 1990. — 494 с.
6. Юсупов Р. Соотношение аффекта и превышение пределов необходимой обороны / Р. Юсупов // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — С.28-32.
7. Журавель Е.Г. Психические состояния личности и их психолого-правовая оценка / Е.Г. Журавель // Юридическая психология. — 2011. — №1. — С. 2-10.
8. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права / Под общ. ред. О.В. Старкова. // Москва: Издательство-торговая корпорация «Дашков и К». — 2018. — 372 с.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 27.06.2001 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 1. С .11.
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 5 апреля 2016 года по делу № 29-АПУ16-2 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1433046 (дата обращения: 26.02.2023).
11. Грошев А.В, Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. / А.В. Грошев, И.В. Упоров // Ростов-на-Дону: Феникс.— 2006. — 571 с.

12. Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. / О.Д. Ситковская. //Москва: Юрлитреформ. — 2001. — 231 с.
13. Ситковская, О. Д. Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий / О. Д. Ситковская. — 1-е изд. // Москва: Волтерс Клувер. — 2009. — 180 с.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. / С.Л. Рубинштейн // Санкт-Петербург: Питер. — 2017. — 287 с.
15. Семик, А. А. Проблема эффективности правового регулирования в современном российском обществе / А. А. Семик // Правовое и социальное государство: вопросы теории и практики : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции преподавателей, практических работников, аспирантов и студентов // Краснодар: Краснодарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации "Российский университет кооперации". — 2015. – С. 98-101.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ, ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Харина Юлия Вячеславовна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

В Российской Федерации борьба с организованной преступностью возложена на подразделения уголовного розыска и экономической безопасности и противодействия коррупции [1, с.285]. В настоящее время состояние организованной преступности требует особого внимания, а именно реализации комплексных мер по ее предупреждению. Стоит отметить, что любая преступность, организованная преступность в том числе, изучается в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Хотелось бы отметить, что для повышения эффективности борьбы с организованной преступностью необходимо также развитие технический средств. Последнее время достаточно возросло количество проявлений организованной преступности, а также, следует указать, что эти проявления во многих случаях стали проявляться в сети Интернет, соответственно с проявлением компьютерной техники. Именно в сети Интернет люди, организовавшие данные преступления, могут найти себе соучастников, приобрести оружия преступления, выбрать объекты нападений и все т.п. На самом деле эта тема в наше время является очень актуальной и, конечно же, ее расследование необходимо для того, чтобы возможно было разобраться в данной преступности и всячески уменьшить ее количество [2, с.196].

Хотелось бы дать понятие организованной преступности, что же это такое? Организованная преступность — сложное антисоциальное явление, не имеющие государственных границ. Многие десятилетия она «сопровождает» экономическое и культурное развитие большинства стран мира, стимулируя такие пороки человеческого общества, как коррупция, мошенничество, вымогательство, торговля людьми, наркомания [3, с.153]. Становление и развитие организованной преступности в России повторило путь большинства стран мирового сообщества: разложение бюрократических структур государства, нарушение принципов социальной справедливости, выход из примитивного состояния «безналоговой» теневой экономики. Современная организованная преступность является продуктом нашей социальной, экономической и политической системы, и она может быть устранена только с преобразованием самой системы.

Первым документом в нашей стране, в котором был употреблен термин «организованная преступность» с определением данного понятия, являлась аналитическая справка «О результатах изучения разоблаченных организованных групп и выявленных формах организованной преступности в Узбекской ССР», доложенная министру внутренних дел СССР, а затем ЦК КПСС. Как только данную аналитическую справку придали огласке, а также соответствующих материалов научного исследования по теме «Совершенствование деятельности аппаратов уголовного розыска в борьбе с организованными преступными группами», тем самым на тот момент началось активное расследование организованной преступности представителями научного сообщества. На II Съезде народных депутатов СССР в 1989 году было принято постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью». В результате данного постановления существование проблемы организованной преступности было признано официально в СССР [4, с.62]. Хотелось бы отметить, что Н.Ф. Кузнецова и В.В. Лунеев отмечали о том, что не только в России, но и в других странах возникали сложности с признанием существования организованной преступности.

Также я бы хотела указать о том, что на организованную преступность также влияет искусственный интеллект. Каким же образом? В Российской Федерации последнее время все чаще указывается на то, что необходимо глубокое изучение искусственного интеллекта.

Так, 04.12.2020 Президент Российской Федерации В.В. Путин в режиме видеоконференции принял участие в основной дискуссии, посвященной искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020) на тему: «Искусственный интеллект – главная технология XXI века». В целях развития искусственного интеллекта в России Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. в Российской Федерации203. Несмотря на наличие принципа безопасности развития и использования искусственного

интеллекта, который указан в данном документе и сформулирован как «недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта», негативные последствия оказались неизбежными [5].

Искусственный интеллект постепенно все больше и больше развивается в нашей жизни В настоящее время разбираться в данной теме является необходимым навыком, имеющим большое значение в нашей жизни, потому что для людей разных профессий и специальностей, в частности в экономике, политике, бизнесе, здравоохранении, образовании, банковской деятельности, промышленности, правоохранительной сфере, а также на всех уровнях власти, искусственный интеллект является неотъемлемой частью. Сегодня наука сообщество также активно развивается в данном направлении, в том числе и учеными уголовной специализации, к примеру, по вопросам «цифровой преступности» опубликовано достаточное количество научных трудов [6, с.297].

Стоит отметить, что в настоящее время ученые начинают уделять внимание искусственному интеллекту, а именно его применению в криминальной среде. На XXI Конгрессе международной ассоциации уголовного права была обозначена тема таким образом: «Искусственный интеллект и уголовное правосудие». В рамках данной темы выделяется отдельный вопрос: «Традиционные (классические) и новые преступления: системы искусственного интеллекта как орудие и жертвы преступлений». Совет Европы учредил рабочую группу, состоящую из экспертов, которые будут заниматься материально-правовыми вопросами искусственного интеллекта и уголовного права. По результатам работы данной группы будет рассмотрена возможность принятия документа, устанавливающего стандарты по вопросам регулирования систем искусственного интеллекта [7, с.61].

При развитии искусственного интеллекта, организованная преступность также не стоит на месте и развивается. Изменяются предметы посягательства, к примеру, сейчас электронная информация, в том числе и программное обеспечение представляет интерес для большинства преступника, в то время как пару десятилетий назад в данной сфере было мало преступлений. Со временем также изменяются и способы совершения преступления, потому что все больше е количество преступлений совершаются с применением искусственного интеллекта. Одной из важнейших особенностей искусственного интеллекта является невозможность запрограммировать систему искусственного интеллекта так, чтобы она испытывала какие-либо чувства или эмоции, подобно человеку. Возможно, любая программа будет делать что-то лучше и быстрее чем человек, но она никогда не будет обладать сознанием.

Изучение российского уголовного законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии норм, направленных на защиту от общественно опасных деяний, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом [8, с.467]. Актуальность проблем совершения преступлений искусственным интеллектом зависит, прежде всего, от того, имеют ли место такие случаи и при каких обстоятельствах. Исследуемая тема не позволяет привести достаточно значимой статистики, поскольку количество совершенных преступлений, где их субъектом выступает искусственный интеллект, мало. Однако следует отметить, что развитие систем искусственного интеллекта находится на начальном уровне, как и их внедрение в различные сферы деятельности человека.

Список литературы

1. Эриашфили Н.Д. Национальная безопасность / Н. Д. Эриашвили, О. А. Миронова, Е. Н. Хазов [и др.]. // Государство и право. Юридические науки – Москва, 2018. – 287 с.
2. Абакумов О.Б. Криминальная среда (оперативно-розыскной аспект) / О. Б. Абакумов, Д. Ю. Балацкий, А. В. Богданов [и др.]. //Государство и право. Юридические науки – Хабаровск, 2019. – 289 с.
3. Богданов А.В Контрабанда наркотиков / А.В. Богданов, Н.Т. Кочукаев, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – Маскава, 2019, – С.152-156
4. Богданов А.В. Организованная преступность понятие, виды, особенности и ее характерные признаки / А.В. Богданов, И.И. Ильинский, Е.Н. Хазов // Вестник экономической безопасности. - 2017. - №4. – С.61-65.
5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 30.03.2023).
6. Русскевич, Е. А. Уголовное право и "цифровая преступность": проблемы и решения / Е. А. Русскевич. – 2-е издание. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2022. – 351 с.
7. Филатова, М. XXI Конгресс МАУП "Искусственный интеллект и уголовное правосудие" / М. Филатова, Д. Грибанова // Уголовное право. – 2021. – № 1(125). – С. 56-65.
8. Мосечкин, И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления / И. Н. Мосечкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 461-476.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППОВОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Царькова Яна Игоревна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Участие в преступлении нескольких лиц представляет, по общему правилу, повышенную общественную опасность, поскольку в основном это касается тяжких и особо тяжких преступлений. Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник. Совместная преступная деятельность имеет определенные градации, степени развития. К ее простым видам относятся случаи совершения преступлений двумя и более исполнителями без предварительного сговора и совершения преступлений лицами, заранее договорившимися об этом.

Юридический подход основное внимание уделяет характеристике противозаконной деятельности членов криминальных группировок. С точки зрения юридического подхода дефиниция организованной преступности ориентирована прежде всего на ее правовые признаки.

Такие признаки имеют, в первую очередь, выражение в нормах материального (уголовного) права – учения о соучастии [1, С. 270]. Статья 35 «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» УК РФ предусматривает четыре формы совершения преступления в соучастии:

1. Группой лиц без предварительного сговора;
2. Группой лиц по предварительному сговору;
3. Организованной группой;
4. Преступным сообществом (преступной организацией) [2].

Исходя из формулировки законодателя очевидно, что первые две формы соучастия не характеризуются высокой степенью организованности, как третья и четвертая [3, С. 170].

Следует различать групповую и организованную преступность. В качестве их основных отличий выделяют:

1. Устойчивость.
2. Более сложная внутренняя структура.
3. Наличие цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.
4. Возможность объединения двух или более организованных групп с той же целью [4, п. 2].

Организованная преступность в криминологии понимается как один из признаков преступности, означающий свойство последней проявлять себя в упорядоченных формах. Организованная преступность – это высшее проявление криминальной упорядоченности. Речь идет о явлении, которое, в силу своей сложности, многозначно трактуется как в научной, учебной литературе, так и в нормативных правовых актах.

Согласно статистическим данным за 2020 год во всех формах соучастия было совершено 57568 преступлений. Из них группой лиц по предварительному сговору было совершено 43712 преступлений, а организованной группой или преступным сообществом – 11903 преступлений. В сравнении с 2010 годом прирост преступлений, совершенных организованной группой составляет 24,4 %, что является довольно быстрым темпом роста [5].

Устойчивость является основным, ключевым признаком организованной преступности. Об устойчивости группы может свидетельствовать особый порядок вступления в неё, подчинение групповой дисциплине, стабильность её состава и организационных структур, сплочённость её членов, постоянство форм и методов преступной деятельности, узкая преступная специализация ее участников. Организованная группа может возникнуть и для совершения одного преступления, которое требует особо тщательной подготовки.

Следующим немаловажным признаком организованной преступности является иерархичность – наличие единоличного лидера, либо коллегиального органа управления. Данный признак способствует выделению такого явления, как распределение ролей и функций, как по вертикали, так и по горизонтали, что проявляется при выполнении конкретных заданий, обязанностей, а также в ролевом поведении.

Специфика организованной преступности характеризуется разнообразной преступной деятельностью. Чаще всего ведущая роль принадлежит экономическим и корыстным преступлениям, так как у организованной преступности наличествует специфическая цель – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

При этом под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п. [4, п. 2]

Под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обусловливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами [4, п. 2].

Всякая преступная группа – это неформальное объединение людей, организовавшихся в целях удовлетворения своекорыстных личных интересов и потребностей на основе преступной деятельности. Мотивы совершения преступлений могут быть и не личными, и не своекорыстными: примеров активной деятельности террористических организаций, действующих во имя религиозных и политических лозунгов, более чем достаточно. Но признаки организованности всякой группы, в том числе преступной, а также устойчивости такого объединения вполне согласуются с пониманием малой неформальной социальной группы, принятым в социальной психологии – относительно устойчивое объединение (сообщество), возникшее на основе общности поведенческих программ. Это определяет «кооперативное поведение участников группы и их солидарность в ориентации на общий успех» [6, С. 222].

Примитивная преступная группа (группа лиц без предварительного сговора), состоящая из нескольких человек, не имеет строгой иерархической организации, лидерство в такой группе может иметь ситуативный характер. Отработанность определенных способов совершения преступных деяний определяет относительную устойчивость криминального целеобразования (квартирные воры, уличные грабители, мошенники, группы несовершеннолетних правонарушителей) [7, С. 196].

Следующим видом преступных групп является группа лиц по предварительному сговору. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления [2, ст. 35].

Основным психологическим механизмом формирования преступных групп такого типа является развитие и закрепление процессов сплочения и выработки групповых преступных целей и ценностей в преступных группах типа «компания правонарушителей», в случае если преступление, совершённое случайным образом, остаётся безнаказанным, что провоцирует на повторное и многократное совершение подобных преступлений [8, С. 107]. В такой группе преступная деятельность становится основным видом деятельности.

Об организованности и структурном строении может идти речь лишь в отношении относительно многочисленного объединения людей. Двое не могут организоваться, они могут лишь объединиться [6, С. 223].

Стабильно структурированная преступная группа, состоящая из десяти и более человек, уже обладает иерархической структурой, функциональным распределением групповых ролей, устойчивой криминальной сплоченностью, строгим единоначалием, приверженностью криминальной субкультуре. Преступный промысел тщательно планируется, имеются разветвленные межгрупповые связи, налажены информационная служба, сокрытие, маскировка и уничтожение следов преступлений. В структуре группы выделяется первичная группа (ядро группы), состоящая из профессиональных преступников, владеющих устойчивыми криминально профессиональными навыками.

Такие группы относительно автономны и не имеют, как правило, коррумпированных связей. Они не имеют постоянных доходных точек и постоянно контролируемой территории. Однако их преступная деятельность отличается высоким профессионализмом, групповой сплоченностью, жестокостью (банды, шайки) [7, С. 196].

Отличительной особенностью организованной преступности является ее внедренность в «тело социума» – в аппарат административно-государственного управления вплоть до высших эшелонов власти. Это усугубляет ее общественную опасность – организованная преступность наносит ущерб устоям государственного управления, существенно влияет на массовое правосознание, подрывает возможности функционирования правового государства, цивилизованных экономических отношений [7, С. 197].

На активизацию организованной преступности влияют такие явления, как снижение жизненного уровня населения, дальнейшая его имущественная дифференциация, ослабление властных и управленческих структур, резкая политизация общественной жизни, снижение доверия к официальным институтам государства.

К основным причинам объединения в такие группы относят:

а) невозможность совершить преступление без «объединения»;

б) общность преступных интересов;

в) личные симпатии;

г) общие убеждения и нормы поведения, аналогичные дефекты правосознания и т. д.

Распределение ролей в группе происходит с учетом следующих критериев:

а) волевые качества;

б) организаторские способности;

в) авторитетность и инициативность лидеров;

г) конформизм, безволие, склонность к пьянству второстепенных членов [6, С. 242].

Субъект организованной преступности целенаправленно деформирует социальные структуры, приспосабливает их к своей преступной деятельности, коррумпирует хозяйственные и правоохранительные органы. Автор приходит к выводу о том, что динамика роста групповой и организованной преступности стремительно растет. Наиболее частой сферой совершения указанных преступлений является коррупционная. Наименьшим количеством отличается сфера оборонно-промышленного комплекса.

Список литературы
1. Клейменов М. П. Криминология: учебник / М. П. Клейменов. – 3-е изд., перераб. и доп. – 2018. – 400 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
3. Козловская, М. Г. Групповая и организованная преступность / М. Г. Козловская // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 4(57). – С. 170-174.
4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // БВС РФ. – № 8. – 2010.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Статистические данные [Электронный ресурс] // URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/1776722 (дата обращения: 10.03.2023).
6. Криминальная психология. Хрестоматия: пособие / сост.: И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск: БГУ, 2018. – 270 с.
7. Криминальная психология: методологические и концептуальные аспекты: учебное пособие / О. А. Ахвердова, Н. Н. Волоскова, Н. И. Медведева, М. С. Шашкова. – Ставрополь: СтГМУ, 2020. – 324 с.
8. Криминальная психология: Учебное пособие / А. А. Рожков, И. Ю. Кобозев, А. И. Семакова [и др.]; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 124 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шебентова Яна Олеговна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Право на свободу закреплено в ч. 1 ст. 22 Конституции РФ и, в той или иной мере, обеспечивается всеми отраслями российского законодательства. Особое место в охране свободы человека принадлежит уголовному праву и, в частности, ст. 126 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за похищение человека.

За последние десять лет наблюдается некоторая стабилизация и даже снижение зарегистрированного количества совершённых похищений людей. Так, по статистическим данным МВД РФ в 2012 году в России было зарегистрировано 512 (-1,5%) случаев похищения человека, в 2013 г. - 442 (- 13,7 %), в 2014 г. - 369 (-17,4%), в 2015г.- 391 (+7,1%), в 2016г.- 351 (-11,4%), в 2017г.- 374 (+6,6%), в 2018г.- 378 (+1,1%), в 2019 - 351(-7,1%), в 2020г.- 411(+17,1%), в 2021г. - 382 (-7,1%), в 2022г. - 393 (+2,9) [1].

Несмотря на наметившуюся тенденцию снижения количества совершаемых похищения людей, похищение человека продолжает оставаться одним из самых опасных преступлений, посягающих на свободу человека. Похищение почти всегда совершается с применением насилия и, как правило, сопровождается причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и даже его убийством, вымогательством и получением крупных сумм выкупа.

Как свидетельствует судебная и следственная практика, похищение человека относятся к числу тех преступлений, которые вызывают наибольшие трудности при их расследовании и юридической квалификации.

В процессе расследования похищений людей нередко приходится сталкиваться с необходимостью отграничения похищения человека от незаконного лишения свободы и от захвата заложника.

Немало вопросов возникает в связи с толкованием и вменением квалифицирующих признаков, предусмотренных частью 2 и частью 3 ст. 126 УК РФ. Ещё больше проблем испытывают сотрудники правоохранительных органов при применении примечания к ст. 126 УК РФ и освобождении лица, совершившего похищение человека, от уголовной ответственности.

Одной из ключевых проблем, возникающих при квалификации похищения человека, мы считаем отсутствие описательной диспозиции в структуре уголовно-правовой нормы, предусмотренной частью первой статьи 126 УК РФ. В связи с тем, что в действующем Уголовном кодексе РФ понятие похищения человека не определенно, в научной литературе можно встретить различные точки зрения по поводу его содержания, что, конечно же, не способствует единообразию и стабильности судебной практики.

Так, И.В. Лапин указывает: «Похищение человека – есть общественно опасное умышленное действие, направленное на удаление человека с места его постоянного пребывания и насильственное удержание в неизвестном для его близких и правоохранительных органов месте» [2].

Д.С. Поляков считает: «Под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте» [3]. Д.С. Поляков особо оговаривает, что в похищении человека необходимо выделять три составляющие: захват потерпевшего, его перемещение в иное место и насильственное удержание в этом ином месте.

Аналогичного мнения придерживаются А.А. Чугунов и Е.А. Хлебницина, которые пишут: «Похищение человека – это противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте» [4]. С Д.С. Поляковым, А.А. Чугуновым и Е.А. Хлебниciной солидарны А.В. Бачиева и В.А. Гаужаева. Они указывают: «Похищение человека, как известно, состоит в открытом или тайном захвате живого лица, которое помимо своей воли перемещается из места его постоянного или временного пребывания в иное по усмотрению похитителей место, где оно с определенной целью насильственно удерживается» [5].

Б.Д. Завидов констатирует: «Похищение человека состоит в открытом, тайном или с помощью обмана захвате живого лица, которое перемещается из места его постоянного или временного пребывания в иное по усмотрению похитителей место, где оно с определенной целью насильственно удерживается» [6].

Ю.А. Власов, О.А. Михаль определяют похищение человека как «лишение его возможности свободно перемещаться в пространстве по своему усмотрению» [7].

С. Ш. Биченова, определяя признаки объективной стороны похищения человека, указывает: «В качестве обязательных элементов объективной стороны состава похищения человека, непосредственно определяющих квалификацию преступного деяния, выступают три последовательно совершаемых действия преступника: завладение (захват) живым человеком, перемещение в место, не являющееся местом его привычного нахождения, неизвестное близким похищенного и иным заинтересованным в его освобождении лицам; насильственное удержание его в таком месте» [8].

Н.Г. Кадников содержание похищения человека сводит сводит к одному действию. Он пишет: «Похищение человека есть перемещение его из постоянного или временного места обитания в другое против или помимо его воли» [9].

В.Г. Шумихин полагает, что «похищение человека - есть лишение его возможности свободно перемещаться в пространстве по своему усмотрению» [10].

Л.Л. Кругликов утверждает: «Похищение человека представляет собой умышленное изъятие и перемещение человека вопреки его воле из естественной для него социальной среды в иное место с намерением содержать его в определенное время в неволе» [11].

А.В. Наумов толкует похищение человека следующим образом: «Похищение человека – есть преступное деяние, которое включает как бы два элемента: похищение и лишение свободы, которые находятся в идеальной совокупности, поскольку похищение одновременно является и лишением свободы» [12].

Достаточно ёмкое и в то же время лаконичное определение похищения человека сформулировал Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений: «Под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [13].

При квалификации похищения человека следует иметь в виду, что состав этого преступления будет отсутствовать, если действия по похищению человека совершались с единственной целью - совершить другое преступление (например, убийство, изнасилование и т.п.), поскольку в таком случае похищение человека является составной частью объективной стороны другого преступления, своеобразным способом его совершения.

Основное и определяющее отличие похищения человека от незаконного лишения свободы проявляется в признаках, относящихся к объективной стороне этих составов преступлений. В отличие от похищения человека, при незаконном лишении свободы перемещение потерпевшего в другое место отсутствует, а происходит удержание его в том месте, где он оказался по своей воле.

Принципиальное отличие похищения человека от захвата заложника проявляется в признаках, относящихся к субъективной стороне этих составов преступлений. В отличие от похищения человека, обязательным признаком субъективной стороны захвата заложника является специальная цель - понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условие освобождения заложника.

В интересах освобождения похищенного, сохранения его здоровья и даже жизни законодатель сконструировал примечание к ст. 126 УК РФ, в котором предусмотрел, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления

Это законодательное положение имеет важное предупредительное значение. Вместе с тем, как нам представляется, формулировка примечания к ст.126 УК РФ не лишена недостатков. В ней чрезмерно широко представлены возможности освобождения виновного от ответственности. Толкование содержания примечания к ст. 126 УК РФ позволяет сделать вывод, что освобождение лица от уголовной ответственности за похищение человека не зависит от срока содержания потерпевшего в неволе, а также от достижения похитителями поставленной цели. Кроме того, из содержания примечания не ясно, будет ли лицо, добровольно освободившее похищенного, но совершившее иное преступление, освобождаться от уголовной ответственности за похищение человека или нет.

С целью разрешения обозначенных проблем и улучшения регламентации уголовной ответственности за похищение человека предлагается внести в уголовный закон следующие дополнения и изменения:

1. Вместо простой диспозиции сконструировать описательную диспозицию уголовно-правовой нормы, предусмотренной в части первой статьи 126 УК РФ.

На наш взгляд, содержание данной диспозиции необходимо сконструировать в следующем виде: «Похищение человека, то есть противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным, открытым или с помощью обмана завладением живым человеком, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе».

2. Используя швейцарский опыт конструирования квалифицированных составов похищения человека, дополнить ч. 2 ст. 126 УК РФ пунктом «к», в котором предусмотреть в качестве квалифицирующего признака - содержание похищенного в неволе более 1 месяца.

3. Изменить содержание примечания к статье 126 УК РФ.

На наш взгляд, при конструировании примечания к ст. 126 УК РФ необходимо учесть опыт уголовно-правового регулирования в странах дальнего зарубежья, где, как правило, не исключается полностью уголовная ответственность при добровольном освобождении похищенного, а лишь смягчается в зависимости от продолжительности содержания потерпевшего в неволе и достижения поставленных виновными целей.

В этой связи представляется необходимым изложить примечание к ст. 126 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление, если оно удерживало потерпевшего в неволе не более 24 часов и добровольно отказалось от достижения незаконно поставленных целей. Освобождение потерпевшего по истечении 24 часов либо после достижения поставленной виновным цели учитывается судом в качестве смягчающего наказание обстоятельства».

Список литературы

1. Состояние преступности в России за 2012-2022 годы. - [Электронный ресурс].- Режим доступа: URL: http://www.mvd.ru (дата обращения: 15.03.2022).
2. Лапин И.В. Похищение человека: проблемы определения объективной стороны и отграничения от захвата заложника // Уголовное право. – 2016. - № 2. – С.49.
3. Поляков Д.С. Объективные и субъективные признаки похищения человека // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. - № 3. – С. 104.
4. Чугунов А.А., Хлебницина Е.А. Особенности объективных признаков похищения человека // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. - № 1(28).- С. 119.
5. Бачиева А.В., Гаужаева В.А. Анализ содержания понятия похищение человека // Журнал правовых и экономических исследований.- 2010.- № 1. – С. 35.
6. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против свободы, чести и достоинства личности. М., 2003.- С. 16.
7. Власов Ю.А., Михаль О.А. Квалификация похищения человека: теория и практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.- С. 23.
2. Биченова С.Ш. Объективная сторона похищения человека // Апробация. – 2014. - № 9. – С.138.
3. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М., 2003.- С. 27.
4. Шумихин В. Г. Квалификация насильственных посягательств на жизнь, здоровье и свободы человека. – Пермь, 2009.- С. 69.
5. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.- С. 97.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций.- В 3-х Т. Т.2. Особенная часть.- М.: Волтерс Клувер, 2011. – С.203.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верх Суда РФ.- 2020.- № 3.- С. 17.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕДОФИЛА

Шебентова Яна Олеговна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время борьба с педофилией является одним из приоритетных направлений уголовной политики России. Это связано с особенностями личности виновных лиц и высокой степенью их общественной опасности, что увеличивает риск рецидива.

Педофилия – это ситуация, в которой несовершеннолетний подвергается сексуальному насилию со стороны взрослого. Это включает в себя все типы поведения или поведения, в которых несовершеннолетний используется в качестве сексуального объекта, используя разницу в зрелости, возрасте или способностях между несовершеннолетним и другим субъектом.

Согласно российскому уголовному законодательству (статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации), основное наказание за изнасилование несовершеннолетней или насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) может составлять, в зависимости от возраста потерпевшего (потерпевшей) и других обстоятельств, от 8 до 20 лет лишения свободы и пожизненное лишение свободы. Допускается также применение в качестве дополнительных наказаний ограничения свободы и лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 20 лет [1].

В целом, эти субъекты, как правило, сохранили умственные способности, будучи способны на когнитивном уровне различать, что хорошо, а что нет. Вот почему они считаются полностью осведомленными и ответственными за свои действия и, следовательно, подотчетными.

Согласно МКБ-10 (F65.4), человек с сексуальным интересом к детям может быть признан психически больным, если он действует в соответствии с педофильными побуждениями или страдает от них не менее шести месяцев [2]. В соответствии с DSM-5, в зависимости от предпочтения объекта, различают гетеро-, гомо-, би- сексуальную педофилию. Причинами развития педофилии могут быть пренатальные нарушения, черепно-мозговые травмы, которые отражаются на базовой идентичности, и, как следствие, нарушение психосексуального онтогенеза (формирование: половой идентичности, полоролевого поведения, психосексуальной ориентации).

Педофилия способна развиваться с течением времени, особое влияние на это оказывает увлечение индивидом детской порнографией. Педофилы отличаются не сформировавшийся гендерной идентичностью и не развитой психосексуальностью. Как правило, лица с выявленной склонностью к педофилии не применяют реальное физическое насилие, такое поведение более характерно социапатам и лицам с личностной регрессией (психологическая защита в виде «возврата» в детство), которыми движет садизм [3].

В 2020 году было совершенно 15 тыс. 822 преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что на 7,2% больше, чем в 2019 году, на 79% больше, чем в 2012 году. Из 15 тыс. 822 преступлений 47% (7 тыс. 439) преступлений совершены в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста. При этом 21,5% (3 тыс. 30) преступлений были совершены членом семьи, из которых 31% - непосредственно родителем (937 преступлений) [5].

Рассмотрим психологические причины:

1. Постоянные унижения (особенно со стороны матери) в семье;

2. Переживание депрессии, тревожных расстройств, появления суицидальных мыслей в подростковом возрасте;

3. Переживание негативного психического состояния - одиночества, расстройства межличностного общения;

4. Сексуальное насилие в детстве, которое приводит к феноменам «жертва-насильник» или «жертва-обидчик»;

5. Зависимое поведение: патологические гэмблинг, интернет-зависимость и т.п.;

6. Неуверенность в себе в сочетании с чертами пассивно-агрессивного расстройства личности;

7. Сочетание психастенических, истероидных, астенических типов расстройств личности, с акцентуациями характера тех же типов и синдромом зависимости от алкоголя;

8. Половая несостоятельность, психосексуальный инфантилизм, задержка психосексуального развития;

9. Неудачный половой акт, сексуальные фрустрации, вызвавшие сексуальные фобии.

Попытки классифицировать поведение и установить базовый профиль педофила и педофила привели к разработке некоторых типологий в этом отношении. В частности, было отражено наличие двух основных типов.

1. Ситуативный или случайный педофил.

Этот тип сексуального насильника не ограничивается сексуальностью несовершеннолетних, часто имея партнера, с которым он может установить нормальные отношения. Этот тип личности не имеет особых предпочтений к одному типу жертв, но использует возможности для совершения злоупотреблений.

Педофилы этого типа нередко также подвергались жестокому обращению в детстве. Это наиболее частый тип педофилов, который чаще всего нападает на членов одной семьи.

2. Преференциальный педофил.

У этих типов педофилов, как правило, больше жертв. Они устанавливают ряд характеристик, которые привлекают их больше, чем другие, и, как правило, их жизнь больше связана с поиском объекта их желаний.

У них обычно нет партнера, а если и есть, они используют его в качестве прикрытия и обычно стремятся посвятить себя или располагаться поблизости от мест, где есть доступ к несовершеннолетним. Они склонны к более компульсивному поведению, чем ситуативное.

Особенностью сексуально-прессингового преступление можно выделить, фактически полное отсутствие физического насилия. Преступников в данной группе делят на тех, кто привлекает с помощью необоснованных подарков или использует методы обольщения и убеждения. При совершение сексуально-силовых преступлений, педофилы используют приемы физического принуждения. Такие преступления разделяют на эксплуатирующие, когда ребенок служит средством для удовлетворение сексуальных

потребностей или объектом, над которым обретают власть, в другом случае – садистскими, получающие удовольствие в причинение боли и унижения [3].

При анализе личности педофила стоит выделить характерные черты, личностная незрелость, болезненная эмоциональность, трусость. Обычно, это слабый индивид с повышенной жалостью к себе. Педофилы могу вести открытую социальную жизнь, но чаще это скрытные люди. Супружество чаще всего возникает по расчету или долгу. Характерно умение прекрасно манипулировать ситуацией и психикой, обаятельны и добры, имеют хорошие актерские способности и чувство юмора. Описанные черты, взрослый человек замечает после возникновения личностных отношений с лицом больным педофилией, безжалостное отношение к детям, трусость и эгоцентризм. В основном, люди с выраженной зависимостью, которые обладают неконтролируемым сексуальным влечением.

Имеется прямая зависимость между злоупотреблением алкоголем и педофильными действиями. Половина развратных действий совершается преступниками в состоянии алкогольного опьянения, при этом в некоторых случаях преступник до состояния опьянения доводит и жертву. Иногда преступник пользуется изначальным опьянением жертвы. Это необходимо учитывать, решая вопрос об ответственности за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения.

Объектами внимания педофилов могут быть дети родственников, соседей, друзей, знакомых. Нередки и случайные знакомства, особенно с детьми из неблагополучной среды, с откровенно проституирующими детьми, среди которых встречаются воспитанники детских домов обоих полов, чаще девочки.

Психологический портрет педофила в целом таков: это пугливый, болезненно эмоциональный человек с личностной незрелостью. Человек слабый, но с проявлением импульсов упрямства и обладающий высокой степенью жалости к себе. Ведущий часто отстраненный, скрытный образ жизни, но и в то же время способен вести активную социальную жизнь и занимать социальную должность в обществе.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) /Изменения, внесенные Федеральным законом от 03.04.2023 N 111-ФЗ, вступают в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru - 03.04.2023).
2. Ефременко Д. М. Педофилия как составляющая часть личности преступника при расследовании насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних // Уголовное право. 2017. № 1.
3. Иванов А.В. Социально-психологические особенности лиц, совершающих изнасилования малолетних // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXIII международной научно-практической конференции. 2015.
4. Скинайя Козимо. Педофилия и психоанализ// Изд-во: Psyllabus., – 2021. – с.429
5. Более 15 тыс. сексуальных преступлений против детей было совершено в 2020 году [Электронный режим]. Точка доступа: https://tass.ru/obschestvo/11517095 (дата обращения 15.04.2023).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХАЛАТНОСТИ

Шемякина Виктория Олеговна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Анализ криминальной ситуации в стране демонстрирует, что в последние годы халатное отношение должностных лиц к своим обязанностям стало особо распространённым явлением, повлекшим за собой глобальные нарушения в работе предприятий и организаций, нанесение крупного ущерба государству, причинение тяжкого вреда здоровью и гибель граждан.

Халатность является не типичным преступлением среди должностных преступных посягательств. Но, вместе с тем, это деяние является неотъемлемым звеном в единой цепи должностных преступлений, противодействие которым обеспечивает в целом внутренний суверенитет публичной власти, защиту человека и иных ценностей от недобросовестной деятельности её представителей.

Несмотря на то, что проблема уголовной ответственности за халатность является достаточно разработанной в уголовно-правовой науке, многие ее аспекты и сегодня остаются дискуссионными; в частности, в теории и на практике неоднозначно разрешается вопрос квалификации преступления, предусмотренного ст. 293 Уголовного кодекса РФ.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению существующих проблем и путей их решения, следует остановиться на общей уголовно-правовой характеристике указанного преступления.

Легальное понятие халатности гласит, что халатность есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или

существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 293 УК РФ) [1].

Судебная практика также солидарна с законодательной трактовкой, то есть суды определяют сущность халатности в соответствии со ст. 293 УК РФ (Например, Апелляционное Постановление Красноярского краевого суда № 22-3009/2019 [4], Апелляционное Постановление Верховного суда Республики Дагестан № 22-475/2019 [3]).

При определении родового и видового объекта халатности, необходимо исходить из того, что ст. 293 УК РФ «халатность» входит в главу 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая называется: «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Сама же глава включена в раздел 10, посвященый преступлениям против государственной власти, и выходит что, родовым объектом халатности будет: осуществление государственной власти. А видовым объектом халатности: выступают интересы государственной и муниципальной службы в осуществлении нормальной их деятельности. С названием видового объекта, исходя из главы 30, не все согласны. Поскольку некоторые авторы, например, Е.Ю. Архипов, считают, что название главы не полностью раскрывает объект посягательства преступления – халатности [5].

Основным объектом преступления принято считать нормальную деятельность следующих органов: государственных, муниципальных, государственных корпораций, а также ещё к объекту относят аппараты управления в Вооруженных Силах РФ, воинских формированиях и других войсках Российской Федерации. Общественные отношения, непосредственно связанные с реализацией прав и законных интересов государства, организаций, граждан и общества в целом - относятся к дополнительному объекту.

Как отмечает И.В. Дворянсков, объективная сторона данного деяния предполагает неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [8].

Состав преступления, предусмотренный ст. 293 УК РФ, имеет материальную конструкцию. Последствия халатности могут иметь имущественный, физический или организационный характер. Между халатным поведением и наступившими неблагоприятными последствиями должна быть установлена причинно-следственная связь. Халатность может выражаться как в действии, так и в бездействии. Бездействие состоит в неисполнении должностным лицом своих служебных обязанностей, а действие — в их ненадлежащем исполнении. При решении вопроса о вменении состава халатности требуется установление круга полномочий должностного лица, а также конкретных служебных действий, которые оно обязано было выполнить.

Субъективная сторона – неосторожная форма вины в виде легкомыслия или небрежности. В данном случае обязательным признаком является недобросовестность или небрежное отношение к службе. Если действия были совершены намеренно, то они квалифицируются в соответствии с другой статьей УК РФ.

Субъект преступления – специальный, должностное лицо. Понятие должностного лица содержится в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Для привлечения лица к ответственности, в первую очередь, надо выяснить, какие действия лицо было обязано выполнять в силу должностных полномочий, которые, в свою очередь, указаны в нормативно-правовых актах, должностных инструкциях, предписаниях и т.п. Также надо установить имело ли лицо реальную возможность действовать добросовестно, качественно и своевременно. Если у лица не было такой возможности, то лицо не подлежит уголовной ответственности.

По справедливому замечанию П.А. Врублевской, одной из важных проблем данного преступления является разграничение халатности (ст. 293 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [6]. Оба преступления могут быть совершены как при реализации властных, организационно распорядительных, административно хозяйственных полномочий и служебных обязанностей, так и путем бездействия.

Различие указанных составов необходимо проводить по следующим признакам:

1) Обязательным признаком состава злоупотребления должностными полномочиями является корыстный мотив или мотив иной личной заинтересованности.

В составе халатности мотив не имеет юридического значения, в большинстве случаев он даже не устанавливается, так как халатность относится к неосторожным преступлениям.

2) При совершении такого преступления как халатность должностное лицо самонадеянно рассчитывает на предотвращение последствий или даже вообще не предвидит их. Напротив, при злоупотреблении должностных полномочий лицо преступает закон намеренно, предвидя реальную возможность наступление общественно опасных последствий.

Подобные правила разграничения предусмотрены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В п. 15 указанного постановления говорится: «Под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ) судам следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и

объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями…Ответственность по статье 285 УК РФ наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства [2].

Следующей серьезной проблемой вменения состава халатности, как отмечает В.А. Клепикова, является то обстоятельство, что, чаще всего, неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе не становится и не может стать причиной указанных в статье общественно опасных последствий, в частности крупного ущерба [7].

С указанной точкой зрения нельзя не согласиться, ведь если материальный ущерб учреждению причинён его руководителем, совершавшим в течение определённого периода хищение вверенного ему имущества, то этот же ущерб нельзя вменить в качестве общественно опасного последствия ревизору, который, халатно относясь к своим обязанностям, это преступление вовремя не выявил, многократно проводя в учреждении ревизию.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. – 2009. – № 207.
3. Апелляционное Постановление Верховного суда Республики Дагестан № 22-475/2019 от 23 апреля 2019 по делу № 22-3009/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/pVvZqQxLvpUK/ (дата обращения: 24.02.2023).
4. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22- 3009/2019 от 11 июня 2019 года по делу № 22-3009/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/uNiCMo2v3UHP/ (дата обращения: 24.02.2023).
5. Архипов Е. Ю. Проблема определения объекта преступления халатности // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – №. 36. – С. 563-567.
6. Врублевская П. А. Уголовно-правовая характеристика и актуальные проблемы халатности // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1. – №. 3. – С. 53-59.
7. Клепикова В. А. Халатность: уголовно-правовая характеристика и современные проблемы квалификации // Актуальные проблемы российского права на современном этапе. – 2020. – С. 50-53.
8. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Дворянскова. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 583 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Шемякина Виктория Олеговна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Паршина Ирина Михайловна – научный руководитель, старший преподаватель

Исходя из текста Конституции РФ следует, что Российская Федерация избрала для себя путь правового государства, что непременно повышает требования к соблюдению принципа законности в деятельности органов власти [1].

Как отмечает С.А. Лукьянчикова, в настоящее время активное использование в уголовном процессе для соответствия его принципам результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу не получило достаточного развития, свойственного столь важному правовому институту, что зачастую отрицательно влияет на обеспечение прав и законных интересов граждан [7].

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемных вопросов использования результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании, необходим охарактеризовать само доказывание. Из смысла ст. 73 и 85 УПК РФ, сущность доказывания кроется в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления следующих обстоятельств, элементов, предмета доказывания: события преступления, виновности лица в его совершении, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, характера и размера вреда, причиненного преступлением, обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, способных повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также обстоятельств получения имущества подлежащего конфискации [2].

Источниками доказательств могут выступать любые сведения, на основании которых органы предварительного расследования и суд в порядке, определяемом УПК РФ, устанавливают обстоятельства дела.

Важная черта доказательства – наличие единства сведений и процессуального источника. То есть содержанием доказательств являются сведения, информация, зафиксированная в установленном законом порядке.

При этом, законодатель не закрепляет результаты оперативно-розыскной деятельности в перечне доказательств, что обусловлено спецификой такой деятельности, её негласным характером, отсутствием, как указывает А.Н. Халиков, в ней целей доказывания [9]. Таким образом, собранные оперативно-розыскным путем фактические данные сами по себе, без их получения и подтверждения в уголовно-процессуальном порядке доказательствами не являются. Следовательно, результаты оперативно-розыскной деятельности наделены лишь статусом сведений об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства, могут стать доказательствами после их надлежащего процессуального оформления.

Правовая основа использования результатов оперативно-розыскной деятельности представлена УПК РФ и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности. Под результатами оперативно-розыскной деятельности, согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ понимаются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в свою очередь, указывает несколько направлений использования результатов оперативно-розыскной деятельности, в том числе в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ [3]. Ст. 89 УПК РФ также указывает, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Разъясняя указанные положения, Верховный Суд РФ в своем постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанные «с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных Федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» (п. 14)[5]. Из указанного постановления следует, что результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть приобщены к материалам уголовного дела, но силу доказательств приобретают только после их соответствующей проверки и оценки.

Тем не менее, на сегодняшний день отсутствует правовая определенность, единая судебная практика по данному вопросу.

Во-первых, как указывает А.А. Михайлов, результаты оперативно-розыскной деятельности воспринимаются как абсолютно объективные и осмысленные сведения. Однако не всегда данная информация является строгой и объективной по ряду внутренних причин, таких как: некорректность, неполнота информации или её лишь предположительность [8].

Во-вторых, согласно ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», известно, что оперативная информация, а также пути и способы ее получения относятся к сведениям, составляющим государственную тайну. Из этого следует, что в случае допроса оперативного работника ему нельзя задавать вопросы, касающиеся организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» создает противоречие УПК, формируя правовую коллизию, порождающую проблему, рассматриваемую в статье.

В-третьих, данные доказательства всегда имеют формализованный вид. Таким образом, результаты ОРД приходится воспринимать уже в обработанном виде, без возможности оценки путей и способов их получения, что позволяет говорить о невозможности полноценного применения результатов данной деятельности в доказывании по уголовным делам.

Отдельного внимания заслуживают выделяемые С.А. Давыдовой проблемы, связанные с пробельностью законодательства об оперативно-розыскной деятельности. В частности, инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности допускает возможность представления материалов и документов, полученных при проведении ОРМ, не в полном объёме (оригинале), а в копиях (выписках), с переносом наиболее важных частей (разговоров, сюжетов) на единый носитель с обязательным указанием об этом в рапорте [4]. Как отмечает исследователь, указанное положение в случае отсутствия соответствующего сообщения в рапорте дает возможность искажать фактические обстоятельства произошедшего события. При этом орган расследования лишён возможности незамедлительно проверить достоверность предоставленной ему информации, так как именно он на стадии возбуждения уголовного дела может оценивать доказательства на предмет относимости и допустимости, в том числе по своему внутреннему убеждению [6].

Время предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в следственный орган действующим законодательством вообще не регламентировано. При задержании субъекта преступления с поличным предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности в кратчайший срок вызвано

необходимостью своевременного принятия решения о возбуждении уголовного дела и избрания фигуранту меры пресечения, а искажение обстоятельств, неверное трактование их оперативным подразделением, отсутствие достаточных оснований, может привести к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности, а как следствие к реабилитации, что отрицательно сказывается на имидже полиции как органа в целом.

Вышеуказанные пробелы в законодательстве приводят к отсутствию единой правоприменительной практики; ущемляют права участников уголовного судопроизводства; затрудняют оценку доказательств полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий и как результат приводят к признанию доказательств недопустимыми.

Все вышеизложенные доводы приводят нас к достаточно радикальному, но тем не менее единственному выводу, отвечающему не научной утопии, а реальным потребностям правоприменения. Единственно возможный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления. По крайней мере, ни одному специалисту, работающему в данном направлении, до настоящего времени не удалось сконструировать какой-либо иной действенный и эффективный способ формирования доказательств, основанных на сведениях, полученных в ходе непроцессуальных мероприятий.

Отдельное внимание в таком случае необходимо уделить совершенствованию Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в частности необходимо: продекларировать понятие каждого оперативно-розыскного мероприятия, порядок его проведения, обязательных его участников, их права, обязанности и ответственность. Порядок передачи результатов оперативно-розыскной деятельности также необходимо регламентировать отдельной главой в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», где в числе требований предъявляемых к результатам оперативно-розыскной деятельности регламентировать срок их предоставления в следственный орган.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 17.02.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
4. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. – 2013. – № 282.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. – 1995.
6. Давыдова С. А. Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам коррупционной направленности // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №. 6 (186). – С. 136-138.
7. Лукьянчикова С. А., Андреев М. А. Использование результатов ОРД в доказывании //Современное уголовно-процессуальное право-уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 2. – №. 1. – С. 8-12.
8. Михайлов А. А., Апрелева А. А., Рогава И. Г. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам и пути их решения // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. – 2018. – С. 297-298.
9. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. — 3-е изд. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. — 332 с.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Штерцер Константин Евгеньевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Витюк Владимир Васильевич – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Оценивая значение криминологии в системе уголовно-правовых наук, считается неприемлемым её недооценивать: функции науки криминологии позволяют всесторонне проанализировать доступные

статистические данные преступности, сведения о личности преступника, причинах и условиях преступности, методах и средствах её предупреждения.

В различные исторические периоды выдающиеся мыслители, философы, ученые, государственные деятели пытались объяснить причины преступного поведения лиц, выявить особенности личности преступника и на этой основе предложить обществу (в частности - лицам, осуществляющим защиту общества от преступных деяний) эффективные меры профилактики (сдерживания) криминальных проявлений. При этом теоретическое восприятие проблемы борьбы с преступностью прошло путь от древних религиозных представлений, философских концепций различных эпох, до современного научного осмысления с позиции специальной отрасли знаний – криминологии.

Под криминологии следует понимать учение о преступности, ее причинах и условиях, личности преступника, механизм его преступного поведения, объекте посягательства, предупреждении и противодействии современным видам преступных деяний. Изучение данной науки – важный элемент профессионального «фундамента» (подготовки), в первую очередь, юриста, а также педагога, психолога, экономиста, эколога, медицинского работника и даже архитектора – данный перечень не является закрытым.

Всё-таки, какие средства, способы и методы противодействия, а также предупреждения, основанные на функциях криминологии, предлагает криминологическая наука? В научных трудах учёных-криминологов существует множество точек зрения касаемо исследуемой проблематики. Под ключевыми функциями криминологии понимаются ее социальное назначение и роль в предупреждении (профилактике) преступлений. Функции криминологии подразделяются на общие и специальные. Отдельно следует говорить о функциях учебной дисциплины. Рассмотрим общие функции криминологии.

Гносеологическая (она же - познавательная) – заключается в формировании системы знаний о феномене преступности, ее природе, закономерностях и системе, причинах и условиях, развитии, а также о связи преступности с иными негативными (фоновыми) социальными явлениями.

Теоретико-методологическая – данная функция способствует разработке методологии, методов и инструментария криминологических исследований, техник и процедур мониторинга преступности, оптимальных приемов работы по предупреждению (профилактике) преступности. Данная функция криминологии позволяет проводить оценку научной состоятельности и достоверности криминологических исследований и разработок, а также обеспечивает взаимодействие криминологии с другими гуманитарными, общественными и правовыми науками.

Производительная – выражается в получении новых знаний о преступности и закономерностях ее проявлений, личности преступника, причинах и условиях преступности, о месте жертвы (объекта посягательства) преступления в криминогенной ситуации и механизме индивидуального преступного поведения.

Профессионально-ориентирующая – заключается в формировании непримиримого отношения к явлениям преступности, развенчании криминальной субкультуры и психологии в глазах общества, формировании профессионального мировоззрения юриста, гуманитарной и юридической культуры, оказание помощи в уяснении проблем и задач профессиональной деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности, в предупреждении и профилактике преступлений.

Организующая – данная функция позволяет направлять и систематизировать сбор необходимой криминологической информации, данных статистики и учетов, определять выбор направлений криминологических исследований преступности в целях разработки мер ее предупреждения и профилактики, организовывать мониторинг преступности, практики применения мер борьбы с преступностью и эффективности предупредительной деятельности, обеспечивать понижения «цены» преступности, организации мер социального контроля предпреступного, преступного и постпреступного поведения.

Аксиологическая – позволяет проводить оценку антисоциальной природы преступного поведения, асоциальной направленности личности преступника, определять связь мер борьбы с преступностью с правопорядком, социальными ценностями, правами и свободами граждан и установленными законом интересами общества и государства.

Культурно-воспитательная – способствует сохранению и передаче морально-нравственных, этических и духовных основ практической деятельности в сфере борьбы с преступностью, организации предупреждения (профилактики) преступлений.

Аналитическая – опережающее определение тенденций и закономерностей преступных проявлений, планирование мер противодействия преступности, ее предупреждения и профилактики, ресурсного обеспечения направлений этой деятельности [1].

Также выделяются специальные функции, присущие криминологической науке; рассмотрим их более детально.

Информационно-аналитическая функция криминологии обеспечивает необходимую методологическую основу криминологических выводов по результатам проведённых исследований и практических рекомендаций по предупреждений (профилактике) преступлений.

Прогностическая – оценка состояния и тенденций преступности в мире, Российской Федерации, других странах и регионах, разработка криминологических прогнозов преступности на локальном и региональном уровнях с учетом их многовариантности, оценка глобализации и масштабов трансграничной преступности на

международном уровне. Игнорирование прогностической функции криминологии приводит к возникновению опасности волюнтаризма в сфере борьбы с преступностью, снижению уровня контроля преступного поведения, влечёт неоправданные расходы национальных ресурсов.

Прагматическая – способность криминологической теории выступать в качестве основы и руководства для практики предупреждения (профилактики) преступности в жизни общества, устранения и нейтрализации факторов преступности, социального контроля лиц, склонных к совершению преступлений, предупреждения развития виктимогенных ситуаций, разработки криминологических рекомендаций по направлениям совершенствования законодательства. Недооценка прагматической функции криминологии ведет к упрощенчеству, недопониманию роли криминологической науки в общественной практике борьбы с преступностью, к формированию неадекватной деятельности уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью, применению на практике метода проб и процветанию ошибок и криминологического эмпиризма.

Экспертно-оценочная – обеспечивает получение профессионально-компетентной и научно-состоятельной оценки актуальных криминологических проблем и разработок в области изучения преступности, практики применения мер предупреждения (профилактики) преступлений, исследования причин и условий преступности, совершенствования законов и иных нормативных правовых актов в сфере уголовной политики государства, участия институтов гражданского общества в обеспечении законности, укреплении правопорядка, защиты личности, общества и государств от преступных посягательств [2].

В итоге, анализируя функции криминологии, важно подчеркнуть, что криминологическая наука, реализуя свои функции, имеет существенные возможности (исследования, обработки статистических данных, данных опросов, анкет, интервьюирований и прочее) для осуществления разработки научной новизны в области предмета криминологии на основе данных развития общества в целом и существующей в нём преступности. По существу важно сделать замечание, что теоретические аспекты криминологической науки неприемлемо рассматривать отдельно от практических результатов и ситуации, поскольку нельзя отрицать того факта, что функции науки реализуются в процессе детального решения не только теоретических, но и прикладных задач.

Список литературы

1. Афанасьева, О. Р. Криминология : учебник и практикум для вузов / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 340 с.
2. Авдийский, В.И. Криминология : учебник для вузов / под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 301 с.
3. Капинус, О.С. Криминология : учебник для вузов / под общей редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 1132 с.
4. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии. Том II. Особенная часть : учебник для магистров / В. В. Лунеев. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 872 с.

ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬНЫЕ ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА РУСИ

Штерцер Константин Евгеньевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Сухоруков Сергей Иванович – научный руководитель, старший преподаватель

Посредством использования различных источников обычного права: летописей, сохранившихся исторических документов, а также изучения обычаев, представляется возможным пронаблюдать эволюцию применения наказаний и их исполнения, в праве средневековой Руси. Важно отметить, что под влиянием развития государственности, законотворческой деятельности, становления идей демократизма и гуманизма, и иных как прямых, так и косвенных факторов, прослеживается не просто уменьшение жестокости в отношении осуждённых, а кардинальное изменение всей системы мер наказания и их исполнения. Особенно отчётливо указанные изменения прослеживаются в XX веке.

Одним из наиболее древних видов уголовных наказаний, получивших достаточно широкое распространение в древней феодальной Руси, являлись телесные наказания. По справедливому замечанию Н.С. Таганцева, происхождение телесного наказания столь же древнее, как и смертной казни, так как оно является таким же естественным выражением стремления отмстить человеку, причинившему нам боль, воздать оком за око и зубом за зуб [8].

В общем виде членовредительные телесные наказания представляют собой меры применения жестоких форм насилия в отношении осуждённых, связанные с лишением части (частей) тела или их повреждением.

Благодаря изучению источников, возникает прекрасная возможность проанализировать динамику исполнения наказаний в виде применения жестоких насильственных действий. Представляется необходимым классифицировать этапы развития применения членовредительных наказаний.

Первый этап берёт своё начало в XI веке, с момента составления Русской Правды (а точнее Правды Ярослава) Ярославом Мудрым, в котором, впервые, наблюдается ярко выраженная причинно-следственная

связь применения телесных наказаний, т.е. преступление порождает наказание, и никак иначе. В этот период основными составами преступлений, за которые назначались телесные наказания, были: причинение «обиды», нарушение церковных и религиозных норм (устоев), подделка монет, воровство.

Так, за непотребное поведение в храме, за моление под овином (следование язычеству, а именно моление в лесу, либо в общественных местах) исполняли такие членовредительные меры наказания как вырезание языка, выкалывание глазных яблок. По летописным упоминаниям, на данном этапе, чаще всего, членовредительные наказания применялись в отношении богохульников и холопов. В частности, указываются: битьё на санях, отрезание языка, битьё розгами и выжигание клейма на щеках.

Развитие второго этапа начинается в XIII веке, в тот момент, когда в Новгороде было узаконено применение членовредительных телесных наказаний. Значительную роль на данном этапе исторического развития сыграло монголо-татарское нашествие, которое охватило все сферы общественной жизни, оказав, таким образом, влияние, в том числе, и на применение наказаний в отношении осуждённых.

Ключевым является издание в 1379 г. Двинской Уставной грамоты, в которой допускалось применение в отношении лиц, совершивших кражу имущества или товаров продовольствия на «торгах» (ярмарках), клеймение на щеках (статья 5: «а татя всякого пятнати») [2]. Также применялось битьё розгами на санях или на торгах, за драки в публичных местах, разбой и другие формы нарушений общественного порядка.

Уже в XV веке была произведена кодификация права на территории Псковской республики, вследствие которой в 1467 году была издана Псковская судная грамота. В рассматриваемом источнике за совершение преступлений не предусматривается применение членовредительных телесных наказаний, чаще всего, применялась такая мера наказания как смертная казнь или продажа осуждённого. В статьях Псковской грамоты не закреплено применение жестоких телесных наказаний, но, как отмечается в летописных источниках, их применение всё-таки допускалось.

Третий этап обусловлен целой совокупностью существенных обстоятельств, под влиянием которых происходило развитие членовредительных телесных наказаний: влияние канонического права, которое способствовало формированию целой системы телесных наказаний, а также происходящий процесс централизации Русского государства.

Исходя из совокупности упомянутых обстоятельств, требовалось издание новых сводов законов с целью регулирования общественной жизни; новеллой послужил Судебник Ивана III, который был издан в 1497 году. В нем было признано, что преступление – злое действие, причиняющее вред не только в отношении конкретных лиц или группы лиц, но и всего общества в целом [5].

Из этого следовало, что меры наказания, установленные и применяемые государством, являлись пресечением злого умысла, карой за совершённое противоправное деяние. По Судебнику 1497 года членовредительные телесные наказания носили устрашающий характер применения. Так реализовывалась квалифицированная смертная казнь, сопряжённая с применением жестоких телесных наказаний и мучений.

Например, в отношении лиц, предполагающих осуществить заговор против Государя, осуществлялся следующий процесс исполнения наказания: осуждённые подвергались предварительному избиению кнутом, затем отсечением левой руки по запястье или ноги, а после – четвертование, либо отсечению головы («...казниша их на Москве реке, пониже моста, шестерых: Афанасию Еропченку руки да ноги отсекли и голову отсекоша, а Поярку, Рунову брату, руки отсекли и голову секоша») [7].

Уже в 1550 году был подготовлен проект Судебника Ивана IV, а в 1551 году он вступил в законную силу. По данному Судебнику целями применения членовредительных телесных наказаний являлись устрашение, а также изоляция правонарушителя от общества. Предусматриваются следующие виды наказаний: торговая казнь (ст. 53), которая носила жесточайший характер (пороли кнутом, затем отрубали руку, ногу и голову) – назначалась за кражу, грабёж (ст. 25).

В статьях Судебника 1550 закрепляется, что решение о применении наказания в отношении осуждённых принимает сам Государь. «…а наказание, смотря по положению человека, Государь укажет...» (ст. 25 и др.) [6]. При определении наказания положение человека в обществе также играло важную роль. Так, например, к представителям свободной части общества применялись более мягкие меры наказания, в отличие от зависимых лиц.

При этом, в зависимости от общественной опасности деяния, наказания носили сложный состав: в летописях фиксируется применение правеж (битья кнутом) с дальнейшим заключением под стражу, либо отсечение руки по локоть, с дальнейшим заключением под стражу.

Последний этап, в рамках рассматриваемого вопроса начинается со вступления в юридическую силу Соборного Уложения 1649 года.

В нем произошло существенное ужесточение телесных наказаний, которое порождалось необходимостью пресечения многочисленных бунтов и восстаний, а также укрепления государственного строя. Основными видами членовредительных телесных наказаний, применяемых на данном этапе были: ослепление (применялось реже, чем другие меры наказания) – первое упоминание в Соборном Уложении 1649 года, применялся в отношении лиц, составляющих знатную часть общества, которых опасались, но не осмеливались исполнять над ними смертную казнь; для исполнения данного наказания применялось накалённый метал, железо, которое удерживали перед глазами осуждённого, до тех пор, пока глазные яблоки «не сварятся», либо брызгали струёй кипятка в глаза преступника.

Ослепление нельзя считать обыденным членовредительным наказанием, так как оно несет специфический характер. Наказанному и его окружению, как бы давалось понять: «Зачем тебе глаза, если ты не можешь отличить добро от зла, право от неправа, сакральное от профанного».

Также в источниках права указываются применение такого вида членовредительного телесного наказания как отсечение языка (в основном, до половины), в некоторых случаях у осуждённых сохранялась способность к речи.

Мера наказания в виде отсечение руки назначалось за участие в восстаниях, бунтах, а также за подлог и клятвопреступления (отрубались руки по запястье или поперёк ладони; также встречается отсечение пальцев. В летописях отмечалось, что руки лишались те, кто: в присутствии государя замахивался на окружающих оружием, наносил ранение потерпевшему на государевом дворе. Данная мера наказания назначалась осуждённому за кражу лошади на службе, либо при рецидиве преступлений на государевом дворе.

Кроме того, подьячему за подлог (неправильное составление судного списка) и площадному подьячему за написание заочно земной кабалы. Один палец отсекали за легкую рану, два пальца левой руки – за татьбу (воровство) в первый раз. Всю левую руку по запястье – за две кражи, за нанесение тяжелой раны, за покушение на своего господина и за третью кражу рыбы из садка или пруда.

Следующим видом наказания является отсечение носа. Применялось за употребление табака уличённых в 3 раз, в дальнейшем законодательством данное наказание заменено вырезанием ноздрей, от которого уже в 1757 году освобождались представительницы женского пола. Процесс отсечения ноздрей осуществлялся специальными щипцами, напоминающими парикмахерские ножницы. Одна половина щипцов вкладывалась в ноздрю, а другая – острая и вогнутая часть – устанавливалась с наружной части носа.

По Соборному Уложению 1649 г. такая мера наказания как «отрезание ушей» применялась к лицам, виновным в имущественных преступлениях (разбой, кража и иные противоправные деяния). Можно предположить, что данное членовредительное телесное наказание применялось с целью выделения правонарушителя, сделать его более заметным. Уже позднее отсечение ушей применялось за убийство в нетрезвом состоянии или драке. Также применялось к мятежникам и фальшивомонтчикам. Уже в начале XVIII века отсечение ушей не применялось.

В иных случаях, наказания комбинировались и тогда они почти переходили в смертную казнь и именовались как «казнь с пощадою». Во второй половине XVII века (1663 г.) воры и разбойники наказывались отсечением руки и обеих ног (ранее, совокупность данных наказаний применялись к виновным за подделку денег).

Позднее, в конце XVII века, лицам, осуществлявшим подделку денежных средств, и церковным татям отсекалась рука и нога. Уже позднее, в период правления Петра I применение членовредительных телесных наказаний стало существенно сокращаться. Причиной послужила потребность сохранения здоровья, а точнее работоспособности преступников для эксплуатации их труда. В дальнейшем свою роль сыграли идеи Эпохи просвещения, а также смягчение нравов.

В качестве весомого доказательства отмены применения членовредительных наказаний во второй половине XVIII века можно привести слова самой императрицы Екатерины II, которая в ст. 97 своего Наказа, пишет следующее: «…Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить…» [3].

Итак, завершая рассмотрение данной темы, на основании изложенного материала представляется возможным отметить, что, несмотря на жестокость применения членовредительных телесных наказаний, они являются неотъемлемой частью истории исполнения наказаний. В современных реалиях, применение телесных наказаний в отношении осуждённых категорически не допустимо. Учреждения и органы, исполняющие наказания, обязаны руководствоваться в рамках своих полномочий принципами гуманизма, демократизма, рационального применения мер принуждения в отношении правонарушителей.

Список литературы

1. Двинская уставная грамота 1397 г. Единственная сохранившаяся копия XV в. Из юридического сборника РНБ, ОСРК, О.XIV.14, л. 14.
2. Двинская уставная грамота // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. - М.: Юридическая литература. 1985. - С. 181 - 182.
3. Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя Самодежицы Всероссійскія данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія въ Санкт Петербургъ при Императорской Академіи Наукъ – 1770 г. – ст.97
4. Судебники XV-XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1952.
5. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. - М.: Юридическая литература. 1985. - С.54 - 61.
6. Судебник 1550 года // Российское законодательство X-XX веков. – Перевод В.Б. Цыганова.
7. Скрынников Р. Г. Иван III. — М.: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига, 2006. — С. 8 (Историческая библиотека). Тираж 5000 экз. ISBN 5-17-033263-7, 5-9713-2144-7, 5-9587-3862-4. https://royallib.com/read/skrinnikov_ruslan/ivan_III.html#137350
8. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право // Тула: Автограф, 2001. – Т.2. - С. 255.

О ДОКТРИНАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА И ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ ИХ РАЗВИТИЯ

Алексеев Данил Евгеньевич, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

В настоящее время развитие общества не представляется возможным без наличия развитой правовой системы. Поскольку в настоящее время наблюдается тенденция совершенствования законодательства, создания правовых понятий и методологии толкования законов, а также учитывая наличие у правового регулирования свойства доктринальности, возрастает научный интерес к исследованию такого правового явления как правовая доктрина.

Понятие доктрины международного частного права. Как и другие отрасли права, МЧП отличается доктринальным и научным измерением. Доктрина при этом, с точки зрения общей теории права, является самостоятельным элементом правовой системы, выступая в качестве формального источника права, имеющего вспомогательный характер и интегрированного непосредственным образом как в систему правотворчества, так и в систему правоприменения различных государств. В современной юридической науке нет единого толкования понятия «доктрина», равно как и нет однозначного мнения о причастности доктрины к источникам права. Если попытаться вывести универсальное определение доктрины, учитывая особенности различных правовых систем, то его можно было бы представить следующим образом: доктрина – это совокупность идей, концепций и принципов, разработанных наиболее авторитетными учеными-правоведами, которые значительно влияют на процесс правотворчества, а также способствуют толкованию и систематизации права в процессе правоприменения. В Российской Федерации (далее – РФ) термин «доктрина» закрепляется на законодательном уровне, а именно в указах Президента РФ, которыми утверждаются системы официальных взглядов, то есть доктрины. Из системного толкования указанных правовых актов представляется возможным определить доктрину как системно организованную совокупность официальных взглядов, определяющих государственную политику РФ, ее стратегические цели и основные направления обеспечения применительно к той или иной значимой области, будь то морская деятельность, вооруженная защита, продовольственная безопасность или национальная безопасность в информационной сфере [1]. Именно в этой роли доктрина чаще всего применяется как средство восполнения пробела в праве, она разъясняет отдельные понятия, которые не известны официальному законодательству. Доктринальные концепции, категории и классификации часто используются сторонами в своих документах, а международные судебные органы и арбитражи иногда ссылаются в своих решениях на научные труды. Так, к примеру, Экономический суд СНГ в своем решении от 15.01.2002 №01-1/3-2001, сослался на доктринальное определение места постоянного жительства лица и определил его как «место средоточия жизненных связей лица, центр его существования» [2]. Отмечая доктрину как источник МЧП, необходимо полагать, что не каждая научная концепция и теория выдвинутая специалистом конкретной сферы деятельности может стать источником. Для этого она должна отвечать соответствующим требованиям или критериям. К примеру: научная концепция должна быть выдвинута квалифицированным специалистом, научные труды которого в сфере МЧП обоснованно признаны среди сообщества квалифицированных юристов-международников, где под соответствующей квалификацией подразумевается наличие необходимых знаний в области МЧП, подтвержденной соответствующим образованием и научной степенью; научные суждения должны представлять общественно значимые, теоретико-прикладные разработки в области МЧП; рассматриваемая доктрина должна быть обоснована, а представленное в ней научное утверждение должно быть доказанным определенными научными методами и подтверждена аргументами, а не быть голословным. Наличие таких признаков позволяет отнести доктрину к источникам права. Еще большее применение доктрина нашла в кодификации и гармонизации МЧП. К примеру, разработки Международного института по унификации частного права (УНИДРУА), Гаагских конференций по МЧП и Комиссии международного права были положены в основу многих международных соглашений и нашли отражение и были закреплены в национальных правовых актах многих государств [3]. Таким образом, можно отметить, что оценка доктрины в качестве самостоятельного источника МЧП может быть связана с различным регулированием одних и тех же отношений в национальном законодательстве различных государств и необходимостью унификации такого регулирования на международном уровне, исходя из наличия в МЧП большого количества пробелов. Основной функцией доктрины как источника МЧП является максимальное восполнение этих пробелов на уровне научных разработок. Всесторонние, глубокие и теоретически обоснованные предложения ученых являются существенным основанием для формирования других источников права, относящихся к такому сложному правовому комплексу, как МЧП. Доктрина играет важную роль в МЧП. Действительно, чтобы применять иностранное право при рассмотрении спора, суд, как правило, не только исходит из норм конкретной правовой отрасли (гражданское или гражданское процессуальное право), но и учитывает особенности всей системы применяемого (отечественного или иностранного) права, следует доктринальным положениям или господствующим взглядам в юридической литературе по спорной проблеме. Отличительной чертой доктрины

МЧП от доктрин других отраслей права является то, что в законодательстве многих стран, регулирующем сферу МЧП более чаще встречаются пробелы, нежели сфере регулирования других отраслей права, то это порождает дополнительную сложность в разрешении споров, осложненных иностранным элементом и, соответственно, судам, рассматривающим дела в сфере МЧП чаще приходится обращаться к дополнительным средствам, содержащимся в доктринальных толкованиях и в научных утверждениях доктрин [4].

Предпосылки зарождения доктрины международного частного права. Процесс возникновения правовой доктрины схематично можно представить следующим образом. На определенном этапе развития того или иного социума и человека появляется идея об улучшении жизни людей, о совершенствовании органов власти и управления данного социума. Эта идея-предположение начинает разрабатываться конкретными учеными или коллективом исследователей для теоретического обоснования возможности будущего ее претворения в жизнь. В процессе разработки идея как первоначальное инициативное доктринальное знание получает новые знания, приобретает необходимые системные качества, делающими ее более реальной, формируя систему научных знаний, которая направлена на совершенствование конкретных государственных и правовых явлений и процессов, представляя – правовую доктрину. Возникновение доктрины как составной части науки связывают с итальянскими университетами, в которых изучались источники римского права, в которых зародилась школа МЧП, названную школой глоссаторов, позволившей начать возрождение юридической науки, которая в значительной мере была утрачена в связи с распадом Римской империи. Стоит отметить, что итальянские юристы, считавшие римское право идеалом права, при решении коллизионных вопросов обращались именно к его источникам. Однако найти ответы на коллизионные вопросы в источниках римского права было очень сложно, так как римское право не содержало в себе коллизионных норм. Исходя из этого итальянские юристы приспосабливали римские тексты к коллизионным проблемам. Суть данного «приспособления» заключалась в том, что изначально находилось решение конкретного коллизионного казуса, а затем найденное решение при помощи ссылки на положение римского права пытались оправдать, делая его легитимным в сфере правоприменения. Тем самым определяя зарождение науки коллизионного права путем довольно вольного истолкования римских текстов. Далее, по мере развития общественных и экономических отношений, юристы начинают оперировать принимаемыми статутами, давая первым доктринальным толкованиям и принятым доктринам единое название – «теория статутов» [5]. Глоссаторы не могли положить начало теории статутов, так как они застали лишь первые статуты. Выработка статутов – это дело уже постглоссаторов, которые систематизировали разработанные глоссаторами правила решения конкретных дел, обобщили и обосновали возможность их применения в практике, положив разработанные правила в содержание статутов. В науке международного частного права укрепилось мнение, что основанная постглоссаторами статуарная теория проникла из Италии во Францию, Германию, Бельгию и Голландию. Данная теория положила начало трем национальным школам международного частного права: итальянской, французской и голландской. Впоследствии развитие доктрины МЧП выходит на новый уровень, на котором возникает новая эпоха, связанная с бурным развитием международного гражданского и торгового оборота. Кроме этого, на мировой арене появляется все больше влиятельных государств, происходит объединение отдельных территориальных образований и т.п. Тем самым появляется необходимость в разработке новых подходов и методов, которые способствовали бы развитию взаимовыгодного международного общения. Большой вклад в формулирование таких подходов и методов внесли немецкие, итальянские, французские, голландские, бельгийские, американские и английские исследователи [6].

Российская доктрина МЧП. В отличие от доктрин международного частного права других государств, российская появилась сравнительно недавно. Она возникла лишь во второй половине XIX века, в то время, когда на Западе уже сменилось не одно поколение ученых-юристов, занимающихся коллизионной проблематикой. Заинтересованность в изучении коллизионного права появилась вследствие развития российской внешней торговли. Начало изучения международного частного права в России часто связывается с именем известного русского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса. Однако работы по международного частного праву были проведены и до него. Так, первой работой по данной теме считаются лекции профессора Казанского университета Д.И. Мейера, изданные в 1858 г. в «Ученых записках Казанского университета». В пояснениях теории о столкновениях законов Д.И. Мейер впервые в российской доктрине МЧП отмечает, что в юридическом отношении особую важность имеют три составляющие: *место жительства лица*, под которым он понимает место его рождения; *место нахождения имущества*; *место совершения* юридического действия. Развитие российской доктрины МЧП в советский период проходило под влиянием кардинальных общественно-политических и социально-экономических преобразований. В этот период наука международного частного права в основном базировалась на советской идеологии. Были кардинально пересмотрены цели и задачи науки МЧП, а также переосмыслены ее методология и систематика. Одним из первых советских учебников по МЧП был труд А.Н. Макарова «Основные начала МЧП», в котором он определил МЧП как «совокупность правовых норм, определяющих пространственные пределы действия разноместных гражданских законов». Затрагивая тему источников МЧП он пишет, что нормы коллизионного права заключаются как в законах отдельных государств, то есть в национальном праве, так и в международных договорах, то есть в международном праве, отмечая, что «...и те, и другие нормы в большинстве случаев весьма отрывочны и не полны, и те и другие далеко не покрывают собой выдвигаемых жизнью коллизионных казусов» [7 – С. 26]. Для восполнения подобных пробелов в коллизионном праве, по его мнению, необходимо руководствоваться аналогией закона и

аналогией права, а также учитывать сравнительное правоведение. Однако, полагает А.Н. Макаров, – очень часто сравнительное правоведение не сможет дать прочных точек опоры для заполнения законодательных пробелов, и уже в подобных случаях необходимо учитывать теоретические научные построения, в основе которых лежат те или иные коллизионные принципы, а граница между ними является подвижной. Более того он отмечает, что как междугосударственные, так и междуобластные коллизии разрешаются едиными по своей природе нормами коллизионного права. при этом коллизионная норма лишь указывает на то материальное право, которое должно быть положено в основу обсуждения спорного правоотношения, отнюдь не разрешая спора по существу. Значительный вклад в развитие советской доктрины МЧП внесен И.С. Перетерским, опубликовавшим труд «Очерки международного частного права РСФСР», полагавшего, что первостепенное значение в сфере МЧП имеет национальное законодательство государства как имеющее своей задачей изучение коллизий разноместных законов, относящихся к области частного права, и указание порядка их разрешения. Рассматривая тему советской доктрины МЧП, нельзя не отметить Л.А. Лунца создавшего трехтомный «Курс международного частного права», охватывает все его институты, включая семейное, трудовое право, гражданский процесс и внешнеторговый арбитраж. В основе работы положена цивилистическая концепция МЧП, суть которой сводится к тому, что МЧП регулирует гражданско-правовые отношения с иностранным элементом, при этом гражданско-правовые отношения здесь понимаются в широком смысле и включают только гражданские, семейные и трудовые отношения в тех случаях, когда они утяжелены иностранным элементом. Для современной доктрины МЧП характерно изучение следующих тенденций развития МЧП: унификация, гармонизация, доместикация, либерализация, систематизация МЧП на национальном уровне и расширение его сферы действия. К проявлениям последней, например, можно отнести отношения по обращению и использованию компьютерных и телекоммуникационных технологий, использованию сети Интернет и охране авторских прав на произведения, размещенные в сети Интернет, отношения по трансграничным банкротствам, вопросы коммерциализации космической деятельности и исковой давности. Российская доктрина МЧП продолжает опираться на фундамент, заложенный советскими учеными, тем самым поддерживая ту преемственность научных взглядов, которая прослеживается во все периоды развития российской доктрины МЧП. В то же время российская наука продолжает формулировать новые положения и искать новые методологии разрешения правовых конфликтов [8].

Доктрина Lex mercatoria, как одна из основных доктрин в МЧП. На сегодняшний день объективной реальностью является неспособность национальных законодательств урегулировать полностью весь круг общественных отношений, которые возникают в процессе осуществления международного коммерческого оборота. Поэтому в цивилистике возникает вопрос: каким образом и какими способами необходимо осуществлять регулирование международного коммерческого оборота. Отвечая на данный вопрос, необходимо обратиться к историческим корням регулирования международной торговли — lex mercatoria. Несмотря на активное применение в торгово-экономической сфере и длительность существования, не сложилось однозначного понимания данного правого и экономического термина. Современное понятие lex mercatoria является одним из самых противоречивых явлений в МЧП. Вокруг него ведутся многочисленные споры относительно его понимания и толкования. Прежде всего сложность данного понятия заключается в том, что в доктрине lex mercatoria отсутствует единое понимание сущности, правовой природы и содержания такого правового явления. Появление самого понятия «lex mercatoria» связывают с возникновением в XI - XII вв. в Европе так называемого «купеческого права», которое появилось в связи со значительным ростом торгового оборота, осложненным иностранным элементом. В рамках средневекового права необходимость норм lex mercatoria была очевидна: предприниматели были вынуждены самостоятельно создавать комплекс правовых норм для регулирования взаимоотношений, так как государство того времени не ставило цели регулировать частноправовые отношения. Современная теория lex mercatoria разрабатывается в доктрине права с 1950-х годов. Так, на 21-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1996 года в докладе Генерального секретаря отмечалось, что право международной торговли является совокупностью норм, которые регулируют торговые отношения частноправового характера, затрагивающие различные страны. Однако до сих пор ученые не смогли прийти к единому пониманию ее правовой природы. Отсутствует сформулированное точное определение, которое действительно отражало бы всю сущность данной теории, а не отдельные ее компоненты. Сегодня в отечественной и зарубежной научной литературе выделяют несколько подходов к пониманию правовой природы lex mercatoria. С позиции некоторых ученых, lex mercatoria следует понимать как коммерческое транснациональное право, претендующее на роль третьего (так называемого автономного) правопорядка. Это автономная система права международного сообщества предпринимателей (коммерсантов), которая существует независимо от конкретных национальных правовых систем. Стороны посредством сделки (контракта) способны урегулировать свои частноправовые отношения, используя тот источник права, который они сами выбирают. Современное толкование данной концепции lex mercatoria заключается в отсутствии необходимости обращаться к национальному праву для разрешения международных коммерческих споров, поскольку применение lex mercatoria будет достаточным [9]. При этом другие ученые считают, что Lex mercatoria является совокупностью частноправовых норм, позволяющих разрешить международный коммерческий спор. Lex mercatoria действует альтернативно по отношению к национальному праву. Таким образом, следует сделать вывод, что lex mercatoria не является самодостаточной системой, которая регулирует все элементы международного коммерческого права. Она лишь может выступать в качестве альтернативы коллизионно-

правовому методу регулирования. Представители этого подхода видят в lex mercatoria полезный инструмент для арбитров и судей в виде дополнительной возможности в поиске применимого права. В юридической литературе lex mercatoria рассматривается как мифическая концепция, которая не обладает достаточностью стабильности и формальности для регулирования внешнеторговой деятельности [10]. Однако там же раскрывается мнение ученых, где lex mercatoria рассматривается только как дополнение к применимому начальному праву (параюридическая система, субправо, протоправо, мягкого права), которая существует в качестве консолидации установившейся международной практики и обычаев делового оборота. Стоит отметить, что не стоит забывать об обычаях, которые являются олицетворением двух воплощающих форм, таких как *правило*, сформировавшееся в деловой среде, и таких как *норма права*, которая становится таковой, получив официальное подтверждение со стороны государства. Соответственно, данный обычай представляет собой сочетание характеров и источника права, и источника lex mercatoria. Примерами подобного одобрения могут служить следующие положения национального законодательства: закон о международном коммерческом арбитраже (ст. 28), Гражданский кодекс РФ (ст.ст. 5, 421), Гражданский кодекс Нидерландов (ст. 3.11), Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (п. 2 ст. 9).

В качестве итога можно отметить, что на сегодняшний день в отечественной правовой доктрине отсутствует определение термина lex mercatoria («обычное торговое право»). И только на основе сведений, содержащихся в научной российской и зарубежной литературы, посвященной определению правовой природы и толкования теории lex mercatoria, становится возможным сделать вывод, что большинство отечественных исследователей в своих работах ссылаются на западные определения, снабжая их критическими замечаниями относительно неясной правовой природы рассматриваемой концепции. Это подтверждается и тем обстоятельством, что некоторые из концепцией lex mercatoria связывают деятельность международного института по унификации частного права (УНИДРУА), обосновывая это содержанием в них кодифицированных правил международной торговли. Причина же здесь кроется в отсутствии самостоятельного определения понятия lex mercatoria как в доктринальных толкованиях международного права, так и в российской доктрине, которое необходимо рассматривать как единую концепцию, определяющую совокупность правил поведения, выработанных участниками международного коммерческого оборота при осуществлении внешнеторговой деятельности, которые следует применять при разрешении споров в международном коммерческом арбитраже, учитывая то, что выведение права международной торговли за рамки конкретной национальной правовой системы и ее включение в состав предписаний внеправового характера формально будет способствовать отображению имеющегося в национальных правовых системах многообразия интерпретаций содержания lex mercatoria.

Список литературы

1. Латынин О. А. К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношение правовой доктрины с близкими понятиями / О.А. Латынин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – №4. – С.158-164.
2. О толковании пункта 1 статьи 28 и пункта 1 статьи 29 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года: Решение Экономического Суда СНГ № 01-1/3-2001 (Принято в г. Минске 15.01.2002).
3. Стригунова, Д. П. К вопросу об источниках международного частного права Российской Федерации / Д. П. Стригунова // Вестн. Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 86–90.
4. Кузьмич А.А. Развитие доктрины международного частного права и ее влияние на развитие законодательства: дипломная работа / А.А. Кузьмич. – Минск: БГУ, 2021. – С.22.
5. Перевалов В.Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями / В.Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – №5 (113). – С.24-29.
6. Булжатов, Ш. Р. К вопросу о зарождении и развитии международного частного права / Ш. Р. Булжатов // Актуальные проблемы конституционного и международного права – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф". – 2020. – С. 49–52.
7. Макаров, А. Н. Основные начала международного частного права: книга / А. Н. Макаров. – Москва: Наркомюст РСФСР. – 1924. – 183 с.
8. Ботанцов, И.В. Применение правовой доктрины как источника права в Российской Федерации / И.В. Ботанцов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2019. – № 1. – С. 35–41.
9. Ахмадуллина Р.Д. Lex mercatoria в международном частном праве / Р.Д. Ахмадуллина // Право. Нормотворчество. Закон. – 2018. – С. 21–24.
10. Буторина, Т. Н. Lex mercatoria как регулятор отношений в области международного частного права / Т. Н. Буторина, Е. А. Мерзлякова // Правовестник. – 2019. – № 5(16). – С. 121-125.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Андриевский Степан Андреевич, Баранов Александр Игоревич, 2 курс
факультет «Управление процессами перевозок на железнодорожном транспорте»
Сибирский государственный университет путей сообщения
Нутрихина Татьяна Викторовна – научный руководитель, старший преподаватель

В эпоху развития и повсеместного распространения информационных технологий невозможно представить современного человека, который бы не имел гаджета или не умел пользоваться Интернетом.

По статистике, 130 млн. россиян являются интернет-пользователями, среди которых 97% людей в возрасте от 12 до 25 лет [1]. Так молодое поколение доступным для себя путём социализируется в обществе, легко и быстро находит интересующую информацию.

Но ввиду ухудшения социальной, экономической и политической обстановки в текущее время в мире всё больше обостряются проблемы, связанные с теми или иными проявлениями экстремизма.

Экстремизм (экстремистская деятельность) – изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами (ст. 1 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [2], этим законом предусмотрено шесть видов террористической деятельности).

Очень близким к экстремизму является терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (ст. 3 федерального закона «О противодействии терроризму» [3]).

То есть, экстремизм определяется через цели деятельности, а терроризм – через способы её осуществления (экстремизм может проявляться и вне террористических форм).

Одним из инструментов для вербовки новых единомышленников является распространение противозаконных идей через социальные сети. Такая пропаганда воздействует на неокрепшие умы некоторых представителей молодежи, подрывает их культурные, духовные и нравственные ценности.

Со стороны государства ведётся активная политика по противодействию экстремистской деятельности: вносятся поправки в законы, предпринимаются попытки по созданию профилактических мероприятий [4], что подтверждает актуальность данной темы.

Целью работы является анализ правовой осведомленности молодежи о противоправности любой экстремисткой деятельности в социальных сетях и предложение способов ее повышения.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

- ознакомиться с законодательной базой России в области экстремизма;
- изучить факторы, препятствующие борьбе с экстремизмом;
- проинформировать молодёжь о сущности и опасности экстремизма.

Объектом исследования выступает экстремистская деятельность в социальных сетях. Предметом исследования служит правовое противодействие такой деятельности и осведомленность молодежи о нем.

Гипотеза исследования: для эффективной борьбы с экстремизмом в соцсетях необходима технология по воспитанию духовно-нравственных качеств молодежи.

Экстремизм может иметь различные формы проявления, начиная с публикаций в Интернете о признании за определенным социальным слоем особенных преимуществ и достоинств, наделяющих их безграничной властью над другими членами общества, заканчивая прямым проявлением жестокости и насилия к лицам, придерживающимся другой конфессии, других взглядов на мир, лицам другой нации либо расы.

В большинстве случаев экстремистами являются молодые люди в возрасте от 13 до 29 лет [4]. Их неправомерную деятельность можно объяснить желанием выделиться, примкнув к определенной группе людей, радикально отстаивающих интересы своего сообщества, показать остальным свою индивидуальность через навязывание и пропаганду своих особенных и «единственно верных» ценностей. Такие граждане зациклены на теме «своей» и «чужой» нации, веры, идеи, взглядов и т.д. Проявляя фанатизм и враждебность к другим группам лиц, они слепо верят в свою непогрешимость и исключительность. Ограничивая круг своего мышления лишь только осознанием своей социальной группы, экстремисты не могут здраво оценить особенности и достоинства других людей, считая нормы своего поведения эталонными.

Еще одним фактором, побуждающим молодежь к экстремистским движениям, является доступность Интернета и соцсетей, а также наивная вера в безнаказанность своих действий. Одной из проблем 21 века являются информационные войны, когда лишь одной фразой в Интернете можно вызвать конфликты в обществе, беспорядки в государстве, настроить одну социальную группу против другой. Именно эта возможность вершить судьбы людей и всего государства, прямо не выходя из дома, так часто увлекает неокрепшие умы молодежи.

Однако государством и органами исполнительной власти оценены масштабы опасности экстремизма в любых его проявлениях и приняты соответствующие меры по борьбе с ним и предотвращению распространения радикальных взглядов в обществе. Нормативному регулированию борьбы с таким явлением,

как экстремизм, посвящен, в частности, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Санкции за эти правонарушения определены Кодексом об административных правонарушениях [5] и Уголовным кодексом РФ [6]. Распространение экстремистских материалов влечет наложение штрафа либо административный арест до 15 суток. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные в сети Интернет, наказываются принудительными работами на срок до 5 лет либо лишением свободы на срок до 5 лет.

Что касается СМИ и соцсетей, то пропаганда и публичные призывы к экстремизму в любой форме наказуемы (ст. 280 УК РФ, п. 4 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7]). СМИ по решению суда признанные виновными в побуждении к экстремистским движениям, обязаны прекратить свою деятельность (ст. ст. 8, 11 «Закона о противодействии экстремизму» – в случае распространения экстремистских материалов).

Терроризм – наиболее опасное для общества проявление экстремизма, и методы по его предотвращению и профилактике приоритетны в направлениях деятельности правоохранительных органов. В ходе экстремистской деятельности отмечается дезориентация части молодёжи, бездуховность и отсутствие чётких представлений об истории, культуре и географии нашего государства. В связи с этой проблемой требуется обеспечение духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи, разъяснение им всей опасности, вреда, а главное – бессмысленности экстремистских движений (ст. 5 «Закон о противодействии экстремистской деятельности»). Только сформировав твердый нравственный стержень в характере молодежи, а также привив им понятия о культуре, патриотизме, любви к отечеству и всему его братскому народу, государство может быть уверено, что такие граждане не «сломаются» и не поддадутся на обманчивые уловки разжигателей междоусобиц и национальных конфликтов, а останутся верными своим взглядам и принципам.

Но перед тем, как осуществлять такую политику в области борьбы с экстремизмом, необходимо оценить уровень осведомленности молодежи о сущности экстремизма и его последствиях. Для этого был проведен опрос среди школьников и студентов разных учебных заведений. В анонимном анкетировании приняли участие 192 человека – 138 студентов из четырех вузов и 54 учащихся из двух школ г. Новосибирска. Анализ полученных данных показал, что лишь половина опрошенных имеют полное представление о понятии экстремизма. Каждый из них активно пользуется соцсетями, где иногда появляются публикации экстремистского характера. Более того, 38 человек сами распространяли материалы, связанные с экстремизмом, а 71 опрошенный не осведомлен об ответственности авторов экстремистских публикаций перед законом. Около трети от общего числа респондентов проявляют нейтральное отношение к экстремистской деятельности в соцсетях, больше половины – негативное, а 2 % (12 человек) – и вовсе положительное.

Рассматривая вопрос об эффективности политики государства в области борьбы с экстремизмом в социальных сетях, учащиеся школ и студенты вузов имеют неоднозначное мнение с превалирующей отрицательной оценкой. Каждый третий из числа опрошенных проинформирован о мероприятиях, проводимых в учебном заведении, где освещаются негативные факторы как экстремизма в целом, так и его проявлений в соцсетях.

В ходе проделанной работы были проанализированы уровень осведомленности молодежи об ответственности за экстремистские деяния, а также произведена оценка отношения учащихся к экстремизму, к его проявлению в соцсетях и к методам профилактики и борьбы с ним, проводимых учебными заведениями. На основе полученных данных можно сделать вывод о необходимости проведения с учащимися бесед на тему опасности и вреда экстремистских движений. Также необходимо осуществлять культурное, патриотическое, духовно-нравственное воспитание молодежи, правильно и благотворно влиять на их досуг. Если сформировать у молодых людей желание быть полезными государству и обществу, стремление узнавать новое об истории страны и ее народа и всячески его поощрять, то такие люди вырастут настоящими гражданами нашей многонациональной страны, для которых любое проявление экстремизма будет неестественным.

Список литературы

1. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika (дата обращения: 14.03.2023).
2. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Рос. газ. – 2002. – № 138-139.
3. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Рос. газ. – 2006. – № 48.
4. О внесении изменений в статью 265.10 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и статьи 13 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон от 14.07.2022 N 303-ФЗ // Рос. газ. – 2022. – № 159.
5. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма: история и современность: сборник научных трудов по материалам Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием (Курск, 28 апреля 2022 года) / Под ред. О.Е. Чуйкова (отв. ред.), И.В. Тарасенко, А.А. Сизова и др. – Курск: КГМУ, 2022. – 1 электрон. опт диск (CD-R). – ISBN 978-5-7487-2859-1. С. 75-81.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Рос. газ. – 2001. – № 256.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
8. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постан. Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Рос. газ. – 2011. – № 142.
9. Миц Д. С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 2 (77). – С. 34-40.
10. Салахутдинов А. А. Социальные сети как информационный канал экстремистского материала // Молодой ученый. – 2014. – № 17. – С. 561–564.
11. Зубок Ю. А., Ч упров В. И. Социология молодежи: Учеб. пособие. – М.: МНИТ, 2009. – С. 71-74.

О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ И МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИИ

Архипова Ксения Сергеевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность темы заключается в том, что Конституция РФ определила главной ценностью российского государства человека, его права и свободы, означающей, что государство призвано соблюдать и защищать права и свободы человека. Только государство может справиться с этими задачами, поскольку у него есть возможность регулировать общественные отношения, контролировать их реализацию и защищать в случае нарушения. Также в виду приоритетной роли Конституции РФ в формирования российской правовой системы и ее руководящего и главенствующего участия в регулировании основ социальных, политических и экономических отношений в государстве, значения стабильности Конституции для обеспечения порядка и безопасности страны, основной закон нуждается в особых формах защиты.

Конституционные права: понятие и виды. Права и свободы являются результатом развития общества, они существуют независимо от признания их государством. Основные права, свободы закрепляются на конституционном уровне, что означает их признание и узаконение. Конституционные права являются основными и составляют базу для всех иных прав и свобод человека и гражданина. Они обладают наивысшей юридической силой, так как закреплены в Конституции, и в случае необходимости защищаются с помощью особых юридических инструментов. Однако закрепление отдельных прав и свобод в Конституции РФ не дает оснований для ограничения иных прав. Перечисление основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55) [1]. Любые права и свободы должны признаваться государством. Только после закрепления в законе их можно реализовывать, а так же защищать, если это необходимо. Конституция РФ использует разные термины: «права человека», «права гражданина», «свободы», «обязанности». Нередко понятия прав и свобод отождествляются, так как у них общая природа. Как право, так и свобода это есть мера возможного поведения личности. Однако между правом и свободой имеются определенные различия. Право — это возможность, предоставляющая лицу свободно и самостоятельно избирать вид и форму своего поведения. Свобода предполагает некую самостоятельность личности, ее автономность, определяет границы внешнего вмешательства. Но государство не ограничивает пределы этого пространства. Свобода предполагает возможность выбирать вид своего поведения из нескольких вариантов. К примеру, в Конституции РФ закрепляются свобода совести, свобода вероисповедания с последующей детализацией возможного вида и меры поведения - исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой (ст.28). При этом нередко в конституционном тексте категория «свобода» ограничена и применяется как синоним категории «право»: право на свободу передвижения (ч. 1 ст. 27), право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию (ч. 4 ст. 29).

Обязанность представляет меру должного поведения, которая неразрывно связана с правами и свободами. Реализация в полном объеме прав и свобод возможна, только если на иных субъектов правоотношений возложены обязанности. Нередко, реализуя обязанности, мы приобретаем права. Закрепление в Конституции обязанностей соответствует международным требованиям. В частности, в ст. 29 Конституции РФ Всеобщей декларации прав человека провозглашается принцип, согласно которому каждый человек несет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное его развитие. Нередко в юридической литературе реализацию прав и свобод связывают с интересами личности. Жизнь человека складывается из интересов в самых разных сферах, но лишь те из них, которые реализуются через права, свободы, обязанности, закрепленные в праве, являются законными. Говоря о защите и охране законных интересов личности, необходимо соотносить эти вопросы с защитой и охраной прав и свобод граждан, в том числе конституционных.

В юридической науке предложены разные классификации прав, это связано с огромным разнообразием прав и свобод. Согласно с происхождением и природой прав их делят на: естественные и позитивные.

Естественные права – такие, которые принадлежат человеку от рождения, то есть в силу его рождения. К ним относятся право на жизнь, достоинство личности, личную неприкосновенность, свободу мысли и слова, свободу совести, право на свободу передвижения и др. Государство своими законами не может ограничить человека в его естественных правах. Позитивными правами (приобретаемыми) граждан наделяет государство. К ним относятся право избирать и быть избранным, участвовать в управлении делами государства, на осуществление правосудия, на объединение в общественные объединения и т. д. С учетом времени возникновения прав выделяют четыре поколения прав человека: первое – личные и политические права, появившиеся в результате буржуазных революций XVII-XVIII вв.; второе – экономические и социальные права и свободы, утвердившиеся в XIX – первой половине XX в.; третье – коллективные права отдельных групп (детей, женщин), общностей (народов, национальных меньшинств); четвертое – формируемое в настоящее время в результате достижений науки и техники (право на смерть, суррогатное материнство, право на смену пола и др.). В зависимости от того, кому адресованы права, их делят на: индивидуальные, реализуемые личностью самостоятельно, и коллективные.

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и свободах, а также Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах в зависимости от сферы жизнедеятельности лица, в которой реализуется то или иное право, выделяют такие укрупненные группы прав и свобод, как личные (гражданские), политические, экономические, социальные, культурные и иные. Нередко среди иных прав выделяют группу право-обеспечительных прав и свобод человека и гражданина. Они позволяют в полном объеме реализовать права и в случае необходимости их защитить. К этой группе относятся следующие права: защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; на судебную и международную защиту прав и свобод; на получение квалифицированной юридической помощи; на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и др. Однако эти же права выступают в качестве гарантий действенности иных прав [2 – С. 132].

Понятие и виды механизмов реализации конституционных прав. Реализация конституционных прав представляет собой воплощение в жизнь социальных возможностей предусмотренных нормами конституционного права, достижение целей. Т. е. пользование гражданином разнообразными благами для удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов на основе их единства и сочетания.

Права реализуются в порядке, который определяет закон, представляют собой последовательную смену стадий (этапов) его проявления. Определение законом порядка реализации прав включает установление юридических фактов, т. е. жизненных условий и обстоятельств, с которыми связывается наступление юридических последствий, необходимость действовать определенным образом. Люди в своей деятельности учитывают, какими юридическими фактами обусловлены желаемые или не желаемые ими правовые последствия. Это значит, что они стремятся к возникновению данных фактов, а может и наоборот избегают этого. Такое активное отношение людей особенно заметно тогда, когда правовым последствием выступает предоставление того или иного блага в результате пользования правом. Процедурный порядок реализации прав включает вынесение компетентными государственными органами актов применения подходящих норм права. Применение представляется фактором организации осуществления основных прав и свобод человека и граждан. Без него невозможно наиболее полное осуществление прав и свобод, оно также необходимо в целях государственного контроля за правильностью использования прав. Особенно важна правоприменительная деятельность государственных органов при реализации тех прав и свобод, в основе которых лежат определенные материальные блага, и пользование которыми означает распределение фондов потребления между носителями данных прав. Это также касается тех конституционных прав, при реализации которых затрагиваются общественные интересы, возникает потребность разумного сочетания их с личными интересами. Осуществление конституционных прав гражданином как обязательного предварительного условия предполагает использование соответствующих правовых норм компетентными органами с последующим исполнением требований данного акта. Термин «механизма» позволяет охватить все явления реализации права гражданином, представить их в работающем системно-динамическом виде, раскрыть структуру, последовательное распоряжение, взаимосвязь и взаимодействие элементов и стадии реализации, выявить их специфические функции, эффективно решать вопросы совершенствования процедур и порядка реализации прав и свобод граждан[3].

Механизмы реализации прав человека и гражданина разнообразны. По степени независимости личности при осуществлении и защите прав выделяют следующие виды механизмов реализации прав: осуществляемые индивидом самостоятельно, вне зависимости от других субъектов. Данный механизм характерен для гражданско-правовых отношений, основанных на автономии воли участников; начатый индивидом по собственному желанию, но осуществляемый посредством применения специальных публичных институтов. Например, судебная защита права: лицо самостоятельно начинает данную процедуру, но ход и результат во многом зависят от эффективности публичной системы; активируемые и ведомые публичными институтами самостоятельно в частных интересах отдельного лица, а также в целях защиты общественного или государственно значимого блага. Одним из примеров может послужить уголовное производство, оно инициируется уполномоченными властными субъектами и реализуемое при относительном участии частного лица. По уровню правовой регламентации можно выделить два основных вида механизмов реализации прав: международные и внутригосударственные. Внутригосударственные механизмы также можно разделить по

уровню государственной власти (государственные и местные, федеральные, региональные, муниципальные); по отношению к государственной власти (государственные и общественные); по принципу разделения властей (законодательные, исполнительные, судебные, контрольные) и т. д. Международные механизмы реализации прав также разнообразны: универсальные, региональные и локальные; судебные, квазисудебные и несудебные; общие и специальные.

Гарантии реализации конституционных прав. В Конституции РФ оговаривается обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина состоит в создании условий для их реализации и механизма их защиты (ст.2). Для человека важно чтобы его права и свободы были обеспечены, а в случае нарушения – защищены. Государство создает условия, которые способствуют реализации прав человека и дает гарантию их исполнения. Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (ч.1 ст. 45). Это определяется тем, что именно они устанавливают смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (ст. 18). Вторая глава Конституции РФ посвящена правам и свободам человека и гражданина, в ней также закреплен ряд гарантий, позволяющих человеку защищать свои права и свободы [4 – С. 202]..

В системе гарантий прав и свобод человека и гражданина выделяют: материальные; политические; организационные; духовные; правовые (юридические) *Материальные гарантии* рассматриваются как объективные социально-экономические предпосылки — высокий уровень производства, гибкая налоговая политика, финансирование социальных программ, обеспечение государством среднего прожиточного минимума и другие факторы, свидетельствующие о социальной ориентации экономики государства и обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Материальные предпосылки означают наличие в государстве какого-то среднего минимума, стандарта экономической обеспеченности прав, свобод и обязанностей для каждого гражданина. *Политические гарантии* включают в себя такие средства и механизмы, как мирное сотрудничество, международный мир и безопасность, демократия, социальное партнерство. *Организационные гарантии* предполагают эффективную деятельность органов государственной власти, главной целью которых является обеспечение и охрана прав и свобод граждан. Звенья механизма наделены обязанностью охранять и защищать права человека и гражданина. В организационных гарантиях можно выделить судебные и внесудебные гарантии прав и свобод. *Духовные гарантии* предполагают создание идеологических условий, связанных с гуманным отношением к людям, их правам и свободам. Надо заниматься и воспитанием, это помогает делать из каждого человека достойного гражданина своей страны, законопослушного и небезразличного к происходящему в обществе. *Правовые (юридические) гарантии* представляют систему юридических средств охраны личности и средств их правомерной реализации. Данные гарантии включают в себя правоустанавливающие, правоприменительные и правовосстановительные средства. К ним можно также отнести меры профилактики и предупреждения правонарушений, а также меры принуждения, включая привлечение к ответственности субъектов, нарушающих права и свободы человека и гражданина [5 – С. 805].

В сфере обеспечения прав человека Конституция РФ особую роль отводит Президенту РФ. Президент является гарантом конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч.2 ст.80). Также в присяге, которую Президент приносит при вступлении в должность, содержатся положения о его обязанности защищать Конституцию РФ, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина и верно служить народу. С этой целью он осуществляет законодательную инициативу, издает указы, направленные на повышение социальной защищенности граждан, создание безопасных и благоприятных условий жизни. При Президенте РФ действует Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, созданный в целях совершенствования политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Основными задачами Совета являются: оказание содействия Президенту РФ в реализации его полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина; подготовка предложений Президенту РФ по совершенствованию механизмов обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина; информирование Президента РФ о положении дел в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина в России и за рубежом; подготовка предложений Президенту РФ по вопросам взаимодействия с правозащитными общественными объединениями и их представителями.

Должность уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка учреждена указом Президента РФ, положениями которого обозначены его обязанности по защите прав и интересов ребенка и предоставлено право: запрашивать и получать в установленном порядке необходимые сведения, документы и материалы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц; беспрепятственно посещать органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации; проводить проверку деятельности органов исполнительной власти, должностных лиц, получать от них соответствующие разъяснения; направлять в органы власти свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления прав и интересов ребенка и др. (ст.5) [6].

Президент в своей деятельности опирается на Правительство РФ, которое также в соответствии с Конституцией РФ обязано осуществлять меры по обеспечению прав и свобод граждан (п. «е» ч. 1 ст. 114). Правительство разрабатывает программы по усилению борьбы с преступностью, развитию жилищной сферы, сохранению и развитию культурного потенциала страны, государственной поддержке малого

предпринимательства и др. К полномочиям Правительства РФ отнесены: обеспечение проведения единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды; обеспечение функционирования системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальная интеграция без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни; осуществление мер по поддержке институтов гражданского общества; меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности; содействие развитию предпринимательства и частной инициативы; обеспечение реализации принципов социального партнерства; осуществление мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду (ст. 114).

Обязанность гарантировать права и свободы человека и гражданина законодательством возлагается на иные органы исполнительной власти, а также на государственных служащих. Государственные служащие обязаны в своей деятельности исходить из принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственного действия, обязательности их признания, соблюдения и защиты (ст.3) [7]. Главнейшим условием обеспечения прав является эффективная деятельность правоохранительных органов. В соответствии с законом о полиции, она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности. Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств (ст. 1) [8]. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина образована Федеральная служба войск национальной гвардии. Руководство осуществляет Президент РФ. Войска национальной гвардии РФ являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина (ст.1) [9].

Также важную роль в охране и защите прав и свобод граждан, интересов общества и государства, укреплении законности и правопорядка играет прокуратура. Она осуществляет государственный надзор за исполнением законов на всей территории РФ. Органы прокуратуры принимают меры, направленные на обеспечение единства законности и незыблемости правопорядка, устранение нарушений законности и привлечение виновных к ответственности, восстановление нарушенных прав граждан, предприятий, учреждений, организаций. В сфере защиты прав человека значительное место принадлежит и адвокатуре. Согласно закону об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ адвокаты оказывают квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Нотариат является одним из правовых средств, с помощью которых государство обеспечивает защиту прав и свобод граждан, при этом нотариусы реализуют эту функцию посредством совершения от имени государства нотариальных действий, сущность которых заключается в удостоверении бесспорных юридических фактов.

Особое место в системе гарантий занимают Конституционный Суд РФ, суды присяжных, Уполномоченный по правам человека. Конституцией РФ каждому гарантируется судебная защита (ч. 1 ст. 46). Защита прав осуществляется в различных видах судопроизводства: конституционном, гражданском, административном и уголовном. Защита прав человека и гражданина в конституционном судопроизводстве представляет собой наивысшую форму судебной защиты, поскольку именно Конституционный Суд РФ обеспечивает единство законодательной и судебной практики в защите прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд РФ, оценивая соответствие законов и иных нормативных актов Конституции РФ, принимает во внимание права и свободы граждан. Здесь необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ одновременно, осуществляя контроль за конституционностью законодательства, выступает гарантом прав и свобод человека. Конституция РФ предусматривает специальную форму защиты прав и свобод — конституционную жалобу. Согласно закону о Конституционном Суде РФ правом на обращение в Суд с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан (ст.96) [10]. При этом гражданин должен приложить к жалобе копию официального документа, подтверждающего применение обжалуемого закона в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде. В конституционном судопроизводстве защиту получают как заявители конституционных жалоб, так и другие граждане, права которых были нарушены законом, признанным Конституционным Судом РФ неконституционным.

Конституцией РФ предусмотрена должность Уполномоченного по правам человека в РФ, назначаемого Государственной Думой сроком на пять лет (п. «е» ч. 1 ст. 103). Деятельность Уполномоченного по правам человека регулируется законом об Уполномоченном по правам человека в РФ, определяющего целью его деятельности обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (ст.1) [11]. Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами

международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Результаты деятельности Уполномоченного отражаются в докладах, которые направляются Президенту РФ, в Совет Федерации и Государственную Думу, Правительство РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и Генеральному прокурору РФ.

С учетом того, что Конституция РФ относит вопрос защиты прав человека к совместному ведению РФ и субъектов РФ. Субъекты РФ самостоятельно принимают решения об учреждении правозащитных органов, включая уполномоченных по правам человека, уполномоченных по правам ребенка и пр. Также помимо внутригосударственных гарантий предусмотрены и международные гарантии прав человека и гражданина – это коллективные меры мирового сообщества экономического, политического, идеологического, организационного характера, обеспечивающие охрану и защиту прав человека и гражданина. Россия в конституционном порядке принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства (ст.79.1), при этом конституционной нормой закреплено право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите их прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст.46). К межгосударственным органам по защите прав и свобод человека относятся: Комиссия по правам человека ООН, которая рассматривает индивидуальные и коллективные жалобы о массовых и серьезных нарушениях прав человека; Комитет по правам человека, рассматривающий сообщения о нарушении прав человека, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах; Европейский суд по правам человека, рассматривающий обращения о нарушении прав, предусмотренных Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод [12 – С. 208].

Формы и методы охраны Конституции. Охрана Конституции предполагает создание необходимых условий, развитие соответствующих гарантий, совершенствование государственно-правовых средств и методов обеспечения действия конституционных норм. В систему охраны входят органы, призванные стоять на страже Конституции. При создании системы охраны Конституции важно заметить то, что большинство норм граждане реализуют добровольно, без применения принуждения со стороны государства. Система охраны ориентирована на защиту ее от должностных лиц государства. Необходимо удерживать государственные органы и должностных лиц в рамках Конституции, следить за тем, чтобы они не превышали своих конституционных полномочий. Казалось бы, нет необходимости в охране тех норм Конституции, которые представляют права. Однако и эти нормы нуждаются в охране от посягательства со стороны других субъектов правового общества. Верное, неуклонное исполнение данных норм должностными лицами предполагает награды и иные позитивные санкции. А неисполнение норм и злоупотребление полномочиями влечет негативные санкции (понижение в должности, отставка, роспуск учреждения, выражение недоверия и т.п.). Охраняться должно социально полезное правомерное поведение людей. Так, например, граждане реализуют свои конституционные права через неучастия в выборах, то вряд ли необходимо поощрять такое поведение. В то же время будет некорректно создавать препятствий такому правомерному поведению, как принятие активных мер по его недопущению. Мировая практика знает разные системы охраны Конституции, которые при этом не совпадают ни по содержанию, ни по субъектам, ни по объектам и правовым формам. Так, субъектами, обеспечивающими охрану Конституции и ее реализацию в отдельных странах, являются: *главы государств* (Россия, Франция); *суды общей юрисдикции* (США, Япония, Норвегия); *верховный суд* в качестве высшей судебной инстанции (Индия, Австрия, Канада); *орган несудебного характера* (Конституционный совет во Франции); *специальные конституционные суды* (Австрия, ФРГ, Италия, Россия) [13 – С. 16]. По содержанию охрана Конституции может быть материальной и формальной. Материальная предполагает проверку содержания законов и иных нормативных актов, действий органов и должностных лиц государства на предмет соответствия их Конституции. Формальная означает проверку лишь процедурных правил совершенных действий. Конституционный Суд РФ осуществляет как тот, так и другой конституционный контроль. Различают также форму последующей и предварительной юридической охраны Конституции. При последующей форме проверке подвергаются вступившие в силу нормативные акты. Примером предварительной формы может послужить решение Конституционным Судом РФ дел о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров РФ. Применительно к законодательству и практике РФ можно выделить следующие формы охраны конституционных норм: охрана Конституции Президентом РФ. Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Он принимает меры по охране суверенитета и государственной целостности России, обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти; конституционный надзор со стороны Президента. Президент РФ вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч.2 ст. 85); конституционный надзор со стороны судов общей юрисдикции. Суды общей юрисдикции вправе не применять нормы (тем самым приостанавливать действие законов), если они, по их мнению, не соответствуют Конституции Российской Федерации (ч.4 ст.125). Конституционный Суд РФ разрешает споры о компетенции между федеральными органами власти, органами государственной власти субъектов федерации, высшими государственными органами субъектов РФ (ч.3 ст.125). Цели охраны Конституции можно увидеть в ряде

других норм. К примеру, в нормах закрепляющих право законодательной инициативы и, если такое право закрепляется за специализированными органами конституционного контроля и надзора. Это особая форма защиты Конституции. Большое значение в охране Конституции имеют ее нормы, фиксирующие жесткий порядок изменения конституционных положений. В Конституции РФ закреплен сложный порядок пересмотра и изменения Конституции, который имеет цель гарантировать высокий уровень защиты прежде всего отправных, базовых конституционных установлений (ст. 134-137). Исследователи предполагают, что собственная мощь права должна признаваться с мощью государства: «Сила права – характеристика, отражающая социальный вес, меру способности права соответствовать его целям, природе и назначению, вызывать необходимые социальные последствия в обществе... Сила права не тождественна силе государства... Качество силы право приобретает лишь при определенных условиях, когда оно экономически и социально детерминировано, соответствует общественному прогрессу, объективным потребностям, интересам и приоритетам людей» [13 – С. 18].

Особенности механизма охраны Конституции. Охрана Конституции – деятельность компетентных органов и должностных лиц, урегулированную конституционными нормами и направленную на достижение точного соблюдения режима конституционной законности, гарантирование соответствия конституции всех правовых актов. В механизме охраны конституции выделяются следующие составляющие: первая гарантия стабильности Конституции – это усложненный, жесткий порядок внесения в нее поправок и пересмотра ее положений; защите Конституции служат отдельные ее нормы (о ее верховенстве и высшей юридической силе). Нарушение этих норм может подвергнуть опасности легитимность властных структур, принимаемых законов, а также права, свободы и интересы негосударственных образований и граждан; немаловажное значение в защите Конституции имеет обязанность государственных органов и должностных лиц соблюдать Конституцию РФ, беречь и охранять основы конституционного строя страны; основы конституционного строя охраняются положениями уголовного законодательства. Некоторые преступлений против основ конституционного строя, относятся к категории тяжких либо особо тяжких преступлений; главная же составляющая охраны Конституции РФ – это наличие в государстве специального судебного органа конституционного правосудия – Конституционного Суда РФ, который устанавливается самой Конституцией РФ.

Конституционный Суд РФ выполняет функции охраны Конституции РФ. Цель данного органа: защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина и обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на все территории страны. Вверенные Конституционному Суду РФ полномочия позволяют ему оказывать самое существенное влияние на процесс реализации положений высшего нормативного правового акта РФ. Существуют два понятия – охрана и защита Конституции. Они объединены общим объектом и целью – обеспечение реальности и выполнимости Конституции. Методы достижения данных задач и содержание охраны Конституции РФ и защиты Конституции РФ различны. При этом, защита Конституции представляет действия по устранению конкретных нарушений конституционных норм, а ее охрана понимается как комплекс мер по устранению препятствий в реализации Конституции РФ и предотвращению конституционных правонарушений. Охрана Конституции РФ направлена на предупреждение правонарушений, а защита Конституции РФ начинается лишь при совершении конституционного правонарушения. Охрана может включает и защиту, активные действия по устранению нарушенных норм Конституции РФ [14].

Конституционная законность начинается тогда, когда каждый человек, государственный или общественный орган будут сами соблюдать конституцию, и следовать ей. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ (ч. 2 ст. 15). Эта обязанность закреплена не случайно, любое нарушение конституционных норм разрушает государственность, ущемляет права и свободы граждан, подрывает у людей веру в незыблемость конституционного порядка. Обязанность соблюдения Конституции РФ следует рассматривать как конституционный принцип, служащий основой законности и правопорядка в государстве. Вместе с тем, Конституция РФ и другие законы предусматривают специальные органы государственной власти, в функции которых входит правовая защита самой Конституции РФ. Так, гарантом Конституции РФ является Президент РФ (ч.2 ст.80). Правда, ни Конституция, ни какой другой действующий закон не раскрывает содержание понятия «гарант». В литературе этот термин истолковывается как «защитник Конституции». Наделенной властью и всем своим авторитетом Президент призван добиваться строгого соблюдения Конституции РФ и решительно пресекать всякие попытки ее нарушения. Другим органом, призванным от имени РФ осуществлять надзор за соблюдением Конституции РФ, является Прокуратура РФ, как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями (ч.1 ст.1) [15].

В заключении можно отметить, что значительную роль в правовой охране Конституции РФ играет Уполномоченный по правам человека РФ (п. «е» ч. 1 ст. 103), основная цель деятельности которого заключается в: обеспечении гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. При этом необходимо учитывать то каким образом воспринимаются и поддерживаются отдельным индивидуумом, правосознанием конкретного человека, различными социальными группами и обществом в целом, те принципы

и идеи, которые содержатся в Конституции РФ, что прямо зависит от правовой грамотности всех слоев общества и каждого конкретного человека и гражданина, отражая единую гражданскую позицию.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Бендюрина, С.В. Конституционное право России: учебник для бакалавров / С.В. Бендюрина, М.В. Гончаров, Д.М. Евстифеев; отв. ред. А.Н. Кокотов, М.С. Саликов. – Москва: Норма: ИНФРА-М. – 2022. – 448 с.
3. Купцов В. А. Особенности механизма реализации конституционных прав и свобод граждан / В.А. Купцов // Вестник РУК. – 2012. – №2. – С. 74–76.
4. Нарутто, С. В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. — Москва: РИОР: ИНФРА-М. – 2022. — 487 с.
5. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М. – 2020. – 864 с.
6. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 (ред. от 15.01.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2009.– № 36.– ст. 4312.
7. О системе государственной службы Российской Федерации: фед. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 22. – ст. 2063.
8. О полиции: фед. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собр. законодательства РФ. –2011. – № 7. – ст. 900.
9. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: фед. закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 27 (Часть I). – ст. 4159.
10. О Конституционном Суде Российской Федерации: фед. конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. –1994. – № 13. – ст. 1447.
11. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: фед. конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 9. – ст. 1011.
12. Нарутто, С. В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. — Москва: РИОР: ИНФРА-М. – 2022. — С.208.
13. Хабриева, Т. Я. Правовая охрана Конституции / Т.Я. Хабриева. – Москва: Норма. – 2019. – 217 с.
14. Гериханов, Д. М. М. Механизм правовой охраны Конституции Российской Федерации / Д. М. М. Гериханов // Проблемы конституционно-правового развития России. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет. – 2021. – С. 96–99.
15. О прокуратуре Российской Федерации: фед. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 47. – ст. 4472.

О РАЗОРУЖЕНИИ КАК ОДНОЙ ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аскарова Лилия Радыховна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Разоружение получило широкое признание и распространение в качестве основного принципа в международном праве. Без применения действенных мер по разоружению невозможно обеспечить мир и безопасность на международном уровне. Принято считать, что такой принцип международного права, как разоружение является одним из важнейших, так как выступает наиболее эффективным средством сохранения мира и предотвращения войны.

Общая характеристика права международной безопасности. Международная безопасность по праву признается одним из особенных свойств системы международных отношений. Ее задачи можно охарактеризовать как: *поддержание мира* и создание условий для безопасного существования государств, их региональных объединений и всего мирового сообщества; *защита интересов* субъектов международного права от различных угроз в мире. В науке международного права (далее – МЧП) международная безопасности понимается как мировой порядок, запрещающий нарушения территориальной целостности, суверенитета и независимости государств и создающий условия для устойчивого и стабильного развития мирового сообщества [1]. Международная безопасность разделяется на два типа: универсальная и региональная. Оба эти типа могут быть гарантированы только совместными усилиями всех или по крайней мере большинства стран мира или отдельно взятого региона. В своей организационной структуре международная безопасность включает меры по снижению остроты международных конфликтов и стратегической военной стабилизации в мировом сообществе, а также развитию сотрудничества между различными государствами для совместного решения проблем и противодействия глобальным угрозам. Основной элемент международной системы безопасности,

действующий с середины XX века представлен Организацией Объединенных Наций и ее Советом Безопасности. Основными средствами осуществления их решений являются система политических, экономических и военных санкций, предписание сдерживающих мер и максимальные ограничения на использование вооруженных сил и всех форм вооруженной борьбы и, в крайних случаях, гуманитарная интервенция. Основа послевоенной системы международных отношений и международной безопасности стал подписанный 26.06.1945 в г. Сан-Франциско Устав ООН, который одной из главных задач установил меры по поддержанию международного мира и безопасности и с этой целью «...принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угроз миру и пресечения актов агрессии или других нарушений мира и вести мирными средствами, в соответствии с принципами справедливости и международных прав, урегулирования или разрешения международных споров или других ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» (ст. 1) [2].

Право международной безопасности очень динамичная отрасль права, ядро которой представлено принципами международного права: территориальная целостность государств и нерушимость государственных границ, невмешательство во внутренние дела государств, мирное разрешение споров, сотрудничество между государствами, неприменение силы или угрозы силой. Помимо данных принципов глобальная безопасность имеет в наличии и свои принципы: *принцип целостности* обозначает, что в двадцать первом веке большинство стран нашей земли взаимозависимы. Любой кризис в какой-либо части мира (вооруженный акт агрессии или терроризм) немедленно отрицательно сказывается в других его частях; *принцип соблюдения безопасности* других государств рассчитывает на формирование такой внешней политики государством, которая предельно учитывает безопасность не только своей страны, но и целого мирового сообщества. Главные способы обеспечения международной безопасности заключаются в: *создании* международных организаций и институтов для поддержания безопасности; *принятии* двусторонних соглашений по организации совместной безопасности между заинтересованными странами; *образовании* многосторонних союзов; *разоружении*, демократизации и гуманизации международного политического порядка. Таким образом, право международной безопасности представлено совокупностью юридических принципов и норм, регулирующих взаимодействие государств и других субъектов международного права в целях предотвращения применения силы в международных отношениях, ограничения, сокращения и ликвидации отдельных средств вооруженной борьбы и направленных на обеспечение мира и ликвидацию угроз, обеспечение политической, экономической и социальной стабильности в мире [3 – С. 229]. При этом юридическая основа права международной безопасности может быть представлена совокупностью таких международных правовых актов как: Устав ООН 1945 г.; *договоры, ограничивающие* наращивание вооружений в количественном и качественном отношениях, к примеру Договоры о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г., о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений между СССР и США, заключенный в 1991 г. и пр.; *договоры, запрещающие* производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение, к примеру Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., Договор о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности между СССР и США 1987 г. и пр.; *договоры, рассчитанные* на предотвращение случайного (несанкционированного) возникновения вооруженных конфликтов, к примеру Соглашения между СССР и США о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между 1971 г., о предотвращении ядерной войны 1973 г., об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок 1988 г. и пр.; *договоры, посвященные* мирному урегулированию международных споров, к примеру Конвенция о мирном разрешении международных столкновений 1907 г., Общий акт о мирном разрешении международных споров 1928 г. и пр.; *договоры в сфере* региональной безопасности, к примеру Североатлантический пакт 1949 г., Договор о коллективной безопасности 1992 г. и пр. Определенное значение для права международной безопасности имеют значение и иные международные документы, к примеру: Акт относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности ее территории 1815 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г. и пр., принятые в рамках ОБСЕ как документы по «Планированию в области обороны», «Программа военных контактов и сотрудничества», «Меры стабилизации в отношении локальных кризисных ситуаций», «Принципы, регулирующие передачу обычных вооружений». Таким образом, можно выделить специфическую черту права международной безопасности: ее принципы и нормы тесно переплетаются с принципами и нормами иных отраслей права (например, международным гуманитарным правом, правом прав человека), что формирует структуру, способную обслуживать всю систему международного права в целом.

Международно-правовые основы разоружения. В настоящее время существует целый комплекс международно-правовых положений, методов и способов для успешного решения проблем, связанных с разоружением и сокращением вооружений, как в полном, так и в частичном объемах, при этом, основной порядок и задачи разрешения этой проблемы закреплен в Уставе ООН, положения которого определили соответствующие полномочия за такими органами, как Комиссия ООН по разоружению, осуществляющей подготовку рекомендаций по проблемам разоружения, разработку общих принципов переговоров по разоружению, слежение за выполнением решений специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по

разоружению так и проводимые ООН Конференции по разоружению [4 – С. 512]. Такие как Договоры о запрещении ядерных испытаний, включая акт о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой был от 05.08.1963 г. заключенный в Москве представителями СССР, США и Великобритании, условия которого не распространялись на подземные ядерные испытания. Такой договор имеет универсальный характер, поскольку право его подписания принадлежало всем государством, изъявившим желание к нему присоединиться. В 1996 мировое сообщество, заинтересованное в сокращении ядерного оружия с последующей его ликвидацией приняли Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, основная особенность которого заключалась в лаконичных формулировок основных обязательств и детальной регламентации организационно-контрольных мер на международном и национальном уровнях. К числу основных обязательств относятся: обязанность каждого государства–участника не производить испытания любых ядерных взрывов в любом месте; обязанность каждого государства-участника воздерживаться от побуждения, поощрения или какого–либо участия в проведении подобных ядерных взрывов. Для достижения объекта и цели Договора была учреждена Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Следующим документом стал Договор о нераспространении ядерного оружия, который был открыт для подписания с 01.07.1968 г., также относившийся к универсальным, содержание которого было направлено на разграничение обязательств государств, обладающих ядерным оружием и государств, им не обладающих, когда в случае, если государство-участник владеет таким видом оружия, оно «обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также прямо осуществлять контроль над таким оружием или взрывными устройствами». Государства, не обладающие ядерным оружием, обязуются не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также не принимать какой-либо помощи в производстве такого оружия. Важным элементом Договора выступает норма, выступающая связующим звеном между действующими нормативными постановлениями и будущими соглашениями по вопросам разоружения. Согласно е6 тексту участники Договора обязуются в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и в полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем. Существует группа договорных положений об ограничении стратегических вооружений, где наиболее важными признаны советско-американские двусторонние акты как: Договор об ограничении систем противоракетной обороны от 26.05.1972 г. и Протокол к нему от 03.07.1974 г., Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ–1) от 26.05.1972 г. Договор о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности от 08.12.1987 г., Договор между Российской Федерацией и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31.07.1991 (СНВ–1), о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) от 24.05.2002 г. Активно использовались положения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, открытая для подписания 10.04.1972 г., когда государства-участники приняли на себя обязательства ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять микробиологические или другие биологические агенты или токсины таких видов и в таких количествах, которые не имеют назначения для профилактических, защитных или других мирных целей, что также имеет отношение к оружию, оборудованию или средствам доставки, предназначенных для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах, определяя запрет на передачу кому бы то ни было средств бактериологического и токсинного оружия. В межгосударственном обороте находятся положения, установленные Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, открытая для подписания в январе 1993 г., где каждое государство-участник принял на себя обязательства никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не приобретать, не накапливать и не сохранять химическое оружие, не передавать его прямо или косвенно кому бы то ни было, при этом применение химического оружия и его военные приготовления к применению предложено запретить, а все наличие химического оружия предписывалось уничтожить, равно как и все объекты по его производству.

Юридическое содержание разоружения и ограничения вооружений. Под «разоружением» понимается система мер, приводящих к ликвидации или реальному сокращению различных видов оружия и средств их доставки, будь то массового уничтожения: ядерного, химического и биологического, или вооружений, считающихся обычными, включая уменьшение количества вооруженных сил государств, их военных расходов и потенциалов. «Ограничение вооружений» означает, что оружие остается, но государства могут заключать соглашения о таком его использовании, которое будет исключать возможность или жестокость войны. Таким образом, мероприятия в области ограничения и предотвращения гонки средств истребления могут содействовать разоружению, однако сами по себе, как правило, такового не означают. Поэтому не совсем корректно отождествлять термины «разоружение» и «ограничение вооружений», хотя в идеале они дополняют друг друга. В юридической литературе представлены различные точки зрения по вопросу, касающемуся содержания принципа разоружения. К примеру существует мнение ученых, рассматривающих его как: «...норму международного права, налагающую на государства определенные обязанности. И в этом качестве она выступает как общепризнанный принцип международного права, занимая видное место в системе других

принципов» [5]. Как правило, создание норм по разоружению выступает только в качестве непреложной обязанности государства. У любого, отдельно взятого государства, не возникает прямой обязанности по разоружению. Юридическое содержание принципа разоружения состоит именно в обязанности государств и главных органов ООН разработать мероприятия по практическому осуществлению разоружения. В качестве аргументации этого мнения, приводятся положения Устава ООН, к примеру прямо касающиеся разоружения (ст. 11, 26, 47), определяющие, что принцип разоружения является общим принципом сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности (ст. 11). Тщательный анализ этих статей представляет возможность сделать выводы, которые обосновывают: во-первых то, что разоружение закреплено в Уставе ООН как принцип, как норма международного права; во-вторых, отмечают, что формула разоружения в Уставе ООН выражена только в самом общем виде, когда Устав ООН не определяет конкретных форм и объема разоружения, а право разрешения этих вопросов предоставлено государствам. Другая группа ученых соглашается с мнением, что сейчас «...разоружение получило широкое признание в качестве принципа международного права, при этом из него не следует прямая обязанность государств разоружаться, а требуется принимать меры и добиваться заключения международных соглашений в области разоружения, добросовестно выполняя принятые на себя обязательства по действующим международным договорам» [6]. Современное право международной безопасности под разоружением подразумевает комплекс мер, направленных на запрещение отдельных видов оружия, сокращения вооружений, а также контроль за уничтожением запрещенных видов оружия [5]. Устав ООН в п.1 ст.11 содержит положение, согласно которому принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений, относятся к числу общих принципов сотрудничества в деле поддержания мира и безопасности. Возлагается рассмотрение данных принципов на Генеральную Ассамблею ООН и Совет Безопасности. Таким образом, исходя из выделенных в науке международного права определений, под разоружением необходимо понимать совокупность мер, направленных на прекращение наращивания материальных средств ведения войны, их ограничение, сокращение, а также их ликвидацию. Нормативное содержание принципа разоружения можно представить следующими положениями: строго и неуклонно соблюдать действующие договоры о разоружении; участвовать в мероприятиях, предусмотренных договорами, направленными на ограничение гонки вооружений и разоружение; добиваться создания новых норм, заключения договоров, направленных на разоружение, вплоть до договора о всеобъемлющем и полном разоружении под строгим международным контролем [7 – С. 311]. Частичное и полное разоружения является составной частью проблемы разоружения, так, к примеру резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г. №1378 сформулировано положение о полном разоружении, включающее действия по: роспуску вооруженных сил, ликвидации военных учреждений; ликвидации всех запасов ядерного и иного оружия и прекращение производства данного оружия; сокращение организаций и учреждений, направленных на организацию военного дела государства; сокращение расходов на военные цели. За государством в случае полного разоружения возможно сохранение таких неядерных вооружений, средств, которые будут признаны необходимыми для поддержания личной безопасности граждан и внутреннего порядка в государстве. В международном праве отсутствует норм, прямо обязывающая государства полностью разоружиться, однако суть основного обязательства – «в духе доброй воли вести переговоры, как, к примеру в Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» (согласно ст. 6 Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.) [8]. В настоящее время сложился и действует свод норм, определяющих частичные меры по разоружению: запрещение и ликвидация отдельных видов оружия; запрещение их производства, накопления, развертывания и применения; ограничение некоторых видов вооружений в количественном и качественном отношении; сужение возможности качественного совершенствования оружия; сокращение сферы или районов размещения различных видов вооружений. Выделяют пять форм разоружения: *одностороннее разоружение* так как подобный односторонний подход предполагает, что ядерное оружие вызывает существующую напряженность, и его отсутствие фактически приведет к отсутствие ядерного кризиса, при этом многие государства практиковали одностороннее разоружение и среди стран, которые поддерживают принципы одностороннего разоружения можно назвать Швейцарию, Швецию, Германию Нидерланды; *категорическое разоружение* означающее ликвидацию определенных категорий оружия таких как биологическое, химическое и ядерное, приводя в пример Женевскую конвенцию 1925 г., которая была одним из ранних международных актов, который запрещал использование газового и биологического оружия, а также появление соглашений о запрещении ядерного оружия определявших важнейший шаг на пути глобального ядерного разоружения; *разоружение путем переговоров* которое может быть реализованным только посредством международных соглашений, заключенных государствами на условиях существующей необходимости разоружения, при этом все инструменты контроля над вооружениями и различные договоры по оружию являются формами разоружения на основе переговоров, а Концепция переговоров по разоружению считается более обязательной и взаимной, чем одностороннее разоружение; *сокращение вооружений*, являющееся одной из форм разоружения, поскольку оно направлено на сокращение количества и видов существующего оружия которые считаются катастрофическим для человека и окружающей среды, к примеру различные типы соглашений между Соединенными Штатами и Советским Союзом и его правопреемником – Российской Федерацией о стратегических переговорах по сокращению и контролю над их вооружениями является примером сокращения вооружений как формы разоружения; *географическое сокращение*, как форма разоружения, которая

сосредоточена на конкретных географических местностях или в районах, обозначаемых в качестве безъядерных зон, где главной целью является реализация задачи по минимизации ядерной напряженности в этих районах [9].

Ядерное разоружение как мировая проблема. Вопрос ядерного разоружения становится с каждым днем все актуальнее и актуальнее, обозначая важность информационной повестки главных ядерных держав, к которым относятся России и США определяя насущную проблематику, в которой сильной стороной ядерного разоружения выступают действия, направленные на: *недопущение наступления* ядерной войны; *высвобождение большого количества средств*, ранее направляемых на поддержание ядерного оружия – на иные мирные цели, такие как: улучшение социальной сферы. Слабыми сторонами при этом считаются: *поиск альтернативы ядерному оружию*, который может привести к открытию еще более смертоносного и разрушительного вооружения; *сам процесс ядерного разоружения*, который крайне затратный и довольно опасный. В Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. нашло отражение положение о том, что все подписавшие его стороны должны вести переговоры в духе доброй воли о разоружении. На конференции 2000 г. по рассмотрению и продлению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, государства–участники договора согласовали «тринадцать практических шагов» по актуализации их обязательства в отношении ядерного разоружения, которые можно объяснить: *вступлением в силу Договора* о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) согласно которому государства должны безотлагательно и в кратчайшие сроки его подписать и ратифицировать, к примеру США и Китай договор подписали, однако его не ратифицировали, а Северная Корея, Индия и Пакистан его даже не подписали; *мораторием на ядерные испытания* как соглашением которое было заключено государствами и касается испытательных взрывов ядерного оружия, до вступления в силу ДВЗЯИ, когда все государства, обладающие ядерным оружием, приняли на себя обязательства и соблюдают это соглашение, однако Северная Корея вышла из Договора в 2003 г. и провела серию ядерных испытаний; *Договором о запрещении производства* расщепляющегося материала (ДЗПРМ) как следствия конференции по разоружению определившей необходимость проведения переговоров по недискриминационному, многостороннему и поддающемуся эффективной проверке ДЗПРМ для запрещения производства расщепляющихся материалов, которые можно было бы использовать для изготовления ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, разработки нового Договора, который включал бы положения, определяющие запрещение высокообогащенного урана и плутония для целей ядерного оружия; *Конференцией по разоружению*, определяемой резолюцией Генеральная Ассамблея ООН от 7 июля 2017 г № 71/257 принятой по результатам доклада Конференции по разоружению о проведении дополнительных переговоров по договору о запрещении ядерного оружия, который в случае принятия, реализует статью VI ДНЯО о проведении добросовестных переговоров в целях полного разоружения. К обоснованию тринадцати шагов также относят: *необратимость процесса сокращения* количества ядерных государства, когда участники ДНЯО, единодушно и решительно согласились не обращать вспять ядерное разоружение, и осуществлять меры по контролю над ними; *ликвидация ядерных арсеналов* когда государства, обладающие ядерным оружием, могут стать обязанными по Договору (ст. VI) стремиться к полной ликвидации своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению, к примеру сохранить и возвратить на новом уровне действие договоров СНВ–2, СНВ–3 и Договора по противоракетной обороне, с учетом реалий современного времени; *международная стабильность* когда все государства, обладающие ядерным оружием и государства, не обладающие ядерным оружием, незамедлительно смогли бы начать процессы ядерного разоружения таким образом, чтобы содействовать международной стабильности, включая сокращение ядерных арсеналов, абсолютную прозрачность об их потенциале в области ядерного оружия, о материальных средствах и транспортных средствах их доставки, односторонняя инициатива по сокращению нестратегических ядерных вооружений; дальнейшее снижение оперативного статуса существующих систем ядерного оружия; уменьшение роли ядерного оружия в политике безопасности и вовлечение надлежащим образом в процессе, ведущем к полному разоружению; *использование ядерной энергии в мирных целях* где государства, обладающие ядерным оружием, добровольно бы поставили часть своей ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ, что обеспечило бы совместный контроль всех ядерных программ, когда расщепляющийся материал мог бы постоянно оставаться вне сферы военного использования и вне военных ядерных программ; *всеобщее и полное разоружение* предполагающее стремление государств-участников Договора двигаться к цели всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем; *отчетность* которая предусматривает, что все ядерные государства будут регулярно сообщать достоверную информацию об осуществлении обязательств в рамках положений Договора (ст. VI), которые укрепили бы доверие к легитимности деятельности, проводимой в процессе разоружения в целом; *соблюдение обязательств* направленное на развитие возможности проверки мер, принимаемых при обеспечительных процессах соблюдения соглашений о ядерном разоружении, создания и поддержания мира, свободного от ядерного оружия, когда всеобщий контроль становится важнейшим аспектом разоружения и международного контроля над вооружениями [9]. Представляется, что полное ядерное разоружение и запрет на производство подобного ему вооружения может стать первым шагом на пути человечества к сотрудничеству и уменьшению конфликтов. Однако все это может привести к наступлению активной фазы конфликтов между бывшими ядерными державами и к новым войнам. Более того, некоторые страны не будут соблюдать условия разоружения и могут сохранить у себя часть боезапаса или продолжить его теневое производство. Основываясь на существующих в науке точках зрения относительно ядерного разоружения, исследователи прогнозируют возможные варианты развития как: *полный отказ,* когда

ядерные державы смогут договориться между собой и полностью ликвидировать весь свой запас ядерных боеприпасов и ракет: *ограничение,* когда ядерные державы не смогут договориться о полном разоружении, но придут к взаимному соглашению об ограничении количества или видов ядерного вооружения, когда к примеру страны смогут сохранить только ракеты ближней дальности или определённый процент от общего числа боеголовок; *мертвая точка*, когда ядерные державы будут пытаться договориться друг с другом о полном или частичном ядерном разоружении, но так и не смогут прийти к общему согласию и будут придерживаться лишь подписанных ранее договоров; *крах дипломатии* и начало новой гонки вооружений, когда ядерные державы не только не смогут договориться между собой, но и полностью расторгнут все ранее подписанные договоры и продолжат разработку и испытания новых видов ядерного вооружения без ограничений, однако сейчас можно только предположить возможные процессы, не имея возможности предугадать то, какие могут быть последствия [10].

В качестве итога можно отметить, что под правом международной безопасности понимают совокупность юридических принципов и норм, регулирующих взаимодействие государств и других субъектов международного права в целях предотвращения применения силы в международных отношениях, ограничения, сокращения и ликвидации отдельных средств вооруженной борьбы и направленных на обеспечение мира и ликвидацию угроз, обеспечение политической, экономической и социальной стабильности в мире. Под «разоружением» понимают систему мер, направленных на ликвидацию или реальное сокращение вооружений и средств их доставки. Под «ограничением вооружений» понимают действия, направленные на реальное сокращение вооружений, когда имеющееся количество оружие может обеспечить лишь защиту от агрессии другого государства, исключая при этом возможность начала войны, содействующие предотвращению гонки вооружений и последующему разоружению.

Список литературы

1. Черепанова У. О. Современная система права международной безопасности, ее развитие и политико–правовое обеспечение / У.О Черепанова, Т.С. Житнюк // Современная наука и молодые ученые. – 2020. – С. 90–93.
2. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан–Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. – 1996. – С. 7–33.
3. Стародубцев, Г.С. Международное право : учебник / под ред. Г. С. Стародубцева. – 2–е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА–М, 2020. – 416 с.
4. Игнатенко, Г. В. Международное право : учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 6–е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА–М, 2021. – 752 с.
5. Косолапов М. Ф. Принцип разоружения в международном праве / М.Ф. Косолапов, Д.Р. Каримов, С.А. Щеглов // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. – 2019. – С. 162–164.
6. Трофимова О. А. Принцип разоружения в международном праве / О.А. Трофимова, У.А. Кривошеева, А.А. Каримова // Нормы международного права как источник российского законодательства. – 2018. – С. 84-87.
7. Федощева, Н.Н. Международное право : учебное пособие / Н.Н. Федощева. – 2–е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА–М, 2022. – 398 с.
8. Договор о нераспространении ядерного оружия (Женева, 01.07.1968 г.) // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1968. – № 13. – ст. 88.
9. Нуцалханов Г. Н. Разоружение: средства и значение / Г.Н. Нуцалханов // Мировая наука. – 2019. – №. 7. – С. 44–50.
10. Кульша Н. С. Ядерное вооружение: проблемы и способы их решения / Н.С. Кульша, Л.А. Чернышёва // Актуальные проблемы развития социально–экономических систем: теория и практика. – 2021. – С. 157–160.

О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ АРКТИКИ ПРОБЛЕМАХ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ

Босова Екатерина Валерьевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Арктика является северной полярной областью, которая имеет совершенно иное положение, чем все страны, находящиеся в нашем мире. Становление правового регулирования Арктического пространства началось только в 19 веке и носило более региональный характер: территория Арктики была разделена на секторы, которые прилегали к определённым государствам (Россия, Канада, Дания, Норвегия и США). В XXI веке арктический вопрос приобрел совсем другое значение. У стран, с развитием экономики, с условием истощения природных ресурсов, появился интерес к Арктике по причине того, что данная территория имеет стратегически важное значение: содержатся богатейшие природные ресурсы, огромные запасы нефти, огромное пространство для исследований и научных открытий, созданная транспортная развязка. Появилась тенденция к

глобализации Арктики между всеми государствами, кто прямо или косвенно желает участвовать в его освоении.

Понятие Арктического пространства. При анализе международных правовых актов выяснилось, что они не содержат понятия «Арктическое пространство», поэтому такой пробел порождает различные взгляды и подходы к определению понятия «Арктическое пространство». Несмотря на то, что в литературе существует множество определений Арктики, которые выделяют ее частные признаки, чаще всего под Арктикой понимают северную полярную область земного шара, которая включает в себя окраинные части Северной Америки и Евразии, а также Северный Ледовитый океан с преобладающим количеством островных образований в нем. Центром этой территории выступает Северный географический полюс, а граница которого находится примерно на уровне географической параллели, проходящей под 66^0 Северной широты (Северный полярный круг) [1]. Из-за того, сто существуют множество понятий Арктики и нет единого определения, то по этой причине существуют разные подходы к пониманию этого вопроса. Определение термина «Арктическое пространство» имеет различные подходы к пониманию, к примеру, с одной стороны, оно может рассматриваться как морское пространство со всеми вытекающими из этого последствиями, а именно – регулирование в соответствии с нормами международного права, прежде всего, Конвенцией ООН по морским правам 1982 г., тогда как с другой стороны, территория Северного Ледовитого океана может рассматриваться как отдельная государственная территория, которая прилегает к приарктическим государствам, где такая «территория океана» разделена на секторы, и ледяные острова, воды, которые находятся в этих секторах принадлежат государствам. Однако с такой точки зрения рассматривать Арктику сложно, так как в международной практике морское пространство не делится на сектора между государствами, в следствии того, что имеется территория, относящаяся к государству, а воды, только частично входят в юрисдикцию прибрежных государств. Также нужно не забывать, что ледовые образования попадают под воздействие положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (гл. 13), которая посвящена морским научным исследованиям, где ледяные острова понимаются как «как натуральные научно-исследовательские установки». Положения Конвенции ООН о морском праве (ст. 259) устанавливают, что территории ледяного острова «не имеют статуса острова, так как не имеют собственного территориального моря и их наличие не влияет на делимитацию территориального моря, исключительной экономической зоны или континентального шельфа» [2]. При таком понимании Арктики и ледяных островов, факт завладения или владения каким либо из них, не дает разрешения использовать окружающую водную территорию, прилегающую к острову для определения ее как территориальные воды. Нужно понимать, сто ледяной остров это постоянно двигающаяся поверхность которая может изменяться практически каждый день. Это подтверждает то, что данный вопрос составляет пробел в международном праве, так как он не урегулирован. Исходя из этого можно сделать вывод, что в настоящее практике не сложилось единого понимания правового статуса Арктики, потому что в международном праве не урегулирован вопрос с понятием ее территории и правового регулирования ее, потому что она отличается от привычных континентов, например такой как Евразия. При этом некоторые ученые считают, что Арктику нужно понимать не как территориальное, а как морское пространство. Так по состоянию на 2022 год: в летний период льда стало примерно на 2,7 миллиона квадратных километров меньше, что по площади примерно равно территории Гренландии; в зимний период площадь ледового покрытия Арктики сократилась на 700 тысяч квадратных километров. При этом изменилась и толщина ледового покрова, особенно в центральной части Северного Ледовитого океана уменьшившись почти в три раза [3]. Такие результаты процессов изменения климата, сопутствуют изменению территории покрытой льдом и открывают новые пространства для Арктической навигации. Таким образом, основные подходы к пониманию Арктического региона сводятся к тому, что Арктику можно, с одной стороны, определить как регион, обладающий особым статусом в силу географических и климатических особенностей, исходя из понимания, которым следуют сторонники секторального принципа, с другой стороны, ее можно представить как морское пространство, что влечет необходимость распространения на Арктику режима, установленного Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

Секторальное деление Арктического пространства. Такое деление появилось не просто так, оно является продуктом исторически сложившейся практики и как отмечает ученые «является исторически первой концепцией», которая используется приарктическими государствами, для определения территории. Такая теория называется «полярные сектора» (принцип сектора). Содержание данной теории основывается на том, что «для территориального размежевания Арктики прибрежными странами используется так называемый «полярный сектор», представляющий собой треугольник, основанием которого является прилегающее к Северному Ледовитому океану побережье государства, боковыми его сторонами служат меридианы, идущие от крайних точек побережья государства, а вершиной – Северный полюс» [4]. Поэтому, в соответствии с данной концепцией каждое из пяти приарктических государство могли и ранее имели суверенные права на разведку и использования природных ресурсов, прилегающего к нему континентальному шельфу, в том числе использование территорий, которые прилегают к шельфу на протяжении двухсот морских миль [2]. В настоящее время секторальное деление Арктического пространства ушло в прошлое, как итог оспаривания странами ЕС, являющихся приверженцами глобализации Арктической территории, когда трактовка секторального деления Арктического пространства была поставлена под вопрос в силу своей неоднозначности. Существует Илулиссатская декларация 2008 г., принятую в г. Илулиссат (Гренландия), участниками которой стали все приарктические государства. Эта декларация закрепила положение, согласно которому «... в силу своего

суверенитета, суверенных прав и юрисдикции над значительными районами Северного Ледовитого океана пять прибрежных государств находятся в уникальном положении для реагирования на возникающие возможности и вызовы. В этом контексте отмечается, что в отношении Северного Ледовитого океана применяется обширная международно-правовая база, как отмечалось на встрече в Осло 15–16 октября 2007 г. В частности то, что в морском праве закреплены важные права и обязательства, относящиеся к определению внешних границ континентального шельфа, вопросам касающимся защиты морской среды, включая районы, покрытые льдом, свободы судоходства, проведения морских научных исследований и других видов использования моря. Когда приарктические страны сохраняя приверженность этой правовой базе и упорядоченному урегулированию любых возможных перекрывающихся претензий, оставляют за собой указанные права». Следовательно, страны-участницы соглашения (США, Норвегия, Канада, Дания и Россия) заявили несогласие в отношении создания нового международно-правого режима для Северно-Ледовитого океана, означающего, отказ в каких-либо международных сношениях, касающихся вопросов, связанных с пересмотром сложившегося правового режима Арктического пространства. В таком ключе появились два диаметрально противоположных мнения, первое из которых состоит в том, что в настоящее время мир живет в процессе глобализации и правильно было бы придать глобализации территории Арктики, второе мнение определяется тем, что уже сложилась историческая практика, в которой существуют приарктические государства и все вопросы, касающиеся использования Арктических территорий урегулированы международными актами, принятыми странами мирового сообщества. Поэтому только время может показать, как дальше будет развиваться вопрос с определением данной территории.

Определение статуса Арктического пространства. Так как у Арктики нет особого правового регулирования и ее основная поверхность представлена ледником, находящимся на водной территории Северо-Ледовитого океана, то правовое регулирование осуществляется в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года (далее – Конвенция), положения которой позволяет любому практическому государству устанавливать ширину своего территориального моря в пределах, не превышающих двенадцати морских миль, отмеряемых от исходных линий (ст. 3). Прибрежному государству принадлежат права на принятие законов и правил, которые регулируют вопросы: мирного прохода через территориальное море; безопасности судоходства и регулирования движения судов; защиты навигационных средств и оборудования, а также других сооружений или установок; сохранения живых ресурсов моря; сохранения окружающей среды прибрежного государства, а также иных вопросов, установленных в ст. 21. Иностранные суда, осуществляющие право мирного прохода, понятие которого дается в ст. 18 и 19 Конвенции, обязаны соблюдать установленные прибрежным государством законы и правила, а прибрежное государство вправе требовать от иностранных судов, осуществляющих право мирного прохода, пользоваться морскими коридорами и схемами разделения движения, устанавливаемыми прибрежным государством (ст. 22). Конвенцией также устанавливаются права защиты прибрежного государства в случае угрозы безопасности (ст. 25), правила уголовной юрисдикции на борту иностранного судна (ст. 27), правила гражданской юрисдикции в отношении иностранных судов (ст. 28). Часть №5 Конвенции регулирует отношения, связанные с определением исключительной экономической зоны на данном пространстве для прибрежных территорий. Так, согласно ст. 57 исключительная экономическая зона прибрежных территорий составляет ширину, не превышающую 200 морских миль, которые, отсчитывается от исходных линий, от которых отмеряют ширину территориального моря (ст. 57). В указанной исключительной экономической зоне прибрежное государство реализует суверенные права, направленные на разведку, разработку и сохранение живых и неживых природных ресурсов, а также управление ресурсами в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, деятельность по экономической разведке и разработке указанной зоны, также прибрежные государства осуществляют юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений; морских научных исследований; защиты и сохранения морской среды (ст. 56). При этом в исключительной экономической зоне прибрежное государство в силу ч. 2 ст. 56 уже вынуждено учитывать права и обязанности других государств в исключительной экономической зоне (свобода судоходства и полетов, возможность прокладки указанными государствами подводных кабелей и трубопроводов и другие правомерные виды использования моря в соответствии с нормами международного права). Так, в соответствии с п. 1 ст. 76 «континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» [6]. В соответствии с п. 8 ст. 76 данные о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отменяется ширина территориального моря, представляются соответствующим прибрежным государством в Комиссию по границам континентального шельфа. При этом прибрежное государство в соответствии со ст. 77 осуществляет исключительные суверенные права в целях разведки континентального шельфа и разработки его природных ресурсов.

Внутреннее содержание указанных исключительных прав состоит также в том, что, если прибрежное государство не осуществляет исследование континентального шельфа или не разрабатывает его природные ресурсы, то никакое иное государство не может делать этого без определенно выраженного согласия

прибрежного государства. Главная ценность конвенционного регулирования состоит в том, что морское дно и ресурсы, которые находятся за пределами континентального шельфа прибрежного государства, признаются общим наследием человечества, то есть ни одно государство не вправе предъявлять притязания на суверенные права в отношении такого морского пространства. Таким образом, если исходить из конвенционного регулирования Арктического пространства, ключевое значение приобретает протяженность континентального шельфа приарктического государства.

Морские границы. В международном праве закреплено положение об определении границ территориального море. Данное положение закреплено в ст. 15 Конвенции и норма о делимитации звучит таково: «если берега двух государств расположены один против другого или примыкают друг к другу, ни то, ни другое государство не имеет права, если только между ними не заключено соглашение об ином, распространять свое территориальное море за срединную линию, проведенную таким образом, что каждая ее точка является равностоящей от ближайших точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря каждого из этих двух государств». При этом ст. 15 Конвенции закрепляет правило исторической сложившейся практики, то есть если между государствами были исторически сложены какие-либо отношения насчет определения морских границ или имеются основания, чтобы такие отношения сохранились в первозданном виде, то Конвенция признает такое разделение морских границ. Такое правило делимитации в Арктических пространствах соответственно сопровождается долгими переговорами, которые заканчиваются либо заключением двухстороннего международного договора, либо разрешением спора в рамках правосудия – в стенах Международного Суда (в случае недостижения соглашения между государствами).

Если вернуться к приарктическим государствам и определению морских границ территории Северного Ледовитого океана, то в этом случае наблюдается тенденция разрешения споров по средствам заключения международного договора, к примеру договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия от 15 сентября 2010 г. о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, который устанавливает положения о границе в спорном районе площадью 175 тыс. кв. км., называемом «серая зона». Соглашение было достигнуто и привело к важным результатам, согласно которым установлены: граница экономической зоны; граница в отношении арктического шельфа, в отношении участков морского дна и территорий за пределами 200-мильных исключительных экономических зон, находящихся в замкнутом ими так называемом «анклаве» Баренцева моря. Положения Договора устанавливает «Специальный район», в котором установлены права РФ, касающиеся специального района: «В районе к востоку от линии разграничения морских пространств, находящемся в пределах 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря материковой части Норвегии, но за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации (далее – специальный район), Российская Федерация с даты вступления в силу настоящего Договора вправе осуществлять суверенные права и юрисдикцию, вытекающие из той юрисдикции в исключительной экономической зоне, которую Норвегия иначе была бы вправе осуществлять по международному праву» . При этом нужно понимать, что распространение суверенных прав на специальный район, не дает России право на расширение своей исключительной экономической зоны. Значение данного договора и его важность определяется тем, что в нем были урегулированы вопросы об исключительной экономической зоне России. Это означает, что Россия полноправно может осуществить в ней свои права. Также в договоре имеются положения, определяющие пределы рыболовства, и из-за того, что эти вопросы урегулированы каждая из сторон может спокойно заниматься экономической деятельностью. Касаясь вопросов аналогичной сферы деятельности стран можно рассмотреть договор о дел делимитации морской границы между СССР и США, как Соглашение о разграничении морских пространств в Беринговом море и Северном Ледовитом океане 1990 г. (договор Бейкера-Шеварднадзе) [7 – С. 176]. Здесь важно обратить внимание на то, что Соглашение на настоящее время не ратифицировано, однако исполняется на временной основе после обмена дипломатическими нотами между госдепартаментом США и МИД СССР от 01 июня 1990 г. Данные положения показывают, что есть международная практика по разграничению морских границ на территории Арктического пространства, к тому же в международном праве закреплены нормы по определению морских границ, что предотвращает коллизии между государствами.

Континентальный шельф. Вопрос об определении и делимитации внешних границ континентального шельфа является наиболее спорный и ключевым в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Как уже было указано в ст. 4 главы 1, то режим континентального шельфа может устанавливаться государствами по общему правилу лишь в пределах 200 морских миль, за указанными пределами – режим открытого моря, который дает возможность эксплуатации и научных исследований со стороны любого государства. Но те государства, у которых внешняя граница подводной окраины материка превышает 200 морских миль, могут расширить внешнюю границу континентального шельфа. В соответствии с п. 3 ст. 76 «подводная окраина материка «включает находящееся под водой продолжение континентального массива прибрежного государства и состоит из поверхности и недр шельфа, склона и подъема. Она не включает дна океана на больших глубинах, в том числе его океанические хребты или его недра» [2]. Таким образом, Конвенция определяет варианты для определения внешних границ континентального шельфа, которыми являются, включая: толщину осадочных пород (пп. i) п. 4 ст. 76; расстояние от подножия континентального склона, которое, если нет доказательств об обратном, определяется как точка максимального изменения уклона в его основании. В таком случае внешняя

граница подводной окраины материка определяется с помощью «линии, проведённой в соответствии с п. 7 путем отсчета от фиксированных точек, отстоящих не далее 60 морских миль от подножия континентального склона» (пп. ii) п. 4 ст. 76.

Конвенции не ограничивает государства в праве выбора любого из предложенных подходов исходя их выбора наиболее оптимального и выгодного, однако имеется важное замечание, определяющее расширенное понятие континентального шельфа который тоже имеет свои границы, где в силу п. 5 ст. 76 Конвенции имеются «фиксированные точки, составляющие линию внешних границ шельфа на морском дне, «должны находиться не далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты, которая представляет собой линию, соединяющую глубины в 2500 метров» [2]. В Конвенции также закреплено положение по пределам внешних границ континентального шельфа исходя из положения, закрепленного в ст. 76 где согласно п. 8: «...прибрежное государство представляет данные о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий в Комиссию по границам континентального шельфа. При этом результат рассмотрения такого представления – выдача рекомендаций по вопросам, касающимся установления внешних границ их континентального шельфа, где границы шельфа, установленные прибрежным государством на основе указанных рекомендаций, носят окончательный характер и являются обязательными для всех остальных государств». Однако здесь необходимо отметить, что не нужно абсолютировать положения этой статьи так как в соответствии с п. 1 Приложения I к Правилам процедуры Комиссии, то она признаёт, что вопросы, касающиеся споров, которые могут возникать в связи с установлением внешних границ континентального шельфа, компетентны решать государства. Согласно пп. a) п. 6 Приложения при наличии территориального или морского спора Комиссия не рассматривает и не оценивает представление, делаемое каким-либо из государств, затрагиваемых спором, в соответствии с пп. b) такие представления и вынесенные по ним рекомендации не наносят ущерба позиции государств, являющихся сторонами в территориальном или морском споре, а в Приложении I к Правилам процедуры Комиссии установлены правила, когда «при наличии взаимной договоренности два и более прибрежных государства могут подавать Комиссии совместные или индивидуальные представления, прося Комиссию вынести рекомендации в отношении разграничения либо без учета делимитации границ между этими государствами, либо с указанием при помощи геодезических координат тех пределов, в которых представление не наносит ущерба вопросам, касающимся делимитации границ с другим государством (государствами), участвующими в этой договоренности» [5]. То есть в Комиссию можно направить и индивидуальные, и совместные согласованные представления. Во-вторых, в ст. 83 Конвенции указывается, что делимитация континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями осуществляется путем соглашения на основе международного права в целях достижения справедливого решения, а в случае невозможности достижения соглашения в разумный срок – путем использования процедур, предусмотренных в части XV. Ввиду того, что принципом делимитации границ континентального шельфа по ст. 83 Конвенции является «поиск справедливого решения», следовательно, список «особых обстоятельств» и исторических прав может быть расширен и включать не только географические характеристики конфликтного района, но и иные, в том числе и экономические, политические и военно-стратегические обстоятельства», на что указал и Международный Суд ООН. Таким образом, ни рекомендации Комиссии, ни установленные государством границы на основании таких рекомендаций не будут носить общеобязательного характера в случае наличия территориального либо морского спора с приграничным государством, рекомендации Комиссии не являются способом разрешения территориальных и морских споров. Здесь можно отметить, что в случае удовлетворения Комиссией представления России в полном объеме вопросы, связанные с делимитацией континентального шельфа с приграничными государствами, будут решаться с ними на договорной основе. И если у России имеются такие двусторонние соглашения с Норвегией и США, то в случае с Данией и Канадой России придется договариваться в соответствии со ст. 83 Конвенции.

Список литературы

1. Захаренков Е.Д. О международно правовом режиме арктических территорий / Е.Д. Захаренков, Р.В. Ковалева // Вестник магистратуры. ¬ 2021. – №4-1 (115). – С. 77–79.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву: международный правовой акт от 10.12.1982 (с изм. от 23.07.1994) // Бюл. международных договоров. – 1998. – № 1. – ст. 259.
3. Сайт: Таймырский телеграф // [Текст] URL: https://www.ttelegraf.ru/news/tayanie-lda-v-arktike-skazhetsya-na-sudohodstve/ (дата обращения 05. 04.2023)
4. Макагон А. В. Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики / А. В. Макагон // Океанский менеджмент. – 2019. – № 1(4). – С. 4-10.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву: международный правовой акт от 10.12.1982 (с изм. от 23.07.1994) // Бюл. международных договоров.. – 1998. – № 1. — ст. 57.
6. Бирюков П.Н. Арктическое право : учебник для вузов / ответственный редактор П. Н. Бирюков. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С. 176. (218 с.)
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву: международный правовой акт от 10.12.1982 (с изм. от 23.07.1994) // Бюл. международных договоров . –1998. – № 1. – ст. 76.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву: международный правовой акт от 10.12.1982 (с изм. от 23.07.1994) // Бюл. международных договоров.. – 1998. – № 1. – ст. 76.
9. Лабуть Д. А. Роль рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа в делимитации морских пространств / Д.А. Лабуть. // Международное право и международные организации. – 2018. – №1. – С. 23.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ВОЙНЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Боярова Дарья Алексеевна 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Конфликты всех времен объединены общей негативной тенденцией, связанной с огромном количеством жертв среди мирного населения. В современных конфликтах, количество жертв лиц, не участвующих в военных действиях, существенно возросло и зачастую превышает потери в армии. Гибель гражданского населения в ряде вооруженных конфликтов считается не только издержками вооруженных конфликтов, но и последствиями преднамеренных действий противостоящих сторон, в которых, как правило оккупирующая страна предпринимает, направленные против мирного населения, действия, целью которых является эвакуация населения с потенциально опасных территорий, как следствие – снижение экономического потенциала и ускорение капитуляции.

Понятие вооруженного конфликта и жертв войны. События последних десятилетий показали, что обращаться к понятию «конфликт» в особенности «международный вооруженный конфликт», в современных международных отношениях и международном праве приходится намного чаще, чем этого хотелось бы. Доклады Генерального Секретаря ООН последних лет (с 1998 года) не содержат разделов о мирном разрешении международных споров, а посвящаются более актуальным темам международных отношений: предотвращение конфликтов, поддержание мира и постконфликтное мирное строительство [1].

Вооруженные конфликты в современном мире предполагают мобилизацию всего социума сторон конфликта, и только маленькие сообщества имеют возможность остаться в стороне и не испытать на себе ее политические последствия. Современные ядерные технологии, с одной стороны, позволили сверхдержавам считать, что они смогут уничтожить все живое на планете, с другой – способствовали усилению представлений о человечестве как о едином глобальном с общей судьбой сообществе. Любое исследование понятий о современной войне предполагает рассмотрение вопросов, связанных с масштабным вооруженным противостоянием двух и более государств, при этом уже набольшие по масштабу конфликты, способные возникнуть в приграничных территориях могут быть отнесены к вооруженным конфликтам. Внутренние вооруженные противоречия в зависимости от масштаба участников могут квалифицируются как гражданские войны. Понятие «война» в современных условиях используется крайне редко, и как правило в случаях, когда это касается больших вооруженных конфликтов традиционного типа межгосударственного характера. Ученые в большинстве случаев используют понятие «вооруженный конфликт» меньшей или крупной интенсивности. Те конфликты, в которых число погибших в течение одного года составляет более 1 тыс. чел., считают крупными, а с меньшим количеством потерь небольшими. Существует значительное количество определений термину «война», однако универсальное понятие, соответствующего современным условиям отсутствует, при этом существующие не могут в полной мере быть использованы в качестве эффективного инструмента для анализа и характеристики возникшей ситуации. Это в полной мере касается и понятия «вооруженный конфликт», которое включает в себя любое противостояние двух и более сторон вне зависимости от их правовой квалификации. Очевидно, что его содержание может трактоваться по-разному, в зависимости от возникших обстоятельств, когда к примеру, используются оба выражения, что не способствует прояснению проблемы [2].

Создание норм международного права об использовании вооруженной силы проходило в рамках Организации Объединенных Наций, которая играет важную роль в этой сфере международных отношений. Решающая роль Совета Безопасности ООН в поддержании мира и обеспечении безопасности государств представляет собой ту систему коллективной безопасности, которая была создана после Второй мировой войны. Главная цель создания ООН заключается в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни, принесшей человечеству невыразимое горе», что бы избежать возможности для возникновения Третьей мировой войны. Однако, в прошедший после завершения Второй мировой войны, период возникло более 90 вооруженных конфликтов, в числе которых большинство представляют внутренние вооруженные конфликты, во время которых действуют иные международно-правовые нормы, чем во время международных вооруженных конфликтов. Международный вооруженный конфликт представляет собой вооруженные боевые действия между двумя или более суверенными государствами, независимо от того, признают ли все стороны существование состояния войны. Данное определение, закреплено статьей 2, общей для Женевских конвенций 1949 г. и распространяется на все случаи оккупации территорий сторонами конфликта, даже в условиях, когда оккупация не встречает вооруженного сопротивления.

После принятия в 1977 году Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. определение международного вооруженного конфликта расширилось и стало включать национально-

освободительные войны, представляющие вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение. Кодификация современного права вооруженного конфликта началась во второй половине XIX века. Первым международным договором, регулирующим вопросы последствий вооруженных столкновений, стала Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. считающаяся как положительный международный закон об участи больных и раненых воинов во время войны. Согласно ее положений, воюющие государства в ходе сухопутной войны были обязаны проявлять заботу о захваченных в плен раненых и больных военнослужащих, признавать нейтралитет медицинского и духовного персонала, госпиталей, походных лазаретов, санитарного транспорта, для которых были введены отличительные эмблемы.

В 1868 году в Санкт-Петербурге была заключена Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль («Санкт-Петербургская декларация») – первый международный акт, запрещающий конкретные средства ведения войны, запрещающий применение разрывных снарядов весом менее 400 гр., поскольку их употребление «без пользы увеличивает страдания людей или делает их смерть неизбежной». В ходе первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг. приняты многосторонние конвенции о законах и обычаях войны, включенные в комплекс норм международного гуманитарного права. Положения конвенций закрепили важнейший принцип, согласно которому воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда противнику. При этом приложение к Конвенции содержит правила обращения с военнопленными, больными и раненными, мирным населением, добровольцами, а также положения о порядке проведения осад и бомбардировок, о положении и статусе военной власти на оккупированной территории. После Первой мировой войны в 1929 году была созвана Дипломатическая конференция для пересмотра Женевских конвенций. Конференция завершилась подписанием Конвенции об обращении с военнопленными – Женевская конвенция 1929 г. Наиболее важные нововведения состояли в запрете репрессий и коллективных наказаний для военнопленных, правилах организации работы военнопленных, назначении представителей и контроле со стороны держав-покровительниц.

Вооруженные конфликты, происходящие сегодня на мировой арене, имеют свои особенности и отличия от конфликтов прошлых век. Основным таким отличием является то, что их жертвами в основном становятся мирные люди, дети, женщины и старики. Такие конфликты носят как международный, происходящий между государствами, так и немеждународный характер, когда военные действия возникают на территории одного государства, между различными вооруженными группировками, правительственных вооруженных сил и оппозиции, где причинами возникновения вооруженного конфликта могут стать политические, этнические, конфессиональные и иные противоречия в пределах одной страны.

Юридическое понятие или термин «жертвы войны» впервые появился в теории и практике международных отношений при разработке Конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны и при дальнейшем их принятии во время Женевской дипломатической конференции 21.04.–12.08.1949. В дальнейшем, при продолжении процесса становления, на очередной Дипломатической конференции по проблемам развития международного гуманитарного права, используемого в период различных вооруженных конфликтов, в 1974–1977 гг. принимались Дополнительные протоколы I и II, которых также используется термин «жертвы войны». Под «жертвами войны» подразумевались лица, не принимающие непосредственного участия в военных конфликтах или прекратившие участие с какого-либо определенного момента. Если исходить из контекста названия 4 Женевских конвенций о защите жертв войны, легко понять, кто является объектом их защиты, т.е. кто именно имеет статус «жертва войны» или «жертва вооруженного конфликта». Также такую информацию находим в Дополнительном Протоколе I, касающемся защиты жертв международных конфликтов. И в этих документах указаны категории: раненые и больные в действующих армиях (Конвенция I); раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Конвенция II); военнопленные (Конвенция III); гражданское население (Конвенция IV). Так, в статье 8 Дополнительного протокола I раскрывается содержание понятий «раненые или больные». Под ними подразумеваются военнослужащие, гражданские лица, иное мирное население, которые в результате травмы, заболевания или любого другого физического, психического расстройства или инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе, с условием, что они не предпринимают враждебных действий. К лицам, попадающим под понятие «жертвы войны», относятся беременные женщины и роженицы, новорожденные младенцы, маленькие дети и другие, нуждающиеся в медицинской помощи или необходимом уходе лица, которые воздерживаются от враждебных действий [3].

Защита отдельных категорий жертв войны. К жертвам войны возможно отнести погибших и пропавших без вести. Женевские конвенции 1949 года декларируют обязательства сторон в международных вооруженных конфликтах предпринимать все возможные меры, чтобы выяснять историю лиц, о которых сообщает противоборствующая сторона как о «пропавших без вести», и контролировать информацию, касательно таких лиц. Международным гуманитарным правом установлено, что о местонахождении лиц, пропавших по причине взятия в плен или нахождения в медицинском учреждении на неприятельской стороне, властям государства противника необходимо сообщить в максимально короткие сроки. Например, уведомлением о госпитализации, о взятии в плен или об аресте; отправкой карточки о взятии в плен или интернировании; реализацией права переписки с членами семьи. Власти, удерживающие этих лиц, обязаны отвечать на запросы о покровительствуемых лицах. Вопрос о пропавших без вести является одним из самых

политизированных. Дело в том, что воюющие государства склонны манипулировать численностью лиц, пропавших без вести, а также умышленно скрывать информацию для оказания давления на противные стороны, чтобы терроризировать и контролировать население, либо для ослабления заключенных в целях допроса. В этом случае, на одно из ведущих мест выходит процессуально-правовое ограничение, посредством которого осуществляется координирующее воздействие на деятельность властных субъектов, при этом в основу ограничения положена широкая трактовка юридической ответственности [4].

Правовой статус медицинского персонала. Особый статус медперсонала в условиях войны, связан с деятельностью, определяющейся положением всех иных участников военных действий, особенно раненых и больных. «Раненые и больные» представляют категорию военнослужащих и гражданских лиц, которые вследствие травмы, болезни или другого физического или психического расстройства либо инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе при условии того, что они воздерживаются от любых враждебных действий. В круг лиц, охватываемых данным понятием, включаются также роженицы, новорожденные дети и другие лица, которые нуждаются в медицинской помощи или уходе, например беременные женщины или немощные, и которые воздерживаются от любых враждебных действий. Особый статус медперсонала находится под защитой международного гуманитарного права, противоборствующие стороны в условиях войны обязаны относиться к нему с уважением и всячески защищать его. Медперсонал может быть задержан противником, но в этом случае он должен продолжать выполнение своих функций, предпочтительно в отношении собственных граждан. Под защитой находятся различные медицинские учреждения и подвижные медицинские госпитали. Которые должны выделяться при помощи отличительных знаков, свидетельствующих об их принадлежности к таковым. Защита прекращается только в том случае, если они используются в военных целях маскировки или прикрытия для причинения вреда противнику. Медицинские работники имеют право на ношение личного оружия в целях самообороны или защиты пациентов, не способных на самозащиту. При взятии противоборствующей стороной (противником) больных и раненых, они по праву относятся к категории военнопленных и располагают всеми правами, относящимися к жертвам войны [5].

Некоторая специфические моменты для защиты раненых и больных имеются при ведении морской войны. Определенные нормы права в этом случае распространяются на категорию жертв потерпевших кораблекрушение. Особую значимость в данном случае имеют поисковые работы и спасательные операции. В случае кораблекрушения данные действия необходимо предпринимать как можно скорее после сражения боевыми кораблями участников. Для более быстрого и оперативного отличия суда, юридически и фактически относящиеся к госпитальным, на море окрашиваются в специальный цвет, как правило это – белый цвет и помимо национального флага имеют флаг с изображением красного креста. Название и описание госпитального судна сообщается противнику. После выполнения всего этого оно не может подвергаться нападению или захвату. Медицинский персонал и команда судна не могут быть взяты в плен. В целом международное гуманитарное право раскрывает смысл термина «жертвы войны», а также детально устанавливает правовой статус данных лиц и указывает на конкретные правовые нормы по обеспечению этой категории, зашитой от воюющих государств. Пропавших без вести, раненых и больных, а также медперсонал мы относим к особой категории жертв войны, поскольку все они находятся в заранее уязвимом положении, и реализация норм, закрепляющих их статус, тесно взаимосвязана.

Правовой статус военнопленных. На сегодняшний день правовой статус военнопленного как таковой является универсальной нормой, которая обязательна вне зависимости, согласно государство с Женевскими Конвенциями или нет. Он определяется четырьмя основными международными актами, подтверждающими статус обязательности положений, закрепленных в них. К ним относятся: IV Гаагская конвенция 1907 г., III Женевская конвенция об обращении с военнопленными, II Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войн, дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г.

«Военнопленным» в международном вооруженном конфликте считается лицо, принимающее участие в военных действиях и попадающее во власть противной стороны, если оно имеет право на статус военнопленного или претендует на таковой, а также, если сторона, от которой оно зависит, требует для него такого статуса. В случае возникновения какого-либо сомнения в правовом положении такого лица оно должно признаваться в качестве военнопленного и вправе отстаивать свой статус в судебном порядке (ст. 45) Дополнительного протокола I. Что же касается вооруженных конфликтов немеждународного характера, то в Дополнительном протоколе II отсутствует понятие «военнопленный». В то же время в обыденной жизни понятие «военнопленный» широко употребляется и тогда, когда речь идет о внутренних вооруженных конфликтах. На статус военнопленного могут претендовать комбатанты (лица, имеющие право непосредственно участвовать в военных действиях), а также некоторые другие категории лиц. К ним относятся: лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипаж военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил; члены экипажей судов торгового флота и экипажей гражданской авиации сторон. В случае возникновения сомнения в том, имеет ли лицо право на статус военнопленного, оно продолжает сохранять такой статус, пока его статус не будет определен компетентным судебным органом. Медико-санитарный состав и духовный персонал,

задержанные содержащей в плену стороной с целью оказания помощи военнопленным, не должны считаться военнопленными.

Военнопленные находятся во власти неприятельской страны, но не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен. С военнопленными следует всегда обращаться гуманно, с уважением их личности и чести. Запрещены акты, приводящие к смерти военнопленного или ставящие его здоровье под серьезную угрозу. Держащая в плену держава обязана бесплатно обеспечить содержание военнопленных и также врачебную помощь. С учетом положений, касающихся звания и пола, держащая в плену держава должна со всеми военнопленными обращаться одинаково, без какой-либо дискриминации. Каждый военнопленный при его допросе обязан сообщить только свои фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер. Если военнопленный сознательно нарушит это правило, ему может угрожать ограничение преимуществ, предоставляемых военнопленным его звания или положения. Все вещи и предметы личного пользования, за исключением оружия, лошадей, воинского снаряжения и военных документов, остаются во владении военнопленных. Денежные суммы и ценные вещи могут быть отобраны у военнопленных только по распоряжению офицера и только после регистрации этих сумм и вещей, и выдачи расписки. Данные суммы и вещи возвращаются по окончании плена [6].

Военнопленные эвакуируются в лагеря, как правило расположенные на достаточном удалении от зоны военных действий. Содержащая в плену держава может подвергнуть военнопленных интернированию. Она может обязать их не выходить за установленную черту лагеря, в котором они интернированы, или же, если лагерь обнесен оградой, не выходить за эту ограду. Военнопленным может быть под честное слово предоставлена свобода. Условия размещения военнопленных в лагерях должны быть не менее благоприятными, чем условия, которыми пользуются войска содержащей в плену страны. III Женевская конвенция 1949 года устанавливает подробные требования к помещениям для военнопленных, их питанию и одежде, медицинской помощи, которая должна быть им оказана. Военнопленным должна быть предоставлена свобода для выполнения обрядов их религии. Держащая в плену держава может использовать трудоспособных военнопленных в качестве рабочей силы с учетом их возраста, пола, звания, а также физических способностей. Офицеры не могут принуждаться к работе. Военнопленные могут быть привлечены в принудительном порядке только к определенным работам невоенного характера.

Военнопленные имеют право представлять военным властям просьбы по поводу режима плена. Они имеют право на представление их интересов доверенными лицами, которые должны быть утверждены содержащей в плену страной. Военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащей в плену державы. Военнопленный, пытающийся бежать или пойманный до удачного завершения побега, подлежит за этот проступок только дисциплинарным взысканиям. Тяжело больные и тяжело раненные военнопленные должны быть отправлены на родину (кроме случаев, когда военнопленные не желают репатриироваться во время военных действий). Военнопленные освобождаются и репатриируются немедленно по прекращении военных действий. Каждая из находящихся в конфликте сторон обязана учредить официальное справочное бюро по делам военнопленных, находящихся в ее ведение, и сообщать сведения о военнопленных. В нейтральной стране должно быть учреждено Центральное справочное агентство по делам военнопленных, обобщающее все сведения, касающиеся военнопленных.

Защита жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Правовая защита гражданского населения осуществляется в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера, даже в том случае, если одна из воюющих сторон не признает состояния войны. При этом гуманитарные нормы касаются всего населения находящихся в конфликте сторон, без какой-либо дискриминации по признакам расы, национальности, религии или политических убеждений. Они направлены на то, чтобы способствовать смягчению порождаемых войной страданий гражданского населения, особенно детей. В связи с этим воюющие государства обязаны принимать необходимые меры, чтобы дети до 15 лет, осиротевшие или разлученные со своими семьями вследствие войны, не были предоставлены сами себе, чтобы облегчить при всех обстоятельствах их содержание и воспитание. В доктрине международного права предложено следующее определение: «Вооруженным конфликтом немеждународного характера называется вооруженное противостояние, имеющее место в пределах территории государства, между правительством, с одной стороны, и вооруженными повстанческими группами – с другой» [7].

К гражданскому населению не должны применяться никакие меры ни физического, ни морального порядка в целях получения от них или от третьих лиц каких-либо сведений. Воюющим государствам в ходе вооруженного конфликта запрещается причинять физические страдания гражданскому населению или предпринимать какие-либо меры, приводящие к его гибели. Это запрещение распространяется не только на убийства, пытки, телесные наказания, увечья, медицинские, научные опыты, но равным образом и на всякое другое насилие со стороны гражданских или военных представителей воюющей стороны. Кроме того, в отношении гражданского населения запрещаются следующие действия: коллективные наказания, использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны, физическое или моральное воздействие, террор, грабеж, взятие заложников. Воюющие стороны не должны использовать передвижение гражданского населения или отдельных гражданских лиц для защиты определенных объектов, пунктов или районов от нападения. Нужно иметь в виду, что правовая защита гражданского населения должна обеспечиваться и на временно оккупированной противником территории, даже если оккупация не встретит

никакого вооруженного сопротивления. Причем территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии, то есть, где такая власть установлена и в состоянии действовать.

Оккупационные власти в соответствии с нормами международного права обязаны принять все зависящие от них меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы. Честь и семейные права, жизнь отдельных лиц, равно как и религиозные убеждения и отправления обрядов веры, должны быть уважаемы. Таким образом, суверенитет государства на территорию, которая временно захвачена противником, автоматически не переходит к оккупанту. В дальнейшем судьба такой территории решается, как правило, мирным договором. Постановления уголовного порядка, издаваемые оккупирующим государством, вступают в силу только после того, как они будут опубликованы и доведены до сведения на национальном языке населения.

Оккупирующее государство обязано обеспечить снабжение гражданского населения продовольствием и медикаментами. Оно может реквизировать продовольственные запасы, медикаменты, находящиеся на оккупированной территории, только с учетом нужд гражданского населения. Причем в последующем оккупирующее государство должно принять меры для обеспечения того, чтобы реквизиция была справедливо возмещена. На оккупированной территории должна быть обеспечена деятельность медицинских учреждений и служб. Запрещаются под каким бы то ни было предлогом угон, а также депортирование (высылка) гражданского населения из оккупированной территории на территорию оккупирующего государства или на территорию любого другого государства. Вместе с тем может производиться полная или частичная эвакуация какого-либо определенного оккупированного района для обеспечения безопасности населения, а также при наличии веских причин военного характера. В таких случаях гражданское население может быть перемещено только в глубь оккупированной территории, за исключением тех случаев, когда сделать это практически невозможно. Эвакуированное в таком порядке население должно быть возвращено на свои прежние места немедленно после того, как боевые операции в этом районе будут закончены.

Оккупирующее государство не вправе принуждать покровительствуемых лиц служить в ее вооруженных силах. Не допускается оказание давления на гражданское население с целью добиться добровольного поступления его в армию неприятельского государства. В соответствии с нормами международной гуманитарной помощи на оккупированной территории запрещаются следующие действия: уничтожение движимого и недвижимого имущества, являющегося государственной, коллективной или частной собственностью неприятельской державы и ее отдельных лиц; взятие заложников из числа гражданских лиц; изменение статуса должностных лиц или судей, применение к ним санкций или каких-либо мер принуждения, проведение дискриминации по той причине, что они воздерживаются от выполнения своих обязанностей по соображениям совести; проведение всякого рода мероприятий, направленных на то, чтобы вызвать безработицу или ограничить возможность работы для граждан оккупированной территории с целью заставить их работать на оккупирующую державу. При этом военные власти на оккупированной территории вправе привлекать гражданское население к трудовой деятельности, за исключением выполнения работы, которая вынуждала население принимать участие в военных операциях. Работа должна выполняться в территориальных пределах, на которой находятся привлекаемые к работе лица. Она должна справедливым образом оплачиваться и соответствовать физическим и интеллектуальным способностям работников. Воюющие государства могут как на оккупированной территории, так и вне ее интернировать гражданское население. Интернированные полностью сохраняют свою гражданскую правоспособность и осуществляют вытекающие отсюда права в той мере, в какой это будет совместимо с интернированием. При этом интернированные будут бесплатно обеспечиваться средствами, необходимыми для их содержания, а также медицинской помощью. Места интернирования не должны находиться в районах, особо подвергающихся военной опасности. При этом интернированные должны размещаться отдельно от военнопленных и лиц, лишенных свободы, и иметь свою администрацию [8].

Международное право, применяемое в период вооруженных конфликтов, содержит нормы, в соответствии с которыми сторона, воюющая несет ответственность за обращение своих представителей с гражданским населением, причем это не снимает личной ответственности с этих представителей. Определяясь с вопросом, касающимся защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов, нельзя не упомянуть о нормах международного права, регулирующих порядок охраны окружающей среды, как среды обитания гражданского населения. Дополнительный протокол I (ст. 55) закрепил норму международного гуманитарного права, которая предписывает при ведении военных действий проявлять заботу о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. При этом, такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или жизнеобеспечению населения.

В качестве вывода можно отметить, что в современности, на международном уровне довольно остро стоят вопросы, касающиеся вопросов обеспечения правовой защиты мирного населения, которые прямо не участвуют в военных действиях, как в период проведения военных действий, так и в период послевоенного восстановления уровня жизни населения воевавших государств. И, за примерами ходить далеко не нужно. Это выдавливание из Сирии и ликвидация вооруженных сил запрещенных в России подразделений Аль-Каиды, поддерживаемых США и странами Европейской зоны, входящих в Европейский Союз. Это и продолжающаяся

специальная военная операция Вооруженных Сил Российской Федерации, проводимая в целях защиты мирного населения, проживающего на освобожденных территориях Донецкой и Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей, а также для денацификации и демилитаризации фашиствующего Украинского режима, который в нарушение всех гуманитарных правил, установленных международными актами, открыл в 2014 году и ведет свой кровавый счет жертвам, погибшим и получившим увечья различной степени тяжести при применении вооружений против мирного населения, проживающего на его бывших территориях. Все это в своей совокупности формирует мнение о необходимости принятия иных международных актов, усиливающих ответственность преступников и их пособников, путем введения в оборот новых определений, разъясняющих недопустимость каких либо действий по причинению вреда жизни и здоровью мирному населению и лицам, не участвующим в ведении военных действий.

Список литературы

1. Черноудова М. С. Понятие конфликта в международном праве / М.С. Черноудова // Московский журнал международного права.– 2021. – №. 2. – С. 77–92.
2. Тужба Э. Н. Международные вооруженные конфликты в условиях глобализации / Э.Н. Тужба //Вестник НГУЭУ. – 2019. – №. 3. – С. 217–223.
3. Насер А.А. Международное право: учебник // А.А. Насер. – Москва: МИИТ, 2020. – 398 с. [Электронный ресурс] // URL: https://be5.biz/pravo/m026/18.html#3 (дата обращения 19.03.2023).
4. Ибрахим И. Р. Международно-правовая защита жертв войны: Диссертация / И.Р. Ибрахим – Белгород: НИУ «БелГУ», 2019. – 74 с.
5. Мищенко А. С. Защита прав человека в период вооружённых конфликтов / А.С. Мищенко // Закон и общество: история, проблемы, перспективы – Красноярск. – 2020. – С. 77–79.
6. Сметанин, В. В. Правовой статус военнопленных в международном праве / В. В. Сметанин // Вестник молодого ученого Кузбасского институт: сборник научных статей. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. – 2021. – С. 166–169.
7. Кочнев А. С. Проблемы защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера / А.С. Кочнев // Огарев-Online. – 2018. – №. 13 (78). – С. 4–12.
8. Алешин В. В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера / В.В. Алешин //Московский журнал международного права. – 2021. – №. 2. – С. 134–143.

ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ

Волков Александр Романович, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Актуальность данной темы обусловлена тем, что вопрос об эффективности государственного управления стал особенно острым на нынешнем этапе развития российского государства, а дальнейшее будущее всего российского государства будет зависеть от того, как будет решаться этот вопрос. Жизнь и процветание многих народов, проживающих на территории современной России, зависит от эффективности разработки и реализации государственных решений и от того, как эти решения разрабатываются и реализуются, в конечном итоге формируется авторитет государственной власти, то есть становится популярным среди народа или же, наоборот, презираемым.

Изучение теории и методики принятия и осуществления государственных решений показывает, что от модели государственного управления качество жизни общества зависело на всех этапах развития социально-политического мышления. В то же время социально-политическая деятельность помогла изменить механизмы принятия решений правительством, особенно модели государственного управления в целом. Таким образом, можно обсудить диалектическую связь между развитием общества и тем, как это самое общество управляется.

В современном мире создано значительное количество моделей принятия государственных решений, которые были разработаны в основном на Западе и с тех пор активно используемых различными современными политическими деятелями в России. Принятие этих решений часто происходит без учета социально-экономических, культурных, правовых и социально-психологических особенностей российского государства. Существующие способы разработки, принятия и реализации государственных решений в значительной степени не приводят к желаемому результату по ряду причин. При этом проверенные российской реальностью теории и методы не используются, а если и используются, то с задержкой в несколько лет, что подтверждает несформированность понятий и механизмов принятия государственных решений в отечественной науке и практике.

Особенностями процесса реализации и принятия государственных решений в России являются:

– неразрывность политических и экономических, социальных и личных отношений. Политика неразрывно связана с другими сферами жизни, поскольку институты гражданского общества, которые должны контролировать и ограничивать ее, недостаточно развиты. Неразвитость гражданского общества-характерная

черта политического процесса в России. В такой ситуации ни один вопрос экономического, социального и духовного развития не будет решен без вмешательства властей.

При переходе России к рыночной экономике социальная стратификация сталкивается с социально-экономической, классовой. Неравенство в обществе, вызванное приватизацией и перераспределением государственной собственности, породило множество политических интересов и сил, которые их выражают. В этих условиях влияние государства уменьшается и возрастает стремление правящего класса сохранить свое экономическое, политическое и превосходство и создать партию власти.

− отсутствие согласия между участниками политической жизни.

В России не существовало традиции согласия между различными участниками политической жизни государства, и укрепить ее за несколько лет реформ было невозможно. Еще одна причина отсутствия консенсуса заключается в различных взглядах различных политических сил и элит на понимании свободы и демократии, а также в неравных возможностях их участия в разработке и реализации государственных решений и в удовлетворении своих собственных интересов.

− дезорганизация и высокий уровень интеграции политических ролей. Фиктивное разнообразие участников политического процесса, поскольку их возможности и влияние на принятие решений очень ограничены. Политические партии не могут полностью выразить интересы гражданского общества. Это связано с тем, что интересы гражданского общества только начинают складываться, а сами политические партии представляют очень мало людей, также сами партии-это скорее объединение единомышленников вокруг лидера, а не формула связи правительства с гражданским обществом.

- отсутствие тесного взаимодействия между участниками государственного принятия решений, в результате которого общество не имеет единой системы связи. Вертикально организованное принятие решений правительством выполняет свои функции посредством диалога между властью и обществом, в котором общество передает свои требования властным структурам через широкую систему представительства.

- основой принятия государственных решений является навязывание государством инноваций обществу. Активная роль государства, как в формировании проблем, так и объединение интересов различных групп обусловлена культурно-религиозной, этнической и политической неоднородностью общества.

Во взаимодействии типа "власть-общество" инициатива принадлежит государству, поскольку концентрирует ресурсы в своих руках.

− особенностью принятия решений государством является огромная концентрация государственной власти и ресурсов в руках правящей элиты, что приводит к тому, что оппозиция действует как радикальные движения, а не как политические соперники. Борьба правящей элиты и оппозиции является следствием культурной и политической неоднородности самой элиты, ориентированной как на либеральные, так и на социалистические ценности. Это объясняет низкую эффективность разработки и реализации принимаемых государством решений.

- следующая особенность государственного принятия решений в России-это размывание традиций посткоммунистического общества, что привело к тому, что лидер ради того, чтобы сохранить власть в своих руках, прибегал к помощи других государств [1].

Эти особенности негативно сказались на особенностях построения и исполнения государственной системы принятия решений в России.

Ярким примером является "административная реформа". Были поставлены цели сокращения и уменьшения затрат на аппарат, повышения эффективности государственного управления. Оказалось, по мнению большинства экспертов, следующее. Хаотизация управления в первый год, которая достигла паралича управляемости, роста "фактического количества высокооплачиваемых должностей государственных руководителей, подорожания аппарата, неработоспособности в некоторых звеньях власти (например, законодательной работы правительства). С точки зрения заявленных целей можно говорить о провале реформы. Продолжая рассматривать особенности механизма государственного принятия решений в России, следует отметить, что сегодня важную роль в государственном управлении предлагает задача социальной интеграции. Это связано с возрастающей сложностью и масштабом возникающих социальных проблем, которые требуют всестороннего рассмотрения интересов заинтересованных участников в процессе принятия решений. Чем разнообразнее круг субъектов, участвующих в принятии государственных решений, тем выше способность политической системы своевременно реагировать на проблемы и интересы общества [2].

Для решения этих проблем необходимо осуществить ряд нижеприведенных мер, которые могут способствовать укреплению российского государства, формированию гражданского общества, повышению роли законодательных и исполнительных органов власти, а именно: некоторые недостатки в управлении страной должны быть исключены Государственной Думой и Советом Федерации, оказывая более эффективную помощь;

- необходимо более четко узаконить механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в области разграничения полномочий по вопросу совместного ведения;

- разработка и усовершенствование системы изучения правоприменительной практики, а также среднесрочное прогнозирование и планирование законодательных приоритетов должны сыграть важную роль в повышении эффективности механизма принятия государственных решений. Прямая увязка полномочий и обязанностей, предусмотренных законами, вероятно, приведет к сокращению доли внешних законов. изучение

законодательства и правоприменительной практики может стать важным методом осуществления государственного надзора;

- необходимо углубить принципы демократии в формировании механизма принятия решений государством;

- целесообразно ориентироваться на основные направления деятельности в области принятия государственных решений: от политической рациональности до эффективности, оцениваемой по функциональным целям и показателям;

- должен быть разработан контекстный подход к эффективности, связанный с оптимизацией связи основных ветвей власти при сохранении их независимости;

- координация парламентской деятельности вертикально (на федеральном, региональном, местном уровнях) и горизонтально (внутреннее взаимодействие в парламенте);

- должно быть превосходство гуманистических ценностей в целях и функциональных показателях, стандартах и критериях эффективности государственного механизма принятия решений; максимальное сочетание представительного и профессионального подходов к формированию парламентских структур;

- повышение профессионализма аппарата и научно доказанных начинаний при оценке эффективности механизма принятия решений правительством;

- развитие информационной открытости государственных структур [3].

Отсюда можно сделать вывод о необходимости отхода от либерально-демократической модели правления, поскольку с демократических позиций меньшинство населения не имеет законных оснований для развития системы ценностей и целей, неприемлемых для большинства населения. Необходимо вернуться к модели управления, когда государство при принятии государственных решений отражает интересы не отдельной социальной группы, а всего населения. Что касается проблемы конфликта интересов меньшинства и большинства, то эта проблема решается как теоретически, так и эмпирически [4].

Кроме того, методологически важно отметить отсутствие ценностного подхода к созданию философии государственного управления. Современная идеологическая карта мира указывает на то, что ведущие государства мира строят свое будущее на современных ценностях, основанных на определенных идеологиях (европеизме и т. д.), И только политические деятели современной России уверены, что отсутствие государственной идеологии было нормальным для последних десятилетий.

Список литературы

1. Братченко С. А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2021. 55 с.
2. Иванов О. Б. Риск-ориентированное управление в системе публичной власти в России // Иванов О.Б., Бухвальд Е. М., ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. № 4. С. 25-42.
3. Иванов О. Б. Формирование системы государственного и общественного контроля как ключевой фактор эффективного управления // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2020. № 5. С. 7-26.
4. Сулакшин С. С. Ценностное, мотивационное, градиентное государственное управление как российский вызов // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. — Вып. 13. — М.: Научный эксперт, 2009.

РАСПАД СССР В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБУЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Головин Андрей Олегович, 5 курс, Институт истории гуманитарного и социального образования
Новосибирский государственный педагогический университет
Прошин Владимир Алексеевич – научный руководитель, кандидат исторических наук, доцент

Одним из направлений исследований последних десяти лет в зарубежной

политологической и международно-правовой литературе стали сравнительные исследования процессов реформирования социалистической экономики и общественно-политического устройства, проходивших в ряде социалистических государств во второй половине 80-х годов XX века. Примером таких исследований можно назвать статью североамериканского исследователя Аллена К. Линча о реформаторской политике Дэн Сяопина и М.С. Горбачева, целью которой был анализ вопроса, почему в КНР реформаторская политика привела к экономическому росту при сохранении политической надстройки, а реформы М.С. Горбачева стали важнейшей причиной краха государства. Ответ на данный вопрос автор видит в том, что в КНР, в отличие от Советского Союза, реформы затронули исключительно сферу экономики, не ставя под сомнение общественную ценность государственного устройства и государственной идеологии [1. P. 129-130].

В. Эндлунд в 2011 г. обратил внимание на проблему отношения российских граждан к прекращению существования СССР и сделал выводы о том, что распад СССР негативно повлиял на социальное самочувствие населения, на восприятие русскими своего положения в стране и в мире, на восприятие изменение вектора внешней политики реформированной России, даже на изменение государственной символики, которая, с одной стороны, была связана с имперским прошлым, а, с другой стороны, многие отмечали непонимание выбора таких государственных символов, как государственный герб и государственный флаг [2].

Следует отметить, что при анализе внутренней политики В.В. Путина зарубежными авторами, например, Александером Мотуллом в статье, опубликованной в «Вашингтон пост» в 2015 г., весьма положительно оценивается частичный возврат государственной символики, связанной с периодом существования советского государства, что привело к усилению консолидации российского общества, росту патриотических настроений и общей социальной поддержки российского президента, а вина за распад СССР возлагается на КПСС и политическое руководство советского государства, которые допустили распад (разлом) страны в период перестройки, а современная России до настоящего времени переживает последствия этого кризиса [3].

К середине второго десятилетия XXI в. стали появляться статьи, в которых делались уже не просто политические оценки процесса распада СССР, а осуществлялись вполне успешные попытки комплексного анализа причин распада советского государства, но эти попытки нельзя назвать удачными, поскольку авторы делали акцент на каком-то определенном комплексе причин. Примером может послужить статья Дж. Лоуэлл, опубликованная в 2015 г. в «Вашингтон Пост». В данной статье указанный автор акцентирует внимание на причинах внешнеполитического свойства, отмечая, что причинами распада СССР стали фактическое исчезновение биполярного мира в связи с тем, что М.С. Горбачев согласился с гегемонией США по основанным внешнеполитическим проблемам; игнорирование со стороны СССР динамики холодной войны; игнорирование советским руководством усиливающейся роли КНР на фоне успехов в проведении нового экономического курса. Указанный автор наряду с причинами распада СССР внешнеполитической направленности обращает внимание только на одну причину внутриполитического свойства, а именно: появление националистически настроенных группировок, вошедших в противоречие с официальной коммунистической идеологией [4].

Обращаются к проблеме распада СССР и немецкие авторы, которые, как в 90-е годы прошлого века, так и в более современных исследованиях, признают, что одной из экономических и внешнеполитических причин распада СССР стало объединение Германии, поскольку с фактическим присоединением ГДР к ФРГ Советский Союз потерял большие возможности в машиностроении и в химическом производстве, а также своего союзника по Организации Варшавского договора, с чего и началось крушение этого военно-политического союза [5]. Указанная точка зрения находит поддержку и среди некоторых отечественных авторов, например, у Ю.В. Родовича, который отмечает: «…руководство Советского Союза, согласившись на объединение Германии и ликвидацию ГДР, фактически лишило СССР значительной части экономического и оборонного потенциала. Слабость федерального Центра, неспособного отстаивать общегосударственные интересы внутри страны и на международной арене и обеспечивать сохранение суверенитета своего важнейшего союзника – ГДР – способствовали ориентации политических элит союзных республик СССР на обретение независимости и своего статуса в рамках нового объединения страны, которое было создано после официального заявления о прекращении существования Советского Союза в декабре 1991 г.» [6. С. 72].

Живы в англоязычной литературе и подходы к пониманию процесса распада СССР, характерные для конца XX – начала XXI века, примером чего является опубликованная в декабре 2021 г. статья Майкла Кофмана и Роберта Коули, предметом которой является сравнительный анализ современного состояния экономики и политической надстройки современной России и СССР последних лет своего существования. Указанные авторы отмечают, что это совершенно несравнимые категории, поскольку СССР оказался к концу 80-х гг. в состоянии экономического коллапса без каких-либо резервов и возможностей выйти из кризисной ситуации экономическими методами. В отличие от СССР «путинская Россия» (весьма распространенный в настоящее время термин как в западной научной, так и популярной литературе) обладает устойчивой к санкционному давлению экономикой, хотя и кажущейся недееспособной (на каком основании указанные авторы делают такой вывод, они не объясняют и не аргументируют), имеющей существенные золотовалютные резервы и прочие ресурсы [7].

Таким образом, в настоящее время в зарубежной литературе по проблематике, связанной с распадом СССР, стали появляться работы, в которых делаются попытки объективного подхода к исследуемым международно-правовым процессам, однако и в настоящее время в работах зарубежных авторов сохраняются все негативные тенденции, характерные для исследований предыдущих периодов, а именно: антикоммунистическая, а иногда и русофобская, риторика, отсутствие комплексного подхода в понимании причин и факторов, повлиявших на распад Советского Союза.

Сохраняются и совершенно ненаучные подходы к исследованию событий, связанных с прекращением существования советского государства, что выражается в появлении работ, в которых с целью решения вопроса о возможности распада Российской Федерации проводится сравнительный анализ устойчивости политической системы СССР в конце 80-х годов прошлого века и современной России, анализируются экономические и социальные предпосылки возможности развала Российской Федерации по образу и подобию событий последних лет существования СССР.

Список литературы

1. Lynch Allen C. Deng’s and Gorbachev’s Reform Strategies Compared // Russia in Global Affairs. – 2012 – Vol. 10 – No. 2 – April-June. – P. 118-130.

2. Englund W. The end of the Soviet road/ URL: https://www. washingtonpost.com/world/ Europe/ the-end-of-the-soviet-road/2011/12/20/gIQASmpEBP_story.html (дата обращения: 15.04.2023).
3. Motyl A. What the Bolsheviks and Nazis can teach us about Russia today URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2015/03/14/to-understand-russia-and-the-ukrainian-conflict-look-to-studies-of-empires (дата обращения:15.04.2023).
4. Lovell, Julia. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World Jeremy Friedman review – rethinking history URL: http://www.theguardian.com/books /2015/nov/21/shadow-cold-war-jeremy-friedman-review (Дата обращения 15.04.2023).
5. Zedilin L. I. Sowjetunion, DDR und RGW in der Ära Gorbatschow. Köln: Bunedesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1995. № 34. 41 S. //SSOAR: Social Science Open Access Repository: URL: https://nbn- resolving.org/urn:nbn resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-41933 (дата обращения: 15.04.2023).
6. Родович Ю.В. Решение германского вопроса как предпосылка распада СССР // Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание». – 2022. – Вып. 1 (9). – С. 66 – 74.
7. Кофман М., Конноли Р. Чему научил Путина распад Советского Союза] URL: https://inosmi.ru/20211231/251240266.html / (дата обращения: 15.04.2023 г.).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Добронравов Владимир Валерьевич, 2 курс
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Герман Елена Сергеевна - научный руководитель, кандидат юридических наук

В современных геополитических реалиях, когда против России развернута полномасштабная война, официальное отрицание в стране государственной идеологии изначально ослабляет позицию нашего государства в мире, поскольку государственная идеология призвана консолидировать общество, укреплять единство страны. Отрицание государственной идеологии, усиливает социально-психологический дискомфорт и напряженность в обществе.

Существуют разные трактовки термина «идеология». В настоящее время под этим термином чаще всего понимается совокупность идей и взглядов, которые защищают и обосновывают определенные интересы, дают оценку прошлой и настоящей действительности, формулируют представления о будущем.

Идеология играет чрезвычайно важную роль в становлении и функционировании государства и права. Народ, не осознающий своих подлинных национально - государственных интересов (а это осознание как раз и приводит к формированию национально - государственной идеологии), испытывает серьезные объективные трудности в своем развитии.

Государственное развитие любого народа имеет определенную логику. Она определяется объективно существующими интересами народа, верно понятыми и отраженными в его идеологии. В соответствии с этой идеологией разрабатываются политическая и экономическая системы государства, стратегия развития национальной культуры. Все это закрепляется в Конституции как Основном законе государства. Государство, таким образом, создается и развивается на прочном идеологическом фундаменте. И задача состоит в том, чтобы последовательно реализовать эту идеологию во внутриполитической и внешнеполитической деятельности органов государственной власти.

Разноплановые интересы государства, каждодневная его деятельность в самых разных областях, необходимость мобилизации населения на достижение поставленных целей, поддержание обороноспособности и общественного порядка, требуют не только конкретных действий, но и целенаправленного, планомерного внедрения в общественное со- знание определенных, совершенно конкретных идей и представлений, то есть идеологического обеспечения проводимой деятельности.

Стержнем любой государственной идеологии всегда являются интересы, политические притязания, ценности элитарных групп населения, то есть таких групп, которые обладают властью и влиянием в данном государстве. Вместе с тем, государственная идеология не может игнорировать интересы всего государственного социума. Она должна защищать интересы страны и народа в це лом, в противном случае государство не сможет существовать, по крайней мере существовать долго. Как показывает история, государственная идеология имеет тенденцию эволюционировать от интересов избранных к интересам большинства, а затем и интересам всего общества, в противном случае данное государство прекращает свое существование.

Таким образом, государственная идеология – есть продукт воспитания граждан. И именно они формируют ее, а в последующем эта идеология плотно входит в сознание. Одним из важных критериев создания государственной идеологии в России – является патриотизм. Истинным патриотизмом государственный патриотизм может быть только в том случае, если государственные интересы совпадают с интересами народа, что бывает далеко не всегда. И патриот, в этом смысле, говоря словами Н.Г. Чернышевского, «это человек, служащий Родине, а Родина – это прежде всего народ».

Таким образом, патриотизм сможет стать общенациональной идеей, объединяющей всех людей, только при «определённых условиях». Но даже обозначение патриотизма в качестве таковой, совершенно не означает, что это социальное чувство само собой сразу сформируется в общественном сознании и появится у каждого члена общества.

Идеология не просто закрепляет представления о настоящем и будущем, базовые нормы и принципы, она живет в головах, умах людей, заставляет и помогает им двигаться вперед, ставя на передний план интересы не личности, а общества и государства. Это сильнейший инструмент формирования у нации национального самосознания и патриотизма. Идеология формирует у народа общие социальные ценности, помогающие им решать социальные проблемы, напряженности, совместно преодолевать кризисы. Идеологи также является и моральной поддержкой и опорой для каждого гражданина, попавшего в трудную жизненную ситуацию, поскольку на основании изложенных в ней ценностях граждане воспитывают в себе внутренний стержень, принципы, на которые они смогут опереться при решении своих проблем.

Это в существующих реалиях является тем ключем, который способен объединить разорванное российское общество, дать начало созданию общей идеологии русского мира в противовес западным ценностям.

Чтобы эта модель общества имела шанс быть реализованной, а не остаться вымыслом интеллектуалов, она должна основываться на знании сущностных тенденций развития человечества. Социальный идеал, выраженный в идеологии, должен находиться в векторе исторического процесса, быть закономерным результатом развития общества.

В государстве помимо интересов социальных групп существуют еще интересы более высокого порядка - национальные интересы. Нация - это, прежде всего, политически саморганизованный народ, состоящий из множества социальных общностей, объединяющий их фундаментальные потребности и интересы.

В последние годы в России в научном сообществе и на официальном уровне утвердилась концепция гражданской нации. Согласно этой концепции, в нашей стране существует российская нация - "сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием".

Российское общество всегда объединяла общая идеология. Игнорирование значения общенациональной (государственной) идеологии сегодня в формировании российской государственности может привести к непоправимым последствиям. А патриотическая идея без идеологической основы – это просто слова.

Государственная идеология необходима нашей стране с учетом все ухудшающейся внутренней ситуации, когда уровень бедности и безработицы растет, бизнес либо банкротится, либо активно уходит в тень, что в итоге позволяет сделать вывод об обнищании населения.

Нельзя обойти вниманием и международную обстановку, которая в последние годы стала все более обостряться. Введенные против России санкции носят экономический характер и населению страны преподносятся как способ поднятия собственной экономики, однако реально – это первые проявления жесткой силы со стороны государств, традиционно признаваемых сильными. Можно спорить с тем, что США является инициатором санкций и наиболее влиятельным государством мира, но нельзя отрицать, что в этой стране очень ярко выражена идеология собственного превосходства, которая оправдывает в глазах населения многие явно противоправные по отношению к иным странам мира действия.

В подобной ситуации создание идеологии, которая позволила бы населению России поверить в себя и найти силы быть готовым к потенциальному противостоянию по отношению к угрозам извне, необходимо. Ведь в период Великой Отечественной страны, когда люди голодали, гибли и умирали не просто сотнями, а миллионами и десятками миллионов, только вера в себя, в Отечество, в необходимость его сохранения и победы над захватчиками позволила не только продержаться в течение пяти лет, но и в итоге победить.

Возвратить единую идеологию можно не только путем ее разработки и пропаганды, но и внесения изменений в основной закон нашего государства – Конституцию Российской Федерации, а именно путем исключения положений части 2 статьи 13.

Речь не идет о том, чтобы идеология носила насильственный характер, и отхождение от ее идеи каралось уголовно-правовыми либо иными административными методами.

Идеология должна быть легитимна, всеми признаваема и содержать в себе основную идею, цель, к которой будет стремиться население страны. Соответственно в любом случае в основе общегосударственной идеологии должна лежать идея о благе населения в целом и отдельного человека в частности.

Огосударствление идеологии позволит мобилизовать силы населения и позволить пережить тяжелый период все усиливающейся изоляции, когда всѐ чаще появляются отдельные упоминания о возможности третьей мировой войны.

Очевидно, что закрепление государственной идеологии на конституционном уровне придает такой идеологии не просто стабильный и устойчивый, а, по сути, общеобязательный характер. Специфика государственной идеологии, ее отличие от иных видов идеологии, во многом и заключается в ее императивном характере, когда основные идеи и ценности государственно-общественного развития являют собой не абстракцию, а обеспечиваются в том числе методами государственного принуждения.

Защита страны от внешнего посягательства также возможна только в условиях, когда граждане любят свою родину, уважают государство и его органы, и понимают, для чего нужна данная защита – чтобы сохранить свою Родину, свое государство.

Представляется, что из Конституции РФ необходимо исключить норму, предусмотренную частью 2 ст. 13, которая запрещает придание какой-либо идеологии государственного характера. Единая государственная идеология востребована современным обществом, особенно таким, которое сталкивается с многочисленными внешними угрозами.

Национальные проекты (2019-2024 гг.), принятые Правительством РФ, фактически свидетельствуют о том, что указанная концепция стала основой для принятия управленческих решений российской власти. Таким образом, государственная идеология должна также выражать фундаментальные потребности и ценности российской нации, ее смысло-жизненные устремления, представленные в геополитической стратегии государства. Разработка и принятие государственной идеологии, позволит определить так называемые "красные линии", маркирующие границы зоны государственной безопасности, нарушать которые никому не дозволено. Как отмечал П.А. Столыпин «Народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.
2. Мартюшев Л.Н. Государственная идеология: какой ей быть? // Всероссийский научно-аналитический журнал. Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 4. – С. 4-17.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СУВЕРЕННОГО РАВЕНСТВА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ИХ РЕШЕНИЕ

Емельянова Полина Сергеевна 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Основные принципы международного права представляют собой общие нормы, имеющие фундаментальное значение для обеспечения международного мира и безопасности, международного сотрудничества и общих правил поведения всех субъектов международных отношений. Все принципы носят общий, универсальный характер и составляют основу и фундамент современного международного правопорядка, при этом они призваны для выполнения функций: стабилизации, посредством которой осуществляется упорядочение международных отношений и устанавливаются ограничения, путем принятия в рамках международных соглашений правил поведения; фиксации, учитывающую нововведения складывающихся практик международных отношений. При этом, отличительной чертой принципов международного права является их универсальность, заключающаяся в распространении требований о соблюдении принципов на всех субъектов международного права, так как их несоблюдение может затронуть законные интересы других участников международных отношений, что определяется как своеобразный критерий легитимности концепции международно-правовых норм [1 – С. 52].

Общепризнанные нормы международного права. Такие нормы занимают особое место в системе универсальных норм. Они являются: наиболее важными и фундаментальными нормами общего международного права, нормативной основой всей международной системы; наиболее общими нормами международного права; общепризнанными нормами, обязательными для всех государств; нормами, обладающими наивысшей юридической силой. При этом все остальные нормы должны находиться в согласованности с нормами универсального применения. Общепризнанные нормы определяют содержание и порядок взаимодействия государств во всех сферах международных отношений; имеют комплексный, взаимосвязанный и взаимозависимый характер, образуют систему, занимающую важное место в единой системе международного права, тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, чем порождают различные виды иерархических отношений [2 – С. 42].

Систему основных принципов международного права. Систему образуют десять принципов, в том числе: *неприменения силы и отказа от угрозы применения силы* – в котором Устав ООН направлен на то, чтобы избавить грядущие поколения от бедствий войны и установить практику использования вооруженных сил только в общих интересах; *мирного разрешения споров* – согласно которому все государства должны разрешать свои международные споры с другими странами мирными средствами, чтобы не ставить под угрозу международное общество, безопасность и справедливость; *уважения прав человека* – где Устав ООН (ст. 55) играет важную роль в этом отношении, устанавливая что ООН содействует как повышению уровня жизни, обеспечению полной занятости и условий для экономического и социального прогресса и развития, так и всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; *суверенного равенства* – определяющий, что страны должны уважать суверенное равенство и индивидуальность друг друга и все права, которые влечет за собой суверенитет, а каждое государство должно иметь возможность принимать национальные правовые акты, при наличии равных прав и обязанностей; *невмешательства* – в котором Устав

ООН определяет (п. 7 ст. 2), что ООН, как и любая иная международная организация не имеет права вмешиваться в деятельность, входящую во внутреннюю юрисдикцию государств, распространяя запрет на всех участников международных отношений; *территориальной целостности* – определяющий территорию как материальную основу государства полагая ее необходимой для жизни государства и обязывающий государства воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности государств; *нерушимости границ* – согласно которому государство должно воздерживаться от угрозы применения силы против существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, включая территориальные споры и вопросы, касающиеся границ государств; *равноправия и самоопределения народов* – в рамках которого каждый человек имеет право определять собственный политический статус и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие без вмешательства извне, при этом данное право должно уважаться всеми государствами; *сотрудничества* – обязывающий страны работать вместе, вне зависимости от различий между их системами, принимая за основные сферами партнерства поддержание мира и безопасности, соблюдение прав человека и осуществление международных отношений в различных областях; *добросовестного исполнения обязательств в международном праве* – определяет признание государствами юридической силы принятых правил поведения, определяемых международными соглашениями. Развитие представленных принципов международного права и их постоянное совершенствование способствуют появлению новых принципов, соответствующих правильному восприятию возникающих проблем, которые в целом затрагивают все существующие цивилизации мира [3].

Основные положения принципа суверенного равенства государств. Принцип суверенного равенства государств представляет собой основополагающий принцип международного права, который заключается в том, что международный правопорядок может поддерживаться только при полном соблюдении юридического равенства сторон. Иными словами, принцип суверенного равенства государств, или, как его часто называют, принцип равноправия государств, предполагает, что каждое государство должно уважать суверенитет других участников системы. Этот принцип основан на формуле, взятой из римского права: *par in parem non habet imperium – «равный не имеет власти над равным»*. Суверенитет определяется как политико-правовой атрибут государства, выражающий его верховенство во внутренних делах и независимость во внешних отношениях. Следовательно, этот принцип не считается применимым к субъектам федеративных государств, даже в случае, если субъекты федеративного государства в своих конституциях назовут себя суверенными государствами [4 – С. 74].

Принцип суверенного равенства государств. Первоначально этот принцип был закреплен в форме обычая, затем положен в основу Устава ООН, а в последующем получил развитие в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – СБСЕ от 1 августа 1975 года (в 1994 г. переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе – ОБСЕ), Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1989 года, Парижской хартии для новой Европы 1990 года, Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г., уставах международных организаций системы ООН, региональных международных организаций. «Суверенное равенство» как понятие определяется рамками, в которых: государства юридически равны; каждое государство пользуется правами полного суверенитета; обязано уважать правосубъектность других государств; имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; выполнять свои международные обязательства в полном объеме и добросовестно, жить в мире с другими государствами; территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны [5].

Заключительный акт ОБСЕ 1975 г. конкретизировал и углубил понятие суверенного равенства государств, определяя, что государства имеют право принадлежать или не принадлежать к международным организациям, присоединяться или не присоединяться к двусторонним или многосторонним договорам, включая право присоединяться или не присоединяться к союзному договору, обладая правом на нейтралитет. Этим актом сформулирован принцип суверенного равенства государств, уважения прав, присущих суверенитету. При этом принцип суверенного равенства признает суверенитет как главную неотъемлемую характеристику всех государств и последующее юридическое равенство государств. Суверенитет имеет внутреннюю и внешнюю концепцию. Первая – это верховенство государственной власти внутри государства, вторая – независимость государства в международных отношениях [6 – С. 87].

В юридической литературе представлено мнение, что государственный суверенитет является особым правовым качеством государства, предоставляемое любому государству на основе вышеуказанного принципа, которое возникает вместе с государством и прекращает свое существование с прекращением существования государства, также суверенитет выступает символом политико-правовой самостоятельности государства, его полновластия в пределах своей территории и независимости от других государств. Суверенитет при этом является предпосылкой международной правосубъектности государства, когда подразумевается что все государства обладают равным суверенитетом, определяющее их юридическое равенство. Юридическое равенство не равнозначно фактическому равенству. Государства различаются по своим территориальным, человеческим, экономическим, военным и природным характеристикам: эти различия естественным образом влияют на содержание международной политики и международных отношений. Юридическое равенство государств и их фактическое неравенство взаимосвязаны. Государство, которое не может реально влиять на

международные процессы на глобальном или региональном уровне, тем не менее, имеет целый ряд правовых средств, с помощью которых оно может это делать. Юридическое равенство государств не рекомендуется переоценивать. Поскольку, на международные отношения влияет не только право, но и другие социальные механизмы, не все из которых основаны на идее равенства, также, стоит отметить, что в некоторых ситуациях международное право отходит от идеи равенства. Например, некоторые организации применяют системы распределения голосов, которые дают больше голосов более развитым, сильным или более густонаселенным странам [7 – С. 159].

Содержание принципа суверенного равенства государств. Более детальный анализ структуры принципа суверенного равенства государств позволяет выявить два традиционных правовых принципа: уважение суверенитета государств и равноправия государств. Принцип суверенного равенства государств является сложным и двуединым: два его компонента можно рассматривать как самостоятельные принципы. Соединение этих элементов привело к такому явлению в международном праве как принцип суверенного равенства государств. Так, толчком к созданию данного принципа послужила Французская революция XVIII в. В современном понимании принцип суверенного равенства государств закреплен в Уставе ООН (ст. 2), при этом его детализация, объяснение и толкование содержатся в Декларации принципов международного права 1970 г. и Хельсинском заключительном акте 1975 г. В Декларации 1970 года принцип суверенного равенства государств трактуется как «первичный» принцип, имеющий «первоочередное значение», функция которого в международных отношениях заключается в том, что он является оптимальным основанием для партнерства и конструктивного взаимодействия между государствами, одновременно являясь необходимым условием поддержания международной стабильности. Он включает: уважение суверенитета и равноправия всех государств в международных отношениях, означающее, что каждое государство должно уважать суверенитет других участников системы, их право осуществлять законодательную, исполнительную и судебную власть на своей территории без вмешательства других государств и проводить свою внешнюю политику. Современное содержание принципа суверенного равенства государств объединяет понятия в которых каждое государство: должно уважать суверенитет других государств, территориальную целостность и политическую независимость других государств; имеет право свободно выбирать и развивать свою экономическую, политическую, социальную и культурную систему; является субъектом международного права с момента своего основания и участвовать в международных делах, затрагивающих его интересы; имеет право голоса на международных конференциях и в международных организациях. Основной целью принципа суверенного равенства является обеспечение того, чтобы все государства, независимо от экономических, социальных, политических или иных различий, участвовали в международных отношениях на юридически равной основе. Поскольку государства являются равноправными участниками международных отношений, все они, в принципе, имеют одинаковые права и обязанности [2 – С. 47].

В Декларации принципов Заключительного акта ОБСЕ государства обязались не только соблюдать принцип суверенного равенства, закрепленный в Уставе ООН и Декларации 1970 года, но и уважать права, предоставляемые суверенитетом. Последний принцип означает, что в отношениях друг с другом государства должны уважать различия в историческом, социальном и политическом развитии, разнообразие взглядов и мнений, внутренние законы и административные правила, а также право устанавливать и поддерживать отношения с другими государствами по своему усмотрению и в соответствии с международным правом. Пока будут существовать суверенные государства, принцип суверенного равенства будет оставаться важным элементом современной системы принципов международного права. Его строгое соблюдение обеспечит свободное развитие отдельных государств и народов. Как уже упоминалось выше, в Декларации о принципах международного права 1970 года отмечается, что изложенные в ней принципы взаимосвязаны при их толковании и применении, а также каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех остальных [8].

В качестве вывода, можно согласиться с мнением, что принцип суверенного равенства государств представляет собой основополагающий принцип международного права, который заключается в том, что международный правопорядок может поддерживаться только при полном соблюдении юридического равенства сторон.

Список литературы

1. Матвеева, Т.Д. Международное право: учебник для вузов / Т.Д. Матвеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2021. – 432 с.
2. Гетьман-Павлова, И.В. Международное право: учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. – 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. – 560 с.
3. Рубцова, Н.В. Понятие, роль и система основных принципов международного права / Н.В. Рубцова, С.Е. Боровикова // Сибирский государственный университет путей сообщения. Журнал: Поколение будущего. – 2021. – С. 111–113.
4. Вылегжанин, А.Н. Международное право: учебник для вузов / под редакцией А.Н. Вылегжанин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 329 с.
5. Черниченко, С.В. Суверенное равенство государств и различный объем их прав и обязанностей / С.В. Черниченко // Институт государства и права РАН. Журнал: Международный правовой курьер. – 2019. – С. 37-43.

6. Бекяшев, К.А. Международное право: учебник для бакалавров / К.А. Бекяшев. – М.: Проспект, 2019. – 898 с.
7. Толстых, В.Л. Курс международного права: учебник / под редакцией В.Л. Толстых. – М.: Проспект, 2019. – 736 с.
8. Климова, О.В Суверенитет государства в сфере действия глобального фактора / О.В. Климова // Тихоокеанский государственный университет. Журнал: Тенденции развития законодательства Российской Федерации. – 2020. – С. 90-105.

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМАХ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Ерёмченко Анастасия Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Субъекты международного частного права (далее – МЧП) обладают уникальным правовым статусом, который вызывает не только теоретический интерес, но и практический, особенно в судебной практике. Субъекты МЧП представляют участников гражданских отношений, в котором присутствует «иностранный элемент», под которыми понимают имущественные отношения реализуемые при соблюдении одного из условий где: субъект имеет иностранное подданство; субъекты принадлежат одному государству, объект находится заграницей; возникновение, изменение или прекращение отношений, связано с юридическим фактом, имеющим место за границей.

Понятие субъектов МЧП. Международное сотрудничество многообразно по формам и сферам взаимодействия. Оно реализуется различными видами субъектов права. Субъекты МЧП – это участники гражданских правоотношений, осложненных «иностранным элементом». Термин «иностранный элемент» используется при характеристике предмета МЧП, который включает в себя как минимум четыре группы общественных отношений: международные, гражданские, семейно-брачные и трудовые. При этом возникает необходимость объяснить, в каком случае общественные отношения становятся международными. В МЧП основным субъектом является не государство, хотя и государство может выступать в этом качестве, а отдельные лица, включая физические и юридические. Отношения между государствами – сфера МПП, в то время как отношения между юридическими лицами и гражданами разных государств – сфера МЧП. Субъектами частных трансграничных отношений являются физические лица; юридические лица и иные правоспособные организации; публичные образования, в том числе государства; международные организации. К примеру, в качестве субъектов внешнеторговой деятельности могут выступать такие физические лица, как граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства. В качестве тождественного понятию «иностранный гражданин» часто используется понятие «иностранец». Однако термин «иностранец» имеет и более широкое понимание, согласно которому охватывает, как граждан иностранных государств, так и лиц, не являющихся гражданами ни одного из государств, лиц без гражданства. Субъекты МЧП отличает различный правовой статус, нормативная основа их полномочий и другие аспекты, влияющие на их участие в отношениях гражданско-правового характера, осложненных иностранным элементом. Каждый субъект МЧП обладает объемом правоспособности и дееспособности, которыми его наделяет то государство, гражданином которого является конкретный субъект. Такой субъект считает, что должно применяться право его страны. Возникает коллизия (столкновение) права сторон [1 – С. 21].

Коллизионное регулирование деятельности субъектов МЧП. В современном гражданском обороте наблюдается активное использование коллизионных норм, которое указывают на применимое право косвенным образом, при помощи закрепленного в привязке принципа автономии воли сторон, закона наиболее тесной связи, закона существа отношения. Нормы, содержащие подобные привязка получили наименование «гибких» или «каучуковых» коллизионных норм. Такие коллизионные привязки являются «растяжимыми», то есть предполагающими различное толкование, допускающие возможность выбор права субъектами отношения и широкую свободу судейского усмотрения. Законодательное закрепление гибких коллизионных привязок приводит к тому, что коллизионные нормы создаются не законодателем, а непосредственно частными лицами и правоприменителем. Среди «гибких» коллизионных начал особую значимость имеет автономия воли сторон. Согласно данном коллизионному началу субъекты правоотношений сами определяют компетентное законодательство. На данный момент автономия воли признается оптимальным коллизионным началом потому, что предусматривает регулирование, которое в максимальной степени соответствует фундаментальному принципу свободы договора, а также обеспечивает децентрализацию в регламентации частноправовых отношений. Выбранное сторонами право определяет четкий круг субъектов правоотношений по применению метода экстракорпорального оплодотворения права и обязанности сторон последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей договора, а также надлежащую защиту прав и законных интересов ребенка рожденного в результате применения, вспомогательной репродуктивной технологии. На данный момент в законодательстве РФ открытой коллизионной нормой признаётся п.2 ст.1186 Гражданского Кодекса, согласно которому при отсутствии возможности определить право, которое подлежит

применению, применяется право страны, с которой наиболее тесно связано гражданско-правовое отношение, которое осложнено иностранным элементом. В таком случае связь конкретного правоотношения с правом определенного государства устанавливается либо судом, либо сторонами, посредством толкования контракта, а также всех обстоятельств, которые относятся к нему. Необходимо отметить то, что значение гибкой коллизионной нормы, которое отсылает к праву страны, отношение с которым является наиболее тесно связанным, становится обычным коллизионным правилом. Как было отмечено во Втором Своде законов касательно конфликта законов США, принцип наиболее тесной связи не просто был воспринят законодательством и практикой, ему был придан статус коллизионного начала. Аналогичным образом относятся к нему относятся и законы и ряда других стран. На данный момент главный способ решения коллизионных вопросов заключается в использовании гибких правил, которые позволяют учитывать определенные обстоятельства этого фактического состава. Наряду с закреплением гибких коллизионных привязок наблюдается тенденция отказа от жестких коллизионных норм, которые основаны на определенном твердом критерии правового выбора. Гибкие коллизионные привязки следует применять лишь в тех случаях, если применение жестких коллизионных начал не может обеспечить надлежащего урегулирования определенных вопросов [2].

Правовой статус физических лиц как субъектов МЧП. Физические лица в МЧП представляет субъект частноправовых отношений с иностранным элементом. Физическими лицами в МЧП могут быть иностранные граждане, апатриды, бипатриды и беженцы, правовое положение которых в МЧП раскрывается через категории правоспособности и дееспособности, куда относят такой элемент как деликтоспособность, определяющий способность нести юридическую ответственность за совершенные нарушения установленных порядка и правил поведения. Проще говоря, если субъект МЧП как участник международных правоотношений, то международная правосубъектность определяется как способность быть участником этих отношений. Данные понятия неразрывно связаны: не существует субъектов международного права, не обладающих международной правосубъектностью, и наоборот, международная правосубъектность не может существовать без субъекта. Данные субъекты как участники частноправовых отношений с иностранным элементом, имеют специфический правовой статус, который исходить как из определенных свойств, принадлежащих им, так и из свойств отношений, участником, которых они выступают. Так, физические лица как субъекты МЧП нуждаются в определении их как правоспособности, так и дееспособности (ст. 1196, 1197 ГК РФ). Данный момент может быть обоснован минимум двумя тезисами правоспособность и дееспособность у физических лиц: *возникают и развиваются по отдельности*, в силу биологических, умственных и физических свойств данного субъекта; *в разных государствах* определяются по-разному. Так, согласно ст. 30 Гражданского кодекса Италии ребенок считается родившимся жизнеспособным, если после рождения он прожил 24 часа, хотя согласно ГК правоспособность возникает с момента рождения и никаких временных условий для приобретения правоспособности не устанавливает гражданское законодательство (ч. 2 ст. 17). Наличие международной правосубъектности свидетельствует о потенциальной способности быть участником международных отношений. Так как права и обязанности установлены нормами международного права, следовательно, основанием международной правосубъектности являются эти самые нормы. В отличие от физических и юридических лиц, правосубъектность государства как субъект международного частного права имеет свои особенности. Эти особенности не только связаны с определенными спецификами правосубъектности государства как субъекта МЧП, в целом, но и тем, что в отличие от правосубъектности физических и юридических лиц, которые определяются на основании коллизионных норм, правосубъектность государства не определяется коллизионными нормами. Суть данного правила заключается в том, что правосубъектность государства всегда, за исключением определенных моментов, определяется на основании национального права этого государства. На данное свойство правосубъектности государства как субъекта МЧП влияет правосубъектность государства как субъекта международного публичного права, где согласно принципу суверенного равенство государств, право одного государства не распространяется на отношения с участием другого государства, за исключением, если само государство не изъявило желание на распространение право другого государства на эти отношения. Эти моменты нашли отражение в институте «иммунитета государства», имеющее международно-правовое значение [3]. Рассматривая вопросы правосубъектности государства в МЧП необходимо отметить, что государство как субъект не участвуют в ряде отношений, участниками которых выступают физические и юридические лица. Так, государство как субъект МЧП не является участником трудовых отношений. Те отношения, которые, к сожалению, относят к трудовым отношениям с иностранным элементом, с участием государства, к примеру, заключение контракта с иностранным лицом для выполнения определенных функций в дипломатических представительствах, не регулируются нормами трудового права. В принципе, трудовые отношения с иностранным элементом, с участием дипломатических представительств, не могут иметь место, так как речь будет идти о государственной службе, что доступно только гражданам самого государства, учреждающее дипломатическое представительство. Здесь можно отметить, что для приобретения гражданской правосубъектности как юридическое лицо для международных организаций не обязательно проходить процедуру государственной регистрации. Касательно таких особенностей статуса международных организаций, которые вкладываются в основу отличия их статуса от статуса юридических лиц гражданского права, в частности момент о не прохождение государственной регистрации международных организаций в соответствующем органе, как это предусмотрено для всех юридических лиц и именно в зависимости от факта

государственной регистрации связывает возникновения правосубъектности юридического лица как субъекта гражданского права (ст. 49 ГК РФ), отметим, что данные требования носят общий характер и направлены на придание государственной регистрации юридических лиц государственного «разрешения» юридическим лицам участвовать в имущественном обороте как субъектов гражданского права.

Международные организации как субъекты МЧП. Международная организация представляют собой объединения межгосударственного или негосударственного характера, созданное на основе соглашений, которые делятся на международные межправительственные (межгосударственные) организации и международные неправительственные (негосударственные, общественные) организации. Международной правосубъектностью, по общему правилу, обладают только межгосударственные международные организации. *Международные юридические лица* – носители прав и обязанностей цивилистического характера, возникающих в международном обороте, обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права, и обязанности, выступать в качестве истцов или ответчиков по частноправовым спорам в правоприменительных органах. Статус юридических лиц данного типа регулирует Венская конвенция о праве международных договоров (1986 г.). *Международные организации* – это субъект не только международного публичного права, но и МЧП. У каждой организации есть права и обязанности, которые присущи юридическому лицу и имеют частноправовой характер. *Юридическое лицо* образовано на основе международного договора, а не на основе национального закона. Статус международной организации закреплен в международных правовых актах: в Уставе, в Конвенциях. Учредительные документы формируют гражданско-правовую правоспособность организации. Некоторые учреждения, например, в системе ООН (Всемирный почтовый союз, Международный союз электросвязи) в своих Уставах не имеют положений о статусе организации, но основываясь на международной практике, можно сделать вывод, что они выступают как юридического лица [4]. В качестве юридического лица международной организации может совершать сделки гражданско-правового характера, приобретать имущество в собственность или аренду, участвовать в судебных разбирательствах, быть субъектом авторского права, участником совместного предприятия. Государства признают статус юридических лиц организаций и включают в национальное законодательство положение, о том, что международная организация действует на территории страны как юридическое лицо. Юридическим комитетом ООН проведен анализ международного арбитража и национальной судебной практики, где было выяснено, что примеров отказа в признании статуса юридического лица международных организаций не было. Как только регистрируется Устав, международная организация приобретает статус юридического лица. Либо организация должна быть включена в реестр юридических лиц по месту нахождения ее штаб-квартиры. Международные организации как субъекты международного публичного права имеют привилегии и иммунитеты. Если организация вступает в частноправовые отношения, эти привилегии перестают действовать. Международные организации имеют осложненный, двойственный правовой статус. Международные организации, прежде всего межправительственные, межгосударственные, создаются государствами на основе международно-правового договора и являются органами сотрудничества государств или его координации. Международно-правовое соглашение констатирует учредительный акт международной организации, которая существует и действует в области международного публичного права. Вместе с тем международная организация не может осуществлять свою международно-правовую деятельность без того, чтобы не быть субъектом хозяйственного оборота, – она должна получать от субъектов услуги связи, энергосбережения, пользоваться почтовыми, телеграфными, железнодорожными, космическими и прочими объектами и предприятиями, равно как и многими другими благами и институтами в своей повседневной жизни. В этом случае международная организация становится субъектом международного частного прав. Для того чтобы существовать реально в гражданско-правовых отношениях, международные организации должны быть включены в рассматриваемую хозяйственную, правовую, административную и т.д. систему в качестве составной единицы, т.к. вне связей с какой-либо национальной правовой системой конкретного государства ни одно образование существовать не может. Надлежащей формой подобного существования в юридическом и экономическом плане выступает институт юридического лица [5].

Государство как субъект МЧП. Особенности правового статуса государства в международных частых правоотношениях можно рассмотреть, отталкиваясь от того, каким правовым статусом наделяется государство в других правоотношениях. Так, к примеру, по мнению ученых «в публичном праве государство выступает в правоотношении как единый и неделимый субъект» [6 – С. 29]. И стоит отметить, что государство является участником различных публичных правоотношений как вне пределов собственной территории (международные правоотношения), так и внутри ее (конституционные, административные и иные правоотношения). Поясняя это мнение о международных правоотношениях, стоит сказать, что в них государство обладает международной правосубъектностью в силу факта своего существования. Международная правосубъектность государства характеризуется способностями полномасштабно участвовать в международных отношениях, приобретать права, выполнять обязанности, нести ответственность. Особое положение государства как субъекта МЧП обусловлено тем, что оно с одной стороны приравнивается к другим субъектам данных правоотношений, а с другой использует властные полномочия для организации таких отношений. Вместе с тем, государство обязано соблюдать, установленные им же правила, обусловленные самой природой регулируемых отношений. Таким образом, государство и другие публично-правовые образования в гражданско-правовых отношениях выступают на равных началах с иными участниками – гражданами и юридическими лицами (п. 1 ст. 124 ГК РФ). Из чего

следует, что к государству, как и к иным участникам гражданско-правовых отношений, могут применятся меры воздействия при несоблюдении и невыполнении обязанностей, которые были установлены в рамках конкретных правоотношений. В международных же частноправовых отношениях есть свои особенности касаемо правого статуса государства, как субъекта таких отношений, при этом наиболее специфичными считаются 2 основных критерия, где: *государство имеет иммунитеты* в силу своего суверенитета, а сделки с ним имеют повышенный уровень риска; *в договорных отношениях* между иностранным юридическим (или физическим) лицом и государством применяются внутреннее право этого государства [7]. Таким образом, можно сказать, что правовой статус государства многогранен и специфичен. Он обуславливается теми правоотношениями, в которых участвует государство, однако всегда отличится тем, что государство не теряет своего суверенитета и независимости. Во всей правовой системе государство может участвовать как в публичных правоотношениях, так и в частных, причем они могут осуществляться как на международной арене, так и внутри государства. Однако такое многообразие возможных для участия государства правоотношений не должно создавать сложности в понимании его правового статуса. На международной арене в рамках публичного права, государство, не теряя своего суверенитета, участвует в данных отношениях, как «свой среди равных», но вместе с тем способный нести свои обязанности. Во внутригосударственном публичном праве государство выступает уже не как равный субъект, а как властвующий, императивный. В частноправовых отношениях внутри государства, его правовой статус несколько специфичен, обуславливается он тем, что государство властвующий субъект, но и в данных правоотношениях он выступает как равный среди других субъектов. То есть в данных отношениях, сохраняя свою императивность, способен совершать гражданско-правовые операции и нести соответствующие обязанности. В МЧП государство выступает одним из субъектов, однако здесь оно наделяется специфическим правовым комплексом, вытекающим из наличия суверенитета государства [8]. Здесь государство наделяется разного вида иммунитетами. В основе иммунитета государства лежит принцип «равный не имеет власти над равным». Такой принцип и определяет по сути всю особенность и специфичность правового статуса государства в международных частных правоотношениях. Вопрос участия государства в международных частноправовых отношениях прямо связан с вопросом отказа государства от своего иммунитета. Под иммунитетом государства от иностранной юрисдикции, в общем виде понимается освобождение одного государства от выполнения им «предписаний власти (законодательной, исполнительной, судебной) другого государства» как в районах, находящихся под суверенитетом последнего, так и в районах, находящихся под юрисдикцией этого второго государства. Наличие у государства иммунитета соответствует публично-правовому принципу равенства государств, в соответствии с которым ни одно государство не имеет какой-либо юридической власти над другим, поскольку каждое государство является равноправным субъектом международного права, что закреплено в Уставе ООН. Лишь в 2015 году был принят закон о юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в РФ [9], положения которого были урегулированы только вопросы, касающиеся иммунитетов иностранного государства и имущества иностранного государства в РФ, при этом оставив без внимания вопросы ответственности РФ которые должным образом не урегулированы в национальном законодательстве.

В качестве итога можно отметить, что в современном гражданском обороте наблюдается активное использование коллизионных норм, которое указывают на применимое право косвенным образом, при помощи закрепленного в привязке принципа автономии воли сторон, закона наиболее тесной связи, закона существа отношения. В то же время особенности правового статуса физического лица, международной организации и государства в международных частых правоотношениях можно рассмотреть, отталкиваясь от того, каким правовым статусом наделяется государство в других правоотношениях. Где к субъектам МЧП отнесены: физические лица как участники частноправовых отношений с иностранным элементом; физические лица представляющие иностранных граждан, апатридов, бипатридов и беженцев, при этом правовое положение физических лиц в МЧП может быть раскрыто только через категории правоспособности и дееспособности.

Список литературы

1. Кудрявцева Л.В. Правовое регулирование частных трансграничных отношений: учеб. пособие / Л. В. Кудрявцева.– Краснодар: КубГАУ, 2018. – 97с.
2. Евменчикова О. А. Система коллизионного регулирования частноправовых отношений с участием государства в законодательстве государств-членов Евразийского Экономического союза / О.А. Евменчикова //Право-явление цивилизации и культуры. – 2021. – С. 325-331.
3. Осипов С. А. К вопросу определения международной правосубъектности / С. А. Осипов, С. А. Дерешев // КиберЮрист., – 2020. – № 4(4). – С. 60-68.
4. Карасева А. Р. К вопросу о частноправовой природе международных организаций / А.Р. Карасева //Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – №. 7. – С. 445-450.
5. Скребнева С.С. Правовое положение международных организаций / С.С. Скребнева // Современные условия взаимодействия науки и техники. – 2018. – С. 180–183.
6. Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений: вопросы теории: монография / Н.В. Бутусова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 197 с.

7. Петренко А.В. Анализ правового положения государства как субъекта международных частноправовых отношений / А. В. Петренко // Актуальные проблемы конституционного и международного. – Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф». – 2021. – С. 55–58.
8. Брянцев Н. А. Иммунитет государства как субъекта международного частного права / Н. А. Брянцев, К. И. Бахарев // Достижения и перспективы развития молодежной науки. – 2019. – С. 330–333.
9. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации: Федеральный закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. – 2015. – № 251.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Ерошина Анастасия Владимировна, 2 курс, Институт прокуратуры
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
Завитова Светлана Васильевна – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Физические и юридические лица для реализации своих прав зачастую обращаются в уполномоченные органы публичной власти, органы местного самоуправления. Административные процедуры, например, лицензионные или регистрационные, являются внешним выражением подобной связи юридических и физических лиц. Существует большое количество нормативно-правовых актов, которые регулируют административные процедуры в Российской Федерации, начиная от законов и заканчивая подзаконным актами. Этот факт вызывает определенные трудности в нахождении нужной нормы, регулирующей те или иные процедуры. Так, в ряде зарубежных стран с целью упрощения применения норм уже приняты законы об административных процедурах. Например, в Соединенных Штатах Америки в 1946 году был принят Закон об административной процедуре, а в Германии в 1976 году начали применять Закон об административно-процессуальной деятельности.

Идея о принятии подобного закона появилась и в России. В 2001 году в Государственную Думу Федерального Собрания депутатом В.В. Похмелкиным был внесен проект Федерального закона «Об административных процедурах». Однако уже в первом чтении в 2009 году он был отклонен. Основываясь на стенограмме обсуждения, причиной отклонения законопроекта является наличие регламентации, выносимых в проекте вопросов, нормативными актами гражданского, водного, лесного, земельного, жилищного законодательства. Безусловно, административные процедуры урегулированы нормами различных отраслей права Российской Федерации, однако существующая закрепленность норм вызывает сложности в правоприменительной практике у организаций и физических лиц по ряду причин. Во-первых, как уже ранее было отмечено, отсутствует единый документ, который регламентировал бы все административные процедуры, а наличие огромного массива законов и подзаконных актов, регулирующих административные процедуры, вызывает сложность в нахождении «нужной» нормы. Во-вторых, на данный момент в законодательстве присутствует большое количество отсылочных и бланкетных норм, что также порождает трудности в правоприменении, так как в одном нормативно-правовом акте не дана полная информация о том или ином виде процедуры, а постоянные отсылки на другие законы, постановления и регламенты порождают путаницу у граждан и юридических лиц.

Предлагаю рассмотреть отдельный вид административной процедуры, а именно получение лицензии на приобретение оружия, согласно действующему законодательству и по непринятому законопроекту. На данный момент основополагающим документом, регулирующим лицензионную процедуру, является Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О лицензировании отдельных видов деятельности". В данном Законе в статье 12 указан перечень видов деятельности, которые подлежат лицензированию. В пункте 9.1 указаны лишь хранение и торговля оружием, однако отсутствует деятельность по приобретению оружия. Следовательно, нужно обратиться к другому нормативно-правовому акту. Так, в соответствии с абзацем 1 статьи 9 Федерального закона от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оружии" Приобретение, экспонирование и коллекционирование оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации подлежат лицензированию. Данная статья отсылает к 5 приказам, в которых регламентируется процедура получения лицензии, а также указываются органы, уполномоченные на это. Например, к приказу Росгвардии от 20.03.2019 N 93 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему». В данном регламенте указывается перечень документов, необходимых для получения лицензии; круг лиц, которые могут претендовать на получение лицензии; сроки, в которые государственный орган обязан оказать услугу; а также орган исполнительной власти, уполномоченный на оказание данной услуги. Таким образом, можно наглядно проследить достаточно долгую цепочку актов, регламентирующих порядок выдачи лицензии на приобретение оружия, что вызывает определенную сложность при практическом применении норм.

Законопроект депутата В.В. Похмелкина предусматривает процедуру рассмотрения административного дела, во многом схожую с порядком рассмотрения дел в судах. Это выражается, в частности, в подготовке дела к рассмотрению в административном заседании, включая вынесение административного акта по результатам такой подготовки, рассмотрении дела в административном заседании под руководством председательствующего, вынесении решения, состоящего из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Упрощённый порядок рассмотрения применяется для некоторых процедур по ходатайству заявителя. [Силайчев М.В. Федеральный закон «Об административных процедурах» - предмет правового регулирования. Актуальные проблемы российского права №2. 2007 г. С. 66.] В подпункте б, пункте 2 статьи 2 законопроекта предусматривается лицензирование отдельных видов деятельности. Если говорить о подведомственности административных дел, то в статье 14 указывается, что административные дела подведомственны федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительным органам местного самоуправления в соответствии с их компетенцией, установленной актами законодательства об административных процедурах и другими нормативными правовыми актами. Раздел 2 законопроекта регламентируют процедуру рассмотрения административного дела, которая представляет собой унифицированную форму для большинства процедур. Так, относительно выдачи лицензии на приобретения оружия, предусмотрены следующие этапы. Первая стадия включает в себя подачу заинтересованным лицом или его представителем заявления о предоставлении правомочий физическому лицу соответствующим государственным органом исполнительной власти (в заявлении указывается наименование органа, в который подается заявление, данные заявителя, характер и содержание правомочия, составляющего предмет данного заявления, а также прилагается перечень необходимых документов). Вторая стадия предусматривает решение вопроса о принятии данного заявления. На третьей стадии происходят действия по подготовке административного дела к рассмотрению, которые включают в себя опрос заявителя, проверка относимости и допустимости доказательств и другие действия, направленные на обеспечение правильного и своевременного разрешения дела. На последней стадии рассматривается административное дело, в результате которого выносится решение по нему.

Вопрос об эффективности действия данного законопроекта является дискуссионным. Многие юристы считают, что практическое применение этого закона затруднено по ряду причин, например, в связи с большим количеством дел и отсутствием состязательности сторон. Сложно не согласиться с высказанной точкой зрения, законопроект и вправду не доведен до идеала, ведь зачастую административные процедуры носят простой характер разрешения, когда нужно лишь установить факт достаточности представленных документов, в таких случаях введение «судебного» порядка их рассмотрения является лишней, усложняющей мерой. Однако, сама идея, попытка принятия кодифицированного акта об административных процедурах является, по моему мнению, прогрессивной и революционной. Существует потребность усовершенствования и модернизации законодательства в указанной сфере, с целью упрощения и применения на практике административных процедур гражданами и организациями.

Список литературы

1. Проект Федерального закона N 64090-3 "Об административных процедурах" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.02.2001).
2. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О лицензировании отдельных видов деятельности".
3. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оружии".
4. Приказ Росгвардии от 20.03.2019 N 93 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему».
5. Силайчев М.В. Федеральный закон «Об административных процедурах» - предмет правового регулирования. Актуальные проблемы российского права №2. 2007 г. С. 66.

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Житина Владлена Сергеевна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

В совершенствовании правовых основ экономического, научно-технического и культурного сотрудничества с зарубежными странами важная роль принадлежит международному частному праву (далее – МЧП), с помощью которого регулируются правовые отношения между юридическими и физическими лицами, возникающие на стыке разнонациональных правовых систем. Международные договоры играют огромную роль на современном этапе развития МЧП. Это объясняется, в первую очередь, их природой. Именно

международные договоры позволяют создать унифицированные нормы МЧП не только коллизионного, но и материально-правового характера.

Понятие и классификация международных договоров. Конституция РФ затрагивает многие вопросы международного права: права человека, вопросы территории и границ, ратификацию и денонсацию международных договоров, дипломатические отношения и многое другое. Одно из самых важных положений Конституции РФ заключается в принципиальном решении вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права, путем признания приоритета международных договоров РФ над национальным законодательством. Конституционная норма выражает это следующим образом: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (п. 4 ст. 15) [1]. На сегодняшний день международные договоры, как наиважнейшая из форм сотрудничества, охватывают практически все области международных отношений: политическую, экономическую, техническую, территориальную и другие. Международным договорам принадлежит особое значение в защите основных прав и свобод человека, поскольку они являются гарантией обеспечения законных интересов государств и других субъектов международного права. В национальных правовых системах международные договоры занимают особое место. Государство, принимая на себя международные договорные обязательства, не вправе от них отказаться, в этом состоит суть принципа «pacta sunt servanda» (договоры должны соблюдаться) [2]. Так что же из себя представляет международный договор? Итак, как следует из положений Венской конвенции от 1969 г. (ст. 2) [3], международный договор представляет соглашение, заключаемое между государствами в письменной форме, которое регулируется международным правом. Подобная трактовка термина отражена в законе о международных договорах РФ (ст. 1) [4]. В юридической литературе приводится понятие международного договора как «...международное соглашение, заключенное между субъектами международного права в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [5]. При этом международные договоры можно классифицировать по: *территории* действия договора как глобальные, региональные и локальные; *количеству* участников договора как двусторонние и многосторонние; *объекту* правового регулирования как политические, экономические, военно-политические, экологические, морские и др.; *субъектам*, участвующим в создании международного договора как межгосударственные, между международными межправительственными организациями и государствами, между международными организациями; *возможности* участия в международном договоре как закрытые и открытые; *срокам действия* договора как бессрочные, определенно-срочные и неопределенно-срочные; *форме* договора как письменные и устные (джентльменские соглашения) [6].

Международные договоры, как источник МЧП. Выделяют четыре основных вида источников МЧП, в числе которых: международный договор, внутреннее законодательство, судебная практика, обычаи. Ведущую роль среди всех источников МЧП занимают именно международные договоры, имеющие особую роль во всей системе частноправовых отношений с иностранным элементом. В настоящее время международные договоры являются неотъемлемым элементом системы источников международного частного права, регламентируют отдельные и конкретные международные частноправовые отношения, охватывая достаточно широкий круг вопросов. Среди источников международного права особое значение имеют международные договоры, регламентирующие специфику правоотношений, участником которых является Россия. Данное положение фактически дублируется гражданским законодательством (ст. 1186), закрепляющей правило, что международные договоры являются основным источником правовой системы РФ, которыми определяется подлежащее применению право. Международный договор при этом может рассматриваться как международное соглашение, участником которого является РФ с одной стороны и иные субъекты международного права, с другой стороны. Международный договор регламентируется международным правом и составляется в письменной форме, относясь как вид соглашения к публично-правовым актам, субъектами которых являются только субъекты международного права, а его положения считаются обязательными для всех сторон договора. Вместе с этим, отдельные международные договоры включают в себя положения, призванные регулировать международные частные отношения, которые складываются между физическими и юридическими лицами, которые относятся к различным государствам. Такие договоры по происхождению относятся международными, однако по содержанию относятся к сфере межгосударственной деятельности, посредством которой регулируются вопросы международных частных отношений между физическими лицами и различными организациями. Именно указанные нормы будут являться по своей правовой природе международными только по происхождению, по содержанию их следует относить к МЧП государств – участников этих международных договоров. При оценивании международного договора как источника МЧП, возникает вопрос о международных договорах, которые следует относить к источникам международного публичного права, и тех, которые относить к источникам МЧП. Полагая при этом, что фактически, все международные договоры находятся в системе международного публичного права, так как разрабатываются и принимаются субъектами этой отрасли права. Из этого следует: *договоры в сфере МЧП* в большей степени направлены на единообразное регулирование конкретных правоотношений частноправового характера и содержат нормы материальные и коллизионные; необходимо определить субъекты национально правовой системы права, которые становятся

обязанными в соответствии с принятым в государстве актом, исполнять положения международного акта, обозначив либо государственные органы либо субъекты частноправовых отношений. Определяясь с соотношением национального законодательства РФ и международными договорами выделяют два ключевых аспекта: *международные договоры* являются неотъемлемым элементом правовой системы государства; *приоритетное значение* получают положения международных договоров над нормами национальной правовой системы [7]. Общие вопросы, касающиеся заключения, расторжения или внесения изменений в международные договоры регулируются законом о международных договорах РФ, при этом официальное согласие РФ на вступление в международный договор на уровне национального законодательства осуществляется в форме ратификации и принятием соответствующего закона, обозначающего принятие стороной обязательств, предусмотренных международным договором. Порядок применения судами международных договоров как источников МЧП регулируется судебной практикой Верховного Суда РФ [8], в которой сформулированы соответствующие разъяснения. Так, к примеру: *суды при применении* международного договора в РФ должны иметь ввиду, есть ли согласие РФ на обязательное применение договора, выраженное в одном из действий ст. 6 ФЗ «О международных договорах РФ»; *судами могут применяться* только те международные договоры, которые официально опубликованы в Собрании законодательства РФ. Также необходимо отметить, что международный договор может применяться в национальных судах и рассматриваться в заседаниях арбитражных судов. Судья при этом, принимая решение имеет право ссылаться на положения международных договоров. Судам также рекомендовано обращать внимание на то, что согласие на обязательность международного договора в РФ должно быть выражено в законодательной форме.

При проведении анализа международных договоров РФ, которые относятся к источникам МЧП нельзя оставлять без внимания особенности рассматриваемых международных договоров. Являясь, как и все иные международные договоры, основанием для возникновения обязательств для подписавших их участников международных отношений, они включают в себя положения, реализация которых обеспечивается в области отношений между гражданами и юридическими лицами. В настоящее время имеются несколько видов классификаций международных договоров как источников МЧП. Так, в зависимости от количества участвующих сторон, международные договоры *классифицируются на двусторонние и многосторонние*. К примеру Минская конвенция 1993г., по сути, является международным договором в котором принимают участие 12 стран или Бернская конвенция об охране произведений искусства, участниками которой стали 168 стран. В перечне двусторонних договоров значительная роль принадлежит договорам о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Такие договоры с помощью коллизионных норм регулируют вопросы в области гражданских и семейных отношений, касающихся международных частно-правовых отношений. *Классифицируя международные договоры по природе исполнения* среди них выделяют самоисполняемые и неисполняемые. Самоисполняемые договоры будут непосредственно действующими, для их применения нет необходимости в принятии внутринационального правового акта, они будут применимы на основании указания, содержащегося в конституционной норме (п. 4 ст. 15) или нормативного положения, закрепленного в ГК РФ (ст. 7). Для регулирования отношений, касающихся несамоисполняемых договоров, необходимо принятие специальных нормативных правовых актов. Международные договоры, содержащие частноправовые положения, чаще всего являются самоисполняемыми и реализуют их непосредственно. Совместно с самоисполняемыми международными договорами необходимо применять и определенные акты национального законодательства, принимаемые для реализации положений соответствующих международных договоров в сфере установления международно-правовых отношений [9 – С. 26]. Помимо указанных оснований, международные договоры также по своей сущности и содержанию выделяют межгосударственные, которые могут быть заключены от имени России, межправительственные, которые могут быть заключены от имени правительства и межведомственные, которые могут быть заключены от имени федеральных органов исполнительной власти. Универсальные и региональные международные договоры классифицируются на основании территориальных пределов действия договоров. Универсальные договоры имеют действие для государств любого мирового региона. Региональные же договоры, регулирующие частно-правовые отношения чаще всего имеют действие в границах отдельного региона. Значительное число международных договоров регионального значения на постсоветском пространстве заключены между государствами, входящими в состав СНГ. Примером может послужить Минская 1993г. конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [10]. Таким образом, международные договоры являются неотъемлемом частью источников МЧП, регламентируют правоотношения на международном уровне с участием иностранного элемента.

Международные договоры в сфере купли-продажи товаров. Универсальным правовым актом, регулирующим отношения международной купли-продажи является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, принятая Вене в 1980 г. на дипломатической конференции и вступившая в силу с 1 января 1988 г. В настоящее время участниками этой Конвенции являются 85 стран мира. РФ стала ее участницей в декабре 1991 г., заявив о принятии на себя ответственности по обязательствам СССР. Положения Конвенции применяются для договоров, имеющих международный характер, а главным критерием для ее применения к международным договорам является местонахождение участников сделки и отношения к стране регистрации коммерческих предприятий. Данный признак договорных отношений указан и в других международных конвенциях: Конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи

товаров 1986 г, Конвенции о международном финансовом лизинге 1988 г., Конвенции о представительстве при международной купле-продаже товаров 1983. Из текста Венской конвенции 1980 г. следует, что она применяется к международным, а не внутренним договорам купли-продажи. Однако мы полагаем, что при наличии ссылки во внутреннем договоре купли-продажи на положения Венской конвенция 1980 г. она будет применяться не как международный договор, а в качестве обычных контрактных условий, подобно тому, как применяются правила ИНКОТЕРМС. Венская конвенция не применяется к продаже определенных предметов и не регулирует некоторые вопросы. Так, положения Конвенции не распространяется на отношения, классифицируемые как подрядные (ст. 3), не применяются к дистрибьюторским соглашениям, договорам франчайзинга. Применение положений Конвенции к договору мены в ее тексте специальным образом не оговаривается. Анализ практики международных коммерческих арбитражей свидетельствует об отсутствии единообразия в вопросе применения Венской конвенции 1980 г. к бартерным сделкам. Действительно, разработчики Венской конвенция ставили цель разработать положения, регламентирующие отношения сторон, вытекающие конкретно из договора международной купли-продажи товаров. Однако при желании стороны могут подчинить указанные договоры положениям Венской конвенции 1980 г., но они должны прямо об этом указать в контракте.

Пересечение товаром границы, направление оферты и акцепта с территории разных стран, место и дата заключения договора для применения Венской конвенции 1980 г. значения не имеют. Сфера действия Конвенции распространяется на движимые вещи, как родовые, так и индивидуально-определенные. Договор может заключаться как в отношении вещей, которые только подлежат изготовлению, так и тех, которые уже произведены. Конвенция не применяется к продаже имущественных прав, акций, а также, результатов интеллектуальной деятельности. В целом Конвенция носит диспозитивный характер, позволяет сторонам договора изменять условия ее действия и отступать от любого из ее положений. Стороны договора в своих отношениях могут полностью исключить ее применение. Указанные положения не затрагивают ст.12 Конвенции, посвященную форме контракта. В ней установлены случаи, когда в силу ст. 96 Конвенции: «договаривающееся государство, законодательство которого требует, чтобы договоры купли-продажи заключались или подтверждались в письменной форме, сделало заявление о неприменении любых положений Конвенции, допускающих иную форму заключения, изменения или прекращения соглашения сторон». Конвенция (ст. 90) не затрагивает действия других международных соглашений по вопросам, являющимся предметом ее регулирования. При этом сфера регулирования Конвенции охватывает широкий круг отношений, возникающих при осуществлении международной купли-продажи. Однако по некоторым вопросам недостаточно полно их регламентирует. В Российском законодательстве, как и в законодательстве большинства стран, стороны договора могут выбирать применяемое право. Однако если в договоре не указано условие о применимом праве, то тогда применяется общая коллизионная норма п. 1 ст. 1211 ГК РФ, относящаяся практически ко всем гражданско-правовым договорам и отсылающая к праву страны, с которой договор наиболее тесно связан. Таким правом считается (если иное не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела) право страны, где находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора [11].

Международные договоры в сфере финансового лизинга. Основополагающее значение в правовой регламентации договора международного лизинга имеет Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге, которая имеет универсальный характер, направленный на формулирование определенных единообразных норм, относящихся в первую очередь к гражданско-правовым и торгово-правовым аспектам международного финансового лизинга. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Конвенция сделка финансового лизинга включает следующие характеристики: арендатор (лизингополучатель) вправе самостоятельно определить объект лизинга (оборудование); объект лизинга приобретается арендодателем (лизингодателем) в связи с договором лизинга, заключенный между лизингодателем лизингополучателем, и поставщик поставлен об этом в известность; периодические платежи, уплачиваемые по договору лизинга, рассчитываются либо с учетом амортизации, либо существенной части стоимости оборудования. Согласно пункту 4 статьи 1 этой Конвенции объект лизинга (оборудование), который передается по договору, не должен быть использован для личных, семейных или домашних целей лизингополучателя. Обратим внимание на то, что объектом лизинга может являться любое движимое и недвижимое имущество, договор международного лизинга преимущественно заключается в отношении оборудования, которое перемещается через таможенную границу. Ст. 5 Конвенции допускает отказ от ее применения при условии, что каждая сторона по договорам поставки и лизинга согласилась с этим. При этом следует руководствоваться правилами ст. 6 о порядке толкования Конвенции, предусматривающими, что любое толкование данного документа должно ориентироваться на достижение единообразия в ее применение и соблюдение добросовестности в международных торговых отношениях. Права и обязанности сторон лизинга регламентированы главой II Конвенции УНИДРУА. Так, лизингодатель не несет ответственность перед лизингополучателем за объект лизинга, кроме ситуаций, когда лизингополучателю причинены убытки в связи с тем, что он рассчитывал на опыт и компетентность лизингодателя, и в результате вмешательства последнего в выбор поставщика или спецификации объекта лизинга. Также лизингодатель освобождается от ответственности в отношении третьих лиц, в случаях, когда объектом лизинга причинен вред их жизни, здоровью или имуществу. Среди обязанностей лизингополучателя

эта Конвенция называет обязанность надлежаще заботиться об объекте лизинга, использовать его разумно и поддерживать его в состоянии, в котором оно было ему передано, с учетом нормального износа и технических изменений в объекте лизинга, согласованных сторонами. Лизингополучатель обязан вернуть лизингодателю объект лизинга по истечении срока действия договора лизинга, кроме случая, когда она воспользовался правом его покупки или пролонгации договора лизинга на последующий период. Между странами СНГ была в 1998 г. заключена Конвенция о межгосударственном лизинге (ее подписали Армения, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Украина), но она не вступила в силу, поскольку не была ратифицирована необходимым числом государств[12].

В качестве итога можно отметить, что международные договоры являются основными в системе источников МЧП, при этом особое значение имеют те договоры, положения которых регламентируют специфику договорных отношений, участником которых является Россия, а также, определяемые национальными правовыми актами исходя из норм гражданского законодательства (ст. 1186) в числе которых: *международные договоры в сфере купли-продажи товаров*, к универсальному акту, регулирующим такие отношения отнесена Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров; *международные договоры в сфере финансового лизинга*, среди которых основополагающее значение в регулировании отношений имеет Конвенция УНИДРУА как договор международного лизинга, формулирующий единообразные положения, регулирующие отношения в сфере гражданско-правового и торгово-правового аспектов международного финансового лизинга.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Драгунова, С.А. Международный договор как основной источник международного права / С.А. Драгунова, А.С. Пакаряскин // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.). – 2018. – С. 201–203.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР. – 1986. – №37. – ст. 772.
4. О международных договорах Российской Федерации: фед. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – ст. 2757.
5. Каламкарян, Р.А. Право международных договоров: учебник / Р.А. Каламкарян, В.В. Богатырев. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2020. – 390 с.
6. Овакимян, Б.А. Международный договор / Б.А. Овакимян // Аллея науки. – 2021. – Т. 1. – № 5(56). – С. 639–642.
7. Бахновский А.В. Международный договор как источник международного частного права / А.В. Бахновский // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 15. – С. 51–67.
8. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – №12.
9. Ильинская О.И. Право международных договоров: Учебное пособие / О.И. Ильинская. – Москва: Издательство "Проспект", 2021. – 154 с.
10. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Заключена в г. Минске 22.01.1993, (ред. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №17. – ст. 1472.
11. Голубчикова А. А. Особенности правового регулирования договора международной купли-продажи в праве РФ / А.А. Голубчикова //Молодежь и XXI век, – 2018. – С. 83-86.
12. Мухтарова, А.Р. Правовое регулирование международного финансового лизинга / А.Р. Мухтарова // Актуальные проблемы развития современного общества. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет. – 2019. – С. 82–86.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ИХ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕШЕНИЯ

Жукова Карина Антоновна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Государственная власть в России разделяется на три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную. Органы, осуществляющие такие виды государственной власти конституционно-правовыми нормами, содержащимися в гл. 4–7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] наделяются соответствующие полномочиями. При этом: *Президент РФ* как глава государства выступает гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти, поддерживает гражданский мир и согласие в стране (ст. 80); *Правительство*

РФ как федеральный орган исполнительной власти (ст. 110), наделено полномочиями по созданию территориальных органов и назначение в них соответствующих должностных лиц; может принимать к исполнению отдельные полномочия органов исполнительной власти субъектов РФ, как и передавать этим органам ряд своих полномочий, перечень которых устанавливается федеральным законодательством, может участвовать в формировании органов исполнительной власти субъекта РФ, обеспечивает проведение в стране единой финансовой, кредитной и денежной политики, разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет, обеспечивает его исполнение и отчитывается за его исполнение; выполняет ряд иных полномочий. предусмотренных Конституцией РФ, федеральным законом о Правительстве РФ, другими законами и актами Президента РФ; Федеральное Собрание (Парламент РФ) как федеральный орган законодательной и представительной власти, включает две палаты Государственную Думу и Совет Федерации(ст. 94, 95), которые наделяются конституционными нормами соответствующими полномочиями, в числе которых: касающихся Государственной Думы – утверждение кандидатуры Председателя Правительства, его заместителей и части федеральных министров, заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ и др.; касающиеся Совета Федерации – утверждение и изменение границ между субъектами РФ, решений Президента РФ о введении военного и чрезвычайного положений, принятия решений о разрешении использования Вооруженных Сил РФ вне пределов территории России, а также о назначении выборов Президента РФ, отрешения его от должности, а также других, предусмотренных конституционными нормами; *судебная власть* осуществляется в рамках конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, реализуемых Конституционным Судом РФ (ст. 125) и Верховным Судом РФ (ст. 126), полномочия которых закреплены конституционными нормами.

Конституционно-правовая норма (ст. 71) устанавливает 19 групп установлений, относящихся к ведению Российской Федерации в числе которых: федеративное и территориальное устройство страны; организация публичной власти, установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, вопросы формирования федеральных органов государственной власти; установление основ федеральной политики, правовых основ единого рынка, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования; федеральные энергетические системы; внешняя политика, международные и внешнеэкономические отношения, международные договоры; вопросы войны и мира, оборона и безопасность; судоустройство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; процессуальное законодательство; федеральная государственная служба; установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы и др. К совместному ведению РФ и ее субъектов конституционная норма (ст. 72) относит 15 групп установлений, среди которых: природопользование, сельское хозяйство, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, молодежной политики, физической культуры и спорта; социальная защита, включая социальное обеспечение; защита семьи, материнства, отцовства, детства и института брака как союза мужчины и женщины; *установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления*, налогообложения и сборов; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное и иное законодательство; кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат и иные. При этом установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления регулируются законами об общих принципах организации: публичной власти в субъектах РФ [2] и местного самоуправления в РФ [3].

Общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ. Положениями закона об организации публичной власти в субъектах РФ установлены 13 принципов, определяющих деятельность органов, входящих в единую систему публичной власти субъекта РФ (ст. 2) в числе которых, к примеру: государственная и территориальная целостность, единство системы публичной власти и их согласованное функционирование; и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях; разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти; признание и гарантированность местного самоуправления, его самостоятельности; государственный контроль (надзор), парламентский контроль и общественный контроль за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц и иные. Положениями закона об организации местного самоуправления установлена правовая основа местного самоуправления к которой, в числе иных, относятся: нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, уставы муниципального образования, решения, которые принимаются на местных референдумах и сходах граждан, а также иные муниципальные правовые акты. Нормативными положениями этого закона в области местного самоуправления установлены полномочия *федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ* к которым наряду с другими отнесены вопросы о правовом регулировании прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и их должностных лиц при решении вопросов местного значения, а также вопросов при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления могут быть наделены в законодательном порядке.

Общие принципы организации местного самоуправления. Эти принципы сформированы конституционно-правовыми нормами (ст. 130, 131, 133) и включают положения, согласно которым местное

самоуправление: обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью; осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления; осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых и структура устанавливаются законодательством, а изменение границ территорий, допускается только с учетом мнения населения; гарантируется правом на судебную защиту и запретом на ограничение его конституционно установленных прав. При этом (ст. 132) органы местного самоуправления: самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируя, утверждая и исполняя местный бюджет, вводя местные налоги и сборы, решая иные вопросы местного значения, обеспечивают доступность медицинской помощи; входят в единую систему публичной власти в РФ, осуществляя взаимодействие при решении задач в интересах населения и в законодательном порядке могут наделяться отдельными государственными полномочиями.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что между органами государственной власти, представляющих двух уровневую систему федерального уровня и уровня субъектов РФ и органами местного самоуправления существует и законодательно определена организационная составляющая тесного взаимодействия, направленного на достижение главной цели, связанной с устойчивым развитием в сфере эффективного решения задач в интересах населения.

Основные правовые формы взаимоотношений государственных органов и органов местного самоуправления. Стоит отметить, что органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, при этом они могут принимать участие в различных взаимоотношениях с органами государственной власти. Основаниями для возникновения таких отношений считаются те условия, которые следуют из установления общих правил организации местного самоуправления, складываются из совместного осуществления местного управления, возникая из передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий, определяя в совместном порядке формы взаимоотношений. Органы государственной власти призваны анализировать достижения, которые были достигнуты при реализации положений закона о принципах организации местного самоуправления, формировании баз данных информации, необходимой для проведения оценки норм действующего законодательства и получения оснований для его совершенствования. С помощью совместных усилий органов местного самоуправления и органов исполнительной власти, обеспечивается получение информации об отношениях, которые регулируются местным самоуправлением, выявляются пробелы и противоречия в нормативном регулировании, что дает возможность для формирования представлений, а также доктринального толкования положения, сложившегося в сфере нормативного регулирования вопросов, касающихся местного самоуправления и при исполнении действующих актов соответствующими должностными лицами.

Местное самоуправление подразумевает присутствие не его территории любых территориальных образований федеральных исполнительных органов и структур управления субъектов РФ, которые, как правило располагаются в крупных населённых пунктах, обеспечивая слаженную работу и взаимодействие между собой, к примеру по вопросам, связанным с пожарной безопасностью, безопасностью потенциально опасных объектов, охраной правопорядка в обществе, мобилизационной готовностью, воинским призывом и иными. Все перечисленные вопросы будет невозможно реализовать, если между органами и их представителями не будет четко налаженного взаимодействия. Можно отметить, что бывают случаи, когда законодательство самостоятельно указывает форму взаимоотношений для органов государственной власти с органами местного самоуправления, так, к примеру органам исполнительной власти приходится осуществлять деятельность по взаимодействию с местным самоуправлением, основываясь на положениях (ст. 5) закона об общих принципах организации местного самоуправления.

Взаимоотношения возникают и во время передачи местным самоуправлением отдельных полномочий органам государственной власти. Причиной такого возникновения служит то, что необходим контроль за исполнением полномочий, которые передаются. Подобного рода контроль вправе осуществлять федеральные органы исполнительной власти, к примеру министерства: транспорта, здравоохранения, науки и высшего образования и др. [4 – С. 78]. Полномочия, передаваемые при исполнении государственных полномочий, влияют на формы взаимоотношения между органами государственной власти и органам и местного самоуправления и определяются по формам, устанавливаемым положениями закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ (ст. 52 и 19). Подобные формы взаимоотношений зачастую основаны на действиях местного самоуправления в те моменты, когда они реализуют отдельные полномочия государственных органов. В данном случае действия местного самоуправления включают в себя подготовку: внесение на уровня субъекта РФ проектов федеральных законов; нормативных правовых актов; участия в разработке методических материалов; разрешение и согласование вопросов по выдаче разрешений для осуществления деятельности и совершения предусмотренных действий. Следует отметить, что форма взаимоотношений в большинстве случаев зависят от вида действий, которые будут совершены по отношению к органам местного самоуправления, например возникновение ситуации, когда органы местного самоуправления учувствуют в нормотворческой деятельности. В таком случае будет совместная работа органов, где в основе будет такая форма взаимоотношений, как разъяснение и толкование. Формы взаимоотношений между органами способны возникать исключительно на основе законодательства, вследствие этого основаниями для их возникновения могут быть только две нормы права: гражданско-правовая и публично-правовая. Прекращение и

вступление в любые формы взаимоотношений могут осуществляться, исключительно основываясь на норме права.

Взаимоотношения органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Основаниями для возникновения взаимоотношений между органами местного самоуправления и органами государственной власти являются: полномочия, предоставленные субъектам РФ и федеральным органам исполнительной власти; полномочия, предоставленные органам местного самоуправления; возможность передачи полномочий федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ для исполнения на уровень органов местного самоуправления. При этом взаимоотношения между органами возникают по поводу: проведения совместных обсуждений вопросов и совещаний; создания комиссий и определённых рабочих групп; проведения консультаций; заключения соглашений о взаимодействии; координации деятельности; принятия совместных нормативных правовых актов; передачи части своих полномочий. Законодательная инициатива представительного органа местного самоуправления в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ будет, являться формой реализации органами своих полномочий в том случае, когда она будет в действительности реализовываться. Еще одной формой взаимоотношений органов власти является участи в работе создаваемых органами государственной власти субъектов на равных условиях с местным самоуправлением. В пример можно привести ситуацию, когда в определённом городе в административном округе и районе создаются совместные рабочие группы, а также работают координационные советы. Причиной для возникновения взаимоотношений также выступает осуществление вопросов местного значения местным самоуправлением, когда на первых этапах происходит подготовка программ для развития отдельных отраслей, к примеру отрасли деятельности, связанные с культурой, здравоохранением и другими, связанными с вопросами местного значения, предусмотренные положениями главы 3 закона об общий принципах организации местного самоуправления.

Для обеспечения возможности исполнения переданных полномочий местному самоуправлению нужно правильно определить порядок разъяснения для применения нужной нормы права, проводить консультации должностным лицам, а также принимать участие в разрешении конфликтов и споров. Так как в отношениях между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления начало берет административно-властные отношения, то их взаимоотношения можно назвать координационными. Стоит отметить, что в некоторых случаях устанавливается обязанность вступить во взаимоотношения, в пример можно привести создание определённых условия для осуществления совместной деятельности органов в той или иной области, где есть определённый алгоритм взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов. В большинстве случаев эта обязанность представляет собой исключение, свойственное на первых этапах создания любой отрасли системы [5].

Взаимодействие органов местного самоуправления с общественными, иными объединениями граждан и гражданами. Одной из обязанностей органов местного самоуправления является принятие решений исходя из общественных интересов, при этом они должны руководствоваться необходимостью удовлетворить общественные потребности.

Таким образом, взаимоотношения, которые возникают между органами местного самоуправления и гражданами должны базироваться на обеспеченье прав и свобод граждан, при этом в основу любых решений и действий органов местного самоуправления должны быть положены вопросы защити прав и интересов граждан, представляющие принцип, который способен реализовываться в любой форме. Инициативу вступления во взаимоотношения могут проявить непосредственно как сам орган местного самоуправления, так и граждане, проживающие на территории этого самоуправления, имея право, предусмотренное положениями закона (ст. 2) о рассмотрении обращения граждан [6], обращаясь с просьбой, предложением и жалобой в орган местного самоуправления. Данные обращения могут касаться различного рода вопросов, связанных к примеру: с разъяснением норм или консультированием по вопросам действующего законодательства. При этом, можно отметить, что граждане обладают правом на обращения не только в коллективном порядке, но и в индивидуальном, когда лицо, рассматривающее обращение, обязано разрешить вопрос либо предоставить разъяснение порядка действий, который сможет помочь в решении вопроса. В свою очередь местное самоуправление также вправе обращаться к гражданам, к примеру для поддержания инициативы, или предоставлении помощи в участии при организации и проведении каких-либо мероприятий и др. При этом, обращение органов местного самоуправления может быть обуславливаться тем, что возникла общественная необходимость либо возникновением вопроса общественной важности, который необходимо решить. Граждане также могут обращаться по вопросам, связанным с выделением помещения, связи и просить оказание содействия в решении определенных проблем в местное самоуправление.

Взаимоотношения между органами местного самоуправление и гражданами также могут базироваться на партнёрских принципах, то есть местное самоуправление и граждане способны объединять усилия для решения проблемы общественного уровня. Таким образом, отсюда следует, что эти взаимоотношения будут отнесены к частно-публичной форме отношений. В пример можно привести взаимоотношения граждан и местного самоуправления в сфере жилищного права, где граждане выступают объектом обеспечения условий для деятельности органов. Самообложение граждан также является одной из моделей публично-частного партнерства. Органы местного самоуправления обязаны вести переговоры по социально-трудовым вопросам,

участвовать в выполнении коллективных договоров и соглашений для содействия договорному регулированию социально-трудовых отношений, а также согласованию социально-экономических интересов работников и работодателей в порядке, определяющем право профсоюзов на ведение коллективных переговоров и предпринятия иных действий, определяемого положениями (ст. 13) закона о профессиональных союзах [7].

Одним из инструментов обеспечения взаимодействия, установленных федеральным законом, является Общественная палата, в число задач которой входит обеспечение взаимодействия граждан, общественных и иных объединений граждан с органами местного самоуправления.

В качестве итога можно отметить, что во взаимоотношениях между органами государственной власти и органами местного самоуправления возникает задача регулирования возникших отношений, решение которой заключается в установлении правовых основ организации местного самоуправления. При этом у государства имеется возможность оказывать управленческое воздействие посредством влияния на стороны и всех участников регулируемых отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: фед. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (часть I). – ст. 8973.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: фед. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – ст. 3822.
4. Четвериков, В. С. Муниципальное право: Учебное пособие // В.С. Четвериков. – 6-е изд. – Москва: РИОР, 2019. – 208 с. // [Текст] URL: https://znanium.com/catalog/product/959922 (дата обращения: 21.02.2023).
5. Баринова В.И. Правовые основы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России // В.И. Баринова – Журнал: Вестник Тульского Филиала Финуниверситета. – 2018. – №1. – С. 36–38.
6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: фед. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. –2006. – № 19. – ст. 2060.
7. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: фед. закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021)// Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – ст. 148.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРИТАЦИИ ИХ ПОНЯТИЯ

Затонская Эльвира Олеговна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Интерпретация понятия конституционно-правовых отношений. Тема конституционно-правовых отношений находит свое отражение в большом количестве учебников, научных статей, монографий и т. д. Имеется множественное количество различных по содержанию мнений, которые определяют понятие конституционно-правовые отношения с точки зрения каждого из авторов, акцентирующих внимание на наиболее важных обстоятельствах, позволяющих наиболее полно раскрыть вкладываемый в определение смысл. Так, к примеру, существуют мнение что «Конституционно-правовые отношения – это общественные отношения, которые урегулированы нормами конституционного права и содержанием которых является юридическая связь между субъектами в форме взаимных прав и обязанностей, предусмотренных данной правовой нормой» [6 – С. 9], в котором акцентируется внимание на юридической связи между субъектами, которая выражается во взаимных правах и обязанностях участников, при этом под условиями обеспечения такой связи полагается обязательность закрепления возникших отношений в нормативном правовом акте, когда эти отношения носят публично-политический характер. Интерпретация другого определении предлагает считать что «Конституционно-правовые отношения – общественные отношения, урегулированные нормами конституционного права, содержанием которых является юридическая связь между субъектами в форме взаимных прав и обязанностей, предусмотренных данными нормами» [6 – С. 14]. И здесь в сравнительном контексте содержания определений можно увидеть акцент не только на правовые отношения между субъектами конституционно-правовых отношений, но и на их юридическую связь, которая выражается в форме установленных взаимных прав и обязанностей, закрепленных правовыми нормами. В следующем определении конституционно-правовые отношения толкуются как «...общественные отношения, урегулированные конституционно-правовыми нормами, содержанием которых выступают взаимные конституционные права и обязанности субъектов данных отношений» [3 – С. 129], где под особенностью возникших отношений

понимается неукоснительность соблюдения прав и обязанностей сторонами этих правоотношений. Наиболее полное и исчерпывающее понятие конституционно-правовым отношениям можно сформулировать через интерпретацию смысла положенного в основу понятия конституционно-правовой ответственности, под которой понимается «...регламентированная конституционно-правовыми нормами и обеспеченная мерами государственного воздействия, обязанность субъектов конституционно-правовых отношений претерпеть неблагоприятные последствия за свое юридически значимое поведение, несоответствующее тому, которое предписано данными нормами» [4 – С. 47], трактующее содержание этих отношений через взаимные права и обязанности сторон и через последствия, которые могут возникнуть при неисполнении возлагаемых обязанностей и являются неотъемлемым элементом конституционно-правовых отношений. При этом за неисполнение или ненадлежащее исполнение прав и обязанностей, участники будут нести ответственность, которая заключается в претерпевание неблагоприятных последствий для субъекта, поведение которого не соответствует предписанному правовыми нормами.

Субъекты конституционно-правовых отношений. В связи с тем, что конституционно-правовые отношения регулируется государством, то одной из сторон всегда будут органы исполнительной власти, уполномоченные на исполнение, облеченные правом требования исполнения положений соответствующего законодательного и иного нормативного правового акта, изданного для реализации и введение в действие конституционно-правовых положений конституционно-правовой нормы, соответственно в рамках установленной компетенции. К ним относятся субъекты: предусмотренные Конституцией РФ, в том числе Президент РФ, Правительство РФ, формирующие органы государственной и исполнительной власти, входящих единую систему публичной власти, включая: Государственный совет, Совет Безопасности, Администрацию Президента, федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. На уровне субъектов РФ, создаваемые высшим должностным лицом в соответствии с конституцией (уставом) органы исполнительной власти, входящие в единую систему органов публичной власти каждого из субъектов РФ. На уровне местного самоуправления, создаваемые высшим должностным лицом местного самоуправления в соответствии с уставом административно-исполнительные органы местного самоуправления, входящие в единую систему публичной власти, на уровне местного самоуправления формируемой в пределах территориальных границ конкретного субъекта РФ. К особым субъектам конституционно-правовых отношений можно отнести публично-правовые образования системы публичной (политической) власти, формируемой волей народа на выборах депутатов в составы депутатского корпуса на федеральном уровне – законодательный орган (Государственная Дума), на уровне субъектов РФ – законодательный (представительный) орган субъекта РФ, на местном уровне – представительный орган местного самоуправления, которые, в каждом конкретном случае, формируют свои составы, посредством образования фракций, исходя из партийной принадлежности депутатов этих органов соответственно: федеральной, территориальной и муниципальной власти. К особым субъектам отношений относится высший представительный орган РФ (верхняя палата Федерального Собрания – Совет Федераций), формируемый путем представительства сенаторов от каждого субъекта РФ и сенаторов, назначаемых Президентом РФ. Также к особенным субъектам конституционно-правовых отношений относятся органы судебной власти, представленных на федеральном уровне Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, включающем систему судов общей юрисдикции, арбитражных судов, военных судов и иных, специализированных судов. На уровне субъектов РФ судебная система представлена мировыми судьями, осуществляющими деятельность на судебных участках в рамках территориальных границ конкретного субъекта РФ. Также к субъектам конституционно-правовых отношений относятся государственные органы, создаваемые в рамках конституционно установленных полномочий на федеральном уровне, палатами Федерального Собрания (Центральная Избирательная Комиссия, Счетная палата, Уполномоченный по правам человека), на уровне субъектов РФ (избирательные комиссии, счетные палаты, уполномоченные по правам человека и иные), на уровне местного самоуправления (избирательные комиссии, счетные палаты). К субъектам конституционно-правовых отношений относятся структуры гражданского общества включая, общественные объединения, политические, религиозные и иные организации, структуры общественного контроля (общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, при органах государственной и исполнительной власти субъектов РФ, иные общественные организации), а также, каждый из индивидуумов, имеющий гражданство РФ, как человек права и свободы которого являются высшей ценностью, являющийся носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ, осуществляющий свою власть непосредственно, через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Отдельно к субъектам конституционно-правовых отношений относятся иностранные граждане, лица без гражданства, лица, получившие статус беженца либо переселенца. А также международные организации, решения которых принятые согласно положений международных договоров РФ в их истолковании, признаны противоречащими Конституции РФ. К субъектам конституционно-правовых отношений относятся также Прокуратура РФ и Следственный комитет РФ.В качестве промежуточного вывода можно отметить что к*онституционно-правовые отношения* действительно представляют общественные отношения, урегулированные конституционно-правовыми нормами и возникающие между субъектами (органами государственной власти, субъектами РФ, органами местного самоуправления, гражданами РФ, физическими лицами), обладающими взаимными правами и обязанностями по поводу распределения и

пользования материальными и нематериальными благами, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых наступает конституционно-правовая ответственность.

Виды конституционно-правовых отношений. исходя из наличия различных критериев и зависимости от них конституционно-правовые отношения подразделяются на виды, к которым относят: характер взаимоотношений сторон, их целевое назначение, содержание, форму и время воздействия. Исходя из нормативных правовых актов, которыми регулируется правила поведения сторон в конституционно-правовых отношениях, они делятся на общие и конкретные. К отношениям общего характера относятся общественные отношения, которые регулируются конституционными нормами, содержащимися в конституциях (уставах) субъектов РФ и в положениях уставов местного самоуправления. При этом особенность отношений общего характера в том, что они выражают сущность демократического строя РФ, его конституционные основы, определяя при этом систему государственных органов и способы взаимодействия между ними, опосредуя связь между государством и личностью, устанавливая способы применения власти народа. Иными словами, эти конституционные нормы, имеют распространение на граждан и иных людей, отражая свое воздействие на круг субъектов. К примеру, конституционная норма, устанавливающая правило, что каждый имеет право на свободу и неприкосновенность (с. 22) из которой видно что ей не определен конкретный круг субъектов, относя положение нормы ко всем субъектам конституционно-правовых отношений.

Конкретные конституционно-правовые отношения складываются в различных сферах жизни общества, определяясь через наличие конкретных сторон и отношения, складывающиеся между ними, которые находят собственное отражение нормативных правовых актах, включая кодексы РФ. К примеру, законодатель, определяя статус кодекса об административных правонарушениях, закрепил положение, что его положения основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ, отнеся к его задачам защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, защиту общественной нравственности, охрану окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защиту законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (ст. 1,1 и 1,2) [5]. Так, *по целевому назначению* конституционно-правовые отношения подразделяются на учредительные, правоустановительные и правоохранительные. Где под учредительными понимают отношения возникшие на основе конституционных принципов и иных норм общерегулятивного характера, проявляющихся в учреждении правоустановительных актах, таких как конституция (устав) субъекта РФ, устав органа местного самоуправления, в иных нормативных правовых актах, регулирующих другие виды общественных отношений. К правоустановительным относят конкретные отношения, определяющиеся через указание взаимных прав и обязанностей субъектов конституционно-правовых отношений, которые осуществляют права и выполняют обязанности в соответствии с установленной нормой, положением закона. К правоохранительным относятся отношения, связанные с реагированием уполномоченных структур государства на неправомерное поведение сторон, когда субъекты отношений нарушают права и не соблюдают обязанности, предписанные правовыми нормами, итогом применения которых может стать претерпевание неблагоприятных последствий для субъекта, совершившего нарушение. *По форме* конституционно-правовые отношения могут быть представлены как в собственном смысле так и в правовом состоянии. Отношения в собственном смысле характеризуются тем, что в них четко определены права и обязанности субъектов, и каждый субъект лично их осуществляет. Отношения в правовом состоянии определяются тем, что права и обязанности субъектов в них имеют менее определенный характер. *По времени* действия выделяют временные (срочные) и постоянные (бессрочные). При этом временные отношения, как правило, ограничиваются конкретным сроком, указываемым в нормативном правовом акте, возникающие в результате необходимости реализации конкретных норм, когда за их выполнением следует прекращение отношений сторон. Постоянные правоотношения не ограничиваются временем, относя к себе отношения, в правовом состоянии, а также отношения, связанные с государственным обеспечением основных прав и свобод граждан, неприкосновенности личности и т. д. Конституционно-правовые отношения могут иметь и иную классификацию зависящую от различных критериев, так как общественная жизнь динамична и способствует появлению новых условий и обстоятельств, нуждающихся в правовом регулировании, становящимися основой для возникновения новых видов конституционно-правовых отношений [6 – С. 16].

Конституция как основной источник закрепления конституционно-правовых отношений. Общими конституционно-правовыми отношениями считаются те, которые отражены в конституционном нормативном правовом закреплении, где нормы Конституции РФ определяют систему государственных органов и порядок взаимодействия между ними. К примеру, конституционные положения закрепляющие статус , полномочия и ответственности Президента как органа власти (Гл. 4), определяя его главой государства, предусматривая взаимодействие с Государственной Думой, определяя полномочия по назначению выборов депутатов в законодательный орган страны и возможности для роспуска действующего ее созыва, право законодательной инициативы, подписания и обнародования принятых законов.

Конституционно-правовые отношения опосредствуют связь государства и личности, которая имея нормативное правовое закрепление, подлежит обязательному исполнению субъектами отношений. К примеру

конституционно-правовое закрепление тезиса, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими (ст. 18), которое определяет смысл и содержание деятельности законодательных органов по принятию законов, а исполнительной власти по обеспечению их исполнения, формально означая, что законы и иные нормативные правовые акты принимаются исходя из закрепленных конституционной нормой прав человека и гражданина. При этом ни один из нормативных правовых актов не должен нарушать права и свободы человека и гражданина, умалять достоинство человека или иметь своей целью причинение морального или физического вреда личности. Такие конституционно-правовые отношения относятся к постоянным не имеющим срока завершения, то есть – бессрочными, определяя смысл, в котором права и свободы человека и гражданина подлежат постоянной охране вне зависимости от возникновения каких-либо обстоятельств.

Иные нормативные правовые акты, регулирующие конституционно-правовые отношения. Конституционно-правовые отношения, регулируемые в конституционном порядке имеют постоянный характер в отличие от отношений, которые регулируются иными нормативными правовыми актами. К примеру отношения по поводу приобретения в собственность земельного участка, особенности которых определены положениями законодательства (ст. 25) [7], посредством которых становится возможным признать право на земельный участок за собственником только после завершения процедуры государственной регистрации факта сделки с земельным участком, его передачи в собственность гражданину либо юридическому лицу, что по сути предоставляющей право на распоряжения, владение и пользование этим участком. Чрезвычайное положение в стране либо на ее отдельных территориях согласно закону о чрезвычайном положении (ст. 4) [8], вводится на основании указа Президента РФ, при этом легитимность вступления этого указа в силу, определяется решением Совета Федерации, обладающего конституционным правом на утверждение либо отказа от его обязательного исполнения уполномоченными органами системы исполнительной власти. При этом по истечении установленного законом срока действия (ст. 9), чрезвычайное положение, объявленное указом Президента РФ, считается прекращенным, подтверждая мнение, что конституционно-правовые отношения возникающие в связи с предусмотренными конституционными нормами обстоятельствами, прекращаются с преодолением и решением возникших проблем и угроз, установленных законодательством. Также сюда можно отнести акт Президента РФ[9] о введении военного положения на присоединенных территориях, в основание которого была положена необходимость обеспечения безопасности и территориальной целостности страны, а принятие обосновано конституционной нормой, определяющей право на принятие такого решения в случае непосредственной угрозы агрессии Президент РФ вводит на территории РФ или в отдельных ее местностях военное положение (ч. 2 ст. 87). При этом конституционно-правовые отношения начавшиеся с 20.10.2022, момента введения военного положения будут прекращены с момента отмены указа, действе которого утратит силу.

В качестве итога можно сделать вывод о том, что постоянные конституционно-правовые отношения регулируются конституционными положениями, а временные отношения могут регулироваться, в том числе законами и иными нормативными правовыми актами, имея конечный срок для их реализации, продолжительность которого определяется исходя из обстоятельств или условий возникновения и прекращения таких конституционно-правовых отношений.

Список литературы

1. Запорожец, С.А. Конституционное право Российской Федерации: конспект лекций : учебное пособие / С.А. Запорожец. — Севастополь : СевГУ, 2020.— 227 с.
2. Иналкаева, К.С. Конституционное право России – составная часть национальной правовой системы страны: учебник / К.С. Иналкаева. – Грозный : ЧГПУ, 2021. – 280 с.
3. Головинова, Ю. В. Конституционное право Российской Федерации: учебное пособие / Ю.В. Головинова. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 144 с.
4. Сичкар, В.А. Конституционное право : учебное пособие / В.А. Сичкар. – 2-е изд., перераб. и доп. – Донецк : ДОНАУИГС, 2020. – 406 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 1.
6. Шахрай, С.М. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для академического бакалавриата и магистратуры : учебник / С.М. Шахрай. – М.: Статут, 2017. – 624 с.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – ст.4147.
8. Чрезвычайном положении: фед. конст. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – ст. 2277.
9. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 // Собр. законодательства РФ. – 2022. – № 43. – 7381.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игонина Алиса Андреевна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Деятельность стран в космическом пространстве связана с применением большого количества технически сложного оборудования, которое представляет объекты повышенной опасности, использование которых влечет за собой потенциальную возможность причинения ущерба как собственным территориям и проживающим на них людям, так и территориям иных государств, что требует урегулирования вопросов, связанных с ответственностью космических держав за принесенный ими ущерб. Увеличение количества участников космической деятельности и значительное расширение ее объемов ведет к необходимости регулирования на международном уровне вопросов практического использования космического пространства для удовлетворения интересов участников в различных сферах, связанных с космической деятельностью и с использованием космического пространства, в рамках развития и совершенствования международного космического сотрудничества.

Понятие и основания международно-правовой ответственности. Ответственность на международном уровне представляет собой необходимое правовое средство для обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений между субъектами международного права, выступая как гарант функционирования международного права, в основу которого положены принципы регулирования соответствующей деятельности, реализуемой в рамках международных договоренностей. Договорные положения, определяющие правила поведения как нормы, касающиеся ответственности в международном праве, составляют особый международно-правовой институт, включающий в себя обычные нормы и нормы, рассредоточенные по различным международным договорам. При этом, ответственность может рассматриваться как непременная обязанность, обуславливаемая поведением участников международного договора, ведущим к нарушению общепринятых положений международного права. Институт международно-правовой ответственности считается одним из основополагающих институтов современной международно-правовой системы, цель деятельности которого определяется необходимостью обеспечения полноценного функционирования субъектов международного права исключительно в условиях ответственного поведения регулируемого положениями действующих международных договоров. Ранее действовавшая в рамках ООН Постоянная палата международного правосудия определила собственно правовой подход, в котором принципом международного права, более того, общей правовой концепцией является признание того, что любое нарушение взятого на себя обязательства влечет за собой обязанность возместить ущерб, что может представлять собой непременное последствие несоблюдения договоров, в связи с чем отсутствует необходимость оговаривать этот вопрос в самом договоре. Здесь под международно-правовой ответственностью понимаются юридические последствия, наступающие для субъекта международного права, нарушившего положения международного права или принятые на себя международные обязательства [1 – С.135]. В юридической литературе представлено понятие, определяющее международно-правовую ответственность как юридическую ответственность международного субъекта, не выполнившего либо нарушившего принятые на себя в добровольном обязательства. При этом на практике ответственность должна выражается в необходимости обязательного возмещения ущерба (вреда), понесенного другим субъектом международного права в результате последствий нарушения обязательств со стороны другого участника международных отношений, когда обязанность возмещения ущерба становится непременным следствием несоблюдения международного договора [2 – С.73]. В юридической литературе рассматривается иное толкование понятия международно-правовой ответственности, в котором прямо указывается на конкретные последствия, согласно которым «обязанность субъекта международного права устранить, ликвидировать вред, причиненный им другому субъекту международного права в результате нарушения международно-правового обязательства, или обязанность возместить ущерб в результате правомерных действий, если это предусмотрено договором» [3 – С.282]. Как итог рассмотрения представленных мнений ученых становится возможным установить, что под международно-правовой ответственностью понимаются юридические последствия негативного характера, которые могут наступить для субъекта международного права в результате нарушения принятых на себя в добровольном порядке международно-правовых обязательств, которые определяются как необходимость устранения вреда, причиненного другому субъекту отношений в результате последствий нарушения либо возместить ущерб, ставший последствием нарушения установленных правил либо других обстоятельств.

Ответственность в международном праве наступает при возникновении определенных оснований, которые предусмотрены положениями международных договоров и отражают объективные и субъективные признаки, выстраивающихся на юридических, фактических и процессуальных основаниях международно-правовой ответственности. Под юридическим основанием ответственности понимается совокупность обязательных международных актов юридического характера, посредством которых определенное поведение квалифицируется как нарушение в сфере международного права. Юридические основания ответственности

могут содержаться в источниках международного права и в иных актах, фиксирующих обязательные для государства правила поведения, к которым можно отнести договоры, обычаи, решения международных судов и арбитражей, обязательные акты международных организаций, отдельные акты международных конференций и совещаний, отдельные односторонние акты государств международно-правового характера. Фактические основания ответственности представляют собой нарушения, как действия за которые наступает ответственность, к которым можно отнести предпринятые государством действия или бездействие, представляющие нарушение обязательств по исполнению положений международного договора. Процессуальные основания ответственности при этом представляют процедурный порядок рассмотрения дел о нарушениях допущенных государствами и определения возможностей для привлечения их к ответственности. В одних случаях эта процедура детально рассмотрена в положениях международного договора, в других - ее выбор оставлен на усмотрение участников возникшего отношения, решивших передать рассмотрение вопроса ответственности в уполномоченные судебные органы, уполномоченные на принятие соответствующих, обязательных для стран решений [4].

Виды и формы международно-правовой ответственности. Международная ответственность в международном праве реализуется в конкретных видах и формах, где виды ответственности представлены более им понятием, а формы – более узким. Так, к видам ответственности отнесены: *материальная ответственность* как те негативные последствия материального, финансового и иного характера, которые должен претерпеть субъект международного права, причинивший имущественный ущерб другому субъекту; *политическая (нематериальная) ответственность* как негативные последствия политического или внешнеполитического характера, которые должен претерпеть субъект международного права, причинивший политический ущерб другому субъекту. Однако необходимо отметить, что материальный ущерб может повлечь не только материальную, но и политическую ответственность, к примеру, при нанесении ущерба имуществу, используемому для целей дипломатических учреждений, когда способ причинения ущерба несет в себе оскорбительный, вызывающий характер, в этом случае можно ставить вопрос не только о материальном возмещении, но и о необходимости политического удовлетворения нематериальных требований государства-потерпевшего как сатисфакцию [5]. Виды ответственности могут быть выражены в различных формах ответственности и должны рассматриваться через призму функций ответственности к которым относятся: превентивная (предупредительная), обеспечительная и компенсационная (восстановительная) функции. Так, материальная ответственность выражается в обязанности возместить причиненный материальный ущерб и реализуется более эффективно, по отношении ответственности политическая. *Формами материальной ответственности* считаются компенсация, репарации, чрезвычайные репарации, реституция, субституция. Компенсация как денежное возмещение любого, оценимого в финансовом отношении, ущерба считается самой распространенной формой. Репарация предполагает возмещение в натуральной или денежной форме материального ущерба, являющегося результатом акта агрессии, а ее разновидность, называемая чрезвычайной репарацией представляет ограничение права распоряжения материальными ресурсами, которое направлено на обеспечение максимально возможного возмещения материального ущерба и исключение материальных, в том числе военно-технических, факторов, которые способствовали совершению международного преступления. Реституция представляет собой восстановление первоначального положения путем возврата в натуральной форме имущества, которое подверглось неправомерному захвату, изъятию, перемещению [2 – С.74]. *Формами политической ответственности* могут стать сатисфакции, чрезвычайные сатисфакции, репрессалии, реторсии, реституция, непризнание. При этом сатисфакция представляет собой восстановление нематериального ущерба путем удовлетворения политических претензий потерпевшего государства. Сатисфакция выражается в публичном и официальном принесении извинений, в выражении сожаления и сочувствия, в заверениях, что подобное не повторится в будущем, в оказании особых почестей потерпевшему государству. Однако сатисфакция должна быть пропорциональна вызвавшему их ущербу и не может принять форму, унизительную для государства нарушившего общепризнанные правила поведения. Репрессалии представляют принудительные меры, применяемые в качестве ответа на совершенное международное правонарушение и ограничивающие права государства-нарушителя, они выражаются в разнообразных мерах экономического или политического характера, таких как эмбарго, бойкоты, приостановление или прекращение членства в международной организации, прекращение участия в международном договоре и т. п. Реторсии применяются как ответные принудительные действия, являющиеся реакцией на недружественный акт и дискриминационные меры выраженные другим государством и носят ответный характер, являясь в современных условиях наиболее распространенной формой реализации политической ответственности. Реституция представляет собой осуществление государством нарушившим положения международного договора действий, которые направлены на восстановление прежнего состояния материальных объектов, которым был нанесен ущерб. Непризнание как форма, выражающаяся в публичном отказе признавать ситуацию, созданную, с позиции «непризнающего», неправомерными действиями и/или решениями, к примеру решений, принятых представителями «нелегитимной власти» [5].

Таким образом, можно отметить, что при всех различиях в видах и формах ответственности за нарушения положений международных договоров общим является обязанность государства, нарушившего общепринятые правила поведения или правила, установленные международным договором, претерпеть негативные последствия, совершив обуславливаемые действия в пользу потерпевшего.

Источники и субъекты международного космического права. Международное космическое право является отраслью современного международного права, его формирование началось сравнительно недавно, однако положения, принципы и правила поведения получили закрепление в международных соглашениях. Специфической особенностью международного космического права считается наличие контроля за деятельностью физических и юридических лиц в сфере космической деятельности и их ответственности за нарушение общепринятых правил поведения. В юридической литературе представлен ряд понятий международного космического права, в которых оно определяется как «...совокупность специальных норм современного общего международного права, регулирующих отношения субъектов международного права в связи с осуществлением ими деятельности по исследованию и использованию космического пространства (космическая деятельность), а также определением международно-правового статуса этого пространства, включая Луну и другие небесные тела» [6 – С. 422], как совокупность юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами в процессе исследования и использования космического пространства и небесных тел и определяющих их правовой режим [7 – С. 105], как отрасль современного международного права, основные и специальные принципы и нормы которой регулируют правовой статус космического пространства, а также устанавливают политико-правовые режимы его использования субъектами космического права [2 – С.138]. Обобщив эти понятия представляется возможность представить понятие международного космического права как совокупность международно-правовых норм и принципов, регулирующих отношения субъектов международного права по поводу осуществления ими космической деятельности и определяющих правовой режим космического пространства, Луны и небесных тел. К источникам международного космического права относят пять международных соглашений, устанавливающих принципы и правила деятельности в сфере международного космического права, в том числе: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967г.) – содержащий основополагающие принципы и устанавливающий общие правовые рамки деятельности государств в космическом пространстве; Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968г.) – предусматривающее незамедлительное принятие мер по их спасению и оказанию всего комплекса необходимой помощи в случае аварии, бедствия, вынужденной или непреднамеренной посадки; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972г.) – предусматривающей ответственность государств за деятельность в космическом пространстве и ответственность за ущерб, причиненный космическим аппаратом или его составными частями другому государству, физическим или юридическим лицам; Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975г.) – устанавливающая обязательную систему регистрации космических объектов, выведенных на околоземную орбиту и за ее пределы; Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979г.) – представляющее совокупность общепринятых принципов и положений, определяющих допустимые виды деятельности на Луне и других небесных телах [8]. Субъектами международного космического права считаются участники международных правоотношений по поводу деятельности в космическом пространстве или использования космических технологий. К основными субъектам при этом относятся государства, осуществляющие космическую деятельность. К вторичным субъектам международного космического права относятся международные организации в соответствии со своей компетенцией к примеру, Международная организация спутниковой связи При этом международное космическое право не исключает возможности осуществления космической деятельности и неправительственными организациями, однако предприятия не становятся субъектами международного космического права, так как не вправе принимать непосредственное участие в создании норм права. Подписываемые крупными корпорациями контракты с государствами не являются международными договорами, а представляют собой лишь соглашения гражданско-правового характера. Космическая деятельность данными субъектами осуществляется с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства, которое несет ответственность за деятельность таких юридических лиц. Необходимо отметить и значительный вклад в космонавтику оказываемый частными лицами, осуществляющими космическую деятельность в коммерческих целях, к примеру, американский предприниматель Илон Маск, успешно реализующий проекты запуска орбитальных спутников связи, которые обеспечивают работу скоростного интернета на территории всей земной поверхности.

Международно-правовая ответственность в сфере космической деятельности. Международное космическое право включает вопросы политической ответственности государств за деятельность в пределах космического пространства и материальной ответственности за причиненный ущерб, в ходе такой деятельности. Так, в Договоре о космическом пространстве 1967г. определяется, что государства несут международную ответственность за деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, вне зависимости от того, осуществляется ли она правительственными организациями или неправительственными юридическими лицами. При этом, в случае осуществляется космической деятельности международной организацией, ответственность за соблюдение положений международного права наряду с этой организацией несут и участвующие с ней государства (ст. VI) [9]. При этом ответственность возлагается на то государство, которое организует и осуществляет запуск космического объекта, а также государство, с территории или установок которого осуществляется запуск. В этом случае речь идет об умышленных действиях, угрожающих международному миру, безопасности и существованию целых стран и народов и если,

к примеру, государство разместит на Луне ядерное оружие, то есть нарушит положение Договора о космическом пространстве, то по решению Совета Безопасности ООН оно может быть привлечено к политической ответственности с наложение, предусмотренных Уставом ООН санкций. Материальная ответственность может возникнуть возникает в случае причинения ущерба юридическим и физическим лицам падением космических объектов или их частей на сухопутную или морскую территорию иностранного государства, при этом ущерб может быть причинен во время вывода космического объекта на орбиту или в космическом пространстве космическим аппаратам других стран, а так же быть выражен в создании помех космической радиосвязи, телевидению через космические ретрансляторы и т.д. [10 – С. 318].

В 1972г. была принята Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [11], согласно которой ущербом считаются случаи лишения жизни, телесные повреждения или иное повреждение здоровья, уничтожение или повреждение имущества государств, его юридических и физических лиц, причиненные космическим объектом. К учету принимается только прямой ущерб. При этом положения Конвенции предусматривают порядок и сроки предъявления государству, запускающему космический объект, претензии о компенсации за причиненный ущерб, когда выплата компенсации осуществляется на основе международного права и принципа справедливости. Претензия о компенсации за ущерб предъявляется по дипломатическим каналам, а при отсутствии дипломатических сношений, через Генерального Секретаря ООН и предъявляется по прошествии не более одного года с даты причинения ущерба. Освобождение от ответственности возможно в том случае, если государство, запустившее космический объект, докажет, что ущерб явился результатом грубой небрежности либо действия или бездействия, совершенного с намерением нанести ущерб со стороны государства-истца, либо физических или юридических лиц, которых оно представляет.

Отдельные нормы, относящиеся к деятельности в космосе, имеются в многосторонних договорах, регламентирующие другие сферы отношений, к примеру положения Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой и Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду содержат отдельные разделы, распространяющиеся и на действия в космическом пространстве. Устав Международного союза электросвязи устанавливает, что область орбит геостационарных спутников выступает в качестве ограниченного естественного ресурса, который требует рационального использования. Большую группу договорных источников составляют международные соглашения, регулирующие конкретные формы сотрудничества государств в освоении космического пространства, к которым относятся учредительные акты правительственных организаций, занимающихся космической деятельностью, к примеру, Европейское космическое агентство, а другие международные научно-технические соглашения, регламентирующие совместную деятельность по реализации международных космических проектов и программ сотрудничества в космосе к примеру, Межправительственное соглашение о международной космической станции.

В заключении можно отметить о существовании трех особенностей международной ответственности в международном космическом праве, отражающих то, что: государство несет ответственность за действия не только правительственных органов, но и неправительственных юридических лиц; его ответственность регулируется специальным договором – Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами; предусмотрена абсолютная ответственность государств за выплату компенсаций и причиненный ущерб, использованием и эксплуатацией принадлежащих им космических объектов, при этом Конвенция об ответственности не устанавливает верхнего предела компенсации. Сумма компенсации определяется в соответствии с международным правом, принципами справедливости и с целью максимально восстановить прежнее положение, которое существовало до ущерба.

Список литературы

1. Федощева, Н.Н. Международное право: учебное пособие / Н.Н. Федощева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 398 с.
2. Гулин, Е.В. Международное право: учебное пособие / Е.В. Гулин. – 2-е изд., испр. и перераб. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2023. – 176 с.
3. Игнатенко, Г.В. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 752 с.
4. Власова, Е.Л. Основания международно-правовой ответственности в международном праве / Е.Л. Власова, Е.А. Жорова, Д.А. Яковлева // Актуальные проблемы науки и техники. Инноватика: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Уфа, 14 января 2020 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2020. — С. 199-203.
5. Матчанова, З.Ш. Теоретические основы ответственности за международные правонарушения / З.Ш. Матчанова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 4(48). – С. 98–107.
6. Абашидзе, А. Х. Международное право: учебник / отв. ред. Б. Р. Тузмухамедов. – 4-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 576 с.
7. Армашова, А. В. Международное право: учебное пособие / А. В. Армашова. – Москва: МосГУ, 2021. – 160 с.

8. Морозов, Е. В. Понятие, развитие и правовые основы международного космического права как отрасли международного публичного права / Е. В. Морозов, О. П. Рубо // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений : Сборник научных статей / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова; ответственный редактор В.С. Елисеев. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. – С. 82-87.
9. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года [Текст электронный] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 26.03.2023).
10. Стародубцев, Г. С. Международное право: учебник / под ред. Г. С. Стародубцева. - 2-е изд. - Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. — 416 с.
11. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Заключена в г. г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 29.03.1972) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX. – М., 1975. С. 95–101.

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ КАК НОВЕЛЛА КОНСТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Кабанец Артем Андреевич, 1 курс
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Герман Елена Сергеевна - научный руководитель, кандидат юридических наук

Одной из конституционных новелл конституционной реформы является положение ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, закрепляющей, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». В связи с обострившейся в последние годы темой ревизии итогов Второй мировой войны, прежде всего, в западных политических кругах, конституционный текст дополнен важной мировоззренческой поправкой о защите исторической правды со стороны Российского государства. В широком смысле это касается всех исторических событий, так или иначе затрагивающих вопрос защиты Отечества и оценку связанных с ней памятных событий и героического духа русского народа.

Однако поиск исторической правды и её защита вряд ли смогут быть эффективным средством защиты национальных интересов и аргументом в дискуссии с иностранными собеседниками, если нам самим не разобраться, что является предметом дискуссии. Мы должны, главным образом, для себя понять, что мы понимаем под «исторической правдой», какова природа этого понятия, может ли оно попадать в сферу правового воздействия, наконец, может или должна ли она гарантироваться государством или достаточно лишь ресурсов общественных организаций и отдельных групп населения.

На протяжении всего существования человеческой цивилизации историю стараются переписать, подделать под себя, изменить о ней представления и мнения, особенно это касается событий Второй мировой войны, на итогах которой построены современные нормы и принципы международного права, определены границы государств. К примеру, Госдеп США считает людей, родившихся на Курильских островах, гражданами Японии, тем самым ставит под сомнение итоги Второй мировой войны, а именно: на Ялтинской конференции лидеры государств антигитлеровской коалиции выработали совместный план борьбы с Японией. Тогда же было принято решение, что после поражения императорской армии к СССР отойдут все острова Курильской гряды. Это соглашение получило название «Крымское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего востока», принятое 11 февраля 1945 года.

Зачем многие страны искажают историческую правду? В основном для получения власти, авторитета, влияния на другие страны. Присваивая заслуги других государств или принижая их, политики формируют для народа как своего, так и чужого те идеи и образы, нужные для удовлетворения своих амбиций и подчинения людей, создают в лице другого государства врага, разжигая ненависть между разными народами или создавая неприязнь друг к другу. Например, президент США, Джо Байден, в своей предвыборной речи утверждал: «Я считаю, что Россия - противник. Я действительно так думаю». Это одни из немногих примеров того, как коллективный Запад пытается исказить историческую правду. Об искажении исторической правды высказывался наш Президент В.В. Путин в Кремле на заседании оргкомитета «Победа» в 2019 году: «Мы будем рассказывать, в том числе о победах и поражениях Красной армии, о трагической судьбе наших пленных, о мужестве подпольщиков и позоре коллаборационистов, о трагедии Холокоста и преступлениях против мирных жителей, о бесчинствах националистов, приспешников Гитлера. В истории нет и не может быть невыгодных, неудобных страниц, она нужна в совокупности как единое целое для нас и для будущих поколений, без всяких прикрас и изъянов... Память и гордость должны объединять нас, делать сильнее, помогать молодым людям в

полной мере осознать свою сопричастность Родине, великим делам своих предков, ответственность за будущее России.».

Данную политику государств принято называть реваншистской. Реваншизм - стремление государств, партий или общественных групп к реваншу путём пересмотра результатов, нанесённых им военных и политических поражений. Однако в отличие от нейтрального термина «реванш», понятие «реваншизм» несёт в себе явно отрицательную коннотацию и применяется по отношению не к любой проигравшей стороне, а только к инициаторам несправедливой и не спровоцированной агрессии. Такая политика несёт в себе подмены понятий и подтасовку фактов с целью изменения мирового порядка в свою пользу. Высказывания и проекты этих стран, связанные с изменением исторической правды, крайне недопустимы и являются оскорбительными для подвигов наших предков и унизительными для нашего народа-победителя. Такие действия подлежат оценки со стороны мировой общественности и суду, так как попытки оболгать и исказить исторические факты являются нарушением моральных и законных основ. И таких примеров можно найти огромное количество. Например, В 2019 году США выпустили к 75-летию Победы во Второй мировой войне монету, на которой среди стран победителей отсутствует флаг СССР. Это самое настоящее кощунство и умаление заслуг русского народа в годы Второй мировой войны! Особенно удивляет риторика Западных государств в отношении Сталина и СССР, ставящие их в один ряд с Гитлером и нацисткой Германией. «Историки» Запада придумали ловкий пропагандистский ход: теоретически приравняли Сталина к Гитлеру, объединив их эпитетом «тоталитарные». А либеральная общественность его тиражирует. Это сознательная попытка западных идеологов уничтожить историю России XX века, представить её как некое зло, свалив на Россию все преступления Запада в XX веке. Победа России-СССР под руководством Сталина в мае 1945 года над немецким фашизмом очень мешает этому идеологическому сценарию, поэтому мы видим огромные усилия Запада предать её забвению, и приписать победу в войне с Гитлером США.

В современном мире уже давно идёт информационная война. Зачем ведется информационная война и переписывание истории Второй мировой войны? Как уже говорилось выше – это всё из-за политики реваншизма, с целью умаления вклада в победу над нацизмом и фашизмом СССР. Именно поэтому СССР приравнивают к нацисткой Германии, а Сталина к Гитлеру, называют СССР агрессором и обвиняют в том, что советы начали Второю мировую войну. Западные «партнёры» хотят пересмотреть итоги Второй мировой войны, ради нового передела мира, сохранения однополярного мира во главе с США и Евросоюзом. Они пытаются проводить политику дискредитации России и Советского союза, создать образ врага и агрессора, мешающего нормально жить «просвещенному» западному миру. Это всё делается опять с помощью пропаганды, как это делал Гитлер в 1933 году, дальше вы знаете, что началось. Запад формирует те идеи и мысли у народа, позволяющие им управлять человечеством и зарабатывать.

Чтобы не дать недоброжелателям исказить, переписать нашу историю, нужно всячески способствовать улучшению и развитию преподавания истории, увеличить время преподавания такого важного предмета в школах, проводить как можно больше мероприятий, направленных на патриотическое воспитание молодежи, ужесточить наказание за фальсификацию истории, запретить псевдоисторикам и псевдоисторическим организациям заниматься просветительской деятельностью, публиковать своё творчество, чтобы не создавать ложное представление о событиях нашего прошлого. написать единый учебник истории или выработать единые стандарты для их написания.

Особое национальное понимание исторической правды, сопряженное с сохранением исторического наследия и защитой исторической правды, необходимо как средство юридической охраны и гарантирования духовно-информационного суверенитета Российской Федерации в современный период. Национально ориентированная русская «историческая правда» – это такой же реальный феномен, как и правды других народов, ибо, как известно, любая страна всегда почитает своих героев, за исключением случаев героизации нацизма, когда речь идет об оформленной в международном праве и общепризнанной негативной оценке конкретного периода истории. Защита исторической правды – это особое и новое направление государственной политики Российской Федерации, которое имеет все шансы, чтобы стать самостоятельной подфункцией в рамках культурно-воспитательной функции Российского государства.

Список литературы

1. В США выпустили юбилейную монету к окончанию Второй Мировой без флага СССР: https://politikus.ru/events/119440-v-ssha-vypustili-yubileynuyu-monetu-k-75-letiyu-pobedy-bez-flaga-sssr.html (дата обращения 10.04. 2023).
2. Историческая память как духовный ресурс цивилизации: https://www.liveinternet.ru/users/2103052/post67514601 (дата обращения 10.04. 2023).
3. История России: учебник/ А.С. Орлов, В.А. Георгиев, И90 Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 528с.

ИНСТИТУТ ВОЕННОГО ОМБУДСМЕНА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ В РОССИИ

Каримов Денис Евгеньевич, магистрант, 1 курс,
Правовое обеспечение государственной и муниципальной службы
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Кулешова Наталья Викторовна, научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Государственная и общественная безопасность, а также оборона на сегодняшний день являются основными стратегическими приоритетами национальной безопасности РФ, реализация которых осуществляется посредством использования различных средств и методов, в том числе закреплением за гражданами РФ долга и обязанности по защите Отчества в ст. 59 Конституции РФ [1]. Основной формой реализации конституционных долга и обязанности граждан по защите Отечества является военная служба, а лицам, ее проходящим, принадлежит важнейшая роль в обеспечении национальной безопасности РФ.

Эффективность деятельности военнослужащих во многом зависит от гарантий их правовой и социальной защиты, предоставляемых государством и закрепленных на законодательном уровне. Механизм государственной защиты прав и свобод военнослужащих основывается на конституционном признании прав и свобод граждан, а также взаимной ответственности государства и человека. Неотъемлемым элементом данного механизма является Уполномоченный по правам человека, который представляет собой эффективный и необходимый институт государственной защиты прав и свобод.

В настоящее время должность Уполномоченного по правам человека существует во многих зарубежных государствах, а именно в Германии, Канаде, Франции и др., что свидетельствует о действенности института омбудсменов на современном этапе. Как в России, так и за рубежом результатом становления и развития института омбудсмена стало появление специализированных омбудсменов, в частности, сегодня в России функционируют омбудсмен по правам человека, омбудсмен по правам ребенка, омбудсмен по защите прав предпринимателей и омбудсмен по правам потребителей финансовых услуг. При этом, неоднократно ставился вопрос об учреждении должности женского омбудсмена, автоомбудсмена и омбудсмена по делам верующих.

Актуальность создания института военных омбудсменов в РФ обуславливается тем, что в современных условиях имеет место быть наращивание военной угрозы для РФ. Во время проведения частичной мобилизации в РФ фиксировалось большое количество правонарушений военнослужащих при вручении повесток, во время прохождения медицинской комиссии и призыва лиц, имеющих иные основания для отсрочки, например, многодетных отцов или лиц, вышедших из призывного возраста. Поэтому, идея учреждения должности военного омбудсмена является более логичной в сравнении с другими предложениями об учреждении специализированных омбудсменов.

В Государственную Думу 12 октября 2022 г. был внесен Законопроект № 211189-8 «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации» [2], направленный на создание эффективного механизма по защите прав и свобод военнослужащих и военнообязанных, а также восстановлению нарушенных прав и законных интересов военнослужащих и военнообязанных. В соответствии с законопроектом, Уполномоченный по защите прав военнообязанных и военнослужащих назначается на должность Президентом Российской Федерации сроком на пять лет без возможности занимать указанную должность более двух сроков. К кандидату на должность Уполномоченного по защите прав военнообязанных и военнослужащих предъявляются следующие требования: достижение возраста не менее тридцати лет; наличие безупречной репутации и высшего образования; опыт правозащитной деятельности в области защиты прав и законных интересов военнообязанных и военнослужащих лиц.

Рассмотрение возможности создания института военных омбудсменов в РФ было перенесено в Государственной Думе на неопределенный срок. Очевидно, что включение института военных омбудсменов в правозащитную систему РФ требует научного осмысления и фактического обоснования. Сейчас вопрос необходимости введения должности Уполномоченного по защите прав военнообязанных и военнослужащих является дискуссионным как в юридическом сообществе, так и в научной литературе. Руководитель партии «Новые люди», А. Г. Нечаев считает, что действующего института гражданских омбудсменов недостаточно и требуется системная работа по защите прав военнослужащих, уверенность призываемых на военную службу граждан в обеспечении своих прав успокаивает общество, а также повышает эффективность осуществление деятельности на фронте. Напротив, действующий Уполномоченный по правам человека в РФ, Т. Н. Москалькова, полагает, что необходимость в создании института военных омбудсменов отсутствует, так как в участившихся случаях нарушения прав военнослужащих и военнообязанных целесообразно совершенствовать уже наработанный омбудсменами опыт, а не создавать новые должности для специальных целей.

Среди ученых в том числе нет однозначного мнения относительности целесообразности создания института военных омбудсменов в РФ. Ю. А. Иванов считает вполне логичной идею введения должности Уполномоченного по защите прав военнообязанных и военнослужащих, так как имеет место быть «деградация» и неэффективность профильных органов государственной власти, в связи с чем с дополнительной функцией по надлежащей защите прав военнослужащих и военнообязанных им уже не удается [3, с. 95]. О. А. Заколовортная отмечает, что особой необходимости в создании отдельного института Уполномоченного по защите прав

военнообязанных и военнослужащих, так как существует возможность дезорганизации и снижении эффективности механизма, направленного на защиту прав и свобод граждан, посредством создания специализированных омбудсменов и дублирования ими функций Уполномоченного по защите прав военнообязанных и военнослужащих [4, с. 218].

Таким образом, в настоящее время остро стоит проблема нормативного регулирования защиты прав и свобод военнослужащих и военнообязанных, а также проблема его последующего правоприменения, поэтому, создание института военных омбудсменов в РФ может положительно сказаться на всем механизме государственной защиты прав лиц, проходящих военную службу. Вместе с тем, юридическая конструкция многих содержащихся положений в Законопроекте № 211189-8 «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации» является несовершенной, поэтому, оттягивание его рассмотрения является отчасти обоснованным. Специфичность прохождения военной службы подтверждает необходимость учреждения института военных омбудсменов в РФ, но перед принятием такого решения требуется разрешить сложности с дублированием полномочий и взаимодействием между общими и специализированными омбудсменами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июл. 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.04.2023)
2. Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации: Законопроект № 211189-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 14.04.2023)
3. Иванов Ю. А. Учреждение в России должности уполномоченного по правам военнослужащих / Ю. А. Иванов // Вестник науки. - 2021. - № 11 (44). - С. 94-100.
4. Заколоворотная О. А. Специализированные уполномоченные по правам человека в России / О. А. Заколоворотная // Молодой ученый. - 2019. - № 48 (286). - С. 214-220.

О ПОНЯТИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СДЕЛКИ, ПРОБЛЕМАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Киселева Ольга Владимировна, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Внешнеэкономическая сделка рассматривается как комплексная категория, включающая деятельность субъектов международного частного права в сфере международного обмена товарами, работами, результатами интеллектуальной деятельности, всеми видами услуг, направленную на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Понятие внешнеэкономической сделки. Сделки представляют один из видов юридических фактов, относящихся к категории «действия», то есть к фактам, влекущим возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей по воле субъектов гражданского права. Применительно к договорным обязательствам с участием иностранного элемента понятие «сделка» и «договор» используются как взаимозаменяемые категории, это связанно с характером правоотношений, осложненных иностранным элементом. Таким образом, при использовании указанных понятий речь обычно идет о двусторонних или многосторонних сделках, т.е. о договорах. Ввиду специфики осложнения частноправовых отношений иностранным элементом теоретический и практический интерес представляет исследование понятия и признаков внешнеэкономической сделки (далее – ВЭД). Так, особенность внешнеэкономических сделок заключается в правовом регулировании частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, правопорядками разных государств и порождает проблему выбора применимого внутринационального законодательства в целях регулирования подобных сделок. Анализ российского законодательства показывает, что в нем отсутствует императивное закрепление термина «внешнеэкономическая сделка», при этом нельзя сделать вывод о невозможности использования этого термина во внешнеэкономическом праве. В юридической литературе существует немало подходов, определяющих понятие внешнеэкономической сделки. В юридической литературе внешнеэкономическая сделка рассматривается как совершаемая в коммерческих целях сделка лицами различной государственной принадлежности, последствия которой влекут возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, которая связана с созданием, использованием или реализацией материальных благ или иных результатов человеческой деятельности [1]. Исходя из толкования положений ст. 1186 ГК РФ, определяющих спектр частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, можно отметить, что под внешнеэкономическими сделками следует понимать сделки, осложненные иностранным элементом, где стороной сделки выступает иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо; объект гражданских прав находится за пределами территории РФ. Отказ

законодателя от использования формулировки «внешнеэкономическая сделка» и ее исключения из действующего гражданского законодательства (ст. ст. 162 и 1209) привело к исключению специальных коллизионных норм, регулирующих понятие и форму внешнеэкономической и, соответственно, и ВЭС. В результате с цивилистической точке зрения произошла утрата квалификации сделки в качестве внешнеэкономической. Закон об экспортном контроле рассматривает внешнеэкономическую сделку в качестве сделки, предусматривающей передачу товаров и технологий иностранному лицу. Данная сделка должна совершаться при наличии письменного обязательства иностранного лица о том, что указанные товары и технологии не будут использоваться в целях создания оружия массового поражения и средств его доставки (ст. 18) [2]. Таким образом, внешнеэкономическая сделка представляет собой сделку, совершаемую в сфере внешнеэкономической деятельности с участием иностранного элемента, связанная не менее, чем с двумя юрисдикциями, направленная на возникновение, изменение и прекращение гражданским (частноправовых) прав и обязанностей.

Виды внешнеэкономических сделок. В юридической литературе имеется мнение о необходимости разделить внешнеэкономические сделки на два вида, в том числе: сделки, опосредующие предпринимательскую деятельность (так называемые коммерческие сделки); сделки, не относящиеся к предпринимательской сфере. Согласно гражданскому законодательству (ст. 2) предпринимательская деятельность представляет самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. По мнению ученых для того чтобы отнести сделку к разряду коммерческих не обязательно чтобы обе стороны являлись субъектами предпринимательской деятельности, иначе говоря, достаточно, если лишь одна сторона сделки является предпринимателем или его представителем [3 – С. 93]. Примечательно, что законодатель понимает важность защиты прав и интересов потребителей при заключении договоров, как слабой и наименее защищенной стороны, поэтому гражданское законодательство содержит специальную коллизионную норму, призванную осуществить такую защиту (ст. 1212). Что касается второго вида сделок рассматриваемой классификации, то к ним относятся все сделки, в которых ни одна из сторон не занимается предпринимательской деятельность в какой-либо форме, в том числе с образованием юридического лица или без такового. При этом представленная классификация не является единственной, существуют и иные. К примеру по своему предмету внешнеэкономической сделки они делятся на сделки опосредующие: движение капитала; движение товаров; движение работ или услуг. При этом результатом развития экономической глобализации становится возведение иностранного капитала в ранг важнейших элементов в каждой из национальных экономик, где капитал в форме прямых иностранных инвестиций считается наиболее безопасной и полезной формой инвестиций в страну из-за рубежа. К сделкам, опосредующим движение капитала, относятся, например, сделки купли-продажи долей участия в российских и иностранных организациях, акций и иных ценных бумаг, кредитные договоры, договоры банковского вклада и другие. Эти сделки широко распространены в международном обороте, поэтому появилось понятие «внешнеэкономическая сделка купли-продажи бизнеса». Выделяют также виды таких сделок: сделки M&A (Acquisition and Merger), т.е. сделки слияния и поглощения, а также инвестиционные сделки. ВЭС, направленные на слияние или поглощение в подавляющем большинстве случаев, являются положительным фактором финансового и инновационного роста как самих организаций, так и всей национальной экономики, определяя этим популярность и важность таких сделок [4]. Самыми распространенными сделками, опосредующими движение товаров, являются, сделки международной купли-продажи, в которых материально-правовое регулирование имеет единообразное применение, ввиду распространенного использования положений Венской конвенций 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. Также к указанному виду договоров относят и внешнеэкономические бартерные сделки. Бартерными договорами называются такие, в рамках исполнения которых покупная цена уплачивается товаром, а не деньгами. Бартерный договор по своей правовой природе аналогичен договору мены, поименованному в гражданском законодательстве РФ. Внешнеторговый бартер (в широком смысле) представляет совершаемые при осуществлении внешнеторговой деятельности сделки, предусматривающие обмен эквивалентными по стоимости товарами, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности. Необходимо отметить, что не каждый бартерный договор может быть квалифицирован в качестве договора мена в российском правовом поле. Так, если в качестве в обмен на товар предоставляются работы или услуги, то такие сделки квалифицируются как смешанные согласно норме гражданского законодательства РФ (ст. 421). К договорам, опосредующим движение работ, услуг можно отнести трансграничные договоры подряда, строительного подряда, договор международной перевозки грузов и другие. По количеству субъектов, участвующих в совершении, внешнеэкономические сделки бывают: односторонними; двусторонними; многосторонними. Основанием для выделения данной группы сделок является учет количества сторон и направленности их воли. Понятие односторонней сделки закреплено в норме гражданского законодательства (ст. 154). Это сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны (например, выдача доверенности).

Односторонние сделки следует отличать от договоров, возлагающих обязательства только на одну из сторон (например, договор дарения). Несмотря на то, что такой договор предполагает перемещение благ в одну сторону, без встречного предоставления, это двухсторонняя сделка, так как согласно ГК РФ, это договор,

требующий согласия дарителя и одаряемого. Для заключения двусторонних сделок требуется выражение согласованной воли двух сторон. В ст. 420 ГК РФ двусторонние и многосторонние сделки называются договорами, а договоры толкуются как соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. При этом двусторонние сделки отличаются от многосторонних направленностью воли сторон, согласно которой двусторонняя сделка может состояться лишь в том случае, если у обеих сторон воли и волеизъявления противоположны по направленности и встречные по содержанию [5].

Правовое регулирование внешнеэкономических сделок. ВЭД, как и любая другая деятельность подлежит правовому регулированию. Несмотря на длительное существование ВЭД механизм ее правового регулирования до настоящего времени не отработан и продолжает вызывать множество споров. При заключении внешнеэкономической сделки стороны имеют право выбрать право, с посредством которого их отношения будут регулироваться. Так, в законодательстве многих стран закреплено, что международные договоры составляются часть национальной системы права. В РФ такое положение закреплено конституционной нормой (п. 4 ст. 15), при этом нормы гражданского законодательства (ст. 7) развивают данное конституционное положение, предоставляя возможность регулирования отношений сторон внешнеэкономической сделки посредством актов национального законодательства. Однако такое положение оказывает влияние процесс унификации положений международного права, «...в результате которого было создано определенное количество международных материальных норм права, позволяющих регулировать отношения сторон по сделке, в том числе и внешнеэкономической, не прибегая к национальному праву, когда международное право, регулируя межгосударственные отношения во внешнеэкономической сфере, играет все более важную роль в установлении общеобязательных правил в сфере частноправовых отношений» [6]. Кроме того, нормативные правовые акты, издаваемые в рамках национальной правой системы направлены на регулирование отношений между субъектами отечественного права, при этом, только небольшая их часть, направлена на регулирование отношений между субъектами международного гражданского оборота. Не решают проблемы в регулировании внешнеэкономических сделок и коллизионные национальные нормы, регулирующие непосредственно внешнеэкономические сделки, отсылая, как правило, правоприменителя к национальному праву той или иной страны, где эти нормы могут применяться только вместе с национальными материальными нормами. Кроме того, национальный коллизионный способ регулирования может предусматривать не один, а несколько коллизионных критериев, установленных законодательством для одной и той же группы правоотношений, что, неизбежно порождает юридическую неопределенность при определении правовых норм для регулирования внешнеэкономической сделки» [7]. Однако и нормы международных договоров не обеспечивают надлежащего регулирования внешнеэкономических отношений. Во многом это обусловлено тем, что в настоящее время количество международных договоров, содержащих унифицированные материально-правовые нормы невелико. Такое положение складывается из-за сложностей заключения и вступления в силу международных договоров. Так, многие из международных договоров либо вообще не вступают в силу, либо распространяют свое действие только на несколько государств, либо к моменту вступления в силу перестают соответствовать реальным экономическим отношениям. Следствием этого является разрозненность и фрагментарность норм международного права, регулирующих внешнеэкономические отношения. Кроме того, международные договоры, регулирующие внешнеэкономические сделки, как правило, создаются в результате компромисса, поэтому не способны обеспечить необходимое единообразие в регулировании соответствующих отношений и порождают образование пробелов. Причиной же принятия международных договоров в результате таких компромиссных решений является ситуация, когда правовые семьи или отдельные правовые системы диаметральным образом регулируют те или иные правоотношения. Также следует отметить, что в некоторых случаях в качестве применимого права сторонами используются «общие принципы права», «обычаи и обыкновения международной торговли». Такая практика прежде всего, характерна для европейских стран. В ее основе лежит доктрина Lex mercatoria, а также положения регламентов международных коммерческих арбитражей. В результате их применения стороны имеют право рассматривать споры на основе «права справедливости», не применяя к ним нормы национального права [8]. Тем не менее Lex mercatoria нельзя рассматривать в качестве самостоятельной системы, входящей в понятие «применимого права», наряду с внутригосударственной и международной. Это обусловлено тем, что обычаи и обыкновения формально не являются нормами права, так как не санкционированы государством. Однако Lex mercatoria нельзя и исключать из применимого права, так как они регулируют внешнеэкономические отношения, являясь «негосударственными регуляторами», хотя и не могут отменять национальные нормы. Таким образом особенностью правового регулирования внешнеэкономических сделок является применение к ним не только норм национального законодательства того или иного государства, но и норм международного права.

Заключение внешнеэкономической сделки. Процесс заключения внешнеэкономических сделок можно разделить на последовательные этапы, в пределах каждого из которых подлежат разрешению определенные задачи и соблюдаются формальности, касающиеся оформления, пересылки и обработки соответствующей документации, требующейся для заключения данной сделки. Необходимо выделить основные этапы заключения внешнеэкономической сделки, к примеру: *изучение особенностей рынка*, где происходит обращение интересующего товара; *отправление оферты*, а в ответ получение соответствующего акцепта, а

также официальная переписка о намерениях обсудить условия сделки; *разработка проекта контракта* в соответствии с версией, предложенной какой-либо из сторон внешнеторговой сделки; *обсуждение на этапе переговоров* существенных условий соглашения, представленного одной из сторон, в т. ч. сроков поставки, стоимости единицы товара либо его партии, подлежащей поставке, технической спецификации; *обсуждение изменений* и поправок к соглашению, обмен сторон собственными версиями контракта; *проверка договорных условий*, в целях внесения окончательных поправок и изменений, а также соответствующее обсуждение всех условий соглашения между покупателем и продавцом; *подписание экземпляров договора* согласно количества сторон его участников [9]. Круг субъектов, которые наделены полномочием от имени российского юридического лица подписывать контракт внешнеторговой купли-продажи, включает такие категории как: – лица, обладающие этим правом в соответствии со своей должностью, что должно быть предусмотрено в учредительных документах юридического лица. Обычно данными субъектами выступают: руководитель компании, заместители руководителя, а равно руководители ряда подразделений данного юридического лица; – лица, действующие в соответствии с доверенностью, подписанной руководителем компании. Место, где был заключен договор, как правило, подлежит указанию в самом договоре. Если же место заключения в договоре не было обозначено, согласно ГК РФ, такой договор считается заключенным в месте нахождения организации или месте жительства физического лица, отправившего оферту. Еще одна коллизионная привязка имеет отношение к сделке, совершенной на территории другого государства, в которой одной из сторон является субъект, личным законом которого выступает право РФ. Подобная сделка не признается недействительной по причине несоблюдения формы, в случае, когда требования законодательства РФ к форме сделки были соблюдены. Необходимость определения или установления применимого права считается главной особенностью внешнеэкономических сделок, а установление применимого права, является центральным вопросом внешнеэкономических сделок, исходя из того, что стороны заинтересованы быть осведомленными заблаговременно о том, какие правовые нормы могут быть применены при заключении, исполнении договора или при возникновении спора [10].

Российское право служит личным законом организаций, учрежденных в нашей стране (ст. 1202 ГК РФ), и физических лиц. При определении законодательства, регулирующего форму сделки, из общего правила нормами ст. 1209 ГК РФ предусмотрено три исключения. Одно из них касается права, регулирующего форму договора создания юридического лица либо сделки, касающейся реализации прав участников юридических лиц. Другое изъятие из общего правила имеет место, когда «...сделка либо возникновение, переход, ограничение или прекращение прав по ней подлежит обязательной государственной регистрации в РФ, форма такой сделки подчиняется российскому праву». Последнее исключение затрагивает форму договора относительно недвижимости, регулируемую законодательством «страны, где находится это имущество, а в отношении недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в РФ, российскому праву». Современная внешнеторговая практика, в соответствии с которой к форме сделок не предъявляются никакие формальности, свое отражение получила в рамках «Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров». Указанный правовой акт не требует, чтобы сделка купли-продажи подтверждалась ее письменной формой или подвергалась какому-либо другому требованию относительно ее формы. Существование договора может подтверждаться любыми средствами, в т. ч. показаниями свидетелей. В качестве письменной формы Конвенции признает сообщения, преданные по телетайпу и телеграфу. В области внешнеторговых сделок широкое использование получили электронные коммуникационные средства, при этом сократился объем письменных сообщений субъектов коммерческой сферы, а передача соответствующей информации в большинстве случаев реализуется в электронном виде. Электронная торговля выступает новейшей формой осуществления соответствующих операций. В рамках ООН выработана «Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах». Относительно подписи заключаемого контракта она предусмотрела весьма либеральные условия. Как следует из положений Конвенции, действительной будет признана подпись, осуществленная любым способом, не зависящем от степени его надежности, если при этом было продемонстрировано, что он способствует идентификации подписавшего его субъекта и указывает на намерения последнего относительно информации, предусмотренной в рамках электронного сообщения. Гражданско-правовые нормы, устанавливающие требования к надлежащей письменной форме (п. 2 ст. 160 ГК РФ), при заключении сделки предусматривают применение подписи в электронно-цифровом виде или же другого аналога собственноручно сделанной подписи в порядке, регламентированном законом, соглашением сторон либо другими нормативными актами, которая предусмотрена законом об электронной подписи [11]. Необходимо отметить, что, заключению внешнеэкономической сделки как правило предшествуют переговоры сторон. при этом нормой гражданского законодательства (ст. 1222.1) предусмотрено положение, применяемое к недобросовестному участнику переговоров.

В качестве итога можно отметить, что к видам внешнеэкономических сделок относятся два вида сделок, в числе которых опосредующие предпринимательскую деятельность (коммерческие сделки) и не относящиеся к предпринимательской сфере. При правовом регулировании внешнеэкономических сделок в качестве применимого права сторонами используются «общие принципы» права, «обычаи» и «обыкновения» международной торговли. При этом к особенностям заключения внешнеэкономических сделок относятся последовательные этапы процедур, в пределах каждого из которых лежат вопросы разрешения определенных

задач и соблюдаются формальности, касающиеся оформления, пересылки и обработки соответствующей документации, необходимой для обеспечения процесса заключения сделки.

Список литературы

1. Мусин В. А. Международные торговые контракты: учебное пособие / В. А. Мусин. – Л., 1986. – С. 15.
2. Об экспортном контроле: федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Российская газета. – 1999. – № 146.
3. Дмитриева Г.К. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию: монография / Г.К. Дмитриева. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 192 с.
4. Богданова А. И. Сделки слияний и поглощений / А.И. Богданов // Актуальные исследования студентов и аспирантов в области гуманитарных, общественных, юридических и экономических наук. – 2021. – С. 73–75.
5. Тахумова О.В. Подходы к управлению внешнеэкономической деятельностью фирмы в условиях институциональных преобразований / О.В. Тахумова // Вестник Северо-Кавказского Федерального университета. – 2016. – №2. – С.81–87.
6. Дырдин П.В. Правовое регулирование внешнеэкономических сделок / П.В. Дырдин, И.С. Искевич // Современные вопросы государства, права, юридического. – Тамбов: Издательский дом "Державинский". – 2019. – С. 330–335.
7. Хайруллина А.А. Международно-правовое регулирование внешнеэкономический сделок / А.А. Хайруллина //Трибуна ученого. – 2020. – №. 11. – С. 471–474.
8. Пономарева Н.В. Источники правового регулирования внешнеэкономических сделок / Н.В. Пономарева, В. А. Пономаренко // Экономика, управление, право и социум. – 2020. – С. 83–87.
9. Земцова В.А. Особенности заключения внешнеэкономических сделок / В.А. Земцова. // Молодой ученый. – 2019. – № 12 (250). – С. 172–174.
10. Мирзоев А.М. Необходимость определения применимого права как особенность внешнеэкономических сделок / А.М. Мирзоев // Права человека. – 2020. – С. 82–86.
11. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – ст. 2036.

О ПРОБЛЕМАХ РАСКРЫТИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, ПУТЯХ МЕТОДАХ ИХ РЕШЕНИЯ

Киян Анастасия Сергеевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Понятие, признаки и функции гражданского общества. «Гражданское общество» – понятие, которое широко используется в различных областях знаний. Оно неоднозначно, дискуссионно и представляет особый интерес. Ошибочное употребление понятия способно спровоцировать утрату смысла и сущности данной категории. В литературе по сей день не существует единства мнений в понимании гражданского общества, что существенно затрудняет его определение. Так же, как и нет единства мнений в отношении хронологических сроков появления рассматриваемого понятия. Гражданское общество сегодня представляет собой постоянно трансформирующееся социальное явление, качественное состояние которого способствует реализации позитивных сценариев социального развития. Осознание имеющейся диалектической взаимосвязи, а главное взаимозависимости гражданского общества и государства позволяет наиболее конструктивно формировать современное гражданское общество. Гражданское общество в современном его понимании представляет собой необходимый и рациональный способ сосуществования людей, основанный на разуме и свободе. Такое общество имеет развитые экономические, политические, правовые, культурные отношения между его членами [1].

Признаки гражданского общества представляют собой такие характеристики общества, при которых можно говорить о реально функционирующем гражданском обществе в рамках общественной жизни. Основные признаки гражданского общества: преимущественная роль государства – обеспечение прав и свобод человека и гражданина; самоуправляемость; конкуренция в разных общественных сферах людей, групп людей; политический плюрализм; право на информацию и свободу слова; многоукладность экономики; легитимность и демократический характер власти; правовое государство; эффективная социальная политика государства – обеспечение достойного уровня жизни людей [2].

Объем и значимость функций гражданского общества определяют меру его воздействия на политическую и социальную жизнь. Под главной функцией гражданского общества принято полагать действия по установлению взаимных прав, определению нужных для принятия прав и правил обмена ими в рамках общения между институтами гражданского общества и структурами органов государственной власти. Исходя из этого понимания, можно сделать вывод, что гражданское общество выступает источником норм и правил,

участвуя в управленческих процессах на уровнях системы государственного управления. Это необходимость исключения отрицательных последствий, которые могут возникнуть в условиях, когда государство единолично принимает решения и не в состоянии учесть интересы всех групп общества, порождая сопротивление. В современном мире возникают случаи, когда бизнес структуры и предприниматели в целях извлечения максимальной выгоды игнорируют интересы общества демонстрируя другую, крайне негативную функцию гражданского общества, способствующую возникновению взаимодействия социума с государственной властью на такой почве. Наличие институтов гражданского общества помогает выстроить диалог, добиться баланса интересов через поиск компромиссов. Гражданское общество является тем инструментом в структуре современного политического пространства, которое позволяет учесть интерес всех заинтересованных сторон. Можно согласится с теми исследователями, которые считают, что какие-либо проекты не могут быть реализованы без гражданского общества [3].

Структура гражданского общества. Значительное место в современной юридической науке отводится понятию структура гражданского общества, а также субъектам, входящим в его состав, и его правовым институтам. При этом структура гражданского общества представляет совокупность структурных элементов, которые составляют гражданское общество и взаимосвязи между ними и помогает выявить механизм его функционирования. Обычно под субъектами права понимаются люди и их объединения, выступающие в качестве носителей предусмотренных законом прав и обязанностей. Исследователи проблем гражданского общества обычно в его структуру в качестве субъектов включают различные общественные объединения, в том числе партии, негосударственные организации труда, предпринимательства, воспитания, образования, культуры, средств массовой информации и т.д. [4].

К составляющим элементам гражданского общества можно отнести: личность, семья, школа, церковь, собственность и предпринимательство, социальные группы, слои, классы, частная жизнь граждан и ее гарантии, институты демократии, общественные объединения, политические партии и движения, независимое правосудие, система воспитания и образования, свободные средства массовой информации, негосударственные социально-экономические отношения и др. При этом в структуре гражданского общества можно выделить три уровня: *первый,* удовлетворяющий производственные отношения, направленные на такие базовые потребности человека как пища, жилье и т.п., которые обеспечивают жизнедеятельность людей, реализуясь через потребительские, профессиональные и иные ассоциации и объединения; *второй*, представляющий межличностных отношения, возникающие по поводу удовлетворения потребностей в здоровье, в общении, в информации, в духовном развитии, в продолжении рода и т.д., представленные такими институтами как церковь, семья, творческие кружки, научные и образовательные учреждения и др.; *третий,* формируемый политико-культурными отношениями, которые способствуют реализации потребности в политическом участии и прямо связаны с правом личного и свободного выбора, основанном на ценностных ориентациях и политических предпочтениях, которые реализуются через предоставляемую политическими движениями, партиями, группами по интересам и т.п. помощь [5].

Конституционно-правовой статус гражданского общества. Российская Федерация (далее – РФ), как одно из цивилизованных государств мировой экономической системы, начинает развиваться по экономическим законам, по которым развивались остальные мировые державы. А за экономикой идет становление политической системы, ее развитие и совершенствование. Наличие единых законов, указывающих направление и конечную точку маршрута, не исключает своеобразность движения для каждой страны. Теоретически конечная точка маршрута для всех демократических государств одна, но путь к ней может иметь специфические особенности, и РФ – не исключение из этого правила. Особенности могут существенно осложнить или облегчить процесс экономического и политического развития государства.

Действующая Конституция РФ создает благоприятные условия для формирования полноценного гражданского общества, однако сам процесс требует длительного переходного периода, постоянного внимания к этапам его прохождения и помощи со стороны государства. Конституционные нормы (ст. 8) устанавливают различные формы собственности, защищая их равным образом. Основы конституционного строя закрепляют важнейшие характеристики российского государства как демократического, федеративного и правового государства с республиканской формой правления (ст. 1); устанавливают источник государственной власти, принцип неделимости суверенитета и высшие формы осуществления народовластия (ст. 3); формулируют начала федеративного устройства (ст. 4-5); определяют взаимоотношения граждан, государства и общества с закреплением приоритета человека, его прав и свобод (ст. 2). Равным образом закрепляются и положения о признании РФ социальным государством (ст. 7), и о гарантиях местному самоуправлению (ст. 12), и о светском характере государства (ст. 14), и о заботе о природных ресурсах как основе жизнедеятельности народов РФ (п. 1 ст. 9). При этом положения, содержащиеся в конституционной главе об основах конституционного строя, составляют в своей совокупности первичную и основополагающую базу, определяющую нормативность всех положений конституционного законодательства. Конституционное закрепление народовластия в качестве основы российского общества с развертыванием системы политических, организационных и правовых гарантий – одна из существенных отличительных черт Конституции РФ. Государственная власть не может быть самостоятельна и независима от народа, поскольку она призвана осуществлять его совокупную волю и интересы. Одной из идеологических установок недалекого прошлого было утверждение, что власть принадлежит народу, а реально ее осуществляла партийно-политическая элита. Исключительно важным для

утверждения народовластия в РФ являются конституционные положения (п. 4 ст. 3) о недопустимости присвоения кем-либо функции верховной суверенной власти.

Закрепляя организацию государственной власти, Конституция РФ в рамках парламентарно-президентской республики учреждает президентскую власть как наиболее приемлемую в условиях сложившегося геополитического положения Российской Федерации, в которой высший государственный орган – Президент РФ, представляет собой не только символ единства нации, но и гарантии общественно-политической стабильности, единства и территориальной целостности страны. При этом характерным признаком правильности выбранного направления движения страны является развитие парламентской демократии как одного из путей утверждения правовой государственности. На конституционном уровне закрепляются основные демократические принципы организации и функционирования государственной власти – участия граждан в управлении делами государства (ст. 3 и ст. 32), разделения властей (ст. 10), идеологического и политического плюрализма (ст. 13), обеспечивающие необходимую и наиболее полную реализацию народовластия, а вместе с этим –и эффективность управления обществом. Отмеченные ранее принципы защищены не только провозглашением их в качестве составной части конституционного строя, но и соответствующими гарантиями. Конституционное закрепление идеологического и политического плюрализма, предоставляя гражданам свободу политических действий, предусматривает определенные ограничения в реализации данного принципа. Для защиты интересов общества вводятся ограничения в отношении тех общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (п. 5 ст. 13), что для РФ особенно актуально.

Конституция РФ закрепляет суверенитет РФ как верховенство, полноту и единство государственной власти. Традиционно в суверенитете различают три его составляющие: народный, национальный и государственный суверенитет. Народный суверенитет выражает верховную политическую волю народа; национальный – право наций на самоопределение, создание самостоятельных либо в рамках содружества национально-государственных образований; государственный суверенитет – это воплощение независимости и самостоятельности государственной власти внутри страны, а также в сфере международных, межгосударственных отношений. Практика реализации суверенитета отрицает его абсолютный характер, допуская определенные ограничения, связанные вопросами войны и мира, с обеспечением безопасности, с защитой прав человека, с сосуществованием различных стран и народов, но эти ограничения вытекают из общепризнанных принципов конституционного и международного права. Закрепляя федеративное устройство в качестве основополагающего принципа ее конституционного строя (ст. 1), Конституция РФ исходит из принципа не конституционно-договорного, а принципа конституционной федерации. При этом федерализм в РФ основывается на государственной и территориальной целостности, равноправии и самоопределении народов, единстве системы государственной власти с разграничением предметов ведения и полномочий между государственными органами и субъектами РФ. Исторически сложившаяся многонациональность страны обусловливает то обстоятельство, что суверенной по Конституции РФ (п. 1 ст. 3) является воля многонационального народа РФ.

Федеративное устройство РФ исходит из права народов на самоопределение, однако это право реализуется с учетом определенных международно-правовых, конституционных положений, исторических и других условий, например, в случае дискриминации, угнетения или геноцида народа. Принцип федерализма – это не только сфера межнациональных, но и всех экономических, духовных и политических отношений. Данное обстоятельство при многовековой общности народов, совместном проживании, ведении хозяйства, сохранении национальных языков, культуры и традиции создало ряд уникальных факторов российского государства, которые не позволяют сводить самоопределение народов только к их праву на отделение, на выход из РФ, как иногда думают или делают вид, что думают, некоторые «слишком честолюбивые» политики национальных республик, преследуя своекорыстные интересы. Федеративное устройство РФ объединяет в качестве самостоятельных ее субъектов республики (национально-государственные образования), края, области и города федерального значения (территориальные образования) и автономные образования (автономная область, автономные округа) (ст. 65).

В качестве подведения промежуточного итога, можно отметить, что в условиях развивающегося гражданского общества в РФ, любой народ может найти форму своего самовыражения и развития в рамках федерации без необходимости строить суверенное государство. В единстве сила, возможность свободной экономической интеграции и социального развития государства. Конституция РФ провозглашает РФ социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Российское, как и любое другое демократически развитое государство, призвано обеспечить мир, гражданское согласие и благополучие общества. Именно поэтому государство характеризуется не только в качестве политического, но и социального учреждения. Закрепляя основы конституционного строя, Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, что является отражением такого ее качества, как ее верховенство.

Традиционно конституционный строй общества складывается не только из Конституции, но и из системы конституционных законов, которые конкретизируют и развивают нормы и принципы, закрепленные в

ней. На основе действующей Конституции РФ принято и предстоит принять целый ряд федеральных к законов с целью дальнейшего развития и углубления процессов построения демократического правового государства. Реализуя правовой механизм, эти законы будут надежно работать на необратимость процессов демократического обновления и преобразования российского общества. Согласно Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного (публичного) права, а равно и заключаемые международно-правовые договоры являются неотъемлемой частью правовой системы РФ, что приобретает значение не только для регулирования внутригосударственных (гражданско-правовых, трудовых, уголовных и т.д.) отношений, но и всего развития национального права. Конституция РФ является документом переходного периода, так как с ее принятием не завершено формирование конституционного строя в РФ. Поэтому совершенствование общечеловеческих, гуманистических идеалов, социального и правового государства, общенациональной идеи являются главными слагаемыми конституционно-правового развития и формирования гражданского общества в РФ и его укрепления.

Понятие и принципы правового государства. Правовое государство представляет собой образование, в котором организация и деятельность государственной власти в ее взаимоотношениях с индивидами и их объединениями основана на праве и ему соответствует. Идея правового государства направлена на ограничение власти (силы) государства правом; на установление правления законов, а не людей; на обеспечение безопасности человека в его взаимодействиях с государством В качестве признаков определяющих правовое государство выделяют те в которых: *народ является носителем суверенитета* и единственным источником государственной власти, осуществляет свою власть непосредственно или через органы государственной власти и органы местного самоуправления; *суверенитет государства является производным от суверенитета народа*, при этом, правовое государство по сути своей не может не быть демократическим; *граждане вправе участвовать в выборах* представительных государственных органов и быть избранными в их состав на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; *граждане обладают равноправием, широкими демократическими правами* и свободами, гарантированными (обеспеченными и охраняемыми) в конституционном порядке, а также выполняют обязанности, предусмотренные законом; *основные права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы* и принадлежат каждому от рождения; *каждый человек* является независимым и свободным; *признается верховенство закона* в правовой системе, обязательного не только для всех граждан и общественных формирований, но и для самого государства, всех его органов и должностных лиц; *деятельность государства осуществляется только на основе закон*а, которым оно связано и ограничено. При этом в качестве необходимого условия для формирования правового государства считаются наличие политической, экономической, социальной и нравственной основ, где: *политической* – свойственно наличие суверенитета, регулирующего интересы членов политической системы общества и реализующего правовое равновесие и свободное развитие данных интересов; *экономическая* – представляет сложившиеся в обществе производственные отношения, которые характеризуются многоукладность и наличием различных форм собственности (государственной, частной, коллективной и т. д.); *социальная* – отражает возможность создания саморегулируемого гражданского общества, где каждый из граждан имеет возможность реализовать свой творческий и трудовой потенциал, которое, в условиях гарантии личных свобод и прав, обеспечивает многообразие мнений; нравственная – формирует общечеловеческие позиции справедливости, гуманизма, свободы и равенства человека и гражданина. К принципам правового государства при этом относят: *приоритет права* во всех сферах общественной жизни; *гарантированный круг* основных прав и свобод человека и гражданина как показатель уровня цивилизованности общества, качества деятельности государственных органов; *взаимную ответственность* государства и личности; установленный порядок осуществления государственной власти исходя из принципа разделения властей [6].

Конституционно-правовой статус государства: понятие и основные элементы. Конституционный статус государства представляет конституционное закрепление конституционно-правовых признаков, характеризующих государство, каждый из которых представляет основу (принцип) конституционного строя и отображает фундаментальные особенности государственного строя, включая, при этом: тип государства, разновидность государственного (политического) режима, его демократическую сущность, ограничение (связанность) государственной власти правом, правами и свободами человека и гражданина, федеративную форму государственного устройства, республиканскую форму правления, социальный и светский характер государства. Эти характеристики конституционно-правовых признаков определяют место и роль государства в системе институтов конституционного строя, отображая конституционную его природу. Неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса РФ является ее территориальное единство, при этом она имеет собственную территорию, складывающуюся из территорий ее субъектов, включая сушу, внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, образующие материальное содержание государственного суверенитета, определяемое конституционными нормами (ст. 67 и ст. 4). Важным его элементом является единое гражданство, вопросы регулируются конституционной нормой (ст. 6). При этом конституционно-правовой статус означает наличие общей для страны системы органов государственной власти, включающей: Президента РФ как главу государства (ст. 80); Федеральное Собрание как представительный и законодательный орган (ст. 94); Правительство РФ как государственный орган осуществляющий исполнительную власть (ст. 110); Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ как суды судебной системы, осуществляющие высшую судебную власть в стране [7].

Конституционно-правовой статус РФ характеризуются наличием единой федеральной системы права. Основу системы права составляет Конституция РФ, обладающая высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны. Конституция РФ устанавливает верховенство федерального закона (ст. 15). По предметам ведения в РФ принимаются федеральные конституционные и федеральные законы. По предметам совместного ведения РФ и ее субъектов издаются федеральные законы и законы субъектов РФ, причем последние не могут противоречить федеральным законам, а в случае не соответствия не подлежат исполнению. Конституционно-правовой статус РФ характеризуется наличием федеральной собственности. При этом к объектам федеральной собственности относят объекты, составляющие основу национального богатства страны; объекты, необходимые для обеспечения функционирования федеральных органов государственной власти и решения общероссийских задач, объекты оборонного производства; объекты отраслей, обеспечивающих жизнедеятельность народного хозяйства, России в целом и развитие других отраслей народного хозяйства и прочие объекты. Конституционно-правовой статус РФ характеризуется наличием единой денежной и кредитной системы (ст. 114). Денежная система РФ включает в себя денежную единицу, порядок эмиссии наличных денег, организацию и регулирование денежного обращения. Официальной денежной единицей РФ является рубль. К числу наиболее важных элементов конституционно-правового статуса РФ относят наличие единых Вооруженных Сил, осуществляющих защиту суверенитета и территориальной целостности РФ. К числу основных элементов конституционно-правового статуса РФ относят право внешних отношений с иностранными государствами, при реализации которого она представляет и защищает как интересы страны в целом, так и интересы каждого из ее субъектов. Существенным элементом является государственный язык, при этом конституционной нормой (ч. 1 ст. 68) установлено, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык, а в законодательном порядке объявлено о признании равных прав народов РФ на сохранение, развитие и государственную поддержку языков народов и народностей. Важным компонентом являются государственные символы РФ, включающие: Государственный флаг, Государственный герб, Государственный гимн, место нахождения столицы, отражающие государственный суверенитет РФ. При этом описание Государственных флага, герба и гимна, порядок их официального использования устанавливаются согласно конституционной норме (ч. 1 ст. 70) федеральными конституционными законами. Таким образом, можно выделить следующие элементы, характеризующие конституционно-правовой статус РФ: суверенность, территориальное единство, единое гражданство, единая Конституция РФ, общие органы государственной власти, едина система права, наличие федеральной собственности, единая денежная и кредитная политика, единые вооруженные силы, единое право внешних отношений с иностранными государствами, наличие государственного языка и государственных символов. В состав РФ в качестве ее субъектов входит 24 республики, 9 краев, 48 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа. Субъекты РФ имеют свою систему государственных органов, законодательство, официальную символику, элементы международной правосубъектности, перечень субъектов РФ закреплен конституционной нормой (ст. 65).

Взаимодействие правого государства и гражданского общества. Государство и гражданское общество представляют два аспекта одного и того же социально-исторического феномена возникшего в результате прохождения этапов развития индустриального и постиндустриального обществ. Первый этап представляет форму, а второй – представляет содержание. Как форма, государство воплощает интересы гражданского общества, создает правовые условия для его дальнейшего развития и функционирования; соответствует интересам гражданского общества и гарантирует их защиту в законном порядке. Формулирование понятия гражданского общества предполагает выявление его составляющих, присущих ему черт и свойств, осмысление особенностей его функционирования и развития. Несомненно, что первым, исходным элементом гражданского общества является функционирующая в условиях правового государства и демократии суверенная личность. Гражданское общество потому и называется «гражданским», что состоит не из стесненных в своих действиях, подневольных подданных, а из свободных граждан. Личность гражданского общества ориентирована на созидание и во многом существует и функционирует в автономном режиме, вне рамок и без вмешательства государства, общественных структур, других личностей, но в постоянном, разнообразном взаимодействии с ними. Реализация личностью своего суверенитета, своей автономии, своих прав и свобод предполагает добросовестное выполнение ею своих гражданских обязанностей. «Простые» свойства порядочности, честности, человечности составляют фундаментальные устои гражданского общества и его второй составляющей – правового государства. В условиях гражданского общества государство не остается прежним, а становится правовым, деятельность которого ограничивается строго установленными законом рамками. Оно позволяет, с одной стороны, преодолеть мертвящее огосударствление жизненных сфер, а с другой стороны, обеспечить их необходимое эффективное регулирование. Однако подобное государство практически невозможно без целостного политического, идеологического, культурного, этического механизма воздействия гражданского общества на структуры власти и социальную жизнь страны. Такой механизм фактически составляет реализацию демократизма на практике.

Подводя итог, можно отметить, что РФ сравнительно недавно вступила на путь развития и интеграции в глобальное международное сообщество и приняла на себя обязательство придерживаться заявленного пути демократического развития. Для реализации этих целей при Президенте РФ был создан и действует Совет по развитию гражданского общества и правам человека, оказывая тем самым содействие по реализации

конституционных полномочий Президента РФ в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, рассмотрение по его поручению вопросов, относящихся к установленной компетенции, содействуя процессам гуманизации и модернизации российского общества, разрабатывая и внося на рассмотрение Президента РФ предложений по созданию благоприятных условий для развития институтов гражданского общества и расширению участия граждан в развитии эго институтов[8].

Список литературы

1. Пшенокова Е.А. О понятии гражданского общества / Е.А. Пшенокова // Символ науки. – 2022. – №5-1. – С. 53–55. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanskogo-obschestva (дата обращения: 29.03.2023).
2. Салата О.А. Признаки гражданского общества / О. А. Салата // Форум молодых ученых. 2018. – №9 (25). – С. 665–671. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-grazhdanskogo-obschestva (дата обращения: 29.03.2023).
3. Шарифуллин, А. Н. Роль и функции гражданского общества в структуре современного политического пространства / А. Н. Шарифуллин // МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ РОССИИ : сборник статей XIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 12 июня 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 257–259.
4. Грачев В.С. Структура гражданского общества, его субъекты и правовые институты / В.С. Грачев // Закон и право. 2019. – №1. – С. 41–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-grazhdanskogo-obschestva-ego-subekty-i-pravovye-instituty (дата обращения: 29.03.2023).
5. Файзолова А.А. Формирование институтов гражданского общества / А.А. Файзолова // Мировая наука. – 2021. – №12 (57). – С. 176–181. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-institutov-grazhdanskogo-obschestva-1 (дата обращения: 29.03.2023).
6. Дроздова А.М. Признаки и принципы правового государства: их соотношение / А.М. Дроздова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – №2. – С. 25–29 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-printsipy-pravovogo-gosudarstva-ih-sootnoshenie (дата обращения: 29.03.2023).
7. О судебной системе Российской Федерации: фед. конст. закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ – 1997. – № 1. – ст. 1.
8. О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: Указ Президента РФ от 19.02.2021 № 120 // Собрание законодательства РФ – 2021. – № 11. – ст.1417.

РОССИЯ, КАК СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Чертова Анастасия Матвеевна, Коваль Юлия Сергеевна, 2 курс, юридический факультет
Сибирский университет потребительской кооперации
Берглезов Алексей Николаевич – научный руководитель, старший преподаватель

В соответствии со статьей 37 Конституции РФ Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Одним из примеров социальных программ Российской Федерации является система обязательного медицинского страхования. Она обеспечивает доступность медицинской помощи для всех граждан, вне зависимости от их доходов и социального статуса.

Основная направленность социальных действий Правительства с самого начала ориентировалась на снижение уровня социальных обязательств государства, что фактически противоречит Конституции, которая определяет российское государство социальным, о чём свидетельствуют следующие факты:

1. Введение плоской налоговой шкалы на доходы с физических лиц прямо направленной против бедных и малообеспеченных групп населения.
2. Введение единого социального налога (ЕСН) фактически перечеркнуло формирующуюся страховую систему с внебюджетными фондами.
3. Введение в пенсионную систему накопительного принципа за счёт торможения роста пенсий у существующих сегодня пенсионеров) аккумуляцию «длинных» рублей под эгидой государства для использования их как инвестиционный ресурс.
4. Задуманная властями реформа ЖКХ имела своей целью не столько исправить плачевное состояние этого сектора, сколько получить в своё распоряжение фонд жилищных субсидий, который по своему размеру приближается к пенсионному, а его использование будет ещё менее прозрачным.
5. Реформа в сфере образования во главе с единым государственным экзаменом (ЕГЭ).

6. Внедрение адресной социальной помощи, эффективность которой близка к нулевой отметке. И для этого есть две причины, когда речь идет о денежных трансфертах:

Можно сделать вывод о том, что государство озабочено лишь экономическим положением крупного бизнеса, фактически пренебрегая условиями выживания основной части населения, что не могло не разрушить народного потенциала страны и увеличить протестный ресурс. В то же время состояние «износа» и «усталости» населения приводит к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей не только количественно, но и качественно. Это снижает численность граждан в стране, разрушает человеческий капитал, представляя угрозу национальной безопасности. Наблюдается распад социальных связей и ослабление социального потенциала, что сравнимо с процессом истощения природы при отсутствии деятельности по её восстановлению.

Для того чтобы социальное государство функционировало в реальной жизни со всеми соответствующими социальными последствиями для населения, нужны адекватные практические механизмы его развития и реализации. Нужна активная социальная политика всех его субъектов на национальном, региональном, муниципальном и корпоративном уровнях, которая занимает особое решающее место в социальном государстве. Как обосновывается в Концепции социального государства Российской Федерации, подготовленной по заказу Федеральных органов власти и представленной Президенту России В.В. Путину для обсуждения на заседании Государственного совета РФ, важнейшим инструментарием социального государства и социальной политики является социальное партнерство.

Основными проблемами в становлении и формировании РФ как социального государства выступают следующие: проблема социального неравенства, проблема неравенства регионов в РФ, проблема адресности социальной поддержки, проблема реализации прав достаточности вознаграждения за труд, обеспеченности социально незащищенных слоев населения пенсиями, пособиями, проблема защиты социальных прав, проблема сбалансированности принципов правового государства с рыночной экономикой и социального государства, социальных и личных прав граждан с политическими, экономическими правами, не решён вопрос систематизации и кодификации законодательства, которое регулирует отношения в социальной сфере, проблема баланса между построением свободной рыночной экономики и необходимостью выравнивая социального неравенства.

Российская Федерация является социальным государством, которое заботится о своих гражданах и предоставляет им социальные услуги. Медицинская помощь, образование, жилье и пенсии — это лишь некоторые из социальных программ, которые предоставляет государство.

Благодаря этим программам и мерам поддержки, жизнь граждан в России становится более комфортной и безопасной. Российская Федерация продолжает работать над улучшением системы социальной защиты и увеличением числа социальных программ для своих граждан.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. — 4-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2015 .- С 30-44
2. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель.- Социально - гуманитарны знания М.: Норма, 2014.- С. 10-15
3. Калашников С.В. Становление социального государства в России. – М.: Экономика, 2013.-С 16-20.

УЧАСТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ В МИРОТВОРЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ МИССИЯХ И ЛОКАЛЬНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Козловский Дмитрий Юрьевич,Ортабаев Умар Канаматович
курсанты 5 курса, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Пазий Юрий Васильевич - научный руководитель, профессор кафедры огневой подготовки, доцент

После Второй мировой войны достигнутый ценою огромных усилий и человеческих жертв мир оказался непрочным и недолговечным. В разных регионах земного шара в силу целого ряда причин стали вспыхивать войны и вооруженные конфликты, которые требовали скорейшего урегулирования. Они представляли большую опасность не только для региональной, но и международной безопасности. Часть вооруженных конфликтов была «погашена» или, по крайней мере, «законсервирована» с помощью военно-политических усилий Организации Объединенных Наций и региональных организаций. Поэтому в послевоенное время возникла новая форма воздействия международного сообщества на урегулирование межгосударственных споров и конфликтов — операции по поддержанию мира или миротворческие операции [1].

Для России проблема миротворчества в ее теоретическом и практическом аспектах чрезвычайно актуальна. Ведь после распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых независимых государств наша страна неоднократно участвовала и продолжает участвовать своими миротворческими силами

в урегулировании военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов на территории стран — членов Содружества Независимых Государств.

Как показал опыт, применения российских Вооруженных Сил для урегулирования различных военных конфликтов начиная с 1990-х годов, Россия в ходе них выполняет не только миротворческие, но и гуманитарные задачи, что особенно заметно в постконфликтный период. Такую тенденцию лишний раз подтвердило участие Российской армии в гуманитарной операции в Сирийской Арабской Республике после восстановления там мира. Следует отметить, что с начала 2000-х годов отечественные эксперты в области миротворчества, подчеркивая важность участия России в миротворчестве, призывали разработать Концепцию миротворческой деятельности РФ. Эта работа началась, но в какой-то момент застопорилась из-за отсутствия финансирования. В России, в отличие от ряда зарубежных государств, официальная концепция миротворчества до сих пор отсутствует.

Поэтому столь важно осмысление всего предыдущего опыта миротворчества — как международного, так и отечественного, чтобы на его основе разработать оптимальный национальный военно-стратегический документ в этой области. Необходимо, чтобы Россия была постоянно готова немедленно и адекватно среагировать при принятии решения о выделении миротворческих воинских контингентов для участия в миротворческих операциях как международного, так и регионального характера.

Пик участия российских миротворцев в международных операциях по поддержанию мира пришелся на 1997 г., когда Россия заняла второе место в списке государств, выделивших наибольшее количество миротворцев для нужд *Организации Объединенных Наций*. В то время основную долю российских миротворцев вовлекли в операции на Балканах. К 2000 г. для использования в миротворческих операциях в ВС РФ предназначались 17 мотострелковых и 4 парашютно-десантных батальона общей численностью 22 тыс. человек. При этом из них более 10 тыс. военнослужащих находились в зонах конфликтов. Однако, с другой стороны, начиная с 2000-х годов, стала наблюдаться тенденция к сокращению участия России в миротворческих операциях ООН.

Впоследствии численность российских миротворческих контингентов в международных миротворческих операциях значительно снизилась. Так, на 30 апреля 2005 г. в 11 текущих *операциях по поддержанию мира Организации Объединенных Наций* участвовало всего лишь 343 российских миротворца (военный персонал, военные наблюдатели и сотрудники гражданской полиции), что отбросило Россию на 61-е место среди 103 государств, предоставивших воинские контингенты, наблюдателей и гражданских полицейских для миротворческих операций под эгидой *ООН*. В 2010 г. от России в миротворческих операциях *ООН* было задействовано 366 человек — 55 полицейских, 77 военных наблюдателей и 239 военнослужащих.

После распада СССР на постсоветском пространстве появились «горячие точки», в которых действия враждующих сторон угрожали спокойствию и безопасности многих людей, живущих в регионе. Формирующиеся органы власти во вновь созданных государствах подчас не могли справиться с опасной ситуацией собственными силами. Поэтому в соответствии с правовыми нормами мирового сообщества была разработана нормативно-правовая база для проведения миротворческих операций и миссий на территории стран Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также в так называемом дальнем зарубежье.

Принятый пакет документов в совокупности описывает общий механизм и наиболее важные конкретные аспекты и детали миротворческих операций. Эти документы можно свести в три основные группы.

В первую группу документов, определяющих стратегию миротворческой деятельности в СНГ и «дальнем зарубежье», входят Устав СНГ (1993 г.) и Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств — участников Содружества Независимых Государств (1996 г.).

Устав СНГ — наиболее важный документ, правовая основа миротворчества в пределах Содружества. Теоретически положения всех остальных документов Содружества должны лишь развивать и уточнять установки Устава, никоим образом не выходя за его рамки. Несмотря на то, что вопрос о миротворческих операциях освещен в Уставе недостаточно полно (конкретно о них говорится в статье 11), и в силу этого он вряд ли может служить практическим руководством для проведения этих операций, Устав, тем не менее, носит основополагающий характер.

Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств СНГ определяет «общие подходы государств — участников Содружества Независимых Государств к вопросам предотвращения и урегулирования конфликтов, возможности совместных шагов по разрешению возникающих споров и разногласий. Они рассматривают совместную деятельность по предотвращению и урегулированию конфликтов, в том числе и проведение многосторонних миротворческих операций как важнейшую составную часть своей политики по укреплению национальной безопасности, сохранению территориальной целостности и независимости своих государств».

К первой группе документов относится и Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». Это базис для действий миротворческих сил России. В его развитие было издано несколько указов и постановлений Правительства. Эти документы освещают и регламентируют наиболее принципиальные вопросы, относящиеся к разрешению возникающих споров и предотвращению и/или урегулированию конфликтов между государствами — членами

СНГ. В эту же группу следует отнести Военную доктрину Российской Федерации (утв. Президентом России 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400). Они затрагивают, в том числе, и общие мотивы участия России в миротворческой деятельности.

Вторая группа документов, регламентирующих собственно военные аспекты миротворчества, посвящена нюансам формирования и деятельности коллективных сил по поддержанию мира в СНГ и ОДКБ. Эти проблемы оказались в центре внимания лидеров новых независимых государств практически сразу же после распада СССР. Уже 20 марта 1992 г. в Киеве на совещании высших руководителей государств — участников СНГ было подписано Соглашение о Группах военных наблюдателей и коллективных силах по поддержанию мира в СНГ. Стоит отметить, что миротворческая деятельность не рассматривалась в качестве приоритета для участников Договора о коллективной безопасности, подписанного в Ташкенте в 1992 г., поэтому в данном документе нет упоминания об использовании подобного рода инструментов кризисного урегулирования, как и в Уставе ОДКБ, принятом в 2002 г. Лишь к середине 2000-х гг. на фоне происходивших на мировой арене событий государства-члены Организации решили приступить к формированию единого миротворческого потенциала. Важным решением на этом направлении стало подписание в 2007 г. Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ.

В соответствии с этим документом миротворческие силы ОДКБ представляют собой совокупность миротворческих контингентов, предназначенных для участия в миротворческих операциях ОДКБ, которые выделяются государствами-членами на постоянной основе. В настоящий момент общая численность миротворческих сил ОДКБ составляет около 3 600 человек, являющихся военнослужащими ВДВ, спецназа и мотострелковых подразделений.

Совет коллективной безопасности ОДКБ незамедлительно информирует СБ ООН о своем решении провести миротворческую операцию на территории государства-члена. В случае ее проведения из Миротворческих сил ОДКБ формируются Коллективные миротворческие силы, которые представляют собой части (подразделения) из состава миротворческих контингентов, выделяемых государствами-членами Организации на период проведения миротворческой операции. Их состав, структуру и численность определяет Совет коллективной безопасности ОДКБ для каждой миротворческой операции в отдельности.

В состав Коллективных миротворческих сил может включаться военный, милицейский (полицейский) и гражданский персонал, из них в свою очередь формируются: 1) Объединенное командование; 2) боевые части (подразделения); 3) группа военных наблюдателей; 4) подразделения милиции (полиции); 5) части (подразделения) боевого, технического и тылового обеспечения; 6) другие органы и подразделения, обеспечивающие выполнение поставленных задач. На Коллективные миротворческие силы могут возлагаться различные задачи, к числу основных из них можно отнести следующие: 1) контроль местности и действий населения в зоне ответственности, противодействие массовым беспорядкам, содействие обеспечению прав человека; 2) участие в разминировании местности и объектов; 3) охрана и оборона жизненно важных объектов; 4) обеспечение беспрепятственных поставок гуманитарной помощи; 5) обеспечение безопасного транзита всех видов транспорта и функционирования коммуникаций

Список литературы

1. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. Кол-в авт. М.: Триада-фарм, 2002. — С. 481-488.

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ

Котов Александр Михайлович, 2 курс аспирантуры
Новосибирский государственный педагогический университет
Григорьев Олег Вячеславович – научный руководитель, доктор исторических наук, доцент

Одной из наиболее важных задач российского общества является решение проблем преступности в силовых структурах вообще, и войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее по тексту ВНГ), в частности, а также преодоления правового нигилизма и правовой безграмотности среди личного состава, что подтверждается руководящими документами главного командования Федеральной службы войск национальной гвардии России [1].

Заместителем Генерального прокурора РФ, Главным военным Прокурором в целях поддержания на должном уровне эффективности и результативности надзорной
деятельности, на постоянной основе проводятся оперативные, координационные совещания с командованием военных округов, правоохранительных структур, принимаются меры
организационного характера. Результаты анализа надзорной деятельности свидетельствуют, в том числе, о необходимости активизации работы в отдельных сферах законодательства с определением конкретных объектов проверок с учетом состояния в них законности [2].

К числу факторов, способствующих совершению воинских преступлений, относится сокрытие командованием правонарушений, неправильные действия командиров или

начальников воинских частей, что проявляется в неиспользовании своих полномочий, либо в их превышении, недостатки в проведении право-предупредительной работы в воинской части, подразделении. В связи с этим следует усилить борьбу с преступлениями имущественного характера, а также с преступностью, связанной с соподчиненными отношениями между военнослужащими, поскольку именно наличие полномочий на замкнутой режимной территории у одного субъекта в отношении других лиц является фактором, способствующим совершению воинских преступлений, в том числе, и насильственного характера [3].

Принятие за последние пять лет достаточно большого количества нормативно-правовых актов по уголовно-правовому предупреждению преступности и их реализация подчеркивают актуальность проблем противодействию и предупреждению уголовной преступности в Росгвардии на современном этапе. Однако новейшая правоприменительная практика требует тщательного изучения способов и методов уголовно-правового анализа преступности для целей конкретизации уголовно-правовых мер предупреждения преступности в Росгвардии.

Согласно имеющимся планам по уголовно-правовой профилактике преступности в Росгвардии и указанным в них приоритетам, разрешение вопроса о предотвращении преступности важно связывать не столько с ужесточением мер наказания, сколько с комплексным изучением преступности среди военнослужащих, а также выработкой мер профилактического, предупредительного, воспитательного характера. Однако чтобы эффективно применять меры уголовно-правового предупреждения преступности, необходимо также проводить постоянный анализ сущности и содержания уголовной преступности в подразделнениях войск национальной гвардии.

При этом важно рассматривать уголовно-правовые меры в единой системе, принятые как на уровне государства в целом, так и непосредственно, реализуемые в Росгвардии на основе и в соответствии с федеральным законодательством. В связи с этим в настоящий период в Росгвардии организована работа по реализации установок государственной власти в сфере предупреждения преступности. Одним из основных направлений деятельности должностных лиц Росгвардии является предупреждение преступлений среди военнослужащих всех категорий, а также анализ и мониторинг совершаемых военнослужащими ВНГ преступлений, выявление и устранение причин и условий, способствовавших их совершению.

Исходя из вышеизложенного, профилактику преступлений в Росгвардии предлагается проводить на основе комплексного подхода. Данный подход предусматривает механизм одновременной реализации в процессе профилактики диагностической, воспитательной, исправительной, корректирующей и организационной функций. Важнейшим элементом такого подхода является осуществление специальных мер в сфере предупреждения преступности военнослужащих Росгвардии [6]. Такими мерами в сфере предупреждения уголовной преступности военнослужащих выступает совершенствование уголовно-правовых запретов и организационно – профилактических мер воздействия должностными лицами Росгвардии всех уровней в целях их предупреждения.

Используя данный подход, можно будет достичь единого понимания у должностных лиц по проведению и организации профилактических мероприятий, что будет способствовать систематизации, и однородности воспитательного и профилактического воздействия, оказываемого на личный состав Росгвардии и ВНГ.

Кроме того, необходимо создание прочной нормативной основы и выработки устойчивых мер в сфере предупреждения преступности среди военнослужащих Росгвардии исключительно в рамках правового поля, с абсолютным соблюдением требований законности в соответствии со сложившимися принципами обоснованности, эффективности, разумности в оценке достигнутых результатов в сфере противодействия преступности.

Поэтому при планировании политики Российского государства в борьбе с преступностью среди военнослужащих необходимо выбирать такие средства и меры, которые, с одной стороны, будут давать высокий политический эффект, а с другой, служить целям пропаганды правомерного поведения и высокого уровня правовой культуры, что будет способствовать укреплению национальной безопасности России в целом.Таким образом, сегодня особую актуальность приобретает исследование теоретических и научно-прикладных проблем, касающихся природы преступности военнослужащих Росгвардии как антиправового и антисоциального явления, факторов, детерминирующих преступления, и разработки мер их предупреждения.

Список литературы

1. Григорьев О.В. Судебная власть, гражданское общество, судебные реформы: алгоритм взаимообусловленности // История государства и права. 2014. № 9. С. 3-8.
2. Кононов А.Н., Бальчугов С.Г., Григорьев О.В. Федеральная служба войск национальной гвардии российской федерации в механизме российского государства // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации. материалы XIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч.. Ростов-на-Дону, 2021. С. 493-498.
3. Шухова Н.В., Снигирев А.Л. О роли форензики в криминалистическом расследовании преступлений // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов [Текст]: XX международная научная конференция, 24-25 мая 2011 г. : Ссборник трудов – М.: Акад. упр. МВД России, 2011. – С. 331-333.

4. Бушков И.К., Снигирёв А.Л. Вопросы предупреждения преступности федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации. // Вопросы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства. Материалы студенческой научной конференции. Новосибирск, 2022. С. 40-44.
5. Лаптев И.А., Суховецкая Е.Ю. Проблемы латентной преступности военнослужащих Вопросы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства. сборник материалов студенческой научной конференции. 2017. С. 39-44.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Кровотынцев Олег Базырович, 5 курс
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Герман Елена Сергеевна - научный руководитель, кандидат юридических наук

В юридической литературе даются различные определения понятия административно-правовых отношений. В содержание этого понятия ведущие ученые-административисты России включают: «совокупность общественных отношений, возникающих при осуществлении властной деятельности государственной и муниципальной администрации», «отношения в сфере организации и функционирования публичного управления», «организационные отношения, возникающие в процессе формирования и осуществления государственного управления», «социальные отношения: по государственному управлению; по государственному регулированию; по государственным услугам», «управленческие общественные отношения, возникающие в процессе реализации государственных властных функций и задач для достижения целей административно-правового регулирования органами публичной власти и их уполномоченными должностными лицами».

Не останавливаясь на анализе терминологической обоснованности той или иной точки зрения, отметим, что общим признаком названных групп отношений является то, что в совокупности они составляют общественные отношения в сфере управления (публичной власти). Эти отношения регулируются правовыми нормами, которые содержатся не только в федеральных законах, но и в законодательных актах субъектов Российской Федерации и многочисленных подзаконных актах (указах, постановлениях, приказах, положениях, инструкциях). При этом следует исходить из того, что сама по себе норма административного права не создает конкретного административно-правового отношения. Она - основа его возникновения, так как в общей форме предусматривает, что при соответствующих условиях и при наличии соответствующих субъектов управленческие отношения приобретают административно-правовую основу.

Предусматривая возможности возникновения административно-правовых отношений в тех или иных условиях и между теми или иными сторонами, административно-правовая норма заранее устанавливает объем полномочий этих сторон, их взаимные права и обязанности, а также юридическую ответственность за неисполнение обязанностей или нарушение прав.

Особенности административно-правовых отношений состоят в следующем:

1) являются властеотношениями, построенными на неравенстве сторон, на началах власти и подчинения, отношением управленческого, организационного характера [1]. При оценке наличия в административном правоотношении элементов властности и управления необходимо исходить из того, что власть и управление должны заключаться в подчинении одного субъекта этого отношения воле другого его субъекта, в оказании вторым организующего, обязывающего или принудительного-ограничительного воздействия на первого.

Представляется, что оценка наличия или отсутствия проявлений властности и управления в административных правоотношениях, участниками которых выступают административно-публичные органы или административно уполномоченные субъекты, должна даваться исходя из особенностей субъектного состава иных участников таких отношений. Имеются в виду следующие типы административных правоотношений:

- отношения, все субъекты которых являются административно-публичными органами, административно уполномоченными лицами, их служащими, занимающими равное правовое положение в системе исполнительной власти;

- отношения, субъектами которых выступают административно-публичные органы, их служащие, находящиеся в субординационной связи;

- отношения, субъектами которых, с одной стороны, являются административно-публичные органы или административно уполномоченные лица и (или) их служащие, а с другой стороны, иные органы публичной власти, организации или физические лица, в отношении которых первыми осуществляется административно-публичная деятельность [3]2) одним из обязательных участников отношения является субъект управления (орган исполнительной власти, иной орган публичного управления, должностное лицо).

3) Административно-правовые отношения складываются преимущественно в сфере государственной и общественной жизни - в сфере государственного управления. Насколько значительна сфера влияния органов исполнительной власти, и прежде всего Правительства РФ, определенная в ст.114 Конституции РФ и

в «Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» самым общим образом, настолько же необозрима и сфера влияния административного права. Административно-правовые отношения могут возникать в области обороны и государственной безопасности, в сфере культуры, науки и образования, в сфере экономических отношений и применительно к системе социального развития, т.е. везде, где государством посредством своих исполнительных органов проводится работа по управлению общественными процессами и явлениями.

4) Споры между участниками административно-правовых отношений разрешаются как в административном, так и в судебном порядке. Так, гражданин может быть не согласен с правомерностью предпринятых в его адрес действий исполнительного органа (должностного лица). Это его несогласие, не влияющее на возникновение правоотношений, тем не менее вызывает определенные юридические последствия: гражданин вправе оспаривать указанные действия. Так возникает конкретный административно-правовой спор.

Как правило, такого рода спора решаются в административном, т.е. во внесудебном, порядке. Это означает, что основной способ его разрешения не выходит за рамки сферы государственного управления и является одним из атрибутов государственно-управленческой деятельности. Суть его - в принятии полномочным исполнительным органом (должностным лицом) юридически-властного решения по предмету спора, каковым является законность оспариваемого решения или действия, породившего спорную ситуацию [4].

На первый план выдвигается присущая административно-правовому регулированию односторонность действий субъекта управления, юридически-властным решением которого по существу и разрешается данный спор.

Наиболее детально административный порядок разрешения административно-правовых споров регламентирован, например, Кодексом РФ об административных нарушениях, действующими правовыми актами о работе с заявлениями и жалобами граждан.

В то же время действующее законодательство предусматривает судебный порядок разрешения административно-правовых споров в качестве либо самостоятельного, либо альтернативного. 5) Отношение возникает по инициативе любой из сторон, но согласие второй стороны не является обязательным. Административно-правовые отношения возникают при наличии условий, обстоятельств, а именно юридических фактов, при которых в соответствии с требованиями административно-правовых норм между сторонами должны (или могут) возникнуть конкретные правоотношения. Действия являются результатом активного волеизъявления субъекта. По характеру различаются правомерные и неправомерные действия.

Правомерные действия всегда соответствуют требованиям административно-правовых норм. В качестве юридических фактов выступают правомерные действия граждан и других возможных участников административно-правовых отношений. Например подача жалобы гражданином влечет за собой возникновение конкретного административного правоотношения между ними и исполнительным органом (должностным лицом), которому жалоба адресуется. Неправомерные действия не соответствуют требованиям административно-правовых норм, нарушающих их. Это - дисциплинарные и административные проступки как наиболее характерные для сферы государственного управления. 6) в случае нарушения субъектами отношения норм административного права наступает юридическая ответственность перед государством.

Порядок ответственности сторон административно-правовых отношений в случае нарушения ими требований административно-правовых норм состоит в том, что ответственность одной стороны наступает не перед второй стороной правоотношения, а непосредственно перед государством в лице его соответствующего органа (должностного лица). Объясняется это тем, что речь идет фактически о нарушении публично-правовых интересов в сфере исполнительной власти. Именно поэтому исполнительные органы (должностные лица) наделяются полномочиями по самостоятельному воздействию на нарушителей требований административно-правовых норм (дисциплинарная, административная ответственность).

Проведя теоретико-правовой анализ понятия, особенностей и видов административных правоотношений автор пришел к следующим выводам. Административно-правовые отношения представляют собой разновидность правовых отношений, разнообразных по характеру, юридическому содержанию, по их участникам. Им свойственны все основные признаки любого правового отношения, как то: первичность правовых норм, вследствие чего правоотношение есть результат регулирующего воздействия на данное общественное отношение данной правовой нормы, придающего ему юридическую форму; регламентация правовой нормой действий (поведения) сторон этого отношения; корреспонденция взаимных обязанностей и прав сторон правоотношения, определяемая правовой нормой; установление их юридической ответственности за не соответствующее требованиям правовой нормы поведение. Под административно-правовым отношением понимается урегулированное административно-правовой нормой управленческое общественное отношение, где стороны выступают как носители взаимных обязанностей и прав, установленных и гарантированных административно-правовой нормой. Налицо выражение одного из существенных качеств административно-правовых отношений, а именно то, что они представляют собой не любое общественное отношение, а управленческое, получившее юридическую, в нашем случае - административно-правовую, окраску, основной целью которого является реализация публичного интереса, задач и функций государства.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Норма, 2019. – 501 с.
2. Зеленцов А.Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. – 2020. – № 9.– С. 10–17.
3. Зубач А.В Административное право: Учебник для СПО.-М: Юрайт., – 2019.– 415 с.
4. Чекмарев Г.Ф. Законность как фундаментальная категория правоведения // Юридический форум: Межвуз. сб. науч. тр. – М., 2016. – 170 с.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОСГВАРДИИ

Кудренко Николай Алексеевич, 5 курс
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Даничев Николай Викторович - научный руководитель, кандидат педагогических наук

В соответствии с приказом федеральной службы войск национальной гвардии российской федерации от 07.11.2019 № 373 [2] установлен следующий порядок подготовки и принятия нормативных правовых актов Росгвардии при осуществлении нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности. Нормативные правовые акты Росгвардии издаются в виде приказов или в ином установленном законодательством Российской Федерации виде в соответствии с Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 [1].

Нормативные правовые акты могут быть изданы национальной гвардией совместно с другими федеральными органами исполнительной власти или по согласованию с ними. Подготовка проектов нормативных правовых актов Росгвардии осуществляется в соответствии с ежегодно утверждаемым директором планом на очередной календарный год.

Подготовка проекта нормативного правового акта возлагается на одно или несколько структурных подразделений центрального аппарата ВНГ РФ с учетом их функций и компетенции, при этом работу по его подготовке организует структурное подразделение центрального аппарата ВНГ РФ, которое в плане (поручении) указано первым или обозначено словом «ответственный» и является головным разработчиком. К подготовке проекта нормативного правового акта при необходимости привлекаются специалисты научных и иных организаций.

Подготовка проекта нормативного правового акта должна начинаться с изучения существа вопроса, подлежащего урегулированию, действующих по этому вопросу законодательных актов Российской Федерации, актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов ВНГ РФ, практики их применения, справочного материала (предложения, отчеты, доклады), а также научной литературы и материалов периодической печати по рассматриваемому вопросу, данных социологических и иных исследований, если такие проводились. Подготовка проекта нормативного правового акта включает в себя:

- разработку текста проекта нормативного правового акта;
- предварительное обсуждение на заседании Общественного совета при ВНГ РФ;
- согласование проекта нормативного правового акта с заинтересованными структурными подразделениями центрального аппарата ВНГ РФ;
- раскрытие информации о подготовке проекта нормативного правового акта и результатах его общественного обсуждения;
- независимую антикоррупционную экспертизу проекта нормативного правового акта;
- правовую экспертизу и антикоррупционную экспертизу проекта нормативного правового акта в структурном подразделении центрального аппарата ВНГ РФ, осуществляющем правовое обеспечение деятельности национальной гвардии;

Срок размещения проектов нормативных правовых актов на сайте regulation.gov.ru в сети «Интернет» в целях проведения независимой антикоррупционной экспертизы составляет не менее 7 дней.

Правовая экспертиза проекта нормативного правового акта проводится последовательно в два этапа: предварительная правовая экспертиза и заключительная правовая экспертиза.

В ходе предварительной правовой экспертизы проекта нормативного правового акта определяется:

- соответствие установленным законодательством Российской Федерации полномочий войск национальной гвардии на его издание;
- соответствие его содержания общепризнанным принципам и нормам международного права и обязательствам Российской Федерации в соответствии с международными договорами, Конституции Российской Федерации, законодательству Российской Федерации, актам Российской Федерации, а также ранее изданным нормативным правовым актам ВНГ РФ;
- соблюдение установленных правил оформления;

- необходимость раскрытия информации о подготовке проекта нормативного правового акта и результатах его общественного обсуждения;

- перечень структурных подразделений центрального аппарата ВНГ РФ, с которыми он должен быть согласован;

- необходимость в согласовании проекта нормативного правового акта с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти либо направление проекта нормативного правового акта на заключение (экспертизу) в уполномоченные федеральные органы исполнительной власти;

- необходимость направления нормативного правового акта на государственную регистрацию в Минюст России.

Предварительная правовая экспертиза проекта нормативного правового акта проводится в срок, не превышающий 7 рабочих дней со дня его официального поступления, со всеми прилагаемыми документами и материалами в правовое подразделение национальной гвардии.

По завершении предварительной правовой экспертизы правовое подразделение национальной гвардии направляет проект нормативного правового акта с замечаниями (при их наличии) головному разработчику.

Согласование проекта нормативного правового акта осуществляется начальником (руководителем) структурного подразделения центрального аппарата ВНГ РФ (лицом, временно исполняющим обязанности), который несет ответственность за достоверность информации, указанной в согласованном им проекте нормативного правового акта, в соответствии со своей компетенцией.

После согласования проекта нормативного правового акта с заинтересованными структурными подразделениями центрального аппарата ВНГ РФ проект нормативного правового акта согласовывается с заместителями директора (в соответствии с распределением обязанностей) и представляется на заключительную правовую экспертизу в правовое подразделение войск национальной гвардии.

Проект нормативного правового акта, не направлявшийся ранее на предварительную правовую экспертизу, рассматривается в срок, не превышающий 21 рабочий день со дня его официального поступления в правовое подразделение национальной гвардии.

Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов проводится правовым подразделением национальной гвардии одновременно с проведением правовой экспертизы (заключительной правовой экспертизы) в порядке, установленном в ВНГ РФ, и согласно методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

В случае несоответствия проекта нормативного правового акта актам более высокой юридической силы и правилам юридической техники правовое подразделение национальной гвардии подготавливает мотивированное правовое заключение и направляет его в структурное подразделение центрального аппарата ВНГ РФ, определенное в качестве головного разработчика.

Проекты нормативных правовых актов, представленные на правовую экспертизу в правовое подразделение национальной гвардии с нарушениями главы V настоящего Регламента, не позднее пяти рабочих дней со дня их официального поступления в правовое подразделение войск национальной гвардии возвращаются в структурное подразделение центрального аппарата ВНГ РФ, определенное в качестве головного разработчика, без рассмотрения с указанием причин, послуживших основанием для возвращения проекта нормативного правового акта.

Если в процессе согласования в проект нормативного правового акта вносятся существенные изменения, проект нормативного правового акта подлежит повторному представлению на правовую экспертизу.

Нормативные правовые акты Росгвардии подписываются директором (лицом, исполняющим его обязанности). Представление на подпись директору (лицу, исполняющему его обязанности) проектов нормативных правовых актов, не прошедших правовую экспертизу, не допускается.

Структурные подразделения центрального аппарата ВНГ РФ и ее территориальные органы не вправе издавать нормативные правовые акты Росгвардии. Проект нормативного правового акта подлежит согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, если такое согласование является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также если проект нормативного правового акта содержит положения межотраслевого значения или предусматривает совместную деятельность федеральных органов исполнительной власти.

Согласование проекта нормативного правового акта с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти возлагается на структурное подразделение центрального аппарата ВНГ РФ, определенное в качестве головного разработчика.

В целях подготовки проектов нормативных правовых актов межведомственного характера по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти могут создаваться межведомственные рабочие группы.

Заместители директора (в соответствии с распределением обязанностей) и начальники (руководители) структурных подразделений центрального аппарата ВНГ РФ обеспечивают согласование проектов нормативных правовых актов, в том числе путем проведения согласительных совещаний.

При наличии неурегулированных разногласий по проектам нормативных правовых актов заместитель директора (в соответствии с распределением обязанностей) или начальник (руководитель) структурного подразделения центрального аппарата ВНГ РФ, определенного в качестве головного разработчика, докладывает о них директору и действует в соответствии с его указаниями.

Нормативные правовые акты Росгвардии, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации в Минюсте России.

Нормативные правовые акты Росгвардии, подлежащие государственной регистрации в Минюсте России, необходимые материалы и сопроводительное письмо в Минюст России представляются структурными подразделениями центрального аппарата ВНГ РФ, являющимися их головными разработчиками, в правовое подразделение Росгвардии не позднее трех рабочих дней со дня его регистрации в подразделении делопроизводства и режима ВНГ РФ.

Список литературы

1. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 // СПС «Консультант плюс».
2. Об утверждении Регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 7 ноября 2019 г. № 373 // СПС «Консультант плюс».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Кучеров Максим Сергеевич, 5 курс
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Даничев Николай Викторович - научный руководитель, кандидат политических наук

В теории права для обозначения процессов, связанных с созданием правовых норм и нормативных правовых актов как их источников, используются три основных понятия - правотворчество, нормотворчество и законотворчество. В то же время во множестве монографических исследований и научных публикациях и часто в законодательстве данные понятия употребляются как тождественные. Каких-либо особых различий между ними не проводится. Так, С. С. Алексеев трактовал правотворчество как «завершающую процесс формирования права государственную деятельность, в результате которой определенные положения возводятся через закон, иные источники в юридические нормы [1]. Правотворческая деятельность выражается в правотворческих актах и системном кодификационном правотворчестве». В. М. Корельский понимает под правотворчеством (законотворчеством) «деятельность компетентных государственных органов (при проведении референдума — всего народа) по изданию новых или переработке действующих нормативных правовых актов». При большом количестве вариантов определения понятий «законотворчество», «нормотворчество» и «правотворчество» представляется правильным и логичным для уяснения их сути использовать смысловое значение первой части слова - «закон», «норма», «право». Это упрощает их понимание и позволяет четко уловить различия в толковании. По результатам правотворческой работы - законам и иным нормативным правовым актам - судят о государстве в целом, степени его демократичности, цивилизованности, культурности.

Правотворчество - одно из важных направлений деятельности любого государства. Это специфическая, требующая особых знаний и умений интеллектуальная деятельность, связанная с изданием, изменением и отменой юридических норм. В буквальном смысле слова правотворчество — это процесс создания (творения) правовых норм, получающих закрепление в издаваемых моченных органов. В основу второго определения положена социально - юридическая трактовка правотворчества, которая охватывает весь процесс создания нормы права, начиная с возникновения идеи о необходимости приведения нормативного регулирования в соответствие со сложившимися в обществе отношениями и заканчивая принятием соответствующей нормы права и ее введением в действие.

Приведенные точки зрения на определение правотворчества в тех или иных вариантах сохраняются и в настоящее время. В научных трудах последнего времени, посвященных в большинстве своем проблемам законотворчества как формы правотворчества, авторы, как правило, охватывают весь процесс создания нормы права. Суммируя вышесказанное, можно согласиться с высказыванием которое приводит профессор В. Н. Карташов: «Правотворчество есть процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур».

1) познание, изучение и анализ явлений и процессов, допускающих или требующих правовой регламентации;

2) определение органа или иного субъекта (например, организации, должностного лица и пр.), управомоченного принять тот или иной правовой акт;

3) выбор формы закрепления создаваемой нормы правы и формы самого акта, в котором эта норма будет закреплена;

4) подготовка, принятие или изменение нормативного акта в рамках соответствующих установленных процедур.

Естественно, что все вышеупомянутые элементы находятся между собой в органическом единстве, а, следовательно, выделение роли какого-либо из этих элементов, или его отсутствие делает дефектным правотворчество в целом.

Государство ведет свою законодательную политику на основе изучения потребностей общества и общественного развития. Основным импульсом к созданию закона или иного нормативного правового акта служат:

1) общественно значимая проблема;

2) острая социальная ситуация;

3) нерешенный вопрос, имеющий значение для большого числа людей, для государства в целом.

Помимо этого, на проблему необходимости создания новой или изменения (отмены) старой нормы существенно влияют и иные факторы, о которых будет сказано ниже.

Искусство законодателя состоит в том, чтобы вовремя, точно и адекватными правовыми средствами отреагировать на общественный «вызов», тем самым снять остроту ситуации.

Субъектами правотворчества могут выступать:

1) органы государственной власти, иные государственные органы, должностные лица этих органов;

2) депутаты и их объединения (например, фракции в законодательном (представительном) органе);

3) негосударственные структуры (органы местного самоуправления, профсоюзы, общественные объединения и др.), наделенные соответствующими полномочиями;

4) народ при вынесении наиболее важных вопросов общественной жизни на референдумы;

5) иные субъекты, наделенные соответствующими полномочиями.

Правотворческая деятельность осуществляется в рамках установленных процессуальных форм (процедур), содержащихся в конституциях, уставах, регламентах и т.п. и заключается в принятии новых норм права, отмене либо изменении действующих.

Правоведами выделяются следующие характерные черты правотворчества, отличающие его от других форм творчества:

1) правотворчество — это активная, творческая, государственная деятельность;

2) результат правотворчества — юридические нормы, воплощенные главным образом в нормативных правовых актах (кроме этого — в нормативных договорах, юридических прецедентах);

3) правотворчество — это важное средство управления обществом (с его помощью формируются стратегия развития общества, принимаются существенные правила поведения людей и их общностей);

4) уровень, культура и качество правотворчества — это показатель цивилизованности и демократичности общества.

Возвращаясь к проблеме влияния различных социальных факторов на правотворчество, необходимо отметить следующее. Под социальным фактором правотворческой деятельности следует понимать «...явление общественной жизни, воздействующее в той или иной форме на выявление потребности в правовом регулировании, на разработку, принятие, изменение или отмену закона и в конечном счете на его содержание».

Все социальные факторы, оказывающие влияние на правотворчество, можно разделить на две большие группы:

а) основные (правообразующие) факторы, которые обусловливают возникновение проблемной ситуации, требующей правового регулирования, и влияют на характер ее разрешения;

б) обеспечивающие, вспомогательные (процессуальные) факторы, обеспечивающие надлежащее разрешение проблемной ситуации, возникающей под влиянием основных факторов, путем принятия акта правотворчества.

Правотворчество должно осуществляться на основе определенных принципов — основополагающих идей, руководящих начал правотворческой деятельности, которые служат ориентиром для органов, творящих право. К их числу относятся:

- принцип научности, означающим использование приемов и методов научного анализа, достижений науки и строгое следование объективным критериям оценки;

- принцип законности, в соответствии с которым необходимым требованием, предъявляемым к правотворческой деятельности, является строгий учет иерархии правовых актов и норм, компетенции субъектов правотворчества и соблюдение установленных процедурных правил;

- принцип демократизма, означающий изучение социальных интересов и возможности их выражения в сфере правотворчества, учет общественной поддержки проектов правовых актов;

- принцип системности, согласно которому в ходе правотворчества должны учитываться не только оперативные потребности общества и государства, но и общие подходы к формированию системы права

и законодательства, особенности структурированности норм в рамках отдельной отрасли права, а также специфика правового института, нормы которого принимаются, изменяются или отменяются;

- принцип профессионализма, требующий привлечения к занятию правотворческой деятельностью специалистов: юристов, управленцев, экономистов и др.;

- принцип гласности, означающий открытость правотворческого процесса для широкой общественности, доступность информации для населения и заинтересованных лиц;

- принцип оперативности, предполагающий своевременность реагирования правотворца на изменение ситуации в обществе путем издания необходимых нормативных правовых актов.

Помимо вышеперечисленных, в теории правотворчества выделяются и другие принципы. К ним, в частности, относятся:

1) принцип компетентной адекватности нормативных правовых установлений, касающийся проблемы компетентно детерминированной родовой и видовой определенности нормативных правовых актов;

2) принцип понятийно-терминологичской определенности, соблюдение которого способствует закреплению четких, ясных, достаточно определенных правовых понятий, которые, будучи закрепленными в законодательстве;

3) принцип достаточной мотивированности норм права, связанный с проблемой оптимального отражения в принимаемых актах общественных потребностей и интересов;

4) принцип логической сбалансированности норм права, призванный сбалансировать границы разрешаемого, требуемого и запрещаемого в правотворческой деятельности;

5) принцип обеспечения действенности норм права, выдвигающий требование о реальном обеспечении правовых нормативов эффективными санкциями в качестве элемента механизма юридической защиты нормы от противоправных посягательств.

Как уже отмечалось, правотворческая деятельность осуществляется в рамках установленных процессуальных форм (процедур), содержащихся в конституциях, законах, регламентах, уставах, иных нормативных правовых актах и заключается в принятии новых норм права, отмене либо совершенствовании старых.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права. Москва, 2020. – 509 с.
2. Комаров С.А., Малъко А.В. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2020. – 319 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2019. – 524 с.

О СТРУКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лебедь Яна Платоновна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

До недавнего времени Европейский Союз (далее – ЕС) рассматривался в отечественной правовой науке как одна из удачных моделей интеграции государств, а право ЕС как образец нормативной системы унификации национального законодательства в различных сферах правового регулирования, чему способствовали как возрастающий объем торгового оборота между ЕС и Россией, так и расширение сотрудничества по разным направлениям многих сфер совместной деятельности. Однако, в связи с недружественными действиями большинства из стран ЕС и последовавших, абсолютно необоснованных ограничений в торгово-экономическом общении, введением, так называемых санкций, все ранее достигнутые положительные формы и способы взаимовыгодного сотрудничества были сведены к нулевым значениям, что однако не снизило интереса к рассмотрению этапов развития и становления организационно-управленческой системы в ЕС и процессов, способствующих ее развитию.

Основной причиной создания ЕС послужил вопрос о реализации идеи о том, чтобы страны Европы, разрушенные Второй мировой войной, образовав тесные торговые и экономические взаимоотношения, смогли бы сотрудничать без угрозы возникновения военного конфликта. Первоначально сообщество носило название Европейское объединение угля и стали (European Coal and Steel Community): оно было учреждено в 1951 году при подписании Парижского договор. Однако, по мнению ученых, созданию ЕС предшествовал предварительный этап – реализация идеи европейской интеграции, отдельно от англичан, которая возникла в конце XIX века и определялась целями борьбы с США и Японией в колониальных странах [1 – С. 7]. Первые попытки объединения европейских стран были предприняты еще в далеком 1867 году на Парижской конференции, однако в то время наиболее острыми оказались противоречия между самими европейскими государствами, вызвавшие две мировые войны. По окончании периода мировых войн идея европейской интеграции реанимируется. Основная роль в этом процессе принадлежала Уинстону Черчиллю, который в сентябре 1946 г., выступая в Цюрихе, предложил создать федерацию Соединенных Штатов Европы, основу которой составила бы ось Париж – Бонн, (союз Франции и Германии), позднее создавшего в Лондоне

ассоциацию «Объединенная Европа». Условно в процессе европейской интеграции выделяют 6 этапов: *1 этап (1947–1957) – подготовительный*, в рамках которого не существовало интеграции, так как каждое из государств стремилось сохранить собственный суверенитет и сотрудничество сводилось к исполнению межгосударственных соглашений в пределах установленного регламента. Создание в 1950 г. Европейского платежного союза (The European Payments Union), объединившего Австрию, Бельгию, Великобританию, Грецию, Данию, Ирландию, Исландию, Италию, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Португалию, Турцию, Францию, ФРГ, Швейцарию и Швецию, всего 17 стран , стало прообразом первичного этапа объединения. Союз был основан на зачете взаимных требований и обязательств и имел три цели: *ликвидировать* все виды двусторонних расчетов и заменить их системой многостороннего клиринга; *упразднить* валютные и внешнеторговые ограничения; *восстановить* конвертируемость валют. Уже в начале 1951 г. реализуются планы по созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), как организации, объединившей угольную и металлургическую промышленности стран-участниц и положившей начало европейской экономической интеграции; *2 этап – 1957–1974 гг. – экономический,* начало которого ознаменовалось созданием Европейского Экономического Сообщества (25.03.1957), целью которого стало создание единого торгово-экономического блока, таможенного союза и устранение барьеров экономического развития внутри региона; *3 этап – 1974–1985 гг. – согласительный*, характеризуется как установивший единую валютную единицу – ЭКЮ (European Currency Unit), в рамках Европейской валютной системы (ЕВС); *4 этап – 1985–1992 гг. – финансовый,* определяется разработкой меморандума «О создании европейского валютного пространства и Европейского центрального банка» (1988 г.) и принятием «плана Делора», предусматривающего создание общего рынка стран ЕЭС и установление скоординированной экономической, налоговой и бюджетной политики, создание Европейского центрального банка и завершение перехода к единой европейской валюте; *5 этап – 1992–2002 гг. – организационный,* который характеризуется введением в безналичный расчет новой единой европейской валюты (евро), а также принятием нового названия «Европейский союз» и подписанием всеми странами-участницами Маастрихтского договора 1992 г. (Нидерланды), который предусматривал создание единого экономического, валютного и политического союза; *6 этап – с 2002 г. – переходной*, характеризовался полным переходом всех странах-участницах на евро, ставшего единственным законным платежным средством в странах еврозоны [2]. Однако переход к евро в ЕС стал причиной серьезных экономических проблем для некоторых стран, которые оказались не готовы к новым экономическим и политическим условиям, что стало причиной для возникновения целого ряда негативных последствия, когда: введение евро привело к резкому снижению процентных ставок; спрос на внутреннем рынке сильно увеличился, что привело к резкому росту цен на товары; заработная плата увеличивалась в обратной пропорциональности к производительности труда; экономический рост обуславливался динамикой во внутреннем секторе услуг, строительстве и разрастанием роли государства; в условиях доступности иностранных инвестиций доля импорта резко увеличилась, в то время как экспорт оставался на прежнем уровне, определив проблему роста дефицита текущего баланса; рост задолженности государства и частных субъектов.

Понятие ЕС и его правовая основа деятельности. Европейский союз представляет межгосударственное объединение близкое по характеристикам к международной межправительственной организации, в которой, одним из сущностных признаков является наличие института членства государств. Базовым актом, определившим деятельность ЕС, стал Маастрихтский договор 1992 г., вступивший в силу с 1 ноября 1993 г. [3], ставший основой создания Европейского Союза построенного на трех составляющих: преобразование в ЕС, Европейского Сообщества; установление общей внешней политика и политики безопасности (ОВПБ); организация сотрудничества в сфере юстиции и внутренних дел (СПСО). Таким образом, учреждение ЕС было осуществлено на базе Европейских сообществ, дополненных сотрудничеством в сфере внешней политики, политики безопасности, а также юстиции и внутренних дел. При этом Договором были определены основные направления развития интеграции, такие как: создание экономического и валютного союза; формирование общей социальной политики; расширение компетенции Европейского Сообщества. Основное значение Договора о ЕС состоит в том, что он дополнил экономическую интеграцию такими сферами сотрудничества, как общая внешняя политика и политика безопасности, а также сотрудничеством в области юстиции и внутренних дел. Европейский союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам (ст. 2). Цель его существования определяется содействием миру, собственным ценностям и благосостоянием своих народов. Союз предоставляет гражданам пространство свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ, в рамках которого обеспечивается свободное передвижение лиц во взаимосвязи с соответствующими мерами по вопросам контроля внешних границ, предоставления убежища, иммиграции, а также предотвращения преступности и борьбы с этим явлением. Всем государствам–членам обеспечивается равенство перед Договором, уважение национальной индивидуальности и основных функций государства, особенно тем, которые направлены на обеспечение его территориальной целостности, на поддержание общественного порядка и на охрану национальной безопасности. В частности, национальная безопасность остается в единоличной ответственности каждого государства-члена. Функционирование Союза основано на представительной демократии (ст. 10). Государства-члены представлены в Европейском совете главами государств или правительств, а в Совете – правительствами, которые стали ответственными перед национальными парламентами и перед гражданами стран. Характерные черты и особенности Европейского

Союза радикально отличают его от всех других международных организаций. Так, ЕС имеет собственные: *систему институтов*, которые самостоятельно осуществляют полномочия, находятся в сфере ведения интеграционных образований, и обладают правом принимать обязательные правовые акты; *автономную правовую систему*, в которой все учредительные акты и документы, принимаемые институтами Евросоюза регулируют общественные отношения, имеют отношение к процессу европейской интеграции и считаются источниками права ЕС; *автономный бюджет*, определяемый особенностью бюджетной системы Евросоюза в которой процесс формирования происходит не за счет взносов стран-членов, а за счет собственных средств, где бюджет ЕС наполняется налогами и сборами от импорта сельскохозяйственной продукции, частью средств от НДС, а также отчислениями от ВВП стран-членов Союза; *валютная система*, определяющаяся обращением единой европейской валюты «евро» и обязанностью все членов еврозоны отвечать требованиям, установленным в нормативных правовых актах ЕС; *гражданством,* которое является производным от национального, предоставленного гражданам стран-членов, где каждый человек, имеющий гражданство страны ЕС, автоматически становится гражданином Европейского Союза, при этом утрата национального гражданства влечет за собой утрату гражданства ЕС. Граждане Евросоюза имеют права и обязанности, включающие свободу передвижения и проживания на территории стран-членов; право избирать и быть избранным на выборах в Европарламент и местных выборах; право на защиту и представительство своих интересов на территории третьих стран со стороны дипломатических и консульских органов любого государства ЕС или со стороны Евросоюза в целом; *территорию*, образуемую в рамках границ национальных территорий стран, входящих в Евросоюз, представляющую территориальную общность, созданную согласно положениям Шенгенского соглашения об общей внешней границе: *таможенные границы*, определяемые условностью, где на внутренних территориях таможенные пункты упразднены, при этом таможенные органы государств-участников осуществляют деятельность по схемам передвижного варианта несения службы [4].

Структура ЕС. Под институтом ЕС понимается учреждение, наделенное полномочиями принимать юридические обязательные решения, именуемое как «орган» и состоящее из: *Европейского парламента* как наднационального политического института, занимающего особое место в системе ЕС, осуществляющего законодательные и бюджетные функции, политический контроль деятельности Европейской комиссии, выдающего заключения в предусмотренных учредительными договорами ЕС случаях; *Европейского совета*, как высшим органом политического руководства, включающего глав государств или правительств государств-членов, Председателя Совета и Председателя Комиссии, выступающего в качестве верховного арбитра при определении и проведении политического курса ЕС, решения, которого представляют своеобразную дорожную карту, в которой указываются задачи и цели и определяется вектор движения, необходимый для их достижения или решения; *Совета Европейского союза* как института, действующего на основе европейского права, обеспечивающего согласование национальных интересов государств-членов с выполнением задач, стоящих перед интеграционным объединением, обеспечивающим координацию общей экономической и социальной политики, ведение финансовой политикой и принимающего решения в области общей внешней политики и политики безопасности, руководящим сотрудничеством в области борьбы с преступностью и судопроизводства; *Европейской комиссии,* осуществляющей функцию контроля соблюдения обязательств по учредительным договорам и исполнением предписаний вторичного права государствами-членами, реализующей задачи связанные с: продвижением общих интересов Союза; оцениванием порядка принятия мер, принятых институтами; осуществлением под контролем Суда Европейского Союза деятельности по надзору за применением права Союза; исполнением бюджета и управлением программами; осуществлением предусмотренных координационной, исполнительной и управленческой функций; обеспечением представительства Союза на международной арене, кроме вопросов общей внешней политики и политики безопасности; выступлением с инициативами по составлению ежегодной и многолетней программ Союза в целях достижения межинституционных соглашений; *Суда Европейского союза*, включающего по одному судье от каждого государства-члена и обозначающего судебную систему ЕС в совокупности, который уполномочен принимаемыми решениями защищать интересы сообществ и имеет право выступать против интересов отдельных государств; *Европейского центрального банка*, являющегося органом со статусом юридического лица, который уполномоченным издавать обязательные решения и принимать нормативные правовые акты в пределах своего ведения и являющимся независимым в своей деятельности; *Счетной палаты*, состоящей из граждан государств-членов ЕС, обладающих особой квалификацией для этой должности, обеспечивающих в составе палаты проверку счетов ЕС, проверку счетов в отношении всей совокупности доходов и расходов ЕС, любого органа или учреждения, созданного ЕС, проверку законности и правильности доходов и расходов при условии существования надлежащего финансового управления.

Право ЕС. Под системой права ЕС понимается упорядоченная и структурированная совокупность элементов, выражающаяся в устойчивости многообразных связей между группами норм права ЕС. Существует три подхода к построению системы права ЕС: предметный, функциональный, структурный. В соответствии с предметным подходом нормы права ЕС делятся по институтам и отраслям. В соответствии с ним выделяют конституционное право ЕС, административное, уголовное, гражданское, трудовое, экологическое и т.д. На основе функционального подхода система права ЕС определяется через две части: институциональное право как установленный порядок или правила формирования и функционирования институтов; материальное право как право связанное с реализацией целей Союза. На основе структурного подхода право ЕС делится на

несколько блоков (или сфер сотрудничества): общее право ЕС; ОВПБ (общая внешняя политика и политика безопасности); пространство свободы, безопасности и законности; нормы, определяющие основы правового положения личности. Ключевыми особенностями, характеризующими эту систему, при этом являются: *верховенство* Европейского права по отношению к национально-правовым законодательствам; *интегрированность* в национальное право; *обеспеченность* судебной защитой. При этом, если бы этих особенностей не существовало то, для применения правовых норм права ЕС была бы необходима их имплементация в национальные правовые системы каждый раз при создании новой нормы. Соответственно могла бы возникнуть ситуация когда нормы права ЕС действовали бы в одних государствах членах ЕС напрямую, а в других только через издание национального правового акта. Все это создала бы дополнительную нагрузку на национальные бюрократические аппараты, замедлила процедуру внедрения норм, внесло бы хаос в единообразную систему ЕС [5].

Стержнем (базовой конструкцией) права ЕС являются принципы – исходные положения наиболее общего характера, определяющие смысл, содержание, реализацию и развитие всех остальных норм права ЕС. Принципы права ЕС разделяются на функциональные и общие принципы права. К функциональным принципам относятся принцип верховенства права ЕС и принцип прямого действия права ЕС. Указанные принципы были выработаны практикой Суда Европейских сообществ путем толкования учредительных документов организации. Принцип верховенства права ЕС означает приоритет норм права ЕС над нормами национального законодательства государств–членов, нормы национального права государств-членов не должны противоречить нормам права ЕС. Принцип прямого действия права ЕС означает непосредственное применение права ЕС на территории государств–членов, действие норм права без какой–либо трансформации в правопорядок государства–члена. Общие принципы права ЕС: принцип охраны прав и свобод личности; принцип правовой определенности; принцип пропорциональности; принцип недискриминации; принцип субсидиарности и др. [1 – С. 16].

В качестве итога можно отметить, что о том, что Европейский союз представляет межгосударственное объединение близкое по своим характеристикам к международным межправительственным организациям, имеющим собственные институты которые представлены: Европейским парламентом, Европейским советом, Советом Европейского союза, Европейской комиссией, Европейским центральным банком, Счетной палатой. При этом право ЕС представляет уникальный правовой феномен, сложившийся в ходе развития европейской интеграции в рамках Европейских сообществ и ЕС, как результат реализации наднациональной компетенции институтов ЕС, в настоящее время в полном объеме определяет специфический правовую систему, порядок и правила поведения, сложившиеся на стыке международного и внутригосударственного права государств-членов, обладающую самостоятельными источниками и принципами, где автономность права подтверждена рядом решений Суда Европейских сообществ.

Список литературы

1. Амплеева Е.Е. Право Европейского союза: учебное пособие / Е.Е. Амплеева, Ю.П. Шубин. – СПб.: АНО ВО СЮА, 2018. – 88 с.
2. Тищенко Д.А. Этапы становления европейского союза, его проблемы и современное состояние / Д.А. Тищенко, З.Р. Битиева // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы. – 2019. – С. 180–184.
3. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 07.02.1992) // URL. https://base.garant.ru/2566557/ (дата обращения: 05.04.2023).
4. Солиев Р. А. История формирование Европейского союза / Р.А. Солиев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2018. – №. 1 (54). – С. 65–73.
5. Вершинина П. И. Место европейского права в системе международного права / П.И. Вершинина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – №. 6 (22). – С. 109–113.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПЕРИОДАМИ В РОССИИ

Летунова Елена Анатольевна, 2 курс, факультет «Мировая экономика и право»
Сибирский государственный университет путей сообщения
Наталья Борисова Колотыгина – научный руководитель, старший преподаватель

Современный мир, эпоха глобализации породили в нашей современности один из главных принципов – приоритет прав и свобод человека и гражданина. Российская Федерация – страна, в которой законодательно закреплено на уровне Конституции, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Весь государственный механизм построен на том, что выражение воли народа – основа этого государственного аппарата. Мы избираем чиновников на должности, имеем право проводить референдум, то есть осуществляем власть непосредственно и через органы власти, о чем и гласит Конституция РФ. Но на все эти действия возникает относительно философский вопрос: «Насколько безгранична свобода?». Ведь государство, предоставляя человеку весь объем прав, дает ему свободу на выполнение безграничного количества действий.

Очевидно, что законы и существуют для того, чтобы обеспечить сохранение прав человека, но при этом важно помнить об обязанностях каждого из нас.

Когда речь идет о любых правовых аспектах, важно всегда определиться с понятийным аппаратом. Что такое право вообще?

Право, по своей сущности, можно рассматривать с двух сторон. Первая заключается в том, что право есть регулятор общественных отношений, система общеобязательных норм и правил поведения. Второе определение заключается в том, что право – это законная возможность на совершение определенных действий. Так, выходит, что право – это возможность совершать действия в рамках закона. Раз наши права осуществляются в рамках закона, они всегда будут ограничены, но так и должно быть [1], потому что праву всегда предстоит обязанность субъекта. Таким образом, государство ограничивает права одного субъекта для обеспечения безопасности другого [2].

Права человека, по моему мнению, обусловлены в большей своей части конкретным историческим периодом, проходящим в данной стране. Мера свободы, которая может предоставляться лицу, зависит от ситуации в стране, экономических, политических и исторических особенностей. В России люди полностью были уравнены в правах сто лет назад – в результате Февральской революции. От первого свода законов - «Русской правды» - прошло тысяча лет. Поэтому предлагаю кратко рассмотреть реализацию прав человека в основных периодах истории России:

1. Права человека в дореволюционной России. До 1917 года трудно говорить о правах человека в России обобщенно, так как общество было четко разделено на сословия, объем прав, которых сильно отличался друг от друга. В условиях сословного деления, недавно отмененного крепостного права, жесткого разделения людей на классы – речь о правах можно вести с трудом.
2. Права человека в советской России. Этот период характеризуется появлением новой идеологии, вследствие чего у государства появляется цель – обеспечение всех равными правами, но все они были в приоритете в интересах общества, а не личности. Так, например, Конституция СССР 1924г. провозглашала из прав человека лишь национальную свободу, равенство, единое союзное гражданство. Впервые глава о правах и обязанностях граждан появилась лишь в Конституции 1936г [3]. Но, как считают многие историки, эти права были закреплены лишь формально. Далее, начиная с периода оттепели, мы начинаем замечать развитие идеи прав и свобод человека и гражданина. Так, в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР 1991г. признавались важнейшие положения, касающиеся личных, неотъемлемых прав и свобод. Например, в пункте 1 статьи 1 обозначено, что права и свободы человека принадлежат ему от рождения [4], далее следует большой перечень прав, который положил начало современной эпохе.
3. Права человека с современной России. Резкое развитие международных отношений, вхождение России в Совет Европы, возможность участия в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ), развитие своей концепции законодательства, принятие Конституции РФ 1993г., становление демократии – все это характеризует период, который логично определить, на мой взгляд, до 2022 года, по причине нарушения международных отношений с указанного года. Права человека на нашем этапе – основа государства. Демократия не может существовать без прав и свобод человека и гражданина.

Сейчас мы сталкиваемся с таким периодом нашей истории, при котором важно не просто обеспечить права человека, но и внимательно следить за их защитой [5]. И важно понимать, что под защитой «гражданина» я понимаю не просто защиту каждой личности, но и обеспечение безопасности государственной власти, потому что при дестабилизации власти происходит дестабилизация всего общества, следовательно, и личности. Подтверждению моих слов мы можем увидеть как в отечественном законодательстве, так и в международном.

Термин «ограничение» используется во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В этом основополагающем документе закреплено, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (пункт 2 статьи 29) [6]. Европейский Суд по правам человека в своей практике исходит из того, что ограничение должно быть вызвано острой общественной потребностью и подтверждено уместными и достаточными причинами, указанными органами власти [7].

Так, Конституцией РФ в статье 29 гарантируется свобода мысли и слова [8], но, погружаясь в конкретный период истории, которая происходит на наших глазах, мы видим необходимость в регулировании этой свободы. Так, например, лицо может высказывать свое мнение, но оно не может содержать оскорблений, разжигать межнациональную вражду, призывы к совершению беспорядков и прочее. Активно принимаются поправки в законодательство России, например, в Уголовный Кодекс РФ (далее – УК РФ) – усиливаются меры по обеспечению безопасности Российской армии, стабильности внутри страны. Уголовный Кодекс ужесточает наказание за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации. И на все эти события, вероятно, существует необходимость. Необходимость в обеспечении безопасности государства, безопасности всех граждан России.

Тем самым, обобщая все вышесказанное, я хочу сказать о том, что, на мой взгляд, важно понимать и осознавать, что права человека не безграничны. Они находятся в прямой конфронтации с обязанностями другого субъекта правоотношений, будь то человек, гражданин либо государство. Период, который в определенный момент проживает государство, играет важнейшую роль в реализации и доступности этих прав и свобод. На примере истории России мы это видим, и должны понимать, что в условиях классового неравенства, экономических трудностей права человека – одни, в условиях существования определенной идеологии – другие. На современном этапе свобода, права доступны в гораздо большей степени, по сравнению с более ранними периодами. Любое ограничение прав должно быть связано лишь с крайней необходимостью либо регулированием нормальной жизнедеятельности государства в целом. Считаю правильным закончить свои мысли следующими словами – любому праву корреспондирует обязанность, которая складывается из текущей обстановки.

Список литературы

1. Антонченко, В.В. Права человека и безопасность государства / В.В. Антонченко // Право: история и современность. – 2022. – №2. – С.193.
2. Лебедев, В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В.А. Лебедев // Lex Russia. – 2017. - №1. – С.132.
3. Права человека в России: история, теория и практика : учебное пособие / Д. Т. Караманукян [и др.] ; отв. ред. и авт. предисл. Д. Т. Караманукян // Омск : Омская юридическая академия, - 2015. – 46 с.
4. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина» / СПС КонсультантПлюс: [Доступ электронный] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/
5. Ягофарова, И.Д. Ограничение прав человека как основа обеспечения национальной безопасности / И.Д. Ягофарова // Бюллетень инновационных технологий. – 2020. – №2. – С.10.
6. Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III). Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26.04.1979 «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства» // Европейский Суд по правам человека : Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 198-230.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11- ФКЗ, от 14 марта 2020г. № 1- ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 1. — Ст. 4398.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО БЛОКА, ЕГО СТРУКТУРЕ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Литвинов Александр Викторович, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

В настоящее время в мире существует множество международных организаций, которые решают вопросы по направлениям, касающимся сферы жизни человечества, как экономической, так и политической. Наиболее остро на сегодняшний день стоят проблемы войны и мира, разоружения и разрешения военных конфликтов. Забота государств о своей безопасности привела к созданию военно-политических организаций, одной из которых стал Североатлантический договор, с принятием которого 4 апреля 1949 г. был создан НАТО. Цель его создания заключалась в объединении усилий стран-участниц для коллективной обороны, сохранения мира и безопасности, обеспечение свободы политическими и военными средствами в соответствии с принципами ООН.

История принятия Североатлантического договора и образования НАТО. Приступая к рассмотрению вопроса об истории создания НАТО необходимо отметить, что капитуляция фашистской Германии и окончание Второй мировой войны ознаменовало новую эпоху с изменившейся расстановкой сил на международной арене. Первое, на что стоит обратить в связи с этим внимание, это особенности военно-политического положения СССР в Европе после Второй мировой войны. Советская армия обладала наибольшей силой по сравнению с армиями других европейских стран, учитывая, что американские войска практически сразу ушли из Европы по окончании войны. Геополитические позиции СССР окрепли еще накануне Великой Отечественной войны за счет присоединения территорий в Прибалтике, на Западной Украине и в Белоруссии. Советский Союз имел серьезное влияние на коммунистические партии стран Восточной Европы. Все это повлекло за собой появление стратегической «фултонской речи» Черчилля в городе Фултон в 1946 году, содержание которой было посвящено описанию угроз со стороны Советского союза. Укрепление роли Советского союза на международной арене внушало страх представителям западной демократии. Указанная речь, по мнению многих

исследователей, и положила начало холодной войне. Следующим важным шагом на пути военно-политического альянса Европы и США, стал план Маршалла, инициированный в 1947 г. США, смысл которого состоял в том, чтобы Европа получила достаточное финансирование для восстановления хозяйства, разрушенного Второй мировой войной. Для США это было важно, поскольку как самой развитой экономической державе мира требовался торгово-финансовый партнер. В 1948 г. при активной роли СССР в странах Восточной Европы устанавливаются просоветские режимы. В том же году Советский Союз организует блокаду Западного Берлина, находившегося на территории подконтрольной СССР Восточной Германии. Одновременно странами Европы, при непосредственном участии США заключается Брюссельский договор 1948 г., куда вошли Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, который носил оборонительный характер и после обращения к США с просьбой присоединиться к европейским странам, возникла ситуация, способствовавшая возникновению НАТО, чем был значительно «усугублен раскол Европы. Уже в 1949 г. был заключен Североатлантический договор (г. Вашингтон) об образовании НАТО, которое стало готовить стратегические документы. В 1952 г. к Североатлантическому договору присоединились Греция и Турция, ФРГ вошла в состав НАТО в 1955 г. Позже, начиная с 1982 г. членом НАТО стала Испания. С 1999 г. в НАТО вступили Чешская Республика, Венгрия и Польша. С 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Эстония, Румыния, Словения, Словакия. Буквально недавно присоединилась Финляндия, став 31 страной-участницей НАТО [1]. Становление системы основных руководящих органов НАТО проходило в период с 1949 по 1966 год. В сентябре 1949 г. был учрежден высший политический орган блока – Совет НАТО. В соответствии с решением Лиссабонской сессии Совета НАТО в 1952 г. были созданы постоянные консультативные и исполнительные структуры. Параллельно с высшими руководящими органами НАТО создавались объединенные вооруженные силы блока и система управления ими. В апреле 1952 г. учреждено верховное главное командование ОВС НАТО на Атлантике (Норфолк, США) во главе с американским адмиралом. В 1955 г. создается Североатлантическая ассамблея (межпарламентская организация, объединяющая парламентариев государств-членов блока и так называемые ассоциированные делегации от стран-партнеров). В 1961 г. началось формирование объединенной системы ПВО в Европе. Со второй половины 1960-х гг. проводились мероприятия по укреплению флангов территории НАТО. С середины 1960-х гг. руководство Североатлантического союза приступило к практическому созданию ядерных сил и к формированию органов управления ими. В ноябре 1965 г. был создан Комитет ядерного планирования. К началу 70-х гг. были разработаны и реализованы меры, направленные на повышение оперативности, гибкости и эффективности системы управления блока [2]. Таким образом, НАТО стало не только крупным военно-политическим образованием между Западно-Европейскими странами и США после окончания Второй мировой войны, но и важной стратегической силой и инструментом влияния на международные отношения.

Деятельность НАТО и ее правовая основа. Статья 52 Устава ООН предусматривает возможность создания региональных соглашений или органов для поддержания мира и безопасности в регионе при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами ООН. Исходя из этого в 1949 году была создана организация Североатлантического договора, ставшей одной из крупнейших международных организаций, преследующих две основных цели: *устранение угрозы военной составляющей* направленной против СССР и других стран Социалистического лагеря; *усиление политического, экономического и военного влияния* США на страны Западной Европы, где Североатлантический союз стал военно-политической структурой европейских государств, США и Канады, который на современном этапе развития международных отношений, превратился в основную структуру, отвечающую за реализацию планов продвижения демократии и урегулирование кризисов практически во всех регионах мира [3]. Особенностью НАТО в отличие от других военных коалиций государств является наличие объединенных вооруженных сил (ОВС), а также постоянно действующих руководящих центральных и региональных органов управления с многочисленным рабочим аппаратом, сфера деятельности которых охватывает военную, военно-политическую и военно-экономическую области, а кроме того, затрагивает внешнюю и внутреннюю политику стран блока. Как следует из текста Североатлантического договора 1949 года, договаривающиеся страны преследовали цель укрепления стабильности и повышения благосостояния в Североатлантическом регионе, создать на его территории коллективную оборону и сохранить мир и безопасность [4]. В своей деятельности участники договора, согласно ст. 1, обязуются мирно разрешать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международные мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН, закрепленным в Уставе Организации Объединенных Наций. Вооруженное нападение на одну из договаривающихся сторон или несколько из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом, что последует за собой применение мер индивидуальной или коллективной самообороны. НАТО уполномочен проводить операции по урегулированию кризисных ситуаций посредством миротворческих операции (по предупреждению конфликтов, установлению мира, принуждению к миру, поддержания мира, стабилизации мира, гуманитарные) и других действий по ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф, эвакуации мирного населения, а также поисково-спасательные действия. Стратегическая концепция, опубликованная в 1999 г., к первостепенным задачам НАТО была отнесла необходимость: *выступать основой стабильности* в Евроатлантическом регионе и форумом для проведения консультаций по проблемам безопасности; *осуществлять сдерживание* и защиту от любой угрозы агрессии

против любого из государств-членов НАТО; *способствовать эффективному предотвращению* конфликтов и активно участвовать в кризисном регулировании; *содействовать развитию* всестороннего партнерства, сотрудничества и диалога с другими странами Евроатлантического региона [5]. Однако, исходя из наличия в НАТО внутренних проблем и выявленное в 2024 г. некоторое отсутствие единства внутри блока, когда не все граждане Европы смогли принять идею о необходимости санкционного давления на РФ, полагая, что это противоречит национальным интересам самой Европы и перспективам экономического взаимодействия держав. Сюда можно отнести и активные пацифистские действия Президента Турции Реджепа Эрдогана, который неоднократно указывал на то, что США спонсирует террористические организации и не выполняет установленные договоренности, взаимодействие Турции и России в области военно-технического сотрудничества и в урегулировании сирийского конфликта, довольно прямо свидетельствующие, что Турция все больше отдаляется от НАТО, а НАТО отдаляется от Турции. Большое внимание со стороны стран ЕС и США уделялось также проекту «Северный поток-2», который в очередной раз подтвердил идею о том, что государства НАТО руководствуются не только интересами альянса, но и собственными национальными интересами. Магистральный газопровод из России в Германию через Балтийское море вызвал, прежде всего, негодование внутри Соединенных Штатов. К удивлению мирового сообщества, Америка даже заявила о введении санкций против Германии в случае продолжение развития проекта. Можно сказать, что проект газопровода разделил европейские страны на три лагеря: *первый* – страны, которые заинтересованы в работе газопровода и принявшие финансовое участие в его постройке; *второй* – страны, по сопредельной территории которых проходит газопровод (Балтия и Восточная Европа); *третий* – страны, не имеющие отношения к проекту [6].

Структура НАТО. Цели, поставленные перед НАТО, а вернее их достижение, требует существования определенной структуры данной региональной межправительственной организации безопасности закрытого типа, для вступления в которую необходимо приглашение и согласие её первоначальных членов. Руководящими политическими органами НАТО выступают Североатлантический совет, Политический и Экономический комитеты, Секретариат во главе с Генеральным секретарем. Как следует из информации, размещенного на официальном сайте НАТО, Североатлантический совет является главным политическим руководящим органом НАТО, контролирующим военно-политический процесс, связанный с вопросами безопасности. В своем составе он объединяет представителей каждого государства-члена для обсуждения вопросов политики или оперативных вопросов, требующих совместного решения, является форумом для проведения широких консультаций между государствами-членами НАТО по всем вопросам, касающимся мира и безопасности этих государств. Североатлантический совет как единственный орган, учрежденный в соответствии с Североатлантическим договором (ст. 9) создан *для рассмотрения вопросов, касающихся выполнения Договора и обязуется создавать вспомогательные органы, в которых может возникнуть необходимость, к которым относится комитет обороны, которому надлежит давать рекомендации относительно мер, направленных на выполнение (ст. 3 и 5).* Заседания его постоянных представителей должны проводится с частотой не менее одного раза в неделю; на уровне министров иностранных дел – не реже двух раз в год; на уровне министров обороны, с участием премьер-министров и глав государств и правительств – не реже чем три раза в год. При этом частота проведения заседаний может меняться в зависимости от потребности организации в обсуждении международной обстановки и событий. Секретариат Североатлантического Совета формируется из состава сотрудников соответствующих отделов и подразделений Международного секретариата, и, в частности, Исполнительного секретариата, который выполняет координационную функцию и следит за выполнением поручений Совета, регистрацией его решений и их рассылкой. Военная структура отличается мощностью и разнообразием: Комитет военного планирования (министры обороны стран-членов), Военный комитет (начальники национальных военных штабов), Комитет оборонного планирования, Группа ядерного планирования, Комитет ядерной обороны, международный военный штаб, Верховный главнокомандующий союзными силами в Европе и Атлантике [7 – С. 481]. Комитет военного планирования, который обычно состоит из постоянных представителей, однако не реже двух раз в год его заседания проводятся на уровне министров обороны. Он занимается решением большинства военных вопросов и проблем, относящихся к планированию коллективной обороны. В этом органе представлены все государства-члены Североатлантического союза. Комитет военного планирования направляет деятельность органов военного управления НАТО и в вопросах, входящих в его компетенцию и в пределах своих полномочий, выполняет те же функции, имеет те же отличительные черты и обладает теми же полномочиями, что и Североатлантический Совет. Работа Комитета военного планирования готовится рядом подчиненных комитетов, имеющих конкретную сферу обязанностей, и, в частности, комитетом по анализу вопросов обороны, который наблюдает за процессом планирования строительства вооруженных сил в НАТО и рассматривает другие вопросы, относящиеся к объединенной военной структуре. Министры обороны стран НАТО, участвующие в работе Комитета военного планирования, проводят регулярные заседания в рамках Группы ядерного планирования, где обсуждают конкретные вопросы политики, связанной с ядерными силами. При этом ядерная политика НАТО находится в процессе постоянного анализа, и решения о ее видоизменении или адаптации в свете новых событий принимаются совместно с последующим обновлением или видоизменением процедур планирования или консультаций. Военный комитет отвечает за предоставление рекомендаций руководящим политическим органом НАТО по мерам, которые считаются необходимыми для коллективной обороны зоны ответственности НАТО. Его главная роль

заключается в обеспечении общего направления и консультирования по всем вопросам военной политики и стратегии, направляя деятельность главных командований НАТО по военным вопросам и оказывая содействие в разработке общих стратегических концепций НАТО. Основным органом в военной структуре НАТО, отвечающим за планирование и оценку военных вопросов, а также за рекомендации по военной политике, представляемые на рассмотрение Военного комитета, является Международный военный штаб, обеспечивающий работу Военного комитета, который готовит и выполняет его решения, а также активно участвует в процессе сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы в рамках Программы «Партнерство во имя мира» [8]. В подчинение Международного штаба находятся отвечающие за отдельные направления деятельности пять отделов, в числе которых: *отдел разведки*, координирующий подготовку и распространение согласованных в НАТО разведданных, включая принципы ведения разведки и основные разведывательные документы; *оперативный отдел*, обеспечивающий работу Военного комитета при разработке текущих оперативных планов и решений вопросов строительства вооруженных сил НАТО и военного управления; *отдел планирования и политики,* занимающийся вопросами разработки и координации той части военной политики и стратегического планирования, за которую отвечает Военный комитет; *отдел сотрудничества и региональной безопасности,* который является центром осуществления военных контактов и сотрудничества в рамках Совета евроатлантического партнерства (СЕАН) и Программы «Партнерство во имя мира», отвечающий за разработку штабной работы МВШ по вопросам, связанным с СЕАП и Программы «Партнерство во имя мира»; *отдел материально-технического обеспечения, вооружений и ресурсов*, отвечающий за разработку и оценку военной политики и процедур НАТО по вопросам, касающимся личного состава, ресурсов, военных бюджетов, инфраструктуры, планирования и сотрудничества в области вооружений, а также стандартизации, а также за оперативное, производственное и материально-техническое обеспечение [9].

Взаимоотношения НАТО и России. Проблема отношений России и НАТО в современности стала одной из приоритетных не только в европейской, но и в мировой политике. Сдерживание СССР (России) было ключевой задачей военно-политического блока НАТО, заложенной в саму идею организации с начала его существования. Однако с окончанием «холодной войны» произошли кардинальные позитивные сдвиги в отношениях Советского Союза и стран Запада, начались активные попытки построения нового миропорядка на основе «общечеловеческих ценностей», были заключены новые соглашения по контролю над вооружениями, в том числе направленные на резкое сокращение вооружений в Европе, согласована целая система военных мер доверия. В новых условиях, как считают отдельные ученые, стали размываться основы идеологизированного противостояния СССР и Запада, а блоку НАТО пришлось заметно сократить объемы и интенсивность военной деятельности, ориентированной на военное противоборство на Востоке. Однако вскоре была запущена стратегия географического расширения блока на Восток, серьезно подорвавшая перспективу сотрудничества, прочного, стабильного и долговременного партнерства с Москвой, базирующегося «на основе общих интересов, взаимности и транспарентности», о чем говорилось в совместных документах России и НАТО. Политика расширения НАТО рассматривается российским политическим и военным руководством как угроза национальной безопасности. Остро обсуждался вопрос о вступлении Украины в НАТО, которая в 1992 г. присоединилась к Совету Североатлантического сотрудничества, в 1994 г. стала участником программы «Партнерство ради мира», а в 1997 г. подписала документ под названием «Хартия об особом партнерстве между НАТО и Украиной» [10]. С марта 2018 г. она стала официальным кандидатом на членство в НАТО, получив в 2020 г. статус партнера с расширенными возможностями. Президент РФ в своих выступлениях неоднократно отмечал, что под предлогом учений на территории Украины практически постоянно присутствуют военные контингенты стран НАТО, а система управления украинскими войсками уже интегрирована со штабами подразделений НАТО. Проведение специальной военной операции, начавшейся 24 февраля 2022 г. Фактически подтверждает, что руководство НАТО практически использует территорию Украины, как театр военных действий между Российским ограниченным воинским контингентом и НАТО, которое накачивает оружием украинские военные подразделения. Продолжается борьба за Черное море, которое является единственным доступом для нашей страны в незамерзающе воды, военные действия в акватории которого и запрет доступа к водным просторам будет угрожать коммерческому судоходству, экономическому, культурному и иному сотрудничеству с иностранными державами, составляющие значительную угрозу суверенитету России. Эти угрозы нивелируются активной политикой наших дипломатов под руководством политического руководства страны, принятием различных мер, включая разносторонние договоренности, к примеру, касающихся «Зерновой сделки», в том числе установления границ полетных зон над акваторией черного моря, в которых предписывается запрет полетов иностранных воздушных объектов. При этом инцидент, произошедший в марте 2023 с беспилотным аппаратом США, проигнорировавшим установленный требования и значительно углубившемуся в запретную зону, последствием которого стало его приводнение и разрушение, стали доказательством решимости отстаивания Россией своего суверенитета и препятствование нарушению кем быто ни было, установленных «красных» линий. Сейчас беспилотные аппараты США осуществляют полеты в пределах свободной зоны и не приближаются к пределам запретной зоны, обозначенной 150 километрами.

В качестве итога можно отметить, что появлению НАТО способствовала «фултонская речь» Черчилля, 1946 г., ставшего точкой отсчета для принятия Североатлантического договора, заключенного в 1949 г. Специфики деятельности НАТО состоит в том, что правовыми основами его создания были стратегические

цели по устранению угрозы и усиление политического, экономического и военного влияния США на страны Западной Европы, которые в своей совокупности были направлены непосредственно против СССР, при этом, запущенная после распада СССР стратегия географического расширения НАТО серьезно подорвала перспективу установления добрососедских отношений и сотрудничества с Россией, когда такое расширение «на–Восток» рассматривается российским политическим и военным руководством как угроза национальной безопасности. И Россия должна принимать должные меры по обеспечению суверенитета страны, ее территориальной целостности и безопасности ее граждан.

Список литературы

1. Корольков Е. А. Создание НАТО как средство противостояния СССР после окончания второй мировой войны / Е.А. Корольков // Гуманитарный трактат. – 2018. – №. 37. – С. 7–9.
2. Витров В. История создания и основные этапы развития Североатлантического союза / В. Витров // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – №. 4. – С. 3–15.
3. Костюков И. О. Состояние и перспективы развития Североатлантического союза / И.О. Костюков // Военная мысль. – 2021. – №. 8. – С. 149–154.
4. Североатлантический пакт (Вашингтон, 04.04.1949) // URL: https://base.garant.ru/2541116/ (дата обращения 05.04.2023).
5. Стратегическая концепция Североатлантического союза (одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г.) // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official texts 27433.htm (дата обращения 05.04.2023).
6. Харичков В. В. Внутренние проблемы североатлантического альянса на современном этапе / В.В. Харичков // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира. – 2018. – С. 257–259.
7. Лазутин Л. А. Международное право: учебник / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. – Москва: Норма: ИНФРА–М, 2023. – 656 с.
8. Соглашение между государствами-участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил (Брюссель, 19.06.1995) // Собрание законодательстве Российской Федерации. – 2008. – № 6. – ст. 445.
9. Туякбаева Н.С. Структура и компетенция военных органов НАТО / Н.С. Туякбаева // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. – 2019. – Т. 54. – №. 2. – С. 163–166.
10. Комлева А. Л. Обзор правовых предпосылок расширения НАТО / А.Л. Комлева // Океанский менеджмент. – 2022. – №. 1 (15). – С. 16–20.

О ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНЫХ АКТОВ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПУТЯХ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Литвинова Полина Александровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Международная защита прав человека представляет отрасль международного права, принципы и нормы которой регулируют взаимодействие субъектов международного права, которое осуществляется с целью обеспечения защиты общепринятых положениях о правах и свободах различных категорий и групп людей, правах любого индивидуума, отдельного взятого человека. Международные обязательства государств постоянно расширяются как в связи с принятием новых договоров, так и с происходящими изменениями содержания принципов и норм международного права. При этом все участники международного общения, обязаны выполнять общепризнанные принципы и нормы международного права и положения международных договоров и соглашений.

Понятие, принципы и основные положения о международных правах человека. Всякое право человека с юридической точки зрения субъективно. Субъективные права при этом, представляют гарантированную государством меру возможного, дозволенного и допустимого правила (нормы) поведения личности. Субъективными называются права потому, что они принадлежат отдельным субъектам, при этом, их использование зависит от воли этих субъектов. Основным свойством прав человека считается то, которое определяет их направление на обеспечение обладанием благами, без которых человек не может существовать, включая: жизнь, достоинство, личную неприкосновенность, свободный труд и иные, наиболее ценные блага [1–С.100]. Одним из важнейших, обладающим универсальными свойствами международным актом, провозглашающим общечеловеческие ценности в области прав человека, признается «Всеобщая декларация прав человека» принятая в ходе заседания Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г. Главным достоинством которой считается то, что в нем объединены все положения, затрагивающие личные права человека, определены границы возможного вмешательства государства и его органов в сферу личных прав человека не допускающие произвола. Первым в истории международным договором, заложившим основу сотрудничества государств по правам человека, вполне обоснованно считается Устав Организации

Объединенных Наций, отдельные положения которого представляют сводную международно-правовую базу определяющую порядок и правила поведения в сфере защиты прав человека [2]. Международные права человека содержат специальные принципы определяющие в том числе: равенство всех граждан перед законом и судом; обязанность государств закрепить в национальном государстве международные стандарты прав и свобод человека; запреты всех видов принудительный труд и форм дискриминации; защиту граждан вне зависимости от из места нахождения и проживания; особую защиту прав наиболее уязвимых в социальном плане категорий граждан; ответственность государства и его органов за нарушение прав и свобод человека [3–С. 218].

Основные способы и формы реализации международно-правовых норм в российской правовой системе. За период новейшей истории России были приняты существенные меры по обеспечению гарантий основных прав и свобод человека, при этом государством признан естественный характер прав человека, оформленный в виде конституционной нормы (ст. 17), подтвердившей, что они неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Справедливо считать, что именно конституционная норма (ч.4 ст. 15) впервые весьма четко и на столь высоком уровне закрепила один из главных принципов, положенных в основу формирования демократического правового государства: признание ратифицированных международных договоров, общепризнанных принципов и норм международного права, в частности, затрагивающих права человека, составной частью российской правовой системы. Этот принцип непосредственно проявляется в обязательности исполнения положений международных договоров, касающихся в том числе прав и свобод человека, в принятии мер, направленных на внесение соответствующих международно-правовых стандартов в акты национальной правовой системы. При этом в случае обнаружения, что в международном договоре содержаться иные правила, чем предусмотренные актами национального законодательства, то применяются правила международного договора. Так, доктриной международного права, актами национального права, практикой международного общения применительно к способам и формам реализации положений международного права и закреплении их в национальном законодательстве используются такие термины как: имплементация, принятие, гармонизация, инкорпорация, отсылка, рецепция и прочие [4–С.88].

Наиболее предпочтительным способом, определяющим правило включения международных норм в национальную правовую систему, считается ратификация международных соглашений, изданных в виде конвенций, пактов и т.д. с их последующей имплементацией (трансформацией). Подобные действия позволяют полно раскрыть сущность рассматриваемых международных положений и разработать национальный комплекс мер по защите прав человека. Необходимо обратить внимание, что среди элементов международного права, оказывающих воздействие на национальное законодательство в сфере защиты прав человека, особое место занимают решения международных судов, рассмотревших вопросы, касающиеся сферы прав и свобод человека, которые закреплены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Здесь необходимо сослаться на практику Верховного Суда РФ, который в постановлении Пленума

от 27 июня 2013 г. № 21[5] определил порядок применении судами общей юрисдикции положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., указав, что правовые позиции международных судов, принятые по результатам рассмотрения дел, касающихся прав человека должны учитываться при применении законодательства РФ. При этом, в ходе пересмотра судебных актов в связи с нарушением Конвенции 1959 г. (п. 20) суды обязаны учитывать позицию международного суда. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в современной действительности основное влияние на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина оказывают международные договоры, ратифицированные РФ, и общепризнанные принципы (нормы) международного права. Так, для того, чтобы имплементируемый договор оказал благотворное влияние на содержание и развитие национального законодательства, необходимо чтобы предмет его правового регулирования максимально и полно соответствовал предмету регулирования актами национальной правовой системы, при этом положения международного договора могут быть конкретизированы в национальных правовых актах, как принятых непосредственно под исполнение, так и в действующих, которые требуют некоторой корректировки, они также могут быть включены в национальный законодательный акт в виде отсылки.

Здесь нельзя не оставить без внимания правовую позицию (п.3), выраженную в практике Верховного Суда РФ [5], в части касающейся отдельных положений закона о международных договорах, в которой заявлено, что положения официально опубликованных международных договоров, не требующих издания нормативных правовых актов для применения, действуют на всей территории РФ непосредственно, при этом для осуществления иных положений международных договоров могут быть приняты соответствующие законы и иные нормативные правовые акты.

Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22.11.1991 года. В период перестройки, социальных и политических противоречий в СССР, Съездом народных депутатов, была принята Декларация прав и свобод человека. Чуть позже, 22 ноября 1991 г., Российской Федерацией был принят аналогичный документ [6]. Согласно Декларации 1991 г. стороны договора обязывались нести ответственность за обеспечение прав и свобод, определенных в тексте документа (субсидиарная ответственность сторон). Она подтверждала ряд основополагающих принципов правового положения личности, получивших закрепление в международно-правовых документах о правах человека, ее положениями была подтверждена обязанность

государства гарантировать равенство прав и свобод независимо от расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Она провозгласила равные права и свободы мужчин и женщин и предусмотрела юридическую ответственность по закону лиц, виновных в нарушении равноправия граждан (ст. 3). Большая часть положений Декларации 1991 г. была включена в тест Конституции РФ, и нашла отражение во второй главе «Права и свободы человека и гражданина», представляя непосредственную гарантию реализации и защиты нормативно закрепленных в ней прав и свобод. Так, к примеру, положения ст. 8 Декларации 1991 г. и ст. 22 Конституции РФ написаны по разному, однако их суть едина и определяет, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность, заключение под стражу и лишение свободы допускаются исключительно на основании судебного решения». Подобных примеров в текстах упомянутых документов можно привести достаточное количество, чтобы утверждать о влиянии международных норм о правах человека на российское законотворчество.

К положительным чертам Декларации 1991 г. можно отнести положения, закрепляющие: отражение общечеловеческих интересов и отечественного опыта; официальный «переход» прав человека из политической и международной проблемы в правовую и внутригосударственную; признание прав человека неотчуждаемыми, принадлежащими личности от рождения (п.1 ст.1); признание приоритета международных стандартов в области прав человека перед национальным законодательством (п.1 ст.2); признание международных норм непосредственным источником прав российских граждан (п.2 ст.1); призыв к созданию правовых законов, отражающих идею прав человека и справедливости; законодательное установление критериев возможных ограничений прав человека (п.2 ст.2). Это перечисление положительных моментов предоставляет возможность прийти к выводу о том, что в Декларации 1991 г. были провозглашены ценности, составляющие неотъемлемое свойство любой высокоразвитой общественной структуры, правового, конституционного государства.

Действие международных норм о правах человека в российском законодательстве. Декларация 1991 г. послужила основой для закрепления в законодательных актах РФ многих положений, касающихся прав и свобод человека и гражданина. К примеру можно привести нормы, содержащиеся в: Трудовом, Гражданском, Уголовном и Уголовно-процессуальный кодексах, а также в иных нормативных правовых актах, закрепляющих и гарантирующих защиту установленных в них прав и свобод человека и гражданина, в числе которых акты регулирующие социальные, культурные, политические и иные права. *Трудовой кодекс* – в действующем документе установлены основные принципы правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, которые основаны на общепризнанных принципах, нормах международного права и конституционно закрепленной норме (ст. 2 ТК РФ). Рассматривая сходные положения Декларации 1991 г. и Трудового кодекса 2001 г. можно прийти к выводу, что оба документа провозглашают и защищают установленные в них права человека, к которым относятся: свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжения своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности; запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда; защита от безработицы и содействие в трудоустройстве; равенство прав и возможностей работников (ст. 23 Декларации 1991 г., ст. 2 ТК РФ). Также закреплено право на отдых и установлены гарантии продолжительности рабочего времени, еженедельных выходных и праздничных дней, оплачиваемый ежегодный отпуск, сокращенный рабочий день для ряда профессий и работ, подтверждая таким образом идею свободы труда положенную в основу конституционной нормы, определяющей право каждого человека свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род занятий и профессию. *Гражданский кодекс.* Согласно Декларации 1991 г. (ст. 21) каждый имеет право быть собственником, при этом владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом и другими объектами собственности как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Право наследования гарантируется законом. Каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом. Подобные положения отражены в разделах 2, 5 и закреплены в статье 23 Гражданского кодекса [7]. Права относительно собственности, имущества, его наследования и др., казалось бы недостаточно полно отраженные в Декларации 1991 г. нашли свое отражение и достаточно широко раскрыты в тексте Гражданского кодекса, в соответствии с конституционными нормами, согласно которым каждое лицо также вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. *Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс.* В действующем уголовном (ст. 5) и уголовно-процессуальном законодательствах (ст. 14) закреплен принцип презумпции невиновности, который означает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, при этом обвиняемое лицо не обязано доказывать свою невиновность, эти обязанности лежат на стороне обвинения, а неустранимые сомнения в виновности этого лица в конкретном преступлении толкуются в его пользу [8]. Рассмотренный принцип, как и многие из положений уголовного и уголовно-процессуального законодательств имеют в своей основе положения международных договоров, которые закрепляют правила, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина.

В качестве заключения можно отметить, что рассмотренный перечень нормативных правовых актов не являются исчерпывающими, поскольку влияние международных правовых норм в области прав и свобод человека на современную национальную правовую систему достаточно велико, а процессы, происходящие в

современности, непосредственно влияют на национальную правовую систему и, требуют реализации положений международных соглашений на практике. При этом основное влияние на содержание и развитие российского законодательства по защите прав человека и гражданина оказывают международные договоры, ратифицированные РФ, а также общепризнанные принципы (нормы) международного права.

Список литературы

1. Гулин, Е. В. Международное право : учебное пособие / Е.В. Гулин. — 2-е изд., испр. и перераб. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. – 176 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – DOI: https://doi.org/10.29039/1778-4. – ISBN 978-5-369-01778-4. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1911159 (дата обращения: 26.03.2023). – Режим доступа: по подписке.
2. Зайнуллина, Д. А. Международные стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина / Д. А. Зайнуллина // Научные исследования: ключевые проблемы III тысячелетия: Сборник научных трудов по материалам XXV Международной заочной научно-практической конференции, Москва, 02–03 мая 2018 года. – Москва: "Научные публикации", 2018. – С. 70-72.
3. Абашидзе, А.Х. Международное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Н.Д. Эриашвили, Д.Д. Шалягин, Ю.А. Кузнецов [и др.] ; под ред. А.Х. Абашидзе, К.К. Гасанова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 519 с. – ISBN 978-5-238-03025-8. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1027110 (дата обращения: 26.03.2023). – Режим доступа: по подписке.
4. Гришкевич, О. В. Влияние международных договорных норм в сфере прав человека на национальное правотворчество / О. В. Гришкевич // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика : Сборник научных статей участников VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Коломна, 23 марта 2018 года. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2018. – С. 87-96.
5. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 21 // Российская газета. – 2013. – № 145.
6. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. – 2003. – № 244.
7. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – ст. 1865.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ, 1994. – № 32. – ст. 3301.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I) . – ст. 4921.

ОБ АНТАРКТИКЕ, ЕЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУСЕ И ОБЩИХ ПРОБЛЕМАХ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ

Лутфуллина Ксения Артемовна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Территориальная и пространственная целостность Антарктического континента важна не только с исследовательской точки государств, которые проводят научные изыскания, но и с точки зрения межгосударственной урегулированности этих вопросов, установления порядка и правил поведения н этих территориях и прилегающих к ним водных пространств. Антарктика в историческом аспекте была источником самых удивительных гипотез, теорий, фантазий и наряду с этим – конфликтов. В международном праве под Антарктикой понимается часть земного шара, южнее 60 градусов южной широты, которая включает материк Антарктиду, прилегающие к материку острова, шельфовые ледники, воды открытого моря и его морское дно и недра до названной параллели.

Возникновение и формирование международно-правового режима Антарктики. Территориальные претензии в Антарктике – это претензии различных государств на территориальный суверенитет в южном полярном регионе Земли. Еще в начале XX столетия некоторые страны начали предъявлять претензии на разные участки Антарктики. Инициативу взяла в свои руки Великобритания, утверждая это вкладом в дело исследования материка, а также близостью уже принадлежавших им Фолклендских островов. Но на этом Великобритания не остановилась, и в 1917 г. объявила своим весь сектор континента между 20° и 80° западной долготы. Следом за Великобританией свои претензии стали предъявлять Австралия, Новая Зеландия, Франция, Норвегия, Чили и Аргентина, из-за чего в 1948 г. США предпринимает установить международно-правовой статус Антарктике. США, как одна из двух супердержав после завершения Второй мировой войны, выражала

серьезную озабоченность новой угрозой международной напряженности, создавшейся в Антарктиде. В связи с этим США и предложили провести международную конференцию для обсуждения возможного управления этим регионом. Однако правительства Аргентины, Чили и Норвегии, не желая попасть под диктат США и сохранить свой национальный суверенитет в Антарктике, отказались от участия в этой конференции. Это привело к возникновению вооруженных конфликтов между Великобританией и Аргентиной в районе Южных Шетландских островов [1]. СССР не был приглашен на этот форум по причине отсутствия какой-либо деятельности на Антарктике, из-за чего в начале 1949 г. на общем собрании Всесоюзного географического общества его председатель академик Л.С. Берг выступил с докладом "Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней". В качестве результата данной дискуссии была принята резолюция, осуждающая попытки других стран монополизировать свою деятельность в Антарктике. Так, раздел Антарктики смогли прекратить только в 1959 г., когда был подписан Договор об Антарктике, который закрепил собой основные положения, регулирующие деятельность государств на территории Антарктики, а также со временем с принятием неких дополнений (приложений) к данному договору. Технически право претендовать на территории в Антарктике сохраняется только за двенадцатью государствами (Договаривающимися Сторонами — по тексту документа), подписавшими Договор об Антарктике 1 декабря 1959 г., т.е. за Австралией, Бельгией, Великобританией, Новой Зеландией, Норвегией, Россией (как правопреемницей СССР), США, Францией, ЮАР, Японией, Аргентиной и Чили. В настоящее время территориальные претензии на шестой континент выдвигают (но, согласно договору, не могут осуществлять) Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Франция, Аргентина и Чили [2]. Таким образом, при открытии и исследовании Антарктики и прилегающих к ней территорий, страны, которые повлияли на исторический ход событий по исследованию новых территорий в мире, начали со временем предъявлять свои претензии на расширение территорий, с связи с чем США предложил установить международно-правовой статус Антарктики, хотя по - прежнему преследует свои цели по ее завоеванию наравне с некоторыми странами.

Система международных соглашений об Антарктике. В 1959 г. был заключен Договор об Антарктике Правительствами Аргентины, Австралии, Бельгии, Чили, Французской Республики, Японии, Новой Зеландии, Норвегии, Южноафриканского Союза, Союза ССР, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки, который установил особый международно-правовой режим над данной территорией. В соответствии со ст. IX Договора об Антарктике представители Договаривающихся Сторон будут собираться впоследствии через промежутки времени и в местах, которые будут ими определены, с целью обмена информацией, взаимных консультаций по вопросам Антарктики, представляющим общий интерес, а также разработки, рассмотрения и рекомендации своим правительствам мер, содействующих осуществлению принципов и целей настоящего Договора, включая меры относительно: использования Антарктики только в мирных целях; содействия научным исследованиям в Антарктике; содействия международному научному сотрудничеству в Антарктике; содействия осуществлению прав инспекции, предусмотренных в статье VII настоящего Договора; вопросов, касающихся осуществления юрисдикции в Антарктике; охраны и сохранения живых ресурсов в Антарктике [3]. При этом в данной статье не содержится каких-либо конкретных указаний о сроках и периодичности проведения таких мероприятий. Примечательно, что нет информации об этом и в Правилах процедуры КСДА. Договор об Антарктике закрепляет также следующие положения: *на территории Антарктики запрещаются* любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия. Однако разрешается использование военного персонала или оснащения для научных исследований или для любых других мирных целей (ст. I); *положения о Договора применяются к району* южнее 60 параллели южной широты, включая все шельфовые ледники, но ничто в настоящем Договоре не ущемляет и никоим образом не затрагивает прав любого государства или осуществления этих прав, признанных международным правом в отношении открытого моря, в пределах этого района (ст. VI). В 2000 г. МГК выделила Южный океан как особое водное пространство, и на данную акваторию стали распространяться положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и Договора об Антарктике 1959 г.: каждая из договаривающихся сторон, имеет право назначать наблюдателей для проведения любой инспекции, предусмотренной настоящей статьей (ст. VIII); *положения Договора могут* быть изменены или в него может быть внесена поправка в любое время по согласию всех Договаривающихся сторон, представители которых имеют право участвовать в совещаниях, предусмотренных статьей IX (ст. XII) [4].

Охрана Антарктических территорий и окружающей среды. Для обеспечения всеобъемлющей охраны окружающей среды Антарктических территорий, сохранности их экосистем, 4 октября 1991 г. в городе Мадрид (Испания) был подписан Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике, вступивший в силу в 1998 г. и закрепляющий: *важность в урегулировании* природоохранного режима и режима освоения Антарктических районов, в котором детально прописаны природоохранные принципы (ст. 3 Протокола); *сотрудничество сторон* (ст. 6 Протокола); *оценка воздействия* на окружающую среду (ст. 8 Протокола); *положения о Консультативных* совещаниях по Договору об Антарктике (ст. 10 Протокола); *положения о Комитете* по охране окружающей среды (ст. 11 Протокола); *положения о инспекциях* (ст. 14 Протокола); *ответственность сторон* (ст. 16 Протокола); *урегулирование споров* (ст. 18 Протокола) [5]. Также к Договору об Антарктике была подписана Конвенция о сохранении антарктических тюленей (1972 г.) и Конвенция по сохранению антарктических морских живых ресурсов (1980 г), которая включает приложение, где указаны

принимаемые сторонами меры по сохранению, и гуманному использованию запасов тюленей, определяя: допустимую добычу; охраняемые и неохраняемые виды; открытые и закрытые сезоны; открытые и закрытые районы, включая перечень заповедников; установление специальных районов, где тюленей не будут тревожить; лимиты по полу, размеру или возрасту для каждого вида; ограничения, связанные с временем дня и продолжительностью промысла, промысловым усилием и методами промысла тюленей; типы и технические данные орудий лова, установок и приспособлений, которыми можно пользоваться; сведения о добыче и другие статистические и биологические данные; процедуру для облегчения анализа и оценки научной информации; другие меры регулирования, включая эффективную систему инспекции [6]. В соответствии со ст. 4 Конвенции независимо от положений Конвенции, любая из сторон может выдавать разрешения на забой или отлов тюленей в ограниченных количествах в соответствии с задачами и принципами Конвенции в целях: для обеспечения необходимого питания для людей или собак; для проведения научных исследований; для получения музейных образцов, научных или культурных учреждений. В соответствии со ст. 1 Конвенции 1980 г. ее положения применяются к антарктическим морским живым ресурсам района к югу от 60° южной широты и к антарктическим морским живым ресурсам района, где "Морские живые ресурсы" означают популяции плавниковых рыб, моллюсков, ракообразных и всех других видов живых организмов, включая птиц, обитающих к югу от Антарктической конвергенции. Таким образом, система международных соглашений, регулирующих международно-правовой статус Антарктики включает в себя: Договор об Антарктике, Протокол об охране окружающей среды, Конвенцию о сохранении антарктических тюленей и Конвенцию по сохранению антарктических морских живых ресурсов. Договор об Антарктике является основных международным договором, регулирующим международный статус Антарктики, а остальные договоры – его дополнениями [7].

Международные органы по координации сотрудничества в Антарктике. Систему международных соглашений об Антарктике регулируют несколько органов: *Секретариат Договора об Антарктике* – сферами деятельности организации были провозглашены: проведение и организация ежегодных Консультативных совещаний по Договору об Антарктике и заседаний Комитета по охране окружающей среды; сотрудничество в области распространения данных между сторонами, в соответствии с Договором от 1959 г.а и Протоколом от 1991 г.; сбор, хранение, архивирование и распространение документов Консультативных совещаниях по Договору об Антарктике и Комитета по охране окружающей среды; распространение информации относительно деятельности в Антарктике и о системе Договора об Антарктике от 1959 г. *Комитет по охране окружающей среды* (КООС): приглашает для участия в качестве наблюдателей на свои заседания председателя Научного комитета по антарктическим исследованиям и председателя Научного комитета по сохранению морских живых ресурсов Антарктики; с одобрения Консультативного совещания по Договору об Антарктике приглашать для участия в качестве наблюдателей на свои заседания другие соответствующие научные, природоохранные и технические организации, которые могут содействовать его работе; представляет отчет Консультативному совещанию по Договору об Антарктике о каждом из своих заседаний; принимает свои правила процедуры, которые подлежат одобрению Консультативным совещанием по Договору об Антарктике. *Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики* (АНТКОМ) (1980 г.) – изначально задумывался шире обычной региональной рыбохозяйственной организации. Так, в ее полномочия входит не только регулирование промысла морских живых ресурсов, но и их изучение, а также вопросы охраны окружающей среды региона их обитания. Основное внимание АНТКОМ в настоящее время сосредоточено на проблематике морских охраняемых районов (МОР). *Международная ассоциация туроператоров по Антарктике* (1991 г.) – основной целью является развитие и продвижение безопасных и экологически ответственных туристических поездок в Антарктике, а именно: операционные процедуры и руководящие принципы, включая инструкции и ограничения на количество людей на берегу; минимальные соотношения по количеству между персоналом и пассажирами; инструкции по конкретным участкам, деятельности и наблюдениям за дикой природой, а также требования к отчетности о деятельности до и после посещения; порядок проведения инструктажа пассажиров, экипажа и персонала [8]. Таким образом, в систему органов, регулирующих международно-правовой статус Антарктики входят: Секретариат Договора об Антарктике, КООС, АНТКОМ, Международная ассоциация туроператоров по Антарктике. Каждый орган регулирует те вопросы, которые закреплены соответствующим международным договором, входящим в Систему договоров об Антарктике.

Перспективы территориальной целостности Антарктики. В настоящее время практически все государства, являющиеся сторонами Договора об Антарктике, по – прежнему предъявляют свои претензии на расширение собственных территорий за счет территорий Антарктики или преследуют иные цели в соответствии со своими национальными интересами, несмотря на существование самого Договора. Даже в самом Договоре закреплено, что эти претензии заморожены, пока действует сам Договор. Договор действителен до 2048 г., а его Протокол об охране окружающей среды – до 2041 г. *Влияние Китая на Антарктику.* Хотя Китай географически удален от Антарктиды, экологические изменения в полярном регионе в последние годы оказали значительное влияние на природную среду Китая. В связи с этим Китай придает большое значение вопросам экологии в Антарктическом регионе. Закон о национальной безопасности, принятый 1 июля 2015 г. на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, установил, что полярные регионы официально включены в национальную стратегическую концепцию Китая. Стратегических преимуществ у Китая в Антарктике нет. Китай активно участвует в антарктической деятельности с 1983 г., когда он стал участником коллективного Договора об

Антарктике. В связи с особым статусом и запретом военной деятельности в Антарктиде, усилия Китая в основном сосредоточены на научных исследованиях и изысканиях. Австралия, активно сотрудничая с Китаем по поводу расследования территорий Антарктики, при этом протестует против предпринимаемых действий Китая: Австралия предоставляет Пекину возможность активно использовать в качестве основного логистического перевалочного пункта г. Хобарт на острове Тасмания. Однако у австралийского правительства явно растут подозрения, что Китай, будучи самым крупным австралийским торговым партнером, начинает выходить за рамки имеющихся договоренностей по Антарктиде, выстраивая серьезную логистику, в реальности пригодную для использования в нужный момент в военных целях и в запрещенной на «шестом континенте» геолого-разведывательной деятельности [2]. Такие государства как Аргентина, Чили и Уругвай, являющимися странами Южного конуса и участниками Договора об Антарктике, имеют свои программы антарктических исследований, которые разнятся между собой в зависимости от исторического фактора и национальных программ. Несмотря на действие Договора об Антарктике, одностороннее присвоение Аргентиной спорных территорий было совершено с санкции Комиссии по границам континентального шельфа. Проанализировав итоги многолетних исследований и научно-географических обоснований претензий Аргентины на рассматриваемую территорию, экспертный состав комиссии в 2016 г. признал эту территорию за Аргентиной и тем самым открыл путь закреплению новых границ, прежде всего, в ее внутреннем законодательстве. В августе 2020 г. аргентинский конгресс издал закон, обновивший карту страны с учетом новых территорий. Учитывая, что Договор об Антарктике еще действует, Аргентина, даже действуя с санкции официального органа ООН, совершив подобный шаг, ступает на поле международно-правовых противоречий [2]. В противовес Аргентине стоит, в первую очередь, Чили по следующим причинам: Антарктический полуостров, расположенный в Западной Антарктиде, является географическим продолжением Южной Америки, на южной оконечности которого и располагаются эти оба государства; в историческом аспекте Чили настаивает на том, что распоряжение о переходе под контроль губернатора Чили Педро Санчо де ла Хоза всей южной части Южной Америки, включая неисследованные полярные территории, было издано еще испанским королем Карлом I (1516-1556 гг.); Аргентина ссылается на то, что первой постоянной полярной станцией, появившейся на южном материке, в 1904 г. стала аргентинская станция Orcadas. Главное отличие в том, что Аргентина и Чили стремятся установить суверенитет над своими зонами в Антарктиде. Это отличает их подходы от позиции Уругвая. В принятой уругвайским правительством в 2019 г. Национальной антарктической программе прямо говорится, что Антарктида в первую очередь должна стать точкой соприкосновения внешнеполитических интересов латиноамериканских стран и площадкой для многостороннего международного сотрудничества как в научной сфере, так и в сфере безопасности [10]. Уругвай также активно сотрудничает с Китаем по расследованию территорий Антарктики: в 2019 г. был создан Объединенный комитет Уругвая и Китая по сотрудничеству в Антарктике, который разработал двустороннее соглашение о дорожной карте по реализации двустороннего меморандума о научной дипломатии и логистике, подписанного Монтевидео и Пекином в 2017 г. Таким образом, в 2048 г. Договор об Антарктике будет пересмотрен, но уже сейчас – с учетом выхода в Аргентине новой карты страны и одобрения ее претензий специальным органом ООН – ситуация может измениться довольно быстро. Маловероятно, что другие участники Договора об Антарктике останутся в стороне. Тот факт, что Аргентина активно предъявляет свои права на антарктические территории, это может повлечь за собой размещение вооруженных сил страны на южных приполярных пространствах, а это, в свою очередь, поставит вопрос о переброске военных контингентов других стран, таких, как США и Китай, в регион, что, в конечном итоге, приведет к политическому кризису.

В качестве итога можно отметить, что одной из причин возникновения и формирование международно-правового статуса Антарктики стали претензии ряда государств на присвоение территорий Антарктики, послужившей началу обострения конфликтной ситуации общемирового масштаба, которая была предотвращена принятием Договора об Антарктике. Однако ее значение не обладает конкретизацией в части, касающейся полного завершения конфликта, так как в Договоре закреплена двойственность восприятия его положений, означающее, что: претензии государств на некоторые территории Антарктики до принятия самого Договора заморожены до тех пор, пока сам Договор имеет юридическую силу. Что, по сути, представляет собой заложенный во взрывной блок запал с часовым механизмом, стрелки которого движутся к неминуемому рубежу, который станет отметкой потери Договора имеющейся юридической силы, которая станет возможным разделом территориальных пространств Антарктики, которому в прямую содействуют такие страны как Аргентина, Чили, Уругвай. и Китай, в настоящее время осуществляющие скрытую за заявлениями борьбу за присвоение территорий Антарктики, нарушая ее международный нейтралитет.

Список литературы

1. Лукин, В.В. 60 лет Договору об Антарктике / В.В. Лукин // Российские полярные исследования. – 2019. – № 4 (38). – С. 22–26.
2. Пономарев, Е.А. Аргентина на пути расширения территории в XXI веке. Вопрос Антарктики / Е.А. Пономарев, А.Э. Галицына // Латинская Америка. – 2021. – № 2. – С. 17–28.
3. Договор об Антарктике (Вашингтон, 1 декабря 1959 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 196. – № 31.

4. Крашенинникова, Г.Е. Режим и перспективы международно-правового регулирования Антарктиды / Г.Е. Крашенинникова // Вестник академии энциклопедических наук. – 2020. – № 2 (39). – С. 11–15.
5. Протокол об охране окружающей среды к Договор об Антарктике // Бюллетень международных договоров. –1998. – № 11.
6. Конвенция о сохранении тюленей Антарктики // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. – 1980. – С. 431–437
7. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики // Сборник международных договоров СССР. – М. – 1984.
8. Савенков, А.В. Антарктида вчера, сегодня и завтра: к 200- летию со дня открытия / А.В. Савенков, Т.В. Редникова // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 7–24.
9. Балакин, В.И. Продвижение Китая в Антарктиду в XXI веке / В.И. Балакин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – №25. – С. 184–186.
10. Андреев, А. С. Антарктида во внешней политики стран Латинской Америки / А. С. Андреев // Латинская Америка. – 2020.- № 6. – С. 82–94.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Мамедова Бегим Курбановна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность выбранной темы заключается в том, что первые проявления террористической деятельности возникли задолго до появления слова, их обозначающего. Однако свою системность терроризм приобретает во второй половине XIX века, а в рамках национальной, идеологической и геополитической борьбы он получил свое развитие в первой половине XX века, выйдя на международную арену в роли способа достижения политических целей. В настоящее время терроризм представляет все большую угрозу безопасности в мире, а его международный характер требует выработки совместных глобальных стратегий противостояния ему как в мировом масштабе, так и в рамках международных организаций.

Общая характеристика понятий терроризма. Само слово «терроризм», происходит от латинского слова «terrox» – страх, ужас. Из этого можно сделать вывод, что этимологически терроризм выступает как крайняя форма проявления актов насилия с целью устрашения (зачастую в сфере политических отношений), имеющая следующие два характерных признака: направленность на устрашение, запугивание. При этом устрашение не является самоцелью терроризма, а только средством принуждения противников для достижения других конкретных целей (например, изменения политического курса власти, извлечения материальной выгоды и др.). Одним из наиболее опасных способов устрашения является не только угроза, но и использование насилия в самых разных формах; насилие или угроза его применения, вызывающие страх, ужас, панику [1]. Необходимо отметить, что в законом о противодействии терроризму, понятие терроризма связано с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (ст. 3), положения которой демонстрируют комплексность и родовой его характер в отношении ряда общеопасных, противоправных насильственных действий, закрепляя понятие терроризма как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий; террористический акт представляет действия по совершению взрыва, поджога или иных деяний, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [2]. Аналогичное определение терроризму закреплено и в уголовном законодательстве РФ (ст. 205) [3]. Однако в настоящее терроризм приобретает международный характер, поскольку установленные государствами границы перестали существовать для террористических организаций. Атаки террористов тщательно планируются. Группировки активно используют в своих интересах инновационные технологии, последние разработки в сфере военной промышленности. Применяемые средства поражения изготавливается, как кустарными методами, так и с применением современных технологий. Используемые методы становятся все более изощренными, а террористические акты всё более бесчеловечными, их последствия имеют катастрофический характер [4].

История возникновения международного терроризма. Впервые термин международный терроризм был применен американским президентом Джорджем Бушем младшим после атаки Аль-Каиды 11 сентября 2001 года на торговые центры США. Считается, что до периода формирования современного постиндустриального общества 60–90–х г. XX в. терроризм развивался как спонтанное и локальное явление, ограниченное временными рамками, не позволявших ему выйти за национальные границы, которое использовалось как радикальное средство внутриполитической борьбы, тогда как международный характер он приобрел только со второй половины XX века. Однако, на основании мнений ученых можно отметить, что исследуемый феномен возник еще в XIX веке и это подтверждается вариантами представленной типологизации: первая – предлагающая выделить четыре этапа: *до 1914 г.* – анархический, характеризующийся господством

анархического сегмента в структуре терроризма; *1920–1960 г.* – антиколониальный, в рамках которого основной террористический удар наносится в связи с антиколониальной борьбой; *1968–1980-е г.* – «новое левое» движение – связанный с доминированием городской герильи и ростом левого радикализма и экстремизма; с *1979 г. и до настоящего времени* – религиозная война, связанная с конфликтом, идейной основой которого являются конфессиональные ценности; вторая – выделяет четыре последовательных волны становления терроризма (этапы): *восстание (революция), анархизм*, освободительная борьба, религиозный конфликт; *возникновение идей* как ауры национальной подрывной паники, присущей всем событиям террора; *революционный этап* террористической идеи первой половины XIX в. и до начала XX в. анархический этап, которому на смену приходит этап освободительной борьбы; *религиозный* с середины прошлого века (60–70–х гг.); третий – полагающий, что отсутствуют основания для типологизации терроризма в зависимости от его внешних, формальных признаков, выделяя при этом четыре этапа развития, таких как: *становление* (от времен античности до конца XVIII в.); *классический* (конец XVIII в. – первая половина XX в.); *международный* (вторая половина XX в.); *глобальный* (с начала XXI в.). Кроме того, в научной литературе выделяют этап «государственного» терроризма (с 60–х гг. XX в. до начала XXI в.), характеризующийся устойчивой связью между официальной политической властью и террористическими группами, совершение террористических актов по заданию или при поддержке государственных структур [5]. Безусловно, данная градация носит условный характер, а указанные авторы формировали свои концепции основываясь на самых ярких, доминирующих формах осуществления террористической деятельности в тот или иной исторический период времени. Из проведенного исследования можно сделать вывод, что мировым сообществом еще не достигнуто единство в понимании такого явления как международный терроризм, его сути и истоков, что серьезно затрудняет борьбу с терроризмом.

Причины развития международного терроризма. В общем смысле причины появления и бурного развития международного терроризма могут быть охарактеризованы двумя факторами: возникновение мировой социальности; новая глобальная реальность не лишена всех проблем, существующих ранее или в отдельно взятом социуме. Происходит стирание границ между внутригосударственным и международным терроризмом, а терроризм как явление и террор как метод устрашения всячески поддерживаются рядом стран, становятся средством развязывания современных войн и вооруженных конфликтов.

Считается что причины возникновения международного терроризма можно подразделить на три основные группы: политические, религиозные и социально-экономические. К политическим – можно отнести политическую нестабильность, в период которой зачастую возрастает число совершенных террористических актов; использование террористических методов не только отдельными лицами или организациями, но и целыми государствами для достижения поставленных целей; недостаток мер принимаемых мировым сообществом по обеспечению защиты и безопасности населения; конфликт Запада и Востока, в котором терроризм являлся одним из наиболее действенных способов ведения борьбы; создание мирового «информационного» общества, а также начало процесса манипуляции массовым сознанием. Религия всегда являлась одним из наиболее эффективных средств воздействия на человеческое сознание, а особенно в условиях политической и социально-экономической нестабильности общества, например, как во второй половине XX века. Именно тогда появляются религиозные течения, пропагандирующие насилие, что и является одной из причин возникновения такой глобальной проблемы современного мира, как международный терроризм. На данный момент самые крупные и опасные международные террористические организации проповедуют ислам, с помощью его оправдывают свои действия. К социально-экономическим причинами возникновения исследуемого преступного деяния можно отнести низкий уровень жизни и развития населения отдельных районов планеты. Многие люди совершают террористические акты из-за недостатка финансовых ресурсов с целью заработать денег, так как терроризм – деятельность хорошо оплачиваемая, ведь этот нелегальный бизнес способен приносить своим организаторам немалую прибыль, что и является второй социально-экономической причиной возникновения международного терроризма. Также к ряду таких причин можно отнести неравномерное развитие стран, потерю большим количеством населения идеологических, духовных и нравственных жизненных ориентиров. Также определенное влияние на появление международного терроризма оказало развитие информационного общества, в котором люди постоянно общаются и читают газеты, тем самым каждый день получая все новую информацию. В такой обстановке средства массовой информации (далее – СМИ) начинают оказывать воздействие на массы, а с появлением радио, телевизоров это влияние только начинает увеличиваться, и террористы этим не могли не воспользоваться. СМИ для них становятся наиболее удобным инструментом распространения своих идеологий и целей, а также орудием воздействия на сознание большого числа людей [6].

Предполагается, что можно выделить единую систему причин международного терроризма, группируя в ней наиболее важные и общие, такие как: кризис идеологии, культуры и религии западной цивилизации, сопровождаемый распространением и ростом влияния и авторитета ислама демографическая революция, представленная сокращением населения запада и приростом населения востока, что приводит к миграции людей в США, Канаду и страны Европы, вследствие чего происходит изменение национального состава и исламизация этих государств; отсутствие единой правовой базы и международных стандартов в борьбе с терроризмом, что усложняет разработку мер, направленных на эффективное сотрудничество по борьбе с терроризмом; неэффективное взаимодействие национальных спецслужб внутри государств и на

международном уровне в борьбе с терроризмом; слабость государственной власти, а также неэффективность действий отдельных правительств и режимов в борьбе с терроризмом на своей территории (Сомали, Мали, Ирак, Пакистан, Афганистан, Йемен и другие); рост и расширение преступных группировок и синдикатов, которые обеспечивают материальной–финансовой поддержкой террористические организации; активизация вербовки эмиссарами радикальных исламистских группировок новых боевиков и смертников в свои ряды; конфликт между шиитами и суитами, происходящий на территориях Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Бахрейне и других стран, сопровождаемые локальными терактами и в любое время способных перерасти в стадию масштабных вооруженных столкновений; высокий показатель коррупции в отдельных государствах, регионах и в мире в целом [7]. Здесь можно отметить, что отдельное внимание необходимо уделить условиям, способствующим эскалации терроризма, к которым относятся: неспособность государства, его учреждений и институтов своевременно выявлять и обезвреживать террористов; устанавливать и задерживать преступников, чья безнаказанность позволяет им совершать новые преступления, создает им ореол неуязвимости и необычности, притягивает новых людей; одобрение и поддержка террористов со стороны их социального окружения, отдельных групп населения; наличие значительной группы людей, профессионально настроенных на военную работу, однако вытесненных с военной службы и не нашедших себе применение; незаконный оборот средств; рост масштабов нелегальной миграции; широкая пропаганда культа жестокости и силы.

Основные подходы к содержанию понятия международного терроризма в международном праве. Террор и терроризм как метод психологической войны против населения врага известен с древнейших времен и сопровождал человечество на протяжении всей его истории. В средние века террор являлся господствующей политикой во всех феодальных государствах. Однако, несмотря на развитие культуры, образования, права и общества в целом, существует он независимо от религии, форм его проявления и в наше время, причем во всех странах мира. За последние время, прошедшее с 2014 года, было совершено более 10 тысяч террористических актов, дестабилизирующих политическую обстановку в государствах и являющихся питательной средой для роста транснациональной преступности. Международный терроризм (от лат. terror – страх, ужас) представляет собой «особо опасное и тяжкое уголовное преступление международного характера, совершаемое путем диверсии, взрывов и других противоправных действий с применением оружия, боеприпасов, взрывчатых или химических веществ, влекущих бессмысленную гибель невинных людей, нарушение основных внутренних и внешних функций государства, в целях шантажа должностных лиц, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране» [8 – С 349]. Одним из вариантов определения международного терроризма, является определение, данное: «преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьёзный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое–либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера» [9]. В юридической литературе присутствуют мнения ученых, которые предлагают варианты понимания международного терроризма: «совершение действий террористического характера иностранными гражданами, организациями, органами государственной власти или в случае их совершения при финансовой, материальной или иной поддержке из–за пределов (или совершение указанных действий за пределами) территории государства» [10]. Исходя из рассмотренных определений можно выделить следующие признаки международного терроризма: направленность на создание обстановки террора среди широкой общественности; цель терроризма носит политический характер; основа террористических актов – нетерпимость и экстремизм; акты террора ставят под угрозу дружественные отношения между различными народами и государствами; акты террора угрожают территориальной целостности государственных образований. Так, к примеру, к международному терроризму можно отнести: вооруженное нападение; бомбовый терроризм; поджог; похищение людей и захват заложников: захват воздушного, морского судна; взрывы и иные подобные действия. Современный терроризм, в большинстве случаев, проявляется через вооруженные нападения на воздушные суда гражданской авиации и другие транспортные средства, жилы дома, государственные и общественные здания, сооружения, нефте–и газопроводы, линии электропередач и иные мирные объекты; захват заложников; организация и деятельность незаконных вооруженных формирований; взрывы в местах скопления людей и др. Каждый из перечисленных актов, разумеется, в той или иной степени посягает на права и свободы лиц, пользующихся международной защитой.

Основными составляющими современного международного терроризма являются: политическая ориентированность; угроза безопасности миропорядка; идеология, связанная с экстремизмом и сепаратизмом, а также радикальным исламизмом; циничное отношение к общепринятым нормам морали и права; использование специфических методов совершения террористических актов (авиационные атаки, взрывы в метро и т.д.); массовая гибель людей; морально–психологическая деструктивность терактов, следствием которой является шок у всего цивилизованного человечества; экономический ущерб наравне с уничтожением материальных ценностей; порождение хаоса и страха и следующими за ними общественными недовольствами;

совершение терактов отдельными террористами, группировками или отрядами; оформление террористических групп и ячеек в развитые международные сети; отсутствие террористического центра, т.е. расположение соответствующих баз во многих странах; материально-техническая поддержка террористических организаций. Исходя из существующих мнений относительно определения международного терроризма и признаков, отражающих его сущность, наиболее емким и содержательным представляется определение, данное Х. Барри, который определяет международный терроризм как «совокупность действий, осуществляемых с целью устрашения и направленных против лица или группы лиц, которые не являются непосредственными объектами нападения, с целью оказания влияния на ход дипломатических отношений либо на достижение иных международно–противоправных целей, а также соучастие в совершении данного деяния или пособничество в его совершении» [11].

Борьба с международным терроризмом. Исходя из мнения ученых, считающих что, борьба с таким глобальным явлением, как террористическая преступность, требует партнерских отношений на всех уровнях, можно согласиться с тем что главы государств и правительств, коммерческие и некоммерческие организации, гражданское общество имеют решающее значение в борьбе с террористической преступностью, носящей транснациональный характер. Сегодня можно говорить о совокупности эффективных методов и приемов, с помощью которых можно вести борьбу с террористической преступностью, например: пресечение финансирования терроризма; борьба с коррупцией с целью предотвращения распространения терроризма и слияния его с политическими институтами; осуществление жесткого контроля на границах; выработка новых стратегий и технических инструментов для предотвращения распространения радикальных идей в Интернете; поиск новых форм сотрудничества государств (в том числе неформальных – образовательных, научных, культурно–исторических). К сожалению, приходится утверждать, что процессы интеграции и глобализации в сфере взаимодействия террористических организаций зачастую опережают профессиональные и дипломатические и усилия государств, борющихся с подобным транснациональным злом. Центральным звеном в этой системе, центральным механизмом регулирования международных отношений сегодня является ООН. Однако отдельное внимание следует уделить СНГ, одна из задач которого – содействие формированию в мире справедливой, стабильной, демократической и наиболее эффективной системы международных отношений, которая основывается на общепризнанных нормах и принципах международного права и обеспечивает безопасность мирового сообщества. Укрепление международного антитеррористического сотрудничества – одно из приоритетных направлений деятельности государств-членов Содружества в борьбе с международным терроризмом. В решении подобных вопросов существенное значение имеют результаты практической деятельности Антитеррористического центра государств-членов СНГ. Наиболее приоритетными стали следующие направления: разработка нормативно-правовой базы координации деятельности национальных органов, осуществляющих антитеррористическую деятельность; обеспечение взаимодействия и координации государств-членов СНГ при проведении совместных согласованных контртеррористических мероприятий; информационно-аналитическая деятельность в области противодействия международному терроризму на основе непрерывного и открытого информационного обмена между участниками контртеррористической деятельности в СНГ; постоянный обмен опытом проведения контртеррористических мероприятий, а также расследования международных преступлений террористической направленности; организация обучения и подготовки специалистов контртеррористических подразделений, проведение регулярных контртеррористических учений [12].

В качестве вывода можно отметить, основными признаками терроризма считаются: его направленность на создание обстановки террора среди широкого круга общественности; носящая политический характер цель; присутствующие нетерпимость и экстремизм как основа террористических актов; угроза дружественным отношениям различных народов и государств; угроза территориальной целостности государственных образований. При этом борьба с таким глобальным явлением как террористическая преступность, вполне обоснованно требует партнерских отношений и международного взаимодействия государственных органов на всех уровнях.

Список литературы

1. Батчаева А. А. К вопросу о законодательном определении понятия «терроризм» / А.А. Батчаева // Право и практика. – 2018. – №. 4. – С. 86–92.
2. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06.03.2006 № 35–ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – ст. 1146.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. – № 25. – ст. 2954.
4. Селин М. Г. Генезис международного терроризма на современной геополитическое арене / М.Г. Селин, С.В. Шепилов, Е.В. Петченко // день солидарности в борьбе с терроризмом. – 2020. – С. 352–358.
5. Чернядьева Н.А. Проблема возникновения международного терроризма: можно ли его считать феноменом XX века? / Н.А. Чернядьева // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий). – 2021. – С. 486–491.

6. Малов А.В. К вопросу об источниках международного терроризма / А.В. Малов, З.В. Макатов // Право и практика. – 2022. – №. 1. – С. 219–223.
7. Хачатрян А.Г. Причины возникновения и развития международного терроризма в современном мире / А.Г. Хачатрян // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. – 2018. – С. 245–247.
8. Стародубцев Г.С. Международное право : учебник / под ред. Г. С. Стародубцева. – 2–е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА–М, 2020. – 416 с.
9. Витвицкая В.В. Понятие международного терроризма в международном и национальном уголовном праве / В.В. Витвицкая, Д.С. Мусейчук // Сборник научных работ серии Право. – 2019. – №. 4. – С. 22–31.
10. Чернявский А.Г. Дефиниция «международный терроризм» в международном праве / А.Г. Чернявский, С.А. Олейник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №. 4 (44). – С. 322–327.
11. Пахомова Н.А. Международный терроризм: понятие, причины, последствия / Н.А. Пахомова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №. 7–2. – С. 43–45.
12. Кирьянов А.В. Вопросы сотрудничества государств–членов СНГ в борьбе с терроризмом / А.В. Кирьянов / А.В. Кирьянов // Научные разработки: евразийский регион. – 2018. – С. 56-61.

О РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА, ЗНАЧЕНИИ ЕГО ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ, ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТЯХ РАЗРЕШЕНИЯ

Меркулов Данил Алексеевич, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность темы определяется значительной ролью решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), созданием целостной правовой системы на основе конституционных норм, а также влиянием на процесс обеспечения прав и свобод граждан. КС РФ является судебным органом конституционного контроля, осуществляющим свою судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства. Результаты деятельности КС РФ формулируется в его решениях, благодаря которым российское законодательство и правоприменительная практика приводятся в соответствии с конституционными требованиями, ценностями, принципами и нормами международного права. В то же время надлежащее исполнение актов конституционного судопроизводства является важной и необходимой составляющей в деятельности всех органов государственной власти, общественных объединений, должностных лиц и граждан.

Понятие и виды решений Конституционного Суда РФ. Решение КС РФ является юридическим актом в установленной законом форме, которым КС РФ в пределах своей компетенции выражает свою волю путём констатации фактов, имеющих юридическую силу, и изложения государственно – властных велений. Это определение очень разумно и правильно, поскольку оно учитывает специфику судебных решений, а именно то, что они: являются правовыми актами в официально установленной форме, принятыми уполномоченным органом в пределах его компетенции; устанавливают юридически значимые факты; содержат властные веления. Однако с учетом того, что решения КС РФ принимаются в порядке, предусмотренном Конституцией РФ и законом «О Конституционном Суде РФ» (далее – закон) [1], и что с их помощью осуществляются его полномочия, можно дать более детальное определение этому понятию: «решение КС РФ представляет нормативный правовой акт, принятый им в установленном Конституцией РФ и законом порядке и оформленный в виде постановления, определения или заключения. КС РФ принимает решения по результатам рассмотрения дела в конституционном судопроизводстве, при этом законом предусмотрено несколько видов решений, в числе которых: *Заключение,* которым именуется итоговое решение КС РФ по существу запроса о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ или Президента РФ, прекратившего исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. *Определение* представляют решения, принятые в ходе конституционного судопроизводства, но не содержащие решения дела в судебном заседании. Обычно оно выносится в отношении заявлений, в которых судебный состав не находит оснований для их рассмотрения, а именно тогда, когда: решение вопроса не отнесено к компетенции КС РФ; обращение не соответствует требованиям закона; Суд уже вынес решение по данному вопросу (срок действия которого не истек); нормативный правовой акт (его часть), конституционность которых оспаривается, утратили силу или были отменены. В этом случае составляется отказ о принятии дела к рассмотрению, не вынося решения по существу дела. *Постановление* представляет итоговое решение по существу вопросов, поименованных в пунктах 1, 2, 3, 3.1, 3.2, 3.3, 4, 5.1 и 5.2 закона о КС РФ (ч. 1 ст. 3). Здесь представляется возможность сделать вывод, что решениям КС РФ придается особое, первостепенное значение в механизме процессуального регулирования, в реализации демократических, правовых начал российской

государственности, поскольку они в основном направлены на защиту прав и свобод человека, что, по сути, и являлось целью создания в России органа конституционного контроля (КС РФ).

Порядок принятия решений Конституционного Суда РФ. Решение КС а РФ принимается открытым голосованием поименными судьями. Председатель голосует последним во всех случаях, оно считается принятым, если за него проголосовало большинство судей, принявших участие в голосовании, если иное не установлено федеральным конституционным законом. В случае, если при принятии решения по делу о проверке конституционности нормативного акта (проекта нормативного правового акта), договора между органами государственной власти, не вступившего в силу международного договора РФ, вопроса, выносимого на референдум РФ, по делу о возможности исполнения решения межгосударственного органа либо решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на РФ, по делу о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ или Президента РФ, прекратившего исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления голоса разделились поровну, решение считается принятым в пользу конституционности соответствующего объекта конституционного контроля. Решение по спорам о компетенции во всех случаях принимается большинством голосов. Решение о толковании Конституции РФ принимается большинством не менее двух третей от числа присутствующих судей. Судья КС РФ не вправе воздержаться от голосования или уклониться от голосования [1].

Юридическая сила решений Конституционного Суда РФ. Решение КС РФ является окончательным и обжалованию не подлежит. Решение КС РФ, вынесенное по результатам рассмотрения дела, назначенного к рассмотрению на заседании КС РФ, вступает в силу немедленно после его оглашения. Иные решения КС РФ вступают в силу со дня их принятия. Решение КС РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила решения КС РФ о признании закона неконституционным не может быть отозвана повторным принятием того же закона. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу либо в случаях, предусмотренных законом, не приобретают юридической силы. Международные договоры РФ, не вступившие в силу и признанные не соответствующими Конституции РФ, не подлежат вступлению в силу и применению. Решения судов и иных органов, основанные на актах или иных отдельных положениях, признанных неконституционными решением КС РФ либо примененных в толковании, отличном от толкования, данным КС РФ в решении, подлежат пересмотру (и не подлежит исполнению до пересмотра) в следующих случаях: предусмотренных частями второй и пятой ст. 100 закона; если решение не вступило в законную силу при рассмотрении дела апелляционной инстанции; пересмотра дела в суде кассационной инстанции или в порядке надзора в связи с подачей кассационных и надзорных жалоб, представленных по иным основаниям в соответствии с требованиями части пятой; если вступившее в законную силу решение принято по спору между органом государственной власти или органом местного самоуправления, с одной стороны, и гражданином или юридическим лицом, с другой стороны, и влечет за собой передачу имущества гражданином или юридическим лицом, либо выплата денежных средств народному образованию, не исполнено и при исполнении такого решения не допущено злоупотреблений со стороны гражданина или юридического лица; когда положения, признанные неконституционными решением КС РФ, послужили основанием для привлечения гражданина к уголовной ответственности; если положения, признанные постановлением КС РФ неконституционными, послужили основанием для привлечения гражданина или юридического лица к административной ответственности, при этом срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, не прошел, либо прошел, но факт привлечения к административной ответственности продолжает порождать для гражданина или юридического лица негативные последствия; если в постановлении КС РФ, принятом по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод, прямо указано на такой пересмотр в отношении иных лиц помимо заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба. В случае, если решением КС РФ нормативный правовой акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо из решения КС РФ вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный правовой акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного правового акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного правового акта, признанного не соответствующим Конституции РФ полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный правовой акт, признанный неконституционным в отдельной его части, или в нормативный правовой акт, признанный соответствующим Конституции РФ в данном КС РФ истолковании. До принятия нового нормативного правового акта непосредственно применяется Конституция РФ. С момента вступления в силу постановления КС РФ, которым нормативный правовой акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции РФ, либо постановления КС РФ о признании нормативного правового акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном КС РФ истолковании не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного правового акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением КС РФ не соответствующими Конституции РФ, равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного правового акта или отдельных его положений в

истолковании, расходящемся с данным КС РФ в этом постановлении истолкованием. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления КС РФ (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления КС РФ) не вправе руководствоваться нормативным правовым актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением КС РФ не соответствующими Конституции РФ, либо применять нормативный правовой акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным КС РФ в этом постановлении истолкованием [1].

Правовые позиции Конституционного Суда РФ. Понятие и признаки Конституционного Суда РФ. Правовые позиции КС РФ представляют правовые выводы общего характера как результат толкования КС РФ Конституции и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных правовых актов в пределах компетенции КС РФ, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений КС РФ. При этом правовой позицией КС РФ понимаются положения мотивировочной или резолютивной части его постановлений а, содержащих толкование конституционных норм либо выявляющих конституционный смысл закона, обосновывающих выводы и несущие в себе обязательный характер для законодателя, правоприменителя и судов. Формулируя свою правовую позицию, КС РФ необходимо провести детальный конституционно-правовой анализ спорной ситуации, дать оценку содержания юридического статуса субъектов правоотношений, сложившемуся правовому регулированию, а также ранее высказанных на эту тему правовых позиций самим КС РФ и Европейским Судом по правам человека. При этом приведённая правовая аргументация ложится в основу формирования правовой позиции суда, имеющей свое распространение не аналогичные правоотношения в этой сфере правового регулирования. Правовые позиции могут содержаться в постановлениях, заключениях и «отказных» определениях с положительным содержанием. В структуре решения как акта правовые позиции могут содержаться как в мотивировочной части, так и в резолютивной. Так как выводы решения КС РФ в своей мотивировочной и резолютивной частях представляют собой внутреннее единство, то все свойства, присущие решениям КС РФ, сохраняются и в правовых позициях. Понятия «правовая позиция» КС РФ и «решение» КС РФ соотносятся как его мотивированное содержание и форма правового акта, издаваемого КС РФ в процессе конституционного судопроизводства. В науке выделяется ряд признаков, присущих правовым позициям: общеобязательность, нормативность, стабильность, прямое действие на территории РФ, внутреннее единство сформулированных. Можно дополнить данный список такими свойствами правовой позиции, как прецедентный и правозащитный характер. Согласно требованиям законодательства изложенные в решении КС РФ правовые позиции являются результатом толкования и применения конституционных норм, являются общеобязательными для всех граждан, государственных органов, судов организаций и должностных лиц и имеют силу итоговых решений суда. При рассмотрении дел по аналогичным жалобам КС РФ приводит ссылку на ранее высказанные правовые позиции по аналогичному вопросу правоприменения.

Нормативность толкования предполагает, что оно распространяется не только на общественные отношения, касающиеся конкретного заявителя и являющиеся предметом рассмотрения в КС РФ, но и на иные отношения в указанной сфере. КС РФ на основе обобщения юридической практики применения норм права дает рекомендации придерживаться определенных требований и ориентиров при применении того или иного закона, рассмотрении той или иной категории дел, которыми являются правовые позиции. Правовая позиция КС РФ имеет прямое действие на всей территории РФ, то есть для реализации не требуется принятия каких – либо дополнительных актов, можно применять непосредственно, можно ссылаться при вынесении решения; они не требуют принятия особого акта применения, распространяют свое действие на территорию всей страны. Правовые позиции могут быть сформулированы как в мотивировочной части решения, так и в резолютивной, при этом правовое содержание правовой позиции не меняется, то есть высказанное правовое видение той или иной проблемы сохраняется и является основанием принятия итогового решения КС РФ по делу. При этом указанные в разных частях решения правовые позиции обладают внутренним смысловым и содержательным единством. Правовые позиции, сформулированные КС РФ, носят прецедентный характер. Признавая прецедентный характер правовых позиций суда как их неотъемлемое свойство, мы исходим из двух признаков их общеобязательности и формы. В правовой системе РФ решения КС РФ имеют руководящую силу, что является отголоском прецедентного права. Такого рода процесс может быть охарактеризован как взаимопроникновение и частичное смешение двух правовых систем. Наряду с отсутствием в России прецедентного права в той степени, в которой оно понимается во многих государствах англо-саксонской правовой системы, нельзя отрицать прецедентный характер судебной практики КС РФ. Основной целью принятия решения является разрешение поставленного перед КС РФ конкретного вопроса в сфере защиты прав граждан и формулирование итогового вывода, о соответствии правового акта нормам Конституции РФ. А целью формирования правовой позиции суда является выявление конституционно – правового смысла и казуального толкования нормы закона, выходящей за рамки конкретного дела, но и способствующей его разрешению. Здесь можно отметить, что правовые позиции КС РФ имеют определяющее значение и основательно вошли в правоприменительную практику как судов всех уровней и ветвей судебной системы, так и иных государственных органов. Под правовой позицией КС РФ, следует понимать результат официального толкования положений нормативных правовых актов, осуществляемый в пределах юрисдикции КС РФ, изложенный в его решении, ориентированный на разрешение неопределённости в понимании правового

регулирования общественных отношений и способствующий, разрешению правовой ситуации и всех однородных, а в целом укреплению законности и правопорядка при реализации прав и свобод человека и гражданина [2].

Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда РФ. Следует отметить, что правовая ситуация связана с рядом правовых явлений в теории государства и права. *Во-первых*, развитие правовой позиции напрямую зависит от правосознания, поскольку оно представляет собой органическое соединение правовой идеологии и психологии, результат взаимодействия группового и индивидуального правосознания. Помимо общих знаний о праве, на отношение субъекта к конкретной правовой ситуации влияют его морально-нравственные представления, ценностные установки, психологические особенности. Соответственно, через правовую позицию можно увидеть субъективную оценку правовой действительности, представления конкретного субъекта правоотношений о способах решения правовой проблемы с точки зрения справедливости, разумности и целесообразности. *Во-вторых*, юридические позиции излагаются юридическим языком, поэтому они должны соответствовать требованиям юридической техники, формулируемым через понятия, термины и юридические конструкции. По сравнению с повседневным языком юридический язык точен, формализован и конкретен. *В-третьих*, правовые позиции отражают эффективность правовой политики. Это выражается в том, что в зависимости от содержания правовой позиции можно судить об уровне знания и понимания субъектами правовых норм, усвоении содержащихся в них указаний, сформированности положительного или отрицательного суждения по отношению к ним, готовность соотносить и согласовывать с ними свое правовое поведение в системе общественно-правовых отношений. С другой стороны, правовая позиция является одним из каналов реализации правовой политики в общественной жизни. Наконец, на содержание правовой позиции оказывает влияние правовая культура. Очевидно, что структурированная точка зрения, подкрепленная убедительными аргументами, и, наоборот, необоснованная позиция, свидетельствуют об уровне юридической подготовки. Можно сказать, что выражение правовой позиции является показателем правовая культура субъекта. Если попытаться определить место правовой позиции в системе правового регулирования, то она как бы функционирует как связующее звено между правосознанием и правотворчеством, правотворчеством и правоприменением. С одной стороны, уровень правосознания субъекта *в первую очередь* влияет на выработку правовой позиции, регулирующей ту или иную правовую ситуацию, а затем уже на качество и содержание издаваемых им нормативных правовых актов. *Во вторую очередь*, правовая ситуация отражает восприятие правовых норм субъектом и его взгляд на их реализацию. Нельзя не сказать, что правовая позиция может таить в себе не только положительный, но и отрицательный потенциал. Нигилистическая или явно антиобщественная правовая позиция, особенно при воплощении в конкретные действия, подпадает под теорию и практику преступления и юридической ответственности. С теоретической точки зрения изучение правовых позиций, несомненно, обогатило бы такие области теории государства и права, как правотворчество, правоприменение, правотолкование, процессуально-правовая ответственность, правосознание. и правовой культуры и регуляторный механизм. С практической точки зрения изучение правовых позиций позволяет конкретизировать пути совершенствования регулирующей, интерпретационной и правоприменительной деятельности. Таким образом, правовая позиция – это понятие общей теории права, являющееся продуктом мыслительной деятельности человека. *По своей юридической природе правовая позиция представляет собой логическую и юридическую конструкцию*, выражающую отношение к праву, юридическим нормам или отношениям, которые, с точки зрения субъекта, нуждаются в правовом регулировании. Представленные подходы к разработке определения правовой позиции свидетельствуют о многогранности и сложности рассматриваемого явления. Исходя из этого, правовая позиция может рассматриваться как в субъективном смысле (как точка зрения отдельного гражданина или должностного лица), так и в объективном (как социальный ориентир ведущих правовых течений). Ценность правовой позиции заключается в том, что она является связующим звеном между правотворчеством и правоприменением, способом превращения правосознания в реальные правоотношения, одним из показателей развития права и источником его совершенствования [3].

В качестве итога можно отметить, что КС РФ, как орган государственной власти, наделен особым конституционно-правовым статусом, в котором особое место отводится принимаемые им решениям, имеющим первостепенное значение в механизме процессуального регулирования, в реализации демократических, правовых начал российской государственности, так как направлены на защиту прав и свобод человека, что и является основной целью создания КС РФ. Его решения в системе российского законодательства занимают собственную нишу, поскольку от них зависит своевременное и эффективное осуществление конституционных предписаний по приведению содержание нормативных правовых актов в соответствии с Конституцией РФ и укрепление конституционной законности в РФ как основного показателя эффективности государственной власти.

Список литературы

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: фед. закон от 21.07.1994 № 1 – ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 13. – ст. 1447.
2. Ушаков, А.В. К вопросу о понятии и признаках правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации / А.В. Ушаков // Волгоградский государственный университет. Журнал: Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. – 2018. – № 1. – С.97 – 101.

3. Гасанова, Д.П. Понятие и правовая природа правовых позиций: общетеоретический аспект / Д.П. Гасанов // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Журнал: Державинский форум. – 2019. – Том 3. – С. 9 – 14.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Мосин Иван Викторович,курсант 4 курса
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Асеев Александр Григорьевич - научный руководитель, доцент

Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: похищение людей, взятие заложников, случаи угона самолетов, взрывы бомб, акты насилия в этно-конфессиональных конфликтах, прямые угрозы их реализация и т.д. Поэтому проблема противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации – это одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности на государственном уровне.

Российское законодательство, как и международное, ориентировано на охрану прав личности, обеспечение стабильности государственных структур. В настоящее время в России имеется ряд нормативно-правовых актов, содержащих нормы, обеспечивающие борьбу с распространением экстремизма и терроризма.

Положение статьи 13 Конституции Российской Федерации [1] запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Также часть 2 статьи 29 Конституции не допускает пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Основными нормативными актами, определяющими правовые основы борьбы с экстремизмом и терроризмом, является Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2], которым определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и установлена ответственность за ее осуществление.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» разработан в целях совершенствования правовых основ деятельности по борьбе с терроризмом и его предупреждению. Он направлен на конкретизацию правового регулирования деятельности по борьбе с терроризмом, а также на закрепление основных направлений функционирования в сфере предотвращения террористических актов и противодействия терроризму. В нём определены основные принципы, понятия, организационные и координационные механизмы противодействия терроризму и его предупреждения. Законом четко распределены полномочия в сфере противодействия и борьбы с терроризмом между федеральными органами исполнительной власти. Соответственно, определяются и лица, ответственные за проведение каждого мероприятия в рамках контртеррористической акции. При этом основным субъектом по проведению мероприятий по пресечению террористической деятельности является ФСБ России. Закреплен механизм привлечения Вооруженных Сил РФ к участию в проведении контртеррористических операций. Для пресечения террористических актов в воздушной среде к воздушным судам, не отзывающимся на радиокоманды и не реагирующим на сигналы поднятых по тревоге перехватчиков, Вооруженные Силы РФ вправе применять оружие и боевую технику для пресечения полета данного судна путем принуждения его к посадке, а при отказе подчиниться требованию о посадке - уничтожить воздушное судно. Аналогичные положения применяются в отношении морских и речных судов. При проведении контртеррористической операции, в пределах территории ее проведения может вводиться режим контртеррористической операции [3].

Изначально, в целях предупреждения экстремистских проявлений политического характера, 23 марта 1995 г. был принят Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [4]. Данный указ стал одним из первых нормативных правовых актов в области противодействия экстремизму в России. Также немаловажную роль играет Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [5], который был издан в целях совершенствования государственного управления в области противодействия терроризму. Данным указом создан Национальный антитеррористический комитет, обеспечивающий координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму. Утверждено Положение, определяющее задачи, полномочия и порядок организации деятельности Комитета. Согласно утвержденному составу Комитета, его председателем является Директор ФСБ России. Для координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в субъектах РФ образовываются антитеррористические комиссии. Для организации планирования применения сил и средств по борьбе с терроризмом, а также для управления

контртеррористическими операциями в составе Комитета образован Федеральный оперативный штаб, а субъектах РФ - оперативные штабы.

Впоследствии, наряду с другими правовыми регламентами, регулирующие социально-политические отношения, ориентируясь на военно-патриотическое воспитание граждан и использование образовательного ресурса в решении проблем экстремизма, Правительством РФ были приняты: постановление от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях», одна из задач которых заключается в противодействии проявлениям политического и религиозного экстремизма и постановление от 25 августа 2001 г. № 629, которым утверждена Федеральная целевая программа - «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

Одним из важнейших нормативных регламентов, закрепляющих основы борьбы с экстремизмом и терроризмом на территории нашего государства, является «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Данная Стратегия была разработана в целях конкретизации положений Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности».

В вышеуказанных законодательных актах содержатся правовые определения и организационные основы противодействия экстремистской и террористической деятельности, в частности под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Экстремизм же представляет собой возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает такие противоправные действия экстремистского характера, как: нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (ст. 5.26 КоАП РФ); пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ); производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ), которые влекут за собой административные штрафы и аресты.

В Уголовном кодексе Российской Федерации совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства. Кроме того, УК РФ предусматривает отдельные виды преступлений, имеющих экстремистский характер независимо от наличия квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств, такие как: статья 280 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, статья 282 – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, статья 282.1 – организация экстремистского сообщества, статья 282.2 – организация деятельности экстремистской организации, статья 357 – геноцид. Указанные выше преступления наказываются штрафами, арестами, обязательными работами и лишением свободы вплоть до двадцати лет, а также пожизненным лишением свободы.

Действия и преступления, имеющие террористический характер регулируются исключительно Уголовным Кодексом Российской Федерации, а именно: статья 205 – террористический акт, есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. К преступлениям террористического характера, помимо собственно террористического акта, закон относит содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ). Данные преступления влекут за собой наказания в виде лишений свободы на разные сроки, вплоть до двадцати лет, а также пожизненное лишение свободы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 2020. – № 4. – Ст. 237.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. О противодействии терроризму: Федер. закон от 25 мая 2021 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 // СЗ РФ. – 1995. – № 13. – Ст. 1127.
5. О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента РФ от 15 февр. 2006 года № 116 // СЗ РФ. – 2006. – № 8. – Ст. 897.

МЕХАНИЗМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Озманян Хадрик Эдикович, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Борьба с коррупцией является приоритетным направлением государственной политики, о чем свидетельствует принятие государственных программ и нормативных правовых актов по противодействию коррупции в различных сферах российского общества.

Система государственной службы является наиболее уязвимой с точки зрения риска коррупции, поскольку государственные служащие осуществляют публичные полномочия государства, а это значит, что они концентрируют в своих руках большой объем власти. Полностью победить коррупцию невозможно. Однако для любого правового государства необходимо принимать организационные, правовые и экономические меры по минимизации проявлений коррупции [7, с. 52].

С начала 2000-х годов российское законодательство было дополнено множеством антикоррупционных нормативных актов, позволяющих бороться с коррупцией. Это направление является одним из приоритетов национальной безопасности России. Основываясь на нормативных документах, можно выделить несколько направлений механизма антикоррупционной деятельности в России:

- официальная сфера, регулирующая статус должностного лица как основного субъекта коррупции;
- коррупционная сфера, включающая элементы незаконной коррупционной деятельности, состав правонарушений и санкции за них;
- превентивная сфера, которая устанавливает превентивные элементы антикоррупционного механизма в России.

Учитывая вышеизложенное, механизм противодействия коррупции в нашей стране включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и отдельных лиц в пределах их полномочий, направленную на предупреждение коррупции, выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционные правонарушения, минимизация (устранение) последствий коррупции.

Таким образом, российский административно-правовой механизм противодействия коррупции представляет собой совокупность методов и средств предупреждения, практического противодействия и компенсационного элемента антикоррупционной деятельности компетентных лиц и российского общества в целом [5, с. 30].

В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» профилактика коррупции осуществляется путем применения следующих основных мер:

− формирование нетерпимости общества к проявлениям коррупционного поведения;

− проведение антикоррупционных экспертиз, объектом которых выступают принимаемые правовые акты и проекты;

− анализ не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики в отношении вступивших в силу решений судов, признающих недействительными те или иные ненормативные правовые акты, незаконными решения и действия (бездействия) органов власти, организаций и их должностных лиц, для дальнейшей выработки и принятия мер, направленных на предупреждение и устранение причин существования допущенных нарушений;

− предъявление квалификационных требований к гражданам, изъявившим желание поступить на должности государственной или муниципальной службы;

− признать непредставление сведения или представление заведомо недостоверных или ложных сведений о своих доходах, расходах, имущества и обязательствах имущественного характера основанием для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы;

− осуществлять дальнейшее развития институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства России [3].

В Основной закон государства Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 №1-ФКЗ [2] были внесены изменения в целый ряд статей, содержащихся в главах 3-8 Конституции РФ [1]. В связи с этим представляет актуальным выявить и проанализировать вновь закрепленные конституционные ценности в Конституции РФ, направленные на противодействие коррупции в органах государственной и муниципальной власти.

Проанализировав Конституцию Российской Федерации и Закон Российской Федерации "О внесении изменений в Конституцию Российской Федерации" от 14.03.2010 № 1-ФКЗ, можно выделить ряд конституционно-правовых норм, которые направлены на усиление борьбы с коррупцией в России. Первой конституционной ценностью, направленной на борьбу с коррупцией, является запрет иметь иностранное гражданство или вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание

гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Этот запрет вводится в отношении ряда должностных лиц, к которым относятся Председатель Правительства Российской Федерации, его заместители, федеральные министры, руководители федеральных органов исполнительной власти, прокуроры, судьи, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, руководители государственных органов, депутаты Государственной Думы и сенаторы Совета Федерации (статьи 77,78, 81, 95, 97, 103, 110, 125, 129 Конституции Российской Федерации).

Вторым антикоррупционным инструментом, закрепленным в "обновленной" Конституции России, является запрет на открытие и наличие счетов (вкладов), хранение наличных денег и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (статьи 77,78, 81, 95, 97, 103, 110, 125, 129 Конституция Российская Федерация). Закрепление на конституционном уровне запрета на открытие счетов (вкладов), хранение ценностей и денежных средств в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, позволило повысить значимость этого запрета, однако данный запрет является не новым, а ранее существовавшим антикоррупционным механизмом, который был закреплен в нормами федерального законодательства [6, с. 172].

Наряду с законодательным закреплением антикоррупционного механизма, важнейшим антикоррупционным фактором является доступ к информации. Необходимо открыть доступ к вакансиям в государственных структурах, ротации кадров, поддержке самоуправления. Все это обеспечит не только улучшение контроля, но и участие представителей гражданского общества во власти [4, с. 73].

Отсутствие общественного контроля приводит к неэффективности борьбы с коррупцией. Важным фактом является то, что антикоррупционные программы должны охватывать все (низшие и высшие) уровни государственных и муниципальных органов власти.

Можно сделать вывод, что эффективный механизм антикоррупционной политики требует не только наличия мер, закрепленных в законе, но и воспитательных и просветительских мероприятий. Другими словами, невозможно снизить уровень коррупции в стране без антикоррупционного просвещения общественности. Объектом воспитания в этом случае будут как граждане и общество, так и должностные лица и органы власти.

Таким образом, формирование и развитие антикоррупционных механизмов являются приоритетными направлениями деятельности высших органов государственного управления и должны обеспечивать решение задач, связанных с выявлением всех видов коррупционных отношений в правоприменительной практике органов государственной власти и поиском эффективных способов их предупреждения на основе о разработке и внедрении эффективных методов регулирования и контроля, содействие предупреждению коррупционных проявлений и укреплению организационных основ государственной антикоррупционной политики, реализуемой в Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 13.04.2023).
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – № 55.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 18.03.2023) // Российская газета – 2008. – № 266.
4. Андрианова О. В., Щипцова Я. А. Антикоррупционный механизм в России // Электронный научный журнал. – 2020. – №. 1. – С. 71-76.
5. Коннова П. И. Содержание актуального механизма противодействия коррупции в России // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 4. – №. 8. – С. 29-33.
6. Скрябин В. П. Совершенствование антикоррупционных механизмов на конституционном уровне // Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2021. – С. 169-173.
7. Тухфетуллова А. Э. Антикоррупционные механизмы в сфере государственной службы // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие. – 2022. – С. 51-56.

О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ИХ СОДЕРЖАНИИ, ПРОБЛЕМАХ И ПУТЯХ РЕШЕНИЯ

Орловецкая Анна Юрьевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что ряд вопросов конституционного регулирования экономических отношений обуславливаются наличием в РФ многоуровневой системы государственной власти и необходимостью устранения противоречий, имеющихся в Конституции Российской

Федерации (далее – РФ), федеральном законодательстве и в нормативных правовых актах, принятых субъектами РФ.

Понятие конституционно-правового регулирования экономических отношений. Государственная собственность РФ выступает в виде федеральной собственности и собственности субъектов РФ. Муниципальная собственность – собственность, принадлежащая местному самоуправлению. По своему юридическому содержанию любая форма собственности означает право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Детально право собственности регламентировано нормами гражданского законодательства [1]. Конституция РФ гарантирует равную защиту всех форм собственности. В отличие от ранее действовавшего законодательства, устанавливающего преимущества в защите социалистической, и в особенности государственной, собственности, в ныне действующем законодательстве реализуется принцип единства квалификации и санкций за преступления против собственности, чьей бы она ни была. Таким образом, Российское государство охраняет собственность в ее различных формах на равных основаниях. Из изложенного можно прийти к выводу о том, что теоретическая конструкция конституционных основ экономической системы должна содержать: во-первых, глобальные цели, которых стремится достичь каждая экономика; во-вторых, инструменты, которые используются для достижения этих глобальных целей; в-третьих, принципы, определяющие нормальное функционирование этих инструментов; в-четвертых, некоторые аспекты социальной политики, связанные с правом на труд, политикой в области занятости, ренты, торговли, защиты окружающей среды, семьи, культуры и т.д., выступающие в конституциях в виде социально-экономических прав и свобод, интегрируют глобальные цели. Иначе говоря, есть некие ценности, выраженные в виде социально-экономических прав и свобод или социальных целей, которые способны преобразовывать глобальные цели, или, во всяком случае, существенно корректировать; в-пятых, перечень тех, кто обладает властью придавать определенные очертания экономической инициативе, в каких пределах и в какой форме. Конституционные нормы–принципы, закрепляющие экономическую систему РФ, составляют три группы: свободы труда и экономической деятельности; многообразия и равенства различных форм собственности.

Содержание конституционно-правового регулирования экономических отношений. Конституционно-правовое регулирование основ экономической системы на федеральном и региональном уровне В Конституции РФ получила отражение попытка создания более справедливого общественного и государственного строя, основанных на идеях конституционализма. Конституционализм характеризуется наличием системы ценностей по справедливому устройству общества, основанному на конституции, в которой определены границы и принципы взаимоотношений общества, государства и личности. Современное представление о справедливом обществе неразрывно связано с понятиями социально-экономического прогресса, уровня экономического развития общества, экономического суверенитета государства, достойного уровня жизни человека и гражданина. Поэтому конституционализм, справедливость и экономическая система общества являются взаимосвязанными и взаимообусловленными понятиями. Правильно выбранная модель экономической системы – это залог перспективного, поступательного развития общества и конституционного строя в целом. В Конституции РФ достаточно четко установлена разновидность модели рыночной экономики, причем с ярко выраженными либеральными чертами. К их числу можно отнести следующие положения. В Конституции РФ закрепляется принцип признания и защиты равным образом разных форм собственности (ч.2 ст.8). В то же время содержательный анализ ст.8, 9, 34, 35, 36, ч.1 ст.44 Конституции РФ показывает приоритетность института частной собственности в конституционном перечне форм собственности. В связи с этим можно упомянуть ряд фактов: в конституционном перечне форм собственности частная собственность стоит на первом месте; в ч.1 ст.8 Конституции РФ закрепляются важнейшие принципы рыночной экономики, которые являются необходимой базой для существования и развития частной собственности; в ч.2 ст.9 Конституции РФ допускается частная собственность на землю и другие природные ресурсы - объекты, которые относятся к национальному достоянию всего общества; в гл.2 Конституции РФ право частной собственности представлено как естественное право человека, раскрыто его экономическое и правовое содержание: Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч.1 ст.34), каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч.2 ст.35); д) закрепляется широкий перечень гарантий обеспечения права частной собственности: право частной собственности охраняется законом (ч.1 ст.35); не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч.2 ст.34); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч.3 ст.35); право наследования гарантируется (ч.4 ст.35) [2]. В Конституции РФ закреплены основные принципы рыночной экономики. Частная собственность не имеет социального обременения как в ряде современных государств. Отсутствуют какие-либо значительные элементы регулирования экономики с учетом социальной природы государства (планирование, способы распределения национальных богатств и др.). Не установлено ограничение в использовании важнейших объектов собственности, которые традиционно относятся к национальному богатству (земля, полезные ископаемые, уникальные исторические и культурные ценности и др.).

Конституционные основы либеральной модели экономической системы явились политико-правовой базой радикального переустройства экономических отношений. Они обеспечили демонтаж старой политико-экономической системы и задали направление при создании правового поля современной рыночной экономики:

гражданский, налоговый, земельный, водный, лесной, бюджетный кодексы РФ, законодательство о хозяйственных товариществах и обществах, о некоммерческих организациях, о конкуренции, о банкротстве, о финансовых рынках и рынке ценных бумаг, о банках и банковской деятельности и др. К примеру Конституция Чувашской Республики – Чувашии, имея высшую юридическую силу среди нормативных правовых актов республиканских органов государственной власти, закрепляет достигнутые результаты в общественно-политической, экономической областях, в то же время закладывает основы будущих общественных отношений, ставит новые задачи перед органами государственной власти, нацеливает на то, что человек, его права и свобода являются высшей ценностью, объявляется свобода экономической деятельности. В статье 31 Конституции Чувашии отмечено, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [3]. А ее статья 32 указывает, что право частной собственности охраняется законом, при этом каждый может иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценно возмещения. Право наследования гарантируется. Также в Чувашии действует закон [4], устанавливающий цели повышения качества жизни населения темпами выше среднероссийских, последовательный рост благосостояния и платежеспособного спроса населения, предусматривающие создание эффективной системы предоставления социальных услуг и благоприятных условий для развития трудового, интеллектуального и творческого потенциала граждан, существенное уменьшение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. Подводя итог анализу актов, регулирующих конституционно-правовые основы экономической системы РФ, можно отметить, что экономическая концепция страны отсутствует, и, как следствие, отсутствует национальная экономическая отсутствует глава программа об экономической системе страны в федеральной конституции; видна разрозненность регулирования конституционных основ экономической системы в конституциях и уставах субъектов РФ.

Механизм реализации конституционно-правовых основ собственности. Закрепляя конституционно-правовой статус российского общества, российские конституции и конституционное право традиционно определяют основы экономической системы страны, хотя сами эти основы претерпели радикальные изменения. От допущения частной собственности в Конституции РСФС 1918 г. через полное ее отрицание в последующих конституциях Союза ССР (1924 г., 1936 г., 1977 г.) и РСФСР (1925 г., 1937 г., 1978 г.) вплоть до выдвижения на первое место в последних редакциях Конституции РСФСР 1978 года и в действующей ныне Конституции РФ – таковы крутые повороты конституционно-правового регулирования частной собственности как элемента экономической системы. Ныне конституционно-правовой перечень включает в себя частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности (ч.2 ст.8 Конституции РФ 1993 г. [5]. К числу иных относятся, к примеру собственность общественных и религиозных объединений, совместная собственность супругов, собственность крестьянского (фермерского) хозяйства и другие, предусмотренные российским законодательством. Конституционное право содержит открытый перечень форм собственности, не препятствуя появлению новых форм в соответствии с текущим законодательством. Конституционно-правовое регулирование прямо не предусматривает личную собственность граждан, но и не исключает возможность таковой. Гражданское законодательство относит гражданина к числу субъектов права собственности, то есть речь может идти о собственности как частной, так и личной. Однако категория личной собственности новым российском законодательством фактически не используется. Указание на наименование трех форм собственности в Конституции РФ не влечет за собой их особый статус, так как наряду с ними признаются и защищаются равным образом иные формы собственности. Юридическое значение конституционных наименований заключается только в том, что законодатель не может его изменить [6].

Конституционное право не определяет содержание понятия «собственность». Этого не делают и другие отрасли права. Наиболее связанное с регулированием отношений собственности гражданское право определяет содержание права собственности как совокупность принадлежащих собственнику права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. В отличие от прежних Конституция РФ не делает никаких попыток выделения пообъектного состава различных форм собственности. Это связано прежде всего с равноправным статусом этих форм. Однако федеральное законодательство знает объекты, изъятые из гражданского оборота, которые могут находиться только в государственной собственности (ст. 209) [7]. Так, нормативными правовыми актами определяются также виды имущества, которые могут находиться только в муниципальной собственности. Однако до настоящего времени такой федеральный закон не принят. Государственная собственность делится на федеральную собственность и собственность субъектов РФ. Конституция РФ обходит стороной вопросы приватизации государственного и муниципального имущества. Между тем приватизация началась до принятия Конституции РФ, продолжается и в настоящее время. Отсутствие конституционного регулирования приватизации считается одной из причин грубых ошибок и нарушений ее проведения в сфере, касающейся государственного и муниципального имущества. Первый закон о приватизации был принят в России 3 июля 1991 года. Он предусматривал приватизацию путем передачи гражданам именных приватизационных вкладов, личных лицевых приватизационных счетов, использование других средств. Однако РФ и актами Правительства РФ. Вместо именных приватизационных вкладов и личных счетов введены

приватизационные чеки на предъявителя. В итоге большая часть населения страны либо продала эти чеки по низким ценам, либо вложила в предприятия, которые прекратили свое существование. Приватизация не принесла те экономические и социальные результаты, на которые была рассчитана (повышение эффективности производства, создание так называемого «среднего класса» из миллионов частных собственников и т.д.). Положениями закона о приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества от 1991 г. был сделан только малый шаг на пути организации процесса приватизации как возмездного отчуждения государственной и муниципальной собственности в собственность физических и юридических лиц. В настоящее время действует закон о приватизации государственного и муниципального имущества, который предусматривает приватизацию исключительно на возмездной основе (ст.2) и устанавливающий требования к государственной программе приватизации имущества, которая должна утверждаться федеральным законом, а также порядок и способы приватизации. В целом можно увидеть справедливое стремление к более жесткому законодательному регулированию. конституционно-правовое регулирование экономической системы включает в себя также установление конституционным положением единого экономического пространства на всей территории РФ (ст.74). Конституционное право запрещает установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств [7].

Применяя эти нормы, Конституционный Суд РФ постановлением от 4 апреля 1996 года признал неконституционными ряд нормативных правовых актов Москвы, Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, ставящих регистрацию граждан по месту пребывания или жительства в зависимость от уплаты сборов. Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться только федеральным законом в строго определенных случаях (обеспечение безопасности, защиты жизни и здоровья людей, в целях охраны природы и культурных ценностей). Такие ограничения возможны в условиях чрезвычайного и военного положения, введения карантина, других мер, призванных предотвратить эпидемии и эпизоотии, установления пограничного режима и другие. Режим единого экономического пространства включает в себя систему налогообложения, объявление конституционной нормой (ст. 75) рубля в качестве денежной единицы в РФ и запрет введения и эмиссии других денег. Конституционно-правовое закрепление роли государства в экономике (что сделано достаточно робко). Эта роль закрепляется не прямо, а косвенно через полномочия органов государственной власти. При этом, к примеру Правительство РФ согласно Конституции РФ, воздействует на экономическую систему через ее бюджетно-финансовую составляющую (п. "а", "б" ст.114) и управление государственной собственностью (п. "г" ст.114). Такое воздействие на экономику со стороны Правительства РФ не соответствует его реальной роли и ориентирует в основном на косвенное регулирование. Неслучайно закон о Правительстве РФ значительно вышел за эти рамки [8]. При этом роль государства в рыночной экономике существенно меняется по сравнению с его положением в плановой экономике. Однако следует иметь в виду, что представления начала 90-х годов о необходимости ухода государства из экономики, которые и заложены в текст Конституции РФ, не выдержали проверку жизнью. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что не только на стадии создания рыночной экономики, но и при ее функционировании государство должно играть активную роль. Нередко эту роль сводят к осуществлению двух функций: установление в законах правил поведения субъектов экономической деятельности; контроль за соблюдением названных правил и защита субъектов правоотношений от правонарушений. Однако государство и в рыночной экономике остается главным собственником, и оно должно эффективно управлять этой собственностью. Государству присущи функции прогнозирования и планирования развития экономики. В части прогнозирования это нашло закрепление в законе о Правительстве РФ (ст.14).

Действующие Конституция РФ и законодательство тщательно обходят всякое упоминание самого термина «планирование». Однако фактически планирование осуществляется в форме многочисленных программ, так, Конституция РФ определяет понятия о федеральных программах в области экономического развития страны (ст.71 п. "е"), а закон о Правительстве РФ устанавливает обязанность по разработке и осуществлению программ развития приоритетных отраслей экономики. С правовой точки зрения не решен вопрос о юридической силе этих программ. Закон о государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ (от 20 июля 1995 г.) устанавливает содержание понятий «программа», «государственное прогнозирование», систему прогнозов социально-экономического развития страны, при этом, его положения определяют перечень документов и материалов, которые Правительство РФ должно представлять в Государственную Думу одновременно с проектом федерального бюджета. Однако юридическая сила этих документов, механизм взаимосвязи с бюджетом не определены. В итоге федеральный бюджет и указанные прогнозы, планы, оказываются несостыкованными, "живут" самостоятельно. Выход быть может только один: разработка на базе прогнозов и программ единого документа - плана, общей программы развития экономики на год, который должен иметь общеобязательную силу и предопределять федеральный бюджет. Кстати говоря, применительно к народнохозяйственному планированию в советское время эти проблемы тоже не были решены. Ни Союз ССР, ни РСФСР не имели закона о планировании, необходимость которого была признана еще в 50-е годы. В связи с рассмотрением конституционного регулирования собственности следует скорректировать распространенные представления о соотношении экономических и административных мер воздействия на экономику. Суть традиционных представлений в том, что государство воздействует на экономику «главным образом с помощью регулятивных мер преимущественно экономического характера»,

допуская также и меры властные, внеэкономические. Такой подход к соотношению экономических и административных начал в регулировании экономики не новый. Теоретически он установился в советское время. План считался прежде всего инструментом экономического регулирования. Однако на практике экономическая сторона планирования нередко уступала место директивности плана, что не без основания позволило в литературе отождествить плановую экономику с административно-командной. Представляется, что вывод о приоритете экономических методов над административными (целесообразнее было бы говорить о государственно-властных, так как. речь идет не только об административно-правовых методах, но и о всестороннем государственном воздействии на экономику) является следствием вывода о примате экономики над правом. В этом случае праву отводится роль одного из инструментов оформления экономических отношений. В итоге порядок планирования, его сроки, взаимосвязь с законодательством оставались за рамками правового регулирования. Документ под названием «государственный план» утверждался в советское время законом, принимаемым Верховным Советом СССР. Закон этот, однако, не соответствовал требованиям, которые предъявляются к законам как к нормативным актам, не имел своего места в правовой системе, рассматривался на практике как акт, реализация которого непосредственно невозможна.

Старые экономические «изобретения» (в виде экономических законов социализма, опережающего роста производства средств производства, господства государственной собственности, другие), новые и новейшие «изобретения» (бригадный подряд, кооперация, разгосударствление, приватизация, монетаристская политика, свободная конвертация рубля, саморегулирование цен на товары и услуги, многие другие) вследствие заведомого приоритета экономических методов регулирования как в советское время, так и ныне, не получают надлежащего правового содержания, вставляются в правовую систему в неприемлемом для нее виде. В итоге система либо отвергает их, либо каждое из них действует не по тем правилам, которые изначально предполагались. Власти и граждане всякий раз удивляются: планирование из блага превратилось в обузу для экономики, приватизация вызвала невиданную социальную поляризацию, монетаризм повлек за собой уход государства из сферы реального производства в твердой уверенности, что рубль все расставит по своим местам лучше всякого правового регулирования. Меры, которые в других странах дают блестящие результаты, в РФ нередко оказываются пагубными. Например, в конце прошлого года была оказана массированная государственная финансовая поддержка коммерческим банкам, которые, в свою очередь, должны были кредитовать реальный сектор экономики. Однако последний не получил кредитов, так как банки резко подняли ставки кредитования, а государственные средства направили на финансовые спекуляции. Одна из главных причин - вера в приоритет экономических методов, применение которых повлечет саморегулирование. Думается, в условиях рыночной экономики концепция приоритета экономических методов регулирования над государственно-властными не может дать позитивного результата. Экономические методы регулирования до известных пределов превалируют во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов друг с другом. Однако они не могут быть главенствующими при определении роли государства в экономике. Государство не может строить свои отношения с хозяйствующими субъектами на основе равноправного партнерства. Последние не отягощены теми функциями, которые обязано выполнять государство (оборона, безопасность, социальное обслуживание и т.д.) [9].

Хозяйствующие субъекты ведут дела для извлечения прибыли, а государство – для выполнения своих функций. Поэтому следует подчеркнуть, как минимум равнозначное положение экономических и правовых методов руководства, если не говорить о приоритете последних. При таком подходе конституционно-правовое регулирование экономической системы общества должно рассматриваться не как простое оформление экономических методов, а как самодостаточная ценность, которой должны соответствовать экономические методы, а не наоборот. В этой связи самыми крупными представляются проблема распространения действия основных прав и свобод граждан на юридических лиц, а также проблема введения в российские правы фигуры (корпорации, учреждения, организации) публичного права. Решение первой проблемы позволит «очеловечить» деятельность юридических лиц, а второй – ввести адекватное фактическому статусу правовое регулирование положения государства, его органов, а также негосударственных организаций в экономической системе страны.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу о том, что в федеральной собственности может находиться любое имущество, в том числе и то, которое не входит в круг объектов права частной собственности и изъято из гражданского оборота. Объекты исключительной федеральной собственности функционируют в особом правовом режиме, установленном законодательством. Заключение Результаты работы позволяют изложить в тезисном виде наиболее важные и практически значимые положения, выводы и рекомендации, касающиеся принципиальных возможностей, направлений использования и практических результатов применения конституционно-правовых норм при разрешении проблемных ситуаций, связанных с экономической системой общества: Экономическая система РФ представляет урегулированную нормами права систему общественных отношений, возникающих между индивидом, обществом и государством по поводу установления и закрепления форм и видов собственности, режимов объектов собственности, принципов регулирования экономических отношений, принципов разграничения и распоряжения материальными благами, взаимосвязи экономических, социальных и политических процессов. Экономическую основу конституционного строя РФ составляет находящееся в стадии становления социальное рыночное хозяйство, в рамках которого производство и распределение товаров и благ осуществляются в основном посредством рыночных отношений, участниками которых выступают частные хозяйствующие субъекты, находящиеся между собой в состоянии

конкуренции. В группу принципов конституционно-правовых основ экономической системы РФ входят: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свободы экономической деятельности, которые отражены в статье 8 Конституции РФ. Для экономической системы РФ характерно многообразие форм собственности.

Регулирование отношений собственности осуществляется посредством правовых норм, центральное место среди которых принадлежит конституционным – частной, государственной, муниципальной и других. В ст.9 Конституции РФ устанавливается также, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и других формах собственности, которые используются, охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст.35 Конституция РФ), при этом принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Подводя итог можно прийти к выводу, что на данный момент в стране в должной мере не отработана экономическая концепция, и как следствие – отсутствует глава Конституции РФ об экономической системе страны; очевидна разрозненность регулирования конституционных основ экономической системы в конституциях и уставах субъектов РФ. Так как Конституция РФ не регулирует детально все экономические отношения, нужно на законодательном уровне разрешить все проблемы. касающиеся отдельных нормативных положений Конституции РФ, которые нужно дополнить или изменить, отразив к примеру сведения о регулировании экономических отношений в едином блоке, оформленном в виде отдельной главы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
3. Конституция Чувашской Республики от 30 ноября 2000 года [Текст электронный] // URL: https://constitution.garant.ru/region/cons chuvash/ (дата обращения 04.04.2023).
4. Об утверждении Комплексной программы экономического и социального развития Чувашской Республики на 2003-2010 годы : закон Чувашской Республики от 25 ноября 2003 года № 39 [Текст электронный] // URL: https://www.conventions.ru/law/reg21/3693/ (дата обращения 04.04.2023).
5. Бондарева Е.А. Глобализация и суверенитет государства в экономической сфере / Е.А. Бондарева // Общество и право. – 2016. – №1 (55). – С. 23–26.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. –1994. – № 32. – ст. 3301.
7. О приватизации государственного и муниципального имущества: федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 4. – ст. 251.
8. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – ст. 7061.
9. Шестопал С.С. Соотношение суверенитета государства и экстерриториальности права в контексте глобализации / С.С. Шестопал // АНИ: экономика и управление. – 2017. – №4 (21). – С. 375–380.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ С СФЕРЕ О ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРОЦЕССАХ ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Пасека Елизавета Федоровна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Невозможно представить современный мир без прав человека, основанных на принципах свободы, равенства, справедливости и носящих универсальный характер. В настоящее время права человека считаются одной из высших ценностей человечества, они неотчуждаемы, никто не может лишить человека принадлежащих ему с рождения естественных прав на жизнь, на личную неприкосновенность, свободный выбор способов своей жизнедеятельности, свободу совести, мнений, убеждений, автономию в сфере частной жизни и других прав, они закрепляются как на международном так и на национальном уровнях.

Идея прав человека, основанная на различных представлениях о естественных правах человека, прошла долгий путь становления. Первым шагом на этом пути является Великая Хартия Свободы, принятая в 1215 г. в Англии, представляющая документ из 63 статей, регулирующих, в том числе налоговое и пошлинное право, феодальные повинности, судебную систему и судопроизводство, английское церковное право, городское право, купеческое право, наследственные права и вопросы опекунства. Отдельные статьи Хартии определили правила, которые ограничили королевскую власть. Эти ограничения нашли свое выражение в политической системе

страны при создании новых государственных органов – генерального совета королевства, комитета дворян, уполномоченного принудить короля к восстановлению нарушенных прав человека. Несомненно, что особую роль в совершенствовании идеи прав человека сыграла Французская буржуазная революция 1789 г., результатом которой стала Декларация прав человека и гражданина [1], принятую Национальным собранием от 26 августа 1789 г. Действующая в настоящее время на международном уровне универсальная система защиты прав и свобод человека была сформирована после Второй мировой войны, немаловажную роль в ее создании сыграла Организация Объединенных Наций (далее – ООН). Необходимо отметить, что определенные механизмы защиты прав и свобод человека применялись еще в начале двадцатого века, к примеру, принятие Конвенции о рабстве 1926 года, запретившей работорговлю, и провозгласившей принцип применения обязательного или принудительного труда только для общественных целей только в исключительных случаях» [2], когда разногласия, существующие между сторонами рассматривались Постоянной палатой международного правосудия, обладавшей определенными полномочиями в области защиты прав и свобод, подобно тому, как сейчас в Российской Федерации (далее – РФ), Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики для ее единообразного применения.

Действовавшая до образования ООН Лига Наций всеобъемлющей и целостной системы защиты прав и свобод человека на международном уровне не выработала, что после завершения Второй мировой войны стало активно исправляться как на национальном, так и на международном уровне. Уже в преамбуле Устава ООН зафиксировано, что «народы преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых будут осуществляться данные действия» [3]. Устав ООН отличается от многих документов прошлого тем, что в нем не только установлены и перечислены задачи, принципы и цели в области защиты прав и свобод человека, но и представлены полномочия исполнителям – органам ООН и их подразделениям, как правовые возможности для реализации возложенных полномочий в деятельности по защите прав и свобод человека. К примеру, Экономический и Социальный Совет могут вступать с любым из учреждений, определенных Уставом ООН (ст. 63) в соответствующие соглашения. При этом механизмы защиты прав и свобод человека классифицируются: по характеру деятельности, по правовой природе, по составу, по объекту деятельности, по сроку деятельности, по объему полномочий. По характеру деятельности механизмы подразделяются на: *судебные,* примером механизма которых считается Международный Суд ООН, решения которого должны исполняться в обязательном порядке сторонами рассмотренного дела; *несудебные*, к которым относятся особые процедуры, проводимые Советом ООН по правам человека, миссиями по выяснению определенных обстоятельств, того, что произошло, в ходе заседаний Совета Безопасности, при рассмотрении вопросов Генеральным секретарем ООН, в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека в области защиты прав и свобод человека; *квазисудебные,* в которых механизмами считаются договорные органы в области защиты прав и свобод человека, принимающие в рамках установленных процедур решения по оценке полноты соблюдения государствами взятых на себя обязательств, выявляют недостатки и нарушения, осуществляют деятельность по предоставлению рекомендаций, помогающих в полной мере соблюдать и защищать права и свободы человека, рекомендации которых не несут обязательный характер, а их учет и исполнение осуществляются по усмотрению государств. По признаку срока деятельности механизмы защиты прав и свобод человека делятся на бессрочные и временные. Временные механизмы функционируют в течения определенного периода времени или до момента выполнения той или иной задачи. Подавляющее число механизмов защиты прав и свобод человека не обладает ограничениями по времени и являются бессрочными. Иногда определенные договорные органы могут прекратить свое существование при расторжении договоров государствами, также как и процедуры и органы ООН при их упразднении[4].

Таким образом, можно сделать вывод, что первоначальным стимулом развития защиты прав человека являлись народные волнения, современным же стимулом являются последствия двух мировых войн. Жертвы, понесенные многими народами, были настолько велики, что всерьез заставили задуматься о будущем человечества. 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (далее – Декларация). Тридцать ее статей содержат тот минимум прав, которым должен обладать каждый человек «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [5].

Вопросы международного публичного права. Главным документом, регулирующим отношения в сфере прав человека считается Декларация, положения который признаны международном и национальном уровнях, ставшие обязательными и закрепленные в большинстве конституций современных государств. Декларация провозглашает: *равенство всех людей* рожденных свободными и равными в своем достоинстве и правах (ст.1); *запрет дискриминации* (ст.2); *право человека на жизнь*, свободу и личную неприкосновенность (ст.3); запрет рабства и работорговли (ст.4); *положения*, согласно которым никто не может подвергать пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию (ст.5), каждый человек имеет право на признание правосубъектности (ст.6), никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию (ст.9); *равенство перед законом* всех людей (ст.7); право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему

конституцией или законом (ст.8); презумпцию невиновности (ст.11); *право свободно* передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства (ст.13); *право на гражданство* (ст.15); *право на свободу мысли*, совести и религии (ст.18); *право на социальное* обеспечение (ст.22); *право на отдых и досуг*, ограничение рабочего времени и отпуск (ст.24); *право свободно участвовать* в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (ст.27); иные права и свободы, изложенные в Декларации, которая при этом провозглашает не только права человека, но и его обязанности перед обществом, в котором возможно свободное и полное развитие его личности, где человек должен быть готов принять на себя ограничения, которые могут устанавливаться только законом.

Преамбула Декларации провозглашает ее в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства стремление каждого человека и каждого органа общества к движению по пути просвещения и образования, содействию каждого к уважению зафиксированных прав и свобод и обеспечению возможностей их воздействия через национальные и международные прогрессивные мероприятия, всеобщего признания и осуществления их как среди народов всех территорий, находящихся под юрисдикцией стран-участниц ООН. В Декларации как один из стандартов международно-правового поведения устанавливаются допустимость, критерии и условия ограничения прав и свобод человека и гражданина, который стал общепринятым и применяется в правовых моделях большинства стран, включая РФ, которые определяют порядок регулирования ограничений. Ограничения прав и свобод при этом считаются приемлемыми для демократического общества и принимаются в законодательном порядке с целью защиты государственной и общественной безопасности и порядка. Международное сотрудничество в области прав человека, провозглашенное Декларацией не сводится только к выработке и принятию соответствующих международных актов, а определяет необходимость перевода содержащихся в них норм во внутреннее законодательство стран-участниц таких соглашений. Сотрудничество в рамках соблюдения прав и свобод человека необходимо и в дальнейшем для успешного выполнения принятых государствами на себя обязательств и для осуществления международного контроля за их выполнением. Для этих целей созданы специальные международные органы, призванные активно содействовать осуществлению соглашений по правам человека. Процесс формирования принципов, связанных с правами человека продолжается и в настоящее время, обретая активную фазу в выстраиваемого многополярного глобального мира, основным носителем идеи которого считается РФ. При всем при этом можно свидетельствовать о насущной надобности положений Декларация, которая не являясь юридически обязательным документом получила апробацию и стала фактически обязательной рекомендацией для всех народов и государств мира.

Права человека в российской правовой системе. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, и включает в себя основные принципы в области прав человека, устанавливая, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, определяя при этом, что в случае, если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора РФ (ч.4 ст.15 Конституции РФ) [6].

Правам человека посвящена конституционная глава, называемая «Права и свободы человека и гражданина». Гарантия прав человека осуществляется согласно общепринятым принципам и нормам международного права, в соответствии с Конституцией РФ, принадлежат каждому от рождения. При этом осуществление прав и свобод одного человека не должно нарушать прав и свобод других лиц, при этом в основной закон РФ положен принцип «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Конституция РФ содержит в себе следующие принципы, касающиеся прав человека, где: все равны перед законом и судом (ст.19); каждый имеет право на жизнь (ст.20); никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст.21); право на свободу и личную неприкосновенность (ст.22); неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст.23); неприкосновенность жилища (ст.25); право самостоятельно определять и указывать свою национальную принадлежность (ст.26); право свободно передвигаться на территории РФ, выбирать место жительства и выезжать за пределы страны (ст.27); свобода вероисповедания (ст.28); и другие, прямо предусмотренные в конституционных нормах еще 24 принципа. При этом Конституция РФ не умаляет других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Исходя из понимания, что положения Конституции РФ практически идентичны положениям Декларации и позволяют провести их классификацию в зависимости от содержания, куда включены: *гражданские или личные права*, принадлежащие человеку как биосоциальному существу (право на жизнь, на охрану достоинства, право на тайну переписки, телефонных переговоров и др.); *политические права* как возможность участия личности в политической жизни общества, в формировании и осуществлении государственной власти (право избирать и быть избранным во властные структуры, прав на равный доступ к государственной службе, на объединения, мирные собрания, митинги, демонстрации и др.); *экономические права* как возможность свободного распоряжения имущественными благами и ведения хозяйственной деятельности (право частной собственности, право на предпринимательскую деятельность, на труд и др.); *социальные права* как притязание на достойный уровень жизни и благосостояния (право на охрану семьи, охрану материнства и детства, охрану здоровья, право на социальное обеспечение, благоприятную окружающую среду и др.); *культурные права* как обеспечивающие

духовное развитие и самореализацию личности (право на образование, на участие в культурной жизни, право на пользование результатами научного и культурного прогресса и др.) [7].

О праве каждого обращаться в судебные органы за защитой прав и свобод человека. В соответствии с нормами международного права, Конституция РФ устанавливает право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46), обеспечивая возможность граждан по обращению в высшие судебные инстанции страны: в Конституционный Суд РФ и в Верховный Суд РФ, при этом в связи с выходом из состава организации объединенной Европы, возможность по обращению в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) не утрачена, однако могут возникнуть сложности из за политизированностью этой международной организации, как на этапе приема и рассмотрения обращения, так и при реализации принятого ЕСПЧ, решения. Заметным также считается отсутствие в перечне положения ст. 25 Декларации о праве на достаточный жизненный уровень для его самого и его семьи. Однако конституционная норма (ст. 7) нивелирует этот недостаток, прямо указывая, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, позволяющая в законодательном порядке определять к примеру минимальный размер оплаты труда, установленный с 1 января 2023 г. в размере 16 242 рублей [8], при этом было бы неверным утверждать, что это является гарантией обеспечения достойного уровня жизни, хотя здесь видна целевая готовность государство достичь такого уровня жизни для своих граждан. Таким образом можно отметить, что права гражданина, четко не обозначенные конституционными нормами, так или иначе дополняются правами, предусматриваемыми законами, другими нормативными правовыми актами. Нарушение прав человека, предполагает необходимость их защиты, что определяет необходимость постоянного развития института защиты и самозащиты прав и свобод человека, который, как предполагается, в значительной степени способствует росту правового самосознания у граждан, укреплению правопорядка и законности в стране и позволяет минимизировать количество нарушений в сфере обеспечения прав человека [9].

Конституционная норма (ч. 2 ст. 45) определяет что: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», подтверждает необходимость развития института самозащиты прав. Так, формально сравнительный анализ содержания международных стандартов по правам человека и основных прав и свобод, перечисленных в Конституции РФ свидетельствуют о том, что конституционными нормами охватываются почти все международно-признанные положения, касающиеся прав и свобод человека. Это обстоятельство послужило достаточным основанием для научного вывода о том, что согласно Конституции РФ, индивиды располагают комплексом личных, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод не меньшим, а в ряде случаев и превосходящим по количеству международные стандарты, определяющие права человека, зафиксированные в Декларации. Взаимозависимость и единство в международных отношениях требуют, чтобы национальные правовые системы были способны так или иначе, но взаимодействовать друг с другом и с правовой системой международного права в целом. Здесь можно свидетельствовать о некой сформированности всемирного правового комплекса, который включает в единый комплекс международное право и национальные правовые системы.

Соотношение защиты прав человека на международном и национальном уровне. Защита прав человека является, прежде всего задачей внутригосударственного, национального правопорядка, и это не подлежит сомнению. ри том, что Конституция РФ определяет для человека его права и свободы, обозначив их высшей ценностью, признание, соблюдение и защиту которых, относит к обязанности государства, реальное исполнение конституционных положений считается трудной задачей. Так, к примеру, современное правовое положение личности в РФ усугубляется низкой правовой культурой граждан и должностных лиц, отсутствием реальной ответственности за несоблюдение правовых норм, пороками в деятельности правоохранительных органов. При этом все лица, находящиеся на территории РФ, вправе обращаться в национальные суды и в международные судебные органы по защите прав человека, при условии, когда будут исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства защиты. Право на обращение в суд признается естественным и неотчуждаемым. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, помимо непосредственно перечисленных прав в разделе II, содержит положения о ЕСПЧ [10], решения которого в настоящее время не являются обязательными для исполнения российскими государственными органами.

Выход РФ из Совет Европы ознаменовал прекращений официального сотрудничества с этой организацией, однако не исключает общения с европейскими странами с использованием иных каналов доступной связи, включая различные площадки структур ООН, при этом делая невозможным конструктивное взаимодействие со структурами СЕ и ЕСПЧ из-за постоянного обострения политической ситуации. Безусловно, стандарты, заложенные в основу Европейской конвенции, являются общепризнанными, однако ЕСПЧ является не только правовым, но и политическим органом, которым принципы добросовестного сотрудничества государств и их равенство нарушаются, в зависимости от политических соображений. РФ как суверенное государство сможет существовать и без юрисдикции ЕСПЧ, который имеет лишь вторичное значение к национальной судебной власти. Решения ЕСПЧ как судебного органа несут в себе лишь вспомогательный характер, когда рассмотрение им дел по жалобам возможно только после использования всех внутринациональных средств защиты прав. Процесс рассмотрения дел в ЕСПЧ длится годами, это в значительной степени снижает его эффективность. Более того, ЕСПЧ является не единственным

международным правозащитным механизмом, например, в рамках ООН индивидуальные жалобы на нарушения прав личности могут быть рассмотрены специальными докладчиками, комитетом по правам человека, комитетом против пыток и другими органами [11]. Таким образом, взаимодействие РФ и ЕСПЧ имеет характер неоднозначности. Так, к примеру, с одной стороны РФ, формально признает решения ЕСПЧ, выплачивая пострадавшим сторонам компенсации, с другой, довольно часто не отменяет судебные приговоры и не приводит законодательство в соответствии с требованиями решений ЕСПЧ из-за их политизированности, когда механизм отказа от исполнения подобных решений был закреплен конституционной нормой введенной поправкой к Конституцию РФ в июле 2020 года.

Таким образом, можно свидетельствовать о фактическом прекращении взаимодействия между РФ и ЕСПЧ, в том случае, когда его решения противоречат принципу независимости судебных органов РФ и прийти к выводу, что осуществление прав человека относится к задачам не только одного государства, а к сообществу государств, принявших на себя в добровольном порядке закрепить в своих национальных правовых системах основные права и свободы человека, обеспечив их надежную защиту и охрану.

Список литературы

1. Велиев, И. В. О международно-правовом регулировании защиты прав и свобод человека / И. В. Велиев // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 3. – С. 43–50.
2. Конвенция о рабстве (Женева, 1926 год) // [Текст] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml (дата обращения 05.03.2023).
3. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, – М. – 1956. – С. 14–47.
4. Скороходов, И. О. Универсальная система международной защиты прав и свобод человека: история возникновения и сущность основных механизмов / И. О. Скороходов // Российский государственный педагогический университет им. Герцена. Журнал: ACADEMY – 2021. – № 6(69). – С. 51–56.
5. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. – 1995. – № 67.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
7. Бялт, В. С. Актуальные проблемы классификации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / С. Ю. Чимаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3(74). – С. 76–79.
8. О минимальном размере оплаты труда: фед. закон от 19.06.2000 №82–ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 26. – ст. 2729.
9. Бекишиева, С. Р. Актуальность развития механизмов защиты прав и свобод человека в Российской Федерации / К. М. Касумова // Вестник дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2021. – Т. 36, № 1. – С. 64-69.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – ст. 163.
11. Ким, М.С. Исполнимость постановлений Европейского Суда по правам человека после выхода России из состава Совета Европы / М. С. Ким // Российское право онлайн. – 2022. – № 3. – С. 96–101.

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АНТАРКТИКИ И ПРОБЛЕМАХ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Радченко Анна Сергеевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Институт правового регулирования территорий Арктики в международном праве – один из древнейших и до сих пор обладающих большой значимостью в поддержании международного мира и безопасности, развитии международного партнерства и прогресса всего человечества.

Правовой статус Антарктики. Антарктика представляет собой территорию земного шара южнее 60-го градуса южной широты и включает в себя материк Антарктику, шельфовые ледники и прилегающие моря. Правовой статус Антарктики определен Договором об Антарктике 1959 г., в котором участвует 56 стран. Этот Договор на конференции государств-участников в 1995 г. был признан бессрочным [1]. В соответствии с положениями Договора 1959 г. все территориальные претензии государств в Антарктике не допускаются. Не признавая чьего-либо суверенитета в Антарктике, Договор не отрицает существования территориальных претензий, но не допускает существующие и запрещает предъявление государствами новых притязаний в отношении принадлежности к территории. Договором установлено, что Антарктика может использоваться

только в мирных целях. В Антарктике запрещаются создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, испытания любых видов оружия. Так же, на территории Антарктики запрещено проведение ядерных взрывов и сброс радиоактивных отходов. Антарктика признана демилитаризованной территорией. Однако договор, не препятствует применению в Антарктике военного персонала либо оснащения для научных исследований и для всех других мирных целей. Для содействия международному сотрудничеству в научных исследованиях в Антарктике производится: обмен информацией касательно намерений научных работ в Антарктике; обмен научным персоналом в Антарктике; обмен информацией и результатами научных наблюдений в Антарктике и обеспечивается открытый доступ к ним. Любое государство-участник Договора может ставить своих наблюдателей, которые имеют доступ в каждый участок Антарктики в любое время. Антарктические станции, установки, оборудования, мореходные и воздушные суда всех стран в Антарктике открыты для инспекций и исследований. Наблюдатели и академический персонал станций в Антарктике находятся под юрисдикцией государства, чьими гражданами они являются. По Конвенции о сохранении тюленей Антарктики 1972 г. в районе ее действия граждане либо суда, плавающие под флагом участвующих государств, не будут забивать либо отлавливать виды тюленей, приведенные в Конвенции. Страны принимают законы, правила и прочие меры, включая соответствующий порядок разрешений, требуемые для выполнения Конвенции.

Правовой режим Антарктики. Правовой режим жизненных ресурсов Антарктики регламентируется еще и Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. По Конвенции всякий промысел и связанная с ним активность проводятся по принципам: устранение сокращения численности всякой вылавливаемой популяции до уровней, ниже таких, которые обеспечивают ее устойчивое пополнение; сохранение экологических связей и связанными с ними популяциями морских жизненных ресурсов Антарктики, и возобновление истощенных популяций; устранение изменений в морской экосистеме, которые являются, вероятно, необратимыми [2]. В соответствии с Конвенцией основана Комиссия по сохранению морских жизненных ресурсов Антарктики. Комиссия содействует проведению изучений и всестороннего исследования морских жизненных ресурсов Антарктики и антарктической морской экосистемы; коллекционирует материалы о состоянии популяций морских жизненных ресурсов Антарктики, изменениях в них и о факторах, воздействующих на распределение, численность и результативность вылавливаемых видов и зависящих от них или объединенных с ними видов или популяций. В меры по сохранению входит: установление численности каждого вида; установление районов на основе распределения популяций морских жизненных ресурсов Антарктики; определение количества, которое может вылавливаться из популяций районов; определение оберегаемых видов. Учреждается и научный комитет по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, который представляется консультативным органом Комиссии. В 1991 г. Договор об Антарктике 1959 г. был дополнен Протоколом по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991. По протоколу Антарктика была установлена в качестве "природного заповедника, созданного для мира и науки". Активность государств в Антарктике обязана планироваться и осуществляться таким образом, чтобы сузить негативные влияния на окружающую среду Антарктики и связанные с ней экосистемы. Обязательно должно проводиться беспрерывное наблюдение для осуществления оценки влияния ведущейся деятельности. При всем при этом главное значение информационное обеспечение деятельности государств в Антарктике. Государства условились заканчивать действия, когда они воздействуют на окружающую среду Антарктики и соединенные с ней экосистемы несопоставимым с данными принципами образом. В Протоколе об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г. присутствует шесть приложений, в числе приложения I - IV, вступили в силу в 1998 г., приложение V «Охрана и управление районами» вступило в силу в 2002 г., а приложение VI «Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций» – в 2005 г. Протокол учредил Комитет по охране окружающей среды (КООС) как экспертный консультативный орган для проведения консультаций и разработки рекомендаций для КСДА в связи с имплементацией Протокола. Заседания КООС проводятся ежегодно в одно время с КСДА. При этом деятельность физических и юридических лиц РФ в Антарктике регулируется специальным законом о регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике [3].

Договор об Антарктике 1959 г. С 15 октября по 1 декабря 1959 г. в Вашингтоне состоялась Международная конференция по Антарктике при участии 12 государств, которые проводили научные исследования в Антарктике, некоторые из них, выдвинули территориальные требования на участки антарктической территории, в том числе: Австралия, Аргентина, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Франция и Чили. 1 декабря 1959 г. Конференция приняла Договор об Антарктике, установивший ее международно-правовой статус и определил правовую составляющую режима ее использования. Так, ст. I устанавливает что "Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия" (п. 1) [4]. Следовательно, большая часть земного шара – целый материк и прилегающий к нему внушительный участок – впервые в истории международных отношений был преобразована в участок мира, в пределах которого воспрещаются любые военные действия и разрешена исключительно мирная (не военная) деятельность. Запрещение любых военных действий означает, что Антарктика – не место для военных действий и возникновения вооруженных конфликтов, то есть является территориально-нейтральной. В то же время Договор об Антарктике не мешает использованию "военного

персонала или оснащения для научных исследований или для любых других мирных целей" (п. 2 ст. 1). Это положение водилось по предложению определенных участников конференции, которые заявили, что они в нелегких условиях Антарктики могут реализовывать научные исследования в миролюбивых целях с привлечением военного персонала и применением военного оборудования. В целях предупреждения вероятных злоупотреблений в данном вопросе Договор обязывает всякую договаривающуюся сторону оповещать остальные договаривающиеся стороны "о любом военном персонале или оснащении, предназначенном для направления его в Антарктику с соблюдением условий, предусмотренных п. 2 ст. I Договора". Как было поздней установлено, что участники Договора, в предоставленную информацию обязаны включать, например, типы, описание и вооружение морских судов, самолетов и прочих транспортных средств, которые вводятся в участок действия Договора, время прибытия и пребывания, а еще маршруты следования экспедиций. Кроме того, участники Договора определили строгий порядок контроля за выполнением его предписаний. Одной из ключевых статей Договора об Антарктике является ст. V, которая гласит: "Любые ядерные взрывы в Антарктике и удаление в этом районе радиоактивных материалов запрещаются" (п. 1). В Антарктике запрещены ядерные взрывы, как в военных, так и в миролюбивых целях, что весьма значимым образом усиливает и расширяет положения Договора о недопустимости осуществления в Антарктике мероприятий военного характера. Запрет всех ядерных взрывов вместе с запретом в этом участке радиоактивных материалов превратило Антарктику и в безъядерную зону. Но Договор не предусматривает запрета для использования в Антарктике ядерного оборудования либо ядерной техники. Вследствие этого на американской базе Мак-Мердо была сооружена и работала в 60-х годах и первой половине 70-х атомная электростанция (АЭС). А затем американские ученые обнаружили, что при работе данной станции происходит утечка радиоактивных отходов. АЭС пришлось демонтировать, а загрязненный ею участок очистить. Другие проекты создания АЭС в Антарктике совершены не были.

Договор провозгласил свободу научных исследований, определяемую через ст. II Договора устанавливает что "Свобода научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях, как они применялись в течение Международного геофизического года, будут продолжаться". На протяжении Международного геофизического года, как известно, не было законных ограничений свободы научных исследований в Антарктике в мирных целях. Все государства и их граждане, а еще международные организации могли свободно вести научные исследования в антарктических районах. Договор укрепил данный серьезный принцип. Для содействия международному сотрудничеству в научных исследованиях Антарктики участники Договора договорились в предельно вероятной и практически осуществимой степени производить обмен проектами научных работ, итогами и данными научных наблюдений, и обмен научным персоналом. События, наступившие в Антарктике после вступления в силу договорных положений, указывают на то, что обмен научной информацией и научным персоналом приобрели фундаментальный и безграничный характер. Научный совет по исследованию Антарктики благополучно взаимодействует со многими международными организациями, такими как Научный комитет по исследованию океана, Комитет по исследованию космоса, и со многими национальными организациями и органами, занимающимися вопросами изучения Антарктики. Значительным для оценки содержания Договора является то обстоятельство, что участникам удалось преодолеть противостояние по территориальным вопросам и принять компромиссное решение, оформленное в ст. IV, где было установлено, что ни одно из положений Договора не должно толковаться как "отказ любой из договаривающихся сторон от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет в Антарктике" или, с другой стороны, как отказ от любой основы для претензии на территориальный суверенитет в Антарктике, или сокращение этой основы, которую оно может иметь в результате ее деятельности или деятельности ее граждан в Антарктике, или по другим причинам. Следовательно, одни участники Договора не отказались от ранее заявленных территориальных претензий в Антарктике, а другие – от любой основы для выдвижения таких претензий. На ряду с этим ничто в Договоре не должно толковаться как наносящее ущерб позиции любой из Договаривающихся сторон в отношении признания или непризнания ею права или претензии, или основы для претензии любого другого государства на территориальный суверенитет в Антарктике (п. с ст. IV). Вместе с вопросом о территориальных претензиях был связан так же вопрос о юрисдикции над людьми во время их пребывания в различных районах Антарктики. Великобритания, хоть она и претендует на антарктические земли, внесла на Конференции предложение о включении в Договор статьи, устанавливающей, что лица, находящиеся в любой части Антарктики, будут подчиняться юрисдикции исключительно того государства, гражданами какого они являются. Франция, Чили и Аргентина выступили против английского предложения. В результате обсуждения этого вопроса было принято зафиксированное в ст. VIII Договора следующее компромиссное решение: Без ущерба для соответствующей позиции каждой Договаривающейся стороны, относительно юрисдикции над всеми другими лицами в Антарктике наблюдатели, назначаемые в соответствии со ст. VII, и научный персонал, которым обмениваются станции и экспедиции Договаривающихся сторон, а также все лица, сопровождающие наблюдателей и членов научного персонала, находятся в Антарктике под юрисдикцией той Договаривающейся стороны, гражданами которой они являются, в отношении всех действий или упущений, имеющих место во время их пребывания в Антарктике для выполнения своих функций. Консультативные совещания созываются для обмена информацией, взаимных консультаций по вопросам Антарктики, а также разработки, рассмотрения и рекомендации правительствам государств-участников мер, содействующих осуществлению принципов и целей Договора, включая меры

относительно: использования Антарктики только в мирных целях; содействия научным исследованиям в Антарктике; содействия международному научному сотрудничеству в Антарктике; содействия осуществлению прав инспекции, предусмотренных Договором; вопросов, касающихся юрисдикции в Антарктике; охраны и сохранения живых ресурсов в Антарктике. При этом иным значительным компонентом механизма обеспечения соблюдения Договора об Антарктике является система инспекции, предусмотренная ст. VII, которая установила, что государства, обладающие статусом участника Консультативных совещаний, вправе назначать наблюдателей, наделенных необходимыми полномочиями, имеющих полную свободу доступа в любое время в любой или все районы Антарктики, включая все станции, конструкции и оснащение в данных районах, и все морские и воздушные суда в пунктах разгрузки и погрузки груза или персонала в Антарктике, постоянно открыты для инспекции [5]. Контроль с воздуха может производиться в любое время над любым районом Антарктики любой договаривающейся стороной, обладающей право распределять наблюдателей. В пределах участка действия Договора, включая и части открытого моря, запрещаются ядерные взрывы (даже в мирных целях), и сброс радиоактивных отходов. Это запрещено ст. V Договора. При всем при этом ст. X возлагает на участников Договора обязанность прилагать соответствующие усилия, совместимые с Уставом ООН, с тем, чтобы в Антарктике не проводилось никакой деятельности, противоречащей принципам и целям Договора. В этой статье не делается исключения для такой деятельности государств, не участвующих в Договоре. В соответствии со ст. XI Договора все споры между двумя или несколькими сторонами относительно толкования или применения Договора разрешаются мирными средствами по выбору участвующих в споре сторон. Всякий спор, который не будет разрешен указанным путем, передается на разрешение в Международный Суд ООН с согласия всех сторон, участвующих в споре. Однако если не будет достигнута договоренность о передаче спора в Международный Суд, стороны не освобождаются от обязанности допустить спор мирными средствами, общепризнанными Уставом ООН. Договор об Антарктике открыт для присоединения к нему каждого государства, являющегося членом ООН, либо всякого прочего государства, которое может быть приглашено, присоединиться к Договору с согласия всех Договаривающихся сторон, представители которых обладают правом участвовать в Консультативных совещаниях. В настоящее время 29 государств являются Консультативными сторонами Договора. С момента как Договор об Антарктике вступил в силу (23 июля 1961 г.) прошло 62 года. За минувший период достаточно очевидно выявилась его жизнеспособность. Поначалу он способствовал стабилизации обстановки в Антарктике, а затем отлично повлиял на развитие положительных процессов в этом участке с учетом основных принципов и целей ООН [6].

Система договора об Антарктике. Система Договора об Антарктике есть полный комплекс соглашений, разработанных для регулирования отношений среди стран в Антарктике. Основание системы Договора об Антарктике составляет фактически Договор об Антарктике, многочисленные Рекомендации, принятые на совещаниях Сторон Договора об Антарктике и вступившие в силу в соответствии с условиями Договора. Кроме того, в Систему Договора об Антарктике входят три отдельные Конвенции, относящиеся сохранения антарктических тюленей (Лондон, 1972), сохранения морских живых ресурсов в Антарктике (Канберра, 1980), регулирования освоения минеральных ресурсов (Веллингтон, 1988) и Протокол по охране окружающей среды Антарктики (Мадрид). Всякая из данных Конвенций и Протокол появились по инициативам, предпринятым Консультативными совещаниями Договора об Антарктике и развивались путем дальнейших рекомендаций Консультативных совещаний. Система Договора об Антарктике также содержит итоги совещаний специалистов и решения Специальных Консультативных совещаний. Эти встречи и действия были приняты по мере того и тогда, когда понималась реальная или будущая надобность в них. Вопросы защиты животного мира Антарктики давно рассматривались международным сообществом как безгранично значительные. Еще на III КСДА (г. Брюссель, Бельгия, 1964) были приняты Согласованные меры по охране флоры и фауны Антарктики. На IV КСДА (г. Токио, Япония, 1970) специально рассматривался вопрос об антарктических тюленях как преимущественно пострадавшем семействе морских млекопитающих в итоге их безжалостного промысла в конце XVIII и в XIX веке. Отмечалось, что их популяция не восстановилась и поэтому нужно принять безотлагательные согласованные меры по охране антарктических тюленей. 1 июня 1972 г. в Лондоне (Великобритания) Консультативные стороны заключили Конвенцию о сохранении тюленей Антарктики. Она распространяется на все виды антарктических тюленей, водящихся в воде и на морском льду южнее 60° ю. Конвенция вступила в силу 11 марта 1978 г. Конвенция позволяет отлов исключительно трех видов тюленей в следующих количествах: 170 тыс. крабоедов, 12 тыс. леопардов, 5 тыс. в год для каждого вида. Отлов тюленей Росса, морских слонов и котиков Конвенция запрещает. Установлены запретные районы, дозволенные сроки охоты и шесть допустимых зон отлова, любая из которых обязана поочередно закрываться. Определены районы размножения и длительного научного изучения тюленей, в которых их отлов запрещен постоянно. Впрочем, с 1964 г. не предпринималось попыток промышленной добычи антарктических тюленей, состав специалистов СКАР по антарктическим тюленям продолжает наблюдение за отловом тюленей для научных целей. Великобритания, как страна-депозитарий систематически предоставляет отчеты о деятельности данного органа Договора. Первоначально морскими ресурсами в Антарктике, используемых в промысловой ловле в начале XIX века, стали котики и морские слоны. Южноатлантическая популяция котиков практически исчезла к середине 1820-х годов. Впоследствии стали промышлять больших китов, добыча которых достигла своего пика к 1930 г. и неминуемо прекратилось бы по причине исчезновения китов как вида. Заменой в промысловом лове стала антарктическая плавниковая рыбы, самой распространенный в природе рыбе под названием криль, подобной

креветке, ракообразному виду, который является устойчивым источником кормления для большинства антарктических китов, тюленей и птиц. Возможность добычи криля стала предметом экспериментального рыбного промысла в середине 1960-х годов. Рыбный же промысел в Антарктике возник в 1969 г. Принятие Конвенции о сохранении антарктических тюленей в 1972 г., предметом которой были и ресурсы открытого моря, открыло ход к рассмотрению вопросов, которые может поставить крупномасштабная добыча криля. В 1975 г. на VIII КСДА Консультативные стороны приняли Рекомендацию VIII-10, в которой отмечалась потребность «следовать в рамках Договора об Антарктике целям охраны, научного изучения и рационального использования антарктических морских живых ресурсов». Рекомендация обращала пристальное внимание на научные исследования, как нужную основу для высокой защиты и рационального использования, а еще передавала несколько вопросов на рассмотрение СКАР. Итогом данного обращения в СКАР было совещание ученых в 1976 г., которое выработало научную программу по Биологическому изучению морских антарктических систем и запасов (биомассы) с сокращенным названием BIOMASS. Программа BIOMASS и три доклада, вовремя представленные в 1977 г. продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, подчеркивали значимость криля в морской экосистеме Антарктики, и то, что неразумная крупномасштабная добыча криля может иметь тяжелейшие последствия для птиц, тюленей и китов Антарктики, пищей которых является криль. Возникновение морозильных траулеров дальнего плавания (1960-е годы), а еще формирование концепции расширенной юрисдикции береговых государств по рыболовству содействовали рассмотрению вопроса по живым ресурсам, стоящего на повестке дня IX КСДА в 1977 г. С одной стороны, имелись рыбопромысловые возможности для переработки на высоком уровне величайших во всем мире запасов морских живых ресурсов, а с иной стороны, последствия неумеренной добычи того, что составляет пищу антарктических птиц, тюленей и китов могли бы являться печальными. Следом после принятия Рекомендации IX-2, призывающей к созыву Специального Консультативного совещания для выработки режима сбережения морских живых ресурсов Антарктики, в феврале 1978 г. в Канберре стартовало рассмотрение Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, которая и была там принята в мае 1980 г. Конвенция вступила в действие 7 апреля 1982 г. Еще во время дискуссий по обсуждению самого Договора об Антарктике в 1959 г. был поднят вопрос касательно того, обязан ли Договор содержать вопросы изучения и эксплуатации минеральных ресурсов [7]. Пришли к выводу, что это было бы преждевременным. Лишь в 1970 г. Консультативные стороны впервые пришли к рассмотрению данного вопроса на Шестом Консультативном совещании. Прямой причиной являлось то, что некоторые из них получили запросы от морских геофизических разведывательных компаний о возможности выполнения геологоразведочных исследований в морях Антарктики. Дискуссия в 1970 г. не привела ни к чему, помимо общего понимания того, что вопрос о регулирования деятельности, связанной с минеральными ресурсами в Антарктике, обязан быть рассмотрен более пристально. Впрочем, исключительно 11 лет спустя, Консультативные стороны решили рекомендовать (XI-I) проведение Специального Консультативного совещания по выработке режима, стабилизирующего разработку минеральных ресурсов Антарктики, если она когда-либо произойдет. Общим осознанием стало заключение о том, что нерегулируемая деятельность, связанная с минеральными ресурсами, скорее всего, будет представлять угрозу сильнее, чем регулируемая. Консультативные стороны признали, что сведения об Антарктике, которыми они обладают, налагают на них обязательства проанализировать вероятные последствия воздействия от деятельности, связанной с минеральными ресурсами на окружающую среду Антарктики. В начале течения обсуждения превалировало суждение о том, что ввиду того, что в Антарктике нет известных минеральных запасов (т.е. залежей, по габаритам и качеству, допустимо пригодных для разработки), что каждые такие запасы, которые там могут быть, маловероятно, что будут коммерчески разрабатываться раньше следующего века, и что до сих пор нет подходящих технологий, применимых в условиях Антарктики, особенно, в открытом море, незачем обдумывать режим на этой стадии. Эта точка зрения досконально рассматривалась Консультативными сторонами в течение 1977-1979 гг. и, в конце концов, приобрела новую трактовку, очень отличную от первоначальной. Консультативные стороны подошли к выводу, что поскольку может появиться еще больше проблем в обсуждении режима освоения минералов, если оно будет брошено до того, как будут выявлены залежи, подлежащие разработке, и появятся требуемые технологии, лучше будет принять базовый режим, который охватит все стадии разведки, разработки и освоения. Увеличение практического внимания к Антарктике и ее ресурсам привело к надобности принятия дополнительных природоохранных документов. В этот период, прочти ежегодно, на Консультативных совещаниях стран-участников Договора об Антарктике принимались Рекомендации по охране природы Антарктики, послужившие отправным материалом для создания трех конвенций: Конвенция о сохранении антарктических тюленей; Конвенция о сохранении антарктических морских живых ресурсов; Конвенция по регулированию деятельности по антарктическим минеральным ресурсам. При этом принятие первых двух Конвенций привело к выработке согласительных мер и созданию специальных комиссий по контролю промысловой деятельности в Южном океане. Третья конвенция разрабатывалась семь лет, однако была отвергнута Австралией и Францией, как не обеспечивающая охрану природной среды Антарктики. [5]. Взамен обе страны предложили документ, где они выступили с инициативой сохранения Антарктики как заповедника девственной природы.

Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадридский протокол), подписанный 4 октября 1991 г. на Консультативном совещании в Мадриде, сроком на 50 лет, является итоговым документом, выработанным на основе ранее принятых Конвенций и Рекомендаций. Этот документ,

по сути, стал экологической частью Договора об Антарктике. Структура Протокола подразумевает его дополнение Приложениями, принимаемыми в соответствии с необходимостью по установленной Договором процедуре. В настоящее время Протокол имеет шесть Приложений, определенных как неотъемлемые его части. Они и определяют те направления и масштабы работ, которые необходимо выполнить для соответствия нормам этого документа. *Приложение 1.* Оценка воздействия на окружающую среду. Оценка воздействия на окружающую среду входит в число обязательных к выполнению требований Протокола и является необходимой процедурой для получения разрешения на проведение деятельности в Антарктике. Она включает предварительное описание состояния окружающей среды, неблагоприятных воздействий от планируемой деятельности (или изменения ее) и анализ возможного изменения ключевых параметров окружающей среды. Проект оценки имеет цель прогнозировать нарушения в окружающих экосистемах и включает разделы по мониторингу и соответствующим природоохранным мероприятиям. *Приложение 2.* Сохранение антарктической фауны и флоры. Приложение накладывает жесткие требования на изъятие образцов или вмешательство в антарктическую флору и фауну, а также запрещает в районе действия Договора об Антарктике внедрение на суше, шельфовом леднике или в воде любых видов животных или растений, которые не являются местными для данного района. Выполнение требований данного приложения включает широкий спектр мероприятий от использования экологически безопасных для местных видов животных технологий, до разработки нормативно-правового обеспечения по правилам поведения в Антарктике. *Приложение 3.* Удаление и управление ликвидацией отходов. Хранение, удаление и вывоз отходов из района действия Договора об Антарктике, а также их переработка и сокращение источников должны являться одним из основных факторов, принимаемых во внимание при планировании и осуществлении деятельности в вышеуказанном районе. *Приложение 4.* Предотвращение загрязнения морской среды. Случайные разливы нефтепродуктов являются основным источником загрязнения в Антарктике, особенно это касается операций по снабжению антарктических станций топливом. В Приложении содержатся требования по профилактике и организации быстрой локализации и ликвидации возможного разлива. Ограничения не применяются в чрезвычайных ситуациях, связанных с безопасностью судна и находящихся на его борту людей, или спасением человеческих жизней на море (статья 7 пункт 1 Приложения 3 Протокола). *Приложение 5.* Охрана и управление районами, где любой район может быть определен как Антарктический особо охраняемый район или Антарктический особо управляемый район. Деятельность в этих районах запрещается, ограничивается или управляется в соответствии с планами управления, принимаемыми в соответствии с положениями настоящего Приложения. *Приложение 6.* Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций, которая распространяется, в том числе на чрезвычайные экологические ситуации в районе действия Договора об Антарктике, которые возникают в связи с осуществлением научно-исследовательских программ, туризмом и всеми другими видами правительственной и неправительственной деятельности в районе действия Договора об Антарктике, включая связанную с ней логистическую деятельность, в отношении которых Статья VII (5) Договора об Антарктике предусматривает направление заблаговременного уведомления. Кроме того, настоящее Приложение охватывает меры и планы по предотвращению таких чрезвычайных ситуаций и осуществлению ответных действий. Статус Антарктического особо охраняемого района может получить любой район в целях охраны исключительно важных экологических, научных, исторических, эстетических или первозданных природных ценностей. Доступ в Антарктический особо охраняемый район разрешается в соответствии с разрешением, выданным национальными органами власти [8].

В качестве итога можно отметить, что, в целях определения международно-правового режима континента. был заключен Договор об Антарктике в 1959 г., в котором участвуют свыше 50 государств. Договор установил режим нейтрализованной и демилитаризованной территории, в условиях действия которых Антарктика может использоваться только в мирных целях, при этом запрещено создавать военные базы, проводить маневры, испытывать оружие, закреплена свобода научных исследований, а сфера действия Договора распространяется не только материк, но и все шельфовые ледники, а также участки открытого моря. Учреждено Консультативное совещание, которое содействует реализации целей и принципов Договора и в период своей деятельности подготовило такие конвенции как *о ресурсах Антарктики* и *о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.* Исходя из этого можно резюмировать, что основанная на Договоре об Антарктике правовая система целом представляет пример того, что государства могут при общем желании, без политизирующих форм обеспечения договорных процессов и при наличии воли к сотрудничеству способны достичь поставленных в Договоре целей.

Список литературы

1. Илюшина Н.В. Проблема территориального раздела Антарктики / Н.В. Илюшина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – № 5. – С. 83-84.
2. Гончаров В.В. О некоторых вопросах правового статуса Антарктики / В.В. Гончаров // Арктика и Антарктика. – 2016. – № 1. – С. 75–79.
3. О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике: фед. закон от 05.06.2012 № 50-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 24. – ст. 3067.
4. Договор об Антарктике: от 01.12.1959 // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 31. – ст. 329

5. Холкина Ю. А. Проблемы международно-правового регулирования в Арктике / Ю.А. Холкина, А.В. Крипакова // Молодой ученый. – 2016. – № 13. – С. 602–604.
6. Харитонова Е.В. О международно-правовом статусе Антарктики / Е.В. Харитонова // В сборнике: Проблемы и перспективы современного права Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 32–33.
7. Петров, А.Ф. Правовой режим морских охраняемых районов в Антарктике / А.Ф. Петров, К.В. Шуст, Е.Ф. Урюпова, К.А. Бекяшев // Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Журнал: Евразийский юридический журнал. – 2014. – №6 (73). – С. 71–79.
8. Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 04.10.1991 (ред. от 06.06.2005) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 33. – ст. 3956.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Силаев Данил Александрович, 1 курс, магистрант, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный консультант, доктор юридических наук, профессор

В условиях современного развития общества вопросы, связанные с противодействием коррупции в государственной службе, обретают особу актуальность, поскольку преступления коррупционной направленности наносят непоправимый ущерб внутригосударственным интересам и создают трудности для дальнейшего развития России как правового и демократического государства. Этим объясняется тот факт, что российское законодательств в качестве одной из первостепенных задач закрепляет предупреждение коррупции.

В деятельность для пресечения коррупции вовлекаются граждане и органы власти, государство, в свою очередь, предпринимает всевозможные меры, направленные на её искоренение. Институт конфликта интересов является одним из таких специальных правовых институтов, разработанных для предотвращения совершения коррупционных правонарушений.

Основа правового регулирования общественных отношений, связанных с предотвращением и урегулированием конфликта интересов в рамках государственной службы, представлена Конституцией РФ, актами международного характера, федеральным и региональным законодательством, а также рядом подзаконных актов. Отдельное внимание необходимо уделить поправка к Конституции, принятым 14.03.2020, значительная часть которых направлена на предотвращение конфликта интересов на государственной службе, в частности, установлено, что ограничения и запреты в отношении государственной службы относятся к исключительному ведению РФ (ст.71 Конституции РФ), установлены положения о запрете открывать и иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках в отношении Президента РФ, сенатора РФ, депутата Государственной Думы РФ, председателя Правительства РФ, заместителя Председателя Правительства РФ, федерального министра, иного руководителя федерального органа исполнительной власти, руководителя федерального государственного органа, высшего должностного лица субъекта РФ, судей, прокуроров [1]. Таким образом, данные ограничения направлены на предотвращение конфликта интересов в отношении как лиц, которые замещают государственные должности, так и лиц, которые находятся на должностях государственной службы.

Порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы [7, с. 70]. Следует отметить, что законодательство о государственной службе Российской Федерации не содержит определения конфликта интересов, а все они отсылают к Федеральному закону «О противодействии коррупции», в котором на сегодняшний день содержится универсальное законодательно закрепленное определение конфликта интересов: ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [2].

В России в соответствии с указанным законом «О противодействии коррупции» был принят указ Президента РФ от 01.07.2010 №821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», в котором сказано, что для установления возникновения конфликта интересов или возможности такого возникновения органы государственной власти уполномочены создавать комиссии [4].

В связи с этим установлено, что на рассмотрение комиссий могут выноситься:

— вопросы, о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению;

— поступившее заявление государственного служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах и др.;

— представление руководителем государственного органа материалов проверки, свидетельствующих о представлении государственным служащим недостоверных или неполных сведений, а также иные вопросы.

В случае, если указанные вопросы касаются лиц, находящихся на должностях федеральной государственной гражданской службы, то их рассмотрение осуществляется комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, в то время как в отношении лиц, находящихся на государственной службы иных видов, - аттестационными комиссиями отдельного вида службы [6, с. 96].

В зависимости от степени вовлеченности участников конфликта интересов они могут быть разделены на основных (государственный служащий и лицо, способное оказать влияние на принимаемые государственным служащим решения, основанные, например, на корпоративных или личных отношениях) и опосредованных (представитель нанимателя, органы прокуратуры и иные органы в предусмотренных законом случаях, которые предпринимают меры для обеспечения соблюдения законодательства о противодействии коррупции) [5, с. 628].

Меры, которые необходимо предпринять участникам конфликта следует классифицировать: В зависимости от стадии конфликта интересов на:

– меры, предполагающие предотвратить возникший конфликт интересов, к числу которых следует отнести профилактическую работу с государственными служащими, направленную на разъяснение порядка соблюдения требований антикоррупционного законодательства и информации о том, как не допустить возникновение конфликта интересов;

– меры, предполагающие возможно урегулирования конфликта интересов, к выраженные, например, в отказе государственного служащего от определенной выгоды, которая послужила причиной возникновения конфликта интересов.

В зависимости от участников конфликта меры подразделяются на:

– меры, которые предпринимаются самим государственным служащим (государственный служащий должен принимать неотлагательные меры, предусмотренные действующим антикоррупционным законодательством по недопущению возникновения конфликта интересов, а также немедленно уведомить письменным заявлением своего непосредственного руководителя о наличии возникшего конфликта интересов, или о предстоящей возможности возникновения конфликта интересов, как только ему станет об этом известно);

– меры, которые предпринимаются представителем нанимателя и другими участниками (непосредственный руководитель государственного служащего, получив информацию о возникновении у государственного служащего личной заинтересованности, которая может привести или приводит к конфликту интересов, должен принять неотлагательные меры, предусмотренные законодательством, по предотвращению или урегулированию данного конфликта интересов).

В Федеральном законе «О противодействии коррупции», предусмотрены меры, связанные с предотвращением и урегулированием конфликта интересов. Они заключаются в том, что урегулированием возникшего или возникающего конфликта интересов, стороной которого является государственный служащий, может являться:

– изменение должностного (служебного) положения государственного служащего на основании решения представителя нанимателя;

– изменение должностного (служебного) положения государственного служащего на основании письменного заявления государственного служащего; – увольнение государственного служащего с занимаемой им должности в установленном законом порядке;

– применение к государственному служащему дисциплинарных взысканий, не влекущих его увольнения с государственной службы (замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии);

– отказ государственного служащего от определенной выгоды, которая послужила причиной возникновения конфликта интересов.

Урегулирование возникшего или возникающего конфликта интересов, стороной которого является государственный служащий, производится путем самоотвода или же отвода государственного служащего в порядке, предусмотренном действующем законодательстве Российской Федерации.

Однако, при рассмотрении указанных способов урегулирования конфликта интересов на государственной службе, можно выделить ряд основных проблем урегулирования конфликта интересов, которые заключаются:

1. Во внесении изменений в должностное (служебное) положение, государственного служащего, который является стороной конфликта интересов, вплоть до увольнения его с занимаемой должности.

Трудность применения указанного способа заключается в том, что понятие «изменение должностного (служебного) положения государственного служащего» в действующем законодательстве отсутствует.

Под изменением должностного (служебного) положения служащего стоит понимать перевод или иную должность государственной службы, или же - увольнение государственной службы, при этом необходимо отметить, что подобный перевод возможен лишь в том случае, если государственный служащий даст письменное согласие, а не посредством одного лишь волеизъявления представителя нанимателя. К сожалению,

на сегодняшний день, трудовое законодательство не предусматривает данного основания для расторжения трудовой деятельности, как участие в конфликте интересов.

Необходимо отметить, что перевод или увольнение служащего носят постоянный характер. Между тем изначально предложенная ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3], а затем нашедшая отражение в ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции» возможность отстранения государственного служащего от исполнения должностных обязанностей (отстранение от замещаемой должности) носит четко выраженный временный характер, поскольку распространяет свое действие только на период решения вопросов о наличии, либо отсутствии ситуации конфликта интересов.

2. В отказе государственного служащего от определенной выгоды, которая является причиной возникновения конфликта интересов.

Под выгодой можно понимать: «получение государственным служащим льгот или преференций, связанных с использованием своего служебного статуса, а также любых других преимуществ, вытекающих из их неслужебной деятельности» [8, с. 230]. Помимо того, что законодательством не предусмотрено нормативное закрепление понятия выгоды, также существуют пробелы в вопросах реализации процедуры отказа государственных служащих от уже полученной или только планируемой к получению выгоды, статуса такого отказа, последствий его нарушения, возможности урегулирования механизма отказа от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов подзаконными актами.

3. В отводе (самоотводе) государственного служащего в установленных действующим законодательством порядке и случаях.

Отвод (самоотвод) государственного служащего может касаться недопущения его к рассмотрению конкретного дела, принятия определенного управленческого решения и т.п. В любом случае применение данного способа возможно до тех пор, пока случаи и порядок отвода (самоотвода) государственных служащих не будут подробно регламентированы антикоррупционным законодательством.

Описанные проблемы в первую очередь обусловлены тем, что на современном этапе урегулирование конфликта интересов и с теоретической, и с практической точек зрения достаточно проблематично. Антикоррупционное законодательство имеет множество пробелов, связанных с отсутствием четких пониманий самого конфликта интересов, причин и условий его возникновения, отсутствием определенного перечня типовых ситуаций конфликта интересов. Устранение этих проблем требует внесения дополнений в антикоррупционное законодательство, что позволит повысить эффективность применения правового института «конфликт интересов».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 13.04.2023).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 18.03.2023) // Российская газета – 2008. – № 266.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. – 2004. – № 162.
4. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (ред. от 25.04.2022) // Российская газета. – 2010. – № 147.
5. Зеленов М. В., Богуславская Н. А. Конфликт интересов на государственной службе: актуальные проблемы правового регулирования // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – №. 31. – С. 627-634.
6. Самойлов А. Н., Долгополов Е. М. Конфликт интересов на государственной службе // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы. – 2021. – С. 95-98.
7. Федоров М. В. Конфликт интересов на государственной службе: порядок предупреждения и урегулирования // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. – 2018. – С. 68-75.
8. Чередниченко А. Ю. Актуальные проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования. – 2019. – С. 228-231.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

Скареднов Никита Игоревич, 5 курс

Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Шевченко Игорь Валентинович – научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Агрессивное развитие нацистского и фашистского режимов в европейском пространстве требует реализации механизма, способного обеспечить динамическую стабильность политической системы общества.

Процесс денацификации требует глубины и последовательности, осуществление целой системы мер в социально-экономической, общественно-политической, культурно-образовательной и информационной сферах. В качестве главной цели должно рассматриваться искоренение самих источников нацистской идеологии и политики.

Денацифицировать – освободить от влияния нацистов в любом его проявлении, исключить из сфер влияния пронацистки настроенных людей и их идеологии. Термин «денацификация» появился после Второй мировой войны. Денацификацией называли процесс искоренения нацисткой идеологии в Германии после её поражения. Тогда была уничтожена национал-социалистическая партия, все её ячейки и филиалы, а фашисты лишились всех государственных постов. Из системы образования устранили нацистские доктрины.

Наиболее значимая практика денацификации прямо связана с событиями Второй мировой войны. Разгром фашизма, обеспеченный беспримерным подвигом советского народа, позволил выработать и реализовать конкретные меры денацификации на землях Третьего рейха – в Германии и Австрии, а равно в союзных Гитлеру европейских странах. Внимательное исследование данного вопроса позволяет глубже оценить задачи и перспективы дефашизации Украины на современном этапе.

Решениями Потсдамской конференции 1945 г. и постановлением Контрольного совета в Германии (октябрь 1945 г.) о проведении денацификации предусматривалось: уничтожение национал-социалистской (фашистской) партии, её филиалов и подконтрольных ей организаций; роспуск всех нацистских учреждений и обеспечение того, чтобы они не возродились ни в какой форме; предотвращение всякой нацистской деятельности и пропаганды; привлечение к суду лиц, виновных в военных преступлениях против мира и человечности, а также активных нацистов; удаление нацистов со всех постов; отмена фашистского законодательства; устранение нацистских доктрин из системы народного образования [1, с. 7].

Денацификация в Германии была предпринята с помощью серии директив, изданных Контрольным советом союзников, расположенный в Берлине, начиная с января 1946 года. «Директивы по денацификации» идентифицировали конкретных людей и группы и правила работы с ними, описывали судебные процедуры.

В процедуре денацификации обязан был принять участие каждый житель Германии и Австрии, достигший 18 лет. Чтобы лишить обязанных пройти процедуру соблазна уклонения, продуктовые карточки выдавалась по предъявлении квитанции, подтверждающей сдачу анкеты. Была разработана анкета из 133 вопросов, на основании ответов на которые и сравнения с попавшими в руки союзников архивами, делалось заключение о той или иной степени виновности опрашиваемого.

Всего в зоне ответственности союзников было заполнено более 13 миллионов анкет. В зависимости от степени виновности, определялось наказание. Минимальной считался штраф, максимальной – перезахоронение массовых захоронений жертв режима или работа в трудовых лагерях сроком до 10 лет на восстановлении страны [2, с. 9].

Термин «денацификация» также относится к удалению физических символов нацистского режима. Например, в 1957 году правительство Германии перевыпустило медали «Железный крест», полученные во время Второй мировой войны, среди прочих наград, без свастики в центре.

Культура Денацификации сильно повлияла на парламентский совет, которому было поручено определение конституции Германии. Эта Конституция (нем. Grundgesetz, Основной закон) была завершена 8 мая 1949 г., ратифицирована 23 мая и вступила в силу на следующий день. Эта дата фактически знаменует собой основание Федеративной Республики Германии [3].

На практике денацификация не ограничивалась Германией и Австрией. В каждой европейской стране, где существовала сильная нацистская или фашистская партия, проводились меры денацификации. Во Франции этот процесс назывался épuration légale (юридическая чистка). Военнопленные, содержащиеся в союзных странах, также прошли квалификацию денацификации перед репатриацией.

Денацификация также практиковалась во многих странах. В Греции, например, судили бывших коллаборационистов. Три греческих премьер-министра «квислинг» были осуждены и приговорены к смертной казни или пожизненному заключению. Другие греческие коллаборационисты после ухода Германии подверглись репрессиям и публичному унижению, помимо суда (в основном по обвинению в государственной измене). Однако в рамках государственной системы в Греции из гражданской службы, греческой жандармерии и печально известных охранных батальонов, были быстро интегрированы в сильно антикоммунистический послевоенный истеблишмент.

Попытка запретить свастику в ЕС, в начале 2005 г., провалилась из-за возражений британского правительства и других сторон. В начале 2007 года, когда Германия председательствует в Европейском союзе, Европейскому союзу, по аналогии с уголовным законодательством Германии предписывалось криминализовать отрицание Холокоста и демонстрацию нацистской символики, включая свастику, основанную на Законе о запрете символики неконституционных организаций (Strafgesetzbuch раздел 86a). Это привело к оппозиционной кампании индуистских групп по всей Европе против запрета свастики. Они отметили, что свастика существует уже 5000 лет как символ мира. Предложение о запрете свастики было исключено Берлином из предложенных общеевропейских о борьбе с расизмом 29 января 2007 года.

Однако, в XXI веке нацизм вновь прочно начал свое развитие. В настоящее время лозунг «Україна понад усе» копия немецкого «Deutschland über alles» с одной подменой – Германии на Украину. Но нет подмены в смыслах – Украина, в её нынешней форме, такое же национал-социалистическое государство, как и

Германия в 1933-1945 годах, которая была разгромлена, а далее денацифицирована, другими словами, расфашизирована.

Понятно, что на Украине многие не являются сторонниками неонацизма, столь бурно выросшего за последние десятилетия. Бандеровцев на службе Третьего рейха и их проамериканских последователей в современной Украине роднят единая идеология – радикальный украинский национализм, укронацизм и его антироссийская направленность; аморальность и бесчеловечность; циничная торговля интересами, судьбами и жизнями соотечественников, Украиной и её народом; тяжкие преступления против него, носившие массовый и системный характер, фашистский террор и геноцид с участием бандеровцев, против нашей страны, террор против жителей Одессы (одесская Хатынь), других городов и сёл, в которых оставили кровавый след укронацисты [6].

Таким образом, как видно по результатам анализа, процессы денацификации после войны не были едиными, а общий план так и не был реализован в полной мере: главным фактором здесь, несомненно, стала международная обстановка и отношения внутри антигитлеровской коалиции. Ход денацификации существенно различался в зоне ответственности советских войск и в зонах стран Запада – США, Великобритании, Франции. Различны были и итоги этого процесса.

Современная денацификация масс предполагает чистку социальных институтов от нацистских элементов, запрет на распространение нацисткой доктрины.

Список литературы

1. Григорьев, М.С. Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014-2016). М.: Кучково поле, 2016. – 431 с.
2. Зазулин, А.И. Денацификация и последующее развитие уголовно-процессуального права в Западной и Восточной Германии в период с 1945 по 1990 годы // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 3. – С. 7-15.
3. Высокопоставленным украинским военным заочно предъявлены обвинения в геноциде русскоязычного населения на Донбассе // URL: https://sledcom.ru/search?q (дата обращения: 21.02.2023).
4. Горлова О. С. Образование австрийских органов государственной власти в 1945-1955 гг. (по материалам советской оккупационной зоны) // Вестник ТГУ. – 2004. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-avstriyskih-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-1945-1955-gg-po-materialam-sovetskoy-okkupatsionnoy-zony (дата обращения: 20.02.2023).
5. Кравцов, С. В украинских учебниках описана подготовка к войне с Россией // Единая Россия [федеральный сайт]. 30.03.2022.
6. Козлова, Н. Как продвигается расследование преступлений украинских националистов, которые воюют с мирными гражданами? Интервью главы СК РФ Александра Бастрыкина // газ. Российская газета. 25.07.2022. URL: https://rg.ru/2022/07/25/iz-dose-aleksandra-bastrykina.html (дата обращения: 20.02.2023).
7. Полунин, С.В. Военно-правовое обеспечение деятельности войск: учебник / С.В. Полунин, А.В. Ляхов, М.Н. Казаков и др. – Новосибирск: Новосибирский аграрный университет, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – 389 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, ПРОБЛЕМАХ И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

Скобкарева Екатерина Валерьевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность исследования заключается в важности темы о роли Государственной Думы в органах государственной власти, в стенах которой избранные депутаты выступают как представители народа, уполномоченные им на осуществление законодательную деятельность. Российская Федерация, согласно конституционной норме (ст. 1) [1], является демократическим государством. Где демократия подразумевает политический режим, в котором народ выступает в роли источника власти. В современном государстве с помощью демократии, граждане имеют право на участие в политической жизни общества (участие в выборах и голосованиях, иной деятельности), то есть контролировать формирование и деятельность законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления. Само понятие «выборы» включает процесс избрания путем голосования народа, его представителей – депутатов, должностных лиц и иных членов органов управления и общественных объединений, ограждая общество от застоя, злоупотреблений властью и препятствуя возникновению диктатуры.

Роль и место Государственной Думы в органах государственной власти. Конституционной нормой (п.7 ст. 95 и ст. 96) установлено, что Государственная Дума – является палатой Федерального Собрания (неофициально – «нижняя палата»), при этом она включает 450 депутатов, избираемых сроком на 5 лет. Депутатом Государственной Думы – это человек, избранный в соответствии с законом, уполномоченный представлять народ и его интересы, осуществлять в Государственной Думе законотворческие полномочия,

предусмотренные законодательством (п. 2 ст. 1) [2]. Существует ряд конституционно установленных условий (ст. 97), при котором гражданин может быть избран на должность Депутата Государственной Думы: кандидат должен быть гражданином РФ; возраст должен составлять не менее 21 года; имеет право на участие в выборах; имеет постоянное место жительство на территории РФ; не имеет иного гражданства, кроме гражданства РФ; не имеет ценностей и денежных средств на счётах в банках, находящихся за пределами Российской Федерации. Депутаты Государственной Думы выполняют свою работу на профессиональной и постоянной основе, поэтому они не могут занимать одновременно должность депутата и сенатора или занимать должность в иных органах власти, также в свою очередь они не могут заниматься иной, оплачиваемой деятельностью, кроме той, которая указана в п.3 ст. 97 Конституции РФ. После получения статуса депутата, у депутата появляется право на неприкосновенность, то есть защиту от уголовного (административного) преследования. Лишить депутата права на неприкосновенность вправе только палат по представлению Генерального Прокурора РФ. Законодательная власть является самой открытой и демократической ветвью власти, она представлена Федеральным собранием, состоящим из двух палат: Совета Федерации; Государственной Думы. При этом, несмотря на то, что Федеральное Собрание и Государственная Дума представлены в виде Федерального Собрания, заседания они проводят раздельно (ст.100). При этом обязанность проведения заседаний и установление внутреннего порядка лежит на Председателе и его заместителях, которых избирают из своего состава. Законодательная власть имеет некоторое влияние на другие ветви власти, несмотря на их разделение, например, выражение недоверия Правительству Российской Федерации, назначение руководства исполнительной власти, обладает правом законодательной инициативы и т.д. Согласно п.1 статье 10 Конституции РФ, то право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта РФ принадлежит депутатам и иным лицам. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную невозможно без Государственной Думы, так как на ней лежат важнейшие функции. Государственная Дума наделена законотворческой, контрольной и представительной функциями, выступая, как основной законодательный орган, где главной ее ролью является законодательный процесс, хоть он и ограничен тем, что принятые им законы вправе отклонить Совет Федерации и Президент РФ. Несмотря на это Государственная Дума может отвергнуть решение Совета Федерации путем голосования (должно проголосовать не менее 2/3 от общего числа депутатов) (ст.105 Конституции РФ). В случае с Президентом РФ все обстоит иначе, для преодоления вето нужно большинство количество голосов Совета Федерации и Государственной Думы, исключения составляют Федеральные Конституционные Законы, они не могут быть отклонены (ст. 107 и ст. 108 Конституции РФ).

Полномочия депутатов Государственной Думы. К полномочиям Государственной Думы относят (ст. 103): утверждение кандидатуры Председателя Правительства РФ и его заместителей; решение вопросов о доверии Правительству РФ; заслушивание отчетов о деятельности Правительства РФ; назначение и освобождение от должности Председателя Центрального Банка РФ; заслушивание отчётов Центрального Банка РФ; назначение и освобождение от должности Заместителя Председателя Счетной палаты и их аудиторов; назначение и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека; объявление амнистии; выдвижение протеста против Президента РФ в пользу его отрешения от должности; принимает постановления по вопросам, относящимся к ней. Согласно конституционной норме (ст. 105) еще одним полномочием Государственной Думы является принятие Федеральных законов. При этом федеральный закон считается принятым, если он одобрен и Государственной Думой и Советом Федерации (ст. 105), а затем одобрен и подписан Президентом РФ. Этой же процедуры придерживается и порядок принятия актов законодательного органа о разъяснении принятых Федеральных законов [3].

Особенности выборов Государственной Думы. Выделяют несколько стадий избирательного процесса депутатов Государственной Думы: назначение даты выборов; подача списков избирателей; определение избирательных округов и избирательных участков, избирательных комиссий; выдвижение кандидатов на пост и их регистрация; проведение предвыборной агитации; соблюдение порядка голосования, подсчета голосов, установление результатов и их опубликование; проведение повторного голосования и дополнительных выборов; назначение на должность. Основываясь на законе о выборах депутатов Государственной Думы, можно отметить, что выборы депутатов назначает Президент Российской Федерации, данное решение должно быть принято не раньше 110 дней и не позднее 90 дней до дня голосования. Приятное Президентом РФ решение о назначении дня выборов должно быть опубликовано в СМИ не позднее 5 дней со дня, когда оно было принято. Федеральный избирательный округ включает всю территорию Российской Федерации, а те, что проживают за её пределами, всё равно являются приписанными к тому или иному федеральному округу. Выдвижение кандидатов в Государственную Думу происходит в федеральных списках кандидатов. Выдвигают кандидатов политические партии, имеющие право на участие в выборах, а также выдвигать списки кандидатов (ст. 35).

Политические партии имеют право на выдвижение в составе федерального списка кандидатов граждан РФ, которые не являются членами политической партии (число не должно превышать 50 процентов всех кандидатов от партии). Решения, относящиеся к выдвижению федерального списка кандидатов должно приниматься на тайном голосовании, на съезде политической партии. При выдвижении федерального списка необходимо подтверждение избирателей при помощи внесения подписи в подписные листы. Политическая партия должна собрать поддержку для федерального списка кандидатов, выдвинутой ей. Она в обязательном порядке должна собрать не меньше 200 тысяч подписей, но при этом на один субъект РФ должно приходиться

не более 7 тысяч подписей избирателей (п.3 ст. 36 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20). Если общее количество недостоверных или недействительных подписей избирателей составило 5 и боле процентов, то список кандидатов не регистрируется. За 35 дней до начала голосования должно быть зарегистрировано не менее 2 федеральных списков, если их окажется меньше, то голосование откладывается на два месяца (не более) для того, чтобы было время для выдвижения дополнительных федеральных списков кандидатов (п.11 и 50) закона о выборах депутатов Государственной Думы. Распределение депутатских мандатов осуществляются федеральными списками кандидатов, где каждый получил 5% и более голосов избирателей, при условии, что было минимум 2 списка, т они в совокупности составляют более 50% голосов, иные федеральные списки кандидатов в данном случае не допускаются к распределению мандатов (п.7 ст. 88). Если в совокупности получилось менее 50%, то указанные списки будут допущены для распределения мандатов. Если получили менее 5% голосов, то придётся ждать, пока общее число голосов не превысит в совокупности 50% от числа голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Если подано более 50% голосов в одном федеральном списке, а другие списки получили меньше 5% голосов, то федеральный список кандидатов допускается к распределению мандатов. При этом федеральные списки кандидатов, которые допускаются к распределению мандата, должны получить мандаты согласно методикой распределения депутатских мандатов. Мандаты, полученные списком, сначала переходят к зарегистрированным кандидатам, которые были включены в общефедеральную часть списка кандидатов, а оставшиеся мандаты перейдут к кандидатам, которые были включены в региональные группы кандидатов. Центральная избирательная комиссия РФ устанавливает порядок очерёдности получения депутатских мандатов, они распределяются в порядке размещения в федеральном списке кандидатов между зарегистрированными кандидатами. Если кандидат отказывается от получения мандата, то изменяется порядок размещения остальных кандидатов в федеральном списке. Кандидат вправе отказаться в течение 7 дней после дня голосования. Отказное заявление не подлежит отзыву. Кандидат вправе не позднее, чем за 15 дней (в отдельных случаях за 1 день) до дня голосования отказаться от дальнейшего участия в выборах, путём подачи письменного заявления в Центральную избирательную комиссию РФ. Указанное заявление не подлежит отзыву. Если заявление подано после заверения или регистрации федерального списка кандидатов, тио Центральная избирательная комиссия исключит кандидата из федерального списка кандидатов (ст. 56). Подсчетом суммы голосов избирателей занимается Центральная Избирательная комиссия РФ. Сумма голосов делится на количество депутатских мандатов, которые были распределены по федеральному избирательному округу. Полученный результат впоследствии используется для распределения депутатских мандатов между федеральными списками кандидатов. И результат, который получается в итоге, приятно считать первым избирательным частным. Число голосов избирателей, допущенных к распределению депутатских мандатов, будет делиться на первое избирательное частное. Полученное число и будет считаться числом депутатских мандатов, который получает федеральный список кандидатов. Если после проведения первого распределения остались не распределённые депутатские мандаты, то должно быть проведено второе распределение. Если у одного из федеральных списков кандидатов остаются нераспределённые мандаты, то они передаются тому списку, где будет наибольшая дробная часть число, которая была получена в результате деления, если дробные части равны, то преимущество отдаётся тому списку, где было подано большее число голосов избирателей. После того, как были распределены депутатские мандаты, также должно быть проведено распределение мандатов внутри федеральных списков между региональными группами кандидатов и общефедеральной частью федерального списка кандидатов. Первоначально мандаты переходят к кандидатам, которые были зарегистрированы и включены в общефедеральную часть федерального списка кандидатов. Если остались депутатские мандаты поле передачи зарегистрированным кандидатам, то мандаты будут распределены внутри списка между региональными группами кандидатов в следующем порядке: сумма голосов избирателей будет делиться на оставшееся число не распределённых внутри федерального списка кандидатов депутатских мандатов. Результат, который получится в итоге, будет считаться вторым избирательным частным (ст. 89). Число полученных голосов от избирателей, будет делиться на второе избирательное частное. При получении целого числа оно считается числом депутатских мандатов. В случае остатка не распределённых мандатов, они будут передаваться региональным группам кандидатов, у которых наибольшая дробная часть числа. Оно будет рассчитываться следующим образом: проводится деление числа голосов избирателей на второе избирательное частное. В случае, если дробные части равны, то преимущество будет за той региональной группой кандидатов, за которую было подано больше голосов избирателей. Стоит отметить, что в случае, если при распределении депутатских мандатов внутри федерального списка не набралось нужного числа зарегистрированных кандидатов, то будет проводится дополнительное распределение, где оставшихся не распределённые депутатские мандаты будут распределены между региональными группами того же федерального списка кандидатов, в которых имеются зарегистрированные кандидаты, которые не получили депутатских мандатов. В случае, если после завершения распределения депутатских мандатов есть необходимость в дополнительном распределении одного или нескольких депутатских мандатов, то депутатские мандаты будут переданы федеральным спискам кандидатов, которые не получили мандатов при распределении. После этого проводится передача депутатских мандатов с учётом коэффициента, который вычисляется путем деления общего числа депутатских мандатов, полученных соответствующим федеральным списком кандидатов, на число полученных голосов избирателей. Если указанный коэффициент оказывается наименьшим, то депутатские мандаты будут

распределяться по одному в федеральных списках кандидатов. Если значения равны, то указанный коэффициент передается тому федеральному списку кандидатов, который заработал наибольшее число голосов избирателей. В случае, если после распределения число окажется больше того числа, которое могут получить федеральные списки, то дополнительная процедура будет повторяться необходимое количество раз. Депутатские мандаты, которые были получены федеральным списком кандидатов, передают зарегистрированным кандидатам, которые состоят в общефедеральной части списка и не получившие депутатских мандатов. В дополнительном распределении депутатских мандатов допущены участвовать только те федеральные списки кандидатов, которые имеют зарегистрированных кандидатов, не получивших депутатских мандатов. В случае, если внутри федерального списка депутатский мандат оказался вакантным, то он предается зарегистрированному кандидату из того же федерального списка кандидатов [3]. Соответственно, он будет передан тому, кто будет первым в числе зарегистрированных кандидатов, если он не получил депутатских мандатов и включён в ту же региональную группу кандидатов, что и кандидат, мандат которого оказался вакантным. Если в региональной группе кандидатов отсутствуют зарегистрированные кандидаты, оказавшийся вакантным депутатский мандат подлежит распределению между другими региональными группами кандидатов. Стоит отметить, что если при распределении депутатских мандатов внутри федерального списка кандидатов не окажется зарегистрированных кандидатов, оставшиеся нераспределенными депутатские мандаты остаются вакантными до следующих выборов. Если Государственная Дума останется в неполном составе, то нераспределенные депутатские мандаты передаются федеральным спискам кандидатов, не допущенным к распределению депутатских мандатов. При этом каждый из указанных списков вправе получить депутатские мандаты в количестве, не превышающем числа депутатских мандатов. Подобные депутатские мандаты распределяются между федеральными списками кандидатов, не допущенными к распределению депутатских мандатов и получившими число голосов избирателей, которое превышает первое избирательное частное, пропорционально полученному ими числу голосов избирателей.

Таким образом, можно сделать вывод, что система избирания депутата в Государственную Думу является очень сложным процессом, который требует тщательной подготовки к выборам, и имеет множество особенностей и нюансов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) - 06.10. 2022.
2. Худолей Д. М. Понятие избирательного процесса / Д.М. Худолей – Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. – №2 (28). – С.18–25/ URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-izbiratelnogo-protsessa (дата обращения: 05.03.2023).
3. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: фед. закон 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)// опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru - 14.03.2022.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Смотраков Денис Витальевич 1 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

К основообразующим теориям государственного управления безальтернативно относится институционализм. Это оправдано, ведь политические институты существовали всё время, несмотря на их фактическое вычленение только на рубеже XIX-XX веков, вместе с, непосредственно, отделением всей политической науки, развивавшейся до этого в рамках всеобъемлющей философии. Следовательно, эта теория актуальна всегда. Несмотря на смену тенденций в прошедшем столетии, «поведенческую революцию», переосмысление подхода к изучению государственного управления, институционализм успешно переродился в виде неоинституционализма. Тем не менее, парадокс институционализма в том и состоит, что на рубеже, казалось бы, своего становления, как одной из главных теорий ГУ, о нём забыли, поставив во главу угла бихевиористские подходы и индивида, как основного актора управленческого процесса. В последние же годы мы вновь видим интерес к этому направлению со стороны учёных. В этой связи, конечная позиция институционализма среди теорий ГУ и степень его значимости – не до конца определена.

Институционализм сегодня является одной из ведущих политико-экономических теорий, тем не менее, далеко не единственной. За сотню лет он претерпел значительные изменения, подстраиваясь под изменяющийся социально-политический контекст. Прототипом современного институционализма является

традиционный институционализм. Но перед непосредственным рассмотрением данной школы автор считает необходимым определить, что же представляет собой институт – ключевое понятие всей теории.

Единого определения понятия «институт» не существует. Ряд классических толковых словарей, к примеру, толковый словарь Ушакова, трактует «институт» как «совокупность норм, правил и отношений в какой-либо сфере человеческой деятельности». Нечто подобное можно найти в Большом словаре иностранных слов русского языка, где институтом называют общественное установление, распорядок, узаконенный какими-н. нормами [1]. Интересное определение даёт И.И. Санжаревский, разделяя его на «социальное» и «политическое», где в социальном контексте институт является «совокупностью учреждений, норм, ценностей и культурных образцов», а в политическом – «закрепленная норма организации политической жизни и действующие на её основе организации». [2] Более того, сами создатели институциональной методологии прямо признаются, что не знают, что такое институты. Так, Джон Коммонс писал, что «при определении сферы институциональной экономики сложность главным образом заключается в неопределённости значения слова «институт»» . К слову, возможно, именно в этом и кроется одна из проблем институционализма – у него отсутствует цельное определение своему главному допущению. Это создает неясность, в рамках какой области глобального научного поля действует эта теория и каковы её методологические границы, так как различного рода норм (а, как мы видим, слово «норма» фигурирует в большинстве определений слова «институт»), писаных и неписаных, в различных сферах человеческой жизни достаточно, а вот какие нормы и учреждения можно считать институтами, где проходит та граница, при которой норма переходит в институт, каковы чёткие критерии этого самого института – непонятно. И в экономической, и в политической, и в социальной сфере, и, так же, в сфере государственного управления (как уже отдельной научной области) существуют различные нормы, различные законы, по которым та или иная сфера существует, и которые, при своей разнородности, активно друг с другом переплетаются, особенно в условиях государства.

Институциональная парадигма, как самостоятельная теория, формируется в конце XIX начале XX века. До этого времени она развивалась параллельно в рамках целого ряда наук – социологии, экономике, философии, что было вполне естественно – каждая дисциплина изучала свои собственные институты. И возможно, институционализм так бы и остался лишь несамостоятельной частью отдельных наук, если бы не их дробление на более узкопрофильные и специальные. Как раз на рубеже XIX – XX веков происходит выделение политической науки, как отдельной дисциплины. И именно изучение политических институтов стало её основой и основным предметом деятельности тогдашних учёных . Следует так же учесть, что политическая наука, в рамках которой развивался институционализм, тогда многими воспринималась как наука о государстве, изучении его организационной структуры, государственных институтов, через которые оно осуществляет свои функции. В сущности, политология того времени занималась тем, чем сейчас занимается государствоведение. Как таковой отдельной науки о государственном управлении в то время ещё не существовало. Впрочем, её появление было предопределено, поскольку уже тогда центральными для институционалистов вопросами являлись, помимо политических институтов, определение формально-правовых аспектов государственного управления, анализ действия национальных конституций, а также поиск факторов, влияющих на политическое поведение индивида. Параллельно с сугубо «политическим» институционализмом развивается социальное и экономическое направление теории. Надо сказать, что приведенное разделение институционализма является личной прихотью автора. Разные авторы по-разному классифицируют его ответвления, к примеру, Г.М. Самошилова выделяет такие направления институционализма, как социально-психологическое, социально-правовое и эмпирическое. Но, как бы там ни было, на разных «этажах» институциональной теории есть свои положения, которые легли в основу институционализма именно как теории государственного управления.

Традиционный институционализм. Стоит разобраться в причинах возникновения институционализма и его бурного развития в начале XX века. Как было выяснено, изучение институтов происходило ещё задолго до введения этого термина в научный оборот. Отделение в конце XIX века политической науки в отдельную науку было обусловлено потребностью со стороны научного общества глубже изучать государство, его функции и государственные институты. Такая потребность вызвана с усилением роли национальных государств во второй половине XIX начале XX веков.

К слову сказать, традиционный (старый) институционализм по-другому называют также «американским». Его возникновение именно в Америке было обусловлено не только общими изменениями мировой политической системы, но и специфично американскими. К слову сказать, именно эти причины, конкретнее сказать, произошедшие внутри Америки, хотя имевшие глобальные последствия, события, послужили отправной точкой к развитию экономического институционализма, который тоже сыграл не последнюю роль в развитии институционализма как теории государственного управления. Согласно В. Г. Гилевой, институционализм возник вследствие обвальной централизации банковского капитала в США, что по-другому называют Великой депрессией. [3] Принятое на веру утверждение, что рыночная экономика способна к саморегулированию, на поверку себя не оправдало и США, как и другие, пострадавшие от кризиса страны, стали бороться с ним посредством активного государственного вмешательства. В тех же Штатах администрации Гувера и Рузвельта провели целый ряд подобных действий: перевод банков под внешнее управление, выдача кредитов банкам, сельскому хозяйству и промышленности на 600 млн. долларов, расширение полномочий ФРС по части контроля над банками. Гос. поддержка социальной политики,

проводившейся в рамках «Нового курса», так же была высока. Следовательно, в то время именно государство за счёт, опять же, своих институтов, начало играть решающую роль уже в экономике. Причём подобное затронуло, как было отмечено выше, не только США, но и страны Европы, так же пострадавшие от Депрессии. И всё это, к тому же, происходило в период расцвета плановой экономики в СССР, невиданные масштабы индустриализации которого так же обратили на себя научное внимание. Господствующей на то время экономической теорией была неоклассическая теория. Зародившаяся в 70-х годах XIX века, она отражала следующие, знакомые нам и по сей день, экономические догмы – действия экономических акторов управляются посредством спроса и предложения, саморегулироемость рынка, куда государство вмешиваться не должно, вечно актуальная проблема эффективного использования ограниченных ресурсов при неограниченных потребностях. Неоклассики (Шумпетер, Маршалл, Фишер, Викселль) заложили основы микроэкономики, изучая экономические процессы на уровне отдельных домохозяйств и поведение индивида, как основного экономического агента. Великая депрессия пошатнула позиции этой теории – рынок сам не смог выйти из коллапса, спрос и предложение перестали быть главенствующими факторами в условиях, когда людям было банально необходимо выжить. Экономика стала резко зависеть от государства и его кредитов банкам и промышленности. Микроэкономика так же претерпела изменения – она тоже стала подчиняться государству, чего только стоит процесс изъятия золота у населения в США в период президентства Рузвельта. В этой связи, учёные-экономисты и социологи начали искать альтернативный способ объяснения экономических процессов. Этот поиск, продиктованный усилением роли государства в плане регулирования экономики, в конечном счёте привёл их к институционализму, основной работой в рамках которого стала «Институциональная экономическая теория» Коммонса, написанная в 1934 году. [4]

Как можно увидеть, классический (старый) институционализм стал одной из передовых теорий в политэкономии, чему способствовал целый ряд объективных внешних факторов и тенденций, что, в целом, идентично для любой теории.

Неоинституционализм. Окончательное формирование теории государственного управления, как отдельной научной сферы, произошло после Второй Мировой Войны, когда достигла своего апогея проблема дихотомии политики и управления. Автором этой концепции стал будущий президент США Вудро Вильсон. В своей статье «Наука государственного управления» он отметил, что государство по своей сути двойственно, так как с одной стороны вырабатывает направления деятельности и определяет курс, по которому будет двигаться, а с другой стороны претворяет это в жизнь посредством принятия тех или иных решений и их исполнения. [5]Несмотря на связь политики и госслужбы, Вильсон считал, что не разделяя их, первая всегда будет манипулировать второй, так как зарплата чиновника и сама возможность сохранения им своего поста зависят от воли политика, который, зная это, может заставить чиновника заниматься выполнением нецелевых задач, превышая собственные полномочия. Одновременно с ним мысли о разделении политики и управления высказал и Макс Вебер. В своей работе «Политика как признание и профессия» он выявил некоторые отличия политиков и управленцев. Так, он считал, что они имеют разные источники власти, приходят к ней по-разному (чиновники – назначаются, а политики – путём политической борьбы или выборов), по-разному оцениваются (политик с точки зрения соответствия своих действий воле народа и его одобрения, а управленец с точки зрения законности). Именно проблема дихотомии стала последним фактором, способствовавшим отделению теории государственного управления от общей теории управления, политологии и делового администрирования в 60-70 годах XX века. Как раз в это же самое время происходит формирование неоинституциональной теории. Её развитие было обусловлено, во-первых, окончанием эпохи бихевиоризма, желанием неоинституционалистов продемонстрировать ключевую роль политики и по-новому взглянуть на предмет института, а также недостатком у теории ГУ научного инструментария, обслуживающих вспомогательных теорий и парадигм, в поиске которых она тогда находилась. Сам по себе, неоинституционализм во многом является совокупностью традиционной институциональной теории и неоклассической экономической теории. Не трудно вспомнить, что эти течения имеют под собой довольно мало общего и институционалисты в целом отвергали идеи неоклассиков. Таким образом, можно говорить о том, что произошло слияние двух противоборствующих теорий. Смежным выводом может также являться и то, что институциональная теория, стремящаяся объяснить роль социальных институтов в политике и экономике отлично от неоклассической – не смогла полностью этого сделать, следовательно, не стала полной заменой для неоклассической теории.

Прослеживание исторического развития неоинституционализма представляется достаточно сложной работой, так как период его расцвета приходится на наше время и потому учёным ещё только предстоит определить исторический цикл данной теории. Для этого должно пройти, по меньшей мере, 50 лет. Неоинституционализм играет одну из ключевых ролей в формировании трендов современного государственного управления.

Из всего этого следует, что неоинституционализм играет одну из ключевых ролей в формировании трендов современного государственного управления. Его теоретическая гибкость, выражающаяся в интеграции отличных друг от друга институционального и неоклассического подходов, позволили взглянуть молодой науке с разных сторон на такие предметы исследований, как организационная структура и государственные институты. Во многом на основе теории трансакционных издержек рядом стран были проведены реформы ГУ 70-80 г.г., которые задали новый вектор развития гос. управлению и, в то же время, подняли перед наукой и эмпириками (управленцами) новые вопросы.

Одним из важных событий в сфере государственного управления стали административные реформы, проводившиеся в ряде стран с конца 70-х и до начала 90-х годов. Несмотря на то, что географически изначально эти реформы затронули преимущественно страны западной цивилизации (реформы в основном проводились в Великобритании, США, Новой Зеландии, Канаде, Швеции, Финляндии, Норвегии), они затем распространились на большинство государств мира и, хотя и имели неординарные результаты, их значение для науки ГУ было велико. [6]

Среди работающих в сфере гос. управления стали появляться идеи о реализации формата организации частного сектора в условиях государственного. В этой связи возникла концепция New Public Management (новое государственное управление), которая стала своего рода символом и «лицом» последовавших административных реформ. Её суть сводится к внедрению механизмов управления из сферы бизнеса в государственный сектор и реализацию характерной для бизнеса модели управления в органах власти. При этом, если верить Д. Осборну и П. Пластрику, идёт контрастный пересмотр роли как государства в целом, так и чиновника в частности – государство становится поставщиком услуг населению, при этом конкурируя за это право с «частниками», которых концепция допускает на рынок гос. услуг, а чиновник становится служителем общества, а не собственной бюрократической машины. [7]

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: Институциональная теория, будь то классический институционализм или же неоинституционализм, не имеет серьёзных рамок, постоянно заходя на поля других теорий и, либо что-то черпая из них, либо сама становясь их частью. Институционализм правильнее было бы считать совокупностью подходов, изучающих под разными углами и со стороны разных наук нечто общее,что исследователи называют институтом. Сконструированная неоинституционалистами концепция НГМ дала государственному управлению ответы на одни вопросы, и, в то же время, подняла новые, дав толчок к дальнейшему развитию науки, которое, к слову, сейчас также происходит во многом при поддержке неоинституционализма, которому совершенно не чужды сегодняшние цифровизационные процессы в сфере ГУ. Институциональные теории составляют фундамент современной науки ГУ, при этом сохраняя свою релевантность уже на протяжении практически пятидесяти лет, так как исследования в области неоинституционализма не деактуализируются и по сей день, а значит институционализм действительно является ключевой теорией государственного управления.

Список литературы

1. Москвин А.Ю. Большой словарь иностранных слов: Более 24 000 слов / А. Ю. Москвин. - Москва : Центрполиграф, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 815 с. - ISBN 5-227-01294-6.
2. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник / И.И. Санжаревский. - Тамбов: 2016, 256 с. – URL: http://glos.virmk.ru/anons.htm (дата обращения: 25.03.2023)
3. Самошилова Г.М. Институционализм – история и современность. / Г.М. Самошилова. – Текст : электронный // Вестник Омского государственного университета. Серия «Экономика». – 2004. – № 4. – С. 11-15. - https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-istoriya-i-sovremennost/viewer (дата обращения 25.03.2023)
4. История экономических учений : учебник / С. А. Бартенев. — 2е изд., перераб. и доп. — М. : Магистр : ИНФРАМ,2013. — 480 с.
5. Самарин Я.В. Концепция целей и функций правительства в политической теории вудро Вильсона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-tseley-i-funktsiy-pravitelstva-v-politicheskoy-teorii-vudro-vilsona (дата обращения: 14.04.2023).
6. Политика реформ в государствах благосостояния в 80-90-е годы XX века. / И.Л. Сизова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-reform-v-gosudarstvah-blagososto yaniya-v-80-90-e-gody-xx-veka/viewer (Дата обращения: 05.04.2023)
7. Осборн Д. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик. – Москва: Прогресс, 2001. – 533 с. – ISBN: 5-01-004676-8. – Текст : непосредственный.

О ВИДАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ, СУБЪЕКТАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ И СПОСОБАХ ИХ РЕШЕНИЯ

Смышляева Елизавета Дмитриевна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность работы заключается в том, что Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) является основным законом в РФ и представляет собой фундамент для развития законодательной базы страны, закрепляя основы конституционного строя, регламентирует взаимоотношения личности и государства, а также в концентрированной форме выражает общественные ценности. Следовательно, такой важный нормативный правовой акт должен иметь надлежащую защиту, проявляющуюся

в виде конституционно-правовой ответственности, которая в свою очередь является средством обеспечения правопорядка в сфере наиболее важных общественных отношений.

Понятие и сущность юридической ответственности. Конституционное право является базовой отраслью в российской национальной правовой системе, которая регулирует общественные отношения всех сфер жизнедеятельности общества, включая: политическую, экономическую, социальную и духовную. Реализация конституционных норм обеспечивается через осуществление конституционного контроля. Следовательно, за нарушение конституционных норм, неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей субъекты конституционно-правовых отношений несут ответственность. Определяя сущность понятия «юридическая ответственность» можно отметить, что такая ответственность прямо связана с ответственностью за нарушение юридических норм, изложенных в законах, положения которых защищаются государством, посредством реагирования на правонарушение и применением санкций, предусмотренных законом. Ее главный признак заключается в том, что она выражается в определенных неблагоприятных последствиях для субъекта правоотношений, нарушившего норму права. Цели такой ответственности различны: от карательных, штрафных, до предупредительных, однако, наиболее важной, довольно обоснованно считается воспитательная функция, посредством которой можно убедить человека уважать закон и не выходить за рамки дозволенного поведения. Таким образом, *юридическая ответственность* представляет собой важный стимулятор правомерного поведения людей, которую следует рассматривать как позитивную, так и как негативную ответственность. К примеру: позитивная ответственность, подразумевает тщательное и эффективное исполнение возложенных обязанностей, понимание смысла и важности собственных действий, не является временной или принудительной, так как исходит из добровольности и глубокого осознания необходимости надлежащего поведения; негативная (ретроспективная) ответственность, возникающая как реакция за совершенные проступки и противоправные деяния, за правонарушения, в том числе связанные с неисполнением возложенных обязанностей и за злоупотребление правом.

Юридическая ответственность можно воспринимать как своего рода собирательное понятие, при этом полагая, что конституционно-правовая ответственность как вид ответственности, представляет предусмотренную конституционными нормами и нормами законов ответственность, обеспеченную возможностью государственного воздействия на субъект ответственности в целях защиты конституционно-правовых отношений, которыми предусмотрена их обязанность претерпевать неблагоприятные последствия за поведение, как следствие нарушения порядка и правил поведения, установленные конституционными нормами [1]. При этом фактическим основанием возникновения конституционно-правовой ответственности является само конституционное нарушение, которое выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении субъектом правоотношений своих конституционных обязанностей или злоупотреблении своими конституционными правами. При этом конституционно-правовая ответственность носит неоднозначный характер. С одной стороны, она включает в себя ответственность государства в целом за обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а с другой стороны ответственность властных структур перед обществом за реализацию тех полномочий, которые многонациональный народ страны как единственный источник власти (ст.3) [2] передал конкретным государственным институтам и отдельным лицам. Также в эту систему необходимо включить ответственность отдельной личности или группы лиц за невыполнение своих конституционных обязанностей или за злоупотребление своими конституционными правами. Основная цель конституционной (конституционно-правовой) ответственности состоит в поддержании конституционности как особого режима в правовой жизни общества и государства.

Принципы конституционно-правовой ответственности. Принципы конституционно-правовой ответственности – это фундамент, на котором базируется Конституция РФ, при этом реализация принципов такой ответственности как важнейшее условие обеспечения закрепленных в ней прав и свобод человека и гражданина, является одной из существенных предпосылок создания правового общества и государства. Выделяют семь принципов, в числе которых принципы законности, справедливости, неотвратимости ответственности, индивидуализации, оперативности наступления ответственности, целесообразности и ответственности только за вину. Так, к примеру: принцип законности, заключающийся в строгом и неуклонном исполнении предписанных законом правил поведения, а если субъект правоотношений нарушил указанные нормы, то обязан будет ответить за свои действия. Сущность данного принципа состоит в проведении специальной процедуры привлечения к ответственности, закреплённой законом; принцип справедливости, заключающийся в соразмерности санкции совершенному деянию. А также имеется в виду, что каждый, кто переступает закон, отвечает за свои поступки; принцип неотвратимости ответственности является одним из наиболее важных, так как обеспечивает условие ее эффективности; принцип индивидуализации, который представляет собой возможность избрания различных средств правового воздействия с учетом степени общественной опасности совершенного противоправного деяния, характера личности виновного, обстоятельств, предусмотренных законом в качестве смягчающих или отягчающих ответственность; принцип оперативности наступления ответственности означающий, что санкции за совершённое противоправное деяние могут стать не актуальными, если срок, между моментом правонарушения и моментом применения за него мер юридической ответственности, довольно большой; принцип целесообразности, означающий невозможность освобождения от ответственности без законных оснований под предлогом различных неправовых мотивов; принцип, подразумевающий под собой ответственность только за вину. Таким образом, ответственность может

наступить только при наличии вины нарушителя, в зависимости от осознания лицом неприемлемости поведения и вызванных им последствий [3].

Ранее были рассмотрены принципы, относящиеся ко всем видам юридической ответственности, в том числе и конституционно-правовой, однако последняя, в свою очередь, имеет еще ряд принципов, присущих только ей, это: особый порядок привлечения к конституционно – правовой ответственности, как судебный, так и несудебный, по причине отсутствия единой процедуры его применения; конституционно-правовая ответственность тесно соприкасается с политической ответственностью, которая в свою очередь не является видом юридической ответственностью. Политический характер конституционно-правовой ответственности обусловлен тем, что ее санкции призваны для того, чтобы обеспечить действие правовых норм, регулирующих отношения, связанные с формированием, организацией и функционированием институтов государства. Тем не менее, основанием возникновения конституционно-правовой ответственности для ее субъектов является нарушение конституционных обязанностей, политическая же ответственность означает лишь то, что занимающее высшую государственную должность лицо может лишиться политической поддержки в силу различных причин; конституционно-правовая ответственность имеет особый вид правонарушений, получивший название «конституционный деликт»; применение мер конституционно-правовой ответственности возможно лишь специальными уполномоченными на то органами государственной власти и их должностными лицами; отсутствие специального единого нормативного правового акта, в котором содержались бы все виды конституционно-правовых санкций [4].

Субъекты конституционно-правовой ответственности. В юридической науке существует два понятия: субъект права и субъект правоотношения. Они рассматриваются как тождественные, однако научно обоснованным считается мнение, что понятие «субъект права» шире, чем «субъект правоотношения». Ведь «субъект права» – это то лицо, которое потенциально может быть участником правоотношения независимо от того, участвует оно в нём или нет, а «субъект правоотношения» – это участник конкретного правоотношения, носитель субъективных прав и юридических обязанностей. Для того, чтобы быть субъектом права необходимо обладать правосубъектностью, которая включает в себя правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Так, правоспособность воспринимается как признаваемая государством общая возможность лица иметь предусмотренные законом права и обязанности, способность быть их носителем; дееспособность – как способность лица лично, своими действиями осуществлять субъективные права и юридические обязанности; деликтоспособность – как способность лица отвечать за причинённый им гражданско-правовой вред. Субъекты правоотношений бывают двух видов: индивидуальные (граждане РФ, иностранные граждане, бипатриды, апатриды), а также коллективные (государство в целом, субъекты РФ, органы местного самоуправления, общественные учреждения, организации и т.д.) [5 – С. 264]. Как ранее было отмечено, основанием для возникновения конституционно-правовой ответственности является «конституционный деликт», под которым понимают деяние (действие или бездействие) субъекта конституционно-правовых отношений, которое не соответствует должному поведению, установленному нормами конституционного права, и влекущее за собой применение предусмотренных мер конституционной ответственности. Иными словами «конституционный деликт» – это правонарушение, которое является основанием для привлечения виновного лица к конституционно – правовой ответственности лишь при наличии полного его состава, то есть при наличии объекта, субъекта, объективной стороны, субъективной стороны правонарушения. К субъектам конституционно-правовой ответственности, относятся лица, способные нести ответственность за нарушение предусмотренных конституционными нормами порядка и правил, определенных конституционным законодательством. Эти субъекты делятся на тех, кто может нести эту ответственность, и на тех, кто может привлекать к ней. При этом, среди тех, кто может нести конституционно-правовую ответственность могут быть только те, кто обладает деликтоспособностью, то есть способностью лица отвечать за причинённый им гражданско-правовой вред. К индивидуальным субъектам относятся граждане России, депутаты органов законодательной и представительной власти, а также уполномоченные должностные лица. К коллективным субъектам относятся органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и социальные образования (комитеты и комиссии представительных органов, избирательные комиссии и т.п.). Исходя из конституционной нормы (ст.53), закрепившей право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц, можно отметить, что государство в целом можно рассматривать как самостоятельный субъект конституционно-правовой ответственности.

Проблема определения круга субъектов конституционно-правовой ответственности выступает частью вопроса о субъектах конституционно-правовых отношений. Однако, если перечень субъектов конституционно-правовых отношений на настоящий день по сути определен, то вопрос о субъектах конституционно-правовой ответственности является дискуссионным и находится в стадии принятия единого мнения, которое зависит от понимания того момента, где становится ясным, все ли из учтенных субъектов конституционно-правовых отношений обладают деликтоспособностью и могут отвечать за свои деяния. В конституционном праве выделяют два вида субъектов, обладающих деликтоспособностью: индивидуальные и коллективные, где к первым относят граждан РФ, депутатов законодательных (представительных) органов публичной власти, должностных лиц и др., тогда как ко вторым относят объединения граждан и специальные органы публичной власти различного уровня и предназначения.

Считается, что субъектами конституционно-правовой ответственности не могут выступать государство, народ и высшие представительные органы власти, исходя из того, что государство и высшие представительные органы власти уполномочены применять конституционно-правовые санкции по отношению к остальным субъектам, однако сами не являются объектами воздействия таких мер, потому что нет субъектов государственно-правовых отношений, которые по иерархическому положению выше их. Рассматривая деликтоспособность таких субъектов конституционно-правовых отношений как народ, нация, этнические общности, национальные меньшинства, следует признать, что на сегодняшний день объективных обстоятельств для их отнесения их к категории субъектов конституционно-правовой ответственности не существует.

Рассматривая в качестве субъектов ответственности физических лиц, следует понимать, что необходимым условием для деликтоспособности является гражданство и как правило – достижение восемнадцатилетнего возраста, которые определяют наличие дееспособности, при этом в случае признания судом недееспособным, гражданин освобождается от юридической ответственности, в том числе и конституционно-правовой.

Здесь следует отличать конституционно-правовую ответственность гражданина, гражданина как частного лица от гражданина как представителя публичной власти, которая возникает к примеру с приобретением статуса депутата или должностного лица государственного органа, органа государственной власти и др., при этом, отдельными законами могут быть установлены сроки и условия приобретения деликтоспособности и условия наступления конституционно-правовой ответственности, такой как досрочное прекращение полномочий депутата, высшего должностного лица субъекта РФ, главы муниципального образования и др. Если принять во внимание тот факт, что действия государственных органов, органов местного самоуправления и общественных объединений могут признаваться судом незаконными, то они считаются наделенными деликтоспособностью и относятся к коллективным субъектам конституционного права. Исходя из таких обстоятельств, можно с уверенностью отметить, что к субъектам конституционно-правовой ответственности следует отнести большую часть субъектов конституционно-правовых отношений, кроме, конечно таких субъектов, к которым относится народ, нация, этнические общности и др. По мимо этого, необходимо различать деликтоспособность коллективного органа и его отдельных представителей. При этом, можно отметить, что существование конституционно-правовой ответственности заключает в себе превентивную роль, способствуя улучшению качества деятельности государственных органов и их должностных лиц, что способствует укреплению законности и правопорядка в стране [6].

Понятие и сущность конституционно – правовых санкций. В юридической науке существует термин «норма права», под которым понимается общеобязательное, формально определённое правило поведения, установленное или санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений. Правовая норма имеет свою структуру, то есть наличие в ней трех взаимосвязанных между собой элементов: гипотезы, диспозиции и санкции, где «гипотеза» представляет структурный элемент нормы права, указывающий на условие, при наличии которого норма права вступает в действие; «диспозиция» – в котором определяются права и обязанности субъектов права, устанавливаются варианты возможного и должного поведения, являясь ядром нормы права, так как содержит указание на само правило поведения; «санкция» как элемент, содержащий указания на последствия, наступающие для субъекта, реализовавшего норму права [5 – С. 216]. Так, *по характеру последствий*, санкции делятся на негативные (карательные и правовосстановительные) и позитивные, которые содержат меры поощрения за социально полезное для государства и общества поведение: *по степени определенности* – на абсолютно определенные как предусматривающие меру государственно-правового воздействия, и относительно определенные как указывающие на ее нижний и высший пределы, на альтернативные как предусматривающие несколько мер воздействия, позволяющие правоприменителю возможность использования любой из них по своему усмотрению, исходя из обстоятельств дела. Исходя из общей теории, можно сформулировать определение согласно которому «конституционно-правовая санкция» представляет определенную нормами конституционного права меру государственного воздействия, реализуемую в сфере конституционно-правовых отношений и которая применяется к субъекту конституционного права, нарушившему ключевой элемент нормы права – диспозицию. Конституционно-правовая санкция содержит итоговую оценку конституционного деликта. При определении конституционно-правовых санкций учитывают характер и общественную значимость поведения субъекта конституционно-правовой ответственности, и тот конституционно-правовой статус, которым он обладает. Особенностью конституционных санкций является то, что практически все они за редким исключением (возмещение материального ущерба иногда может быть санкцией конституционной, а не гражданско-правовой ответственности) не могут быть использованы в качестве санкций иных видов юридической ответственности [7].

Виды конституционно-правовых санкций. Главным основанием для классификации конституционно-правовых санкций являются их основополагающие принципы, а именно неблагоприятные последствия и характер законодательного принуждения к нарушителям конституционного законодательства. Таким образом, конституционно-правовые санкции делятся на четыре вида: *правовосстановительные*, направленные на восстановление отношений; *предупредительные*, направленные на недопущение противоправного поведения, как то, письменное предупреждение органов юстиции о прекращении деятельности общественного объединения и пр.; *меры взыскания*, имеющие цель наказать нарушителя, как то, досрочные выборы,

отрешение от должности и пр.; *пресечения*, последствием применения которых может стать введение чрезвычайного положения, приостановление действия акта органов исполнительной власти субъектов РФ и пр.

Конституционно-правовые санкции группируются по основаниям применения и включают 7 групп, в том числе: *к первой группе относят меры,* принимаемые в связи с деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, депутатов и иных должностных лиц, результатом которой деятельность органа прекращается, он ликвидируется либо формируется в новом составе после, к примеру роспуска органа законодательной, законодательной (представительной), представительной власти, их расформирования, переформирования, прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ либо органа местного самоуправления, освобождения либо отрешения их от должности; *ко второй группе относят меры*, направленные на признание нормативного правового акта неконституционным, к примеру, конституционной нормой (ст. 125) определено, что Конституционный Суд РФ по запросам определенных органов государственной власти и их должностных лиц разрешает дела о соответствии законов Конституции РФ, при этом, в случае, если рассматриваемые акты или их отдельные положения противоречат основному закону государства, они утрачивают силу, а международные договоры России не подлежат введению в действие и применению; *третья группа объединяет меры*, направленные на приостановление правового акта, к примеру, конституционной нормой (ч.2 ст. 85) установлено, что Президент РФ вправе приостановить действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции РФ, федеральным законам, международным обязательствам РФ, а также в случаях нарушения ими прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса в судебном порядке; *к четвертой группе* конституционно-правовых санкций относят меры, направленные на признание нормативного правового акта не входящим в компетенцию соответствующего органа публичной власти, к примеру Конституционный Суд РФ может признать издание акта не входящим в компетенцию издавшего его органа государственной власти, в силу чего акт утрачивает силу со дня, указанного в решении суда (ст. 95) [8]; *к пятой группе относят меры*, направленные на отмену нормативного правового акта судом или вышестоящим органом в случае противоречия Конституции РФ или другим федеральным законам, к примеру по закону об общих принципах организации местного самоуправления (ст. 48) муниципальные правовые акты могут быть отменены, а их действие может быть приостановлено органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления, принявшими (издавшими) их, в установленных случаях либо судом; *к шестой группе относят меры*, принимаемые в связи с реализацией избирательных прав граждан и организацией избирательного процесса, к примеру, лишение или приостановление избирательного права гражданина активного или пассивного, либо только пассивного; *к седьмой группе можно отнести такую меру*, как приостановление деятельности органа, которая может прямо предусматриваться законом, а вытекать из общего права на создание и формирование соответствующих органов либо осуществления контроля их деятельности [9 – С. 123].

В качестве заключения можно отметить, что конституционно-правовая ответственность представляет вид юридической ответственности, предусмотренную конституционными положениями и законодательными нормами, которая обеспечена мерами государственного воздействия в целях защиты конституционно-правовых отношений, когда в обязанность субъектов отношений включается необходимость претерпевать неблагоприятные последствия за поведение, нарушающее порядок, установленный конституционными нормами. При этом субъекты конституционно-правовых санкций подразделяются на тех, кто может нести эту ответственность, и на тех, кто может привлекать к ней. Конституционно-правовые санкции делятся на четыре вида: правовосстановительные; предупредительные; меры взыскания; санкции пресечения. Этим обуславливается основное назначение конституционно-правовой ответственности, которая считается защита от нарушений установленных конституционными нормами правил поведения.

Список литературы

1. Олимпиев, А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно – правовой ответственности / А.Ю. Олимпиев // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 3 – С. 112–116.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07. 2020)) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет – портале правовой информации http: //www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
3. Шадрина Л.В. Принципы юридической ответственности / Л.В. Шадрина // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9 (189). – С. 108–110.
4. Гафуров А.А. К вопросу отнесения конституционно-правовой ответственности к виду юридической ответственности / А.А. Гафуров // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 февраля 2019 года / Под редакцией А.Б. Мезяева, Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. – Казань: Университет управления "ТИСБИ". – 2019. – С. 27–33.
5. Рассолов М.М. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся но направлению подготовки «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА. – 2021. – 343 с.
6. Темникова М.П. К проблеме субъектов конституционно-правовой ответственности / М.П. Темникова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – №2. – С. 50–53.

7. Яценко О.В. Система и виды конституционно-правовых санкций в теории позитивной ответственности / О.В. Яценко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – № 1(33). – С. 112–114.
8. О Конституционном Суде Российской Федерации: фед. конституционный закон от 21.07.1994 № 1–ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 13. – ст. 1447.
9. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 1 / С.А. Авакьян. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М. – 2023. – 864 с.

О ПОНЯТИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЕ ВИДАХ, СОСТАВАХ И ПРОБЛЕМАХ ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Снисаренко Ирина Максимовна, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Начало XXI столетия поставило перед мировым сообществом задачу разрешения ряда мировых глобальных проблем, ориентированных на обеспечение мира, безопасности, стабильности между государствами (группами государств) и создания необходимых условий для жизнедеятельности людей. В условиях глобализации, развития технологий, международного сотрудничества, стремления к взаимопониманию и осознанию единства общечеловеческих ценностей актуализируется одна из проблем, стоящих на повестке дня перед человечеством, именуемая международной преступностью. Список международных преступлений постоянно пополняется, создаются новые, ранее неизвестные формы международной преступности, совершенствуются способы совершения преступных деяний, а также профессионализм преступников, кроме того появляются новые способы сокрытия тех или иных преступных действий.

Понятие международной преступности. Международное правонарушение является сложным правовым явлением. В качестве международного правонарушения понимается деяние субъекта международного права, которое имеет признаки состава международного правонарушения. Одним из видов международного правонарушения является международное преступление. Преступление – это виновное, общественно-опасное деяние, совершение которого запрещено законодательством под угрозой наказания [1 – С. 501]. Со словом «преступность» во все времена связывали покушение на безопасность и благополучие, спокойствие и стабильность человека и общества. Однако с появлением международных преступлений преступность стала угрожать не только общественной и национальной безопасности, но и безопасности всего мирового сообщества. Понятие международного преступления в международном праве раскрывается неоднозначно, это связанно, прежде всего, с отсутствием единого кодифицированного акта, в котором было бы полно и четко сформулировано понятие международного преступления, его признаки, состав и иные особенности. Определить вышеперечисленное можно лишь путем анализа в совокупности мнений ученых в области международного права, международной практики, а также положений конвенций и иных международных актов. В практике международного права были предприняты попытки кодификации международных преступлений. Так Комиссией международного права Организации Объединенных Наций в 1970 г. был разработан Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в котором содержались все преступления против мира и безопасности, а также порядок привлечения к ответственности лиц их совершивших. Однако данный Кодекс не вступил в силу и международные преступления, так и остались не кодифицированными. В нормотворческой деятельности, научном обороте имеет место использование в отношении рассматриваемого понятия различной терминологии (международные преступления, преступления по международному праву, международно-правовые преступления, преступления против мира и безопасности человечества и т.д.) [2]. Само понятие международного преступления не содержится в нормативных правовых актах по международному праву, поэтому его определение вызывает интерес у юристов-международников. Так, Д.Б. Левин определял международные преступления как деяния, посягающие на свободу народов мира либо посягающие на интересы всего человечества, а также на коренные основы международного общения, права и интересы всех государств. Международная преступность – сложное явление, поэтому, чтобы обеспечить свою безопасность, государства должны прежде всего определить круг деяний, которые в равной степени нарушают интересы каждого из них. В юридической литературе имеется точка зрения на единое понятие «преступления против человечества», под которым ученые понимают «посягательство на основы существования и прогрессивного развития народов». Поддержку это мнение нашло в решении Комиссии международного права ООН которая сфокусировала внимание на том, что такие преступления являются «столь серьезными или значительными, совершаются в столь массовых или широких масштабах или имеют столь плановую или систематическую основу, что представляют собой угрозу для международного мира и безопасности» [3]. Международные преступления являются опасными для всего мира нарушениями принципов и норм международного права. Такие преступления посягают на отношения против мира и безопасности человечества, а также представляют высокую степень опасности для нормальных отношений между государствами независимо от их социально-политических условий. Так, анализ научных источников позволил отнести к

особенностям международных преступлений: преступления, совершаемые государствами, должностными лицами, использующими в преступных целях государственные механизмы, а также те, которые совершаются рядовыми исполнителями; преступления, совершающиеся в непосредственной связи с государством; деяния, посягающие на международный мир, безопасность, а также угрожающие основам международного правопорядка; преступления, в результате совершения которых, наступает ответственность не только государства как субъекта международного права, но и персональная уголовная ответственность исполнителей. Исходя из этого можно сделать вывод, что, несмотря на существование сложностей в определении понятия международного преступления, дискуссионности вопросов по поводу объекта указанных деяний, международное преступление считается деянием, нарушающим основополагающие принципы международного права и посягающим на жизненно важные интересы мирового сообщества в целом, на безопасность отдельных людей, и в целом, всего международного мира. Основным признаком международных преступлений, отличающим их от иных правонарушений, является опасность для человечества.

Состав международного преступления. Состав международного преступления рассматривается как совокупность, установленных в международном праве правил поведения, обладающих объективными и субъективными признаками, определяющих деяние как преступное, и включающих: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону [4]. Необходимым элементом состава преступления во внутреннем законодательстве стран является *объект*, понятие которого, по мнению ученых, применимо и к международному праву, где объект преступления считается важнейшим элементом состава преступления, отсутствие которого исключает наличие самого правонарушения. Отсюда, к объекту международных преступлений можно отнести международные отношения по поводу обеспечения безопасности, в интересах мира для всего человечества. На доктринальном уровне имеются сложности в решении вопросов по конкретизации объектов международных преступлений, когда с учетом позиций ученых к объектам таких преступлений может быть отнесен неопределенный круг общего числа посягательств, формирующих более конкретное указание на объект таких деяний, в том числе: посягающих на существование государства или нации либо представляющих обязательства, имеющие важное значение для всего мирового сообщества, являющихся объективными и дополняющими друг друга. Однако к наиболее приемлемым можно отнести мнения, определяющие объектом международных преступлений международный мир и безопасность, интересы человечества и мирового сообщества в целом [5]. *Объективная сторона* данных преступлений может быть выражена как в форме действия, так и в форме бездействия. Так, например, согласно ст. 28 Римского статута начальник несет уголовную ответственность за деяния,«совершенные подчиненными, находящимися под его эффективной властью и контролем, если совершение преступных деяний стало результатом неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными». Помимо действия и бездействия объективная сторона включает в себя вредное последствие, а также причинно-следственную связь между совершенным деянием и наступившими последствиями. *Субъектом* международных преступлений являются государства, их должностные лица, использующие механизм государства в преступных целях, рядовые исполнители. Важно, что международные преступления совершаются как государством, так и одновременно физическими лицами, они нарушают международные обязательства, которые необходимы для обеспечения интересов мирового сообщества. *Субъективной стороной* международного преступления охватывается психологическое отношение субъекта к деянию. Она может быть выражена в форме умысла и неосторожности. Кроме того к субъективной стороне относятся мотивы и цели субъекта. Необходимо отметить, что субъективная сторона международных преступлений не имеет единой формулировки и определяется в международных нормативных актах применительно к конкретному виду преступления. Только при установлении совокупности всех вышеперечисленных элементов состава международного преступления может быть реализован один из основополагающих принципов международного права, согласно которому лицо, совершившее деяние, которое по общепринятым правилам, признается преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию.

Правовое регулирование международных преступлений. Для определения правового регулирования международных преступлений следует, прежде всего, установить понятие, так правовое регулирование – это совокупность юридических норм, с помощью которых государство оказывает воздействие на общественные отношения [1 – С. 501]. В международном праве воздействие будут оказывать не конкретные государства, а мировое сообщество в целом, международные организации универсального и регионального характера, а также группы государств, между которыми были заключены те или иные международные договоры и соглашения. В области правового регулирования международных преступлений существует проблема отсутствия единого кодифицированного акта, в котором объединялись бы все международные преступления, устанавливались объективные и субъективные признаки совершаемых деяний, определялся объект и субъект преступления, а также, самое главное, были четко определены нормы об ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества. Прежде всего, правовое регулирование в данной области осуществляется Уставом Организации Объединенных Наций. Так, основной целью Организации Объединенных Наций является поддержание международного мира и безопасности, предотвращение и устранение угроз миру и подавление любых актов агрессии, кроме того Организация Объединенных Наций обязана осуществлять мирными средствами улаживание и разрешение международных конфликтов, которые могут привести к нарушению международного мира (ст. 1). Согласно положениям Устава Организации Объединенных Наций на Совет Безопасности Организации Объединенных Наций возлагается главная

ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24). Кроме того Совет Безопасности Организации Объединенных Наций обязан определять существование любой угрозы миру, нарушения мира или актов агрессии, делать рекомендации или принимать решения о дальнейших действиях для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Для этих целей, чтобы предотвратить ухудшение ситуации, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций может установить применение участниками конфликта мер, не связанных с применением вооруженных сил (ст.ст. 39-41). Важную роль в правовом регулировании международных преступлений играют Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, в частности, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 1974 г., в которой сформулировано определение агрессии, указанно какие именно деяния будут квалифицироваться в качестве акта агрессии, оставляя при этом возможность Совета Безопасности Организации Объединенных Наций определять и другие акты, подпадающие под определение агрессии [6]. Правовое регулирование международных преступлений осуществляется также Женевскими конвенциями 1949 г. К примеру, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны запрещает захват заложников, уничтожение и разграбление территории мирных поселений, применение к населению моральных и физических мер принуждения, а также принуждать его к службе в вооруженных силах оккупирующего государства (ст.ст. 31, 34, 51) [7], а Женевская конвенция об обращении с военнопленными содержит положения, которые должны выполнять воюющие стороны в отношении военнопленных, при этом ее положения обязывают обращаться с военнопленными гуманно, когда они не могут быть подвергнуты физическому насилию, научному или медицинскому опыту, запрещают применение к ним репрессий и любых действий, ставящих под угрозу их жизнь и здоровье (ст. 13) [8]. Важным документом в истории международных преступлений является Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г. Именно он включил в структуру международных преступлений преступления против человечности, суть которых была впоследствии расширена в Римском статуте международного уголовного суда. В Римском статуте раскрывается понятие геноцида, преступлений против человечности; определяется, какие именно преступления относятся в эту группу; расшифровывается, что такое военные преступления и какие именно деяния в международном праве относятся к военным преступлениям. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в течение длительного периода развития международного уголовного права было разработано достаточно большое количество нормативных правовых актов, регулирующих международные преступления. Однако до сих пор не был принят единый кодифицированный акт, регулирующий все виды международных преступлений. Государства разрабатывают нормативные правовые акты, касающиеся международных преступлений с целью уменьшить их совершение, сохранить безопасность как свою, так и всего мирового сообщества, а также оказать друг другу содействие в поиске, поимке и выдаче лиц, совершивших противоправные деяния, для того чтобы они понесли справедливое наказание. Однако, несмотря на усилия государств по созданию нормативных актов, регулирующих международные преступления, а также норм об ответственности за их совершение, международные преступления продолжают совершаться, а виновным лицам удается скрываться от правосудия и оставаться безнаказанными.

Преступления против мира. Юристы-международники не сталкиваются с проблемой классификации международных преступлений, традиционно в современной литературе в качестве международных преступлений рассматриваются агрессия, военные преступления, преступления геноцида; преступления против человечности. Все эти преступления представляют огромную опасность для мирового сообщества, так как посягают на безопасность большого количества людей, подрывают интересы государств и всего международного мира. Международные преступления имеют особое значение в международном праве, поэтому необходимо более детально рассмотреть каждый вид преступления. В отечественной и зарубежной литературе учеными утверждается, что агрессия является наиболее опасным международным преступлением. К понятию агрессии внимание было обращено еще со времен Первой мировой войны. Декретом о мире 1917 г. определялось, что агрессия является величайшим преступлением против человечества, однако самого понятия Декрет 1917 г. не содержал [9]. Разработка понятия агрессии велась еще долгое время и нашла отражение лишь в 1974 г. Резолюцией № 3314 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. было утверждено определение агрессии, так согласно ст. 1«Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». Термин «агрессия» используется применительно к следующим деяниям: вторжение или нападение вооруженных сих на территорию другого государства; любая военная оккупация; аннексия территории государства или ее части, совершенная с применением военной силы; бомбардировка вооруженными силами территории другого государства; блокада портов или берегов другого государства вооруженными силами; предоставление территории для совершения акта агрессии против третьего государства; нападение вооруженными силами на сухопутные, воздушные или морские силы и флоты другого государства; применение вооруженных сил, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении [10]. Одним из примеров агрессии в истории человечества считается нападение фашисткой Германии на ряд государств, включая Польшу, Францию, СССР и др. произошедшее в период с начала Второй Мировой войны. Как известно, 23 августа 1939 г. министры иностранных дел СССР и Германии подписали Пакт о ненападении, к которому прилагался протокол, позволяющий поделить

территорию Польши между Германией и СССР. Ликвидировав опасность военного столкновения с СССР, Гитлер решил получить всю территорию Польши и отдал приказ своим войскам 26 августа напасть на Польшу. Эти действия положили начало Второй Мировой войне, потери в которой по общему количеству составили 70-85 миллионов человек, или около 3% мирового населения 1940 года, составлявшего 2,3 миллиарда человек [11].

Военные преступления. К таким нарушениям согласно главе II «Юрисдикция и общие принципы» Устава Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси относятся «убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления». Для квалификации деяний как военных преступлений необходимо наличие вооруженного конфликта. При этом нужно отметить, что противоправные деяния могут быть совершены в ходе вооруженного конфликта не только международного, но и внутреннего характера. В качестве примеров военных преступлений, основными выступают действия фашисткой армии в период Великой Отечественной Войны. Так, в Распоряжении об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных от 8 сентября 1941 г. говорится, что «любое неповиновение военнопленного необходимо устранять при помощи оружия»; «в случае побега военнопленного необходимо незамедлительно стрелять в него без предупреждения». Кроме того в данном распоряжении указано, что «большевицкий солдат потерял всякое право на обращение с ним в соответствии с Женевским соглашением». Отчетливо видно нарушение норм международного права даже в официальных документах фашистских властей, и, как следствие, совершение тягчайших военных преступлений на практике.

Геноцид. Геноцид признан военным преступлением с момента принятия в 1948 году Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [12]. В этой Конвенции (ст. 2) геноцид был определен как действия, которые совершаются с намерением уничтожить полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, а к действиям, подразумевающим геноцид отнесены: убийство членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства такой группе; применение мер, которые рассчитаны на предотвращение деторождения в кругу такой группы; осуществление насильственной передачи детей из такой группы в другую; умышленное создание жизни такой группы, которая рассчитана на полное или частичное уничтожение это группы. Как следует из определения, деяния в виде геноцида направлены на уничтожение национальной, этнической расовой или религиозной группы. Кроме того при анализе данного вида международных преступлений необходимо учитывать, что наказуемыми и приравненными к преступлениям геноцида являются: сам геноцид, заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида, соучастие в геноциде. В истории человечества было достаточно случаев совершения актов геноцида против тех или иных групп. Например, геноцид в Руанде 1994 г. В результате столкновения двух племен: тутси и хуту, представителями племени хуту было истреблено более 800 тысяч человек из племени тутси.

Преступления против человечности. Преступления против человечности являются особым явлением в международном праве. Преступления против человечности наряду с актами геноцида, агрессией и военными преступлениями являются наиболее тяжкими международными преступлениями, которые вызывают озабоченность всего мирового сообщества. Понятие «преступление против человечности» используется для определения тяжких насильственных действий, совершаемых в широких масштабах людьми преимущественно в политических, идеологических, национальных, расовых, религиозных или этнических целях [13]. Детализированный перечень преступлений против человечности изложен в ст. 7 Римского Статута, согласно которой к данному виду преступлений относятся: убийство, истребление, порабощение, депортация или принудительное перемещение населения, пытки, заключение в тюрьму в нарушении норм международного права, изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции или беременности, другие формы сексуального насилия аналогичной тяжести, насильственное исчезновение людей, преступления апартеида, иные бесчеловечные деяния сопоставимой тяжести. Обязательным элементом преступлений против человечности является наличие широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население, кроме того данные действия должны быть совершены лицом сознательно. Например, для признания лица виновным в «истреблении» необходимо установить, что лицо осознает, что его действия или бездействия являются составной частью массовых убийств, которые совершаются в один период времени, и будут охарактеризованы как одно длительное нападение. Примером принудительного насильственного переселения служит территория ЮАР. Людей заставляли переселяться в районы, специально предназначенные для проживания той или иной группы. Так переселению подлежали: наемные рабочие на фермах; жители участков земли, принадлежащих афроамериканцам; семьи рабочих, живущих около резерваций и иные категории.

В качестве итога можно отметить, что международным преступление считается деяние, нарушающее основополагающие принципы международного права, а также посягающее на жизненно важные интересы мирового сообщества и на безопасность не только отдельных людей, но и всего международного сообщества. Однако существует проблема отсутствия единого кодифицированного акта, при том, что правовое регулирование осуществляется большим количеством международных актов, в числе которых: Устав ООН, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, Женевские конвенции 1949 г., Устав Международного Военного

трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г., Римский статут международного уголовного суда, что вызывает сложности правоприменения, что недопустимо, исходя из понимания того, что к видам международных преступлений относятся преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

Список литературы

1. Додонов, В.Н. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М. А. Крылова. – М.: Инфра – М, 2001. – С. 501.
2. Трикоз, Е.Н. Формирование концептуальной модели преступлений против мира и безопасности человечества / Е.Н. Трикоз // Государство и право. – 2018. – № 8. – С. 97 – 104.
3. Доклад Комиссии международного права о работе ее 48-й сессии, 6 мая – 26 июля 1996 г. // Док. ООН. А /51/10. Нью-Йорк, 1996.
4. Римский Статут Международного уголовного суда: г. Рим 17 июля 1998 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 10.
5. Ромашев, Ю.С. О классификации преступлений согласно международному праву / Ю.С. Ромашев // Российский ежегодник международного права. – 2018. – С. 197.
6. Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. // Международное публичное право: Сб. документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.
7. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – С. 204-278, 280.
8. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 454-512.
9. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т.1. – М., 1957.
10. Устав Организации Объединенных Наций: г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.
11. Специальный проект ТАСС: Ненужная война. Вторая мировая война в цифрах и фактах [Текст электронный]. URL: https://tass.ru/spec/wwii (дата обращения 24.03.2023).
12. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: г. Нью-Йорк 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 12.
13. Тюленева, Д.А. Геноцид и преступления против человечности / Д.А. Тюленева // Сборник: Проблемы межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными и транснациональными преступлениями. – 2019. – С. 86-93.

О МОДЕЛЬНЫХ ЗАКОНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ, СТАТУСЕ, ПРОБЛЕМАХ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТЯХ РЕШЕНИЯ

Соловейчук Кирилл Владимирович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Традиционно модельное законодательство обозначается английским термином «model law», который весьма активно используется в нормотворческой практике иностранных государств и представляет собой правовые акты различного характера. В понимании отечественной правовой системы речь идет о модельных законах, которые получили широкое распространение в формировании моделей правового регулирования тех или иных общественных отношений. Главное свойство модельных актов – это то, что они являются своеобразным мостом между нормами международного и внутреннего права, вплетаются в ткань названных нормативных систем. В то же время модельное законодательство является средством унификации и гармонизации, поскольку применение модельного акта в качестве самостоятельного источника права в рамках правоприменения не предполагается.

Общая характеристика модельного законодательства. Сущность модельных законов. Важную роль играет выработка единообразных норм с использованием модельных актов как механизма правовой интеграции как на национальном, так и на международном уровнях. В более узком смысле можно выделить два уровня применения норм модельного законодательства: внутри отдельного государства и межгосударственный уровень. Существуют различные определения понятия «модельный закон» (model law): имеющий рекомендательный характер акт, принимаемый либо международной организацией, либо законодательным органом федеративного государства в целях унификации законодательства разных государств или субъектов федерации; ориентир на согласованную законодательную деятельность; законодательный акт типового характера, содержащий нормативные рекомендации, а также варианты возможных правовых решений (иногда и

пояснения к возможным вариантам, примеры) тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений; законодательный акт, содержащий рекомендации, а также варианты правовых решений, пояснения, примеры.

Общими чертами данных определений является то, что модельные акты носят рекомендательный характер, выступают образцом, правовым стандартом, для будущего нормативного правового акта, принятого законодательными органами власти, при отсутствии обязательства для данного органа и государства в целом брать этот образец за основу (если только принятие такого акта не является обязанностью государства как члена международного объединения). Модель, на основе которой будут заключены реальные международные соглашения, никакой юридической силой не обладает. Это лишь образец, а точнее говоря, примерная схема, на основе которой будут разрабатываться конкретные соглашения по соответствующему вопросу. В процессе переговоров с тем или иным государством в модельный вариант могут быть внесены уточнения, отражающие специфику сотрудничества с соответствующим государством в данном направлении. Вместе с тем заключение соглашения по какому-либо вопросу на основе единого образца позволяет обеспечить гармонизацию международных обязательств государства, использующего модель при заключении двусторонних международных договоров в какой-либо сфере. Не следует путать модельный акт с единообразным законом, который представляет из себя акт, имеющий нормативную силу, часто используемый в качестве интеграционного дополнения или приложения к международному договору. В данном случае у государства как субъекта данного договора возникает обязанность принять данный закон, что исключает его рекомендательный характер и гибкость решения. Модельный закон следует отличать не только от единообразного закона, но и от такого механизма правовой интеграции, как основы законодательства, или иных гармонизационных актов, определяющих общие принципы построения внутригосударственного законодательства по какому-либо вопросу.

Модель представляет из себя целостный правовой акт с общепринятой структурой и точными формулировками, который невзирая на возможность предложения разработчиками нескольких вариантов положений, может быть интегрирован в правовую национальную систему и без доработок. В качестве самостоятельной формы модельных актов выступают модельные (типовые) международные договоры. Модельный договор может быть подготовлен отдельным государством и выступает в этом случае как образец, на основе которого данное государство готово приступить к переговорам о заключении соответствующего международного соглашения [1]. Исследователи положительно отзываются о создании и применении модельного законодательства, поскольку его система обладает свойствами "гибкости", позволяющими признать обязательность указанных норм государствам с различными историческими и правовыми традициями, модельные нормы открывают значительный простор для регулирования как на локальном, так и на международном уровнях, обладают качеством всеобщности, подстраиваясь под специфику как общего международного права, так и локальных и партикулярных норм. Использование модельного законодательства дает возможность выработать нормы качественно новые, более современные, учитывающие специфику современных имущественных отношений, так как государство, принимая их, имеет право частично их видоизменять, адаптировать к особенностям своей правовой системы, отменить в одностороннем порядке, если они окажутся малоэффективными. Не имеющие обязательной силы документы быстрее принять, легче изменить, они более просты для технических вопросов, которые могут потребовать оперативного или многократного пересмотра. Положительным моментом является и то, «что процесс модельного законотворчества отвечает демократическим тенденциям, так как страны самостоятельно выбирают методы и степень имплементации модельного законодательного акта в национальное законодательство. Важно отметить, что принятые международными организациями модельные правовые нормы должны быть приемлемыми для большинства государств с учетом их реальных национальных законотворческих интересов. При этом нельзя забывать и о таком факторе, влияющем на эффективность модельной рекомендации, как политический авторитет и эффективность международной организации, а также качество, в том числе юридико- техническое, самих рекомендательных актов. Деятельность по разработке и имплементации модельных актов выступает одним из необходимых способов развития законодательства. Основной целевой ориентир модельного законодательства – выработка примерных правовых норм, которые можно имплементировать в действующее внутригосударственное законодательство.

Модельные (рекомендательные) законодательные акты разрабатываются и принимаются международными и региональными организациями. К примеру – Организацией Объединенных Наций (ООН), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Европейским Союзом, Советом Европы, СНГ, Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) и др. Могут создаваться такие акты и нормотворческими органами федеративных государств, к примеру – США, Российская Федерация [2]. Вместе с тем следует признать, что использование модельных проектов наряду с неоспоримыми преимуществами имеет и совершенно очевидные недостатки. Главный из них состоит в отсутствии международно-правового обязательства как в отношении соответствия принимаемых национальных нормативных актов модельному образцу, так и в отношении сохранения их в силе. Поскольку государства, как правило, ничем не связаны при использовании модели, они обычно могут вносить в нее исправления или видоизменять в необходимом им ключе, если только пределы и механизмы внесения таких исправлений не оговорены специально и не являются обязательными для конкретных государств.

Следовательно, цели искомого единообразия правового регулирования не достигаются, и модельные акты несут в себе лишь теоретическую ценность, что определяет основу существования множества пессимистических оценок реальной эффективности использования модельного закона в системе сближения национальных законодательств. Кроме этого, ряд исследователей отмечают, что использование модельного законодательства приводит лишь к схожести национальных норм права, то есть к гармонизации, но не унификации, что затрудняет эффективность реализации данных норм, а также их толкования. Поэтому сближение национального законодательства на основе моделей эффективно в тех случаях, когда различия между системами права государств столь существенны, что их ликвидация возможна лишь постепенно, в несколько этапов. Наряду с этим, учеными высказывается мнение, что данный механизм гармонизации в силу объективных и субъективных причин не оправдывает себя прежде всего в экономической сфере, так как имплементация модельных законов предполагает решение комплекса межгосударственных проблем, требующих, как показывает мировой опыт, длительных сроков, больших финансовых затрат, нормальных условий функционирования национальных экономик, отлаженной, постоянно действующей системы межгосударственного наблюдения за выполнением принятых обязательств. Однако, представляется, что проблемы правовой гармонизации в СНГ прежде всего зависят от политической воли государств к сближению, а само по себе использование модельных актов в процессе гармонизации правовых систем является перспективной формой правотворчества, используемой в той или иной мере во всем мире [3]. Становление института модельного законодательства и некоторые проблемы его существования. Модельный акт как интеграционный механизм начал реализовываться в национальной и международной практике с середины XX века. Хорошо зарекомендовал себя данный механизм в гармонизации федеративных государств. Так, классическим примером является принятие разработанного на федеральном уровне США Единообразного торгового кодекса (1952), который принимался в отдельных штатах с 1954 по 1974 г., причем в некоторых (например, в Луизиане) частично и с последующими изменениями. Таким же образом в законодательство штатов интегрировался Примерный уголовный кодекс (1962) и Закон о предпринимательских корпорациях (1985) [3]. 8 декабря 1991 г. Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина подписали Соглашение о создании СНГ. В одном из положений данного Соглашения определялось, что с момента его подписания на территориях государств-участников не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР. 21 декабря 1991 г. к данному Соглашению присоединились все бывшие республики СССР, за исключением Латвии, Литвы и Эстонии. Тогда же для решения вопросов, связанных с координацией деятельности государств Содружества в сфере общих интересов, было принято решение создать высший орган Содружества «Совет глав государств», а также «Совет глав правительств». С момента обретения независимости каждое из государств-членов СНГ фактически приступило к формированию собственной системы государственной власти и законодательной базы. Между тем бывшие республики СССР, ставшие в одночасье самостоятельными государствами, были в тот период времени тесно связаны в экономическом плане: продолжали действовать единая энергосистема, единая система железнодорожного и авиационного сообщения, промышленная кооперация, каналы поставок товаров и предоставления услуг. Все указанное требовало не только скоординированности реальных экономических действий, но и схожего, если не сказать единого, правового поля.

Начало формированию обширного блока модельного законодательства для государств-участников СНГ было положено одобрением Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 29 декабря 1992 г. Рекомендательного законодательного акта «О согласованных принципах регулирования гражданства». В дальнейшем разработка и принятие рекомендательных, а затем модельных законодательных актов для государств-членов СНГ приняла достаточно широкие масштабы и продолжается до сего времени. В 2005 году на двадцать пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ было принято Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств. Если принять за основу современный опыт стран-участников СНГ в деле гармонизации их законодательства, то эффективность имплементации модельных норм в сфере экономики сталкивается как с политическими, так с экономическими факторами (большая непогашенная задолженность перед международными кредиторами и т.п.). Все это связано, со слабым положением на внешней арене государств, получившим независимость (суверенитет) на постсоветском пространстве. Замедление процесса имплементации норм модельного законодательства обусловлено внутриполитическими проблемами, а также боязнью ослабления или же потери национального суверенитета отдельными государствами. Таким образом, процесс имплементации модельных законов наталкивается на различные барьеры, в том числе финансовые, экономические, а также сопровождается отсутствием слаженных механизмов межгосударственного контроля за выполнением принятых обязательств. Кроме того, отмечается бессистемный характер модельного законодательства, принятие дублирующих, а в отдельных случаях также и противоречащих друг другу нормативных документов. Вполне можно согласиться с тем, что качество самих актов модельного законодательства существенным образом влияет на степень их внедрения в национальное законодательство. Законодательная техника модельных законов должна выдерживать определенную структуру и логику построения нормативных положений, опирающихся на максимально понятные и стандартизированные смысловые приемы, позволяющие на этой базе создавать непротиворечивые нормативно-правовые конструкции [4].

Модельное законодательство СНГ. Правовое регулирование модельного законодательства в СНГ. Условия принятия Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ к разработке проектов модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи, порядок организации и осуществления законопроектной деятельности, а также выполнения требований к оформлению ее результатов определяются Положением о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [5]. В статье 1.1 Положения устанавливается. что «модельное законотворчество – деятельность Межпарламентской Ассамблеи по разработке, принятию и опубликованию модельных законодательных актов, отвечающих целям сближения (унификации) законодательства государств-участников Межпарламентской Ассамблеи и задачам интеграционного развития СНГ». Из данного положения вытекает по меньшей мере одна существенная задача, решению которой способствует формирование модельного законотворчества - интеграционное развитие СНГ. Очевидно, что интеграционное развитие является невозможным без формирования национального законодательства каждого из государств, которое хотя бы диаметрально не отличалось от законодательства своих соседей, с которыми осуществляется экономическое взаимодействие, по ключевым вопросам экономической политики и связанных с ней иных вопросов функционирования государства. Как следует из п. 1.2 Положения, «модельный законодательный акт СНГ – законодательный акт рекомендательного характера, принятый Межпарламентской Ассамблеей в установленном порядке в целях формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств-участников Межпарламентской Ассамблеи по вопросам, представляющим общий интерес, приведения законодательства государств-участников Содружества в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках Содружества, и иными международными договорами, участие в которых государств-участников Содружества является весьма желательным для достижения общих целей».

Положение выделяет два основных модельных законодательных акта: модельный кодекс СНГ – систематизированный законодательный акт рекомендательного характера, принятый Межпарламентской Ассамблеей с целью сближения правового регулирования однородных сфер общественных отношений в государствах Содружества; модельный закон СНГ – законодательный акт рекомендательного характера, принятый Межпарламентской Ассамблеей с целью сближения правового регулирования конкретных видов (групп) общественных отношений в государствах Содружества. Однако Положение не ограничивает варианты создания модельного законодательства только этими видами актов – устанавливается, что в необходимых случаях они могут иметь форму типовых положений, уставов или соглашений. Различая модельные кодексы и модельные законы, Положение делает правильный акцент: кодексы чаще всего охватывают более широкие области общественных отношений, чем отдельные законы, однако го данного правила все же имеются исключения, и далеко не единичные. Например национальные законы о техническом регулировании по сфере своего действия значительно превосходят водные или воздушные кодексы, хотя последние именуются именно так. Важным моментом, который может являться существенным оценочным фактором для формирования модельного законодательства в рамках СНГ, являются критерии обоснованности разработки и принятия модельных законодательных актов, изложенные в п. 2.1 Положения. К ним относятся: актуальность и возможность сближения на их основе законодательства государств Содружества; позитивные социально-экономические и политико-правовые последствия их использования в законодательстве государств Содружества; недостаточность в большинстве государств Содружества нормативно-правового регулирования соответствующего вида общественных отношений. Анализируя систему модельного законодательства государств-участников СНГ, следует отметить, что оно касается весьма широкого круга сфер деятельности – от библиотечного дела до уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Однако больший приоритет отдается экологическому законодательству, вопросам промышленной безопасности и безопасности жизнедеятельности, а в последние годы – вопросам экономического плана, в том числе некоторым вопросам гражданского законодательства. В данном случае важным является то, что модельное законодательство содержит упоминание об административной ответственности, то есть подразумевается, что данная система присутствует в законодательстве каждого государства-участника СНГ [6]. Об отдельных сферах общественных отношений, регулируемых модельным законодательством СНГ. Согласно положениям Конвенции о Межпарламентской Ассамблее государств- участников СНГ(ст. 4) [7], одной из базовых задач организации является принятие типовых (модельных) актов и направление их законодательные органы государств-участников СНГ с соответствующими рекомендациями. К примеру, первым опытом разработки модельного закона стало принятие на двенадцатом пленарном заседании МПА модельного акта в сфере борьбы с терроризмом, содержание которого неоднократно обсуждалось и принимались в различных редакциях. В основу содержательной части этого акта был положен российский закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». И уже в 2004 году был принят модельный закон о борьбе с терроризмом. Который был положен в основу закона Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». При этом МПА СНГ в 2004 году принимает модельный закон о противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств (тем же постановлением, что и закон о борьбе с терроризмом), который распространяется среди государств-членов Содружества. А уже в 2009 году принимается переработанный модельный закон о противодействии терроризму, давая основу развития этому направлению деятельности, когда МПА СНГ, отталкиваясь от последней редакции модельного закона своим, постановлением от 29 ноября 2013 г. № 39-28 утверждает

Комментарии к модельному антитеррористическому законодательству СНГ, а в 2015 году, постановлением от 16 апреля № 42-7 утверждает Рекомендации по совершенствованию законодательства государств-участников СНГ в сфере противодействия технологическому терроризму [8].

Одним из важнейших вопросов, стоящих «на повестке дня», является сфера экологической безопасности, которая становится составной частью национальной безопасности любого современного государства. Ответом на имеющиеся проблемы в сфере обеспечения экологической безопасности явилось принятие модельных нормативных актов в этой сфере. В числе таковых можно отметить новую редакцию Модельного закона об экологической безопасности, принятую в Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. постановлением 22-18 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Этот закон регулирует правовые отношения в области экологической безопасности (ст. 2). Согласно п. 2 ст. 2 Модельного закона, объектом правовых отношений в области экологической безопасности являются гарантии уверенности человека и гражданина в защищенности окружающей среды и своих жизненно важных интересов от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и возникновения угроз экологической безопасности в настоящем и будущем времени. Как следует и из положений Модельного закона, законодательство в области экологической безопасности основывается на конституции государства и состоит непосредственно из законов об охране окружающей среды, о рациональном природопользовании, о безопасности, других законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных государственных нормативных актов. Из приведенного положения можно сделать вывод, что Модельный закон является частью внутреннего национального законодательства каждого государства-участника и может применяться самостоятельно, имея силу прямого действия. Следует, отметить, что модельное законодательство ориентирует на конкретные действия, способствующие сохранению состояния экологической защищенности общества и конкретной личности. И это вполне логично вытекает из сути рассматриваемых отношений. Не случайно в этой связи обеспечение экологической безопасности рассматривается в качестве цели всей природоохранной деятельности государственной власти. Экологическая безопасность выступает в качестве безусловного публичного интереса, поскольку государство и общество заинтересованы в благоприятном состоянии окружающей среды. Кроме того, Модельный закон отдельно закрепляет (ст. 15) обязанность государств в рамках своей юрисдикции в целях планирования деятельности по обеспечению экологической безопасности государства утверждать указом президента национальный стратегический план обеспечения экологической безопасности. Перечень национальных законов по вопросам обеспечения экологической безопасности, принимаемых парламентами государств, Модельный закон оставил открытым. Это, в свою очередь, создает широкий простор для нормотворческой деятельности в рассматриваемой сфере [9].

В качестве итога можно отметить, что определение «модельный закон» трактуется по разному, в том числе как: имеющий рекомендательный характер акт, принимаемый в целях унификации законодательства разных государств или субъектов федерации; ориентир на согласованную законодательную деятельность; законодательный акт типового характера, содержащий нормативные рекомендации, а также варианты возможных правовых решений (иногда и пояснения к возможным вариантам, примеры) тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений; законодательный акт, содержащий рекомендации, а также варианты правовых решений, пояснения, примеры. С учетом того обстоятельства, что модельное законодательство основным целевым ориентиром признает выработку примерных правовых норм, которые представляют возможность имплементировать в национальные законодательства стран-участниц СНГ, можно с уверенностью сказать, что оно является мощнейшим средством унификации законодательства этих стран, позволяющим гармонизировать внутригосударственные правовые нормы и привести их содержание к единообразному и общепринятому стандарту.

Список литературы

1. Макарова Е.А. Модельный акт в механизме гармонизации права / Е.А. Макарова // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2019. – Т. 9. – №. 1-1. – С. 24–30.
2. Гарчева Л.П Модельное законодательство как фактор сближения правовых систем / Л.П. Гарчева // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство. – 2020. – С. 6–12.
3. Макарова Е.А. Модельный акт в механизме гармонизации права / Е.А. Макарова // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2019. – Т. 9. - №. 1-1. – С. 24–30.
4. Сурманидзе И.Н. Акты модельного законодательства: проблемы имплементации в национальные правовые системы / И.Н. Сурманидзе, А.А. Кирилловых // Российская государственность в XXI веке (государственно-правовые институты и политические процессы в России: прошлое, настоящее, будущее). – 2018. – С. 111–115.
5. О модельном законотворчестве в Содружестве Независимых Государств: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 14.04.2005 (с изм. на 25.11.2008) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 2005. – № 36.
6. Саркисян И.Л. Административно-правовые аспекты модельного законодательства стран-членов СНГ / И.Л. Саркисян // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2019. – №. 3. – С. 90-94

7. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств (Минск, 26.05.1995) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 50. – ст. 5611.
8. Романовский Г.Б. Модельное законодательство СНГ в сфере противодействия терроризму / Г.Б. Романовский // Академический юридический журнал. – 2019. – №. 2. – С. 49–54.
9. Кирилловых А.А. Модельное законодательство в сфере экологической безопасности: проблемы формирования и развития / А.А. Кирилловых // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. – 2019. – С. 99-104.

О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

Соловейчук Кирилл Владимирович, 4 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Курчеев Валерий Сергеевич – научный руководитель, доктор юридических наук, профессор

Коллизионная норма является стержнем международного частного права (далее – МЧП), поскольку именно благодаря ее содержанию разрешаются коллизии, возникающие в международной жизни и вызванные определенным причинами. Ее главную особенность представляет структура, включающая в себя объем и привязку, в которой: *первая структурная часть* содержит те общественные отношения, которые подлежат регулированию с помощью коллизионной нормы (форма сделки, дееспособность лица и др.); *вторая структурная часть* указывает суду и сторонам частноправового отношения на право, нормы которого подлежат применению к отношению, определенному в объеме коллизионной нормы.

Вопросы коллизионного регулирования в МЧП. В отрасли МЧП традиционно выделяют два метода правового регулирования: материально-правовой и коллизионно-правовой, каждый из которых являются дополнением друг друга, однако коллизионный метод применяется лишь в сфере международных частноправовых отношений и заключается в выборе компетентного правового порядка, осуществляемого посредством коллизионных норм. Его правовое значение заключается в поиске объективно существующей связи между правовыми отношениями, осложненными наличием иностранного элемента, подчиняющегося национально-правовой системе, и связью их между собой [1]. В связи со спецификой коллизионного метода регулирования, учеными выделяются некоторые его недостатки: *применение коллизионной нормы*, отсылающей к праву иностранного государства, усложняет деятельность суда или иного органа государства, который обязан в силу международного договора или внутреннего закона на основании коллизионной нормы применять иностранное право, а установить его содержание не так просто; *применение этого метода* не способствует обеспечению единообразия при решении конфликтных ситуаций, поскольку в различных государствах коллизионные нормы в отношении одного и того же предмета могут не совпадать. Следовательно, конечный результат будет зависеть от того, в суде какого государства рассматривается спор; *при коллизионном методе* применяются, как правило, нормы общего характера, призванные регулировать все частноправовые отношения, не рассчитанные на отношения с иностранным элементом [2 – С. 88]. При этом важным свойством коллизионных норм (соответствующего им метода регулирования) является то, что они исторически, а во многом и в настоящее время, являются составной частью права страны суда, т.е. конкретный судья при рассмотрении частноправового спора международного характера обращается в большинстве случаев к коллизионным нормам своего национального права. Например, в РФ значительная часть таких норм содержится в разделе VI ГК РФ [3]. Указанное обстоятельство, сопряженное с тем, что право различных государств зачастую включает различные по содержанию (и правому результату) коллизионные нормы, составляет наиболее существенный недостаток коллизионного метода регулирования. Пытаясь решить указанную проблему, международное сообщество прибегло к унификации – разработке единообразных коллизионных норм и их закрепление в форме международного договора. К примеру, международные договоры, разработанные Гаагской конференцией по МЧП, в числе которых Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров и Женевская конвенция, имеющая целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях [4]. Поскольку коллизионная норма является нормой отсылочного характера, ее использование предполагает существование материально-правовых норм, к которым она отсылает. Вместе с материально-правовой нормой коллизионная норма выражает определенное правило поведения для участников гражданского оборота. Объединение в составе МЧП коллизионных и материально-правовых норм основывается на необходимости двумя различными методами регулировать однородные по своему характеру отношения. Материально-правовой метод, в свою очередь, исключает постановку коллизионного вопроса о выборе какого-либо национального права, поскольку правовая природа правового отношения регулируется специально созданными материально-правовыми нормами, унифицированными в международных договорах, или материально-правовыми нормами прямого действия, отраженные в национальном праве. К преимуществам применения материально-правового метода относят: создание большей определенности для участников соответствующих отношений, поскольку и им, и тем органам, которые будут их применять, материально-правовые нормы всегда известны заранее; создание единообразного регулирования, при котором устраняется односторонний подход, присущий коллизионному методу, когда в ряде случаев коллизионная норм устанавливается каким-либо одним государством. При этом

главным недостатком такого метода является то, что нормы международных соглашений могут по-разному пониматься и применяться в различных странах и то, что в отдельных случаях они могут нести диспозитивный характер, не являясь обязательными (подлежат применению по усмотрению сторон). Правовым основанием применения материально-правового (унифицирующего) метода в МЧП РФ выступает норма гражданского законодательства (п. 3 ст. 1186), положение которой устанавливает правило в котором «...если международный договор РФ содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается» [3].

Коллизионная норма как правовой институт МЧП. Структура каждой коллизионной нормы предполагает наличие объема и коллизионной привязки. Объем представляет соответствующие правоотношений, в отношении которых применяется норма. Привязка воспринимается как указание на право страны (правовую систему), подлежащих применению к данному виду отношений. К примеру, согласно семейному законодательству (ст. 156), условия заключения брака для каждого из лиц, вступающих в брак, определяются законодательством государства, гражданином которого это лицо является в момент заключения брака, где объем – условия заключения брака, а привязка – закон гражданства лица [5].

К числу наиболее распространенных в международном частном праве коллизионных привязок относятся: личный закон физического лица. Разновидностями данной привязки является закон гражданства лица и закон места жительства; личный закон юридического лица, указывающий на его государственную принадлежность; закон места нахождения вещи; закон места совершения акта; закон места заключения договора или его исполнения; закон страны места выполнения работы (в рамках трудовых отношений); закон места совершения правонарушения; закон места заключения брака; закон, регулирующий существо отношения; закон страны суда, разрешающего спор; закон мест нахождения суда, осуществляющего конкурсное производство (в сфере трансграничного банкротства) [2 – С. 104]. Помимо этого, структуру коллизионной нормы можно рассматривать как совокупность таких элементов, как гипотеза, диспозиция и санкция, где: *гипотеза* коллизионной нормы закрепляет условия или обстоятельства, при которых применяется данная норма; *диспозиция* указывает на юридические последствия, наступающие при наличии определенных условий в гипотезе; *санкция* коллизионной нормы, без которой немыслима любая правовая норма, является дискуссионной категорией, однако часто под санкцией коллизионной нормы понимается предусмотренная гражданско-правовым законодательством возможность признания сделки недействительной, приведения сторон в первоначальное положение, возмещения убытков и т.п. [6]. В зависимости от источника закрепления коллизионные нормы разделяются на: международные, которые закреплены международными правовыми актами; внутригосударственные (национальные), которые отражены в актах национальной правовой системы конкретного государства. Исходя из формы выражения воли законодателя выделяют императивные и диспозитивные коллизионные нормы, где: *императивная коллизионная норма* представляет норму, которая содержит категорические предписания относительно выбора права и которая не может быть изменена по усмотрению сторон в частных правоотношениях; *диспозитивная коллизионная норма* представляет норму, которая, устанавливая общее правило выбора права, оставляет сторонам возможность отказаться от него и заменить его другим правилом, при этом, такие нормы применяются только в том случае, если стороны соглашение не определили право [7]. Наряду с этим, выделяются нормы альтернативные которые предусматривают сразу несколько правил для избрания права в отношении частного правонарушения, указываемого в объеме коллизионной нормы, определяющих возможность сторон выбрать любое из данных правил. Впрочем, иногда в законе указывается последовательность в применении таковых правил.

Коллизионные нормы делятся на: *односторонние как нормы*, которые указывают на право определенного государства, которое станет регулировать отношение, что указано в объеме (таким правом будет считаться только право государства, которому принадлежит эта коллизионная норма); *двусторонние как нормы*, которые подразумевают применение права любого государства, однако только в случае, если оно попадает под условия привязки. Исходя из степени нормативной регламентации в международном частном праве, коллизионные нормы разделяются на: *генеральные нормы* (формируют самые общие правила избрания права, предназначенного для применения, например, принцип обоюдного выбора применяемого права); *субсидиарные нормы* (определяют как одно, так и несколько правил выбора используемого права, связанных с главным правилом), которые используются при невозможности определения генеральных норм или их недостаточности для обеспечения правопорядка [8]. Таким образом, фактическое содержание коллизионной нормы формируют правила, определяющие возможность применения права, отечественного или иностранного, в отношении конкретной сделки, конкретного случая.

Проблемы квалификации коллизионной нормы, подлежащей применению. Как и любая правовая норма, структура коллизионной нормы представлена различными юридическими терминами и понятийными конструкциями, что зачастую создает проблему следующего характера: одинаковые понятия, которые используются в структурных элементах данной нормы – объеме и привязке, в разных странах могут трактоваться неодинаково. Одной из базовых проблем, присущих МЧП, является проблема квалификации – характеристики элементов, образующих правовую систему, и коллизионной нормы, указывающей на выбор этой правовой системы. Проблема квалификации состоит в том, что фактическим обстоятельствам, к которым необходимо применить коллизионную норму, следует дать правовое толкование, которое зависит от

содержания еще не выбранного применимого права, где под квалификацией в МЧП принято понимать установление содержания правовых понятий, толкование юридических категорий применимой правовой системы или образующих коллизионную норму. При этом в науке МЧП выделяют два вида квалификации: *первичная*, предшествующая применению коллизионной нормы; *вторичная*, исполняемая при толковании терминов и определений выбранной посредством коллизионной нормы правовой системы [9]. Вторичная квалификация осуществляется в соответствии с правилами и положениями выбранной правовой системы, т.е. того иностранного права, которое является применимым для конкретного правоотношения. Норма гражданского законодательства (ст. 1191) закрепляет основное правило вторичной квалификации, согласно которой суд может установить содержание норм иностранного права в соответствии с толкованием, практикой применения и доктриной, действующих в соответствующем иностранном государстве. Принято различать три квалификационных способа находящихся в зависимости от квалификации: *по закону суда* как применение и толкование юридических терминов по праву страны, где рассматривается спор; *по праву*, к которому коллизионная норма отсылает; *осуществляемой путем* обобщения одинаковых понятий различных правовых систем «автономной квалификации». Как правило, все проблемы, касающиеся установления содержания правовых понятий, существует в большей степени на первой стадии квалификации. Данная проблема сопряжена с присутствием «скрытых коллизий» и заключается в том, что в правовых системах различных стран имеются текстуально схожие юридические определения, наделенные различным содержанием. К их количеству относятся такие понятия, как «движимое и недвижимое имущество», «место жительства», «вещные права», «преемники», и т.п. К примеру, гражданский кодекс Франции имеет понятие «недвижимость», которое трактует широко и без каких-либо ограничений, тогда как в российском праве, при ограничении только рамками материальных объектов (вещами), такое понятие включает в себя возможности отнесения его к недвижимым правам и к применению исков. Для английского права характерно разделение имущества на реальное и персональное, где недвижимость отождествляется с термином «реальное имущество», к которому относятся земля и имеющие с ней существенную связь объекты: здания, урожай на корню, скот на ферме и т. д., когда они защищаются посредством предъявления к ответчику реального (вещного) иска [10]. Здесь необходимо отметить, что проблема квалификаций юридический понятий, используемых в коллизионной норме, возникает только на стадии первичной квалификации, поскольку в этот момент ещё не определено право страны, подлежащее применению. После определения компетентного правопорядка последующее толкование допускается лишь в соответствии с применимым правом.

На сегодняшний день в юридической литературе выделяют два способа решения проблемы квалификации юридических понятий: *квалификация по закону* как наиболее распространенный способ разрешения конфликта квалификаций (при толковании юридических категорий коллизионной нормы необходимо обращаться к национальному праву того государства, чей правоприменительный орган рассматривает дело), который, при этом игнорирует тот факт, что коллизионный вопрос может быть решен в пользу иностранного права; *квалификации по закону страны*, с которой связано правоотношение в целом, которая применяется для избежания неблагоприятных следствий скрытых коллизий как теория «по существу отношений», в которой также присутствует проблема в которой необходимость применения норм иностранного права возникает еще до решения коллизионного вопроса, так что на практике воспользоваться таким способом чаще всего не представляется возможным. В связи с тем, что каждый из указанных способов разрешения проблемы квалификации имеет как достоинства, так и недостатки, международное сообщество не может на современном этапе отказаться от какой-либо из них и закрепить одну концепцию, которая бы применялась всеми судами. Предполагается, что наиболее оптимальным способом решения данной проблемы будет постепенная унификация коллизионного и материального права, что создаст необходимые условия для реализации такой концепции. Отдельное внимание необходимо уделить проблеме «предварительного вопроса», под которым понимается правовая оценка фактических обстоятельств, сопутствующих рассмотрению основного правоотношения, при этом, такая категория является условным обозначением тех действий, которые необходимо выполнить до определения применимого права или в процессе его применения. Здесь нужно отметить, что законодательство не закрепляет закрытого перечнях таких действий, поскольку для каждой правовой ситуации приемлемы свои конкретные действия, к которым могут быть отнесены: *выборочное толкование* отдельных терминов; *сопоставление понятий* одной правовой системы с аналогичными понятиями другой правовой системы; *оценка возможности* их замены, к примеру, при выяснении наследников по завещанию, обсуждении вопроса о том, является ли само завещание действительным). При этом предварительный вопрос, никак не получивший законодательного закрепления, решается на основе таких же правил, которые используются при квалификации [9].

Проблемы применения обратной отсылки. Одним из самых сложных вопросов применения коллизионных норм является вопрос об обратной отсылке, возникшая, как и проблема отсылки к закону третьей страны, во второй половине XIX века. Проблема обратной отсылки возникает, когда отечественное право отсылает к иностранному праву, а из коллизионных норм последнего следует, что необходимо обратиться вновь к отечественному праву или к праву третьей страны. Прецедентом, с которым связывают возникновение обратной отсылки, может служить решение Французского суда 1878 г., когда возник своего рода замкнутый круг: французская коллизионная норма отослала суд к баварскому праву, а из баварской коллизионной нормы вытекает необходимость обращения вновь к французскому. В данном случае суд учел обе

коллизионные нормы и применил обратную отсылку, разрешив спор на основе французского законодательства. Развитие событий возможно в двух вариантах: *положительная коллизия*, которая означает, что несколько государств рассматривают конкретное правоотношение как предмет регулирования своего собственного права; *отрицательная коллизия*, которая означает, что ни одно из государств, с которыми связано конкретное правоотношение, не рассматривает его как предмет регулирования своего собственного права, при этом результатом такой коллизии являются обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства. Таким образом, можно выделить несколько основных проблем, возникающих при применении обратной отсылки: проблема применения обратной отсылки, связанная с решением вопроса, относительно способа применения коллизионных норм; проблема об объеме и содержании права, на которое ссылается отечественная коллизионная норма: подлежит ли применению только материально–правовая норма иностранного правопорядка или же применим весь этот правопорядок в целом; проблема случаев и способа учета предписаний иностранных коллизионных норм [11].

Решение первой проблемы может заключаться в: *применение ее в полном объеме* (Франция, Польша, Австрия, Финляндия и др.), т.е. следование отсылке до того момента, пока не будет выведено применимое материальное право. Зачастую данный способ не всегда эффективен, т.к. для определения применимого права требуется анализировать нормы законодательства многих государств; *применение ее только к собственному праву*: наиболее эффективный способ решения проблемы, поскольку в данном случае допустима лишь одна отсылки (Венгрия); *непринятие отсылки в целом*, из-за чего спор будет решаться на основе материального права, на которое ссылается та или иная коллизионная привязка (Египет, Греция, Перу, Канада).

Российское законодательство преследует курс отрицательного подхода к обратной отсылке, получившей свое закрепление с принятием третьей части Гражданского кодекса РФ. По общему правилу в соответствии с законодательством, любая отсылка к иностранному праву рассматривается как отсылка к материальному, а не коллизионному праву соответствующей страны, за исключением применения отсылки иностранного права в случаях отсылки к российскому праву, определяющему правовое положение физического лица. Таким образом, судебные органы будут обращаться к материальным, а не к коллизионным нормам иностранного права. Не рассматривается возможность выяснения содержания и применения иностранных коллизионных норм для российских судов. Институт обратной отсылки отражен также в Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже», устанавливающем, что любое указание на право или систему права должно толковаться как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не его коллизионным нормам [12]. Следовательно, в России наблюдается ограничение объема обратной отсылки, поскольку по общему правилу любая отсылка к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка только к материальным нормам, а не ко всему праву в целом. Однако такой подход вряд ли можно назвать последовательным, поскольку исключением из общего правила предусматривается возможность применять обратную отсылку в случаях отсылки к российскому праву и определению правового положения физического лица. Наряду с национальным законодательством, обратная отсылка регулируется международными договорами, к примеру: Монреальской конвенцией об унификации правил международных перевозок»; Римской конвенцией о праве, применимом к договорным обязательствам»; Гаагской конвенцией о праве, применимом к договорам международной купли–продажи товаров.

В масштабах отечественного законодательства существует несколько путей решения «проблемы обратной отсылки»: реформирование законодательной базы, урегулированное нормой гражданского законодательства (ст. 1190); недопущение или минимизация случаев возникновения обратной отсылки, например, через ограничение сферы действия коллизионных норм или указанием на применение только материально–правовых предписаний; создание международного унифицированного договора, предусматривающего ситуации применения или неприменения обратной отсылки [9].

В итоге можно отметить, что одной из базовых, присущих МЧП и касающейся особенностей квалификации характеристик элементов, образующих коллизионные нормы в национальных правовых системах, указывающие на выбор конкретной правовой системы является проблема обратной отсылки которая возникает, в случае, когда отечественное право отсылает правоприменителя к иностранному праву, а из коллизионных норм последнего следует, что необходимо обратиться вновь к отечественному праву или к праву третьей страны. При этом в отрасли МЧП выделяются два метода правового регулирования: материально-правовой и коллизионно-правовой, а структура каждой коллизионной нормы предполагает наличие объема и коллизионной привязки, позволяющих рассматривать структуру коллизионной нормы как совокупность таких элементов как гипотеза, диспозиция и санкция.

Список литературы

1. Нешко Е.М. К вопросу о понятии коллизионного метода регулирования в международном частном праве / Е.М. Нешко // Epomen. Global. – 2020. – №. 6. – С. 72–78.
2. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА–М, 2022. – 672 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146–ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – № 49. – ст. 4552.

4. Новикова Т.В. Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие / Т.В. Новикова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – №. 32. – С. 153–163.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223–ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – ст. 16.
6. Киреева В.В. Особенности коллизионной нормы как основы международного частного права / В.В. Киреева // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки. – 2020. – С. 27–33.
7. Самсонов А.И. Современная классификация коллизионных норм в отечественном и зарубежном законодательстве / А.И. Самсонов // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность. – 2020. – С. 249–252.
8. Киреева В.В. Особенности коллизионной нормы как основы международного частного права / В.В. Киреева // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки. – 2020. – С. 27–33.
9. Ахметов Р.Р. Квалификация в международном частном праве. Скрытые коллизии / Р.Р. Ахметов, И.И. Кильдияров // Colloquium–journal. – Голопристанский районный центр занятости. – 2018. – №. 1–2. – С. 27–28.
10. Дмитриева В. А. Проблемы квалификации юридических понятий коллизионной нормы / В.А, Дмитриева // Эпомен. – 2019. – №. 23. – С. 118–123.
11. Строгалова В. В. Проблема применения обратной отсылки в международном частном праве / В.В. Строгалова // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы. – 2019. – С. 170–174.
12. О международном коммерческом арбитраже: Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–I (ред. от 30.12.2021) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – ст. 1240.

ПРИНЦИПЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Тепишкин Максим Максимович, 5 курс,
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Даничев Николай Викторович - научный руководитель, кандидат педагогических наук

Производство по делам об административных правонарушениях – довольно сложное по своему содержанию государственно-правовое явление. В научной литературе, производство по делам об административных правонарушениях рассматривается с различных позиций. Некоторые авторы полагают что, это один из видов административно-юрисдикционных производств, являющийся составной частью административного процесса. По мнению других, это особый вид процессуальной деятельности, урегулированная законом процедура разрешения определённой группы административных дел. Среди отечественных авторов, так и среди экспертов зарубежных государств преобладает понимание административного процесса как совокупности отдельных административных производств. Производство считается структурным элементом административного процесса и соотносится с ним как частное с общим.

Принципы производства по делам об административных правонарушениях – это основополагающие идеи, основные положения, которыми руководствуются как законодатель, так и исполнитель этих норм: правоприменительные органы, должностные лица, физические и юридические лица, при осуществлении процессуальной деятельности по рассмотрению определенной группы дел по наложению административных наказаний.

В административном законодательстве нашли своё отражение следующие принципы производства по делам об административных правонарушениях:

- принцип законности закрепленный в статье 1.6 КоАП РФ. Данный принцип заключается в выполнении всех этапов производства об административных правонарушениях строго руководствуясь буквой закона. Необходимо доказать виновность лица, привлекаемого к административной ответственности. Административное наказание может быть наложено только компетентными на то органами (должностными лицами). Существует возможность обжалования решения по делам об административных правонарушениях и целая система надзорных органов, следящих за соблюдением законности. В соответствии с принципами законности необходимо соблюдать как материальные, так и процессуальные нормы законодательства (ст. 1.6. КоАП РФ).

- принцип равенства перед законом, закрепленный в статье 1.4 КоАП РФ. Перед законом и органом, рассматривающим дело, все, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства, возраста равны (ст. 1.4. КоАП РФ).

- принцип презумпции невиновности, закрепленный в статье 1.5 КоАП РФ. Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном

правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать:

– свою невиновность даже в том случае, если оно виновно в совершении вменяемого ему административного правонарушения;

– свою непричастность к совершенному административному правонарушению, в том числе наличие у физического лица алиби, под которым по аналогии с уголовным правом понимается наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о непричастности лица к совершению вменяемого ему административного правонарушения, в силу того, что во время, когда оно совершалось, данное лицо не могло находиться в месте совершения данного административного правонарушения, так как находилось в ином месте. При этом отказ лица от доказывания своей невиновности не является свидетельством признания им своей вины и не освобождает судью, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, от бремени доказывания вины данного лица.

Вместе с тем положения ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ не исключают для лица, привлекаемого к административной ответственности, возможности по своему желанию доказывать свою невиновность в совершении вменяемого ему административного правонарушения.

- - принцип обеспечения гарантий неприкосновенности личности и принцип охраны чести и достоинства личности – данные - принципы непосредственно связанны и закрепляются ч. 3 ст. 1.6 и ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ соответственно;

- принципы действия законодательства во времени, закрепленный в статье 1.7 КоАП РФ, и в пространстве, закрепленный в статье 1.8 КоАП РФ. ст. 1.8 КоАП РФ устанавливает, что пространством действия законодательства об административных правонарушениях является территория Российской Федерации. Согласно Конституции РФ территория России включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права. Лицо, совершившее административное правонарушение в пределах данного пространства, привлекается к административной ответственности в соответствии с законодательством об административных правонарушениях.

- принцип объективной (материальной) истины вытекающий из содержания статьи 24.1 КоАП РФ. При осуществлении производства по административным правонарушениям доказыванию и оценке подлежат: факт совершения правонарушения; виновность (или невиновность) лица, привлекаемого к административной ответственности: смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства; основания для взыскания имущественного ущерба и его размер: основания для прекращения производства по делу.

- Принцип языка производства, закрепленный в статье 24.2 КоАП РФ и принцип открытости рассмотрения дел об административных правонарушениях, закрепленный в статье 24.3 КоАП РФ. Принцип государственного языка - производство по делам об административных правонарушениях должно вестись на русском языке, однако лицо, не владеющее им, вправе пользоваться услугами переводчика.

- принцип обеспечения права на защиту, закрепляется статьями 25.1,25.2 КоАП РФ. Лицу, привлекаемому к ответственности, обеспечивается право на защиту, что предполагает наделение его возможностью участия в рассмотрении, отстаивания своих интересов.

- Принцип диспозитивности. Участники административно-юрисдикционного производства по собственному усмотрению могут распоряжаться своими правами; обращаться или не обращаться с жалобами в органы административной юстиции, знакомиться или не знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, пользоваться услугами переводчика, обжаловать постановления по делам об административных правонарушениях (гл. 25 КоАП РФ).

- Принцип непосредственности. Состоит в требовании присутствия лица, совершившего административное правонарушение, на рассмотрении своего дела, его законных представителей, устного производства компетентным органом, объявления вынесенного постановления по окончанию процесса (ст. 25.1. КоАП РФ).

- принцип обжалования, закрепляемый в статье 30.1 КоАП РФ. Статья 30.1 КоАП РФ устанавливает возможность обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях как в судебном, так и во внесудебном (административном) порядке.

При этом, поскольку согласно ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ постановлением по делу об административном правонарушении именуется как постановление о назначении административного наказания, так и постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, постановления обоих указанных видов могут быть обжалованы в Арбитражный суд (п. 19.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»). Однако при решении вопроса о подведомственности дел по заявлениям об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности

арбитражный суд должен выяснять вопрос о том, связано привлечение лица к административной ответственности с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности или нет.

Выбор конкретного порядка обжалования определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении предоставлен заинтересованному лицу.

Подробно рассматривать каждый из вышеуказанных социально-правовых, либо специальных принципов производства по делам об административных правонарушениях не представляется возможным в рамках данной работы. В административно-правовой науке отдельные принципы административного права и принципы административного производства имеют достаточно высокий уровень изученности и доктринального закрепления в различных научных работах.

Так же, заслуживающим внимание является вопрос действия конкретных принципов производства по делам об административных правонарушениях на отдельных стадиях производства. На разных стадиях производства по делам об административных правонарушениях принципы оказывают различное влияние. Так, примером вышесказанному может служить тот факт, что на стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях принцип обжалования имеет главенствующее значение, в отличие от стадии рассмотрения дела по существу.

Следует так же отметить, что для непосредственного правильного и качественного действия принципов производства по делам об административных правонарушениях необходимо наличие определенного перечня юридических гарантий действия принципов. В правовой науке встречается множество различных гарантий: политические, экономические, организационные, правовые. Все вышеуказанные гарантии могут быть имплементированы в систему существующих принципов производства по делам об административных правонарушениях для обеспечения их работы.

Несмотря на возможность применения различных гарантий, самыми значимыми являются юридические гарантии. В перечень данных гарантий входят: предупреждения, пресечения, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и наказания (административной ответственности).

Таким образом, проанализировав труды различных административистов, автор пришел к выводу, что производство по делам об административных правонарушениях - это особый вид процессуальной деятельности, представляющий урегулированную законом процедуру рассмотрения административных дел, связанных с совершенным административным правонарушением.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 № 195–ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 2–е изд., перераб. и доп. / И.И. Веремеенко, Н.Г. Салищева, Е.Н. Сидоренко, А.Ю. Якимов. М., 2021. – С. 766.

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЯХ, СУБЪЕКТАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СЛОЖНОСТЯХ ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Тодорова Алина Романовна, 2 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Актуальность. Конституционно-правовая ответственность является исключительной формой юридической ответственности, предусмотренной конституционно-правовыми нормами на случай необходимости обеспечения охраны Конституции РФ. Она является одной из юридических гарантий обеспечения законности и правовым средством охраны правопорядка в стране. В законодательстве РФ отсутствует легальная дефиниция конституционно-правовой ответственности, однако рассматриваемый вид ответственности постепенно обретает признание как институт отечественного права. Специфической чертой конституционно-правовой ответственности выступает своя область применения – публично-правовая сфера, что обусловливает особый порядок правоприменительной деятельности при привлечении к мерам такой ответственности. Санкции конституционно-правовой ответственности также отличны от иных видов юридической ответственности и представляют собой меру государственного воздействия, установленную нормами конституционного права по отношению к субъекту общественных отношений, который совершил правонарушение в области конституционно-правовых норм, закрепленное в диспозиции соответствующей нормы [1].

Понятие, правовые основы и сущность конституционно-правовой ответственности. Юридическая ответственность – важнейший элемент любой правовой системы. Конституционно-правовая ответственность является одним из специфических видов юридической ответственности, характерная черта которой – своеобразие ее санкций (меры конституционно-правовой ответственности не совпадают с наказаниями за преступления и административные правонарушения). Нормы, посвященные конституционно-правовой ответственности, содержатся во множестве источников отечественного права: Конституции РФ; нормативных

правовых актах субъектов РФ; муниципальных актах местного самоуправления; нормативных правовых актах, регулирующих процесс реализации конституционно-правовой ответственности. Реализация норм конституционного права происходит через: использование средств государственного принуждения, к примеру, прекращение органом своей деятельности с его последующим расформированием; использование личных средств к примеру, нарушителя лишают статуса беженца или присвоенных наград; приостановление действия правового акта, утрата им своей юридической силы, прямое восстановление государственного порядка через средства государственного принуждения. Одна из форм их реализации, таким образом, представлена конституционно-правовой ответственностью, наступающей для правонарушителя в случае нарушения норм конституционного права. Субъект правовых отношений не исполняет конституционные обязанности, злоупотребляет правами, предоставленными ему Конституцией или обязанности выполнил ненадлежащим образом. Причиной выделение конституционной ответственности из общей юридической ответственности стали: увеличение количества нарушений норм конституционного права, не подлежащих отнесению к правонарушениям в иных отраслях права и необходимость применения специальных правовых мер воздействия на отдельных субъектов правоотношений, причем такие меры нельзя отнести ни к административной ответственности, ни к уголовной ответственности, ни к гражданско-правовой ответственности, ни к дисциплинарной ответственности. Таким образом, под конституционно-правовой ответственностью следует понимать предусмотренные нормами конституционного права, обеспеченные государственным принуждением нормы, которые служат образом надлежащего поведения и, в результате соблюдения которых, наступает общественное благо, но вместе с тем, их несоблюдение ведет к лишению специального права со стороны государства или общества. Конституционно-правовая ответственность предполагает одновременное существование двух оснований: нормативного – наличие действующей нормы конституционного права, предусматривающей ответственности; фактического – совершение правонарушения со всеми признаками его состава, а также наличие правоприменительного акта, подтверждающего применение к правонарушителю мер государственного принуждения. Таким образом, для наступления конституционно-правовой ответственности лицу необходимо совершить деяние, выраженное в форме действия или бездействия, которое причинило либо могло причинить ущерб народу, государству независимо от того, происходит при этом нарушение конституционных норм или нет. При этом необходимым элементом основания конституционной ответственности также является наличие вины в форме умысла или неосторожности [2].

В науке конституционного права в качестве главной задачи конституционно-правовой ответственности выделяют «стимулирование позитивной деятельности потенциального субъекта, использование таких присущих ей мер, как, например, роспуск представительного органа, досрочное прекращение полномочий руководящего должностного лица и т. д.». При этом сущность и социальное назначение конституционно-правовой ответственности выражается в ее функциях как основных направлениях влияния на общественные отношения, практику и конституционное правосознание. К числу таких функций относятся превентивная (влияние на поведение субъекта общественных отношений для предотвращения правонарушений, регулятивная – формирует такое поведение участников конституционно-правовых отношений, которое будет являться правомерным и поддерживать соблюдение законности) и карательная (назначение наказания за совершение правонарушения) [3].

Характеристика субъектов конституционно-правовой ответственности. Под субъектом правоотношения понимается участник правоотношений, имеющий субъективные права и юридические обязанности, пи этом он представлен физическим или юридически лицом, публично-правовым образованием, каждый из которых обладает правосубъектностью. Правосубъектность предполагает одновременное существование правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Конституционная правосубъектность, при этом, представляет собой возможность субъекта выступать участником конституционных правоотношений и состоит из вышеперечисленных элементов: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Деликтоспособность субъектов конституционно-правовой ответственности вытекает из положений Конституции РФ, федеральных законов и законов субъектов РФ, регулирующих правовые основы и статус органов публичной власти и их должностных лиц. Важным элементом конституционно-правовой ответственности выступает также приобретаемый субъектом статус, именуемый специальным. Специальный статус подтверждает местонахождение субъекта во властно-правовых отношениях и является особенностью его конституционно-правовой ответственности. Субъектами конституционно-правовой ответственности являются практически все субъекты таких отношений, если рассматривать этот вид ответственности не только в негативном, но и в позитивном смысле. В позитивном смысле к субъектам конституционно-правовой ответственности относятся народ, нация, государство, население, субъекты РФ, административно-территориальные единицы, муниципальные образования [4].

В науке конституционного права сформировалось два подхода к пониманию субъективного состава конституционно-правовой ответственности: узкий подход, где круг субъектов конституционно-правовой ответственности ограничен, поскольку к нему относятся высшие, региональные, местные органы власти, депутаты, должностные лица соответствующего уровня, принимающие наиболее важные государственные решения; широкий подход, в котором предполагается, что круг субъектов конституционно-правовой ответственности значительно шире и включает в себя тех, кто может нести эту ответственность (депутаты), тех, кто может нести эту ответственность, одновременно привлекать к ней (Президент РФ) и тех, кто может только

привлекать к этой ответственности (Конституционный Суд РФ). Классификация субъектов конституционно-правовой ответственности: субъекты РФ; государственные органы; должностные лица; общественные объединения; индивиды; органы местного самоуправления. Исходя из этой классификации можно выделить следующие группы субъектов конституционно-правовой ответственности: *индивидуальные:* Президент РФ, депутат Государственной Думы, член Совета Федерации, Председатель Центрального банка Российской Федерации, депутат законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, глава муниципального образования; *коллективные:* Правительство РФ, орган законодательной и исполнительной власти субъекта Федерации, органы местного самоуправления, политические партии, избирательные комиссии. Исходя из этого, можно определить, что субъектом конституционно-правовой ответственности может быть как участник конституционного правоотношения властно-правового содержания, обладающий правосубъектностью так и (или) специальный субъект, который в силу норм, закрепленных конституционным законодательством, обязан претерпевать негативные последствия вследствие причиненного вреда [5].

Понятие и виды конституционно-правовых санкций. Санкция как правовая категория является выражением тем неблагоприятных последствий, которые применяются к нарушителю нормы права. В теории права санкция рассматривается в двух смыслах – в узком и широком. В первом случае под санкцией понимается юридическое последствие за нарушение диспозиции, установленной правовой нормой, т.е. это мера государственного принуждения, закрепленная в самой норме и выступающая её структурным элементом. В широком смысле санкция рассматривается как возможность государства, используя меры принуждения, обеспечить выполнение правовой нормы и применить наказание за ее нарушение, при этом, диспозиция может содержаться в одном правовом акте, а мера принуждения в другом акте, в том числе она может содержаться в нормах иной отрасли права. Под конституционно-правовой санкцией следует понимать меру государственного воздействия, установленная нормами конституционного права по отношению к субъекту общественных отношений, который совершил правонарушение в области конституционно-правовых норм, закрепленное в диспозиции соответствующей нормы. В науке конституционного права долго время считалось, что конституционно-правовая санкция не является обязательным признаком конституционно-правовой нормы, поскольку обеспечение исполнения норм конституционного права происходит за счет санкций иных отраслей права. Однако нельзя спорить с тем утверждением, что отсутствие санкций во многих конституционных нормах приводит к снижению эффективности их действия и не всегда может компенсироваться санкциями других отраслей без опасения, что этим нормы останутся без действенной защиты. Однако именно такая защита в некоторых случаях позволяет обеспечить поведение субъектов, соответствующее диспозиции конституционно-правовой, и восстановление нарушенного конституционного правопорядка. Основная задача конституционно-правовой санкции – предупреждение девиантного или делинквентного поведения субъектов, отклоняющегося от закрепленной в конституционном праве диспозиции норм правомерной модели поведения. Особенность конституционной санкции заключается в том, что практически каждая из них не может быть использована в качестве санкций иных видов юридической ответственности. Несмотря на то, что преимущественно конституционные санкции носят репрессивно-карательный характер, в некоторых случаях они являются правовосстановительными, направленными на устранение нарушений закона, на восстановление нарушенного права. Примером такой санкции является отмена Конституционным Судом РФ закона, противоречащего Конституции РФ, отмена в судебном порядке итогов выборов, прошедших с нарушением законодательства и избирательных прав граждан и др. Главным основанием для классификации санкций выступают их существенные признаки: неблагоприятные последствия и характер или способ законодательного принуждения к нарушителям конституционного законодательства (цели и последствия санкции). Так, санкции разделяются на четыре вида: *правовосстановительные* санкции; *предупредительные* санкции; *меры взыскания*, применяемые с целью наказания правонарушителя (карательные санкции); санкции *пресечения* [6].

Виды конституционно-правовых санкций. Ранее было отмечено, что в зависимости от целей и последствий применения конституционно-правовых санкций, выделяются такие их виды, как правовосстановительные, предупредительные, меры взыскания и санкции пресечения. Цель правовосстановительных санкций заключается в воссоздании нарушенных прав, последствие применения которых – восстановление понесенного правового и материального урона. В конечном счете такие санкции обеспечивают соблюдение конституционных обязанностей, восстанавливая пострадавшие от конституционного деликта правомочия. Предупредительные конституционные санкции представлены мерами, цель которых определяется как предостережение субъекта конституционного права по поводу отклонения его поведения от правовых норм, предупредить его о наступлении в будущем более неблагоприятных для него последствий, если субъект ответственности не прекратит своего противоправного поведения. Меры взыскания выступают наиболее существенным видом конституционных санкций, поскольку последствия в данном случае наиболее неблагоприятны для субъекта конституционных правоотношений. Меры взыскания направлены на наступление правовых лишений для тех, кто не выполняет своих конституционных обязанностей, или для тех, кто злоупотребляет своими конституционными полномочиями. К примеру такая мера взыскания, как отставка правительства, имеет своим последствием лишение властных полномочий правительства. Цель применения мер пресечения – предотвращение тех негативных последствий, которые могут наступить при бездействии органов, правомочных решать вопрос о введении конкретных конституционных санкций. Например, с целью снятия угрозы основам конституционного строя в отдельных местностях может вводиться чрезвычайное положение.

Необходимо отметить, что указанная классификация является условной, поскольку каждая из мер конституционной ответственности направлена и на пресечение неблагоприятных последствий, и на наказание правонарушителей, и на восстановление по возможности нарушенных отношений. В то же время среди множества задач существует главная, основная задача, определяющая место конкретной санкции в названной системе конституционных санкций [7].

К видам конституционно-правовых санкций следует отнести: роспуск, применяемый, например, к представительным органам государственной власти; расформирование органа государственной власти в случае нарушения им законодательства РФ; ликвидация, отмена регистрации или прекращение деятельности; лишение депутата мандата или отстранение от должности; отзыв как досрочное прекращение полномочий депутата или выборного должностного лица местного самоуправления на основе специально назначенного голосования; лишение гражданства. Важно отметить, что из текста ст. 6 Конституции РФ следует запрет на лишение гражданства гражданина РФ. Тем не менее, законодательство предусматривает лишь отмену натурализации гражданина другого государства на случай, если будет установлен факт предоставления подложных документов при получении им гражданства; лишение государственных наград и почетных званий; выражение недоверия; признание акта несоответствующим нормативным правовым актам более высокой юридической силы; предупреждение; отмена или признание недействительным юридически значимого результата; отмена нормативных правовых актов или приостановление их действия; принуждение к исполнению конституционно-правовых обязательств; процедурные санкции конституционно-правового характера. В юридической литературе санкции конституционно-правовой ответственности соотносятся по группам, как меры: принимаемые к физическим и юридическим лицам для обеспечения интересов государства и народа: направленные на правильное оформление взаимоотношений между физическим лицом и государством (лишение гражданства или отмена ранее принятого решения о принятии в гражданство); принимаемые по отношению к политическим партиям и иным общественным объединениям и религиозным организациям, к примеру: вынесение предупреждения общественному объединению в связи с осуществлением им противоправной деятельности; применяемые для обеспечения учета субъектами интересов государства и народа, к примеру: применяются в случае неконституционного поведения должностного лица, общественного объединения и направлены на самостоятельное осознание субъектом своего негативного поведения и последующее приведение последнего в законные рамки; лишение физических лиц ранее полученных поощрений от государства в случае, если открылось отсутствие достаточных оснований для получения таких поощрений, или последующее поведение лица, побудившее государство отозвать свои поощрения (лишение государственных наград и званий); принимаемые для обеспечения федеративных и иных «вертикальных» конституционных правоотношений, к примеру: отмена правового акта, представление и предупреждение органа государственной власти, досрочное прекращение полномочий органа государственной власти и др.; принимаемые в связи с реализацией избирательных прав граждан и организацией избирательного процесса в РФ: лишение или приостановление избирательного права гражданина; признание выборов депутатов и выборных должностных лиц недействительными; отмена решения о регистрации кандидата, ранее принятого избирательной комиссией; принимаемые в связи с деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, а также депутатов и должностных лиц к примеру: прекращение деятельности органа, его ликвидация или расформирование с последующей сменой состава [1].

В заключении можно отметить, что под субъектом правоотношения понимается участник правоотношений, имеющий субъективные права и юридические обязанности, при этом к субъектами конституционно-правовой ответственности относятся практически все субъекты таких отношений, если рассматривать этот вид ответственности не только в негативном, но и в позитивном смысле, представляя классификацию субъектов ответственности к примеру в виде: субъектов РФ; государственных органов; должностных лиц; общественных объединений; индивидов; органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Николинкин С.А. Виды санкций в конституционно-правовой ответственности / С.А. Николинкин // Социальные и гуманитарные науки в XXI веке. Итоги, вызовы, перспективы. – 2021. – С. 153-159.
2. Аитя А.М.А. Конституционно-правовая ответственность как вид юридической ответственности / А.М.А. Аитя // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 35. – С. 516-526.
3. Осянин О.С. Основания состав конституционно-правовой ответственности / О.С. Осянин // Академическая среда российских университетов. – 2018. – С. 336-340.
4. Павликов, С. Г. Конституционное право : учебное пособие / С.Г. Павликов, И.А. Умнова. - М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
5. Тимин А.А. Конституционно-правовая ответственность: понятие, субъекты и санкции / А.А. Тимин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. – 2020. – № 2 (25). – С. 152-155.
6. Елизаров А.А. Особенности конституционных санкций / А.А. Елизаров // Publishing house «Sreda». – 2022. – С. 166-169.
7. Яценко О.В. Система и виды конституционно-правовых санкций в теории позитивной ответственности / О.В. Яценко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – № 1 (33). – С. 112-114.

ОБ ОСНОВАХ ДИПЛОМАТИИ И ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ

Трубоченко Сергей Алексеевич, 3 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Демидов Геннадий Константинович – научный руководитель, старший преподаватель

Анализируя правовые основы сферы деятельности, касающейся дипломатии можно прийти к выводу о том, что дипломатическое право в основном кодифицировано, а к его источникам относятся международно-правовые положения, содержащиеся в международных соглашениях, обычаях и регламентах. Каждое государство имеет национальную правовую базу, регулирующую вопросы права внешних сношений, при этом, на международном уровне основными источниками дипломатического права выступают: Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Факультативный протокол об обязательном разрешении споров 1961 г., Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г., Конвенция о специальных миссиях 1969 г. и иные акты.

Понятие и особенности современного права внешних сношений. Предметом правового регулирования международного права выступают международные отношения, которые прежде всего являются отношениями между суверенными государствами. Различают международные отношения в различных сферах: политической, экономической, информационной, правовой, информационной и иных. Внешняя политика государства в сфере международные отношений определяет цели, задачи, направления, формы, способы и методы деятельности конкретного государства, определяет общий курс в международных отношениях. Важнейшее средство осуществления внешней политики – дипломатия, которая представляет собой официальную деятельность на международной арене: глав государств, правительств, внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств, специальных делегаций и миссий, дипломатических представительств за рубежом [[1] – С. 155]. Субъектами дипломатического права (права внешних сношений) являются государства и международные межправительственные организации, а также специальные государственные органы и должностные лица, осуществляющие проведение в жизнь государственной политики в рамках права внешних сношений, являются инструментам и выполнения целей и задач субъектов международного права и права внешних сношений. При этом органы и должностные лица внешних сношений создаются самостоятельно каждым субъектом международного права, который наделяет их определенной компетенцией на основе национального законодательства. На сегодняшний день в юридической науке сложились подходы к определению наименования рассматриваемой отрасли. Одни ученые считают, что эту отрасль следует именовать дипломатическим правом, поскольку термин «право внешних сношений» слишком широк, другие используют термин «дипломатическое и консульское право», а третьи считают «право внешних сношений» и «дипломатическое и консульское право» равнозначными категориями. При этом последняя позиция считается самой сбалансированной, поскольку основу отрасли права внешних сношений составляют именно нормы дипломатического права и нормы консульского права. Однако надо иметь в виду, что к ней относятся также нормы, регулирующие деятельность специальных миссий, представительств государств при международных организациях, торговых представительств, международных конференций и иных внутригосударственных и зарубежных представительств государств [[2]]. Формами дипломатической деятельности субъектов международного права являются: непосредственные переговоры; подготовка и заключение международных договоров и соглашений; дипломатическая переписка; участие в международных организациях; освещение внешнеполитических позиций руководства страны для печати; официальное издание международных актов и документов и публикация иной официальной информации. Право внешних сношений включает в себя несколько подотраслей, например, право внутригосударственных органов внешних сношений, право дипломатического протокола. Характерные особенности современного права внешних сношений состоят в том, что: посольское (дипломатическое) и консульское право сливаются в одну отрасль международного права; этим правом регулируется деятельность не только посольств и консульств и их должностных лиц, как это было в прошлом, но и специальных делегаций, направляемых на международные встречи и конференции; к области данной отрасли международного права относится режим представительства при международных организациях, режим деятельности международных должностных лиц и ряд других вопросов.

Источники дипломатического права. Общепризнанно, что основными источниками права внешних сношений являются международный договор и международный обычай. Причем в дипломатическом и консульском праве доминирующими являлись обычные нормы международного права. Начиная с 1961 г. право внешних сношений развивается как договорное. Основным международно-правовым документом, который определяет статус дипломатического представительства, является Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года [[3]]. Она состоит из 53 статей и двух факультативных протоколов об обязательной юрисдикции международного суда и о неприменении законов о гражданстве государства пребывания к сотрудникам дипломатического представительства. Основные направления правового регулирования Венской конвенции 1961 г. заключаются в регламентации порядка установления и прекращения дипломатических отношений, учреждения функций дипломатического представительства, установления трех дипломатических

классов, порядка аккредитации персонала и глав дипломатических представительств. Также в ней утвержден порядок объявления того или иного члена дипломатического представительства персоной нон грата. Согласно статье 48 Венской конвенции 1961 г., ее участниками могут быть только государства-члены ООН или специализированных учреждений, государства-участники Статута Международного Суда, а также другие государства, которые были приглашены Генассамблеей ООН стать участниками Конвенции. Значительная часть данного документа посвящена дипломатическим привилегиям и иммунитетам. К числу наиболее важных привилегий и иммунитетов относится: неприкосновенность помещения, свобода сношения дипломатического представительства со своим государством, неприкосновенность дипломатической почты и ряда других [4]. Персонал дипломатического представительства и члены их семей пользуются правом неприкосновенности личности, жилища, иммунитетом от юрисдикции государства пребывания. Обслуживающий персонал представительства пользуется иммунитетом в отношении действий, совершенных им при исполнении своих служебных обязанностей, и освобождается от налога с доходов. Государство пребывания должно либо оказать содействие аккредитующему государству в приобретении на своей территории, согласно своим законам, помещений, необходимых для его представительства, либо оказать помощь аккредитующему государству в получении помещений каким-либо иным путем, а также, в случае необходимости, оказать помощь представительствам в получении подходящих помещений для их сотрудников (ст. 21 Венской конвенции 1961 г.). Нормы национального законодательства закреплены в таких нормативных правовых актах как законы РФ о системе государственной службы, о государственной гражданской службе, об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе МИДа. Среди подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, можно выделить Указы Президента РФ о вопросах МИДа, о координирующей роли МИДа в проведении единой внешнеполитической линии, а также Постановления Правительства РФ о вопросах финансового и материального положения МИДа, о порядке предоставления дополнительных гарантий сотрудникам дипломатической службы, работающим в иностранных государствах со сложной общественно-политической обстановкой и в государствах, которые находятся в условиях чрезвычайного положения или в состоянии вооруженного конфликта.

Понятие, функции и виды дипломатических представительств. История возникновения дипломатических представительств (посольств) на постоянной основе уходит корнями в средние века, точнее, к середине XV века. Дипломатические отношения между двумя сторонами осуществляются посредством функционирования дипломатических представительств или иных специальных миссий на постоянной основе. Дипломатическое представительство представляет орган внешних сношений, находящийся за рубежом, для поддержания постоянных официальных контактов между двумя государствами. Дипломатическое представительство учреждается на основе взаимного соглашения между государством аккредитующим и государством пребывания. Международное право выделяет следующие виды дипломатических представительств: посольство представляет собой дипломатическое представительство государства в столице страны пребывания; возглавляется Чрезвычайным и Полномочным Послом; миссия представляет собой постоянное представительство, возглавляемое полномочным посланником или поверенным в делах; иные представительства. Стоит отметить, что все вышеперечисленные виды дипломатических представительств обладают официальным правовым статусом. Более того, в настоящее время практически все дипломатические представительства имеют схожую структуру и выполняют одинаковые функции. Согласно Венской конвенции 1961 г. (ст.3), функции дипломатического представительства состоят в: представительстве аккредитующего государства в государстве пребывания; защите в государстве пребывания интересов аккредитующего государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом; ведении переговоров с правительством государства пребывания; выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщении о них правительству аккредитующего государства; поощрении дружественных отношений между аккредитующим государством и государством пребывания и в развитии их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки. Также положения данной конвенции закрепляют неприкосновенность помещений представительства, их документов, архивов и т. п., что указывает на то, что дипломатические представительства находятся под правовой защитой. Основаниями для прекращения деятельности дипломатического представительства могут являться: прекращение существования государства, как аккредитующего, так и государства пребывания; прекращение дипломатических отношений между государствами. Выделяют, как правило, три группы персонала дипломатического представительства: дипломатический персонал, в состав которого входят послы, посланники, дипломаты, их представители, заместители, секретари и другие; административно-технический персонал, который, как правило, состоит из архивистов, бухгалтеров и другие; обслуживающий персонал, включающий в себя охранников, уборщиков, дворников и т. д. [5]. Согласно международному праву, класс, к которому должен принадлежать глава дипломатического представительства, определяется исключительно соглашением между двумя государствами. Штат сотрудников дипломатического представительства определяется обычно спецификой отношений со страной пребывания, а также возможностью определенного числа сотрудников выполнять все поставленные перед ними задачи. При этом дипломатическое представительство государств в стране пребывания как правило состоит из специализирующихся по выполняемым функциям отделов, в том числе: политического; экономического; двусторонних отношений; печати; культурных связей; консульского; военного(включая военного атташе; канцелярии. При этом стоит заметить, что в дипломатических представительствах под видом

сотрудников могут неофициально осуществлять деятельность сотрудники разведывательных структур, занимая при этом официальные должности.

Дипломатические привилегии и иммунитеты. Теоретическое обоснование необходимости предоставления дипломатических привилегий и иммунитетов является самым актуальным и сложным вопросом, связанным с иммунитетами и привилегиями дипломатических представительств и их персонала. Одним из важнейших институтов дипломатического права являются дипломатические привилегии и иммунитеты, которыми обладают как отдельные сотрудники дипломатического представительства, так и представительство как государственный орган. Термин «дипломатический иммунитет» нужно понимать как предоставление дипломату преимуществ, необходимых для эффективного выполнения своих должностных обязанностей, которое заключается в изъятии их из юрисдикции страны пребывания. Анализ природы дипломатических привилегий и иммунитетов убедительно свидетельствует, что в основе происхождения привилегий лежит, прежде всего, вежливость, а в основе происхождения иммунитетов – обычай. Постепенно дипломатические привилегии и иммунитеты получили договорной характер, конвенционное закрепление. В настоящее время институт дипломатического иммунитета регулируется международным обычаем, урегулированным Венской конвенцией о дипломатических сношениях. Двусторонние соглашения, подписание которых предусмотрено положениями Венской конвенции 1961 г.(п. «б» ст. 47), регулируют отдельные аспекты правового положения и статуса дипломатических представительств и их персонала. По этому пункту государства имеют возможность ограничивать и расширять дипломатические привилегии и иммунитеты в отношениях друг с другом по принципу взаимности. При этом получение дипломатического иммунитета и предоставление привилегий в международной практике обеспечивают принципы: взаимности (дипломатические привилегии и иммунитет предоставляются на взаимной основе); альтернативности (иммунитет и предоставление привилегий — это право, а не обязанность государства пребывания); функциональной необходимости (исходит из необходимости создания дипломатического представительства в стране пребывания надлежащих условий для эффективного выполнения дипломатических функций). Полный перечень дипломатических иммунитетов и привилегий определен в положениях Венской конвенцией 1961 г. (ст. ст. 22, 23, 24, 27-37). Также дипломатический иммунитет рассматривается как исключение дипломатического представительства и его сотрудников из юрисдикции относительно принудительных действий со стороны страны пребывания, а дипломатические привилегии – это льготы и особые преимущества, ими обладают дипломатические представительства и их сотрудники, по сравнению с гражданами страны пребывания [6]. Согласно положениям Венской конвенции 1961 г. (ст. 22), помещения представительства неприкосновенны, а предметы их обстановки и другое имущество, которое там находится, а также средства передвижения представительства пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий. То есть помещению дипломатического представительства и его территории в стране пребывания предоставляется режим экстерриториальности (особый правовой режим). Следует отметить, что помещения дипломатического представительства должно использоваться только по функциональному назначению. Дополняется дипломатический иммунитет предоставлением следующих привилегий, среди которых: фискальные привилегии (освобождение от уплаты прямых налогов, муниципальных сборов, кроме сборов за отдельные виды обслуживания; сборы, которые получают представительства от выполнения своих обязанностей, не облагаются налогами страны пребывания); освобождение от уплаты пошлины; право поднимать флаг над представительством и над официальной резиденцией, а также право использовать дипломатическую форму в предусмотренных случаях или согласно традициям аккредитующих стран. Среди дипломатических привилегий и иммунитетов выделяют личные привилегии, к таковым привилегиям относятся: неприкосновенность личности дипломата (он не подлежит аресту или задержанию в любой другой форме [6]. Таким образом, можно отметить, что с принятием Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года дипломатическое представительство стало считаться не учреждением при после или посланнике, а органом государства и именно в этом качестве оно наделяется соответствующими привилегиями и иммунитетами. При этом привилегиями и иммунитетами в разном объеме пользуются сотрудники дипломатического представительства, когда дипломатический иммунитет рассматривается как исключение дипломатического представительства и его сотрудников из юрисдикции в отношении принудительных действий со стороны страны пребывания, а дипломатические привилегии представляют собой льготы и особые преимущества, которыми наделяются дипломатические представительства и их сотрудники, по сравнению с гражданами страны пребывания.

В завершении можно отметить, что дипломатические отношения имеют большую историю и правовое регулирование, но на сегодняшний момент нельзя однозначно сводить такую деятельность именно к международно-правовым актам и национальному законодательству. С учетом изменений в информационных технологиях, развитие дипломатических отношений также переходят на другой уровень, имеющий, в свою очередь, как плюсы, так и минусы. Внешняя политика государства в сфере международные отношений определяет цели, задачи, направления, формы, способы и методы деятельности конкретного государства, определяет общий курс в международных отношениях. Важнейшее средство осуществления внешней политики – дипломатия. При этом одним из важнейших институтов дипломатического права являются дипломатические привилегии и иммунитеты, которыми обладают как отдельные сотрудники дипломатического представительства, так и представительство как государственный орган. Взаимодействие между странами на

международном уровне обеспечивает им взаимовыгодное сотрудничество в большинстве областей общественной жизни, а установление дипломатических отношений, создание и функционирование дипломатических представительств являются составными элементами этого процесса. Важно заметить, что оба субъекта дипломатических отношений должны в равной степени способствовать плодотворной работе.

Список литературы

1. Абашидзе, А.Х. Международное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Н.Д. Эриашвили, Д.Д. Шалягин, Ю.А. Кузнецов [и др.]; под ред. А.Х. Абашидзе, К.К. Гасанова // 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА. – 2018. – 519 с.
2. Лазутин, Л.А. Международное право: учебник / отв. ред. Л.А. Лазутин, Ю.С. Безбородов, М.А. Лихачев // М.: Норма: ИНФРА-М. – 2023. – С. 275.
3. Венская конвенция о дипломатических (Вена, 18 апреля 1961 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР от 29.04.1964 г. – М. – 1970. – Выпуск XXIII. – ст. 48.
4. Киченина, В.С. Правовые основы дипломатии и дипломатических отношений / В.С. Киченина // Юридическая наука. – 2019. – № 6. – С. 37-39.
5. Юдакова, Т.Н. К вопросу о международно-правовом статусе дипломатических представительств / Т.Н. Юдакова, М.В. Колмогоров // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. – Санкт-Петербург. – 2021. – С. 667–670.
6. Богушева, А.Н. Иммунитеты и привилегии дипломатических представительств и их сотрудников в современных международных отношениях / А.Н. Богушева, А.Н. Полькина // Новые направления научной мысли. – Ростов-на-Дону: «РИНХ». – 2018. – С. 66-69.

ИНСТИТУТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Тур Илья Андреевич, 1 курс, юридический факультет
Новосибирский государственный аграрный университет
Прошин Владимир Алексеевич - научный руководитель, кандидат исторических наук, доцент

В настоящее время (когда число общемирового населения превышает 8 миллиардов человек [1]) юристы и обыватели с каждым годом все больше сталкиваются с беспрецедентными по своим масштабам процессами общемировой интеграции с одной стороны – создаются новые международные структуры, укрепляются отношения между странами и нациями – так и серьезной деградацией транснациональных правовых структур [2] и возрождением многополярности мира с другой. После 2-х мировых войн предыдущие поколения усиленно занимались строительством прорывных по масштабу начинаний, охраняющих миропорядок и объединений, развивающих международное сотрудничество. На тот момент еще далеко не весь мир можно было назвать в полной мере демократичпеским, ориентированным на права личнотси и каждого человека. Однако, с 1945 года ситуация сплочения стран и народов, их общего сотрудничества и политическая ситуация в целом циклически меняется – на теории цикликстики строят свои исслоедования А.Е. Кулинкович, В.Е. Кулинкович. И.В. Черников полагает, что «важнейшая функция современной науки – прогнозирование наименее опасных путей в будущее – может быть реализована только с привлечением достижений одного из древнейших познавательных направлений, которое изучает периодические явления в природе и обществе и с середины прошлого века называется циклистикой» [3]. Схожего мнения придерживается исследователь А.В. Логинов [4]. Собственно, именно через пик политического цикла сегодня проходит мировая политика и общество в целом. Все более остро в свете событий в Сирии, Ираке, Афганистане, гибридной войны Украины и Российской Федерации ощущается распад достижений по объединению, в будущем на наши плечи ляжет тяжелая и кропотливая работа по восстановлению международного права, нового объединения мира. В достижении этой цели может очень серьезно помочь естественное право, которое как не парадоксально, все еще разрознено. В связи с этим актуальным и сегодня является вопрос о рецепции римского права и римской культуры вообще [5] и естественного права (Ius naturale) как первого систематизированного и четко закрепленого права древних римлян, относящегося ко всем людям и животным, в частности.

Вместе с тем идея естественного права как такового появилась задолго до римлян – у греков. О различиях «естественного» и «искуственного», «справедливого» и «несправедливого» писал в своих трудах еще Демокрит, при чем его взгляд вполне укладывается в современное представление о естественном праве: «То, что считается справедливым, не есть справедливое; несправедливо же то, что противно природе» [6. С. 152]. После него уже вопросами более конкретными занимались философы-софисты, «безгосударственной» точки зрения придерживались киники, считавшие общество неестественным состоянием для человека, они доказывали наличие у человека естественных прав, которыми он обладает благодаря своей природности и наличию разума. В связи с этим следует отметить, что и сегодня право естественное следует понимать как умысел человека, но вместе с тем и природы в значении базового начала. Естественное право как некая отдельная категория устоялось в римском праве, как мы можем понимать, уже если не во времена республики, то как минимум Гая – заслуженного гения юридической мысли. Он писал так: «Все народы, которые управляются законами и обычаями пользуются частью своим собственным правом, частью общим правом всех

людей…» [7]. Однако у автора мы не наблюдаем здесь отсылки на распространенное понимание «природного» и само собой выданного человеку права, права естественного у него нет как такового. Дигесты Юстиниана подтверждают эту мысль, называя право, установленное разумом, правом народов, ссылаясь как раз на Гая (а на них, по всей видимости, стоит опираться как на ценнейший сборник римского права и правопонимания, дошедший до нас) [8. С. 83]. В Дигестах трактовка ius naturale приводится по Ульпиану – это то, которому природа научила всё живое.

Комментируя приведенное выше, стоит привести, пожалуй, мнение известного русского юриста XIX века С.А. Муромцева. Доктор права в целом придерживался концепции четкого исторического развития права, в своих работах он отмечает, что трактовка появления естественного права с точки зрения чего-то само-собой разумеющегося не является верной, а «авторитетом природы, стоящим выше всех возможностей человеческих авторитетов, прикрывалась произвольная деятельность римского претора, подкопавшегося под освященный веками свод старого права и обычая» [9]. Однако не следует вступать в долгие рассуждения, согласившись лишь с тем, что само правопонимание римлян предусматривало развитие права как данного разумом человека блага (с этой точки зрения можно назвать разум «природой»), поскольку это только поможет нам в исследовании.

Перейдем к анализу самой сути права, представленного в правовых актах. В литературе справедливо отмечено, что четкого списка перечня естественных и неотъемлемых прав человека объективно не существует. Ситуация меняется в соответствии с местом и временем. В нашем сравнении современность могут представлять статьи «Всеобщей декларации прав человека» (далее – ВДПЧ), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, поскольку ООН является всемирной организацией, юрисдикцию которой невозможно не признать де-факто, то есть на деле, как наиболее подходящий, выбран казуальный вид анализа – в статистике его еще называют причинно-следственным. ВДПЧ всего содержит 30 статей, некоторые из них по смыслу схожи, при этом нельзя сказать, что они (в каком бы то ни было объеме) точно совпадут с естественными правами в римском праве [10].

- Статья 1 (О равенстве и свободе по праву рождения) – в римском праве признавались отношения рабства (право народов), хотя в Дигестах

Юстиниана содержится упоминание равенства по праву рождения;

- Статьи 2, 7 (Об общности прав) – Согласно п. 8 титула III книги первой Дигест право устанавливается общим образом, одновременно с этим правоспособность далее зависит от многих факторов, в том числе от происхождения;
- Статьи 3-6 – Римское право здесь серьезно расходится с правом современным;
- Статья 8 (Восстановление нарушенного права) – Институту
- восстановления нарушенного права в Римском праве посвящено множество норм (хотя они по своей сути и не всецело относятся к естественному праву);
- Статья 9 (О запрете произвола) – произвол в Риме также запрещался, хотя принцепс стоял выше закона и не подчинялся ему;
- Статья 10 (О справедливости суда) – Римляне активно пользовались понятием справедливости, более того, сама естественность порой сопряжена с чем-то очевидным, справедливым;
- Статья 11 (Презумпция невиновности и обратная сила закона) – Модестин отмечает, что закон следует толковать в пользу благополучия людей, в целом римляне придерживались этого пути, вину человека следовало доказать, а закон имел обратную силу часто в положительном смысле;
- Статьи 12 и 16 (В части про семейную жизнь и брак) – институт брака в римском праве был в непосредственном ведении естественного права, к тому же он должен был быть добровольным, как и по ВДЧП;
- Статьи 12-16 – наблюдается тот же феномен что и в статьях 3-6 – отчасти некоторые из норм имеют схожий смысл с нормами римского права, но чисто практически не могли распространяться на все население, а некоторые вовсе не могли существовать.
- Статья 17 (О совместном владении имуществом и об имуществе вообще) – институт принадлежности и владения имуществом во многом восходит к нормам естественного права (что упоминается и в Дигестах);
- Статья 18, 19 (О свободе мысли, слова, совести и религии) – римляне

относились к отличным от «эталонной» религиям довольно особенно (перенимали некоторые особенности этих верований).

Перечисленные выше нормы дают основание понять как соотносятся

современное и римское естественное право. Статьи 20 и 21 содержат положения о свободе собраний и участии в управлении страной. Феномен народных собраний был развит в Риме и особенно актуален до времен принципата и домината, полномочия сената, например, по книге первой титулу III пункту 9 вообще не имели сомнения («Нет сомнения, что сенат может творить право»), а все самособоразумеющееся у римлян часто относилось к естественным нормам.

Итак, римское право было не эксклюзивным римском институтом, однако

собственное римское право представало как продукт особого правопонимания, оно не было однозначно всеобщим, было нацелено на урегулирование конкретных отношений (которые присущи всем живым

существам), оно документально не затрагивало многие аспекты, которые представлены в современном естественном праве. В связи с этим можно предположить, что римляне вообще не стремились закреплять естественные права, иногда, вероятно, считали их тождественными очевидным принципам разумности и справедливости. Нормы ius naturale вряд ли дадут что-то новое для современных норм естественного права, однако целесообразно дальнейшее исследование правопонимания римлян в целом.

Список литературы

1. Current World Population // Worldmeter URL: https://www.worldometers.info/world-population/ (дата обращения: 16.04.2023).
2. Умнова-Конюхова И.А. Право мира и право безопасности на рубеже XX-XXI столетий: проблемы институционализации и развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. - Серия 4.
3. Государство и право: Реферативный журнал.- 2023.- № 1. - С. 7-28.
4. Черников И.В. Хлебников и современная циклистика URL: www.avantgarde. narod.ru/beitraege/bu/doski/ic.htm (дата обращения: 07.03.2023).
5. Логинов А.В. Политическая циклистика и систематика: определение, содержание, практическое применение // Наука и современность, 2012. №. 16- С. 196-204.
6. Прошин В.А. Рецепция как феномен римского права и римской культуры //
7. Рецепция римского права. Общие принципы и современность: III Евразийский семинар по римскому праву: III Seminario Eurasiatico di diritto romano (Омск, Россия, 10-14 сентября 2019 г.): сб. науч. тр. / под ред. С.Н. Бабурина.-М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021 - С. 400-407.
8. Цит. по: Дынник М.А. Материалисты Древней Греции. - М.: Госполитиздат, 1955. - 240 с.
9. Гай. Институции: Кн. 1-4. Пер. [с латин.] Ф. Дыдынского : Юристъ, 1997. - 361 с.
10. Дигесты Юстиниана. Том I. Книги I-IV. / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л.Л. Кофанов. – М.: «Статут», 2002. 584 с.
11. Ющенко Н. В.. "С. А. Муромцев о доктрине естественного права // Управленческое консультирование. - 2009. - №. 2. С. 205-220.
12. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (принята на третьейсессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III)) // Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 1. С. 206–212.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

Демарев М.С.
О правовой природе Совета Европы, структуре и проблемах организации деятельности 3

Житина В.С.
Некоторые проблемы квалификации убийства, совершенного общеопасным способом 7

Матаров Б.Д.
О евразийском экономическом союзе, его правовой природе и
проблемных вопросах его становления в современности 10

Овчинников А.В.
Проблемные аспекты правового регулирования осуществления
образовательного процесса в высших учебных заведениях 14

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ» 16

Айгадарова А.Г.
Тактические особенности осмотра места происшествия 16

Алиев Ш.А., Медведева В.Д.
Проблемы применения в уголовном процессе видео-конференц-связи 18

Альшанская Е.М
Некоторые проблемы квалификации клеветы 19

Анисимов Д.А.
Понятие, правовая и социальная характеристика таможенной преступности 22

Арчибасов А.М.
Судебный контроль как гарантия конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу ОРД 23

Аскарова Л.Р.
Убийство матерью новорожденного ребенка. Некоторые проблемы квалификации 25

Бажева Д.В.
Управление транспортным средством лицом, не имеющим водительского удостоверения:
перспективы криминализации в России 28

Безгодов М.В.
Некоторые вопросы конфискации имущества лиц, выехавших за границу
в связи со специальной военной операцией 29

Белоусова Е.Е.
Некоторые организационные и правовые проблемы проведения оперативного эксперимента 31

Белоусова Е.Е.
Проблемы определения значительного ущерба при квалификации хищения 33

Блинов Н.В.
Проблемы оперативно-розыскной деятельности в сети интернет 34

Босова Е.В.
Некоторые аспекты уголовной ответственности за кражу с банковского счёта,
а равно в отношении электронных денежных средств 36

Босова Е.В.
Соотношение и взаимодействие социального и биологического в структуре лиц,
совершивших преступление 39

Боярова Д.А.
Конфискация имущества лиц, покинувших РФ в связи со специальной военной операцией 40

Волков А.Р.
Криминологический портрет преступника, совершившего преступление против жизни 41

Галковская Е.Р.
Дискуссионные вопросы определения субъекта ОРД 45

Галковская Е.Р.
Проблемы юридической квалификации действий сексуального характера,
совершенных путем обмана или злоупотребления доверием 47

Горобец М.К.
Криминологическая характеристика вандализма 49

Громилова Д.О.
Проблемы квалификации убийства мнимо беременной женщины 51

Демарев М.С.
Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности
за публичные действия по дискредитации вооруженных сил РФ и
распространение заведомо ложной информации об их использовании 52

Дотолева В.А.
Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства
и его отграничение от смежных составов 57

Дотолева В.А.
К вопросу о месте криминологии в системе юридических наук 60

Дубинкина А.А.
Криминалистическая характеристика мошенничества,
совершенного с использованием телекоммуникационных технологий 62

Думбадзе А.В.
Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни 64

Емельянова П.С.
Деятельное раскаяние, как основание освобождения от уголовной ответственности 65

Емельянова П.С.
К вопросу о соотношении социального и биологического в личности преступника 67

Ерёмченко А.С.
Особенности квалификации нарушения неприкосновенности жилища 69

Ерёмченко А.С.
Анонимное содействие граждан в решении задач ОРД 71

Жабина Ю.А.
Проблемы отграничения насильственного грабежа от разбоя 73

Жабина Ю.А.
Содержание и проблемы проведения оперативно-розыскное мероприятие
«получение компьютерной информации» 75

Жанадров Д.В.
Проблемы квалификации неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) 77

Житина В.С.

Проблемы использования информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности 79

Житина В.С.
Особенности квалификации убийства, совершенного общеопасным способом 81

Затонская Э.О.
Рецидив преступлений. Вопрос о существовании рецидивной преступности несовершеннолетних 83

Зыкова В.С.
Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих
оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений 85

Зыкова В.С.
Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным
оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов,
а также наркосодержащих растений совершенных
с использованием информационно-телекоммуникационной сети «интернет» 87

Ибе А.А.
Правовое регулирование мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет (Фишинг) 88

Кагаева Р.Н.
Некоторые проблемы проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» 90

Карбовский К.С.
Вопросы государственной защиты участников уголовного судопроизводства 92

Карловская А.В.
Некоторые проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 93

Карловская А.В.
Проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельности 95

Караманова К.Ю.
Некоторые проблемы правового регулирования досрочного освобождения от отбывания наказания 97

Киприн А.С.
Проблемы правовой защиты лиц, содействующих органам оперативно-розыскной деятельности 98

Кирячкова Е.Д., Медведева В.Д.
Уголовная политика в сфере противодействия торговли людьми 100

Киселева О.В.
Проблемы уголовно-правовой квалификации истязания (ст. 117 УК РФ) 102

Киселева О.В.
Проблема использования результатов негласной оперативно-розыскной деятельности
в доказывании по уголовным делам 104

Кобликов А.В.
Институт необходимой обороны и связанные с ним проблемные вопросы 106

Кобликов А.В.
Теоретическая сущность и практическая значимость понятий виктимности,
виктимного поведения и виктимизации личности 108

Коломоец С.С.
К вопросу о характеристике пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания в РФ 110

Коломоец С.С.
Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности
при доказывании по уголовным делам 112

Кузьменков Д.В.
Проблема оценки общественной опасности как признака преступления 115

Кузьменков Д.В.
Проблемные аспекты оперативного внедрения 117

Кулинич А.Е.
Проблемы отграничения неосторожного причинения смерти
от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью,
повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего 119

Лацо К.Д.
Вопрос о привлечении несовершеннолетних к содействию органам,
осуществляющим оперативно-розыскную деятельность 120

Литвинова П.А.
Неосторожная форма вины. Понятие, виды и интеллектуально-волевое содержание 122

Литвинова П.А.
Криминологическая характеристика преступлений против собственности 124

Лоось А.Е.
Уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина – содержание,
проблемы реализации 125

Мамлиева И.В.
Состояние аффекта при совершении преступления 128

Манагарова М.С.
Экономическая преступность на современном этапе 129

Матлахов И.А.
Процессуальное значение применения заключения и показаний специалиста 131

Матросов В.В.
Ксенофобия как криминологическая категория 133

Мельничук М.А.
Криминологические проблемы современной женской преступности в РФ
как части общей преступности 135

Мельничук М.А.
Проблема применения уголовного наказания в виде штрафа к несовершеннолетним 136

Мурзагалиева Ж.Н.
Актуальные проблемы в уголовной ответственности за незаконное
проведение искусственного прерывания беременности 137

Мурзагалиева Ж.Н.
Задачи и формы (направления) оперативно-розыскной деятельности 139

Неупокоева Д.А.
Особенности судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы:
проведение ДНК-анализа 141

Никитин К.В.
История становления административной и уголовной ответственности родителей 143

Нурмиева А.Р.
Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности 145

Ооржак К.Р.
Проблемные вопросы квалификации доведения до самоубийства 146

Ооржак К.Р.
Особенности судебного контроля за ОРД 148

Папаева С.В.
Детерминанты и факторы преступности 150

Пасека Е.Ф.
Некоторые проблемы квалификации кражи безналичных денежных средств 152

Пасека Е.Ф.
Общая криминологическая характеристика групповой и
организованной преступности в Российской Федерации 153

Пасечник А.С.
Некоторые криминологические уголовно-правовые аспекты мошенничества,
совершенного с использованием сети "Интернет" 156

Пасечник А.С.
Понятие преступности, ее признаки и основные показатели 158

Петрякова Е.А.
Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних 160

Пешкова К.Р.
Проблемы применения мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности 162

Пешкова К.Р.
К вопросу о характере насилия при совершении насильственного грабежа и разбоя 164

Полосухин В.А.
Следует ли отменять мораторий на смертную казнь или нет? 165

Руснак В.Е
Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с использование криптовалюты 167

Сайденсаль Я.А.
Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности
при доказывании по уголовным делам 169

Силаев Д.А.
Уголовное преследование как правовой институт уголовно-процессуального права РФ 172

Симаев З.В.
Осуществление ОРД в сфере противодействия киберпреступности 173

Скиренко М.А.
Некоторые проблемы квалификаций доведения до самоубийства 175

Смотраков Д.В.
Перспективы изменения законодательства РФ с учетом иммиграционных потоков
в период СВО и частичной мобилизации 177

Снисаренко И.М.
Криминологические особенности женской преступности 180

Солдатова Ю.П.
Понятия «личность преступника» и «субъект преступления»
и их соотношение в терминологии уголовно-правовых наук 181

Солдатова Ю.П.
Некоторые проблемные вопросы, связанные с ответственностью за кражу
с банковского счета и электронных денежных средств 183

Степанова Я.С.
Проблемы квалификации преступлений против лиц, находящихся в беспомощном состоянии 184

Степанова Я.С.
Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности
в уголовном судопроизводстве 187

Трубицын Д.В.
Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования 188

Усачук А.Н.
Связь криминологии с неюридическими науками 190

Устименко А.С.
Некоторые вопросы связанные с использованием результатов ОРД 192

Устименко А.С.
Проблемы освобождения от уголовной ответственности за похищение человека 193

Хавренко В.В.
Современные криминологические меры предупреждения преступности
и профилактики преступлений в аспекте их системно-правового анализа 195

Хандуева А.Д.
Аффект как признак привилегированного состава преступления:
уголовно-правовой и психологические аспекты 197

Харина Ю.В.
Организованная преступность и искусственный интеллект, взаимоотношение понятий 200

Царькова Я.И.
Криминологическая характеристика групповой и организованной преступности в РФ 202

Шебентова Я.О.
Некоторые проблемы квалификации похищения человека 204

Шебентова Я.О.
Психологический портрет педофила 206

Шемякина В.О.
Некоторые проблемы квалификации халатности 208

Шемякина В.О.
Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности
при доказывании по уголовным делам 210

Штерцер К.Е.
К вопросу о функциях криминологической науки 212

Штерцер К.Е.
Членовредительные телесные наказания в истории обычного права Руси 214

СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ» 217

Алексеев Д.Е.
О доктринах международного частного права и исторических этапах их развития 217

Андриевский С.А., Баранов А.И.

Противодействие экстремизму в социальных сетях ... 221

Архипова К.С.
О проблемах обеспечения гарантий конституционных прав,
путях их решения и механизме охраны Конституции ... 223

Аскарова Л.Р.
О разоружении как одной из составляющих права международной безопасности ... 229

Босова Е.В.
О правовом режиме Арктики проблемах его установления ... 234

Боярова Д.А.
Проблемы защиты жертв войны и международные правовые аспекты их разрешения ... 239

Волков А.Р.
Принятие государственных решений ... 244

Головин А.О.
Распад СССР в современной отечественной и зарубежной литературе ... 246

Добронравов В.В.
Официальная идеология как фактор укрепления российского государства ... 248

Емельянова П.С.
Проблемы определения принципа суверенного равенства государств
в международном праве и их решение ... 250

Ерёмченко А.С.
О правовом статусе субъектов международного частного права
и проблемах его определения ... 253

Ерошина А.В.
Законодательство об административных процедурах современное состояние
и перспективы его развития ... 257

Житина В.С.
О роли международных договоров в процессе формирования
международного частного права ... 258

Жукова К.А.
Проблемы взаимоотношений государственных органов и
органов местного самоуправления и их правовые формы решения ... 262

Затонская Э.О.
Об особенностях конституционно-правовых отношений
и проблеме интерпретации их понятия ... 266

Игонина А.А.
Особенности международно-правовой ответственности
в сфере космической деятельности ... 270

Кабанец А.А.
Защита исторической правды как новелла конституционного законодательства
и условие национальной безопасности государства ... 274

Каримов Д.Е.
Институт военного омбудсмена: перспективы создания в России ... 276

Киселева О.В.
О понятии внешнеэкономической сделки, проблемах и особенностях ее заключения ... 277

Киян А.С.
О проблемах раскрытия конституционно-правового статуса гражданского общества
и правового государства, путях методах их решения 281

Коваль Ю.А, Чертова А.М.
Россия как социальное государство 286

Козловский Д.Ю. , Ортабаев У.К.
Участие Вооруженных Сил России в миротворческих и гуманитарных миссиях
и локальных вооруженных конфликтах 287

Котов А.М.
Борьба с преступностью в подразделениях войск национальной гвардии России 289

Кровотынцев О.Б.
Особенности административных правоотношений 291

Кудренко Н.А.
Административно-правотворческая деятельность Росгвардии 293

Кучеров М.С.
Особенности правотворческой деятельности государственных органов 295

Лебедь Я.П.
О структуре Европейского союза и правовой основе организации его деятельности 297

Летунова Я.А.
Взаимосвязь прав человека с историческими периодами в России 300

Литвинов А.В.
О правовой природе Североатлантического блока, его структуре и организации деятельности 302

Литвинова П.А.
О проблеме влияния международных актов на национальное законодательство
в сфере защиты прав человека и путях ее решения 306

Лутфуллина К.А.
Об Антарктике, ее международно-правовом статусе и общих проблемах его установления 309

Мамедова Б.К.
Проблема определения терроризма в международном праве 313

Меркулов Д.А.
О решениях конституционного суда, значении его правовых позиций,
проблемах применения и путях разрешения 317

Мосин И.В.
Правовое регулирование вопросов терроризма и экстремизма 321

Озманян Х.Э.
Механизмы антикоррупционной политики 323

Орловецкая А.Ю.
О понятии конституционно-правового регулирования экономических отношений,
их содержании, проблемах и путях решения 324

Пасека Е.Ф.
О международных соглашениях в сфере о защиты прав человека и процессах
их воздействия на акты национального законодательства 329

Радченко А.С.
О международно-правовом статусе Антарктики и проблемах его определения 333

Силаев Д.А.
Конфликт интересов на государственной службе 339

Скареднов Н.И.
Историко-правовые аспекты денацификации 341

Скобкарева Е.В.
Об особенностях организации и проведения выборов депутатов в Государственную Думу,
проблемах и путях их решения 343

Смотраков Д.В.
Институциональный аспект государственной политики и управления 346

Смышляева Е.Д.
О видах конституционно-правовых санкций, субъектах ответственности,
проблемах применения и способах их решения 349

Снисаренко И.М.
О понятиях международной преступности, ее видах, составах и проблемах их определения 354

Соловейчук К.В.
О модельных законах Содружества Независимых Государств, статусе,
проблемах их применения и путях решения 358

Соловейчук К.В.
О проблемах применения коллизионных норм и путях их решения 363

Тепишкин М.М.
Принципы производства по делам об административных правонарушениях 367

Тодорова А.Р.
О конституционно-правовых санкциях, субъектах ответственности и
сложностях их определения 369

Трубоченко С.А.
Об основах дипломатии и правовом статусе дипломатических представительств 373

Тур И.А.
Институт естественного права: проблемы теории и практики 376

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ
XVIII ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(27-28 апреля 2023 г.)

Часть 1

В авторской редакции

Компьютерная верстка Оздоева М.М., Блукке Д.Е., Татарникова А.А.

Подписано в печать 31 мая 2023 г.
Формат 60 × 84 1/16, Объем 49,3 уч.-изд. л., 24,3 усп.-п. л.
Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Издательский центр «Золотой колос»
Новосибирского государственного аграрного университета
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова 160, каб. 106
Тел. (383) 267-09-10, e-mail: 2134539@mail.ru